INDIANENSIS UNIVERSITATIS SIGILLUM
MDCCCXX

Полное собраніе сочиненій Львa Николаевича

Толстого.

Томъ IV.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями
П. И. Бирюкова.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1912.

Левъ Николаевичъ Толстой
въ 1862 г.

Педагогическія статьи

трехъ періодовъ:
60-хъ, 70-хъ годовъ
и послѣдняго времени.

Сочиненія и переводы для дѣтей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ настоящемъ томѣ собраны всѣ педагогическія статьи Л. Н., написанныя въ разное время, представляющія большой интересъ для народной педагогики.

Какъ извѣстно, педагогическая дѣятельность Л. Н-ча Толстого проявлялась въ болѣе интенсивномъ видѣ нѣсколько разъ въ теченіе его жизни съ болѣе или менѣе продолжительными перерывами.

Первымъ наиболѣе сильнымъ въ практическомъ отношеніи былъ періодъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, когда у Л. Н-ча была своя школа въ Ясной Полянѣ, цѣлая серія окрестныхъ школъ, которыми онъ руководилъ, педагогическій журналъ «Ясная Поляна», въ которомъ онъ помѣщалъ педагогическія статьи свои и учителей-помощниковъ въ его школьномъ дѣлѣ.

Второй періодъ педагогической дѣятельности Л. Н-ча относится къ началу 70-хъ годовъ. Это, такъ сказать, періодъ подведенія итоговъ его предшествующей дѣятельности. Въ 1872 году онъ выпускаетъ свою «Азбуку», въ 1874 году выступаетъ съ большой статьей въ «Отечественныхъ Запискахъ». Ведетъ полемику о методахъ преподаванія въ Московскомъ Комитетѣ Грамотности, участвуетъ въ опытныхъ школахъ и т. д.

Послѣ пережитаго религіознаго кризиса, выработавъ свое новое міросозерцаніе, Л. Н. снова начинаетъ работать въ педагогической области и даже ведетъ практическія занятія съ крестьянскими ребятами.

Въ этомъ послѣднемъ періодѣ Л. Н. обращаетъ особенное вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе; но въ то же время въ своихъ статьяхъ онъ не чуждъ и самыхъ практическихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, распредѣленіе всего педагогическаго матеріала, вопросовъ о составленіи учебниковъ и проч.

Изученіе всего написаннаго Л. Н-чемъ по вопросамъ образованія и воспитанія имѣетъ, по нашему мнѣнію, огромное значеніе для педагоговъ, и поэтому мы предлагаемъ этотъ сборникъ особому вниманію педагогическаго міра.

П. Б.

ПЕРВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Письмо Л. Н—ча къ Е. П. Ковалевскому.

(Проектъ общества народнаго образованія).

«Вы, можетъ быть, помните, любезный Егоръ Петровичъ, что я ужъ 3-й годъ живу въ деревнѣ и занимаюсь хозяйствомъ. Нынѣшній годъ (съ осени), кромѣ хозяйства, я занимаюсь еще школой для мальчиковъ, дѣвочекъ и большихъ, которую я завелъ для всѣхъ желающихъ. У меня набралось около 50 учениковъ и все прибавляются. Успѣхи учениковъ и успѣхъ школы въ мнѣніи народа неожиданны. Но всего не разскажешь, какъ и почему; надо или книгу написать или самому посмотрѣть. Дѣло вотъ въ чемъ. Мудрость во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, мнѣ кажется, состоитъ не въ томъ, чтобы узнать, что̀ нужно дѣлать, а въ томъ, чтобы знать, что̀ дѣлать прежде, а что̀ послѣ. Въ дѣлѣ прогресса Россіи, мнѣ кажется, что, какъ ни полезны телеграфы, дороги, пароходы, штуцера, литература (со всѣмъ своимъ фондомъ), театры, академіи художествъ и т. д., а все это преждевременно и напрасно до тѣхъ поръ, пока изъ календаря будетъ видно, что въ Россіи, включая всѣхъ будто бы учащихся, учится $^1/_{100}$ доля всего народонаселенія. Все это полезно (академіи и т. д.), но полезно такъ, какъ полезенъ обѣдъ Англійскаго клуба, который весь съѣстъ экономъ и поваръ. Всѣ эти вещи производятся всѣми 70.000.000 русскихъ, а потребляются тысячами. Какъ ни смѣшны славянофилы съ своей народностью и оторванностью et tout le tremblement, они только не умѣютъ называть вещи по имени, а они, нечаянно, правы. Не только намъ, русскимъ, но каждому иностранцу, проѣхавшему 20 верстъ по русской землѣ, должна въ глаза кинуться численная непропорціональность образованныхъ и необразованныхъ или, вѣрнѣе, дикихъ и грамотныхъ. А нечего

и говорить, ежели сравнить отчеты разныхъ европейскихъ государствъ. Впрочемъ, ежели бы въ Англіи приходился 1 дикій на сто, и тогда, навѣрно, общественное зло происходило бы только отъ этого процента дикихъ. Общественное зло, которое у насъ въ привычку вошло сознавать и называть разными именами, большею частью — насиліемъ, деспотизмомъ, что это такое, какъ не насиліе преобладающаго невѣжества? Насиліе не можетъ быть сдѣлано однимъ человѣкомъ надъ многими, а только преобладающимъ большинствомъ, единомышленнымъ въ невѣжествѣ. Только кажется, что Наполеонъ III заключилъ Виллафранкскій миръ и запрещаетъ журналы и хочетъ захватить Савойю, а все это дѣлаютъ Феликсы и Викторы, которые не умѣютъ читать газеты. Однако мои педагогическія привычки увлекли меня, и мнѣ самому смѣшно, что я *вамъ* пресерьезно доказываю, что 2×2=4, т.-е. что насущнѣйшая потребность русскаго народа есть народное образованіе. Образованія этого *нѣтъ*. Оно еще не начиналось и никогда не начнется, ежели правительство будетъ завѣдывать имъ. Что его нѣтъ, это доказывать нельзя, а ежели бы вы были здѣсь, то мы бы сейчасъ обошли всю деревню и посмотрѣли бы, и послушали. Чтобы доказать, что оно не начиналось, мы бы тоже сейчасъ прошли въ школу и я бы вамъ показалъ грамотныхъ, учившихся прежде у поповъ и дьяконовъ. Это одни ученики, которые совершенно безнадежны. Надъ спорами: полезна ли грамотность или нѣтъ, не слѣдуетъ смѣяться. Это очень серьезный и грустный споръ, и я прямо беру сторону отрицательную. *Грамота*, процессъ чтенія и писанія, вредна. Первое, что они читаютъ — славянскій символъ вѣры, псалтырь, заповѣди (славянскіе), второе — гадательную книгу и т. п. Не провѣривъ на дѣлѣ, трудно себѣ представить ужасныя опустошенія, которыя это производитъ въ умственныхъ способностяхъ, и разрушенія въ нравственномъ складѣ учениковъ. Надо побывать въ сельскихъ школахъ и въ семинаріяхъ (я изслѣдовалъ это дѣло), въ семинаріяхъ, которыя доставляютъ педагоговъ въ училища отъ правительства, чтобы понять, отчего ученики этихъ школъ выходятъ глупѣе и безнравственнѣе неучениковъ. Чтобы народное образованіе пошло, нужно чтобы оно было передано въ руки общества. Не стану приводить примѣръ Англіи, самой образованной страны, — самая сущность дѣла говоритъ за себя. Ежели бы правительство бросило всѣ дѣла, закрыло бы всѣ департаменты и комиссіи (и прекрасно бы сдѣлало) и занялось бы однимъ народнымъ воспитаніемъ, и тогда едва ли бы оно успѣло, — потому что механизмъ, усвоенный правительствомъ, помѣшалъ

бы ему, и, главное, потому, что интересы его кажутся отдаленными (въ сущности, это одинъ его интересъ) отъ народнаго образованія. Общество же должно успѣть, потому что интересы его непосредственно связаны съ степенью образованія народа, потому что, лишенныя всѣхъ насильственныхъ средствъ, дѣйствія общества будутъ сообразоваться только съ потребностью народа, которая выразится въ филантропическомъ или денежномъ успѣхѣ предпріятія, въ степени удовлетворенія народной потребности будутъ постоянно имѣть повѣрку своихъ дѣйствій. Но я опять, кажется, доказываю дважды два. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, существуетъ ли потребность образовывать и образовываться. Для меня это вопросъ рѣшенный. Полгода моей школы породили три такихъ же въ околоткѣ, и вездѣ успѣхъ былъ одинаковый. Дѣло вотъ въ чемъ: чтò скажетъ правительство, ежели ему представить слѣдующій проектъ:

«Общество народнаго образованія (или болѣе скромное названіе) имѣетъ цѣлью распространеніе образованія въ народѣ.

«Средства Общества будутъ состоять изъ взноса членовъ по 100 или $^0/_0$ рублей, изъ платы учениковъ (гдѣ это возможно), изъ выручки за изданія Общества и изъ пожертвованій.

«Дѣйствія Общества будутъ состоять:

«1) Въ изданіи журнала, состоящаго изъ отдѣла собственно педагогическаго (о законахъ и способахъ первоначальнаго преподаванія), отдѣла первоначальныхъ руководствъ для учителей и чтеній для учениковъ и отдѣла свѣдѣній о дѣйствіяхъ Общества.

«2) Въ учрежденіи школъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ нѣтъ и гдѣ чувствуется въ нихъ потребность.

«3) Въ составленіи курса преподаванія, въ назначеніи учителей, въ надзорѣ за преподаваніемъ, за хозяйственнымъ учетомъ, вообще за управленіемъ такихъ школъ.

«4) Въ надзорѣ за преподаваніемъ въ тѣхъ школахъ, гдѣ учредители того пожелаютъ.

«До сихъ поръ Общество это составляю я одинъ. Но говорю вамъ безъ фразы, что, возможно будетъ или нѣтъ такое Общество, я положу все, что могу, и всѣ свои силы на исполненіе этой программы. Нечего говорить, что навѣрно мои мысли односторонни, и что общество, занявшись имъ, многое измѣнитъ и прибавитъ, но ежели бы это могло только собрать силы многихъ къ одной цѣли. Вы-то помогите мнѣ, любезный другъ, Егоръ Петровичъ. Я на дурномъ счету у правительства. Отъ меня это никакъ не должно идти, а поговорите или составьте

изъ этого получше записку и покажите Евграфу Петровичу. (Я вамъ прямо задаю дѣло потому, что знаю впередъ, что не можете всей душой не сочувствовать этому.) Ежели бы я узналъ навѣрно, что правительство разрѣшитъ это Общество, то я бы поработалъ серьезнѣе надъ составленіемъ самаго проекта и подалъ бы его отъ другого лица. Есть въ Тулѣ директоръ гимназіи Гаяринъ (вашъ братъ его знаетъ), замѣчательный человѣкъ, которому я нонче сказалъ о своемъ намѣреніи. Я надѣюсь, что онъ не отказался бы подать отъ себя. Во всякомъ случаѣ, у васъ дѣло въ хорошихъ рукахъ. Подайте ли прямо, переписавъ и передѣлавъ эту записку (объ Обществѣ), или позондируйте, гдѣ слѣдуетъ, и напишите мнѣ, разсказавъ, какъ надо поступать; одно только, на обыкновенную удочку правительства, заставить подробно изложить проектъ, курсъ преподаванія и т. д. и потомъ сказать — нельзя, я на эту удочку не поддамся. Мнѣ мое время дорого (и съ гордостью могу сказать, дорого и для 100 мальчиковъ). Кромѣ школы у себя, у брата, я готовлю большую статью о педагогіи, которая не будетъ годиться въ проектъ для правительства, позволятъ или нѣтъ, а я хоть одинъ, а все буду составлять тайное общество народнаго образованія. Нѣтъ, безъ шутокъ, ежели бы Общество оказалось невозможнымъ, то я все-таки намѣренъ издавать журналъ, о которомъ пишу въ проектѣ Общества. Позондируйте почву и объ этомъ напишите, пожалуйста: разрѣшатъ ли журналъ съ моимъ именемъ, какъ редактора. И какъ, въ какой формѣ, кому нужно подать объ этомъ, и что такое. Какъ мнѣ ни нужно быть здѣсь, я бы пріѣхалъ въ Петербургъ, ежели для успѣха дѣла мое присутствіе могло бы быть необходимо. И какъ подумаешь, что почти навѣрно вы мнѣ отвѣтите: «видно, что вы, Левъ Николаевичъ, сидите въ деревнѣ, что съ такими проектами суетесь». Какъ подумаешь, отчаяніе находитъ. И чего можетъ бояться правительство? Развѣ можно въ свободной школѣ учить тому, чего не слѣдуетъ знать? У меня бы ни одного человѣка не было въ школѣ, ежели бы я заикнулся о томъ, что мощи не есть такая же святыня, какъ Самъ Богъ. Но это не мѣшаетъ имъ знать, что земля — шаръ и что 2×2=4. Ну, что̀ будетъ, то будетъ; только поскорѣе, какъ можно поскорѣе, извѣстите меня. Будьте здоровы, не грустите и дай Богъ вамъ всего лучшаго. Отъ души жму вашу руку.

Вашъ Л. Толстой».

12 марта 1860 года.
Ясная Поляна.

Къ публикѣ[1]).

Выступая на новое для меня поприще, мнѣ становится страшно и за себя и за тѣ мысли, которыя годами вырабатывались во мнѣ и которыя я считаю за истинныя. Я напередъ убѣжденъ, что многія изъ этихъ мыслей окажутся ошибочными. Какъ бы я ни старался изучать предметъ, я невольно смотрѣлъ на него съ одной стороны. Надѣюсь, что мои мысли вызовутъ противныя мнѣнія. Всѣмъ мнѣніямъ я съ удовольствіемъ дамъ мѣсто въ своемъ журналѣ. Одного я боюсь: чтобы мнѣнія эти не выражались желчно, чтобы обсужденіе столь дорогого и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, въ личности, въ журнальную полемику.

Я не скажу, что насмѣшки и личности не могутъ меня затронуть, что я надѣюсь стоять выше ихъ. Напротивъ, я признаюсь, что боюсь за себя одинаково, какъ боюсь и за самое дѣло; боюсь увлеченія полемикой личной, вмѣсто спокойной и упорной работы надъ своимъ дѣломъ.

Поэтому я прошу всѣхъ будущихъ противниковъ моихъ мнѣній выражать свои мысли такъ, чтобы я могъ объясниться и приводить доказательства тамъ, гдѣ несогласіе будетъ зависѣть отъ недоразумѣній, и могъ бы соглашаться тамъ, гдѣ мнѣ будетъ доказана несостоятельность моихъ мнѣній.

---

1) При первомъ номерѣ журнала «Ясная Поляна».

О народномъ образованіи.

Статья I-я.

Народное образованіе всегда и вездѣ представляло и представляетъ одно, непонятное для меня, явленіе. Народъ хочетъ образованія, и каждая отдѣльная личность безсознательно стремится къ образованію. Болѣе образованный классъ людей— общества, правительства — стремится передать свои знанія и образовать менѣе образованный классъ народа. Казалось, такое совпаденіе потребностей должно было бы удовлетворить какъ образовывающій, такъ и образовывающійся классъ. Но выходитъ наоборотъ. Народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство, какъ представители болѣе образованнаго сословія, и усилія эти, большею частью, остаются безуспѣшными. Не говоря о школахъ древности — Индіи, Египта, древней Греціи и даже Рима, устройство которыхъ намъ такъ же мало извѣстно, какъ и народное воззрѣніе на эти учрежденія, явленіе это поражаетъ насъ въ европейскихъ школахъ со временъ Лютера до нашего времени.

Германія, родоначальница школы, почти 200-лѣтней борьбой не успѣла еще покорить противодѣйствія народа школѣ. Несмотря на назначенія заслуженныхъ солдатъ-инвалидовъ въ учителя Фридрихами, несмотря на строгость закона, 200 лѣтъ существовавшаго, несмотря на приготовленіе учителей самаго новаго фасона въ семинаріяхъ, несмотря на все чувство покорности закону нѣмца, принудительность школы еще до сей поры всею силою тяготѣетъ надъ народомъ; нѣмецкія правительства не рѣшаются уничтожить законъ обязательности школъ. Германія можетъ гордиться только образованіемъ народа по статистическимъ свѣдѣніямъ, народъ же попрежнему большею частью выноситъ изъ школы только отвращеніе къ школѣ. Францція, несмотря на переходы образованія изъ рукъ короля къ директоріи и изъ рукъ директоріи въ руки духовенства, такъ же мало успѣла въ дѣлѣ народнаго образованія,

какъ и Германія, и еще меньше, говорятъ историки образованія, судящіе по офиціальнымъ отчетамъ. Во Франціи серьезные государственные мужи предлагаютъ еще теперь, какъ единственное средство побѣдить противодѣйствіе народа, — введеніе закона принужденія. Въ свободной Англіи, гдѣ не могло и не можетъ быть мысли введенія такого закона — о чемъ многіе, однако, соболѣзнуютъ, не правительство, а общество всѣми возможными средствами боролось и борется по сіе время съ еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, выражающимся противодѣйствіемъ народа школамъ. Школы вводятся тамъ отчасти правительствомъ, отчасти частными обществами. Громадное распространеніе и дѣятельность этихъ религіозно-филантропически-образовательныхъ обществъ въ Англіи лучше всего доказываютъ ту силу отпора, которую встрѣчаетъ тамъ образовывающая часть народа. Даже новое государство, Сѣверо-Американскіе Штаты не обошло этой трудности и сдѣлало образованіе полупринудительнымъ. Что и говорить о нашемъ отечествѣ, гдѣ народъ еще большею частью озлобленъ противъ мысли о школѣ, гдѣ образованнѣйшіе люди мечтаютъ о введеніи нѣмецкаго закона школьнаго принужденія, и гдѣ всѣ школы, даже для высшаго сословія, существуютъ только подъ условіемъ приманки чина и вытекающихъ изъ него выгодъ. До сихъ поръ дѣтей вездѣ почти силою заставляютъ идти въ школу, а родителей, строгостью закона или хитростью — предоставленіемъ выгодъ, заставляютъ посылать своихъ дѣтей въ школу; а народъ самъ собой вездѣ учится и считаетъ образованіе благомъ.

Что жъ это такое? Потребность образованія лежитъ въ каждомъ человѣкѣ; народъ любитъ и ищетъ образованія, какъ любитъ и ищетъ воздуха для дыханія. Правительство и общество сгораютъ желаніемъ образовать народъ, и, несмотря на все насиліе, хитрость и упорство правительствъ и обществъ, народъ постоянно заявляетъ свое недовольство предлагаемымъ ему образованіемъ и, шагъ за шагомъ, сдается только силѣ.

Какъ при каждомъ столкновеніи, такъ и при этомъ нужно было рѣшить вопросъ: что болѣе законно, противодѣйствіе или самое дѣйствіе; нужно ли сломить противодѣйствіе, или измѣнить дѣйствіе?

До сихъ поръ, сколько можно было видѣть изъ исторіи, вопросъ былъ рѣшаемъ въ пользу правительства и образовывающаго общества. Противодѣйствіе признавалось незаконнымъ, въ немъ видѣлось начало зла, присущее человѣчеству, и, не отступая отъ своего образа дѣйствія, то-есть не отступая отъ той формы и отъ того содержанія образованія, которымъ

владѣло общество, оно употребляло силу и хитрость для уничтоженія противодѣйствія народа. Народъ медленно и неохотно до сихъ поръ покорялся этому дѣйствію.

Должно быть, образовывающее общество имѣло какія-нибудь основанія для того, чтобы знать, что образованіе, которымъ оно владѣло въ извѣстной формѣ, было благо для извѣстнаго народа и въ извѣстную историческую эпоху.

Какія же эти основанія? Какія имѣетъ основанія школа нашего времени учить тому, а не этому, учить такъ, а не иначе?

Всегда и во всѣ вѣка человѣчество пыталось дать и давало болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, и въ наше время отвѣтъ этотъ еще болѣе необходимъ, чѣмъ когда-нибудь. Китайскаго мандарина, не выѣзжавшаго изъ Пекина, можно заставлять заучивать изреченія Конфуція и палками вбивать въ дѣтей эти изреченія. Можно было это дѣлать и въ средніе вѣка, но гдѣ же взять въ наше время ту силу вѣры въ несомнѣнность своего знанія, которая бы могла намъ дать право насильно образовывать народъ? Возьмите какую угодно средневѣковую школу, до или послѣ Лютера, возьмите всю ученую литературу среднихъ вѣковъ, — какая сила вѣры и твердаго несомнѣннаго знанія того, чтò истинно и чтò ложно, видна въ этихъ людяхъ! Имъ легко было знать, что греческій языкъ — единственное, необходимое условіе образованія, потому что на этомъ языкѣ былъ Аристотель, въ истинѣ положеній котораго никто не усомнился нѣсколько вѣковъ послѣ. Какъ было монахамъ не требовать ученія священнаго писанія, стоявшаго на незыблемыхъ основаніяхъ? Хорошо было Лютеру требовать непремѣннаго изученія еврейскаго языка, когда онъ твердо зналъ, что на этомъ языкѣ Самъ Богъ открылъ истину людямъ. Понятно, что, когда критическій смыслъ человѣчества еще не пробуждался, школа должна была быть догматическая; что естественно было ученикамъ заучивать наизусть истины, открытыя Богомъ и Аристотелемъ, и поэтическія красоты Виргилія и Цицерона. Ни истины, болѣе истинной, ни красоты, болѣе красивой, никто нѣсколько вѣковъ послѣ не могъ себѣ представить. Но какое положеніе школы нашего времени, оставшейся на тѣхъ же догматическихъ принципахъ, когда рядомъ съ классомъ заучиванія истины о безсмертіи души ученику стараются дать уразумѣть, что нервы, общіе человѣку и лягушкѣ, суть то, чтò называли прежде душою; когда послѣ исторіи Іисуса Навина, переданной ему безъ объясненій, онъ узнаетъ, что солнце никогда не ходило вокругъ земли; когда послѣ объясненія красотъ Виргилія онъ находитъ красоты

Александра Дюма, проданныя ему за пять сантимовъ, гораздо большими; когда единственная вѣра учителя состоитъ въ томъ, что ничего нѣтъ истиннаго, что все, что̀ существуетъ, то разумно, что прогрессъ есть добро, и отсталость — зло; когда никто не знаетъ, въ чемъ состоитъ эта всеобщая вѣра прогресса?

Сравните послѣ всего этого догматическую школу среднихъ вѣковъ, въ которыхъ истины несомнѣнны, и нашу школу, въ которой никто не знаетъ, что̀ есть истина, и въ которую все-таки насильно ученика заставляютъ ходить, а родителей посылать своихъ дѣтей. Мало того, легко было средневѣковой школѣ знать, чему учить: чему учить прежде и чему учить послѣ и какъ учить, когда метода была только одна, и когда вся наука сосредоточивалась въ Библіи, книгахъ Августина и Аристотеля. Но каково намъ при безконечномъ разнообразіи предлагаемыхъ со всѣхъ сторонъ методовъ обученія, при огромномъ количествѣ наукъ и ихъ подраздѣленій, сложившихся въ наше время, каково намъ выбрать одинъ изъ всѣхъ предлагаемыхъ методовъ, выбрать извѣстную отрасль наукъ и выбрать — что̀ труднѣе всего — ту послѣдовательность въ преподаваніи этихъ наукъ, которая была бы разумна и справедлива. Мало и этого. Отысканіе этихъ основаній въ наше время представляется болѣе труднымъ въ сравненіи съ средневѣковою школой еще и потому, что тогда образованіе ограничивалось однимъ извѣстнымъ классомъ, готовившимся жить въ однихъ опредѣленныхъ условіяхъ; въ наше же время, когда весь народъ заявилъ свои права на образованіе, — знать то, что̀ нужно для всѣхъ этихъ разнородныхъ классовъ, представляется намъ еще болѣе труднымъ и еще болѣе необходимымъ.

Какія же эти основанія? Спросите какого хотите педагога, почему онъ учитъ такъ именно тому, а не этому, и тому прежде, а не послѣ. И ежели онъ пойметъ васъ, то отвѣтитъ: потому, что онъ знаетъ истину, открытую Богомъ, и считаетъ своею обязанностью передать ее молодому поколѣнію, воспитать его въ тѣхъ принципахъ, которые несомнѣнно истинны; о предметахъ же нерелигіознаго образованія онъ не дастъ вамъ отвѣта... Другой педагогъ объяснитъ вамъ основанія своей школы вѣчными законами разума, изложенными у Фихте, Канта и Гегеля; третій оснуетъ свое право принужденія ученика на томъ, что всегда такъ было, что всѣ школы были принудительны и что, несмотря на то, результаты этихъ школъ — настоящее образованіе; четвертый, наконецъ, соединивъ всѣ эти основанія вмѣстѣ, скажетъ, что школа должна быть такою, какою она есть, ибо таковою выработала ее религія, философія, и опытъ, и что

то, что исторично, то разумно. Всѣ эти доводы, включающіе въ себѣ всѣ другіе возможные доводы, мнѣ кажется, могутъ быть раздѣлены на четыре отдѣла: *религіозные*, *философскіе*, *опытные* и *историческіе*.

Образованіе, имѣющее своею основою религію, то-есть Божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насиліе въ этомъ, но только въ этомъ случаѣ, законно. Такъ до сихъ поръ и дѣлаютъ миссіонеры въ Африкѣ и Китаѣ. Такъ поступаютъ до сихъ поръ въ школахъ всего міра относительно преподаванія религій: католической, протестантской, еврейской, магометанской и т. д. Но въ наше время, когда образованіе религіозное составляетъ только малую часть образованія, вопросъ о томъ, какое имѣетъ основаніе школа принуждать учиться молодое поколѣніе извѣстнымъ образомъ, остается нерѣшеннымъ съ религіозной точки зрѣнія.

Отвѣтъ, можетъ быть, найдется въ философіи. Имѣетъ ли философія столь же твердыя основанія, какъ и религія? Какія эти основанія? Кѣмъ, какъ и когда выражены эти основанія? Мы ихъ не знаемъ. Всѣ философы отыскиваютъ законы добра и зла: отыскавъ эти законы, они, касаясь педагогики (всѣ не могли не касаться педагогики), заставляютъ образовывать родъ человѣческій по этимъ законамъ. Но каждая изъ этихъ теорій, въ ряду другихъ теорій, является не полною и вноситъ только новое звено въ сознаніе добра и зла, лежащее въ человѣчествѣ.

Всякій мыслитель выражаетъ только то, что̀ сознано его эпохой, и потому образованіе молодого поколѣнія въ смыслѣ этого сознанія совершенно излишнее, — сознаніе это уже присуще живущему поколѣнію.

Всѣ педагогически-философскія теоріи имѣютъ цѣлью и задачею образованіе добродѣтельныхъ людей. Понятіе же добродѣтели остается или все то же, или безконечно развивается, и, несмотря на всѣ теоріи, упадокъ и процвѣтаніе добродѣтели не зависятъ отъ образованія. Добродѣтельный китаецъ, добродѣтельный грекъ, римлянинъ и французъ нашего времени или одинаково добродѣтельны, или всѣ одинаково далеки отъ добродѣтели. Философскія теоріи педагогики разрѣшаютъ вопросъ о томъ, какъ воспитать наилучшаго человѣка по извѣстной теоріи этики, выработанной въ то или другое время и признающейся несомнѣнною. Платонъ не сомнѣвается въ истинахъ своей этики и на основаніи ея строитъ свое воспитаніе а на воспитаніи — свое государство. Шлейрмахеръ говоритъ'

что этика еще наука незаконченная, и потому воспитаніе и образованіе должны имѣть цѣлью приготовлять такихъ людей, которые бы способны были вступить въ тѣ условія, которыя они находятъ въ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ способны были бы съ силою работать надъ представляющимися усовершенствованіями. Образованіе вообще, говоритъ Шлейрмахеръ, имѣетъ цѣлью передать готоваго члена государству, церкви, общественной жизни и знанію. Только одна этика, хотя неоконченная наука, даетъ отвѣтъ на то, какимъ членомъ этихъ четырехъ элементовъ жизни долженъ быть воспитанный человѣкъ. Какъ Платонъ, такъ и всѣ педагоги-философы задачу и цѣль образованія ищутъ въ этикѣ, одни — признавая ее извѣстною, другіе — признавая ее вѣчнымъ вырабатывающимся сознаніемъ человѣчества; но на вопросъ: чему и какъ должно учить народъ, ни одна теорія не даетъ положительнаго отвѣта. Одинъ говоритъ одно, другой — другое, и чѣмъ дальше, тѣмъ разнорѣчивѣе становятся ихъ положенія. Являются одновременно различныя теоріи, противоположныя одна другой. Богословское направленіе борется съ схоластическимъ, схоластическое — съ классическимъ, классическое — съ реальнымъ, и въ настоящее время всѣ эти направленія существуютъ, не поборая одно другого, и никто не знаетъ, что̀ ложь, что̀ правда. Являются тысячи различныхъ, самыхъ странныхъ, ни на чемъ не основанныхъ теорій, какъ Руссо, Песталоцци, Фребель и т. д., являются всѣ существующія школы рядомъ — реальныя, классическія и богословскія учрежденія. Всѣ недовольны тѣмъ, что̀ существуетъ, и не знаютъ, что̀ новое именно нужно и возможно.

Прослѣдивъ ходъ исторіи философіи педагогики, вы найдете въ ней не критеріумъ образованія, но, напротивъ, одну общую мысль, безсознательно лежащую въ основаніи всѣхъ педагоговъ, несмотря на ихъ частое между собою разногласіе, — мысль, убѣждающую насъ въ отсутствіи этого критеріума. Всѣ они, начиная отъ Платона и до Канта, стремятся къ одному — освободить школу отъ историческихъ узъ, тяготѣющихъ надъ нею, хотятъ угадать то, что̀ нужно человѣку, и на этихъ, болѣе или менѣе вѣрно угаданныхъ потребностяхъ строятъ свою новую школу. Лютеръ заставляетъ учить въ подлинникѣ священное писаніе, а не по комментаріямъ святыхъ отцовъ. Бэконъ заставляетъ изучать природу изъ самой природы, а не изъ книгъ Аристотеля. Руссо хочетъ учить жизни изъ самой жизни, какъ онъ ее понимаетъ, а не изъ прежде бывшихъ опытовъ. Каждый шагъ философіи педагогики впередъ состоитъ только въ томъ, чтобъ освобождать школу отъ мысли обученія

молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали наукою, къ мысли обученія тому, что лежитъ въ потребностяхъ молодыхъ поколѣній. Одна эта общая и вмѣстѣ съ тѣмъ противорѣчащая сама себѣ мысль чувствуется во всей исторіи педагогики, — общая, потому что всѣ требуютъ большей мѣры свободы школъ, противорѣчащая, потому что каждый предписываетъ законы, основанные на своей теоріи, и тѣмъ самымъ стѣсняетъ свободу.

Опытъ существовавшихъ и существующихъ школъ?.. Но какъ же можетъ этотъ опытъ доказать намъ справедливость существующаго метода принудительнаго образованія? Мы не можемъ знать, нѣтъ ли другого болѣе законнаго метода, такъ какъ школы до сей поры не были еще свободны. Правда, мы видимъ на высшей ступени образованія (университеты, публичныя лекціи), что образованіе стремится сдѣлаться все болѣе и болѣе свободнымъ. Но это только предположеніе. Можетъ быть, образованіе на низшихъ ступеняхъ должно всегда оставаться принудительнымъ, и опытъ доказалъ намъ, что такія школы хороши? Посмотримъ же на эти школы, не справляясь съ статистическими таблицами образованія въ Германіи, постараемся узнать школы и ихъ вліяніе на народъ въ дѣйствительности. Мнѣ дѣйствительность показала слѣдующее. Отецъ посылаетъ дочь или сына въ школу противъ своего желанія, кляня учрежденіе, лишающее его работы сына, и считая дни до того времени, какъ сынъ сдѣлается schulfrei (одно это выраженіе доказываетъ, какъ смотритъ народъ на школы). Ребенокъ идетъ въ школу съ убѣжденіемъ, что единственно извѣстная ему власть отца не одобряетъ власти правительства, которой онъ покоряется, поступая въ школу. Извѣстія, которыя онъ получаетъ отъ старшихъ товарищей, бывшихъ уже въ этомъ заведеніи, не должны прибавить ему охоты къ поступленію. Школы представляются ему учрежденіемъ для мученія дѣтей, — учрежденіемъ, въ которомъ лишаютъ ихъ главнаго удовольствія и потребности дѣтскаго возраста — свободнаго движенія, гдѣ Gehorsam (послушаніе) и Ruhe (спокойствіе) — главныя условія, гдѣ даже для того, чтобы пойти на часъ, ему нужно особое позволеніе, гдѣ каждый проступокъ наказывается линейкой, тою же палкой, хотя въ офиціальномъ мірѣ значится уничтоженіе тѣлеснаго наказанія линейкой, или продолженіемъ для ребенка жесточайшаго положенія ученія. Школа справедливо представляется ребенку учрежденіемъ, гдѣ его учатъ тому, чего никто не понимаетъ, гдѣ его большею частью заставляютъ говорить не на своемъ родномъ: patois, Mundart, а на чужомъ

языкѣ, гдѣ учитель большею частью видитъ въ ученикахъ своихъ прирожденныхъ враговъ, по своей злобѣ и злобѣ родителей, не хотящихъ выучить того, что онъ самъ выучилъ, и гдѣ ученики, наоборотъ, смотрятъ на учителя, какъ на врага, который только по личной злобѣ заставляетъ ихъ учить столь трудныя вещи. Въ такомъ заведеніи они обязаны пробыть лѣтъ шесть и часовъ по шести каждый день. Каковы должны быть результаты, мы видимъ по тому, какіе они есть, опять судя не по отчетамъ, а по дѣйствительнымъ фактамъ. Въ Германіи $^9/_{10}$ школьнаго народнаго населенія выносятъ изъ школы механическое умѣніе читать и писать и столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ ими путямъ науки, что они впослѣдствіи уже не берутъ книги въ руки. Пусть тѣ, которые не согласны со мною, укажутъ мнѣ на книги, читаемыя народомъ; даже баденскій Гебель, даже календари и народныя газеты читаются какъ рѣдкія исключенія. Неопровержимымъ доказательствомъ того, что въ народѣ нѣтъ образованія, служитъ то, что нѣтъ народной литературы и, главное, что десятое поколѣніе нужно посылать такъ же насильно въ школу, какъ и первое. Мало того, что такая школа порождаетъ отвращеніе къ образованію, она пріучаетъ въ эти шесть лѣтъ къ лицемѣрію и обману, вытекающимъ изъ противоестественнаго положенія, въ которое поставлены ученики, и къ тому положенію путаницы и сбивчивости понятія, которое называется грамотностью. Въ моихъ путешествіяхъ по Франціи, Германіи и Швейцаріи для узнанія свѣдѣній школьниковъ, ихъ воззрѣній на школу и ихъ моральнаго развитія я въ первоначальныхъ школахъ и бывшимъ школьникамъ внѣ школъ предлагалъ слѣдующіе вопросы: какой главный городъ въ Пруссіи или Баваріи? сколько было сыновей у Іакова? и исторію Іосифа. — Въ школѣ еще иногда отвѣчали мнѣ тирады наизусть изъ книги, но окончившіе курсъ — никогда. Не наизусть почти никогда я не могъ добиться отвѣта. Въ математикѣ я не находилъ общаго правила — иногда хорошо, иногда очень дурно. Потомъ я задавалъ сочиненіе на вопросъ, что дѣлали школьники въ предыдущее воскресенье? И всегда, безъ исключенія, дѣвочки и мальчики писали одно, что они въ воскресенье пользовались всѣми возможными случаями, чтобы молиться Богу, но не играли. Это какъ образецъ нравственнаго вліянія школы. На вопросъ у взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, почему они не учатся послѣ школы, не почитаютъ того или другого, всѣ отвѣчали, что они уже совершили обрядъ конфирмаціи, выдержали карантинъ школы и получили дипломъ на извѣстную степень образованія — грамотности.

Кромѣ того одуряющаго вліянія школы, для котораго нѣмцы придумали такое вѣрное названіе «verdumen», состоящаго, собственно, въ продолжительномъ искаженіи умственныхъ способностей, есть другое еще болѣе вредное вліяніе, состоящее въ томъ, что ребенокъ въ продолженіе ежедневныхъ долгихъ часовъ занятій, одуряемый школьною жизнію, оторванъ на все это, самое драгоцѣнное по возрасту время, отъ тѣхъ необходимыхъ условій развитія, которыя поставила для него сама природа. Весьма обыкновенно слышать и читать мнѣніе, что домашнія условія, грубость родителей, полевыя работы, деревенскія игры и т. п. суть главныя помѣхи школьному образованію, — можетъ быть, они, точно, мѣшаютъ тому школьному образованію, которое разумѣютъ педагоги, но пора убѣдиться, что всѣ эти условія суть главныя основанія всякаго образованія, что не только они не враги и не помѣхи школѣ, но первые и главные дѣятели ея. Ребенокъ никогда не могъ бы выучиться ни различію линій, составляющихъ различіе буквъ, ни числамъ, ни способности выражать свои мысли, если бы не эти домашнія условія. Отчего бы, кажется, эта грубая домашняя жизнь могла научить ребенка столь труднымъ вещамъ, и вдругъ эта самая домашняя жизнь не только становится несостоятельною для обученія ребенка такимъ легкимъ вещамъ, какъ чтеніе, писаніе и т. д., и даже становится вредною для этого обученія? Лучшимъ доказательствомъ служитъ сравненіе крестьянскаго, никогда не учившагося мальчика, съ барскимъ мальчикомъ, учившимся у гувернера съ пяти лѣтъ. Преимущество ума и знаній всегда на сторонѣ перваго. Мало того, интересъ знать что бы то ни было и вопросы, на которые имѣетъ задачею отвѣчать школа, порождаются только этими домашними условіями. А всякое ученіе должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнію. Но школа не только не возбуждаетъ вопросовъ, она даже не отвѣчаетъ на тѣ, которые возбуждены жизнію. Она постоянно отвѣчаетъ на одни и тѣ же вопросы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ поставленные человѣчествомъ, а не дѣтскимъ возрастомъ, до которыхъ еще нѣтъ дѣла ребенку. Это вопросы о томъ, какъ сотворенъ міръ? кто былъ первый человѣкъ? что было тому 2000 лѣтъ назадъ? какая земля Азія? какую имѣетъ форму земля? какимъ образомъ помножить сотни на тысячи? и что будетъ послѣ смерти? и т. п. На вопросы же, представляющіеся ему изъ жизни, онъ не получаетъ отвѣта, тѣмъ болѣе, что по полицейскому устройству школы онъ не имѣетъ права открыть рта даже для того, чтобы попроситься на дворъ, а долженъ это дѣлать знаками, чтобы

не нарушить тишины и не помѣшать учителямъ. Школа же учреждается такъ потому, что цѣль правительственной школы, учрежденной свыше, заключается большею частью не въ томъ, чтобъ образовать народъ, а чтобы образовать его по нашей методѣ, — чтобы, главное, была школа и было много школъ. Нѣтъ учителей? Сдѣлать учителей, и все-таки недостаетъ учителей! Сдѣлать такъ, чтобъ одинъ учитель могъ учить 500 дѣтей, mécaniser l'instruction, ланкастерскую методу, pupilteachers. Поэтому школы, устроенныя свыше и насильственно, — не пастырь для стада, а стадо для пастыря. Школа учреждается не такъ, чтобы дѣтямъ было удобно уиться, но такъ, чтобъ учителямъ было удобно учить. Учителю не удобны говоръ, движеніе, веселость дѣтей, составляющіе для нихъ необходимое условіе ученія, и въ школахъ, строящихся какъ тюремныя заведенія, запрещены вопросы, разговоры и движенія. Вмѣсто того, чтобъ убѣдиться, что для того, чтобы дѣйствовать успѣшно на какой-нибудь предметъ, нужно изучить его (а въ воспитаніи этотъ предметъ есть свободный ребенокъ), они хотятъ учить такъ, какъ умѣютъ, какъ вздумалось, и при неуспѣхѣ хотятъ перемѣнить не образъ ученія, а самую природу ребенка. Изъ этого понятія вытекали и теперь вытекаютъ (Песталоцци) такія системы, которыми бы можно было mécaniser l'instruction — то вѣчное стремленіе педагогики устроить дѣло такъ, чтобы, какой бы ни былъ учитель и ученикъ, методъ бы былъ одинъ и тотъ же. Стоитъ взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улицѣ или въ школѣ: то вы видите жизнерадостное, любознательное существо съ улыбкой въ глазахъ и на устахъ, во всемъ ищущее поученія, какъ радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своимъ языкомъ; то вы видите измученное, сжавшееся существо, съ выраженіемъ усталости, страха и скуки, повторяющее однѣми губами чужія слова на чужомъ языкѣ, — существо, котораго душа, какъ улитка, спряталась въ свой домикъ. Стóитъ взглянуть на эти два состоянія, чтобы рѣшить, которое изъ двухъ болѣе выгодно для развитія ребенка. То странное психологическое состояніе, которое я назову школьнымъ состояніемъ души, которое мы всѣ, къ несчастью, такъ хорошо знаемъ, состоитъ въ томъ, что всѣ высшія способности — воображеніе, творчество, соображеніе — уступаютъ мѣсто какимъ-то другимъ полуживотнымъ способностямъ произносить звуки независимо отъ воображенія, считать числа сряду 1, 2, 3, 4, 5, воспринимать слова, не допуская воображенію подставлять подъ нихъ какіе-нибудь образы,—однимъ словомъ, способность подавлять въ себѣ всѣ высшія способности

для развитія только тѣхъ, которыя совпадаютъ съ школьнымъ состояніемъ — страхъ, напряженіе памяти и вниманіе. Всякій школьникъ до тѣхъ поръ составляетъ диспаратъ въ школѣ, пока онъ не попалъ въ колею этого полуживотнаго состоянія. Какъ скоро ребенокъ дошелъ до этого положенія, утратилъ всю независимость и самостоятельность, какъ только проявляются въ немъ различные симптомы болѣзни — лицемѣріе, безцѣльная ложь, тупикъ и т. п., такъ онъ уже не составляетъ диспаратъ въ школѣ, онъ попалъ въ колею, и учитель начинаетъ быть имъ доволенъ. Тогда тоже являются тѣ не случайныя, но постоянно повторяющіяся явленія, что самый глупый ребенокъ дѣлается лучшимъ ученикомъ, и самый умный — худшимъ ученикомъ. Кажется, этотъ фактъ довольно знаменателенъ для того, чтобы подумать о немъ и постараться объяснить его. Мнѣ кажется, что одинъ такой фактъ служитъ явнымъ доказательствомъ ложности основанія принудительной школы. Мало того, кромѣ этого отрицательнаго вреда, состоящаго въ удаленіи дѣтей отъ безсознательнаго образованія, получаемаго дома, на работѣ, на улицѣ, школы эти вредны физически — для тѣла, столь нераздѣльнаго съ душою въ первомъ возрастѣ; вредъ этотъ особенно важенъ въ отношеніи однообразія школьнаго воспитанія, ежели бы даже оно было хорошо. Для земледѣльца ничѣмъ невозможно замѣнить тѣхъ условій работы, жизни въ полѣ, разговоровъ старшихъ и т. п., которыя окружаютъ его; точно то же для ремесленника, вообще для городского жителя. Не случайно, а цѣлесообразно окружила природа земледѣльца земледѣльческими условіями, горожанина— городскими. Эти условія въ высшей степени поучительны, и только въ нихъ можетъ образоваться тотъ и другой; школа же первымъ условіемъ своего образованія кладетъ отчужденіе отъ этихъ условій. Мало этого для школы, мало того, что она по шести часовъ въ день отрываетъ въ лучшіе годы дѣтей отъ жизни, — она трехлѣтнихъ дѣтей хочетъ оторвать отъ вліянія матери. Изобрѣтены заведенія (Kleinkinderbewahranstalt, infantschools, salles d'asile), о которыхъ намъ придется говорить еще подробнѣе. Недостаетъ только изобрѣтенія паровой машины, которая бы замѣнила мать-кормилицу. Всѣ согласны, что школы несовершенны (я съ своей стороны убѣжденъ, что онѣ вредны). Всѣ согласны, что нужно много и много улучшеній. Всѣ согласны, что улучшенія эти должны основываться на большемъ удобствѣ для учениковъ. Всѣ согласны, что узнать эти удобства можно, только изучивъ потребности школьнаго возраста и вообще потребности каждаго сословія въ особен-

ности. Чтò же дѣлается для этого труднаго и сложнаго изученія? Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ каждая школа учреждается на образецъ другой, учрежденной на образецъ прежде бывшей, и въ каждой изъ этихъ школъ непремѣннымъ условіемъ поставлена дисциплина, воспрещающая дѣтямъ говорить, спрашивать, выбирать тотъ или другой предметъ ученія, — однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры для лишенія учителя возможности дѣлать выводы о потребностяхъ учениковъ. Принудительное устройство школы исключаетъ возможность всякаго прогресса. А между тѣмъ какъ подумаешь о томъ, сколько вѣковъ прошло въ отвѣчаніи дѣтямъ на тѣ вопросы, которыхъ они не думали задавать, о томъ, какъ далеко ушли нынѣшнія поколѣнія отъ той древней формы образованія, которая прививается имъ, то непонятно становится, какъ еще держатся школы. Школа, намъ бы казалось, должна быть и орудіемъ образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ опытомъ надъ молодымъ поколѣніемъ, дающимъ постоянно новые выводы. Только когда опытъ будетъ основаніемъ школы, только тогда, когда каждая школа будетъ, такъ сказать, педагогическою лабораторіею, только тогда школа не отстанетъ отъ всеобщаго прогресса, и опытъ будетъ въ состояніи положить твердыя основанія для науки образованія.

Но, можетъ быть, исторія отвѣтитъ намъ на тщетный вопросъ нашъ: на чемъ основано право принуждать къ образованію и родителей и учениковъ? Существующія школы, скажетъ она, выработались историческимъ путемъ, историческимъ путемъ точно такъ же должны вырабатываться дальше и видоизмѣняться сообразно требованіямъ общества и времени; чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ школы дѣлаются лучше и лучше. На это отвѣчу: во-первыхъ, что доводы исключительно философскіе столь же односторонни и ложны, какъ и доводы исключительно историческіе. Сознаніе человѣчества составляетъ главный элементъ исторіи, и потому, ежели человѣчество сознаетъ несостоятельность своихъ школъ, то этотъ фактъ сознанія уже будетъ главнымъ историческимъ фактомъ, на которомъ должно основаться устройство школы. Во-вторыхъ, чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ школы становятся не лучше, а хуже, — хуже относительно того уровня образованія, до котораго достигло общество. Школа есть одна изъ тѣхъ органическихъ частей государства, которая не можетъ быть разсматриваема и оцѣняема отдѣльно, ибо достоинство ея состоитъ только въ большей или меньшей соотвѣтственности ея остальнымъ частямъ государства. Школа хороша только тогда, когда она сознала

тѣ основные законы, которыми живетъ народъ. Прекрасная школа для степной русской деревни, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ своихъ учениковъ, будетъ весьма плохая школа для парижанина, и самая лучшая школа XVII вѣка будетъ самою дурною школой въ наше время; и наоборотъ, самая плохая школа среднихъ вѣковъ въ свое время была бы лучше самой лучшей школы въ наше время, ибо болѣе соотвѣтствовала своему времени и стояла все-таки наравнѣ съ общимъ образованіемъ, ежели не впереди, тогда какъ наша школа стоитъ позади его. Ежели задача школы, допуская самое общее опредѣленіе, состоитъ въ передачѣ всего выработаннаго и сознаннаго народомъ и въ отвѣчаніи на тѣ вопросы, которые жизнь представляетъ человѣку, то нѣтъ сомнѣнія, что въ средневѣковой школѣ и преданія были ограниченнѣе и вопросы, представляющіеся въ жизни, были удоборазрѣшимѣе, и эта задача школы болѣе удовлетворялась. Передать преданія Греціи и Рима по недостаточнымъ и неразработаннымъ источникамъ, религіозные догматы, грамматику и ту часть математики, которая была извѣстна, гораздо легче, чѣмъ всѣ тѣ преданія, которыя мы прожили съ тѣхъ поръ и которыя настолько же отодвинули назадъ преданія древнихъ народовъ и всѣ тѣ знанія естественныхъ наукъ, которыя необходимы въ наше время, какъ отвѣты на повседневныя явленія жизни. А между тѣмъ способъ передачи остался тотъ же, и потому школа должна была отстать и сдѣлаться не лучше, а хуже. Для того, чтобы удержать школу въ той же формѣ, въ какой она была, и не отстать отъ движенія образованія, нужно было бы быть послѣдовательнѣе: не только дѣлать законы принужденій для школъ, но и запретить образованію двигаться впередъ другими путями: запретить машины, пути сообщенія и книгопечатаніе.

Сколько извѣстно изъ исторіи, только китайцы были строго логичны въ этомъ отношеніи. Попытки другихъ народовъ, стѣсненія книгопечатанія и вообще стѣсненія движенія образованія были только временны и недостаточно послѣдователны. И потому китайцы одни могутъ въ настоящее время гордиться школой хорошею и вполнѣ соотвѣтствующею общему уровню образованія.

Ежели намъ скажутъ, что школы историческимъ путемъ совершенствуются, мы отвѣтимъ только, что совершенствованіе школъ должно разумѣть относительно и что относительно школы, напротивъ, съ каждымъ годомъ и съ каждымъ часомъ, принужденія дѣлаются хуже и хуже, т.-е. болѣе и болѣе отстаютъ отъ общаго уровня образованія, ибо движеніе ихъ впередъ не-

соразмѣрно движенію образованія со времени изобрѣтенія книгопечатанія.

Въ-третьихъ, на историческій доводъ, что школы существовали и потому хороши, отвѣчу также историческимъ доводомъ. Годъ тому назадъ я былъ въ Марселѣ и посѣтилъ всѣ учебныя заведенія для рабочаго народа этого города. Отношеніе учащихся къ населенію такъ велико, что, за малымъ исключеніемъ, всѣ дѣти ходятъ въ школу въ продолженіе трехъ, четырехъ и шести лѣтъ. Программы школъ состоятъ въ изученіи наизусть катихизиса, священной и всеобщей исторіи, четырехъ правилъ ариѳметики, французской орѳографіи и счетоводства. Какимъ образомъ счетоводство можетъ составить предметъ преподаванія, я никакъ не могъ понять, и ни одинъ учитель не могъ объяснить мнѣ. Единственное объясненіе, которое я сдѣлалъ себѣ, разсмотрѣвъ, какъ ведутся книги учениками, окончившими этотъ курсъ, — есть то, что они не знаютъ и трехъ правилъ ариѳметики, а выучили наизусть операціи съ цифрами и потому, также наизусть, должны выучить tenue des livres. (Кажется, нечего доказывать, что tenue des livres, Buchhaltung, преподающееся въ Германіи и въ Англіи, есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила ариѳметики.) Ни одинъ мальчикъ въ этихъ школахъ не умѣлъ рѣшить, то-есть постановить самой простой задачи сложенія и вычитанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ отвлеченными числами они дѣлали операціи, помножая тысячи съ ловкостью и быстротой. На вопросы изъ исторіи Франціи отвѣчали наизусть хорошо, но по разбивкѣ я получилъ отвѣтъ, что Генрихъ IV убитъ Юліемъ Цезаремъ. То же самое и въ географіи и священной исторіи. То же самое въ орѳографіи и чтеніи. Женскій полъ, больше чѣмъ наполовину, не умѣетъ читать иначе, какъ по выученнымъ книгамъ. Шесть лѣтъ школы не даютъ возможности написать слова безъ ошибки. Я знаю, что приводимые мною факты такъ невѣроятны, что многіе усомнятся; но я могъ бы написать цѣлыя книги о томъ невѣжествѣ, которое видалъ въ школахъ Франціи, Швейцаріи и Германіи. Впрочемъ, кому это дѣло близко къ сердцу, пусть тотъ, такъ же какъ я, не по отчетамъ публичныхъ экзаменовъ постарается изучить школы, а по продолжительнымъ посѣщеніямъ и бесѣдамъ съ учителями и учениками въ школахъ и внѣ школъ. Видѣлъ я еще въ Марселѣ одну свѣтскую и одну монашескую школу для взрослыхъ. Изъ 250.000 жителей меньше 1.000, и только 200 мужчинъ, посѣщаютъ эти школы. Преподаваніе то же самое: механическое чтеніе, котораго достигаютъ въ годъ и болѣе, счетовод-

ство безъ знанія ариѳметики, духовныя поученія и т. п. Видѣлъ я послѣ свѣтской школы ежедневныя поученія въ церквахъ, видѣлъ salles d'asile, въ которыхъ четырехлѣтнія дѣти по свистку, какъ солдаты, дѣлаютъ эволюціи вокругъ лавокъ, по командѣ поднимаютъ и складываютъ руки и дрожащими и странными голосами поютъ хвалебные гимны Богу и своимъ благодѣтелямъ, и убѣдился, что учебныя заведенія города Марселя чрезвычайно плохи. Ежели бы кто-нибудь какимъ-нибудь чудомъ видѣлъ всѣ почти заведенія, не видавъ народа на улицахъ, въ мастерскихъ, въ кафе, въ домашней жизни, то какое бы мнѣніе онъ себѣ составилъ о народѣ, воспитываемомъ такимъ образомъ? Онъ, вѣрно, подумалъ бы, что это народъ невѣжественный, грубый, лицемѣрный, исполненный предразсудковъ и почти дикій. Но стоитъ войти въ сношеніе, поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ простолюдиновъ, чтобъ убѣдиться, что, напротивъ, французскій народъ почти такой, какимъ онъ самъ себя считаетъ: понятливый, умный, общежительный, вольнодумный и дѣйствительно цивилизованный. Посмотрите городского работника лѣтъ тридцати, — онъ уже напишетъ письмо не съ такими ошибками, какъ въ школѣ; иногда совершенно правильное онъ имѣетъ понятіе о политикѣ, слѣдовательно, о новѣйшей исторіи и географіи; онъ знаетъ уже нѣсколько исторію изъ романовъ; онъ имѣетъ нѣсколько свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ. Онъ очень часто рисуетъ и прилагаетъ математическія формулы къ своему ремеслу. Гдѣ же онъ пріобрѣлъ все это?

Я невольно нашелъ этотъ отвѣтъ въ Марселѣ, начавъ послѣ школъ бродить по улицамъ, гингетамъ, cafés chantants, музеумамъ, мастерскимъ, пристанямъ и книжнымъ лавкамъ. Тотъ самый мальчикъ, который отвѣчалъ мнѣ, что Генрихъ IV убитъ Юліемъ Цезаремъ, зналъ очень хорошо исторію «Четырехъ мускетеровъ» и «Монте-Кристо». Въ Марселѣ я нашелъ 28 дешевыхъ изданій, отъ пяти до десяти сантимовъ, иллюстрированныхъ. На 250.000 жителей ихъ расходится до 30.000 — слѣдовательно, если положить, что 10 человѣкъ читаютъ и слушаютъ одинъ номеръ, то всѣ ихъ читаютъ. Кромѣ того, музей, публичныя библіотеки, театры. Кафе, два большіе cafés chantants, въ которые, за потребленіе 50 сантимовъ, имѣетъ право войти всякій и въ которыхъ перебываетъ ежедневно до 25.000 человѣкъ, не считая маленькихъ cafés, вмѣщающихъ столько же,— въ каждомъ изъ этихъ кафе даются комедійки, сцены, декламируются стихи. Вотъ уже по самому бѣглому расчету пятая часть населенія, которая изустно поучается ежедневно, какъ

поучались греки и римляне въ своихъ амфитеатрахъ. Хорошо или дурно это образованіе, — это другое дѣло; но вотъ оно безсознательное образованіе, во сколько разъ сильнѣйшее принудительнаго, — вотъ она безсознательная школа, подкопавшаяся подъ принудительную школу и сдѣлавшая содержаніе ея почти ничѣмъ. Осталась только одна деспотическая форма почти безъ содержанія. Я говорю почти — исключая одно механическое умѣніе складывать буквы и выводить слова, единственное знаніе, пріобрѣтаемое пяти или шестилѣтнимъ ученіемъ. Притомъ надо замѣтить, что это самое механическое искусство читать и писать часто, въ гораздо кратчайшій срокъ, пріобрѣтается внѣ школы, что весьма часто изъ школы не выносится даже и это умѣніе и часто теряется, не находя приложенія въ жизни, и что тамъ, гдѣ существуетъ обязательный законъ посѣщенія школы, учить писать, читать и считать второе поколѣніе нѣтъ никакой надобности, ибо мать и отецъ, казалось бы, были въ состояніи сдѣлать это дома и гораздо легче, чѣмъ въ школѣ. То самое, что я видѣлъ въ Марселѣ, и во всѣхъ другихъ странахъ: вездѣ главная часть образованія народа пріобрѣтается не изъ школы, а изъ жизни. Тамъ, гдѣ жизнь поучительна, какъ въ Лондонѣ, Парижѣ и вообще большихъ городахъ, народъ образованъ; тамъ, гдѣ жизнь не поучительна, какъ въ деревняхъ, народъ не образованъ, несмотря на то, что школы совершенно одинаковы, какъ тутъ, такъ и тамъ. Знанія, пріобрѣтаемыя въ городахъ, какъ будто остаются; знанія, пріобрѣтаемыя въ деревняхъ, теряются. Направленіе и духъ образованія народа, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ, совершенно независимъ и большею частью противоположенъ тому духу, который желаютъ влить въ народныя школы. Образованіе идетъ своимъ независимымъ путемъ отъ школъ.

Историческій доводъ противъ историческаго довода состоитъ въ томъ, что, разсматривая исторію образованія, мы не только не убѣдимся въ томъ, что школы развиваются соразмѣрно развитію народовъ, но убѣдимся въ томъ, что онѣ падаютъ и дѣлаются пустою формальностью соразмѣрно развитію народовъ; что чѣмъ дальше одинъ народъ въ общемъ образованіи ушелъ впередъ, тѣмъ болѣе образованіе изъ школы перешло въ жизнь и сдѣлало содержаніе школы ничтожнымъ. Не говоря о всѣхъ другихъ средствахъ образованія, развитія торговыхъ сношеній, путей сообщенія, большей степени свободы личности и участія ея въ дѣлахъ правленія, не говоря о собраніяхъ, музеумахъ, публичныхъ лекціяхъ и т. д., стоитъ взглянуть на одно книгопечатаніе и его развитіе, чтобы понять различіе положенія

прежней школы и теперешней. Образованіе безсознательное, жизненное и образованіе школьное, сознательное всегда шли и идутъ рядомъ, пополняя одно другое; но при отсутствіи книгопечатанія, какую ничтожную мѣру образованія могла давать жизнь въ сравненіи со школой. Наука принадлежала избраннымъ, владѣющимъ средствами образованія. И посмотрите, какая доля выпадаетъ теперь жизненному образованію, когда нѣтъ человѣка, не имѣющаго книги, когда книги продаются по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ, когда публичныя библіотеки открыты для всѣхъ, когда мальчикъ, идя въ школу, кромѣ своихъ тетрадокъ, несетъ спрятанный дешевый иллюстрированный романъ, когда у насъ продаются по двѣ азбуки за 3 копейки, и степной мужикъ, сплошь да рядомъ, купитъ азбучку, попроситъ прохожаго солдата показать и выучить всю ту науку, которую тотъ прежде годами училъ у дьячка. Когда гимназистъ бросаетъ гимназію и самъ по книгамъ готовится и выдерживаетъ экзаменъ въ университетъ, когда молодые люди бросаютъ университетъ и, вмѣсто того, чтобы готовиться по запискамъ профессоровъ, прямо работаютъ надъ источниками, когда, говоря искренно, всякое серьезное образованіе пріобрѣтается только изъ жизни, а не изъ школы.

Послѣдній и самый, по моему мнѣнію, важный доводъ состоитъ, наконецъ, въ томъ, что хорошо нѣмцамъ, на основаніи двухсотлѣтняго существованія школы, исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ? Какое мы имѣемъ историческое право говорить, что наши школы должны быть такія же, какія европейскія школы? Мы не имѣемъ еще исторіи народнаго образованія. Вникнувъ же во всеобщую исторію народнаго образованія, мы не только убѣдимся въ томъ, что намъ невозможно устроить на нѣмецкій образецъ семинаріи для учителей, передѣлать нѣмецкую звуковую методу, англійскія infantschools, французскіе лицеи и школы спеціальностей и этими средствами догнать Европу, но мы убѣдимся, что мы, русскіе, живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія, что наша школа не должна выходить, какъ въ средневѣковой Европѣ, изъ условій гражданственности, не должна служить извѣстнымъ правительственнымъ или религіознымъ цѣлямъ, не должна вырабатываться во мракѣ отсутствія контроля надъ ней общественнаго мнѣнія и отсутствія высшей степени жизненнаго образованія, не должна съ новымъ трудомъ и болями проходить и выбиваться изъ того cercle vicieux, который столько времени проходили европей-

скія школы, cercle vicieux, состоящій въ томъ, что школа должна была двигать безсознательное образованіе, а безсознательное образованіе двигать школу. Европейскіе народы побѣдили эту трудность, но въ борьбѣ не могли не утратить многаго. Будемъ же благодарны за трудъ, которымъ мы призваны пользоваться, и по тому самому не будемъ забывать, что мы призваны совершить новый трудъ на этомъ поприщѣ. На основаніи того, что прожито человѣчествомъ, и того, что дѣятельность наша еще не начиналась, мы можемъ внести большее сознаніе въ нашъ трудъ и потому обязаны это сдѣлать. Для того, чтобы заимствовать пріемы европейскихъ школъ, мы обязаны отличать то, что въ нихъ основано на вѣчныхъ законахъ разума, и то, что родилось только вслѣдствіе историческихъ условій. Общаго разумнаго закона, критеріума, оправдывающаго насиліе, употребляемое школами противъ народа, нѣтъ, и потому всякое подражаніе европейской школѣ, въ отношеніи принудительности школы, будетъ шагъ не впередъ, но назадъ для нашего народа, будетъ измѣной своему призванью. Понятно, почему во Франціи сложилась дисциплинированная школа съ преобладаніемъ точныхъ наукъ — математики, геометріи и рисованія, почему въ Германіи сложилась степенная воспитательная школа съ преобладаніемъ пѣнія и анализа, понятно, почему въ Англіи развилось это безчисленное количество обществъ, учреждающихъ филантропическія школы для пролетаріата съ ихъ строго нравственнымъ и вмѣстѣ практическимъ направленіемъ; но какая должна сложиться школа въ Россіи — намъ неизвѣстно и всегда будетъ неизвѣстно, ежели мы не оставимъ ее вырабатываться свободно и своевременно, то-есть сообразно той исторической эпохѣ, въ которой она должна развиться, сообразно своей исторіи и еще болѣе всеобщей исторіи. Ежели мы убѣдимся, что народное образованіе въ Европѣ идетъ ложнымъ путемъ, то, не дѣлая ничего для нашего народнаго образованія, мы сдѣлаемъ больше, чѣмъ ежели бы мы силой внесли вдругъ въ него все то, что каждому изъ насъ кажется хорошимъ.

Итакъ, малообразованный народъ хочетъ образовываться болѣе, образованный классъ хочетъ образовывать народъ, но народъ подчиняется образованію только при насиліи. Отыскивая въ философіи, опытѣ и исторіи тѣ основанія, которыя бы давали образовывающему классу на то право, мы ничего не нашли, а, напротивъ, убѣдились, что мысль человѣчества постоянно стремится къ освобожденію народа отъ насилія въ дѣлѣ образованія. Отыскивая критеріумъ педагогики, то-есть знаніе

того, чему и какъ должно учить, мы ничего не нашли, кромѣ разнорѣчивѣйшихъ мнѣній и учрежденій, и убѣдились, напротивъ, что чѣмъ дальше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился этотъ критеріумъ; отыскивая критеріумъ этотъ въ исторіи образованія, мы убѣдились не только въ томъ, что для насъ, русскихъ, исторически выработавшіяся школы не могутъ быть образцами, но что эти школы съ каждымъ шагомъ впередъ болѣе и болѣе отстаютъ отъ общаго уровня образованія и что потому принудительный характеръ ихъ болѣе и болѣе становится незаконнымъ, и, наконецъ, что въ Европѣ самое образованіе, какъ просачивающаяся вода, избрало себѣ другой путь, — обошло школы и разлилось въ жизненныхъ орудіяхъ образованія.

Что же намъ, русскимъ, дѣлать въ настоящую минуту? Сговориться ли всѣмъ и взять за основаніе англійскій, французскій, нѣмецкій или сѣверо-американскій взглядъ на образованіе и какой-нибудь изъ ихъ методовъ? Или, углубившись въ философію и психологію, открыть, что вообще нужно для развитія души человѣка и для приготовленія изъ молодыхъ поколѣній наилучшихъ людей по нашимъ понятіямъ? Или воспользоваться опытомъ исторіи — не въ смыслѣ подражанія тѣмъ формамъ, которыя выработала исторія, а въ смыслѣ уразумѣнія тѣхъ законовъ, которые страданіями выработало человѣчество — сказать себѣ прямо и честно, что мы не знáемъ и не можемъ знать того, чтò нужно будущимъ поколѣніямъ; но что мы чувствуемъ себя обязанными и хотимъ изучить эти потребности, не хотимъ обвинять въ невѣжествѣ народъ, не принимающій нашего образованія, а будемъ себя обвинять въ невѣжествѣ и гордости, ежели вздумаемъ образовать народъ посвоему. Перестанемъ же смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію, какъ на враждебный элементъ педагогики, а, напротивъ, будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которой одной должна руководиться наша дѣятельность. Сознаемъ, наконецъ, тотъ законъ, который такъ ясно говоритъ намъ и изъ исторіи педагогики и изъ исторіи всего образованія, что для того, чтобъ образовывающему знать, чтò хорошо и чтò дурно, образовывающійся долженъ имѣть полную власть выразить свое неудовольствіе, или, по крайней мѣрѣ, уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ его, что критеріумъ педагогики есть только одинъ — свобода.

Мы избрали этотъ послѣдній путь въ нашей педагогической дѣятельности.

Основаніемъ нашей дѣятельности служитъ убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія — педагогики, но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, безполезно и вредно.

Мы не знаемъ, чѣмъ должно быть образованіе и воспитаніе, не признаемъ всей философіи педагогики, потому что не признаемъ возможности человѣку знать то, что̀ нужно знать человѣку. Образованіе и воспитаніе представляется намъ историческими фактами воздѣйствія однихъ людей на другихъ; потому задача науки образованія, по нашему мнѣнію, есть только отысканіе законовъ этого воздѣйствія однихъ людей на другихъ. Мы не только не признаемъ за нашимъ поколѣніемъ знанія и не только не признаемъ права знанія того, что нужно для совершенствованія человѣка, но убѣждены, что если бы знаніе это было у человѣчества, то оно не могло бы передать или не передать его молодому поколѣнію. Мы убѣждены, что сознаніе добра и зла, независимо отъ воли человѣка, лежитъ во всемъ человѣчествѣ и развивается безсознательно вмѣстѣ съ исторіей, что молодому поколѣнію такъ же невозможно привить образованіемъ нашего сознанія, какъ невозможно лишать его этого нашего сознанія и той ступени высшаго сознанія, на которую возведетъ его слѣдующій шагъ исторіи. Наше мнимое знаніе законовъ добра и зла и, на основаніи ихъ, дѣятельность на молодое поколѣніе есть, большею частью, противодѣйствіе развитію новаго сознанія, не выработаннаго еще нашимъ поколѣніемъ, а вырабатывающагося въ молодомъ поколѣніи, — есть препятствіе, а не пособіе образованію.

Мы убѣждены, что образованіе есть исторія и потому не имѣетъ конечной цѣли. Образованіе въ самомъ общемъ смыслѣ, обнимающее и воспитаніе, по нашему убѣжденію, есть та дѣятельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Мать учитъ ребенка своего говорить только для того, чтобы понимать другъ друга, мать инстинктомъ пытается спуститься до его взгляда на вещи, до его языка, но законъ движенія впередъ образованія не позволяетъ ей спуститься до него, а заставляетъ подняться до ея знанія. То же отношеніе существуетъ между писателемъ и читателемъ, то же между школой и ученикомъ, то же между правительствомъ и обществами и народомъ. Дѣятельность образовывающаго имѣетъ одну и

ту же цѣль. Задача науки образованія есть только изученіе условій совпаденія этихъ двухъ стремленій къ одной общей цѣли, указаніе на тѣ условія, которыя препятствуютъ этому совпаденію. Наука образованія становится для насъ вслѣдствіе того, съ одной стороны, болѣе легкою, не представляя болѣе вопросовъ: какая есть конечная цѣль образованія, къ чему мы должны готовить молодое поколѣніе? и т. д.; съ другой стороны, неизмѣримо труднѣйшею. Намъ необходимо изучать всѣ тѣ условія, которыя способствовали совпаденію стремленій образовывающаго и образовывающагося; намъ нужно опредѣлить, что̀ такое есть та свобода, отсутствіе которой препятствуетъ совпаденію обоихъ стремленій и которая одна служитъ для насъ критеріумомъ всей науки образованія; намъ нужно, шагъ за шагомъ, изъ безчисленнаго количества фактовъ, подвигаться къ разрѣшенію вопросовъ науки образованія.

Мы знаемъ, что доводы наши убѣдятъ немногихъ. Мы знаемъ, что основныя убѣжденія наши въ томъ, что единственный методъ образованія есть опытъ, а единственный критеріумъ его есть свобода, для однихъ прозвучитъ избитою пошлостью, для другихъ — неясною отвлеченностью, для третьихъ — мечтой и невозможностью. Мы бы не дерзнули нарушить спокойствіе педагоговъ-теоретиковъ и высказать столь противныя всему свѣту убѣжденія, ежели бы должны были ограничиться разсужденіями этой статьи, но мы чувствуемъ возможность шагъ за шагомъ и фактъ за фактомъ доказать приложимость и законность нашихъ столь дикихъ убѣжденій и только этой цѣли посвящаемъ изданіе журнала *«Ясная Поляна»*.

О методахъ обученія грамотѣ.

Весьма много людей, въ настоящее время, очень серьезно заняты отысканіемъ, заимстовованіемъ или изобрѣтеніемъ наилучшей методы обученія грамотѣ; весьма многіе даже изобрѣли и отыскали эту лучшую методу. Намъ весьма часто приходится встрѣчать въ литературѣ и въ жизни вопросъ: по какой методѣ вы учите? — Надо признаться, однако, что вопросъ этотъ слышится большею частью отъ людей или весьма мало образованныхъ, давно, какъ ремесломъ, занимающихся обученіемъ дѣтей, или отъ людей, сочувствующихъ народному образованію изъ своего кабинета и готовыхъ въ пользу его даже написать статейку и собрать подписку для напечатанія азбуки по лучшей методѣ, или отъ людей, пристрастныхъ къ своей одной методѣ, или, наконецъ, отъ людей, вовсе не занимавшихся ученіемъ — отъ публики, повторяющей то, что̀ говоритъ большее число людей. Люди, серьезно занятые дѣломъ и образованные, уже не задаютъ такихъ вопросовъ.

Всѣми какъ будто признано за несомнѣнную истину, что задача народной школы есть обученіе грамотѣ, что грамотность есть первая ступень образованія и что потому необходимо найти лучшую методу этого обученія. Одинъ вамъ скажетъ, что звуковая метода очень хороша, а другой увѣряетъ, что Золотова метода самая лучшая, а третій знаетъ еще самую лучшую методу— ланкастерскую и т. п. Только лѣнивый не подтруниваетъ надъ ученьемъ по «буки-азъ-ба», и всѣ увѣрены, что для распространенія образованія въ народѣ нужно только выписать лучшую методу, пожертвовать по 3 руб. сер., нанять домъ и учителя, или даже самому, отъ избытка образованія, удѣлить маленькую частичку его — въ воскресенье, между обѣдней и визитами, — несчастному, погибающему въ невѣжествѣ народу, и дѣло сдѣлано.

Сойдутся умные, образованные и богатые люди: высокая и счастливая мысль мелькнетъ въ головѣ одного изъ нихъ — обла-

годѣтельствовать этотъ ужасный русскій народъ. «Давайте!» Всѣ соглашаются, и рождается общество, имѣющее цѣлью народное образованіе, — печатаніе дешевыхъ хорошихъ книгъ для народа, учрежденіе школъ, поощреніе учителей и т. п. Пишется уставъ, дамы принимаютъ участіе, вся формалистика обществъ продѣлывается, и дѣятельность общества начинается. Печатать хорошія книги для народа! — какъ просто и легко кажется, какъ и всѣ великія мысли. Одно только затрудненіе— хорошихъ книгъ для народа нѣтъ не только у насъ, но и въ Европѣ. Для того, чтобы печатать такія книги, надо ихъ дѣлать, а ни одинъ изъ членовъ-благодѣтелей не вздумаетъ заняться этою работой; общество поручаетъ, за собранные цѣлковые, кому-нибудь сочинить или выбрать и перевести самое лучшее (все это легко выбрать) изъ европейской народной литературы, и народъ будетъ счастливъ, быстрыми шагами пойдетъ къ образованію, и общество очень довольно. Въ отношеніи другой стороны дѣятельности школъ, — общество поступаетъ точно такъ же. Только рѣдкіе, одержимые самоотверженіемъ, удѣляютъ свои драгоцѣнные досуги обученію народа. (То обстоятельство, что эти люди никогда не читали ни одной педагогической книги и никогда не видали другой школы, кромѣ той, въ которой сами учились, не принимается во вниманіе.) Другіе же поощряютъ школы. Опять кажется такъ просто и опять выходитъ неожиданное затрудненіе, состоящее въ томъ, что нѣтъ другого средства содѣйствовать образованію, какъ самому учить и отдаться совершенно этому дѣлу.

Но благодѣтельныя общества и частные люди какъ будто не замѣчаютъ этого затрудненія и продолжаютъ подвизаться этимъ способомъ на поприщѣ народнаго образованія, и продолжаютъ быть очень довольными. Явленіе это, съ одной стороны, забавно и безвредно, ибо дѣятельность этихъ обществъ и людей не захватываетъ народъ; съ другой стороны, — явленіе это опасно, напуская еще большій туманъ въ нашъ неустановившійся взглядъ на народное образованіе. — Причинами этого явленія могутъ быть отчасти раздраженное состояніе нашего общества, отчасти общее человѣческое свойство дѣлать изъ всякой честной мысли игрушку для тщеславія и праздности. Основная же причина лежитъ, намъ кажется, въ большомъ недоразумѣніи — что̀ такое грамотность, распространеніе которой составляетъ цѣль всѣхъ образователей народа, и которая порождала у насъ странные споры?

Грамотность — понятіе, существующее не у насъ однихъ, но и во всей Европѣ, — признается программой элементарной

школы для народа. Lesen und schreiben, lire et écrire, reading and writing. — Что же такое грамотность, и что она имѣетъ общаго съ первою ступенью образованія? Грамотность есть искусство изъ извѣстныхъ знаковъ составлять слова и произносить ихъ и изъ тѣхъ же знаковъ составлять слова и изображать ихъ. Что же есть общаго между грамотностью и образованіемъ? Грамотность есть извѣстное искусство (Fertigkeit); образованіе есть значеніе фактовъ и ихъ соотношеній. Но, можетъ быть, это искусство складывать слова необходимо для того, чтобы ввести человѣка на первую ступень образованія, и что для этого нѣтъ другого пути? Этого мы никакъ не видимъ, а видимъ весьма часто совершенно противоположное, ежели только не будемъ, говоря объ образованіи, разумѣть одно школьное, но и жизненное образованіе. Между людьми, стоящими на низкой степени образованія, мы видимъ, что знаніе и незнаніе грамоты нисколько не измѣняетъ степени ихъ образованія. Мы видимъ людей, хорошо знающихъ всѣ факты, необходимые для агрономіи, и большое число отношеній этихъ фактовъ, незнающихъ грамоты; или прекрасныхъ военныхъ распорядителей, прекрасныхъ торговцевъ, управляющихъ, смотрителей работъ, мастеровъ, ремесленниковъ, подрядчиковъ и просто образованныхъ жизнью людей съ большими знаніями и здравымъ сужденіемъ, основаннымъ на этихъ знаніяхъ, не знающихъ грамотѣ, и, наоборотъ, видимъ знающихъ грамоту и не пріобрѣтшихъ вслѣдствіе этого искусства (Fertigkeit) никакихъ новыхъ знаній. Всякій, кто серьезно приглядится къ образованію народа не только въ Россіи, но и въ Европѣ, невольно убѣдится, что образованіе пріобрѣтается народомъ совершенно независимо отъ грамоты, и что грамота, за рѣдкими исключеніями изъ ряду вонъ выходящихъ способностей, остается ни къ чему непримѣнимымъ искусствомъ въ большей части случаевъ, даже вреднымъ искусствомъ, — вреднымъ потому, что ничто въ жизни не можетъ оставаться индифферентнымъ. Ежели грамота неприложима и безполезна, то она будетъ вредна.

Но, можетъ быть, извѣстная степень образованія, стоящая выше тѣхъ примѣровъ безграмотнаго образованія, которые мы приводили, невозможна безъ грамотности? Очень можетъ быть, — но мы этого не знаемъ и не имѣемъ никакихъ основаній предполагать этого для образованія будущаго поколѣнія. Невозможна только та степень образованія, которую мы имѣемъ и, кромѣ которой, мы себѣ не можетъ и не хотимъ ничего другого представить. У насъ есть образецъ школы грамотности, составляющій краеугольный камень образованія, по

нашему мнѣнію, и мы не хотимъ знать всѣхъ тѣхъ ступеней образованія, которыя существуютъ не ниже, а совершенно внѣ и независимо отъ нашей школы.

Мы говоримъ: всѣ не знающіе грамотѣ одинаково необразованы, — для насъ это скиѳы. Для начала образованія нужна грамота, и мы волей-неволей вводимъ народъ этимъ путемъ въ наше образованіе. Мнѣ съ тѣмъ образованіемъ, какое я имѣю, очень пріятно было бы согласиться съ этимъ мнѣніемъ; я даже убѣжденъ, что грамота есть необходимое условіе извѣстной степени образованія, но я не могу быть увѣренъ, что мое образованіе хорошо, что путь, по которому идетъ наука, вѣренъ, и, главное, я не могу оставить безъ вниманія три четверти рода человѣческаго, образовывающейся безъ грамоты. Ежели мы непремѣнно хотимъ образовывать народъ, то спросимъ у него, какъ онъ образовывается и какія его любимыя орудія для этой цѣли? Ежели мы хотимъ отыскать начало, — первую ступень образованія, то почему намъ отыскивать ее непремѣнно въ грамотѣ, а не гораздо глубже? Почему останавливаться на одномъ изъ безконечнаго числа орудій образованія и видѣть въ немъ альфу и омегу образованія, тогда какъ это только одно изъ случайныхъ, мало значащихъ обстоятельствъ образованія. Въ Европѣ давно уже учатъ грамотѣ, а народной литературы нѣтъ, т.-е. народъ — классъ людей, исключительно занятый физическою работой, — нигдѣ не читаетъ книгъ. Кажется, что это явленіе заслуживало бы вниманія и разъясненія, а между тѣмъ думаютъ помочь дѣлу, только продолжая учить грамотѣ. Всѣ жизненные вопросы чрезвычайно легко и просто разрѣшаются въ теоріи и только при приложеніи къ дѣлу оказываются неразрѣшимыми такъ легко и распадаются на тысячи другихъ трудно разрѣшаемыхъ вопросовъ. Кажется такъ просто и легко образовать народъ: выучить его, хотя бы насильно, грамотѣ и дать ему хорошія книги, — и готово. А на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое. Народъ не хочетъ учиться грамотѣ. Ну, его можно еще заставить. Другое затрудненіе — нѣтъ книгъ. Можно заказать. Но заказныя книги дурны; заставить писать хорошія книги нельзя. Главное же затрудненіе — народъ не хочетъ читать этихъ книгъ, а заставить его читать ихъ еще не придумано способа; и народъ продолжаетъ образовываться не въ школахъ грамотности, а по-своему. Можетъ быть, не пришло еще историческое время для народа принять участіе въ общемъ образованіи, нужно еще лѣтъ сто учиться грамотѣ; можетъ быть, народъ испорченъ (какъ думаютъ многіе); можетъ быть, нужно, чтобы самъ народъ писалъ для себя книги; можетъ быть, метода

еще не найдена самая лучшая; можетъ быть и то, что образованіе посредствомъ книги и грамоты есть аристократическое средство образованія, менѣе удобное для рабочаго класса народа, чѣмъ другія, развившіяся въ наше время, орудія образованія. Можетъ быть, что главная выгода обученія посредствомъ грамоты, состоящая въ возможности передать науку безъ ея вспомогательныхъ средствъ, не существуетъ въ наше время для народа. Можетъ быть, что работнику легче учиться ботаникѣ по растеніямъ, зоологіи—по животнымъ, ариѳметикѣ—по счетамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, чѣмъ по книгѣ. Можетъ быть, что работникъ найдетъ время послушать разсказъ, посмотрѣть музеумъ, выставку, но не найдетъ времени читать книгу. Можетъ быть, даже, что книжный способъ ученья положительно противенъ его образу жизни и складу характера. Весьма часто мы видимъ вниманіе, интересъ и ясное пониманіе у рабочаго человѣка, когда знающій разсказываетъ и объясняетъ ему; но трудно вообразить этого самаго работника съ книгой въ мозолистыхъ рукахъ, вникающаго въ смыслъ популярно-изложенной ему на двухъ листахъ науки. Все это только предположенія причинъ, которыя могутъ быть весьма ошибочны, но самый фактъ отсутствія народной литературы и противодѣйствія народа образованію посредствомъ грамоты, тѣмъ не менѣе, существуетъ во всей Европѣ. Точно такъ же существуетъ во всей Европѣ взглядъ образовывающаго класа на школу грамотности, какъ на первую ступень образованія. Происхожденіе столь кажущагося неразумнымъ воззрѣнія станетъ весьма ясно, какъ скоро мы вглядимся въ историческій ходъ образованія. Прежде основались не низшія, а высшія школы: сначала монастырскія, потомъ среднія, потомъ народныя. У насъ прежде всего основана академія, потомъ университеты, потомъ гимназіи, потомъ уѣздныя училища, потомъ народныя. Съ этой исторической точки зрѣнія, учебникъ Смарагдова, на двухъ листахъ передающій исторію человѣчества, точно такъ же необходимъ въ уѣздномъ училищѣ, какъ необходима грамота въ народномъ. Грамота есть послѣдняя ступень образованія въ этой организованной іерархіи заведеній, или первая ступень съ конца, и потому низшая школа должна только отвѣчать на тѣ потребности, которыя заявляетъ высшая школа. Но есть другая точка зрѣнія, съ которой народная школа представляется самостоятельнымъ учрежденіемъ, необязаннымъ нести на себѣ недостатки устройства высшаго учебнаго заведенія, но имѣющимъ свою независимую цѣль народнаго образованія. Чѣмъ ниже спускаемся мы по этой, государствомъ учрежденной, лѣстницѣ

образованія, тѣмъ болѣе чувствуется необходимость сдѣлать на каждой ступени образованіе независимымъ и оконченнымъ. Изъ гимназіи только $^1/_5$ не поступаетъ въ университетъ, изъ уѣзднаго училища $^1/_5$ только поступаетъ въ гимназію, изъ народной школы $^1/_{100}$ поступаетъ въ высшее учебное заведеніе. Слѣдовательно, соотвѣтственность народной школы высшему заведенію есть послѣдняя цѣль, которую должно преслѣдовать народное училище. А между тѣмъ только этою соотвѣтственностью можетъ объясниться взглядъ на народныя школы, какъ на школы грамотности.

Споръ въ нашей литературѣ о пользѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію, есть весьма серьезный споръ, которому предстоитъ разъяснить многіе вопросы. Споръ этотъ, впрочемъ, существовалъ и существуетъ не у однихъ насъ. Одни говорятъ, что для народа вредно имѣть возможность читать книги и журналы, которые спекуляція и политическія партіи кладутъ ему подъ руку; говорятъ, что грамотность выводитъ рабочій классъ изъ его среды, прививаетъ ему недовольство своимъ положеніемъ и порождаетъ пороки и упадокъ нравственности. Другіе говорятъ или разумѣютъ, что образованіе не можетъ быть вредно, а всегда полезно. Одни — болѣе и менѣе добросовѣстные наблюдатели, другіе — теоретики. Какъ и всегда бываетъ въ спорахъ, и тѣ и другіе совершенно правы. Споръ, намъ кажется, заключается только въ неясномъ постановленіи вопроса. Одни, совершенно справедливо, нападаютъ на грамотность, какъ на отдѣльно привитую способность читать и писать, безъ всякихъ другихъ знаній (что и дѣлаетъ до сихъ поръ большая часть школъ, ибо выученное наизусть забывается, остается одна грамотность); другіе защищаютъ грамотность, подразумѣвая подъ нею первую степень образованія, и не правы только въ невѣрномъ пониманіи грамотности. Ежели вопросъ поставленъ такъ: полезно или нѣтъ для народа первоначальное образованіе? то никто не можетъ отвѣтить отрицательно. Ежели же спросятъ: полезно или нѣтъ выучить народъ читать, когда онъ не умѣетъ читать и у него нѣтъ книгъ для чтенія, то надѣюсь, что всякій безпристрастный человѣкъ отвѣтитъ: не знаю; точно такъ же не знаю, какъ не знаю, полезно ли было бы научить весь народъ играть на скрипкѣ или шить башмаки. Вглядѣвшись же ближе въ результатъ грамоты въ томъ видѣ, въ которомъ она передается народу, я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности, принявъ во вниманіе продолжительное принужденіе, несоразмѣрное развитіе памяти, ложное понятіе о закон-

ченности науки, отвращеніе къ дальнѣйшему образованію, ложное самолюбіе и средство къ безсмысленному чтенію, которыя пріобрѣтаютъ въ этихъ школахъ. Въ Яснополянской школѣ всѣ прибывающіе ученики изъ школъ грамотности постоянно отстаютъ отъ учениковъ, поступающихъ изъ жизненной школы, и не только отстаютъ, но отстаютъ тѣмъ больше, чѣмъ дольше они учились въ школѣ грамотности.

Въ чемъ состоитъ задача и, потому, программа народной школы, мы не только не можемъ здѣсь объяснить, но и вовсе не полагаемъ этого возможнымъ. Народная школа должна отвѣчать на потребности народа, — вотъ все, что мы можемъ сказать положительнаго на такой вопросъ. Въ чемъ же состоятъ эти потребности, можетъ отвѣтить только изученіе ихъ и свободный опытъ. Грамота же составляетъ только одну малую, незамѣтную часть этихъ потребностей, вслѣдствіе чего школы грамотности суть школы, можетъ быть, очень пріятныя для ихъ учредителей, но почти безполезныя и часто вредныя для народа и нисколько не похожія даже на школы первоначальнаго образованія. Вслѣдствіе того же вопросъ о томъ, какъ учить поскорѣе грамотѣ и по какой методѣ, есть вопросъ мало интересный въ дѣлѣ народнаго образованія. Вслѣдствіе того же люди, для забавы занимающіеся школами грамотности, гораздо лучше сдѣлаютъ, перемѣнивъ это занятіе на болѣе интересное, ибо дѣло народнаго образованія, заключающееся не въ одной грамотности, представляется дѣломъ не только труднымъ, но и необходимо требующимъ непосредственнаго, упорнаго труда и изученія народа. Школы же грамотности въ той мѣрѣ, въ которой грамота необходима для народа, являются и существуютъ сами собою ровно на столько, на сколько ихъ нужно. Школы эти существуютъ у насъ въ большомъ количествѣ по той причинѣ, что учителя этихъ школъ ничего другого передать не могутъ изъ своихъ знаній, кромѣ грамоты, и народъ имѣетъ потребность въ извѣстной пропорціи знать грамоту для практическихъ цѣлей, — прочесть вывѣску, записать цифирь, почитать за деньги псалтырь надъ усопшимъ и т. д. Школы эти существуютъ какъ мастерскія портныхъ и столяровъ, даже взглядъ народа на нихъ и даже пріемы учащихъ тѣ же самые: такъ же ученикъ самъ собою, временемъ какъ-то выучивается, такъ же мастеръ употребляетъ ученика для своихъ нуждъ: за водкой сходить, дрова колоть, токъ расчищать, такъ же есть срокъ выучки. Точно такъ же, какъ и мастерство, грамота эта никогда не употребляется для дальнѣйшаго образованія, а только для практическихъ цѣлей. Понамарь или солдатъ учитъ, а му-

жикъ изъ трехъ сыновей одного отдаетъ на выучку грамотѣ, какъ въ портные, и удовлетворяется законная потребность того и другого; но видѣть въ этомъ извѣстную степень образованія и на этомъ основаніи строить государственную школу, полагая весь недостатокъ такой школы только въ методѣ обученія грамотѣ, и завлекать въ нее хитростью или насиліемъ— было бы преступленіемъ и ошибкою.

Но въ школѣ народнаго образованія, какъ вы ее разумѣете, скажутъ мнѣ, обученіе грамотѣ все-таки составитъ одно изъ первыхъ условій образованія какъ потому, что потребность знать грамоту лежитъ во взглядѣ народномъ на образованіе, такъ и потому, что наибольшее число учителей лучше всего знаютъ только грамоту, и потому вопросъ о методѣ обученія грамотѣ представляется все-таки вопросомъ труднымъ и требующимъ разрѣшенія. На это отвѣтимъ, что въ большей части школъ, при недостаточности нашего знанія народа и педагогики, образованіе, дѣйствительно, начинается съ обученія грамотѣ; но что процессъ обученія знакамъ печати и письма представляется намъ самымъ ничтожнымъ и давно извѣстнымъ. Дьячки выучиваютъ по «буки-азъ-ба» грамотѣ въ три мѣсяца; умный отецъ или братъ этимъ же способомъ выучиваетъ гораздо скорѣе; по Золотовской и Лаутиръ-методѣ выучиваются, говорятъ, еще скорѣе; но, выучившись какъ по той, другой и третьей методѣ, ничего не выиграютъ, ежели не будутъ выучены понимать читанное, что составляетъ главную задачу при обученіи грамотѣ. Объ этой же самой нужной, трудной и еще не найденной методѣ ничего не слышно. А потому вопросъ о томъ, какъ удобнѣе всего выучить грамотѣ, хотя и требующій отвѣта, представляется намъ весьма ничтожнымъ, и упорство въ отыскиваніи методы и трата силъ, имѣющихъ болѣе важное приложеніе къ дальнѣйшему образованію, кажутся намъ большимъ недоразумѣніемъ, вытекающимъ изъ неточнаго пониманія грамотности и образованія.

Сколько намъ извѣстно, всѣ существующія методы можно раздѣлить на три методы и ихъ сочетанія:

1. Метода «азовъ», складовъ и толковъ и выученье почти наизусть одной книжки Buchstabirmethode.

2. Метода гласныхъ и приставленія къ нимъ согласныхъ, выражаемыхъ только вмѣстѣ съ гласною.

3. Звуковая метода.

Золотовская метода есть остроумное сочетаніе 2-й и 3-й, какъ и всѣ другія методы суть только сочетанія этихъ трехъ основныхъ методъ.

Всѣ методы эти одинаково хороши, каждая съ извѣстной стороны имѣетъ преимущество надъ другою вообще и преимущество относительно извѣстнаго языка и даже извѣстныхъ способностей ученика, и каждая имѣетъ свои затрудненія. Первая, напримѣръ, облегчаетъ выучиваніе азовъ, называя ихъ: азъ, буки, вѣди, или ананасъ, баранъ и т. д., и переноситъ всю трудность въ склады, которые отчасти выучиваются наизусть, отчасти познаются инстинктомъ при чтеніи съ указкой наизусть цѣлой книги. Вторая облегчаетъ склады и сознаніе безгласности согласной, но затрудняетъ въ выучиваніи буквъ, въ произнесеніи полугласныхъ и въ сложныхъ тройныхъ и четверныхъ складахъ, особенно въ нашемъ языкѣ. Метода эта для нашего языка представляетъ затрудненіе въ сложности и большемъ числѣ оттѣнковъ нашихъ гласныхъ. «Ь» и всѣ составленныя изъ нея гласныя *«ъа — я, ъе — е, ъу — ю»* невозможны; *я* съ приставленіемъ къ нему *«б»* будетъ *«бъя»*, а не *«бя»*. Для того, чтобы произносить *«бя»* и *«бю»*, *«бъ»* и *«бе»*, ему надо выучить склады наизусть, иначе будетъ: *бъя*, *бъю*, *бъ* и *бъе*. Звуковая метода, одно изъ самыхъ комичныхъ порожденій нѣмецкаго ума, представляетъ большія удобства въ сложныхъ складахъ, она зато невозможна для изученія буквъ. И несмотря на то, что по правиламъ семинарій бухштабирметоде не должно признавать, буквы выучиваются по старой методѣ, только вмѣсто того, чтобъ откровенно произнести по-старому *эфъ*, *і*, *шъ*, учитель и ученики ломаютъ себѣ ротъ, чтобъ произнести *«фъ-і-шъ»*, да притомъ *«шъ»* составляется изъ «sch», а не есть одна буква.

Золотовская метода представляетъ большое удобство въ соединеніи слоговъ въ слова и въ сознаніи безгласности согласныхъ, но представляетъ свои трудности въ заучиваніи буквъ и въ сложныхъ складахъ. Она удобнѣе другихъ только потому, что есть соединеніе двухъ методъ, но далеко не совершенна, потому что есть — метода.

Наша бывшая метода, состоящая въ томъ, чтобы выучивать буквы, называя ихъ *бе*, *ве*, *ге*, *ме*, *ле*, *се*, *фе* и т. д., и потомъ складывать на-слухъ, откидывая ненужную гласную и наоборотъ, представляетъ тоже свои выгоды и невыгоды и тоже состоитъ изъ соединенія трехъ методъ. Опытъ убѣдилъ насъ, что нѣтъ ни одной методы дурной и ни одной хорошей, что недостатокъ методы состоитъ только въ исключительномъ слѣдованіи одной методѣ, а лучшая метода есть — отсутствіе всякой методы, но знаніе и употребленіе всѣхъ методъ и изобрѣтеніе новыхъ по мѣрѣ встрѣчающихся трудностей.

Мы подраздѣлили методы на три отдѣла, но подраздѣленіе это несущественно. Мы сдѣлали его только для ясности; собственно же нѣтъ никакихъ методъ и каждая заключаетъ въ себѣ всѣ другія. Всякій, обучившій другого грамотѣ, употребилъ для этого, хотя и безсознательно, всѣ существующія и имѣющія существовать методы. Изобрѣтеніе новой методы есть только сознаніе той новой стороны, съ которою можно подходить къ учащемуся для вразумленія его, и потому новая метода не исключаетъ старой, не только лучше старой, но становится хуже, ибо большею частью сначала попадаютъ на самый существенный пріемъ. Большею же частью изобрѣтеніе новаго пріема считалось уничтоженіемъ стараго, хотя въ дѣйствительности старый пріемъ все-таки оставался самымъ существеннымъ, и изобрѣтатели, сознательно отрицавшіе старые пріемы, этимъ отрицаніемъ только больше затрудняли дѣло, становились сзади тѣхъ, которые употребляли сознательно старые пріемы и безсознательно новые и будущіе пріемы. Приведемъ для примѣра самую старую и самую новую методу: методу Кирилла и Меѳодія и звуковую методу — остроумную Fischbuch, — употребляемую въ Германіи. Дьячокъ, мужикъ, учащій постарому «*азъ*, *буки*», почти всегда догадается объяснить ученику безгласность согласной и скажетъ, что въ «*буки*» выговаривается только «*бъ*». Я видѣлъ мужика, учившаго своего сына, объяснявшаго «*бъ*, *ръ*», и потомъ снова продолжавшаго учить по складамъ и толкамъ. Ежели учитель не догадается этого сдѣлать, то ученикъ самъ пойметъ, что въ *бе* существенный звукъ есть «*бъ*». Вотъ звуковая метода. Почти всякій старый учитель, заставляя складывать слово изъ двухъ или болѣе складовъ, закроетъ одинъ складъ и скажетъ: это *бо*, а это *го*, а это *ро*, и т. д. Вотъ часть пріемовъ Золотовской методы и методы гласныхъ. Каждый, заставляя учить букварь, заставляетъ ученика смотрѣть на изображеніе слова «*Богъ*», и въ то же время произноситъ «*Богъ*» и такимъ путемъ прочитываетъ съ нимъ цѣлую книгу, и процессъ складыванія усваивается ученикомъ свободно, соединяя органическое съ раздѣльнымъ, соединяя рѣчь знакомую (молитву, насчетъ необходимости знанія которой не можетъ быть вопроса въ умѣ мальчика) съ разложеніемъ этой рѣчи на составныя части. Вотъ всѣ новыя методы и еще сотни другихъ пріемовъ, которые безсознательно употребляетъ всякій умный старый учитель для объясненія процесса чтенія своему ученику, предоставляя ему всю свободу объяснять самому себѣ процессъ чтенія тѣмъ путемъ, который ученикъ найдетъ удобнѣйшимъ.

Не говоря о томъ, что при старой методѣ *«буки-азъ-ба»* я знаю сотни примѣровъ весьма быстраго выучиванья грамотѣ и сотни весьма медленнаго по новымъ методамъ, я утверждаю только то, что старая имѣетъ всегда преимущество предъ новою въ томъ, что она включаетъ въ себя всѣ новыя методы, хотя и безсознательно, новая же исключаетъ старыя, и еще въ томъ, что старая свободна, новая принудительна. Какъ свободна? скажутъ мнѣ, когда при старой методѣ розгами вбиваютъ склады, а при новой дѣтямъ говорятъ «вы» и просятъ ихъ только понять? Въ этомъ-то и состоитъ насиліе самое тяжелое и вредное для ребенка, когда его просятъ понять точно такъ же, какъ понимаетъ учитель. Всякій, кто самъ училъ, долженъ былъ замѣчать, что такъ же различно, какъ можно сложить 3, 4 и 8, такъ же различно можно сложить б, р, а. У одного ученика 3 и 4=7, да еще 3=10, да 5 осталось, точно такъ же у него—*а*, или *азъ*, да *р*, или *рцы*, да впереди *ра*, еще *буки* — *бра*, а у другого 8 да 3=11, да еще 4=15 и точно такъ же *буки*, *рцы* должно быть *бра*, потому что все складывали *бра*, *вра*, *гра* и т. д., а коли не *бра*, такъ *бру*, и еще тысячи различныхъ путей, изъ которыхъ *бъ*, *ръ* да *а* выйдетъ *бра* — есть одинъ и, можетъ быть (по моему мнѣнію), одинъ изъ послѣднихъ. Надобно никогда не учить и не знать людей и дѣтей, чтобы думать, что такъ какъ *бра* есть только соединеніе *бъ*, *ръ* и *а*, то каждому ребенку надо выучить *бъ*, *ръ* и *а*, и онъ будетъ складывать. Вы ему говорите: *б*, *р*, *а*, какой звукъ? онъ отвѣчаетъ: *ра*, — и совершенно правъ, у него такъ ухо устроено, — другой говоритъ: *а*, — третій говоритъ; *бръ*, такъ же, какъ въ *ща—сча* онъ говоритъ: *счъ* или *щъ*, такъ какъ въ *фъ* онъ говоритъ *хвъ*, и т. д. Вы говорите ему: *а*, *е*, *и*, *о*, *у*, главныя буквы; а для него *ръ*, *лъ*, главныя буквы, и онъ ловитъ совсѣмъ не тѣ звуки, которыхъ вы хотите.

Но этого мало, учитель изъ нѣмецкой семинаріи, обученный наилучшей методѣ, учитъ по Фишъ-Буху. Смѣло, самоувѣренно онъ садится въ классѣ, инструменты готовы: дощечки съ буквами, доска съ планочками и книжка съ изображеніемъ рыбы. Учитель оглядываетъ своихъ учениковъ и уже знаетъ все, что̀ они должны понимать; знаетъ, изъ чего состоитъ ихъ душа, и много еще другого, чему онъ наученъ въ семинаріи.

Онъ открываетъ книгу и показываетъ рыбу. «Что это такое, милыя дѣти?» Это, изволите видѣть, Anschauungsunterricht. Бѣдныя дѣти обрадуются на эту рыбу, ежели до нихъ уже дошли слухи изъ другихъ школъ и отъ старшихъ братьевъ, ка-

кимъ сокомъ достается эта рыба, какъ морально ломаютъ и мучатъ ихъ за эту рыбу. Какъ бы то ни было, они скажутъ: это—рыба. «Нѣтъ», отвѣчаетъ учитель. (Все, что я разсказываю, есть не выдумка, не сатира, а повтореніе тѣхъ фактовъ, которые я безъ исключенія видѣлъ во всѣхъ лучшихъ школахъ Германіи и тѣхъ школахъ Англіи, гдѣ успѣли заимствовать эту прекрасную и лучшую методу.) «Нѣтъ, — говоритъ учитель. — Что вы видите?» Дѣти молчатъ. Не забудьте, что они обязаны сидѣть чинно, каждый на своемъ мѣстѣ и не шевелиться — Ruhe und Gehorsam. — «Что же вы видите?» — Книжку, — говоритъ самый глупый. Всѣ умные уже передумали въ это время тысячу разъ, чтò они видятъ, и чутьемъ знаютъ, что имъ не угадать того, чего требуетъ учитель, и что надо сказать, что рыба не рыба, а что-то такое, чего они не умѣютъ назвать. «Да, да, — говоритъ съ радостью учитель,— очень хорошо, — книга». Умные осмѣливаются; глупый самъ не знаетъ, за что его хвалятъ. «А въ книгѣ что?» говоритъ учитель. Самый бойкій и умный догадывается и съ гордою радостью говоритъ: Буквы. — «Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, — даже съ печалью отвѣчаетъ учитель, — надо думать о томъ, что говоришь». Опять всѣ умные въ уныніи молчатъ, и даже не ищутъ, а думаютъ о томъ, какія очки у учителя, зачѣмъ онъ не сниметъ ихъ, а смотритъ черезъ нихъ и т. п. «Такъ что же въ книгѣ?» — Всѣ молчатъ. — «Что вотъ здѣсь?» — Рыба,— говоритъ смѣльчакъ. — «Да, рыба, но вѣдь не живая рыба?»— Нѣтъ, не живая. — «Очень хорошо. А мертвая?» — Нѣтъ.— «Прекрасно. Какая же это рыба?» — Ein Bild — картина. — «Такъ, прекрасно». Всѣ повторяютъ: это—картина, и думаютъ, что кончено. Нѣтъ, надо сказать еще, что это картина, изображающая рыбу. И точно такимъ же путемъ добивается учитель, чтобъ ученики сказали, что это есть картина, изображающая рыбу. Онъ воображаетъ, что ученики разсуждаютъ, и никакъ не догадывается, что ежели ему велѣно заставлять учениковъ говорить, что это есть картина, изображающая рыбу, или самому такъ хочется, то гораздо бы проще было заставить ихъ откровенно выучить наизусть это мудрое изреченіе.

Еще счастливы тѣ ученики, которыхъ учитель оставитъ на этомъ въ покоѣ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ заставлялъ ихъ сказать, что это не рыба, а вещь — ein Ding, а вещь эта — уже есть рыба. Это, изволите видѣть, новый *Anschauungsunterricht* въ соединеніи съ грамотой, это — искусство заставлять дѣтей думать. Но вотъ *Anschauungsunterricht* конченъ, начинается разложеніе слова. Показывается слово *Fisch*, соста-

вленное изъ буквъ, на картонахъ. Лучшіе и умные ученики думаютъ тутъ поправиться и сразу схватить очертанія и названія буквъ, но не тутъ-то было. «Что есть у рыбы спереди?» Напуганные молчатъ, наконецъ смѣльчакъ говоритъ: голова. «Хорошо, очень хорошо. А голова гдѣ? въ чемъ?» — Спереди. — «Очень хорошо, а послѣ головы что?» — Рыба. — «Нѣтъ, думайте!» Они должны сказать: тѣло — Leib. Говорится и это, но ужъ ученики теряютъ всякую надежду и увѣренность въ себѣ и всѣ умственныя силы напрягаютъ на уразумѣніе того, что̀ нужно учителю. Голова, тѣло и конецъ рыбы, хвостъ. Прекрасно! всѣ вдругъ: рыба имѣетъ голову, тѣло и хвостъ. «Вотъ рыба, составленная изъ буквъ, и вотъ рыба нарисованная». Составленная изъ буквъ рыба вдругъ раздѣляется на три части: на *F*, на i и на sch. Учитель съ самодовольствомъ фокусника, обрызгавшаго всѣхъ цвѣтами вмѣсто вина, отодвигаетъ *F*, показываетъ и говоритъ: «это голова, i—это тѣло, *sch* — это хвостъ», и повторяетъ — «*Fisch*, ффффф iiii шшшшш. Это ффффъ, — это iiii, шшшшшъ». И несчастные мучаются, шипятъ и фыкаютъ, произнося согласную безъ гласной, что физически невозможно. Не признавая того, самъ учитель за *ф* употребляетъ полугласную, составляющую средину между *ъ* и *ы*. Ученики сначала забавляются этимъ шипѣніемъ, но потомъ замѣчаютъ, что отъ нихъ требуютъ запоминанія, этихъ *ффъ*, *и*, *шшъ*, и говорятъ; *шифъ*, *шишъ*, *фифъ* и рѣшительно не узнаютъ своего слова *фишъ* въ *ффффф... iiii... шшшшъ*. Учитель, знающій наилучшую методу, не придетъ имъ на помощь, посовѣтовавъ запомнить *ф* по Федеръ, Faустъ и *ш* по шюрце, шахтель и т. д., но требуетъ шшшъ; не только не придетъ на помощь, но рѣшительно не позволитъ выучить буквы по азбукѣ съ картинками, или по фразамъ, какъ, напримѣръ: азъ, буду, вѣдать, глаголъ... не позволитъ выучить склады и читать знакомое, не зная складовъ; однимъ словомъ, выражаясь по-нѣмецки, — игнорируетъ, — обязанъ не знать всѣ другія методы, кромѣ *фишъ* и то, что рыба есть вещь и т. д.

Для грамоты есть метода и для первоначальнаго развитія мышленія есть метода Anschauungsunterricht (смотри Denzel's Entwurf), обѣ соединяются вмѣстѣ, и дѣти должны пройти въ эти иглиныя уши. Всѣ мѣры приняты для того, чтобы другого развитія, кромѣ какъ по этому пути, не могло быть въ школѣ. Всякое движеніе, слово, вопросъ — запрещены. Die Hände sein zusammen. Ruhe und Gehorsam. И есть люди подтрунивающіе надъ «буки-азъ-ба», утверждающіе, что «буки-азъ-ба» есть убивающая умственныя способности метода, и рекомен-

дующіе Lautir-methode in Verbindung mit Anschauungsunterricht, т.-е. рекомендують заучиваніе наизусть: рыба есть вещь и *фъ* есть голова, *і* — тѣло, а *шъ* — хвость рыбы, а не заучивать наизусть псалтырь и часовникъ. Англичане и французы-педагоги съ гордостью произносятъ трудное для нихъ слово Anschauungsunterricht и говорятъ, что они вводятъ его вмѣстѣ съ первоначальнымъ обученіемъ. Для насъ этотъ Anschauungsunterricht, о которомъ мнѣ еще придется говорить подробно, представляется чѣмъ-то совершенно непонятнымъ. Что̀ такое это наглядное обученіе? Да какое же можетъ быть обученіе, какъ не наглядное? Всѣ пять чувствъ участвуютъ въ обученіи, и потому всегда былъ и будетъ Anschauungsunterricht.

Для европейской школы, выбивающейся изъ средневѣковаго формализма, понятны названіе и мысль нагляднаго обученія въ противоположность прежнему обученію, извинительны даже ошибки, состоящія въ удержаніи стараго метода и въ измѣненіи только внѣшнихъ пріемовъ; но для насъ, я повторяю, Anschauungsunterricht не имѣетъ смысла. Я до сихъ поръ, послѣ тщетнаго исканія этого Anschauungsunterricht'а и метода Песталоцци по всей Европѣ, ничего не нашелъ, кромѣ того, что географіи надо учить по картамъ выпуклымъ, ежели онѣ есть, краскамъ—по краскамъ, геометріи—по чертежамъ, зоологіи—по звѣрямъ и т. д., что каждый изъ насъ знаетъ съ тѣхъ поръ, какъ родился, чего вовсе не нужно было выдумывать, потому что это давно выдумано самою природою, вслѣдствіе чего это каждому, не воспитанному въ противныхъ понятіяхъ, и извѣстно. И эти и подобныя методы и методы приготовленія учителей по извѣстнымъ методамъ серьезно предлагаютъ намъ, начинающимъ свои школы во 2-й половинѣ XIX столѣтія безъ всѣхъ историческихъ обузъ и ошибокъ, лежащихъ на насъ, совсѣмъ съ другимъ сознаніемъ, чѣмъ-то, которое было основаніемъ европейскихъ школъ. Да и не говоря о лжи этихъ методъ, о насилованіи духа учениковъ, — для чего намъ, у которыхъ по «буки-азъ-ба» понамари выучиваютъ грамотѣ въ 6 мѣяцевъ, заимствовать Lautiranschauungsunterrichtsmethode, по которой учатся годъ и болѣе!

Мы сказали выше, что, по нашему мнѣнію, всякая метода хороша и всякая одностороння; всякая удобна для извѣстнаго ученика и для извѣстнаго языка и народа. Поэтому звуковая метода и всякая другая не русская метода будетъ для насъ хуже «буки-азъ-ба». Ежели Lautiranschauungsunterricht въ Германіи, гдѣ нѣсколько поколѣній уже воспитаны такъ, чтобы думать по извѣстнымъ опредѣленнымъ Кантами и Шлеерма-

херами законамъ, гдѣ учителя приготовляются самые лучшіе, гдѣ Lautirmethode начата съ XVII вѣка и гдѣ все-таки метода приноситъ такіе неблестящіе результаты, — то что̀ бы было у насъ, ежели бы закономъ признана была извѣстная метода, извѣстный Lesebuch съ нравственными изреченіями? Что выйдетъ изъ обученія по какой бы то ни было неусвоенной народомъ и учителями вновь введенной методѣ?

Разскажу нѣсколько близкихъ случаевъ. Нынѣшнею осенью учитель, занимавшійся въ Яснополянской школѣ, открылъ свою школу въ деревнѣ, гдѣ изъ 40 учениковъ половина уже была обучена по азамъ и толкамъ и одна треть умѣла читать. Черезъ двѣ недѣли выразилось общее недовольство крестьянъ школой. Главные пункты обвиненія были: что учатъ по-нѣмецки *а*, *бе*, а не *азъ*, *буки*, что учатъ сказки, а не молитвы, и нѣтъ порядка въ школѣ. При свиданіи съ учителемъ я передалъ ему мнѣніе крестьянъ. Учитель университетскаго образованія съ презрительною улыбкой объяснилъ мнѣ, что онъ переучиваетъ *а*, *бе*, вмѣсто *азъ*, *буки*, для облегченія складовъ, что сказки читаютъ для того, чтобы пріучить понимать читанное сообразно съ ихъ понятіями, а что при новой его методѣ—наказывать дѣтей онъ считаетъ ненужнымъ, и потому строгаго порядка, къ которому привыкли крестьяне, видя своихъ дѣтей съ указками за складами, быть не можетъ.

Я посѣтилъ школу эту на третьей недѣлѣ. Мальчики раздѣлены были на три разряда, и учитель старательно ходилъ отъ однихъ къ другимъ. Одни, низшіе, стоя у стола, по картонному листу азбуки, учили наизусть мѣста, гдѣ стоятъ буквы. Я сталъ спрашивать ихъ; болѣе половины знали буквы, называя ихъ: азъ, буки и пр., другіе знали даже склады: одинъ зналъ читать, но учился сначала, тыкалъ пальцами и повторялъ *а*, *бе*, *ве*, воображая, что это что-то новое; другіе — средніе — складывали на слухъ с, к, а, — ска — одинъ задавалъ, другіе отвѣчали. И это они дѣлали третью недѣлю, тогда какъ довольно много одного дня, чтобы усвоить себѣ этотъ процессъ откидыванія лишней гласной *е*. Изъ нихъ я нашелъ тоже знающихъ склады по-старому и читающихъ. Они, такъ же какъ и первые, стыдились своего знанія и отрекались отъ него, воображая, что нѣтъ спасенія, не сложивши *бе*, *ре*, *а—бра*. Третьи, наконецъ, читали. Эти несчастные сидѣли на полу, каждый держа въ рукѣ книжку прямо передъ глазами, и, притворяясь, что читаютъ, повторяли громко слѣдующіе два стиха:

«Тамъ, гдѣ только кончикъ неба,
Тамъ народъ живетъ безъ хлѣба...»

Окончивъ эти стихи, они опять начинали то же сначала съ грустными и озабоченными лицами, изрѣдка покашиваясь на меня, какъ будто спрашивая: хорошо ли? Страшно и неимовѣрно разсказывать. Изъ этихъ мальчиковъ одни совсѣмъ умѣли читать, другіе не умѣли складывать; умѣющіе удерживались изъ дружнаго чувства, неумѣющіе — повторяли наизусть и три недѣли все повторяли только эти два стиха изъ отвратительнѣйшей передѣлки нехорошей для народа сказки Ершова.

Я сталъ спрашивать изъ священной исторіи, — никто ничего не зналъ, потому что учитель *по новой методѣ* не заставлялъ учить наизусть, а разсказывалъ по краткой священной исторіи. Я спросилъ нумерацію, — никто не зналъ, хотя учитель по два часа въ день показывалъ, опять по новой методѣ, нумерацію на доскѣ всѣмъ вмѣстѣ до милліоновъ сразу, а не заставлялъ учить наизусть. Я спросилъ молитвы, — ни одинъ не зналъ: говорили «Вотчу» съ ошибками, какъ выучились дома. И все отличные, полные жизни, ума и охоты къ ученію мальчики! И что ужаснѣе всего, — все это дѣлалось по моей методѣ! Всѣ пріемы, употребляемые въ моей школѣ, были и тутъ: и ученье буквъ, написанныхъ мѣломъ всѣми вмѣстѣ, и склады на-слухъ, и первое чтеніе, понятное для ребенка, и изустный разсказъ священной исторіи, и математика безъ выучиванія наизусть. Но вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ чувствовался пріемъ, самый знакомый учителю, ученія наизусть, котораго онъ сознательно избѣгалъ и которымъ однимъ онъ владѣлъ и противъ своей воли прилагалъ къ совершенно другимъ матеріаламъ: онъ заставлялъ учить наизусть не молитву, а сказку Ершова, заставлялъ учить наизусть священную исторію не съ книги, а своего дурного мертваго разсказа; то же самое съ математикою и складами. И невозможно выбить изъ головы этого несчастнаго учителя университетскаго образованія, что всѣ упреки *грубыхъ* мужиковъ тысячу разъ справедливы, что понамарь безъ всякаго сравненія учитъ лучше его, и что ежели онъ хочетъ учить, то можетъ учить грамотѣ по «буки-азъ-ба», заучивая наизусть, и этимъ способомъ можетъ принести извѣстную практическую пользу. Но учитель университетскаго образованія изучилъ, по его словамъ, методу Яснополянской школы, которую ему почему-то угодно принять за образецъ.

Другой примѣръ я видѣлъ въ уѣздномъ училищѣ одной изъ нашихъ столицъ. Прослушавъ съ замираніемъ сердца, какъ въ нашу честь отрубилъ намъ въ высшемъ классѣ лучшій ученикъ водныя сообщенія Россіи, и исторію Александра Македонскаго — въ среднемъ, мы уже хотѣли уходить съ товарищемъ, съ которымъ

посѣщали школы, какъ штатный смотритель пригласилъ насъ къ себѣ посмотрѣть на его новую, имъ изобрѣтенную и готовимую къ печати, методу обученія грамотѣ. «Я отобралъ 8 человѣкъ *самыхъ бѣдныхъ*, сказалъ онъ намъ, и надъ ними дѣлаю опыты и провѣряю свою методу». Мы вошли; восемь мальчиковъ стояли кучкой. «По мѣстамъ!» крикнулъ смотритель голосомъ самой старой методы. Мальчики стали кружкомъ и вытянулись. Около часу онъ толковалъ намъ, какъ прежде во всей столицѣ была въ употребленіи эта прекрасная звуковая метода, но теперь осталась въ одной только школѣ, и онъ хочетъ воскресить ее. Мальчики все стояли. Наконецъ онъ взялъ со стола карточку съ изображеніемъ *м—ы—шъ*. «Это что?» сказалъ онъ, показывая мышь.—Быкъ,—отвѣчалъ мальчикъ.—«Это что?—*мъ*». Мальчикъ сказалъ: *мъ*. — «А это—*ы*, а это—*шъ*,—вмѣстѣ—мышь. А тутъ приставить *ло*, выйдетъ мыло». Еле-еле дѣти могли дать намъ эти, выученные наизусть, отвѣты. Я попробовалъ спросить ихъ новое; никто ничего не зналъ, кромѣ *мышь* и *быкъ*.—Давно ли они учатся?—спросилъ я. Смотритель дѣлаетъ опыты уже 2-й годъ. Мальчики лѣтъ отъ 6 до 9 и все живые, настоящіе мальчики, — не куклы, а живые...

Когда я замѣтилъ смотрителю, что въ Германіи звуковая метода употребляется не такъ, онъ объяснилъ мнѣ, что въ Германіи, къ сожалѣнію, звуковая метода утратилась. Я попробовалъ увѣрить его въ противномъ, но онъ, въ доказательство своей мысли, принесъ мнѣ изъ другой комнаты 5 нѣмецкихъ азбукъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, составленныхъ не по звуковой методѣ. Мы замолчали и ушли, а 8 дѣтей остались для опытовъ смотрителя. Это было осенью 1861 года.

И какъ бы хорошо этотъ самый смотритель могъ бы выучить грамотѣ этихъ 8 мальчиковъ, засадивъ ихъ чинно за столикъ съ азбучками и указками и даже могъ бы подирать имъ вихры точно такъ же, какъ ему подиралъ ихъ учившій его отецъ дьяконъ. Сколько, сколько примѣровъ такого обученія по новымъ методамъ можно найти въ наше богатое рожденіемъ школъ время, не говоря о воскресныхъ школахъ, кишащихъ такими несообразностями?

А вотъ другіе противоположные примѣры. Въ открытой въ прошломъ мѣсяцѣ деревенской школѣ, при самомъ началѣ ученія, я замѣтилъ здороваго курносаго малаго лѣтъ 14, который, при повтореніи учениками буквъ, мурлыкалъ что-то про себя и самодовольно улыбался. Онъ не былъ записанъ въ число школьниковъ. Я спросилъ его, — онъ зналъ всѣ буквы, изрѣдка только сбиваясь на *буки*, *рцы* и т. д., какъ и всегда,

онъ стыдился этого, полагая, что это запрещено и дурно. Я спросилъ его склады, — онъ зналъ; заставилъ читать, — онъ читалъ безъ складовъ, хотя и самъ не вѣрилъ въ это. — Гдѣ ты учился?—«Лѣтомъ въ пастухахъ жилъ со мною товарищъ, онъ зналъ и мнѣ показывалъ». — Азбучка есть? — «Есть».—Откуда же? — «Купилъ». — Долго ли ты учился? — «Да лѣто, — когда покажетъ въ полѣ, вотъ и учился». Другой ученикъ Яснополянской школы, учившійся у понамаря, — мальчикъ 10 лѣтъ, привезъ мнѣ разъ своего брата. Братъ, 7 лѣтъ, читалъ хорошо и выучился въ одну зиму по вечерамъ у своего брата. Такихъ примѣровъ, я знаю, и всякій, кто захочетъ поискать въ народѣ, найдетъ очень много. Такъ на что же намъ выдумывать новыя методы и во что бы то ни стало бросать «буки-азъ-ба» и считать всѣ методы хорошими, кромѣ «буки-азъ-ба».

Кромѣ всего этого, русскій языкъ и кириллица имѣютъ передъ всѣми европейскими языками и азбуками огромное преимущество и отличіе, изъ которыхъ естественно долженъ вытекать и совершенно особый родъ ученія грамотѣ. Преимущество русской азбуки состоитъ въ томъ, что всякій звукъ въ ней произносится, какъ онъ есть, чего нѣтъ ни въ одномъ языкѣ. Ch произносится *цхе*, а не *ше*, какъ во французскомъ и нѣмецкомъ; *а*, есть *а*, а не *ай*, *е* и *а*, какъ въ англійскомъ; *с* есть *с*, а *ц* есть *ц*, а не *ч* и *к*, какъ въ итальянскомъ, не говоря уже о славянскихъ языкахъ, не имѣющихъ кириллицы.

Итакъ, какая же самая лучшая метода для обученія русской грамотѣ? Ни самая новая звуковая метода, ни самая старая — азовъ, складовъ и толковъ, ни метода гласныхъ, ни Золотовская метода. Однимъ словомъ, — нѣтъ лучшей методы. Лучшая метода для извѣстнаго учителя есть та, которая болѣе всѣхъ другихъ знакома учителю. Всѣ другія методы, которыя знаетъ учитель и которыя изобрѣтетъ учитель, должны помогать ученію, начатому по одной методѣ. Каждый народъ и каждый языкъ имѣютъ преимущественную связь съ одною какою-нибудь методой. Чтобъ узнать эту методу, нужно знать только, по какой методѣ дольше всего учился народъ, — метода эта въ своихъ основныхъ чертахъ будетъ наиболѣе свойственна народу. Для насъ — это есть метода буквъ, складовъ и толковъ, весьма несовершенная, какъ и всѣ методы, и потому могущая быть усовершенствована всѣми пріобрѣтеніями, которыя даютъ намъ новыя методы.

Всякая отдѣльная личность для того, чтобы выучиться наискорѣйшимъ образомъ грамотѣ, должна быть обучена совершенно особенно отъ всякой другой, и потому для каждаго должна

бы быть особая метода: для одного представляется непобѣдимою трудностью то, что̀ нисколько не задерживаетъ другого, и наоборотъ. Одинъ ученикъ силенъ памятью, и ему легче на память выучить склады, чѣмъ понять безгласность согласной; другой спокойно соображаетъ и пойметъ звуковую самую раціональную методу; у третьяго есть чутье, инстинктъ, и онъ, читая цѣлыя слова, уразумѣваетъ законъ сложенія словъ.

Наилучшій учитель будетъ тотъ, у котораго сейчасъ подъ рукою готово разъясненіе того, что̀ остановило ученика. Разъясненія эти даютъ учителю знаніе наибольшаго числа методъ, способность придумывать новыя методы и главное — не слѣдованіе одной методѣ, а убѣжденіе въ томъ, что всѣ методы односторонни, и что наилучшая метода была бы та, которая отвѣчала бы на всѣ возможныя затрудненія, встрѣчаемыя ученикомъ, т.-е. не метода, а искусство и талантъ.

Всякій учитель грамоты долженъ твердо знать и опытомъ своимъ провѣрить одну, выработанную въ народѣ, методу; долженъ стараться узнавать наибольшее число методъ, принимая ихъ какъ вспомогательныя средства; долженъ, принимая всякое затрудненіе пониманія ученика не за недостатокъ ученика, а за недостатокъ своего ученія, стараться развивать въ себѣ способность изобрѣтать новые пріемы. Всякій учитель долженъ знать, что каждая изобрѣтенная метода есть только ступень, на которую должно становиться для того, чтобы идти дальше; долженъ знать, что ежели онъ самъ того не сдѣлаетъ, то другой, усвоивъ себѣ эту методу, на основаніи ея пойдетъ дальше, и что такъ какъ дѣло преподаванія есть искусство, то оконченность и совершенство недостижимы, а развитіе и совершенствованіе безконечны.

Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ.

I.

На-дняхъ прочелъ я проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ. Чтенiе это произвело на меня впечатлѣнiе, похожее на то, которое долженъ испытывать человѣкъ, давно знавшiй и любившiй на его глазахъ выраставшую молодую рощу, получивъ неожиданное извѣстiе, что изъ рощи этой предположено сдѣлать садъ — тутъ вырѣзать, тутъ подчистить и подстричь, тутъ срѣзать съ корнемъ молодые отпрыски и на ихъ мѣстѣ набить щебнемъ дорожки.

Общiй смыслъ проекта слѣдующiй: правительство, считая необходимымъ распространить народное образованiе и предполагая, что образованiе народа еще не началось, что онъ враждебно смотритъ на свое будущее образованiе, предполагая, что уставъ 1828 года, воспрещающiй открывать школы и учить лицамъ, не имѣющимъ на то права, исполняется, предполагая, что народъ безъ понужденiя никогда не примется за свое образованiе и что, принявшись, не сумѣетъ повести его, — правительство накладываетъ на народъ новую, самую большую изъ всѣхъ существовавшихъ податей — училищную подать и поручаетъ чиновникамъ министерства управленiе всѣми вновь открытыми училищами, т.-е. назначенiе учителей, программъ, руководствъ. Правительство, на основанiи взятой подати, обязуется передъ народомъ найти и опредѣлить 50.000 учителей и учредить, по крайней мѣрѣ, 50.000 училищъ. Правительство же до сей поры само постоянно чувствовало и чувствуетъ свою несостоятельность относительно управленiя уже существующими приходскими и уѣздными училищами. Всѣ знаютъ и согласны, что учителей нѣтъ.

Мысль эта, столь странная въ своемъ простомъ выраженiи для каждаго русскаго человѣка, знающаго свое отечество, въ проектѣ затемнена различными оговорками, предначертанiями

и дарованіями правъ, въ которыхъ до сей поры ни одинъ русскій человѣкъ никогда не думалъ сомнѣваться. Мысль эта, впрочемъ, не новая. Она была приложена въ одномъ изъ самыхъ большихъ государствъ міра, именно въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Результаты приложенія этой мысли въ Америкѣ были относительно самые блестящіе: нигдѣ народное образованіе не развилось такъ быстро и повсемѣстно. Это совершенно справедливо. Но ежели Америка, начавъ свои школы послѣ европейскихъ государствъ, болѣе успѣла въ народномъ образованіи, чѣмъ Европа, то изъ этого только слѣдуетъ, что она исполнила свое историческое призваніе, и что Россія, въ свою очередь, должна исполнить свое. Россія, перенеся на свою почву американскую, обязательную (посредствомъ налога) систему, поступила бы такъ же ошибочно, какъ ошибочно поступила бы Америка при началѣ своихъ школъ, усвоивъ себѣ германскую или англійскую систему. Успѣхъ Америки произошелъ только отъ того, что школы ея развивались сообразно времени и средѣ. Точно такъ же, казалось бы мнѣ, должна поступить и Россія: я твердо убѣжденъ, что для того, чтобы русская система народнаго образованія не была хуже другихъ системъ (а она по всѣмъ условіямъ времени должна быть лучше), она должна быть своя и непохожая ни на какую другую систему.

Законъ о налогѣ на школы составленъ въ Америкѣ самимъ народомъ. Ежели не весь народъ, то большинство было убѣждено въ необходимости предложенной системы образованія и имѣло полное довѣріе къ правительству, которому оно поручало устройство школъ. Ежели налогъ и казался насильственнымъ, то только для незначительнаго меньшинства.

Какъ извѣстно, Америка — единственное въ мірѣ государство, не имѣющее крестьянскаго сословія не только de jure, но и de facto, вслѣдствіе чего въ Америкѣ не могло существовать того различія въ образованіи и взглядѣ на него, которое существуетъ у насъ между крестьянскимъ и некрестьянскимъ сословіемъ. Америка, кромѣ того, устраивая свою систему, я полагаю, была убѣждена, что у нея есть самый существенный элементъ для устройства школъ — учителя.

Ежели мы сравнимъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Россію съ Америкой, то несостоятельность перенесенія американской системы на русскую почву будетъ для насъ очевидна.

Обращаюсь къ самому проекту. Глава I, полож. общ.

§ 1. *Для утвержденія въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій и для предоставленія всему сельскому сословію и низшимъ классамъ городского населенія первоначальныхъ, общихъ*

и необходимыхъ каждому свѣдѣній устраиваются повсемѣстно отъ сельскихъ и городскихъ обществъ училища въ потребномъ соразмѣрно населенію, числѣ.

Что такое значитъ «устраиваются»? Какимъ процессомъ? (Что народъ не приметъ въ устройствѣ этомъ никакого участія, въ этомъ можно быть убѣжденнымъ: народъ будетъ смотрѣть на училищную подать только какъ на увеличеніе налоговъ.) Кто выберетъ мѣсто, гдѣ строить школу, кто велитъ строить, кто назначитъ учителя, кто пригласитъ дѣтей и заохотитъ родителей отдавать — все это вопросы, на которые я не нашелъ отвѣтовъ въ проектѣ. Все это будетъ дѣлаться чиновниками Мин. Нар. Просв. и мировыми посредниками съ содѣйствіемъ мѣстной полиціи; но какимъ образомъ и на основаніи какихъ данныхъ?

Устраиваются повсемѣстно въ потребномъ, соразмѣрно населенію, числѣ. Не говоря о невозможности подвести все русское населеніе въ отношеніи народнаго образованія подъ одну шапку, мнѣ, кромѣ того, кажется крайне неудобнымъ и вреднымъ такимъ образомъ насильственно уравнивать образованіе. Есть губерніи, уѣзды, округи, въ которыхъ есть сильная потребность въ школахъ (потребность въ пропорціи 200 и 300 учащихся на 1.000 душъ) и потребность школъ съ болѣе распространенными программами. Есть, напротивъ, мѣстности, въ которыхъ потребность 50 и даже 10 учащихся на 1.000 душъ еще не существуетъ и вь которыхъ насильственная школа или принесетъ вредъ или, по меньшей мѣрѣ, будетъ только совершенно безполезно тратить средства, предназначенныя на народное образованіе.

Я знаю мѣстности на разстояніи 20 верстъ одна отъ другой: въ одной въ безплатную школу, въ той же деревнѣ, никто не посылаетъ своихъ дѣтей; въ другой мѣстности ходятъ за три версты и охотно платятъ по полтинѣ въ мѣсяцъ. Обязательное учрежденіе школы въ соразмѣрномъ населенію числѣ въ первой мѣстности породитъ только недовѣріе и озлобленіе противъ школы; во второй же мѣстности общая по всей Россіи пропорція будетъ недостаточна. И потому обязательное устройство школъ, *соразмѣрно населенію*, было бы частью вредною, частью безполезною тратой средствъ, предназначенныхъ для народнаго образованія.

§ 2. *Народныя училища имѣютъ опредѣленный министерствомъ народнаго просвѣщенія курсъ первоначальнаго преподаванія первоначальныхъ свѣдѣній.*

Опредѣлить курсъ народныхъ училищъ кажется мнѣ совершенно невозможнымъ.

Глава VI представляетъ лучшій образецъ такой невозможности. Тамъ, напримѣръ, въ курсѣ ученія не полагается письмо и, по смыслу примѣчанія, учить писанію можно только съ разрѣшенія учебнаго начальства.

§ 3. *Народныя училища суть заведенія открытыя, т.-е. предназначаемыя исключительно для приходящихъ учениковъ.*

Этотъ параграфъ принадлежитъ къ тому разряду тѣхъ многихъ статей устава, въ которыхъ старательно и серьезно объясняется то, въ чемъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Появленіе такихъ отрицательныхъ статей невольно наводитъ на мысль, что онѣ писаны только для увеличенія объема проекта, или что въ комитетѣ были члены, требовавшіе, чтобы народныя школы были пансіонами.

§ 4. *Для постояннаго и непосредственнаго наблюденія за каждымъ училищемъ обществамъ, средствами коихъ училища содержатся, предоставляется избирать попечителей или попечительницъ, а гдѣ таковые избраны не будутъ, наблюденіе за училищемъ возлагается на мирового посредника.*

Кто будетъ избирать этихъ попечителей, кто пойдетъ въ эти попечители, и что такое значатъ эти попечители, что такое значитъ наблюденіе за училищами — неизвѣстно изъ всего устава.

Деньги будутъ не у попечителя, назначеніе и смѣна учителей зависятъ не отъ попечителя, измѣненія программы ученія не во власти попечителя — что же такое, спрашивается, попечитель? Люди, забавляющіеся этимъ названіемъ и вслѣдствіе того дающіе цѣлковые, рубли. Изъ уваженія къ человѣку я не могу предположить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ принять на себя такое странное званіе, и чтобъ общества захотѣли избирать кого-нибудь въ такую мнимую должность.

§ 5. *Въ учебномъ отношеніи всѣ народныя училища въ имперіи подлежатъ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія и управляются черезъ назначаемыхъ отъ него въ каждой губерніи директоровъ училищъ.*

§ 6. *Хозяйственною частью въ каждомъ училищѣ завѣдываетъ само общество, на счетъ котораго училище содержится.*

§ 7. *Платы за обученіе учениковъ въ народныхъ училищахъ не взимается, кромѣ случаевъ, означенныхъ въ ст. 25 и 26.*

Статья 7 со сноской на ст. 25 и 26 принадлежитъ къ разряду тѣхъ серьезно-офиціальныхъ статей, о которыхъ упомянуто выше. По смыслу ея, крестьяне, заплатившіе 30 коп. съ души на школу, имѣютъ уже полное право не платить въ другой разъ за своихъ дѣтей.

Ст. 6 и 7 далеко не такъ опредѣлительны. Что такое значатъ *учебная часть*, завѣдываніе которою предоставлено директору училищъ, и *хозяйственная часть*, предоставленная обществу? Назначеніе и смѣна учителей, устройство училища, выборъ для него мѣста, плата учителю, выборъ книгъ, программъ— все это зависитъ отъ Мин. Нар. Пр. Въ чемъ же состоитъ остальная часть, предоставленная обществу?.. Въ покупкѣ заслонокъ и задвижекъ, въ выборѣ — прорубить дверь справа или слѣва, въ наемкѣ сторожа къ училищу, въ мытьѣ половъ и т. д. И даже въ этомъ отношеніи обществу предоставлено право только платить за все своими деньгами. Какъ и что должно быть устроено, все уже обдумано въ уставѣ и будетъ исполняемо училищнымъ начальствомъ.

По ст. 5 полагается директоръ училищъ. На каждаго директора придется отъ трехъ до пятисотъ училищъ. Объѣхать всѣ училища разъ въ годъ директору будетъ невозможно, а потому управленіе директора училищами будетъ только канцелярское.

Глава II. *Учрежденіе училищъ.*

Я пропускаю ст. 8 и 9, относящіяся до городскихъ училищъ, которыхъ я не изучалъ и про которыя вслѣдствіе того не могу судить.

Ст. 10. *Въ селеніяхъ каждый приходъ обязанъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одно народное училище.*

Слово *обязанъ* уничтожаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что по смыслу проекта будутъ или не будутъ крестьяне принуждаемы открывать училища. Представляются только вопросы: 1) что такое приходъ (составители проекта разумѣли, можетъ быть, волость) и 2) какимъ образомъ будетъ поступаемо въ случаѣ, который повторится чаще всего, когда крестьяне откажутся принимать какое бы то ни было участіе въ учрежденіи школъ и только вслѣдствіе полицейскихъ мѣръ отдадутъ свою училищную подать? Кто выберетъ мѣсто, строеніе, учителя и т. п.?

Ст. 11. *Приходы, коихъ средства на содержаніе училищъ недостаточны, могутъ, взамѣнъ устройства училища, нанимать отъ общества учителя для безплатнаго обученія дѣтей того прихода въ отведенной ему квартирѣ, или въ сборной избѣ, или у очередного хозяина.*

Ст. 12. *По правиламъ, въ предшедшей 11 ст. постановленнымъ, поступаютъ и отдѣльныя, удаленныя отъ приходскихъ церквей селенія, когда, за дальностью разстоянія и неудобствомъ сообщенія, затруднительно посылать дѣтей въ училище своего прихода.*

Ст. 11 и 12, съ одной стороны, совершенно непонятны, съ другой — принадлежатъ къ разряду опредѣлительныхъ офиціальныхъ статей, о которыхъ было упомянуто.

Когда приходы наймутъ учителя и наймутъ избу, то почему же это не училище, а приходы только *могутъ* это дѣлать? До сихъ поръ мнѣ казалось, что ежели есть ученики, учитель и помѣщеніе, то есть и училище; почему же учитель, помѣщеніе и ученики — не училище? Ежели же надо разумѣть, что отдаленнымъ и малонаселеннымъ обществамъ предоставляется право самимъ выбирать учителей, не соображаясь съ опредѣленнымъ проектомъ содержаніемъ учителя, и не подписывать надъ избой слово «училище», то въ этомъ правѣ никто никогда не сомнѣвался: всегда имъ пользовались и пользуются и будутъ пользоваться, несмотря ни на какія воспрещенія закона, не могущаго препятствовать отцу, дядѣ, куму учить мальчика одного, двухъ, трехъ и пятнадцать мальчиковъ. Въ статьѣ этой сказано только, что учитель долженъ быть нанимаемъ отъ всего общества, а это-то въ большей части случаевъ и неудобно, ибо всѣ свободно возникающія школы содержатся обыкновенно на плату съ родителей, а не со всего общества, что гораздо удобнѣе и справедливѣе.

Ст. 13, 14 и 15. *Гдѣ не представляется возможности для дѣвочекъ устроить отдѣльное отъ мальчиковъ училище, тамъ и тѣ и другіе обучаются въ одномъ и томъ же училищѣ, одними и тѣми же учителями, но въ разные часы дня или въ разные дни въ недѣлѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ для дѣвочекъ нѣтъ особеннаго училища, общество можетъ для ихъ обученія въ помощь учителю нанять учительницу. Дѣвочки до 13 лѣтъ могутъ быть допускаемы къ ученію вмѣстѣ съ мальчиками такого же возраста.*

Дѣвочки, о которыхъ говоритъ 13 ст., свыше 13 лѣтъ въ народѣ называются дѣвками, и предположить, чтобы дѣвокъ отпускали, и чтобъ онѣ сами стали ходить въ училище вмѣстѣ съ ребятами, и предписывать для нихъ правила, обезпечивающія народную нравственность — все равно, что предписывать законы для того, чего нѣтъ и быть не можетъ. При теперешнемъ взглядѣ народа на образованіе объ этомъ нельзя и думать. Если бы въ слѣдующемъ поколѣніи и могъ представиться такой случай, то 14 ст. разрѣшаетъ его, предоставляя обществу неслыханное для него право, — нанять, опять-таки на свои деньги, учительницу. Ученіе женщинъ въ школахъ еще не начиналось, и я смѣю думать, что ст. 13, 14 и 15 еще не угадали всѣхъ могущихъ быть случаевъ при этомъ обученіи. Мнѣ кажется вообще, что весьма затруднительно предписать законныя формы тому, чего еще нѣтъ и что еще не начиналось.

Глава III. *Средство содержанія училищъ.*

Пропускаю статьи, относящіяся до городскихъ обществъ.

Ст. 20, 21, 22 и 23 постановляютъ обязательный сборъ съ прихода на содержаніе училищъ и на составленіе губернскаго капитала.

Мы должны опять повторить, что, несмотря на кажущуюся опредѣлительность этихъ статей, мы многаго и весьма существеннаго въ нихъ не понимаемъ, именно: кто расчисляетъ необходимое количество денегъ на училища, кому передаются эти деньги и въ какихъ случаяхъ? Имѣютъ ли общества право заявить себя неимущими на основаніи статей 10 и 11? Я убѣжденъ, что всѣ общества безъ исключенія пожелаютъ воспользоваться этимъ правомъ, и потому разъясненіе этого вопроса весьма важно. Изъ вышеприведенныхъ статей видно только, что составители проекта предлагаютъ обложить крестьянское сословіе податью, имѣющею быть употребленною на устройство училищъ и на составленіе губернскаго капитала. По крайне ошибочному расчету, приложенному къ уставу, придется на каждаго селянина $27^1/_2$ коп. съ души. Подать эта огромна, въ дѣйствительности же должна, по крайней мѣрѣ, ушестериться, ибо (стр. 18) приведенный расчетъ, основанный на статистическихъ данныхъ записки въ И. Р. Г. О. академика Веселовскаго, не только не имѣетъ никакихъ основаній, но долженъ заключать въ себѣ какую-нибудь типографскую ошибку. Трудно вѣрить, чтобы члены комитета могли такъ мало знать условія государства, въ которомъ живутъ, и условія народнаго образованія, которому они посвятили свои труды.

Число дѣтей, подлежащихъ первоначальному обученію, т.-е. имѣющихъ отъ 8 до 10 лѣтъ, составляетъ до $5^0/_0$ въ общей массѣ народнаго населенія.

Число дѣтей, подлежащихъ первоначальному обученію, будетъ втрое больше приведеннаго, ибо можетъ быть извѣстно каждому, кто потрудится войти въ какую-нибудь народную школу, что нормальный школьный возрастъ не отъ 8 до 10 лѣтъ, а мало положить отъ 7 до 13, вѣрнѣе же будетъ отъ 6 до 14. Въ настоящее время, при недостаточномъ еще распространеніи школъ, въ Ясенецкой волости на 1.000 душъ — сто пятьдесятъ человѣкъ учащихся, въ Головеньковской на 400 душъ — 60 человѣкъ учащихся, въ Трасненской на 500 душъ — 70 человѣкъ учащихся. Вездѣ при теперешнемъ неполномъ развитіи школъ не $5^0/_0$, а 12 и $15^0/_0$. Надо замѣтить при этомъ, что далеко еще не всѣ дѣти учатся, и дѣвочки составляютъ только $^1/_{20}$ всѣхъ учащихся.

Слѣдовательно, на 1.000 душъ мужского населенія, далѣе говоритъ проектъ, *надо полагать до 50 мальчиковъ, подлежащихъ по возрасту первоначальному обученію, а въ равномъ числѣ женскаго населенія—до 50 дѣвочекъ. Обученіе такого числа не будетъ слишкомъ обременительно для одного учителя.*

Учениковъ, какъ доказали выше, будетъ втрое больше, учить же одному учителю 50 мальчиковъ и 50 дѣвочекъ вмѣстѣ не только обременительно, но и положительно невозможно. Но не во всмъ этомъ еще вся сила опечатки. Какъ извѣстно каждому русскому, въ Россіи 6 мѣсяцевъ зима, морозы и мятели, въ Россіи же крестьянскія дѣти все лѣто на работахъ, а зимой рѣдкія имѣютъ достаточно теплое платье, чтобы выходить въ даль, но бѣгаютъ по улицѣ въ отцовскомъ полушубкѣ, надѣтомъ на голову, и опять—въ избу, на печку. Въ Россіи же большая часть селеній раскинута, по 50 и до 100 душъ, на разстояніи 2 и 3 верстъ. Какъ же по всей Россіи собрать учениковъ хоть по 50 въ одну школу? Какъ мнѣ показала дѣйствительность, среднимъ числомъ на одну школу нельзя разсчитывать болѣе, какъ отъ 10 до 15 учениковъ.

Ежели въ расчисленіи не было опечатки, и ежели проектъ дѣйствительно назначался къ исполненію, то на основаніи ошибки въ расчетѣ процентовъ школьнаго населенія налогъ долженъ увеличиться втрое, потому что на 1.000 душъ будетъ не одна, а три школы, по 50 учениковъ въ каждой. На основаніи ошибки въ расчетѣ, соединивъ по 50 учениковъ на училище, налогъ долженъ увеличиться еще вдвое, т.-е. полагая хоть по 25 учениковъ на училище и на 1.000 душъ 6 училищъ, итого 6 разъ $27^1/_2$ коп., за вычетомъ $10^0/_0$ на губернскій капиталъ, составитъ по меньшей мѣрѣ полтора рубля съ души, не считая нужнаго на устройство, ремонтъ училища натуральную повинность учителю. Налогъ невозможный. Въ примѣчаніи къ ст. 23, основанной *на выведенномъ изъ практики замѣчаніи, что расходы на ученіе нерѣдко отклоняютъ необразованныхъ родителей отъ помѣщенія дѣтей въ училище*, сказано, что принадлежности ученія и учебныя руководства покупаются не самими родителями, а тѣмъ неизвѣстнымъ по проекту лицомъ, которому предоставляются расходы по содержанію училищъ.

Выведенное изъ практики это замѣчаніе совершенно несправедливо, ибо, напротивъ, постоянно и вездѣ замѣчено, что родители охотнѣе отдѣльно покупаютъ книжки, аспидныя доски, карандаши для своихъ сыновей, съ тѣмъ чтобы вещи навсегда оставались въ домѣ, чѣмъ даютъ деньги на покупку этихъ ве-

щей для училищъ; кромѣ того, вещи эти дома всегда цѣлѣе и полезнѣе, чѣмъ въ школѣ.

Несмотря на то, что въ ст. 24 сказано, что *расходы* по *содержанію училища производятся сельскимъ старостой и учитываются сельскимъ сходомъ*, я утверждаю, что изъ проекта не видно, кому поручены расходы по содержанію училищъ. Кто, гдѣ, когда и какой строитъ домъ для училища, кто покупаетъ учебныя пособія? Какія и сколько покупается книгъ и грифелей и т. п.? Все это или предрѣшено проектомъ, или поручено директору училищъ. Обществамъ только представлено право собирать деньги и отдавать ихъ, еще нанимать или строить домъ, еще отрѣзать у себя полдесятины земли для учителя, еще ѣздить въ городъ покупать вьюшки и еще, самое лестное, повѣрять счеты денегъ, которыми они сами не распоряжаются. Все это сдѣлано, какъ говорится въ проектѣ, *для того, чтобы пробудить въ обществахъ болѣе готовности доставлять средства на содержаніе училищъ.*

Сказано: *предоставлять обществамъ полную самостоятельность какъ въ раскладкѣ и сборѣ нужной на содержаніе училищъ суммы, такъ и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ по пріобрѣтенію всего нужнаго для училища.*

Мнѣ кажется, что въ этомъ вопросѣ есть недостатокъ откровенности въ проектѣ: надо было проще сказать, что обществамъ не предоставляется никакого права и ни въ какомъ отношеніи по управленію его училищемъ, но что на общества налагается еще новая натуральная повинность, состоящая въ заготовленіи извѣстныхъ вещей и счетоводствѣ по училищу.

Ст. 25 накладываетъ натуральную повинность заготовленія помѣщенія и отопленія училища и учителю, — повинность, весьма неясно опредѣленная, тяжелая и по своей неопредѣленности могущая подать поводъ къ злоупотребленію отъ училищнаго начальства.

Ст. 26 относится къ городамъ.

Въ ст. 27 старательно объяснено, что платить за ученіе отдѣльно могутъ только лица, не платившія вмѣстѣ.

Ст. 28. *Городамъ или сельскимъ приходамъ, которые по малолюдству и бѣдности жителей дѣйствительно не въ состояніи будутъ содержать училища и даже нанимать учителя, можетъ быть назначаемо пособіе, по усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія изъ общаго запаснаго училищнаго капитала.*

Какъ сказано выше, всѣ безъ исключенія общества, ежели поймутъ смыслъ проекта, пожелаютъ подлежать этой 28 ст. и совершенно справедливо скажутъ, что большинство жителей

бѣдно. (Бѣдность, въ особенности деньгами, какъ извѣстно, есть общее условіе массы русскаго крестьянства.) Кто опредѣлитъ, какое общество можетъ подлежать статьѣ 28, какое прежде, какое послѣ? На основаніи чего и кѣмъ будутъ рѣшаться подобные вопросы? Проектъ ничего не говоритъ намъ на это, а вопросы эти по нашему убѣжденію, представятся повсемѣстно.

Ст. 29 повторяетъ еще разъ, что обществамъ предоставляется право прорубать двери въ училищѣ съ правой или съ лѣвой стороны, дѣлать сосновыя или дубовыя скамейки и даже не стѣсняться въ способахъ пріобрѣтенія, т.-е. имѣютъ полное право купить или изъ своего лѣса построить.

Только ст. 30, какъ обѣщаніе принять мѣры къ удешевленію учебниковъ, возбуждаетъ полное наше сочувствіе.

Ст. 31, 32, и 33 не относятся собственно до устройства сельскихъ школъ, а касаются составленія губернскаго капитала, при чемъ мы не можемъ согласиться съ цѣлесообразностью мѣры, отчуждающей отъ обществъ извѣстную часть средствъ и предающей ихъ въ руки правительства, съ тѣмъ, чтобы вновь употребить эти средства на общества. Намъ кажется, что эти деньги могли бы быть вѣрнѣе и полезнѣе употреблены на то самое общество, изъ котораго онѣ взяты.

Глава IV. *Личный составъ народныхъ училищъ.*

Въ ст. 34 сказано, что въ каждомъ училищѣ долженъ быть учитель и законоучитель, что совершенно справедливо. Кромѣ того, обществу предоставляется право избирать попечителей или попечительницъ. Въ послѣдующихъ статьяхъ объяснено, что попечители и попечительницы не имѣютъ никакого значенія и никакого права и для избранія не обязаны имѣть никакихъ условій.

Въ ст. 37 объяснено, *что попечитель или попечительница вступаютъ въ должность немедленно по избраніи и о вступленіи въ исправленіе оной сообщаютъ директору училищъ губерніи.*

Кромѣ того, въ 38 ст. обозначено, что попечители *не подчинены, а сносятся* съ училищнымъ начальствомъ, пишутъ потому не рапорты, а отношенія, что̀ весьма лестно и опредѣлительно.

Но зато въ ст. 36, гдѣ сказано, что попечители имѣютъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ учащими ихъ обязанностей, за исправною платой учащимъ жалованья, за своевременнымъ доставленіемъ училищу всего необходимаго и за внѣшнимъ порядкомъ въ училищѣ, не сказано, что̀ можетъ и долженъ дѣлать попечитель въ случаѣ неисправнаго исполненія обязанностей учащими. Онъ можетъ только сноситься, т.-е. доносить директору; можетъ это дѣлать справедливо и несправедливо. съ знаніемъ

дѣла и, какъ можно предполагать, въ большей части случаевъ безъ знанія дѣла. Нельзя предположить, чтобы такое вмѣшательство совершенно лишняго и посторонняго лица могло быть полезно.

Ст. 39, 40, 41 и 46 опредѣляютъ отношеніе законоучителя къ училищу.

Ст. 42 прямо, не оставляя никакого сомнѣнія, говоритъ, что управленіе училищъ по каждой губерніи, несмотря на мнимую *полную самостоятельность* обществъ, несмотря на непонятное изобрѣтеніе попечителей, предоставлено одному лицу—директору училищъ, ибо увольненіе и опредѣленіе учителя составляетъ, по нашему мнѣнію, единственное существенное управленіе училищами. О неудобствѣ сосредоточенія такой огромной власти въ лицѣ одного человѣка намъ придется говорить впослѣдствіи.

Ст. 43 обѣщаетъ приготовленіе учителей, хотя, какъ обѣщаніе, статья эта и не входитъ въ составъ проекта; я не могу удержаться отъ замѣчаній, что попытки приготовленія какихъ бы то ни было учителей какъ въ нашемъ педагогическомъ институтѣ, такъ и нѣмецкихъ семинаріяхъ, во французскихъ и англійскихъ нормальныхъ школахъ до сихъ поръ не привели ни къ какимъ результатамъ и убѣдили только въ такой же невозможности заготовлять учителей, въ особенности народныхъ, какъ заготовлять художниковъ или поэтовъ. Учителя образовываются только по мѣрѣ развитія общей потребности образованія и поднятія общаго уровня образованія.

Ст. 44 и 45 объясняютъ, что для исполненія должности учителя не препятствуетъ принадлежаніе къ какому-либо сословію, что учителями могутъ быть священнослужители и могутъ быть и не-дворяне; тутъ же сказано, что ежели священнослужитель взялся быть учителемъ, то онъ долженъ непремѣнно учить. Все это совершенно справедливо. Въ примѣчаніи же къ 45 ст. сказано, что попечитель или мировой посредникъ рекомендуютъ директору лицъ на вакансіи учителей; я полагаю, что и братъ или дядя мирового посредника или попечителя тоже можетъ рекомендовать директору учителя.

Глава V. *Права лицъ, состоящихъ при народныхъ училищахъ.*

Въ ст. 47 сказано, что попечителямъ не предоставляется права носить кокарды и шпаги. (Я не пропускаю ни одной статьи, и читатель, справившись съ проектомъ, можетъ убѣдиться въ справедливости выписокъ.)

Ст. 48, 49, 50, 51 и 54 опредѣляютъ матеріальное положеніе учителей.

Положеніе это блестящее, и, надо сознаться, что, приведя проектъ въ исполненіе, мы въ этомъ отношеніи сразу перегонимъ Европу.

Учитель въ селѣ будетъ получать 150 руб. сер. въ годъ, квартиру съ отопленіемъ, что по нашей мѣстности составитъ на деньги 50 руб. Сверхъ того, онъ получитъ *зерномъ или мукой* (какъ предвидѣно въ проектѣ, для предоставленія большей свободы обществу) 2 пуда въ мѣсяцъ, что̀ составитъ по нашимъ цѣнамъ 12 руб. въ годъ, и, сверхъ того, полдесятины удобной земли подъ огородъ, что̀ составитъ еще около 10 руб., итого 222 рубля. (Все это отъ общества, которое по прежде приведенному расчету едва ли въ состояніи соединить среднимъ числомъ 20 учениковъ. Сверхъ того, общество платитъ 50 руб. законоучителю, 50 руб. на учебныя пособія, 25 руб. проценты въ губернскій капиталъ, строитъ и поддерживаетъ училище, нанимаетъ училищнаго сторожа, что̀ по меньшей мѣрѣ составитъ еще рублей 80, итого 427 рублей съ общества.)

Въ ст. 50 сказано, что общество имѣетъ право нанять еще учительницу.

Учитель, прослужившій 20 лѣтъ, получаетъ двѣ трети оклада и, кромѣ того, увольняется отъ податей и рекрутства, что опять ляжетъ на общество — около 10 руб. въ годъ. Положеніе учителя дѣйствительно блестящее, но я позволю себѣ усомниться въ томъ, было ли бы оно такъ же хорошо, ежели бы общество само вознаграждало его по заслугамъ, или ежели бы составители проекта принуждены были черпать средства изъ другихъ источниковъ. (Права, предоставленныя учителямъ по ст. 52, 56, и 57—право считаться въ государственной службѣ, право получить медаль на александровской лентѣ и быть избраннымъ въ помощники директора училищъ — ежели и не лежатъ на обществѣ, то взамѣнъ того, полагаю, не будутъ имѣть и для учителей той заманчивости, которую будутъ имѣть права, предоставленныя имъ изъ средствъ общества.) Вопросъ о прибавленіи содержанія учителямъ народныхъ школъ есть вопросъ, уже давно и сильно занимающій правительства европейскихъ государствъ и только шагъ за шагомъ получающій разрѣшеніе; у насъ же вопросъ этотъ разрѣшается сразу — нѣсколькими строчками проекта. Эта самая простота и легкость разрѣшенія кажутся мнѣ подозрительными. Невольно представляется вопросъ почему назначается только 150 р., а не 178 р. и $16^1/_3$ к; на 178 р. и $16^1/_3$ к. мы бы были увѣрены имѣть еще лучшихъ учителей. И почему же не положить 178 р., когда источникъ, изъ котораго мы черпаемъ, находится совершенно безконтрольно въ нашей

власти? Почему полдесятины удобной земли подъ огородъ, а не $8^2/_3$ десятины подъ пахоть? Въ примѣчаніи сказано: *священнослужители, занимающіе одновременно должности законоучителя и учителя, пользуются полнымъ содержаніемъ только по должности учителя, а изъ оклада законоучителя получаютъ половину.* Должно быть, всѣ цифры эти внимательно обдуманы, когда такъ старательно выгадывается 25 руб. у законоучителя. Должно быть, цифры эти опредѣлены по положительнымъ даннымъ. Эти данныя необходимо должны быть извѣстны, тѣмъ болѣе должны быть извѣстны, что по тѣмъ даннымъ, которыя многіе изъ насъ собрали личнымъ опытомъ, училищная подать, налагаемая вслѣдствіе такого расчета на общества, несоразмѣрно велика, невыплатима, и, по нашимъ даннымъ, ни одно общество не согласится платить пятой доли этого налога на училище, и въ Россіи нѣтъ сотой доли учителей, заслуживающихъ такого содержанія.

Глава VI. *Курсъ народныхъ училищъ.* Первый параграфъ 58 ст. опредѣляетъ программу закона Божія. Какъ преподаваніе, такъ и обсужденіе этого предмета исключительно предоставлены духовнымъ лицамъ.

2) *Отечественный языкъ, чтеніе книгъ церковной и славянской печати; объяснительное чтеніе книгъ, приноровленныхъ къ первоначальному обученію.* 3) *Ариѳметика: четыре дѣйствія надъ цѣлыми, простыми и именованными числами; понятіе о дробяхъ. Примѣчаніе. Сверхъ этихъ предметовъ, по желанію обществъ можетъ быть вводимо обученіе церковному пѣнію, а съ разрѣшенія учебнаго начальства—и преподаваніе другихъ предметовъ.*

Мы выразили выше убѣжденіе, что опредѣленіе курса народныхъ училищъ совершенно невозможно, особенно въ томъ смыслѣ въ которомъ пытается сдѣлать это проектъ,—въ смыслѣ предписанія границъ предметамъ преподаванія. Въ такомъ смыслѣ былъ обнародованъ циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія о воскресныхъ школахъ; въ томъ же смыслѣ составлено примѣчаніе, по которому все неопредѣленное программой въ трехъ предыдущихъ строчкахъ можетъ быть преподаваемо только съ разрѣшенія учебнаго начальства; въ томъ же смыслѣ предвидѣнія составлены 59, 60 и 61 ст., по которымъ и самый методъ преподаванія и употребляемыя руководства для преподаванія той невозможной и узкой программы должны быть опредѣлены министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Я не говорю о томъ, что это несправедливо, что это вредно для развитія образованія, что это исключаетъ возможность всякаго живого интереса учителя въ своемъ дѣлѣ, что это даетъ поводъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ (стоитъ только

составителю программы или руководства ошибиться одинъ разъ, и ошибка эта сдѣлается обязательною для всей Россіи). Я говорю только о томъ, что всякая программа для народной школы положительно невозможна и всякая такая программа есть только слова, слова и слова. Я понимаю программу, опредѣляющую обязательство, которое беретъ на себя учитель или власть, учреждающая училище; я понимаю, что можно сказать обществу и родителямъ: я, учитель, открываю школу и берусь учить вашихъ дѣтей тому-то и тому-то, и вы уже не имѣете права требовать съ меня того, чего я не обѣщалъ; но открывать школу и обѣщать, что я *не буду* учить тому-то и тому-то, и неблагоразумно и положительно невозможно. Проектъ же предлагаетъ такую отрицательную программу для всей Россіи и для народныхъ первоначальныхъ школъ. Въ высшемъ учебномъ заведеніи я полагаю возможнымъ для преподавателя не отступая держаться извѣстнаго курса. Читая римское гражданское право, профессоръ можетъ обязаться не говорить о химіи и зоологіи, но въ народной школѣ историческія, естественныя, математическія науки — всѣ сливаются вмѣстѣ, и вопросы по всѣмъ отраслямъ этихъ наукъ ежеминутно представляются.

Самое существенное различіе между высшею и низшею школой составляетъ степень подраздѣляемости предметовъ преподаванія. Въ низшей школѣ ея совсѣмъ нѣтъ. Въ ней всѣ предметы соединяются въ одно и, начиная съ нея, постепенно развѣтвляются.

Посмотримъ параграфы 2 и 3-й программы.

Что такое отечественный языкъ? Включаетъ ли онъ въ себя синтаксисъ и этимологію? Есть учителя, которые какъ то, такъ и другое считаютъ лучшими средствами обученія языку. Что такое чтеніе книгъ и чтеніе объяснительное? Выучившій наизусть букварь читаетъ, и читающій и понимающій *Московскія Вѣдомости* тоже только читаетъ. Какъ объяснять книги, хотя бы хрестоматію общества дешевыхъ книгъ? Пройти съ объясненіемъ всѣ статейки этой книги—это пройти почти весь курсъ человѣческихъ знаній: и богословіе, и философію, и исторію, и естественныя науки; прочесть же эту книгу по складамъ и въ видѣ объясненія повторить каждую фразу другими непонятными словами будетъ тоже объяснительное чтеніе. Письмо вовсе пропущено въ проектѣ; но будь оно разрѣшено, опять также, по всякой, самой опредѣленной программѣ, подъ письмомъ можно разумѣть срисовываніе прописей или знаніе искусства языка, пріобрѣтаемыя только цѣлымъ курсомъ занятій и упражненій. И все и ничего программа не опредѣляетъ и не можетъ опредѣлить.

По математикѣ. Что̀ такое значитъ четыре дѣйствія надъ простыми и именованными числами? Я, напримѣръ, въ своемъ преподаваніи вовсе не употребляю именованныхъ чиселъ, принимая такъ называемыя именованныя числа за случаи дѣленія и умноженія. Ариѳметику же вообще я начинаю съ прогрессіи, что̀ дѣлаетъ и каждый учитель, ибо нумерація есть не что иное, какъ десятичная прогрессія. Сказано: понятіе о дробяхъ. Почему же только понятіе? Въ своемъ преподаваніи я начинаю десятичныя дроби тоже вмѣстѣ съ нумераціей. Уравненіе, слѣдовательно алгебру, я начинаю вмѣстѣ съ первыми дѣйствіями. Слѣдовательно, я выхожу изъ программы. Планиметрія не означена въ программѣ, а задачи изъ планиметріи суть самыя естественныя и понятныя приложенія первыхъ правилъ. У одного учителя геометрія и алгебра будутъ входить въ преподаваніе четырехъ правилъ, у другого учителя четыре правила составятъ только механическое упражненіе въ писаніи мѣломъ на черной доскѣ, и для обоихъ программа будетъ только слова, слова и слова. Тѣмъ менѣе возможно дать учителю наставленіе и руководство. Для успѣшнаго хода ученія учитель долженъ имѣть только средства самъ учиться и совершенную самостоятельность въ выборѣ методовъ. Одному удобно и онъ мастеръ учить по *буки-азъ—ба*, другой по *бе-а*, третій по *бъ-а*. Чтобы учителю усвоить другую методу, мало узнать и предписать ему ее,—ему надо повѣрить, что эта метода лучшая, и полюбить ее.

Это относится и къ методамъ самаго ученія и къ методамъ обращенія съ учениками.

Циркулярныя же наставленія и предписанія учителямъ только стѣснятъ ихъ. Не разъ мнѣ случалось видѣть, какъ будто бы по звуковой методѣ учатъ точно такъ же, какъ по буки-азъ—ба, заучивая буквы, склады и толки, называя буки—*бы*, а добро—*ды* только при начальствѣ, потому что такъ приказано.

Что же касается до цѣли, которую, можетъ быть, имѣлъ комитетъ при составленіи программы,—цѣли предотвратить возможность вредныхъ вліяній злонамѣренныхъ учителей, то никакая программа не помѣшаетъ учителю отразить свое вредное вліяніе на учениковъ. При программѣ необходимо присутствіе жандармскаго полковника въ каждой школѣ, ибо на показаніяхъ учениковъ нельзя основаться ни за ни противъ учителя. Сущность же дѣла въ томъ, что такое опасеніе нисколько не устраняется программой и что опасенія такого рода совершенно напрасны. Какъ бы ни было устраняемо общество отъ контроля надъ своими школами, нельзя воспрепятствовать отцу заботиться о томъ, чему учатъ его сына, и какъ бы ни была устроена при-

нудительно школа, нельзя помѣшать массѣ учениковъ оцѣнять своего учителя и давать ему только настолько вѣса, насколько онъ того заслуживаетъ. Я твердо убѣжденъ и умозаключеніями и опытами, что школа всегда обезпечена противъ вредныхъ вліяній контролемъ родителей и чувствомъ справедливости учениковъ.

Въ ст. 62 сказано, что общества могутъ заводить библіотеки, т.-е. что никому не воспрещается покупать книги ни по одиночкѣ ни собравшись вмѣстѣ, ежели того пожелаютъ.

Глава VII. *Объ учащихся въ народныхъ училищахъ и распредѣленіи времени ученія.*

Ст. 63. *Дѣти могутъ поступать въ народное училище съ 8-лѣтняго возраста. Отъ поступающихъ въ училище не требуется никакихъ предварительныхъ знаній.*

Почему съ 8 лѣтъ, а не съ 6 лѣтъ $3^1/_2$ мѣсяцевъ? Этотъ вопросъ точно такъ же требуетъ положительныхъ доказательствъ, какъ и тотъ, почему учителямъ назначается 150, а не 178 р. $16^1/_3$ коп., тѣмъ болѣе, что я по своему личному опыту знаю, что, по крайней мѣрѣ, одна четверть дѣтей ходитъ въ школу ниже 8-лѣтняго возраста и что быстрѣе, легче и лучше выучиваются читать именно въ этомъ возрастѣ, отъ 6 до 8 лѣтъ. Всѣхъ дѣтей, учащихся въ семействахъ, которыхъ я знаю, начинаютъ учить тоже гораздо ранѣе 8-лѣтняго возраста. Это самое свободное время для крестьянскаго ребенка — эпоха, въ которую еще не начинаютъ употреблять его въ домашнія работы, и онъ весь отдается школѣ до 8-лѣтняго возраста. Почему же составителямъ проекта вдругъ такъ не понравился этотъ возрастъ? Необходимо нужно знать основанія, на которыхъ изъ школъ исключены дѣти до 8 лѣтъ.

Во второй части статьи изображено, что отъ поступающихъ не требуется никакихъ предварительныхъ знаній. Не понимаемъ, къ чему это. Требуются или нѣтъ отъ поступающихъ лѣтомъ канифасныя курточки и зимой извѣстное форменное одѣяніе?..

Вѣдь ежели опредѣлять все, чего *не нужно*, то надо было опредѣлить и это.

Въ ст. 64 сказано: *Опредѣленнаго срока на прохожденіе курса въ народномъ училищѣ не полагается; каждый ученикъ признается кончившимъ курсъ тогда, когда достаточно усвоитъ себѣ то, что преподается.*

Намъ живо представляется радость и счастіе какого-нибудь Ахрамея, когда онъ признается кѣмъ-то *окончившимъ курсъ*.

Ст. 65. *Въ сельскихъ народныхъ училищахъ ученіе должно быть начинаемо со времени окончанія полевыхъ работъ и продолжается*

5*

до начала ихъ въ слѣдующемъ году, сообразно мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта.

Здѣсь составители проекта, видимо стараясь благоразумно покориться требованіямъ дѣйствительности, вновь ошибаются, несмотря на оттѣнокъ практичности, который имѣетъ эта статья. Чтò такое начало и конецъ сельскихъ работъ? Какъ скоро уставъ, такъ онъ долженъ быть опредѣлителенъ. Учитель, во всемъ подчиняющійся уставу, въ точности исполнитъ его. И въ этомъ случаѣ, если 1 апрѣля роспускъ, то ужъ онъ не пропуститъ дня лишняго. Не говоря о томъ, что сроки эти опредѣлить трудно,—во многихъ мѣстностяхъ на лѣто останется много учениковъ и почти вездѣ останется около трети. Крестьяне вездѣ твердо убѣждены, на основаніи распространеннаго между ними способа ученія наизусть, что ученіе весьма скоро забывается и потому неохотно, только нуждающіеся берутъ своихъ дѣтей на все лѣто и то всегда просятъ хоть разъ въ недѣлю повторять съ учениками. Ежели уже писать проектъ, соображаясь съ требованіями народа, то надо было писать и это.

Ст. 66 ясно указываетъ на то, что учатся по буднямъ, а не по праздникамъ, въ чемъ нельзя не согласиться, какъ и во всѣхъ такого рода положеніяхъ, неизвѣстно для чего написанныхъ и ровно ничего не говорящихъ.

Но статья 67 вновь приводитъ насъ къ удивленію. Въ ней сказано, что *ученики должны собираться въ училище только одинъ разъ и заниматься не болѣе 4 часовъ съ роздыхомъ.*

Интересно бы было видѣть успѣхи, по крайней мѣрѣ, 50 учениковъ (а можетъ быть и 100, какъ значится по расчисленію), учащихся въ продолженіе только зимы и только по 4 часа въ день съ роздыхомъ! Я имѣю смѣлость считать себя хорошимъ учителемъ, но ежели бы мнѣ дали 70 учениковъ при такихъ условіяхъ, я впередъ могу сказать, что черезъ два года половина не умѣла бы еще читать. Какъ скоро же проектъ будетъ утвержденъ, можно быть смѣло увѣреннымъ, что ни одинъ учитель, несмотря на полдесятины огородной земли, не прибавитъ ни одного часа занятій противъ расписанія, съ тѣмъ, чтобы, соображаясь съ филантропическою предусмотрительностью проекта, не изнурять юные умы крестьянскихъ дѣтей. Въ довольно большомъ числѣ школъ, которыя я знаю, дѣти учатся 8—9 часовъ въ день и остаются ночевать въ школѣ съ тѣмъ, чтобы вечеромъ еще почитать съ учителемъ, и ни родители, ни учителя не замѣчаютъ никакихъ дурныхъ отъ того послѣдствій.

По ст. 69 полагается ежегодный публичный экзаменъ. Здѣсь не мѣсто доказывать, что экзамены вредны, и больше чѣмъ

вредны — невозможны. Я говорилъ о томъ въ статьѣ «Яснополянская школа». По случаю же 69 ст. ограничусь только вопросомъ: для чего и для кого эти экзамены?

Дурная и вредная сторона экзаменовъ въ народной школѣ должна быть понятна всякому: офиціальные обманы, подлоги, безцѣльное муштрованіе дѣтей и вытекающее изъ него разстройство въ обыкновенныхъ занятіяхъ; польза же этихъ экзаменовъ для меня совершенно непонятна. Пробудить посредствомъ экзамена соревновеніе въ 8-лѣтнихъ дѣтяхъ вредно; опредѣлить посредствомъ двухчасового экзамена знанія 8-лѣтнихъ учениковъ и оцѣнить заслуги учителя невозможно.

По ст. 70 ученикамъ выдаются бумаги съ печатью, называемыя аттестатами. О томъ, для чего употребляются эти бумаги, не видно изъ проекта. Съ ними не связано никакихъ правъ и преимуществъ, и потому не полагаю, чтобы обманчивая мысль, что бумаги съ печатями имѣть очень лестно, могла имѣть долго ходъ въ народѣ и служить побужденіемъ къ поступленію въ школу. Ежели на первое время и удастся обмануть народъ значеніемъ этихъ бумагъ, онъ скоро пойметъ свою ошибку.

Ст. 71 предоставляетъ то же право на бумаги съ печатями и лицамъ, учившимся внѣ школы, которыя, по моему убѣжденію, еще менѣе могутъ польститься на такое право.

Ст. 72 съ примѣчаніемъ, напротивъ того, заслуживаетъ полнаго довѣрія и болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствуетъ цѣли и духу према. Вотъ эта статья: *по окончаніи каждаго учебнаго года учитель или учительница представляетъ губернскому директору, по прилагаемой формѣ, вѣдомость о числѣ учащихся въ народномъ училищѣ и о числѣ подвергавшихся въ немъ испытанію на полученіе аттестата.*

Примѣчаніе. *Вѣдомость эта заключаетъ въ себѣ статистическія данныя, необходимыя для общаго отчета по Министерству Народнаго Просвѣщенія, и потому форма ея должна всегда быть согласуема съ вопросами, опредѣляемыми этимъ отчетомъ. Директоръ училищъ долженъ доставлять въ училища печатные бланки вѣдомостей, изготовляемые на счетъ суммы, отпускаемой ему на канцелярскіе припасы.*

Какъ все обдумано, какъ все предвидѣно, даже заготовленіе бланковъ, даже суммы, на которыя они заготовляются. Такъ и предчувствуешь эту безучастную правильность и неизмѣнность формы и даже содержанія будущихъ отчетовъ, и точно такихъ, какихъ требуется правительству,—отчетовъ не о томъ, что̀ должно бы быть въ дѣйствительности, даже не о томъ, что́ есть, ибо главная часть образованія въ частныхъ школахъ ускользнетъ отъ

этихъ отчетовъ, но о томъ, что̀ должно бы было быть по неисполняемымъ распоряженіямъ правительства. И этою статьей заключается весь проектъ государственныхъ школъ. Далѣе слѣдуетъ:

Глава VIII. *Частныя народныя школы.*

Три статьи этой главы предоставляютъ каждому лицу право открывать частныя школы, опредѣляютъ условія такого открытія, ограничиваютъ программы такихъ школъ одною грамотностью *въ тѣсномъ смыслѣ* и учреждаютъ надъ ними контроль духовенства. Можно быть увѣреннымъ, что въ *Nord* и другихъ иностранныхъ газетахъ предоставленіе такого права будетъ принято и оцѣнено какъ новый нашъ шагъ къ прогрессу. Незнающій русской жизни критикъ проекта достанетъ уставъ 1828 г., по которому открытіе школъ и частное учительство воспрещены, и, сравнивъ прежнія стѣснительныя мѣры съ новымъ проектомъ, въ которомъ требуется только объявить объ открытіи школъ, скажетъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія дается проектомъ несравненно бо̀льшая свобода, чѣмъ прежде. Для насъ же, живущихъ русскою жизнью, дѣло представляется иначе. Уставъ 1828 года былъ только уставъ, и никто никогда не думалъ съ нимъ соображаться; всѣми—какъ обществомъ, такъ и исполнителями устава — была признана его несостоятельность и невозможность исполненія. Существовали и существуютъ тысячи школъ безъ разрѣшенія, и ни у одного штатнаго смотрителя и директора гимназіи не поднималась и не поднимается рука закрыть эти школы на томъ основаніи, что онѣ не подходятъ подъ статьи устава 1828 года. Tacitu consensu. Общество и исполнители закона признали уставъ 1828 года несуществующимъ и въ дѣйствительности при учительствѣ и открытіи школъ руководствовались съ незапамятныхъ временъ совершенною свободой. Уставъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ. Я завелъ школу съ 1849 года и только въ мартѣ 1862 года, по случаю появленія проекта, узналъ о томъ, что я не имѣлъ права открывать школу. Изъ тысячи учителей и основателей школъ едва ли одинъ знаетъ о существованіи устава 28 года. Онъ извѣстенъ только чиновникамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Поэтому-то мнѣ кажется, что 73, 74 и 75 ст. проекта предоставляютъ новыя права только относительно мнимо существовавшихъ стѣсненій, относительно же существовавшаго порядка налагаютъ только новыя стѣснительныя и неисполнимыя условія. Никто не пожелаетъ основать школы, когда не будетъ имѣть права назначить, смѣнить учителя, самъ выбрать руководства, самъ составить себѣ программу. Большинство учителей и основателей частныхъ школъ — солдаты, причетники, контонисты—будутъ опасаться объявлять объ открытіи

своихъ школъ, многіе не будутъ знать этого требованія и, ежели захотятъ, всегда въ законныхъ формахъ сумѣютъ обойти его. Какъ я говорилъ уже въ предшествовавшей статьѣ, нельзя опредѣлить границы между семейнымъ домашнимъ обученіемъ и школой. Дворникъ нанялъ къ своимъ двумъ мальчикамъ учителя, еще трое ходятъ къ нему; помѣщикъ со своими дѣтьми учитъ четырехъ дворовыхъ и двухъ крестьянскихъ дѣтей; работники по воскресеньямъ приходятъ ко мнѣ — нѣкоторымъ я читаю, нѣкоторые учатся грамотѣ, нѣкоторые смотрятъ рисунки и модели. Школы это или нѣтъ? А вмѣстѣ съ тѣмъ какое поприще для злоупотребленій! Я посредникъ и имѣю убѣжденіе, что образованіе вредно для народа, и штрафую старика за то, что онъ выучилъ грамотѣ своего крестника, и отбираю у него азбучку и псалтырь на томъ основаніи, что онъ долженъ былъ меня извѣстить объ открытіи своей школы. Есть отношенія людей, не могущія быть опредѣленными закономъ: это отношенія семейныя и отношенія образовывающаго къ образовывающемуся и т. п.

Глава IX. *Объ управленіи училищъ.* Здѣсь говорится, что управленіе училищами ввѣрено директору училищъ, одному на губернію. Въ проектѣ нѣсколько разъ и здѣсь повторяется подраздѣленіе управленія по учебной и какой-то еще другой части. Я рѣшительно не понимаю этого подраздѣленія и въ каждомъ училищѣ не вижу никакой другой части, кромѣ учебной, изъ которой вытекаетъ хозяйственная, естественно ей подчиненная и не могущая быть отдѣленною отъ первой. По проекту все предоставлено власти одного директора. Директоръ, какъ надо себѣ объяснить неясное выраженіе 87 ст. *(пріобрѣтшій опытность въ учебномъ дѣлѣ въ продолженіе службы по учебной части)*, долженъ быть избираемъ изъ учителей гимназіи или профессоровъ. Директоръ долженъ лично наблюдать за ходомъ ученія и даже показывать, какъ обращаться и какъ учить, — и директоръ одинъ на 300 или 500 училищъ по губерніи. Для того же, чтобъ имѣть право подать какой-нибудь совѣтъ учителю, нужно, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе недѣли изучить положеніе каждой школы, а дней въ году, какъ извѣстно, 365. Правительству же будутъ стоить эти чиновники около двухсотъ тысячъ руб. на всю Россію.

Въ ст. 79 сказано, что директоръ, избѣгая переписки, обязанъ лично слѣдить за дѣломъ.

Въ слѣдующихъ статьяхъ даны инструкціи директору, чего требовать отъ учителей.

Въ ст. 86 назначены деньги для разъѣздовъ директору. Очевидно, желаніе составителей проекта, чтобы наблюденіе дирек-

тора было не формальное, а дѣйствительное. Но самое положеніе этого чиновника исключаетъ возможность дѣйствительнаго наблюденія. Воспитанникъ университета, бывшій учитель гимназіи или профессоръ университета, и потому уже никогда не имѣвшій дѣла съ народомъ и народными школами, обязанъ, живя въ городѣ и ведя канцелярское дѣло—назначеніе учителей, награды, вѣдомости и т. п., руководить школами, въ которыхъ онъ не можетъ побывать болѣе одного раза въ годъ (и то едва ли). Я знаю директоровъ гимназій, находящихся почти въ томъ же положеніи, со всевозможнымъ жаромъ и любовью занимающихся дѣломъ приходскихъ школъ и на каждомъ шагу, при ревизіяхъ, экзаменахъ, назначеніяхъ и смѣнахъ учителей, дѣлающихъ ошибки за ошибками, только потому, что кругъ дѣятельности ихъ во сто разъ обширнѣе того, какимъ бы онъ долженъ и могъ быть. Одинъ человѣкъ можетъ управлять корпусомъ и, сдѣлавъ инспекторскій смотръ, знать, въ хорошемъ или дурномъ состояніи корпусъ, но управлять десятью школами уже слишкомъ много для одного человѣка.

Всякій знающій народныя школы, долженъ знать то, какъ трудно и невозможно ревизіей, экзаменомъ опредѣлить степень успѣха и направленіе школъ. Какъ часто добросовѣстный учитель, съ чувствомъ своего достоинства, не позволяя себѣ щеголять своими учениками, представляется въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ безсовѣстный солдатъ-учитель, который цѣлый годъ уродуетъ учениковъ и работаетъ только въ виду предстоящаго смотра, и какъ хитры бываютъ эти безсовѣстные люди, и какъ часто успѣваютъ обманывать хорошихъ и честныхъ начальниковъ. Что и говорить о томъ страшномъ вредѣ, который производитъ такое инстанціонное начальство на учениковъ. Но если бы даже со мной не согласились въ этомъ, учрежденіе должности директора будетъ безполезно и вредно только потому, что одинъ директоръ на губернію будетъ назначать, смѣнять учителей и назначать награды только по слухамъ, по предположеніямъ или произволу, ибо одному человѣку знать, что дѣлается въ пятистахъ училищахъ, невозможно.

Далѣе слѣдуетъ образецъ вѣдомости о числѣ учащихся, исчисленіе суммы, потребной на содержаніе народныхъ училищъ, и штатъ губернскаго управленія народными училищами. Далѣе объяснительная записка.

Изъ объяснительной записки видно, что дѣятельность комитета раздѣлялась на два отдѣла: 1) пріисканіе мѣръ для развитія народнаго обученія въ настоящее время до окончательнаго устройства сельскаго состоянія; 2) самый планъ проекта,

которымъ мы занимаемся. Предварительныя мѣры эти осуществлены, сколько мнѣ извѣстно, циркуляромъ Мин. Вн. дѣлъ относительно порядка открытія училищъ и обязательства заявлять о нихъ. Что же касается до назначенія и удаленія учителей губернскимъ директоромъ, до предоставленнаго мѣстному духовенству наблюденія и до требованія, чтобы употребляемые учебники были одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и Святѣйшимъ Синодомъ, мнѣ не извѣстно, несмотря на то, что я спеціально занимаюсь школами, есть ли это предположеніе или законъ. Очень можетъ быть, что я совершаю преступленіе, употребляя въ школѣ неодобренные учебники, и общества точно такъ же преступны, смѣняя и назначая учителей безъ директора. Ежели состоялся или имѣетъ состояться такого рода законъ, то недостаточно 1 ст. Свода Законовъ, гласящей, что никто не имѣетъ права отговариваться незнаніемъ закона; такіе новые неожиданные законы необходимо читать по всѣмъ церквамъ и приходамъ. Намъ не извѣстно тоже, принято ли Мин. Нар. Пр. предложеніе комитета изготовить въ наискорѣйшемъ времени учителей, и сколько, и гдѣ заготавливаются таковые. О томъ, что мѣра, предписываемая циркуляромъ Мин. Вн. дѣлъ, неудобоисполнима, я говорилъ прежде. Обратимся къ нѣкоторымъ мыслямъ, выраженнымъ въ объяснительной запискѣ, особенно поражающимъ насъ.

Отчего бы, кажется, въ такомъ серьезномъ государственномъ дѣлѣ не быть откровеннымъ. Я говорю о томъ участіи, значеніи и вліяніи, которое въ дѣлѣ образованія, по проекту, дается у насъ, въ Россіи, нашему русскому духовенству. Я живо представляю себѣ составителей проекта, которые, вводя хотя слѣдующее замѣчаніе: *съ возложеніемъ на приходское духовенство наблюденія, чтобы преподаваніе совершалось въ духѣ православія и христіанской нравственности* и т. п., — я живо представляю себѣ, какая улыбка покорности и сознанія необходимости своего превосходства и вмѣстѣ съ тѣмъ сознанія ложности этой мѣры играла на устахъ составителей проекта, когда они слушали и записывали въ протоколъ эту статью! Точно такую же улыбку производитъ это во всѣхъ опытныхъ людяхъ, которые думаютъ знать жизнь. «Что жъ дѣлать, это понятно», говорятъ они. Другіе неопытные, умные и любящіе дѣло люди возмущаются и озлобляются при чтеніи этой статьи. Отъ кого хотятъ скрыть печальную истину? — Должно быть, отъ народа. Но народъ лучше насъ знаетъ ее. Неужели, столько вѣковъ живя въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ духовенству, онъ не успѣлъ узнать и оцѣнить его? Народъ оцѣнилъ духовенство и настолько даетъ

ему участія и вліянія въ своемъ образованіи, насколько духовенство того заслуживаетъ. Въ проектѣ много такихъ статей—неоткровенныхъ, дипломатическихъ. По существу дѣла всѣ онѣ будутъ обойдены, и не было бы никакой разницы, ежели бы онѣ не были никогда написаны; но статьи эти, хоть та, которую мы привели здѣсь, по своей лживости и неясности открываютъ огромное поприще для злоупотребленій, которыхъ нельзя и предвидѣть. Я знаю священниковъ, которые говорятъ, что учить по *бе*, а не по *буки*—грѣхъ, что переводить по-русски и толковать молитвы—грѣхъ, что учить священную исторію должно только по азбучкѣ и т. п.

II.

Я самъ чувствую, что принятый мною способъ обсужденія проекта недостаточно серьезенъ и что я какъ будто стараюсь только подтрунивать надъ проектомъ и какъ будто принялъ за правило отрицать все, что въ немъ находится. Такое мое отношеніе къ проекту произошло невольно, вслѣдствіе противоположности моего, происшедшаго изъ близкихъ отношеній къ народу, практическаго взгляда на дѣло и совершенной отчужденности отъ дѣйствительности взгляда и предначертанія проекта. Мы стоимъ на столь противоположныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга точкахъ воззрѣнія, что, несмотря на все уваженіе и даже страхъ, возбуждаемый во мнѣ проектомъ, я какъ будто не вѣрю въ дѣйствительность его. И несмотря на усилія, которыя дѣлаю надъ собой, не могу относиться къ нему вполнѣ серьезно. Я не могу найти возраженій въ той области мыслей, въ которой дѣйствовалъ комитетъ. Сущность возраженій моихъ направлена не противъ ошибокъ и недоговорокъ проекта, но противъ той самой сферы дѣятельности, изъ которой онъ вышелъ, и состоитъ только въ отрицаніи приложимости и возможности такого проекта.

Я постараюсь перенестись въ ту сферу мысли и дѣятельности, изъ которой возникъ проектъ. Мнѣ понятно, что въ настоящую эпоху всеобщихъ преобразованій въ Россіи вопросъ устройства системы народнаго образованія естественно долженъ былъ возникнуть въ правительственныхъ кругахъ. Правительство, всегда имѣвшее и имѣющее иниціативу во всѣхъ преобразованіяхъ, новоучрежденіяхъ, должно было естественно прійти къ убѣжденію, что именно въ настоящее время на немъ лежитъ обязанность устройства системы народнаго образованія. Придя къ такому убѣжденію, оно также естественно должно было поручить устройство системы извѣстнымъ чиновникамъ различныхъ министерствъ.

Основательнѣе и либеральнѣе той мысли, что въ составленіи проекта должны участвовать представители всѣхъ вѣдомствъ, ничего нельзя было придумать, ничего нельзя было и требовать. (Можно было бы замѣтить только, почему въ этомъ комитетѣ, занятія котораго важнѣе въ тысячу разъ крестьянскаго комитета, не были приглашены эксперты такъ же, какъ при обсужденіи вопроса объ освобожденіи крестьянъ; но замѣчаніе это не имѣетъ силы, ибо, по нашему убѣжденію, ежели бы и были приглашены такъ называемые эксперты, проектъ мало бы измѣнился отъ того, чтò онъ есть). О томъ, чтобы самъ народъ до котораго только и касается дѣло проекта, самъ бы посредствомъ своихъ представителей составлялъ свою систему, не могло быть и рѣчи.

Люди, хотя и весьма почтенные, служащіе чиновники, никогда не изучавшіе ни народа, ни вопросовъ народнаго образованія, неспеціалисты того дѣла, которымъ они занимались, продолжая свои прежнія занятія, не имѣя времени посвятить десятки лѣтъ на изученіе предстоящаго вопроса, стали собираться по извѣстнымъ днямъ недѣли и обсуживать величайшій вопросъ міроустройства народнаго образованія *въ Россіи*. Надо еще замѣтить, что существеннѣйшій вопросъ подвѣдомственности училищъ Министерству Народнаго Посвѣщенія былъ предрѣшенъ въ комитетѣ гг. министровъ, и что потому члены комитета были поставлены въ самыя тѣсныя рамки.

Я впередъ признаю всѣхъ членовъ комитета высокообразованными и высоконравственными лицами, проникнутыми любовью къ народу и желаніемъ блага отечеству, и, несмотря на то, не могу предположить, чтобы при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они работали, могло бы выйти что-нибудь другое. Долженъ бы выйти тотъ самый проектъ, которымъ мы занимаемся. Во всемъ проектѣ видно не столько изученіе народныхъ потребностей и изученіе самаго образованія и на этихъ основаніяхъ постановленіе новыхъ законовъ, а какая-то борьба съ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, вреднымъ и мертвящимъ. Весь проектъ, какъ видѣли читатели, наполненъ статьями о томъ, что *народныя училища суть заведенія открытыя; что священники могутъ учить только тогда, когда они имѣютъ время учить; что попечителю не присвоивается никакихъ правъ; что учителямъ не полагается чиновъ; что не полагается казенной формы для строеній; что частныя лица могутъ учить; что и дѣвочекъ можно учить; что можно заводить библіотеки; что директоръ училищъ долженъ ѣздить по училищамъ; что учителями могутъ быть лица всѣхъ сословій; что два раза нельзя брать денегъ за ученіе; что ученики могутъ ходить и не ходить; что учителямъ не должно быть*

дѣлаемо преградъ къ переходу въ другой родъ службы (ст. 22 объяснительной записки); *что учителямъ не нужно мундировъ*, et cet., et cet. Читая проектъ и живя въ деревнѣ, удивляешься, зачѣмъ пишутъ такія статьи, а этими статьями наполненъ проектъ, что̀ можно видѣть и изъ нашего разбора.

Работая при такихъ условіяхъ—незнанія дѣла, незнанія народа и его потребностей и, главное, при стѣснительности тѣхъ требованій, которыя чувствуются во всемъ проектѣ, можно только удивляться, почему проектъ вышелъ еще не хуже.

Вопросъ былъ поставленъ такъ: средствъ нѣтъ и не будетъ, народное образованіе должно быть подчинено Министерству Народнаго Просвѣщенія, духовенству должно имѣть власть руководить и направлять духъ образованія, самоуправленіе школъ и самыя школы должны быть однообразны по всей Россіи,—сдѣлайте, чтобы такая система была бы наилучшая.— Выдумать русскую систему образованія такую, которая бы вытекала изъ потребностей народа, невозможно ни комитету, никому въ мірѣ; надобно ждать, чтобы она сама выросла изъ народа. Для того, чтобы угадать мѣры, которыя бы способствовали, а не стѣсняли такое развитіе, нужно много времени, труда, изученія и свободы воззрѣнія; но ни того, ни другого не было у комитета. Для разрѣшенія вопроса необходимо было обратиться къ европейскимъ системамъ. Я полагаю, что были посланы чиновники для изученія системъ въ различныя государства. (Я даже видалъ такихъ изучателей, скитающихся безъ цѣли изъ мѣста въ мѣсто и озабоченныхъ только мыслью, какъ бы составить записку, которую надо представить министру).

На основаніи такихъ записокъ, я полагаю, разбираемы были въ комитетѣ всѣ иностранныя системы. Нельзя достаточно быть благодарнымъ комитету за то, что изъ всѣхъ неприложимыхъ къ намъ системъ онъ выбралъ менѣе дурную—американскую. Рѣшивъ на основаніи этой системы главный финансовый вопросъ, комитетъ сталъ рѣшать вопросы административные, соображаясь только съ предрѣшеніемъ комитета гг. министровъ о подвѣдомственности школъ Министерству Народнаго Просвѣщенія и для узнанія обстоятельствъ дѣла пользуясь только имѣющимися въ С.-Петербургѣ матеріалами: для распредѣленія училищъ—запиской Географическаго общества, для опредѣленія числа училищъ—офиціальными отчетами духовнаго вѣдомства и директоровъ, — и проектъ составился.

Съ точки зрѣнія правительственной, какъ только проектъ будетъ приведенъ въ исполненіе, во всей Россіи въ соразмѣрномъ населенію числѣ откроются школы. Въ большей части случаевъ

народъ достаточный будетъ съ охотой платить $27^1/_2$ к. съ души, въ бѣдныхъ селеніяхъ школы откроются даромъ (на губернскій капиталъ).Крестьяне, за такую умѣренную цѣну имѣя отлично устроенныя училища, не будутъ отдавать своихъ дѣтей къ солдатамъ, а охотно поведутъ ихъ въ школу. На тысячу душъ вездѣ (все съ правительственной точки зрѣнія) будетъ красивый большой домъ, хотя построенный и не по формѣ, но съ надписью «школа», съ лавками и столами и съ надежнымъ, поставленнымъ правительствомъ, учителемъ. Дѣти будутъ собираться со всего прихода. Родители будутъ гордиться аттестатами, получаемыми ихъ дѣтьми; аттестатъ будетъ считаться лучшею рекомендаціей для молодого парня: и дѣвку за него отдадутъ и въ работу его возьмутъ охотнѣе, ежели у него есть аттестатъ. Черезъ три-четыре года будутъ ходить не одни мальчики, но и дѣвочки. Одинъ учитель, раздѣляя часы дня, будетъ учить 100 учениковъ. Ученіе будетъ идти успѣшно, во-первыхъ, потому, что будетъ по предложенной преміи найденъ, выбранъ и одобренъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія лучшій методъ и этотъ методъ будетъ обязателенъ для всѣхъ школъ (а черезъ нѣсколько времени и сами учителя будутъ всѣ приготовлены по одной лучшей методѣ); во-вторыхъ, потому что руководства тоже будутъ лучшія, одобренныя министерствомъ, въ родѣ Берте и Ободовскаго. Учитель будетъ совершенно обезпеченъ въ жизни, привязанъ и соединенъ съ сословіемъ, среди котораго онъ живетъ. Учитель, какъ и въ Германіи, будетъ со священникомъ составлять аристократію въ деревнѣ, будетъ первымъ другомъ и совѣтникомъ крестьянъ. На каждое учительское мѣсто будутъ десятки кандидатовъ, изъ которыхъ достойнѣйшихъ будетъ избирать знающій дѣло и образованный директоръ. Законоучитель за приличное вознагражденіе будетъ утверждать дѣтей въ истинахъ православной религіи. Такъ какъ почти все молодое поколѣніе будетъ стянуто въ школы, ими будетъ прекращена возможность развитія раскола. Средства школы всегда будутъ достаточны не только для платы учителямъ, которыхъ правительство обезпечиваетъ посредствомъ 27-копеечнаго сбора, но и для учебныхъ пособій и для помѣщеній, устройство которыхъ предоставлено на произволъ общества, вслѣдствіе чего общества не будутъ скупиться, а въ этомъ отношеніи соперничать другъ передъ другомъ. Мало того, что общества не будутъ жалѣть средствъ, каждая школа будетъ имѣть попечителя или попечительницу, и эти лица, соревнуя народному образованію—какъ надо полагать, богатые люди — будутъ помогать школѣ какъ матеріальными средствами, такъ и въ управленіи ея. Всякое малѣйшее упущеніе учителя или недоразумѣ-

ніе со стороны родителей будетъ устраняемо попечителями или мировыми посредниками, которые охотно посвятятъ часть своихъ досуговъ святому дѣлу народнаго образованія, возбуждающему сочувствіе всѣхъ просвѣщенныхъ людей Россіи. Время ученія не будетъ обременять нравственныя силы учениковъ; все лѣто будетъ отдано для сельскихъ работъ. Курсъ ученія будетъ заключать въ себѣ самыя существенныя знанія и будетъ содѣйствовать къ утвержденію въ народѣ религіозныхъ и нравственныхъ понятій. Злонамѣренныя и грубыя, необразованныя лица, обязанныя объявлять объ открытіи своихъ училищъ, тѣмъ самымъ будутъ подпадать подъ общій надзоръ учебнаго начальства и тѣмъ самымъ будутъ лишены возможности имѣть вредное вліяніе. Правительственныя школы естественно будутъ такъ хороши, что конкуренція съ ними частныхъ школъ окажется невозможной, какъ это было въ Америкѣ, тѣмъ болѣе что правительственная школа будетъ безплатна. Губернское начальство надъ училищами будетъ сосредоточено въ одномъ образованномъ, знающемъ дѣло и самостоятельномъ лицѣ—директорѣ училищъ. Лицо это, матеріально обезпеченное и не связанное никакими канцелярскими требованіями, будетъ постоянно ѣздить по школамъ, дѣлать экзамены и лично слѣдить за успѣхами ученія.

Кажется, какъ хорошо! Такъ и видишь по всей Россіи возникшіе большіе училищные дома съ желѣзными крышами, пожертвованными попечителями или обществами, въ назначенный министерствомъ часъ видишь съ сумочками черезъ плечо собирающихся изъ разныхъ деревень учениковъ; видишь образованнаго, изучившаго лучшую методу учителя и исполненную любовью къ дѣлу попечительницу, присутствующую при классахъ и слѣдящую за ученіемъ; видишь на обывательскихъ пріѣзжающаго директора уже нѣсколько разъ въ году побывавшаго въ школѣ, знающаго и учителя и почти всѣхъ учениковъ и дающаго учителю практическіе совѣты; видишь счастіе и довольство родителей, присутствующихъ при экзаменахъ и съ трепетомъ ожидающихъ наградъ и аттестатовъ для своихъ дѣтей и видишь это все по всей Россіи; видишь, какъ быстро разсѣивается мракъ невѣжества и грубый невѣжественный народъ дѣлается совсѣмъ другимъ—образованнымъ и счастливымъ.

Но все это будетъ не такъ. Дѣйствительность имѣетъ свои законы и свои требованія. Въ дѣйствительности, насколько я знаю народъ, приложеніе проекта осуществится слѣдующимъ образомъ.

Черезъ земскую полицію или волостныя правленія будетъ объявлено, что крестьяне должны собрать къ такому-то сроку

по 27½ коп. съ души. Будетъ объявлено, что деньги эти собираются на училище. Потомъ объявятъ еще сборъ на устройство училища; ежели скажутъ, что количество сбора зависитъ отъ нихъ, крестьяне положатъ по 3 коп. и потому принуждены будутъ назначить опредѣленный сборъ. Крестьяне, само собой разумѣется, не поймутъ и не повѣрятъ этому. Большинство рѣшитъ, что пришелъ отъ царя указъ прибавить налогъ, и больше ничего. Деньги соберутъ съ трудомъ, съ угрозами, съ насиліемъ. Становой же объявитъ, что училище должно быть построено въ такомъ то мѣстѣ и что сами общества должны избрать распорядителей постройки. Естественно, крестьяне и въ этомъ будутъ видѣть еще новый налогъ и только вслѣдствіе принужденія исполнятъ предписанное. Что̀ и въ какомъ видѣ строить, они опять не будутъ знать и будутъ исполнять только приказаніе начальства.

Имъ скажутъ, что они могутъ избрать попечителя своего училища; этого они никакъ не поймутъ, и не потому, что они глупы и не образованы, а потому что имъ никакъ не войдетъ въ голову, что непосредственно наблюдать за ученіемъ своихъ дѣтей они не имѣютъ права, а должны для этой цѣли выбрать какое-то лицо, которое въ сущности тоже не имѣетъ никакого права. Налогъ 27½ коп., налогъ на устройство училища, обязательство строить его—все это породитъ въ народѣ такое недоброжелательство къ мысли и слову «училище», съ которымъ они естественно будутъ соединять мысль налога, что они не захотятъ выбирать никого, опасаясь, чтобъ и на жалованье попечителю не собрали съ нихъ денегъ. Становой и посредникъ насядутъ на нихъ, и они со страхомъ и трепетомъ выберутъ перваго попавшагося и назвавшагося попечителя. Попечителемъ или останется мировой посредникъ, или будетъ выбранъ, почти всегда, первый помѣщикъ, живущій въ селѣ, и потому попечительство его будетъ или забава, или ёрничество, т.-е. занятіе серьезнѣйшимъ дѣломъ въ мірѣ какъ игрушкой, или средствомъ для осуществленія тщеславныхъ прихотей. Посреднику же при теперешнемъ положеніи нѣтъ физической возможности исполнять и прямыя свои обязанности. Быть же представителемъ общества, въ отношеніи контроля этого общества надъ училищемъ, есть дѣло чрезвычайно трудное и требующее большого знанія и добросовѣстнаго труда. Большинство попечителей будутъ заходить раза два въ мѣсяцъ въ училище, подарятъ, можетъ быть, въ него доску, сдѣланную домашнимъ столяромъ, по воскресеньямъ позовутъ къ себѣ учителя (и это самое лучшее) и, въ случаѣ надобности учителя, отрекомендуютъ своего крестника, выгнан-

наго изъ богословія сына священника, или своего бывшаго конторщика.

Построивъ училище и заплативъ деньги, общества подумаютъ, что теперь отдохнули отъ училищныхъ налоговъ, — не тутъ-то было. Становой объявитъ имъ, что они должны еще отрѣзать полдесятины конопляниковъ учителю. Опять станутъ собираться сходки, опять слова *училище* и *насильственное отчужденіе* сольются въ одно нераздѣльное понятіе. Пойдутъ мужики ходить по огородамъ размѣривать землю, переругаются, перессорятся, нагрѣшатъ, по ихъ выраженію, соберутся другой и третій разъ и какъ-нибудь, исполняя приказаніе начальства, оторвутъ отъ себя кусокъ драгоцѣнной для нихъ огородной земли. И это еще не все: собирай сходку еще—какъ разложить по приходу отсыпное учителю. (Натуральныя повинности — самыя нелюбимыя крестьянами). Наконецъ училище построено и содержаніе учителю готово. Ежели помѣщикъ или посредникъ не рекомендовали своего конторщика или крестника, директоръ училищъ долженъ назначить своего учителя. Выборъ для директора училищъ будетъ или очень легокъ или очень труденъ, ибо тысячи учителей, выгнанныхъ изъ писцовъ и изъ семинарій, будутъ каждый день стоять въ его передней, подпаивать его письмоводителя и поддѣлываться къ нему со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Директоръ, бывшій учитель гимназіи, ежели онъ вполнѣ добросовѣстный и осторожный человѣкъ, будетъ руководиться въ выборѣ учителей только одною степенью образованія, т.-е. предпочитать кончившаго неокончившему курсъ, и вслѣдствіе этого будетъ безпрестанно ошибаться. Большинство же директоровъ, не такъ строго смотрящихъ на свои обязанности, будутъ руководиться филантропическими рекомендаціями и своимъ добрымъ сердцемъ; отчего не дать кусокъ хлѣба бѣдному человѣку? и вслѣдствіе того будутъ точно такъ же ошибаться, какъ и первые. Я не вижу для директора болѣе справедливаго основанія выбора, какъ жребій.

Такъ или иначе учитель назначенъ. Обществамъ объявляется, что они могутъ безплатно посылать своихъ дѣтей въ ту самую школу, которая досталась имъ такимъ сокомъ. Большинство крестьянъ вездѣ отвѣтятъ одно на такое предложеніе: «чортъ съ ней, съ этою школой; ужъ она намъ вотъ гдѣ сидитъ! Жили столько лѣтъ безъ школы и еще проживемъ, а захочу малаго выучить, такъ къ дьячку отдамъ. То ученье я ужъ знаю, а это еще Богъ знаетъ, что будетъ: пожалуй, выучатъ малаго, да и совсѣмъ отъ меня возьмутъ». Положимъ, такое мнѣніе не будетъ повсемѣстно, разсѣется со временемъ, и глядя на успѣхи тѣхъ

дѣтей, которыя поступятъ сначала, и другіе захотятъ отдавать; и въ этомъ, недопускаемомъ мною, случаѣ отдадутъ въ школу только живущіе въ селѣ, въ которомъ устроено училище. Никакая безплатность не приманитъ учениковъ во время зимы изъ деревень, находящихся на версту отъ школы, — это физически невозможно. Среднимъ числомъ въ школѣ будетъ человѣкъ 15. Остальныя дѣти прихода будутъ учиться у частныхъ людей по деревнямъ или вовсе не будутъ учиться, будутъ числиться въ школѣ и вписываться въ отчетъ. Успѣхъ въ училищахъ будетъ точно такой же, ежели не хуже, чѣмъ успѣхъ у частныхъ учителей — дьячковъ и солдатъ. Учителя будутъ люди того же самаго разбора семинаристы, ибо другихъ еще нѣтъ, только въ первомъ случаѣ не связанные никакими стѣснительными условіями и находящіеся подъ строгимъ контролемъ родителей, требующихъ успѣховъ, соотвѣтственныхъ платимымъ деньгамъ; въ правительственномъ же училищѣ, подчиняясь методамъ, руководствамъ, ограниченію числа часовъ въ день и вмѣшательствамъ попечителей и директоровъ, успѣхи, навѣрное, будутъ хуже. Директоръ будетъ получать огромное содержаніе, будетъ ѣздить, изрѣдка мѣшать добросовѣстнымъ, хорошимъ учителямъ, назначать дурныхъ учителей и смѣнять хорошихъ, ибо знать условія школъ на цѣлую губернію невозможно, а управлять ими онъ долженъ и будетъ въ извѣстные сроки представлять вѣдомости, столь же невольно ложныя, какъ и тѣ, которыя теперь представляются. Частныя школы будутъ существовать точно такъ же, какъ и теперь существуютъ, не заявляя о своемъ существованіи, и никто не будетъ знать о нихъ, несмотря на то, что въ нихъ-то и будетъ происходить главное движеніе народнаго образованія.

Все это еще не такъ дурно и не такъ вредно. Во всѣхъ отрасляхъ русской администраціи мы привыкли къ несоотвѣтственности офиціальной законности къ дѣйствительности. Почему же, казалось бы, не быть такой же несоотвѣтственности и въ дѣлѣ народнаго образованія? Многое ошибочное и неприложимое проекта, скажутъ мнѣ, будетъ обойдено, многое же осуществится и принесетъ свою пользу. Проектомъ, по крайней мѣрѣ, положено начало системы народнаго образованія, и хорошая или дурная, малая или большая, но будетъ хоть одна школа на каждую тысячу душъ въ русскомъ народонаселеніи. Это было бы совершенно справедливо, ежели бы учрежденіе школъ вполнѣ и откровенно, въ административномъ и финансовомъ отношеніи, было взято правительствомъ на себя или ежели бы это учрежденіе было вполнѣ откро-

венно передано обществу. Въ настоящемъ же проектѣ общество заставляютъ платить, а правительство беретъ на себя организацію школъ, и изъ этого-то естественно должно вытекать огромное, хотя и не всѣмъ, можетъ быть, очевидное моральное зло, которое надолго подорветъ развитіе образованія въ русскомъ народѣ. Потребность образованія только что начинаетъ свободно зарождаться въ народѣ. Народъ послѣ манифеста 19 февраля вездѣ выразилъ убѣжденіе, что ему необходима теперь бо̀льшая степень образованія, что для пріобрѣтенія этого образованія онъ готовъ дѣлать извѣстныя пожертвованія. Онъ выразилъ это убѣжденіе фактомъ: вездѣ въ огромномъ количествѣ возникаютъ и возникли свободныя школы. Народъ шелъ и идетъ по тому пути, на которомъ бы желало видѣть его правительство. И вдругъ, налагая стѣсненія на народныя школы, налагая на всѣхъ обязательный училищный налогъ, правительство не только не признаетъ прежнее движеніе образованія, но какъ будто отрицаетъ его; оно какъ будто накладываетъ на народъ обязательство другого, чуждаго народу образованія, устраняетъ его отъ участія въ своемъ собственномъ дѣлѣ и требуетъ не руководства и обсужденія, а только покорности. Не говоря уже, что опытъ показалъ мнѣ это въ частныхъ случаяхъ, исторія и здравый смыслъ указываютъ намъ на возможные результаты такого вмѣшательства: народъ сочтетъ себя мученикомъ насилія. Старыя дьячковскія школы покажутся ему святыней, всѣ новыя правительственныя школы представятся грѣховными нововведеніями, и онъ съ озлобленіемъ отвернется отъ того самаго дѣла, которое самъ съ любовью началъ прежде, и только потому, что поторопились, не дали ему додумать свое дѣло, не дали ему самому выбрать дорогу, а насильно повели его по той дорогѣ, которую онъ еще не считаетъ лучшей.

Осуществленіе проекта, кромѣ всѣхъ недостатковъ въ сущности его, о которыхъ говорено было выше, породитъ одно неизмѣримое зло — расколъ образованія, молчаливое отрицательное противодѣйствіе школѣ и фанатизмъ невѣжества или стараго образованія.

ВОСПИТАНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ.

Есть много словъ, не имѣющихъ точнаго опредѣленія, смѣшиваемыхъ одно съ другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ для передачи мыслей,—таковы слова: воспитаніе, образованіе и даже обученіе.

Педагоги иногда не признаютъ различія между образованіемъ и воспитаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не въ состояніи выражать своихъ мыслей иначе, какъ употребляя слова—образованіе, воспитаніе, обученіе или преподаваніе. Необходимо должны быть раздѣльныя понятія, соотвѣтствующія этимъ словамъ. Можетъ быть, есть причины, почему мы инстинктивно не хотимъ употреблять эти понятія въ точномъ и настоящемъ ихъ смыслѣ; но понятія эти существуютъ и имѣютъ право существовать отдѣльно. Въ Германіи существуетъ ясное подраздѣленіе понятій—Erziehung (воспитаніе) и Unterricht (преподаваніе). Признано, что воспитаніе включаетъ въ себя преподаваніе, что преподаваніе есть одно изъ главныхъ средствъ воспитанія, что всякое преподаваніе носитъ въ себѣ воспитательный элеменетъ, erziehliges Element. Понятіе же—образованіе, Bildung, смѣшивается либо съ воспитаніемъ, либо съ преподаваніемъ. Нѣмецкое опредѣленіе, самое общее, будетъ слѣдующее: воспитаніе есть образованіе наилучшихъ людей, сообразно съ выработаннымъ извѣстною эпохой идеаломъ человѣческаго совершенства. Преподаніе, вносящее нравственное развитіе, есть хотя и не исключительное средство къ достиженію его, въ числѣ, которыхъ, кромѣ преподаванія, есть постановленіе воспитываемаго въ извѣстныя, выгодныя для цѣли воспитанія, условія,—дисциплина и насиліе, Zucht.

Духъ человѣческій, говорятъ нѣмцы, долженъ быть выломанъ, какъ тѣло, гимнастикой. Der Geist muss gezüchtigt werden.

Образованіе, Bildung, въ Германіи въ обществѣ и даже иногда въ педагогической литературѣ, какъ сказано, или смѣшивается съ преподаваніемъ и воспитаніемъ, или признается явленіемъ общественнымъ, до котораго нѣтъ дѣла педагогикѣ. Во французскомъ языкѣ я даже не знаю слова, соотвѣтствующаго понятію—образованіе: éducation, instruction, civilisation совершенно другія понятія. Точно такъ же и въ англійскомъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго понятію—образованіе.

Германскіе педагоги-практики иногда даже вовсе не признаютъ подраздѣленіе воспитанія и образованія: то и другое сливается въ ихъ понятіи въ одно цѣлое, нераздѣльное. Бесѣдуя съ знаменитымъ Дистервегомъ, я навелъ его на вопросъ объ образованіи, воспитаніи и преподаваніи. Дистервегъ съ злою ироніей отозвался о людяхъ, подраздѣляющихъ то и другое,—въ его понятіяхъ то и другое сливается. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы говорили о *воспитаніи*, *образованіи* и *преподаваніи* и ясно понимали другъ друга. Онъ самъ сказалъ, что *образованіе* носитъ въ себѣ элементъ *воспитательный*, который заключается въ каждомъ преподаваніи.

Что̀ же значатъ эти слова, какъ они понимаются и какъ должны быть понимаемы?

Я не буду повторять тѣхъ споровъ и бесѣдъ, которые имѣлъ съ педагогами объ этомъ предметѣ, не выписывать изъ книгъ тѣхъ противорѣчащихъ мнѣній, которыя живутъ въ литературѣ о томъ же предметѣ, — это было бы слишкомъ длинно, и каждый, прочтя первую педагогическую статью, можетъ провѣрить истину моихъ словъ, а здѣсь постараюсь объяснить происхожденіе этихъ понятій, ихъ различія и причины неясности ихъ пониманія.

Въ понятіи педагоговъ воспитаніе включаетъ въ себя преподаваніе.

Такъ называемая наука педагогика занимается только воспитаніемъ и смотритъ на образовывающагося человѣка какъ на существо, совершенно подчиненное воспитателю. Только черезъ его посредство образовывающійся получаетъ образовательныя или воспитательныя впечатлѣнія, будутъ ли эти впечатлѣнія книги, разсказы, требованія запоминанія, художественныя или тѣлесныя упражненія. Весь внѣшній міръ допускается къ воздѣйствію на ученика только настолько, насколько воспитатель находитъ это удобнымъ. Воспитатель старается окружить своего питомца непроницаемою стѣной отъ вліянія міра и только сквозь свою научную школьно-воспитательную воронку пропускаетъ то, что̀ считаетъ полезнымъ. Я не говорю о томъ, что

дѣлалось или дѣлается у такъ называемыхъ отсталыхъ людей, я не воюю съ мельницами,—я говорю о томъ, какъ понимается и прилагается воспитаніе у такъ называемыхъ самыхъ лучшихъ передовыхъ воспитателей. Вездѣ вліяніе жизни отстранено отъ заботъ педагога, вездѣ школа обстроена кругомъ китайскою стѣной книжной мудрости, сквозь которую пропускается жизненное образовательное вліяніе только настолько, насколько это нравится воспитателямъ. Вліяніе жизни не признается. Такъ смотритъ наука-педагогика, потому что признаетъ за собой право знать, что нужно для образованія наилучшаго человѣка, и считаетъ возможнымъ устранить отъ воспитанника всякое внѣ-воспитательное вліяніе; такъ поступаетъ и практика воспитанія.

На основаніи такого взгляда естественно смѣшивается воспитаніе и образованіе, ибо признается, что не будь воспитанія, не было бы и образованія. Въ послѣднее же время, когда смутно начала сознаваться потребность свободы образованія, лучшіе педагоги пришли къ убѣжденію, что преподаваніе есть единственное средство воспитанія, но преподаваніе принудительное, обязательное, и потому стали смѣшивать всѣ три понятія—воспитаніе, образованіе и обученіе.

По понятіямъ педагога-теоретика воспитаніе есть дѣйствіе одного человѣка на другого и включаетъ въ себя три дѣйствія: 1) нравственное или насильственное вліяніе воспитателя,—образъ жизни, наказанія; 2) обученіе и преподаваніе, и 3) руковожденіе жизненными вліяніями на воспитываемаго. Ошибка и смѣшеніе понятій, по нашему убѣжденію, происходятъ оттого, что педагогика принимаетъ своимъ предметомъ воспитаніе, а не образованіе, и не видитъ возможности для воспитателя предвидѣть, соразмѣрить и опредѣлить всѣ вліянія жизни. Каждый педагогъ соглашается, что жизнь вноситъ свое вліяніе и до школы, и послѣ школы, и, несмотря на все стараніе устранить ее, и во время школы. Вліяніе это такъ сильно, что большею частью уничтожается все вліяніе школьнаго воспитанія; но педагогъ видитъ въ этомъ только недостаточность развитія науки и искусства педагогики, и все-таки признаетъ своею задачей воспитаніе людей по извѣстному образцу, а не образованіе, т.-е. изученіе путей, посредствомъ которыхъ образуются люди, и содѣйствіе этому свободному образованію. Я соглашаюсь, что Unterricht, ученіе, преподаваніе, есть часть Erziehung—воспитанія, но образованіе включаетъ въ себѣ то и другое.

Воспитаніе не есть предметъ педагогики, но одно изъ явленій, на которое педагогика не можетъ не обратить вниманія, предметомъ же педагогики должно и можетъ быть только образованіе.

Образованіе въ обширномъ смыслѣ, по нашему убѣжденію, составляетъ совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему болѣе обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе насильственное и свободное, искусства, науки, жизнь—все образовываетъ.

Образованіе вообще понимается или какъ послѣдствіе всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя жизнь оказываетъ на человѣка (въ смыслѣ образованіе человѣка, мы говоримъ: образованный человѣкъ), или какъ самое вліяніе на человѣка всѣхъ жизненныхъ условій (въ смыслѣ образованіе нѣмца, русскаго мужика, барина, мы говоримъ: человѣкъ получилъ плохое образованіе или хорошее и т. п.). Только съ этимъ послѣднимъ мы имѣемъ дѣло. Воспитаніе есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки (мы говоримъ: они его воспитали лицемѣромъ, разбойникомъ или добрымъ человѣкомъ. Спартанцы воспитывали мужественныхъ людей, французы воспитываютъ одностороннихъ и самодовольныхъ). Преподаваніе есть передача свѣдѣній одного человѣка другому (преподавать можно шахматную игру, исторію, сапожное мастерство). Ученіе, оттѣнокъ преподаванія, есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить ученика усвоить извѣстныя физическія привычки (учить пѣть, плотничать, танцовать, грести веслами, говорить наизусть). Преподаваніе и ученіе суть средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе исключительно, то-есть преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными. Истина ясно и инстинктивно сказывается каждому. Сколько бы мы ни старались сливать раздѣльное и подраздѣлять нераздѣлимое, и поддѣлывать мысль подъ порядокъ существующихъ вещей—истина очевидна.

Воспитаніе есть принудительное, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлью образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть свободное отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другого—сообщать уже пріобрѣтенное имъ. Преподаваніе, Unterricht, есть средство какъ образованія, такъ и воспитанія. Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи, право на которое признаетъ за собою воспитаніе. Воспитаніе есть образованіе насильственное. Образованіе свободно.

Воспитаніе французское éducation, англійское aducation, нѣмецкое Erziehung—понятія, существующія въ Европѣ, образованіе же есть понятіе, существующее только въ Россіи и отчасти въ Германіи, гдѣ имѣется почти соотвѣтствующее слово—Bildung. Во Франціи же и Англіи это понятіе и слово вовсе не существуютъ. Civilisation есть просвѣщеніе, instruction есть понятіе европейское, не переводимое по-русски, означающее богатство школьныхъ научныхъ свѣдѣній или передачу ихъ, но не есть образованіе, включающее въ себя и научныя знанія, и искусства, и физическое развитіе.

Я говорилъ въ первой статьѣ о правѣ насилія въ дѣлѣ образованія и старался доказать, что, во-первыхъ, насиліе невозможно, во-вторыхъ, не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, или къ печальнымъ, въ-третьихъ, что насиліе это не можетъ имѣть другого основанія, кромѣ произвола (черкесъ учитъ воровать, магометанинъ—убивать невѣрныхъ). Воспитанія какъ предмета науки—нѣтъ. Воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму. Воспитаніе есть, я не скажу — выраженіе дурной стороны человѣческой природы, но явленіе, доказывающее неразвитость человѣческой мысли и потому не могущее быть положеннымъ основаніемъ разумной человѣческой дѣятельности — науки.

Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другого такимъ же, каковъ онъ самъ. (Стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатаго, чувство зависти стараго при взглядѣ на свѣжую и сильную молодость,—чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію.) Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, то-есть больше испорченнымъ.

Я знаю барышника - дворника, постоянно подлыми путями сбивающаго себѣ копейку, который на мои увѣщанія и подольщенія отдать славнаго 12 - лѣтняго своего сынишку ко мнѣ въ Яснополянскую школу, въ самодовольную улыбку распуская свою красную рожу, постоянно отвѣчаетъ одно и то же: «Оно такъ-то такъ, ваше сіятельство, да мнѣ нужнѣе всего прежде напитать его своимъ духомъ». И онъ его вездѣ таскаетъ съ собой и хвастается тѣмъ, что 12 - лѣтній сынишка научился обдувать мужиковъ, ссыпающихъ отцу пшеницу. Кто не знаетъ отцовъ, воспитанныхъ въ юнкерахъ и корпусахъ, считающихъ только то образованіе хорошимъ, которое пропитано тѣмъ самымъ духомъ, въ которомъ эти отцы сами воспитывались? Развѣ

не точно такъ же пропитываютъ своимъ духомъ профессора въ университетахъ и монахи въ семинаріяхъ? Мнѣ не хочется доказывать то, что я разъ уже доказывалъ, и то, что слишкомъ легко доказать: что воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ,—*неплодотворно, незаконно и невозможно*. Здѣсь я ограничусь однимъ вопросомъ. Права воспитанія не существуетъ. Я не признаю его, не признаетъ, не признавало и не будетъ признавать его все воспитываемое молодое поколѣніе, всегда и вездѣ возмущающееся противъ насилія воспитанія. *Чѣмъ вы докажете это право*. Я не знаю и не полагаю ничего, а вы признаете и полагаете новое, для насъ несуществующее право одного человѣка дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ ему хочется. Докажите это право, но только не тѣмъ, что фактъ злоупотребленія властью существуетъ и давно уже существовалъ. Не вы истцы, а мы,—вы же отвѣтчики. Мнѣ уже нѣсколько разъ устно и печатно возражали на мысли, выраженныя въ «Ясной Полянѣ» такъ, какъ успокаиваютъ неспокойное дитя. Мнѣ говорили: «безъ сомнѣнія, воспитывать такъ, какъ воспитывались въ средневѣковыхъ монастыряхъ,— безъ сомнѣнія, это не хорошо, но гимназіи, университеты совсѣмъ другое дѣло». Другіе еще говорили: «безъ сомнѣнія, это такъ, но, принявъ во вниманіе и т. д. такіе-то и такія-то обстоятельства, надо согласиться, что иначе невозможно». Такой пріемъ возраженія, мнѣ кажется, обличаетъ не серьезность, а слабость мысли. Вопросъ поставленъ такъ: имѣетъ или нѣтъ одинъ человѣкъ право на воспитаніе другого? Нельзя отвѣчать — нѣтъ, но однакоже... Необходимо отвѣтить: да или нѣтъ. Если — да, то жидовская синагога, дьячковское училище имѣютъ столь же законное право существовать, какъ всѣ наши университеты. Если—нѣтъ, то и вашъ университетъ, какъ воспитательное заведеніе, столь же незаконенъ, если только онъ несовершененъ и всѣ не признаютъ его таковымъ. Я не вижу середины, и не по одной теоріи, но и въ дѣйствительности. Для меня одинаково возмутительны гимназія съ своею латынью и профессоръ университета съ своимъ радикализмомъ или матеріализмомъ. Ни гимназистъ, ни студентъ не имѣютъ свободы выбора. По моимъ наблюденіямъ, даже результаты всѣхъ этихъ родовъ воспитанія одинаково уродливы. Развѣ не очевидно, что курсы ученья нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній будутъ въ XXI столѣтіи казаться нашимъ потомкамъ столь же странными и безполезными, какими намъ кажутся теперь средневѣковыя школы. Такъ легко придти къ тому простому заключенію, что если въ исторіи человѣческихъ знаній не было абсолютныхъ истинъ, а однѣ ошибки постоянно

смѣнялись другими, то на какомъ основаніи принуждать молодое поколѣніе усваивать тѣ знанія, которыя навѣрное окажутся ошибочными? Скажутъ и говорили: если такъ было всегда, то о чемъ вы хлопочете?—такъ должно быть. Я никакъ не вижу этого. Если люди всегда убивали другъ друга, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ это всегда такъ должно было быть, и чтобъ убійство нужно было возводить въ принципъ, особенно если бы найдены были причины этихъ убійствъ и указана возможность обойтись безъ нихъ. Главное же, зачѣмъ вы, признавая общее человѣческое право воспитанія, осуждаете дурное воспитаніе? Осуждаетъ отецъ, отдавши своего сына въ гимназію, осуждаетъ религія, глядя на университеты, осуждаетъ правительство, осуждаетъ общество. Или признать за *каждымъ* право, или ни за кѣмъ. — Я не вижу середины. Наука должна рѣшить вопросъ: имѣемъ ли мы право воспитанія или нѣтъ? Отчего не сказать правды? Вѣдь университетъ не любитъ поповскаго образованія и говоритъ, что нѣтъ ничего хуже семинарій; духовные не любятъ университетскаго образованія и говорятъ, что нѣтъ ничего хуже университетовъ, что это только школы гордости и атеизма; родители осуждаютъ университеты; университеты осуждаютъ кадетскіе корпуса; правительство осуждаетъ университеты и наоборотъ. Кто же правъ, кто виноватъ? Здравая мысль въ живомъ, не мертвомъ народѣ, въ виду такихъ вопросовъ, не можетъ заниматься составленіемъ картинокъ для нагляднаго обученія, ей необходимо отвѣтить на эти вопросы. А будетъ ли эта мысль называться педагогика или нѣтъ—это все равно. Есть два отвѣта: или признать право за тѣмъ, къ кому мы ближе или кого мы больше любимъ или боимся, какъ дѣлаетъ это большинство (попъ я, то считаю семинаріи лучше всего; военный я, то предпочитаю кадетскій корпусъ; студентъ—то признаю одни университеты. Такъ дѣлаемъ мы всѣ, только обставляя свои пристрастія болѣе или менѣе остроумными доводами и вовсе не замѣчая, что всѣ наши противники дѣлаютъ то же самое), или ни за кѣмъ не признавать права воспитанія. Я избралъ этотъ послѣдній путь и старался доказать почему.

Я говорю, что университеты не только русскіе, но и во всей Европѣ, какъ скоро не совершенно свободны, не имѣютъ другого основанія, какъ произволъ, и столь же уродливы, какъ монастырскія школы. Я прошу будущихъ критиковъ не стушевывать моихъ выводовъ: или я вру, или ошибается вся педагогика—средины не можетъ быть. Итакъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано права воспитанія, я не признаю его. Но, тѣмъ не менѣе, не признавая права воспитанія, я не могу не признавать

самаго явленія, факта воспитанія, и долженъ объяснить его. Откуда взялось воспитаніе и тотъ странный взглядъ нашего общества, то необъяснимое противорѣчіе, вслѣдствіе котораго мы говоримъ: эта мать дурна, она не имѣетъ права воспитывать свою дочь, — отнять ее у матери; это заведеніе дурно,—уничтожить его; а это заведеніе хорошо,—надо поддержать его? Вслѣдствіе чего существуетъ воспитаніе?

Если существуетъ вѣками такое ненормальное явленіе, какъ насиліе въ образованіи — воспитаніе, то причины этого явленія должны корениться въ человѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ, 2) въ религіи, 3) въ государствѣ и 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смыслѣ, — у насъ, въ кругу чиновниковъ и дворянства).

Первая причина состоитъ въ томъ, что отецъ и мать, какіе бы они ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или, по крайней мѣрѣ, такими, какими бы они желали быть сами. Стремленіе это такъ естественно, что нельзя возмущаться противъ него. До тѣхъ поръ, пока право свободнаго развитія каждой личности не вошло въ сознаніе каждаго родителя, нельзя требовать ничего другого. Кромѣ того, родители болѣе всякаго другого будутъ зависѣть отъ того, чѣмъ сдѣлается ихъ сынъ: такъ что стремленіе ихъ воспитать его по-своему можетъ назваться ежели не справедливымъ, то естественнымъ.

Вторая причина, порождающая явленіе воспитанія, есть религія. Какъ скоро человѣкъ—магометанинъ, жидъ или христіанинъ—твердо вѣритъ, что человѣкъ, не признающій его ученія, не можетъ быть спасенъ и губитъ свою душу навѣки, онъ не можетъ не желать, хотя насильно обратить и воспитать каждаго ребенка въ своемъ ученіи.

Повторяю еще разъ: религія есть единственное, законное и разумное основаніе воспитанія.

Третья и самая существенная причина воспитанія заключается въ потребности правительствъ воспитать такихъ людей, какіе имъ нужны для извѣстныхъ цѣлей. На основаніи этой потребности основываются кадетскіе корпуса, училища правовѣдѣнія, инженерныя и другія школы. Если бы не было слугъ правительству, не было бы правительства; если бы не было правительства, не было бы государства. Стало быть, и эта причина имѣетъ неоспоримыя оправданія.

Четвертая причина, наконецъ, лежитъ въ потребности *общества*,—того общества въ тѣсномъ смыслѣ, которое у насъ представляется дворянствомъ, чиновничествомъ и отчасти ку-

печествомъ. Этому обществу нужны помощники, потворщики и участники.

Замѣчательно то, — я прошу читателя, для ясности послѣдующаго, обратить на это обстоятельство особое вниманіе, — замѣчательно то, что въ наукѣ и литературѣ встрѣчаются постоянно нападки на насиліе воспитанія семейнаго (говорятъ: родители развращаютъ своихъ дѣтей,—а, кажется, такъ естественно, чтобы отецъ и мать желали сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами), встрѣчаются нападки на религіозное воспитаніе (кажется, годъ тому назадъ вся Европа стонала за одного жиденка, воспитаннаго насильно христіаниномъ; а нѣтъ ничего законнѣе желанія дать попавшемуся мнѣ ребенку средство вѣчнаго спасенія въ той единственной религіи, въ которую я вѣрую), встрѣчаются нападки на воспитаніе чиновниковъ, офицеровъ; а какъ же необходимому для всѣхъ насъ правительству не образовывать для себя и для насъ служителей? Но на образованіе общественное не слышно нападокъ. Привилегированное общество съ своимъ университетомъ всегда право, а, несмотя на то, оно воспитываетъ въ понятіяхъ, противныхъ народу, всей массѣ народа, и не имѣетъ оправданія, кромѣ гордости. Отчего это? Я думаю — только отъ того, что мы не слышимъ голоса того, кто нападаетъ на насъ, и не слышимъ, потому что онъ говоритъ не въ печати и не съ каѳедры. А это могучій голосъ народа,—надо прислушиваться къ нему.

Возьмите въ наше время и въ нашемъ обществѣ, какое хотите, общественное заведеніе—отъ народной школы и пріюта для бѣдныхъ дѣтей до женскаго пансіона, до гимназій и университетовъ,—во всѣхъ этихъ заведеніяхъ вы найдете одно непонятное, но никому не бросающееся въ глаза явленіе. Родители, начиная съ крестьянъ, мѣщанъ до купцовъ и дворянъ, жалуются на то, что дѣтей ихъ воспитываютъ въ чуждыхъ ихъ средѣ понятіяхъ. Купцы и стараго вѣка дворяне говорятъ: мы не хотимъ гимназій и университетовъ, которые сдѣлаютъ изъ нашихъ дѣтей безбожниковъ и вольнодумцевъ. Крестьяне и мѣщане не хотятъ школы, пріютовъ и пансіоновъ, чтобы не сдѣлали изъ ихъ дѣтей бѣлоручекъ и писарей вмѣсто пахарей. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ воспитатели безъ исключенія, отъ народныхъ школъ до высшихъ учебныхъ заведеній, заботятся объ одномъ — воспитать ввѣренныхъ имъ дѣтей такъ, чтобы дѣти эти не были похожи на своихъ родителей. Нѣкоторые воспитатели наивно признаются, нѣкоторые, хотя не признаваясь, считаютъ сами себя образцами того, чѣмъ должны быть, а родителей—образцами той грубости, того невѣжества и тѣхъ пороковъ, какими не должны быть ихъ

воспитанники. Воспитательница, уродливое, изломанное жизнью созданіе, полагающее все совершенство человѣческой природы въ искусствѣ присѣдать, надѣвать воротнички и во французскомъ языкѣ, конфиденціально сообщаетъ вамъ, что она—мученица своихъ обязанностей, что всѣ ея труды воспитанія пропадаютъ даромъ отъ невозможности удалить совершенно дѣтей отъ вліянія родителей, что воспитанницы ея, начинавшія уже забывать русскій языкъ и начинавшія скверно говорить по-французски, начинавшія забывать обращеніе съ кухарками, возню на кухнѣ и бѣганіе босикомъ, а, слава Богу, выучившія уже Александра Македонскаго и Гваделупу, при свиданіи съ домашними — увы! — забываютъ все это и усваиваютъ вновь свои тривіальныя привычки. Воспитательница эта, не только не стѣсняясь передъ своими воспитанницами, будетъ подтрунивать надъ ихъ матерями или вообще надъ всѣми женщинами, принадлежащими къ ихъ кругу, но она считаетъ своею заслугой, посредствомъ ироніи надъ прежнею средой воспитанницъ, перемѣнить ихъ взглядъ и понятія. Я не говорю уже о той искусственной матеріальной обстановкѣ, которая должна совершенно измѣнить весь взглядъ воспитываемыхъ. Дома всѣ удобства жизни—вода, пироги, хорошая провизія, хорошо приготовленный обѣдъ, чистота и удобство помѣщенія—все зависѣло отъ трудовъ и заботъ матери и всего семейства. Больше трудовъ и заботъ—больше удобства, меньше трудовъ и заботъ—меньше удобства. Простая штучка, но, я смѣю думать, больше поучительная, чѣмъ французскій языкъ и Александръ Македонскій. При общественномъ же воспитаніи это постоянное жизненное возмездіе за трудъ до такой степени устранено, что не только не будутъ хуже или лучше обѣдъ, чище или чернѣе наволочки, лучше или хуже натерты полы, — будетъ ли ученица о томъ заботиться или нѣтъ, но у ней нѣтъ даже своей келейки, своего уголка, который бы она могла убрать или не убрать по-своему, нѣтъ возможности изъ лоскутковъ и лентъ сдѣлать себѣ нарядъ. «Ну, что, лежачаго не бьютъ,—скажутъ девять десятыхъ читателей,—что и говорить о пансіонахъ и т. п.». Нѣтъ, они не лежачіе, они стоячіе крѣпко, стоячіе на опорѣ права воспитанія. Пансіоны нисколько не уродливѣе гимназій, университетовъ. Въ основаніи тѣхъ и другихъ лежитъ одинъ и тотъ же принципъ: признанное за однимъ человѣкомъ или небольшимъ собраніемъ людей право дѣлать изъ другихъ людей такихъ, какихъ имъ хочется. Пансіоны не лежачіе,—ихъ существуетъ и будутъ существовать тысячи, потому что они имѣютъ такое же право на образованіе, какъ воспитательныя гимназіи и университеты. Разница развѣ

въ томъ, что мы не признаемъ почему-то права за семьей воспитывать, какъ ей угодно, — отрываемъ ребенка отъ развратной матери и помѣщаемъ въ пріютъ, гдѣ его исправитъ испорченная воспитательница.

Мы не признаемъ за религіей права воспитывать, мы кричимъ противъ семинарій и монастырскихъ школъ, мы не признаемъ этого права и за правительствомъ, мы недовольны кадетскими корпусами, школами правовѣдѣнія и т. п., но у насъ недостаетъ силы отрицать законность заведеній, въ которыхъ *общество*, т.-е. не народъ, но высшее общество, признаетъ за собой право воспитывать по-своему,—пансіоны для дѣвицъ и университеты. Университеты? Да, университеты. Я позволю себѣ анализировать и этотъ храмъ премудрости. Съ моей точки зрѣнія, онъ ни на шагъ не только не ушелъ впередъ отъ женскаго заведенія, но въ немъ-то и лежитъ корень зла—деспотизмъ общества, на который не поднимали еще руку.

Какъ пансіонъ рѣшилъ, что нѣтъ спасенія безъ инструмента, называемаго фортепіано, и языка французскаго, такъ точно одинъ мудрецъ или компанія такихъ мудрецовъ (пускай подъ этою компаніей будутъ разумѣть представителей европейской науки, отъ которой мы будто бы пріемствовали нашу организацію университетовъ, все-таки эта компанія мудрецовъ будетъ очень-очень малочисленна въ сравненіи съ тою массой учащихся, для которой въ будущемъ организованъ университетъ) учредила университетъ для изученія рѣшительно *всѣхъ* наукъ въ ихъ высшемъ, самомъ высшемъ развитіи, и, не забудьте, учредила такія заведенія въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ Казани, въ Кіевѣ, въ Дерптѣ, въ Харьковѣ, завтра учредитъ еще въ Саратовѣ, въ Николаевѣ: гдѣ только захочется, тамъ и учредится заведеніе для изученія всѣхъ наукъ въ ихъ высшемъ развитіи. Я сомнѣваюсь, чтобы мудрецы эти придумали организацію такого заведенія. Воспитательницѣ еще легче: для нея есть образецъ — она сама. Здѣсь же образцы слишкомъ разнообразны и сложны. Но положимъ, что такая организація придумана,—положимъ, что̀ еще невѣроятнѣе, что у насъ есть люди для такихъ заведеній. Посмотримъ на дѣятельность такого заведенія и его результаты. Я говорилъ уже о невозможности доказать программу какого бы то ни было учебнаго заведенія, тѣмъ менѣе университета, какъ не готовящаго ни къ какому другому заведенію, но прямо къ жизни. Я повторяю только, въ чемъ не могутъ не согласиться всѣ непредубѣжденные люди, что доказать необходимость подраздѣленія факультетовъ нѣтъ никакой возможности.

Какъ воспитательница, такъ и университетъ считаютъ первымъ условіемъ допущенія къ участію въ образованіи оторванность отъ первобытной среды. Университетъ, общимъ правиломъ, принимаетъ только учениковъ, прошедшихъ семилѣтній искусъ гимназическаго курса и живущихъ въ большомъ городѣ. Малая часть вольнослушающихъ проходитъ тотъ же гимназическій курсъ, только не съ помощью гимназіи, а домашнихъ учителей.

Прежде чѣмъ вступить въ гимназію, ученикъ долженъ пройти курсъ уѣзднаго и народнаго училища.

Я попробую, оставивъ въ покоѣ ученыя ссылки на исторію и глубокомысленныя сравненія положенія дѣла въ европейскихъ государствахъ, просто говорить о томъ, что происходитъ на нашихъ глазахъ въ Россіи.

Надѣюсь всѣ согласны, что назначеніе нашихъ воспитательныхъ учрежденій состоитъ преимущественно въ распространеніи образованія между всѣми сословіями, а не въ поддерживаніи образованія въ исключительно завладѣвшемъ имъ сословіи, т.-е. что мы не столько заботимся о томъ, чтобы были образованы сыновья какого-нибудь богача или вельможи (эти найдутъ себѣ образованіе, если не въ русскомъ, то въ европейскомъ заведеніи), сколько намъ дорого дать образованіе сыну дворника, третьей гильдіи купца, мѣщанина, священника, сыну бывшаго двороваго и т. п. Я не говорю о крестьянинѣ—это были бы далеко неисполнимыя мечтанія. Однимъ словомъ, цѣль университета — распространеніе образованія на наибольшее число людей. Возьмемъ для примѣра сына мелкаго городского купца или мелкаго мѣстнаго дворянина. Мальчика прежде всего отдаютъ учиться грамотѣ. Ученіе это, какъ извѣстно, состоитъ изъ зубренія непонятныхъ славянскихъ рѣчей, продолжающагося, какъ извѣстно, три-четыре года. Вынесенныя изъ такого ученія знанія оказываются неприложимыми къ жизни; нравственныя привычки, вынесенныя оттуда же, состоятъ въ неуваженіи къ старшимъ, къ учителямъ, иногда въ воровствѣ книгъ и т. п., и главное — въ праздности и лѣни.

Кажется, излишне доказывать, что школа, въ которой учатся три года тому, чему можно выучиться въ три мѣсяца, есть школа праздности и лѣни. Ребенокъ, неподвижно обязанный сидѣть 6 часовъ за книгой, выучивая въ цѣлый день то, что̀ онъ можетъ выучить въ полчаса, искусственно пріучается къ самой полной и зловредной праздности. По возвращеніи изъ такой школы девять десятыхъ родителей, въ особенности матерей, находятъ своихъ дѣтей отчасти испорченными, физически разслабленными,

и отчужденными, но потребность сдѣлать изъ нихъ людей съ успѣхомъ въ свѣтѣ побуждаетъ отдать ихъ дальше въ уѣздное училище. Въ этомъ заведеніи обученіе праздности, обману, лицемѣрію и физическое разслабленіе продолжаются съ большею силой. Въ уѣздномъ училищѣ еще видишь здоровыя лица, въ гимназіи рѣдко, въ университетѣ почти никогда. Въ уѣздномъ училищѣ предметы преподаванія еще менѣе приложимы къ жизни, чѣмъ въ первомъ. Тутъ начинаются Александръ Македонскій, Гваделупа и мнимое объясненіе явленій природы, ничего не дающіе ученику, кромѣ ложной гордости и презрѣнія къ родителямъ, въ которомъ примѣръ учителя поддерживаетъ его. Кто не знаетъ этихъ учениковъ, глубоко презирающихъ весь простой необразованный народъ на томъ основаніи, что они слышали отъ учителя, что земля кругла и что воздухъ состоитъ изъ азота и кислорода! Послѣ уѣзднаго училища та глупая мать, надъ которою такъ мило подтруниваютъ писатели повѣстей, еще больше тужитъ надъ физически и нравственно измѣнившимся дѣтищемъ. Наступаетъ гимназическій курсъ съ тѣми же пріемами экзаменовъ и принужденія, развивающими лицемѣріе, обманъ и праздность, и сынъ купца или мелкопомѣстнаго дворянина, не знающаго, гдѣ сыскать работника или приказчика, учитъ ужъ наизусть французскую, латинскую грамматику, исторію Лютера и на несвойственномъ себѣ языкѣ изощряется писать сочиненія о выгодахъ представительнаго образа правленія. Кромѣ всей этой, ни къ чему неприложимой мудрости, онъ учится уже дѣланію долговъ, обманамъ, выманиванію у родителей денегъ, распутству и т. п.,—наукамъ, которыя свое окончательное развитіе получаютъ въ университетѣ. Здѣсь, въ гимназіи, мы уже видимъ окончательное отреченіе отъ дома. Просвѣщенные учителя стараются возвысить его надъ его природною средой, съ этою цѣлью ему даютъ читать Бѣлинскаго, Маколея, Льюиса и т. д.; все это не потому, чтобы онъ имѣлъ къ чему-нибудь исключительную склонность, а чтобы вообще *развить его*, какъ они это называютъ. И гимназистъ на основаніи смутныхъ понятій и соотвѣтствующихъ имъ словъ—прогрессъ, либерализмъ, матеріализмъ, историческое развитіе и т. п., съ презрѣніемъ и отчужденіемъ смотритъ на свое прошедшее. Цѣль наставниковъ достигнута, но родители, и въ особенности мать, еще съ бо̀льшимъ недоумѣніемъ и грустью смотрятъ на своего изможденнаго, чужимъ языкомъ говорящаго, чужимъ умомъ думающаго, курящаго папиросы и пьющаго вино, самоувѣреннаго и самодовольнаго Ваню. Дѣло сдѣлано,—и другіе такіе же,—думаютъ родители,—должно быть, такъ надо,—и Ваня

отправляется въ университетъ. Родители не смѣютъ сказать самимъ себѣ, что они ошиблись.

Въ университетѣ, какъ сказано уже, рѣдко кого увидишь съ здоровымъ и свѣжимъ лицомъ и ни одного не увидишь, который бы съ уваженіемъ, хотя бы съ неуваженіемъ, но спокойно, смотрѣлъ на ту среду, изъ которой онъ вышелъ и въ которой ему приведется жить; онъ смотритъ на нее съ презрѣніемъ, отвращеніемъ и высокомѣрнымъ сожалѣніемъ. Такъ онъ смотритъ на людей своей среды, на своихъ родныхъ, такъ же смотритъ и на ту дѣятельность, которая предстояла бы ему по общественному положенію. Только три карьеры исключительно представляются ему въ золотомъ сіяніи: ученый, литераторъ и чиновникъ.

Изъ предметовъ преподаванія нѣтъ ни одного, который бы былъ приложимъ къ жизни, и преподаютъ ихъ точно такъ же, какъ заучиваютъ псалтырь и географію Ободовскаго. Я исключаю только предметы опытные, какъ-то: химію, физіологію, анатомію, даже астрономію, въ которыхъ заставляютъ работать студентовъ; всѣ остальные предметы, какъ-то: философія, исторія, право, филологія, учатся наизусть, только съ цѣлью отвѣчать на экзаменѣ,—какіе бы ни были экзамены—переходные или выпускные, это все равно. Я вижу высокомѣрное презрѣніе профессоровъ читающихъ эти строки. Они не удостоятъ меня даже озлобленіемъ и не снизойдутъ съ высоты своего величія для того, чтобы доказать писателю повѣстей, что онъ ничего не понимаетъ въ этомъ важномъ и таинственномъ дѣлѣ. Я это знаю, но никакъ не могу вслѣдствіе того удержать выводовъ разсудка и наблюдательности. Никакъ не могу я вмѣстѣ съ гг. профессорами признать невидимо совершающагося надъ студентами таинства образованія, независимо отъ формы и содержанія лекцій профессоровъ. Не признаю я всего этого, такъ же какъ не признаю столь же таинственнаго и никѣмъ не объясненнаго образовательнаго вліянія классическаго воспитанія, о которомъ уже не считаютъ нужнымъ спорить. Сколько бы признанныхъ всѣмъ міромъ мудрецовъ и почтенныхъ по характеру людей ни утверждали, что для развитія человѣка полезнѣе всего выучить латинскую грамматику, греческіе и латинскіе стихи въ подлинникѣ, когда ихъ можно читать въ переводѣ, я не повѣрю этому, такъ же какъ не повѣрю тому, что для азвитія человѣка нужно стоять три часа на одной ногѣ. Это нужно доказать не однимъ опытомъ. Опытомъ доказывается все, что̀ угодно. Псалтырникъ опытомъ доказываетъ, что лучшее средство выучить грамотѣ — это заставить учить псалтырь; башмачникъ говоритъ, что лучшее

средство выучить мастерству — заставлять ребятъ два года таскать воду, рубить дрова и т. д. Такимъ путемъ докажете все, чтò угодно. Все это я говорю только къ тому, чтобы защитники университетовъ не говорили бы мнѣ объ историческомъ значеніи, о таинственномъ образовательномъ вліяніи, объ общей связи государственныхъ воспитательныхъ учрежденій, не приводили бы мнѣ въ примѣръ оксфордскіе, гейдельбергскіе университеты, а позволили бы мнѣ разсуждать по простому и здравому смыслу, и сами бы разсуждали такъ же. Я знаю только то, что поступая въ университетъ 16—18 лѣтъ, для меня, по факультету, въ который я поступилъ, уже опредѣленъ кругъ моихъ знаній и опредѣленъ совершенно произвольно. Я прихожу на какую-нибудь лекцію изъ предписанныхъ мнѣ по факультету, я обязанъ не только слушать все, чтò читаетъ мнѣ профессоръ, но и заучить это, если не слово въ слово, то предложеніе въ предложеніе. Если я не выучу всего этого, профессоръ не дастъ мнѣ необходимаго аттестата при выпускномъ или переводномъ экзаменѣ. Я не говорю уже о злоупотребленіяхъ, повторяющихся сотню разъ. Для того, чтобы получить этотъ аттестатъ, я долженъ исполнить любимыя привычки профессора: или сидѣть всегда на первой лавкѣ и записывать, или имѣть испуганный или веселый видъ на экзаменѣ, или имѣть одинаковыя убѣжденія съ профессоромъ, или посѣщать аккуратно его вечера (это не мои выдумки, а мнѣнія студентовъ, которыя можно всегда слышать въ каждомъ университетѣ). Слушая лекціи, я могу не соглашаться съ взглядомъ профессора, могу на основаніи чтеній по предмету, которымъ занимаюсь, находить, что лекціи профессора плохи,—я все-таки долженъ ихъ слушать или, по крайней мѣрѣ, выучивать.

Въ университетахъ существуетъ догматъ, который не высказывается профессорами,—это догматъ папской непогрѣшимости профессора. Мало того, образованіе студентовъ профессоромъ совершается, какъ и у всѣхъ жрецовъ, тайно, келейно и съ требованіемъ благоговѣнія отъ непосвященныхъ и студентовъ. Какъ скоро профессоръ назначенъ, профессоръ начинаетъ читать, и будь онъ глупъ отъ природы, поглупѣй онъ во время исполненія своей должности, отстань онъ совершенно отъ науки, будь онъ недостойнымъ по характеру человѣкомъ,— онъ продолжаетъ читать, пока продолжаетъ жить, и нѣтъ студентамъ никакого средства выразить свое удовольствіе или неудовольствіе. Мало того, то, чтò читаетъ профессоръ, остается тайной для всѣхъ, кромѣ студентовъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ моего невѣжества, но я не знаю книгъ—руководствъ,

составленныхъ изъ чтеній профессоровъ. Если и бывали такіе курсы, то въ пропорціи одного на сотню.

Что̀ это такое значитъ?! Профессоръ преподаетъ науку въ высшемъ образовательномъ заведеніи, — положимъ, исторію русскаго права или гражданское право,—стало быть, онъ знаетъ эту науку въ высшемъ ея развитіи, стало быть, онъ такъ умѣлъ соединить всѣ различные взгляды на науку или выбрать одинъ изъ нихъ—современнѣйшій и доказать, почему это такъ,—за что̀ же онъ лишаетъ всѣхъ насъ, всю Европу, плодовъ своей мудрости и передаетъ ихъ только слушающимъ его студентамъ? Неужели ему неизвѣстно, что существуютъ хорошіе издатели, платящіе хорошія деньги за хорошія книги, что существуетъ литературная критика, оцѣнивающая литературныя произведенія, и что студентамъ было бы гораздо удобнѣе читать его книгу дома, лежа на кровати, чѣмъ записывать его лекціи? Если каждый годъ измѣняется и дополняется наука, то каждый годъ могли бы являться новыя дополнительныя статьи. Литература и общество были бы благодарны. Отчего же они не печатаютъ своихъ курсовъ?

Я бы желалъ объяснить это равнодушіемъ къ литературному успѣху, но, къ несчастью, вижу, что тѣ же жрецы науки не отказываются напечатать легонькую политическую статейку, иногда не касающуюся ихъ предмета. Я боюсь, что тайна университетскаго преподаванія происходитъ отъ того, что 90 изъ 100 курсовъ, будь они напечатаны, не выдержатъ нашей неразвитой литературной критики. Почему непремѣнно нужно читать, а не дать студентамъ въ руки хорошую книгу свою, или чужую, одну или двѣ, или десять хорошихъ книгъ?

То условіе, что въ университетѣ нужно читать профессору и непремѣнно отъ себя, принадлежитъ къ догматамъ университетской практики, въ которую я не вѣрю и которую доказать невозможно. «Изустная передача запечатлѣвается болѣе въ умахъ и т. д.», скажутъ мнѣ; все это несправедливо. Я знаю себя и многихъ другихъ составляющихъ не исключеніе, но общее правило, которые при устной передачѣ ничего не понимаютъ и понимаютъ хорошо только тогда, когда спокойно дома читаютъ книгу. Изустная передача имѣла бы значеніе только тогда, когда студенты имѣли бы право оппонировать, и лекція была бы бесѣда, а не урокъ. Тогда бы только мы, публика, не имѣли права требовать оглашенія отъ профессоровъ тѣхъ руководствъ, по которымъ они 30 лѣтъ сряду учатъ нашихъ дѣтей и братій. При теперешнемъ же порядкѣ чтеніе лекцій есть только забавный обрядъ, не имѣющій никакого смысла, и въ особенности забавный по важности, съ которою онъ совершается.

Я не пріискиватель средствъ для исправленія университетовъ; я не говорю, что, допустивъ на лекціяхъ право студентовъ возраженія, можно было бы осмыслить университетское преподаваніе. Насколько я знаю профессоровъ и студентовъ, мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ студенты будутъ школьничать, либеральничать, профессора не будутъ въ состояніи хладнокровно, не прибѣгая къ власти, вести пренія, и что дѣло пойдетъ еще хуже. Но изъ этого, по моему мнѣнію, никакъ не слѣдуетъ, чтобы студенты обязаны были молчать, а профессора имѣли право говорить все, что̀ имъ вздумается; изъ этого только слѣдуетъ, что все университетское устройство стоитъ на ложныхъ основаніяхъ.

Понятенъ университетъ, соотвѣтствующій своему названію и своей основной идеѣ—собранію людей съ цѣлью взаимнаго образованія. Такіе университеты, неизвѣстные намъ, возникаютъ и существуютъ въ разныхъ уголкахъ Россіи; въ самыхъ университетахъ, въ кружкахъ студентовъ собираются люди, читаютъ, толкуютъ между собой, и, наконецъ, постановляется правило, какъ собираться и толковать между собой. Вотъ настоящій университетъ. Наши же университеты, несмотря на всѣ пустые толки о мнимой либеральности ихъ устройства, суть заведенія, ничѣмъ не отличающіяся по своей организаціи отъ женскихъ учебныхъ заведеній и кадетскихъ корпусовъ. Какъ кадетскіе корпуса приготавливаютъ офицеровъ, какъ училище правовѣдѣнія — чиновниковъ, такъ университеты приготавливаютъ чиновниковъ и людей университетскаго образованія. (Это, какъ всѣмъ извѣстно, особый чинъ, званіе, каста почти.) Университетскія происшествія послѣдняго времени объясняются для меня самымъ простымъ образомъ: студентамъ позволили выпускать воротнички рубашекъ и не застегивать мундировъ, хотѣли перестать наказывать ихъ за непосѣщеніе лекцій, и вслѣдствіе того все зданіе чуть не рушилось и не пало. Чтобы поправить дѣло, есть одно средство: вновь сажать въ карцеръ за непосѣщеніе лекцій, возобновить мундиры. Еще бы лучше, на образецъ англійскихъ учрежденій, наказывать за неудовлетворительные успѣхи и за неблагонравіе, и главное ограничить число студентовъ числомъ нужныхъ людей. Это будетъ послѣдовательно; и при такомъ устройствѣ университеты будутъ давать намъ такихъ людей, какихъ давали прежде. Университеты, какъ заведенія для образованія членовъ общества, въ тѣсномъ смыслѣ высшаго чиновничьяго общества, разумны; но какъ только захотѣли сдѣлать изъ нихъ заведенія для образованія всего русскаго общества, оказалось, что они не годятся. Я рѣшительно не по-

нимаю, на какомъ основанiи въ кадетскихъ корпусахъ признаны необходимыми мундиры и дисциплина, а въ университетахъ, гдѣ преподаванiе точно такое же — съ экзаменомъ, принужденiемъ, съ программой и безъ права возраженiя и уклоненiя отъ лекцiй учащихся,—почему въ университетахъ говорятъ о свободѣ и думаютъ обойтись безъ средствъ кадетскихъ корпусовъ! Пускай примѣръ германскихъ университетовъ не смущаетъ насъ; намъ нельзя брать примѣръ съ нѣмцевъ: для нихъ святъ всякiй обычай, всякiй законъ, а для насъ, къ счастью или несчастью, наоборотъ.

Вся бѣда какъ въ университетскомъ дѣлѣ, такъ и въ общемъ дѣлѣ образованiя, происходитъ преимущественно отъ людей, не разсуждающихъ, но покоряющихся идеямъ вѣка и потому полагающихъ, что можно служить двумъ господамъ вмѣстѣ. Это тѣ самые люди, которые на мысли, выраженныя мною прежде, отвѣчаютъ такъ: «правда, ужъ прошло время бить дѣтей за ученье и наизусть долбить, — все это очень справедливо,—но согласитесь, что безъ розги иногда невозможно, и что надо иногда заставлять учить наизусть. Вы правы, но зачѣмъ крайности и т. д. и т. д.».

Кажется, какъ мило разсуждаютъ эти люди, а они-то и стали враги правды и свободы. Они затѣмъ только будто бы соглашаются съ вами, чтобъ, овладѣвъ вашею мыслью, измѣнять и подрѣзывать и подстригать ее по-своему. Они вовсе несогласны съ тѣмъ, что свобода необходима; они только говорятъ это, потому что боятся не преклониться передъ кумиромъ нашего вѣка. Они только, какъ чиновники въ глазахъ хвалятъ губернатора, въ рукахъ котораго власть. Во сколько тысячъ разъ я предпочитаю моего прiятеля-попа, который прямо говоритъ, что разсуждать нечего, когда люди могутъ умереть несчастными, не узнавъ Закона Божiя, и потому, какими бы то ни было средствами, необходимо выучить ребенка Закону Божiю,—спасти его. Онъ говоритъ, что принужденiе необходимо, что ученье—ученье, а не веселье. Съ нимъ можно разсуждать, а съ господами, служащими деспотизму и свободѣ, нельзя. Эти-то господа порождаютъ то особенное положенiе университетовъ, въ которомъ мы теперь находимся и въ которомъ необходимо какое-то особенное искусство дипломатiи, въ которомъ, по выраженiю Фигаро, неизвѣстно кто кого обманываетъ: ученики обманываютъ родителей и наставниковъ, наставники обманываютъ родителей, учениковъ и правительство и т. д. во всѣхъ возможныхъ перемѣщенiяхъ и сочетанiяхъ. И намъ говорятъ, что это такъ и должно быть; намъ говорятъ: вы, непосвященные, не суйте носа въ

наше дѣло, — тутъ нужно особенное искусство и особенныя знанія,—это историческое развитіе. А кажется, какъ дѣло просто: одни хотятъ учить, другіе хотятъ учиться. Пускай учатъ, насколько умѣютъ, пускай учатся, насколько хотятъ.

Я помню, во время самаго разгара дѣла костомаровскаго проекта университетовъ я защищалъ проектъ передъ однимъ профессоромъ. Съ какою неподражаемою глубокомысленною серьезностью, почти шопотомъ, внушительно, конфиденціально, сказалъ мнѣ профессоръ: «Да знаете ли вы, чтò такое этотъ проектъ? Это не проектъ новаго университета, а это проектъ уничтоженія университетовъ», сказалъ онъ, съ ужасомъ вглядываясь въ меня.— Да что же? Это было бы очень хорошо,—отвѣчалъ я,—потому что *университеты дурны*. — Профессоръ не сталъ болѣе разсуждать со мною, хотя былъ не въ силахъ доказать мнѣ, что университеты хороши, такъ же какъ и никто не въ силахъ доказать этого.

Всѣ люди—всѣ человѣки, даже профессора. Ни одинъ работникъ не скажетъ, что нужно уничтожить ту фабрику, на которой онъ находитъ кусокъ хлѣба, и не потому, чтобъ онъ это разсчитывалъ, а безсознательно. Тѣ господа, которые хлопочутъ о большей свободѣ университетовъ, похожи на человѣка, который, выводя въ комнатѣ молодыхъ соловьевъ и убѣдившись въ томъ, что соловьямъ нужна свобода, выпустилъ бы ихъ изъ клѣтки и старался бы на бечевкѣ дать имъ свободу, а потомъ удивлялся бы, что соловьи не выводятся и на бечевкахъ, привязанныхъ имъ за ноги, и что только повывихали себѣ ноги и подохли.

Никто никогда не думалъ объ учрежденіи университетовъ на основаніи потребности народа. Это было и невозможно, потому что потребность народа была и остается неизвѣстною. Но университеты были учреждены для потребностей отчасти правительства, отчасти высшаго общества, и для университетовъ уже учреждена вся подготавливающая къ нимъ лѣстница учебныхъ заведеній, не имѣющая ничего общаго съ потребностью народа. Правительству нужны были чиновники, медики, юристы, учителя,—для приготовленія ихъ основаны университеты. Теперь для высшаго общества нужны либералы по извѣстному образцу, и таковыхъ приготавливаютъ университеты. Ошибка только въ томъ, что такихъ либераловъ совсѣмъ не нужно народу.

Обыкновенно говорятъ, что недостатки университетовъ происходятъ отъ недостатковъ низшихъ заведеній. Я утверждаю наоборотъ: недостатки народныхъ, особенно уѣздныхъ училищъ, происходятъ преимущественно отъ ложности требованія университетовъ.

Посмотримъ теперь на практику университетовъ. Изъ 50 студентовъ, составляющихъ аудиторію, десять человѣкъ на первыхъ двухъ лавкахъ имѣютъ тетради и записываютъ: изъ этихъ десяти шесть записываютъ для того, чтобы понравиться профессору, изъ выработаннаго школой и гимназіей прислужничества; еще четверо записываютъ съ искреннимъ желаніемъ записывать весь курсъ, но на четвертой лекціи бросаютъ и много-много, что двое или трое изъ нихъ, т.-е. $^1/_{15}$ или $^1/_{20}$ курса, составятъ лекціи. Весьма трудно не пропустить одной лекціи. Въ математическомъ предметѣ, да и во всякомъ другомъ, пропущена одна лекція— и связь потеряна. Студентъ справляется съ руководствомъ, и ему естественно приходитъ простая мысль—не нести безполезную работу записыванія лекцій, когда то же самое можно сдѣлать по руководству или чужимъ запискамъ. Въ математическомъ и всякомъ другомъ предметѣ, что долженъ знать каждый учитель, *постоянно* слѣдить за выводами и доказательствами учителя не въ состояніи ни одинъ ученикъ, какъ бы учитель ни старался быть подробенъ, ясенъ и увлекателенъ. Очень часто съ ученикомъ случается минута затменія или развлеченія; ему нужно спросить, какъ, почему, что было прежде: связь потеряна, а профессоръ идетъ дальше. Главная забота студентовъ (и я теперь говорю только о самыхъ лучшихъ) достать записки или руководство, по которымъ можно будетъ приготовиться къ экзамену. Большинство ходитъ на лекціи или потому, что нечего дѣлать и еще вновѣ не наскучило, или чтобы доставить удовольствіе профессору, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, изъ моды, когда одинъ изъ ста профессоровъ сдѣлался популяренъ и посѣщать его лекціи сдѣлалось умственнымъ щегольствомъ между студентами. Почти всегда, съ точки зрѣнія студентовъ, лекціи составляютъ простую формальность, необходимую только въ виду экзамена. Большинство, въ продолженіе курса, не занимаются своими предметами, а посторонними, программа которыхъ опредѣляется кружкомъ, въ который попадаютъ студенты. На лекціи смотрятъ обыкновенно такъ же, какъ солдаты смотрятъ на ученіе; на экзаменъ—такъ же, какъ на смотръ, какъ на скучную необходимость. Программа, составляемая кружкомъ, въ послѣднее время мало разнообразна; большею частью она состоитъ въ слѣдующемъ: чтеніе и повтореніе чтеній старыхъ статей Бѣлинскаго и новыхъ статей Чернышевскихъ, Антоновичей, Писаревыхъ и т. п.; кромѣ того, чтеніе новыхъ книгъ, имѣющихъ блестящій успѣхъ въ Европѣ, безъ всякой связи и отношенія къ предметамъ, которыми занимаются: Льюисъ, Бокль и т. п. Главное же занятіе—чтеніе запрещенныхъ книгъ и переписываніе ихъ: Фейербахъ,

Молешотъ, Бюхнеръ и въ особенности Герценъ и Огаревъ. Переписывается все не по достоинству, но по степени запрещенія. Я видалъ у студентовъ кипы переписанныхъ книгъ, безъ сравненія бо́льшія, чѣмъ бы былъ весь курсъ четырехлѣтняго преподаванія, и въ числѣ этихъ тетрадей толстыя тетради самыхъ отвратительныхъ стихотвореній Пушкина и самыхъ бездарныхъ и безцвѣтныхъ стихотвореній Рылѣева. Еще занятіе составляютъ собранія и бесѣды о самыхъ разнородныхъ и важныхъ предметахъ,—напримѣръ, о возстановленіи независимости Малороссіи, о распространеніи грамотности между народомъ, о сыграніи сообща какой-нибудь шутки надъ профессоромъ или инспекторомъ, которая называется требованіемъ объясненій, о соединеніи двухъ кружковъ—аристократическаго и плебейскаго и т. п. Все это иногда бываетъ смѣшно, но часто мило, трогательно и поэтично, какою часто бываетъ праздная молодежь. Но дѣло въ томъ, что въ эти занятія погруженъ молодой человѣкъ, сынъ мелкопомѣстнаго дворянина или 3-й гильдіи купца, которыхъ отцы отдали въ надеждѣ сдѣлать изъ нихъ себѣ помощниковъ, одному—помочь сдѣлать свое маленькое имѣньице производительнымъ, другому—помочь повести правильнѣе и выгоднѣе торговлю. Мнѣнія о профессорахъ въ этихъ кружкахъ существуютъ слѣдующія: одинъ совершенно глупъ,—говорятъ про профессора,—хотя и труженикъ; другой отсталъ отъ науки, хотя и былъ способенъ; третій нечистъ на руку и выводитъ только тѣхъ, кто исполняетъ такія-то его требованія; четвертый—посмѣшище рода человѣческаго, 30 лѣтъ сряду читающій безобразнымъ языкомъ написанныя свои записки,—и счастливъ тотъ университетъ, въ которомъ на 50 профессоровъ есть хоть одинъ уважаемый и любимый студентами.

Прежде, когда были переводные экзамены, каждый годъ происходило хоть не изученіе предмета, но ежегодное выдалбливаніе записокъ передъ экзаменомъ. Теперь такое выдалбливаніе происходитъ два раза: при переходѣ изъ второго курса въ третій и передъ выпускомъ. Тотъ самый жребій, который прежде кидался четыре раза въ продолженіе всего курса, теперь кидается два раза.

Какъ скоро существуютъ экзамены съ ихъ настоящимъ устройствомъ, переводные или выпускные—это все равно, непремѣнно должно существовать и безсмысленное долбленіе, и лотерея, и личное расположеніе, произволъ профессора, и обманъ студентовъ. Не знаю, какъ испытывали это устроители университетовъ съ ихъ экзаменами, но какъ мнѣ показываетъ здравый смыслъ. какъ я не разъ испытывалъ это, и какъ согла-

шались со мной многіе и многіе,—экзамены не могутъ служить мѣриломъ знаній, а служатъ только поприщемъ для грубаго произвола профессоровъ и для грубаго обмана со стороны студентовъ. Я держалъ три экзамена въ моей жизни: первый годъ я былъ не перепущенъ изъ перваго на второй курсъ профессоромъ Русской исторіи, поссорившимся передъ тѣмъ съ моими домашними, несмотря на то, что я не пропустилъ ни одной лекціи и зналъ русскую исторію; кромѣ того, за единицу въ нѣмецкомъ языкѣ, поставленную тѣмъ же профессоромъ, несмотря на то, что я зналъ нѣмецкій языкъ несравненно лучше всѣхъ студентовъ нашего курса. Въ слѣдующемъ году я изъ Русской исторіи получилъ 5, потому что, поспоривъ съ студентомъ-товарищемъ, у кого лучше память, мы выучили по одному вопросу наизусть и мнѣ достался на экзаменѣ тотъ самый вопросъ, который я выучилъ, какъ теперь помню—біографія Мазепы. Это было въ 45 году. Въ 48 году я держалъ экзаменъ на кандидата въ петербургскомъ университетѣ и буквально ничего не зналъ и буквально началъ готовиться за недѣлю до экзамена. Я не спалъ ночи и получилъ кандидатскіе баллы изъ гражданскаго и уголовнаго права, готовясь изъ каждаго предмета не болѣе недѣли. Въ нынѣшнемъ, 62 году, я зналъ студентовъ, кончавшихъ курсъ и начинающихъ готовиться къ предмету за недѣлю передъ экзаменомъ. Въ нынѣшнемъ году, я знаю, что четверокурсники поддѣлывали билеты, знаю, что одинъ профессоръ поставилъ студенту, 3, а не 5, за то, что студентъ позволилъ себѣ улыбнуться. Профессоръ замѣтилъ ему: «намъ можно улыбаться, а вамъ нельзя», и поставилъ 3.

Надѣюсь, что никто не приметъ приведенные случаи за исключеніе. Всякій, знающій университеты, знаетъ, что приведенные случаи составляютъ правило, а не исключеніе, что иначе быть не можетъ. Если же кто сомнѣвается, то мы можемъ привести милліоны случаевъ. Найдутся изобличители и съ подписью фамилій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, какъ нашлись по Министерству Внутреннихъ дѣлъ, и Юстиціи. Что было въ 48, то и въ 62, то будетъ и въ 72, пока организація останется та же. Уничтоженіе мундировъ и переводныхъ экзаменовъ ни на волосъ не помогаетъ дѣлу свободы, это—новыя заплаты на старыя платья, только разрушающія старое платье. Вино новое не вливаютъ въ мѣхи старые. Я льщу себя надеждой, что даже защитники университетовъ скажутъ: «Да, это правда, или правда отчасти. Но вы забываете, что есть студенты, съ любовью слѣдящіе за лекціями, и для которыхъ вовсе не нужны экзамены, и главное — вы забываете образовательное вліяніе университетовъ».

Нѣтъ, я не забываю ни того ни другого: о первыхъ—о студентахъ, самостоятельно работающихъ, скажу, что для нихъ не нужны университеты съ ихъ организаціей, имъ нужны только пособія—библіотека, не лекціи, которыя бы они могли слушать, а бесѣды съ руководителями. Но и для этого меньшинства едва ли дадутъ университеты знанія, соотвѣтственныя ихъ средѣ, если только они не хотятъ быть литераторами или профессорами. Главное же—и это меньшинство подпадаетъ тому вліянію, которое называется образовательнымъ и которое я называю развращающимъ вліяніемъ университетовъ. Второе же возраженіе объ образовательномъ вліяніи университетовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя основаны на вѣрѣ и прежде всего должны быть доказаны. Кто и чѣмъ доказалъ, что университеты имѣютъ это образовательное вліяніе, откуда вытекаетъ это таинственное образовательное вліяніе? Общенія съ профессорами нѣтъ,—нѣтъ вытекающихъ изъ него довѣрія и любви; есть, въ большинствѣ случаевъ, боязнь и недовѣріе. Новаго, чего-нибудь такого, чего не могутъ узнать изъ книгъ студенты, они не узнаютъ отъ профессоровъ. Образовательное вліяніе лежитъ, стало быть, въ сообществѣ молодыхъ людей, занятыхъ однимъ и тѣмъ же? Безъ сомнѣнія; но заняты они большею частью не наукой, какъ вы думаете, а приготовленіемъ къ экзаменамъ, обманомъ профессоровъ, либеральничаніемъ и всѣмъ тѣмъ, что вселяется обыкновенно въ людей, оторванныхъ отъ среды, семьи и искусственно соединенныхъ вмѣстѣ посредствомъ духа товарищества, возведеннаго въ принципъ и доведеннаго до самодовольства, до самохвальства. Я не говорю объ исключеніи—о студентахъ, живущихъ въ семьяхъ, — они менѣе подчиняются образовательному, т.-е. развращающему вліянію студенчества; не говорю и о тѣхъ рѣдкихъ исключеніяхъ, преданныхъ смолоду наукѣ людяхъ, которые за постояннымъ трудомъ тоже не вполнѣ подчиняются этому вліянію. И въ самомъ дѣлѣ, люди готовятся для жизни, для труда; каждый трудъ требуетъ, кромѣ привычки къ нему, порядка, правильности и главное—умѣнья жить и обращаться съ людьми. Посмотрите, какъ сынъ крестьянина пріучается быть хозяиномъ, сынъ дьячка, читая на клиросѣ,—быть дьячкомъ, сынъ киргизца-скотовода—быть скотоводомъ; онъ смолоду уже становится въ прямыя отношенія съ жизнью, съ природой и людьми, смолоду учится плодотворно, работая, и учится обезпеченный съ матеріальной стороны жизни, т.-е. обезпеченный кускомъ хлѣба, одеждой и помѣщеніемъ,—и посмотрите на студента, оторваннаго отъ дома, отъ семьи, брошеннаго въ чужой городъ, наполненный искушеніями для его мо-

лодости, безъ средствъ къ жизни (потому что средства разсчитываются родителями только на необходимое, а всѣ уходятъ на увлеченіе); въ кругу товарищей, своимъ обществомъ только усиливающимъ его недостатки, безъ руководителей, безъ цѣли, отставъ отъ стараго и не приставъ къ новому. Вотъ положеніе студента за малыми исключеніями. Изъ нихъ выходитъ то, что должно выходить: или чиновники, только удобные для правительства, или чиновники-профессора, или чиновники-литераторы, удобные для общества, или люди, безцѣльно оторванные отъ прежней среды, съ испорченною молодостью и не находящіе себѣ мѣста въ жизни, такъ называемые люди *университетскаго образованія*, развитые, т.-е. раздраженные, больные либералы. Университетъ есть первое и главное наше воспитательное заведеніе. Онъ первый присваиваетъ себѣ право воспитанія и первый по результатамъ, которыхъ достигаетъ, доказываетъ незаконность и невозможность воспитанія. Только съ точки зрѣнія общественной можно оправдывать плоды университета. Университетъ готовитъ не такихъ людей, какихъ нужно человѣчеству, а какихъ нужно испорченному обществу.

Курсъ конченъ. Я предполагаю своего воображаемаго воспитанника однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ пріѣзжаетъ въ семью; ему всѣ чужіе—и отецъ, и мать, и родные. Онъ не вѣритъ ихъ вѣрою, онъ не желаетъ ихъ желаніями, онъ молится не ихъ Богу, а другимъ кумирамъ. Отецъ и мать обмануты, и сынъ часто желаетъ слиться съ ними въ одну семью, но уже не можетъ. То, что я говорю, не есть фраза, не есть фантазія. Я знаю очень многихъ студентовъ, вернувшихся въ свою семью, которые часто оскорбляли вѣрованія своихъ родныхъ, которые почти во всѣхъ убѣжденіяхъ—о бракѣ, о чести, о торговлѣ—расходились съ своею семьею. Но дѣло сдѣлано, и родители утѣшаютъ себя мыслью, что такой вѣкъ *нынче*, и что *нынѣшнее* образованіе таково; что не въ ихъ средѣ, но, по крайней мѣрѣ, самъ по себѣ ихъ сынъ сдѣлаетъ себѣ карьеру, найдетъ свои средства существовать и даже помогать имъ, и по-своему будетъ счастливъ. Къ несчастью, въ 9 случаяхъ изъ 10 и тутъ родители ошибаются. Кончивши курсъ, студентъ не знаетъ, куда преклонить голову. Странное дѣло!—тѣ свѣдѣнія, которыя онъ пріобрѣлъ, никому не нужны, никто за нихъ ничего не даетъ. Единственное приложеніе ихъ къ литературѣ и въ педагогикѣ, т.-е. въ наукѣ образовать опять такихъ же ненужныхъ людей. Странное дѣло!—образованіе рѣдко въ Россіи, слѣдовательно, оно должно бы было быть дорого, высоко цѣнимо. А на дѣлѣ выходитъ наоборотъ. Машинисты намъ нужны, у насъ ихъ мало,

и машинистовъ выписываютъ изъ всей Европы и платятъ имъ дорого; отчего же образованные университетски (образованныхъ людей у насъ мало) говорятъ, что они нужны, а мы не только ими не дорожимъ, но имъ дѣваться некуда? Отчего человѣкъ, кончившій курсъ у плотника, каменьщика и штукатура, получаетъ сейчасъ и вездѣ 15 — 17 р., если онъ работникъ, и въ мѣсяцъ 25, если онъ мастеръ-рядчикъ,—а студентъ радъ, если онъ получитъ десять (я исключаю литературу и чиновничество, а говорю о томъ, что̀ можетъ получить студентъ въ практической дѣятельности). Отчего помѣщики, оставшіеся теперь при земляхъ, которыя надо сдѣлать производительными, платятъ 300—500 р. мужикамъ-бурмистрамъ, а не платятъ и 200 р. студентамъ камералистамъ и естественникамъ? Отчего на желѣзныхъ дорогахъ рядчики-мужики завѣдываютъ тысячами рабочихъ, а не студенты? Отчего, если студентъ и получаетъ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, то получаетъ его не за знанія, пріобрѣтенныя въ университетѣ, а за знанія, пріобрѣтенныя послѣ? Отчего юристы-студенты дѣлаются офицерами, а математики и естественники—чиновниками? Хлѣбопашецъ, проживя годъ въ довольствѣ, приноситъ домой 50—60 р., а студентъ, проживя годъ, оставляетъ 100 р. долгу? Отчего народъ платитъ народному учителю 8, 9, 10 р. въ мѣсяцъ, все равно, будетъ ли онъ изъ дьячковъ или студентовъ? Отчего купецъ не беретъ въ приказчики, не женитъ на своей дочери и не принимаетъ въ домъ студента, а мальчика изъ крестьянъ? Оттого,—скажутъ мнѣ,—что общество не умѣетъ еще цѣнить образованія, оттого, что студентъ-учитель не станетъ обманывать рабочихъ, закабалять ихъ задатками, студентъ-купецъ не станетъ обмѣривать и обвѣшивать, оттого, что плоды образованія не такъ ощутительны, какъ плоды рутины и невѣжества. Это очень можетъ быть,—отвѣчу я, хотя наблюденія показываютъ мнѣ противное. Студентъ или вовсе не умѣетъ вести дѣло ни честно, ни безчестно, или если умѣетъ, то ведетъ дѣло только сообразно со своею природой, съ тѣмъ общимъ строемъ нравственныхъ привычекъ, который выработала въ немъ жизнь независимо отъ школы. Я знаю одинаковое число честныхъ студентовъ и не-студентовъ, и наоборотъ. Но положимъ даже, что университетское образованіе развиваетъ чувство справедливости въ человѣкѣ, и что вслѣдствіе этого необразованные люди предпочитаютъ студентамъ необразованныхъ же людей и цѣнятъ ихъ выше студентовъ. Положимъ, что это такъ; почему же мы, такъ называемые образованные люди и имѣющіе средства, дворяне, литераторы, профессоры, не можемъ никуда употребить студентовъ, кромѣ какъ на службу? Я не говорю

о службѣ на томъ основаніи, что служебное вознагражденіе не можетъ быть принято мѣриломъ заслугъ и знаній. Каждому извѣстно, что студентъ, отставной офицеръ, промотавшійся помѣщикъ, иностранецъ и др., какъ только имъ почему-нибудь нужно пріобрѣсти средства къ жизни ѣдутъ въ столицу и, по мѣрѣ связей и степени требованій, получаютъ мѣсто въ администраціи, или, если не получаютъ, то считаютъ себя оскорбленными. Я потому не говорю о вознагражденіи служебномъ; но спрашиваю, почему тотъ же самый профессоръ, который давалъ образованіе студентамъ, даетъ 15 р. въ мѣсяцъ дворнику или 20 р. плотнику, а пришедшему къ нему студенту говоритъ, что онъ очень жалѣетъ, что не можетъ ему дать мѣсто, кромѣ *похлопотать* у чиновниковъ, или предлагаетъ ему 10 р. за мѣсто переписчика или корректора по издаваемому сочиненію, предлагаетъ ему такое мѣсто, въ которомъ приложимы только знанія, вынесенныя имъ изъ уѣзднаго училища—умѣнье писать. Мѣстъ же, гдѣ бы была приложима исторія римскаго права, греческая литература и интегральное счисленіе,—нѣтъ и не можетъ быть.

Итакъ, въ большей части случаевъ, вернувшійся къ отцу сынъ изъ университета не оправдываетъ надеждъ родителей и, чтобы не стать бременемъ для семейства, долженъ занять мѣсто, въ которомъ нужно только умѣть писать, и въ которомъ онъ становится въ конкуренцію со всѣми русскими грамотными. Однимъ преимуществомъ остается чинъ, но только для службы, въ которой большее значеніе имѣютъ связи и другія условія; другимъ преимуществомъ является либерализмъ, ни къ чему не приложимый. Мнѣ кажется, что пропорція людей изъ университета, занимающихъ внѣ службы мѣста съ хорошимъ вознагражденіемъ, будетъ необычайно мала. Вѣрныя статистическія свѣдѣнія о дѣятельности вышедшихъ студентовъ были бы важнымъ матеріаломъ для науки объ образованіи и, я убѣжденъ, доказали бы математически ту истину, которую я стараюсь выяснить только по предположеніямъ и по имѣющимся даннымъ,—истину, что люди университетскаго образованія мало нужны и направляютъ свою дѣятельность преимущественно на литературу и педагогику, т.-е. повтореніе того же вѣчнаго круга образованія такихъ же ненужныхъ для жизни людей.

Но я не предвидѣлъ одного возраженія или, скорѣе, источника возраженій, естественно представляющагося у большинства моихъ читателей: почему то же самое высшее образованіе, которое оказывается столь плодотворнымъ въ Европѣ, было бы не приложимо у насъ? Европейскія общества образованнѣе рус-

скаго общества, почему и русскому обществу не идти тѣмъ же путемъ, которымъ шли европейскіе народы? Возраженіе это было бы неопровержимо, если бы было доказано, во-первыхъ, что тотъ путь, по которому шли вропейскіе народы, есть наилучшій путь, во-вторыхъ, что все человѣчество идетъ одинаковымъ путемъ и, въ-третьихъ, что образованіе наше прививается народу. Весь Востокъ образовывался и образовывается совершенно иными путями, чѣмъ европейское человѣчество. Если бы было доказано, что молодое животное волкъ или собака воспитаны мясомъ и доведены этимъ путемъ до полнаго развитія, развѣ я имѣлъ бы право заключить, что, воспитывая молодую лошадь или зайца, я не могу ихъ довести до полнаго развитія иначе, какъ посредствомъ мяса? Развѣ изъ этихъ противоположныхъ опытовъ я бы могъ заключить, наконецъ, что, воспитывая молодого медвѣдя, ему необходимо либо мясо, либо овесъ? Опытъ бы показалъ мнѣ, что для него необходимо и то и другое. Если мнѣ и кажется, что естественнѣе образованіе мяса посредствомъ мяса, и если прежніе опыты подтверждаютъ мое предположеніе, я не могу продолжать давать мяса жеребенку, если онъ всякій разъ выбрасываетъ его, и организмъ его не ассимилируетъ эту пищу. Точно то же происходитъ съ европейскимъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, образованіемъ, которое перенесено на нашу почву. Организмъ русскаго народа не ассимилируетъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть другая пища, поддерживающая его организмъ, ибо онъ живетъ. Эта пища кажется намъ не пищей, какъ трава для хищнаго животнаго, а между тѣмъ исторически физіологическій процессъ совершается и эта непризнаваемая нами пища ассимилируется организмомъ народа, и огромное животное крѣпнетъ и выростаетъ.

Резюмируя все сказанное выше, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Образованіе и воспитаніе суть два различныхъ понятія.

2) Образованіе—свободно и потому законно и справедливо; воспитаніе—насильственно и потому незаконно и несправедливо,—не можетъ быть оправдываемо разумомъ и потому не можетъ быть предметомъ педагогики.

3) Воспитаніе, какъ явленіе, имѣетъ свое начало: a) въ семьѣ, b) въ вѣрѣ, c) въ правительствѣ d) въ обществѣ.

4) Семейныя, религіозныя и правительственныя основанія воспитанія естественны и имѣютъ за себя оправданіе необходимости; общественное же воспитаніе не имѣетъ основаній, кромѣ гордости человѣческаго разума, и потому приноситъ

самые вредные плоды—каковы университеты и университетское образованіе

Только теперь, разъяснивъ отчасти нашъ взглядъ на образованіе и воспитаніе и опредѣливъ границы того и другого, мы можемъ отвѣтить на вопросы, становимые г. Глѣбовымъ въ журналѣ «Воспитаніе», 1862 г., № 5, вопросы первые и естественно представляющіеся при серьезномъ вникновеніи въ дѣло образованія:

1) *Чѣмъ должна быть школа, если она не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія?*

2) *Что значитъ невмѣшательство школы въ дѣло воспитанія?*

и 3) *Возможно ли отдѣлять воспитаніе отъ ученья, особенно первоначальнаго, когда воспитательный элементъ вносится въ молодые умы даже и въ высшихъ школахъ?*

(Мы уже объяснили, что форма высшихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вносится воспитательный элементъ, нисколько не служитъ для насъ образцомъ. Мы отрицаемъ порядокъ высшихъ учебныхъ заведеній не только такъ же, какъ и низшихъ, но видимъ въ нихъ начало всего зла).

Чтобы отвѣтить на постановленные вопросы, мы только переставимъ ихъ: 1) чтò значитъ невмѣшательство школы въ воспитаніе, 2) возможно ли такое невмѣшательство и 3) чѣмъ, при невмѣшательствѣ въ воспитаніе, должна быть школа?

Во избѣженіе недоразумѣній, я долженъ прежде объяснить, чтò я разумѣю подъ словомъ «школа», которое я въ томъ же смыслѣ употребилъ въ первой моей статьѣ. Подъ словомъ «школа» я разумѣю не домъ, въ которомъ учатся, не учителей, не учениковъ, не извѣстное направленіе ученія,—но подъ словомъ «школа» я разумѣю, въ самомъ общемъ смыслѣ, *сознательную дѣятельность образовывающаго на образовывающихся*, т.-е. одну часть образованія, все равно, какъ бы ни выражалась эта дѣятельность: ученіе артикулу рекрутовъ есть школа, чтеніе публичныхъ лекцій—школа, чтеніе курса въ магометанскомъ училищѣ — школа, собраніе музеума и открытіе его для желающихъ—также школа. Отвѣчаю на первый вопросъ. Невмѣшательство школы въ дѣло образованія значитъ невмѣшательство школы въ образованіе (формированіе) вѣрованій, убѣжденій и характера образовывающагося. Достигается же это невмѣшательство предоставленіемъ образовывающемуся полной свободы воспринимать то ученіе, которое согласно съ его требованіемъ, которое онъ хочетъ и воспринимаетъ настолько, насколько ему нужно, насколько онъ хочетъ, и уклоняться отъ того ученія, которое ему не нужно и котораго онъ не хочетъ.

Публичныя лекціи, музеумы суть лучшіе образцы школъ безъ вмѣшательства въ воспитаніе. Университеты суть образцы школъ съ вмѣшательствомъ въ дѣло воспитанія. Въ этихъ заведеніяхъ ученики связаны опредѣленнымъ курсомъ, программой, сводомъ избранныхъ наукъ, связаны требованіемъ экзаменовъ и преимущественно основанныхъ на нихъ, т.-е. на экзаменахъ, предоставленіемъ правъ, или, что̀ будетъ вѣрнѣе, лишеніемъ правъ въ случаѣ несоблюденія предписанныхъ условій. (Студентъ 4-го курса, держащій экзаменъ, находится подъ угрозой одного изъ самыхъ тяжкихъ наказаній — потери 10 или 12-лѣтнихъ гимназическихъ, университетскихъ лишеній и отнятія тѣхъ выгодъ, въ виду которыхъ онъ переносилъ 12-лѣтнія лишенія.) Въ этихъ заведеніяхъ все придумано такъ, чтобы ученикъ, подъ угрозой наказанія, принималъ на себя въ образованіи тотъ воспитательный элементъ и усваивалъ тѣ вѣрованія, тѣ убѣжденія и тотъ характеръ, который нуженъ учредителямъ заведенія. Принудительный воспитательный элементъ, состоящій въ исключительномъ выборѣ одного круга наукъ и въ угрозѣ наказанія, столь же силенъ и очевиденъ для серьезнаго наблюдателя, какъ и въ томъ заведеніи съ тѣлесными наказаніями, которое поверхностные наблюдатели ставятъ въ противоположность университетамъ.

Публичныя лекціи, число которыхъ постоянно возрастаетъ въ Европѣ и Америкѣ, наоборотъ, не только не обязываютъ къ извѣстному кругу знаній, не только не требуютъ вниманія къ себѣ подъ угрозой наказанія, но требуютъ отъ учащихся еще извѣстныхъ пожертвованій, чѣмъ самымъ доказываютъ, въ противоположность первымъ, совершенную свободу выбора и основаній, на которыхъ онѣ строятся. Вотъ что̀ значитъ вмѣшательство и невмѣшательство школы въ воспитаніе. Если мнѣ скажутъ, что такое невмѣшательство, возможное для высшихъ заведеній и взрослыхъ людей, невозможно для низшихъ и малолѣтнихъ, потому что мы не видимъ тому примѣровъ—публичныхъ лекцій для дѣтей и т. п.,—я отвѣчу, что если мы не станемъ слишкомъ частно понимать слово «школа», а примемъ ее въ вышеприведенномъ опредѣленіи, то мы для низшей степени знанія и для низшихъ возрастовъ найдемъ много свободно-образовательныхъ вліяній безъ вмѣшательства въ воспитаніе, соотвѣтствующихъ высшимъ заведеніямъ и публичнымъ лекціямъ. Таковы выучиваніе грамотѣ отъ товарищей и братьевъ, таковы народныя дѣтскія игры, объ образовательномъ вліяніи которыхъ мы намѣрены помѣстить особую статью, таковы публичныя зрѣлища, райки и т. п., таковы картины и книги, таковы сказки

и пѣсни, таковы работы и таковы, наконецъ, попытки Яснополянской школы.

Отвѣтъ на первый вопросъ даетъ отчасти отвѣтъ и на второй: возможно ли такое невмѣшательство? Теоретически доказать эту возможность нельзя. Одно, подтверждающее эту возможность, есть наблюденіе, доказывающее, что люди вовсе не воспитанные, т.-е. подлежащіе однимъ свободно-образовательнымъ вліяніямъ, люди народа—свѣжѣе, сильнѣе, могучѣе, самостоятельнѣе, справедливѣе, человѣчнѣе и, главное, нужнѣе людей, какъ бы то ни было воспитанныхъ. Но, можетъ быть, и это положеніе для многихъ требуетъ доказательства. О доказательствахъ этихъ мнѣ еще придется говорить многое. Приведу только одно. Почему зоологически не улучшается поколѣніе воспитываемыхъ? Порода воспитываемыхъ животныхъ улучшается; порода воспитываемыхъ людей ухудшается и ослабѣваетъ. Возьмите наудачу сотню дѣтей отъ нѣсколько воспитанныхъ поколѣній и сотню невоспитанныхъ дѣтей народа и сравните ихъ, въ чемъ хотите: въ силѣ, ловкости, умѣ, способности воспринимать, въ нравственности даже, и во всѣхъ отношеніяхъ громадное преимущество поражаетъ васъ на сторонѣ дѣтей невоспитанныхъ поколѣній, и тѣмъ болѣе будетъ преимуществъ, чѣмъ будетъ ниже возрастъ, и наоборотъ. Это страшно сказать по выводамъ, на которые оно наводитъ, но оно такъ. Окончательно же доказать эту возможность невмѣшательства въ низшихъ школахъ для людей, которыхъ личный опытъ и внутреннее чувство ничего не говорятъ въ пользу такого мнѣнія можно только добросовѣстнымъ изученіемъ тѣхъ свободныхъ вліяній, посредствомъ которыхъ образовывается народъ, всестороннимъ обсужденіемъ вопроса и длиннымъ рядомъ опытовъ и отчетовъ о нихъ.

Чѣмъ же должна быть школа при невмѣшательствѣ въ дѣло воспитанія? Школа, какъ сказано выше, есть сознательная дѣятельность образовывающаго на образовывающихся. Какъ ему дѣйствовать, чтобы не преступить предѣловъ образованія, т.-е. свободы? Отвѣчаю: школа должна имѣть одну цѣль—передачу свѣдѣній, знанія (instruction), не пытаясь переходить въ нравственную область убѣжденій, вѣрованія и характера; цѣль ея должна быть одна—наука, а не результаты ея вліянія на человѣческую личность. Школа не должна пытаться предвидѣть послѣдствій, производимыхъ наукой, а, передавая ее, должна предоставлять полную свободу ея примѣненія. Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ необходимыми; а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣетъ,

предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ. Устройство и программы школы должны основываться не на теоретическомъ воззрѣніи, не на убѣжденіи въ необходимости такихъ-то и такихъ-то наукъ, а на одной возможности, т.-е. на знаніяхъ учителей. Объясняюсь примѣромъ. Я желаю учредить учебное заведеніе. Я не составляю программы, основанной на своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ, и на основаніи этой программы не пріискиваю учителей, но предлагаю всѣмъ людямъ, чувствующимъ призваніе къ сообщенію знаній, читать тѣ уроки или лекціи, какіе они могутъ. Само собою разумѣется, что прежній опытъ будетъ руководить насъ въ выборѣ этихъ уроковъ, т.-е. въ томъ, что мы уже не будемъ пробовать преподаваніе тѣхъ предметовъ, которые неохотно слушаются, мы не станемъ въ русской деревнѣ читать испанскій языкъ, астрологію или географію, точно такъ же, какъ въ этой деревнѣ купецъ не откроетъ лавки хирургическихъ инструментовъ или кринолиновъ. Мы можемъ предвидѣть требованіе на наше предложеніе; но окончательный судья нашъ будетъ только опытъ, и мы не считаемъ себя въ правѣ открыть ни одной лавки, въ которой бы мы продавали деготь только съ тѣмъ условіемъ, чтобы у насъ брали на 10 ф. дегтю фунтъ имбирю или помады. Мы не заботимся о томъ, какое употребленіе изъ нашихъ товаровъ будутъ дѣлать потребители, мы вѣримъ, что они знаютъ, что̀ имъ нужно, и для насъ достаточно труда угадать ихъ потребность и только отвѣчать на нее. Очень можетъ быть, что найдется одинъ учитель зоологіи, одинъ учитель средней исторіи, одинъ—Закона Божія и одинъ—топографическаго искусства. Если эти учителя будутъ въ состояніи сдѣлать свои уроки занимательными, уроки эти будутъ полезны, несмотря на свою кажущуюся несоотвѣтственность и случайность. Я не вѣрю въ возможность теоретически придуманнаго гармоническаго свода наукъ, но вѣрю въ то, что каждая наука, при свободномъ ея преподаваніи, гармонически укладывается въ сводъ знаній каждаго человѣка. Скажутъ, можетъ быть, что при такой случайности программы могутъ войти въ курсъ безполезныя, даже вредныя науки, и что многія науки невозможно будетъ преподавать, потому что ученики недостаточно для нихъ приготовлены. На это отвѣчу, во-первыхъ, что вредныхъ и безполезныхъ наукъ нѣтъ, для кого бы то ни было, и что есть здравый смыслъ и потребность учениковъ, которые при свободѣ ученія не допустятъ безполезныя или вредныя науки, если бы такія были; во-вторыхъ, что подготовленные ученики нужны для дурного учителя, для хорошаго же легче начинать алгебру или аналитическую геометрію съ ученикомъ, не знаю-

щимъ ариѳметики, чѣмъ съ ученикомъ, плохо знающимъ ее, легче читать среднюю исторію ученикамъ, не учившимъ наизусть древней. Я не вѣрю, чтобы профессоръ, читающій въ университетѣ дифференціалы и интегралы и исторію русскаго гражданскаго права, и который не можетъ читать ариѳметику и русскую исторію въ первоначальной школѣ,—я не вѣрю, чтобы онъ былъ хорошій профессоръ. Я не вижу пользы и заслуги, и даже возможности въ хорошемъ преподаваніи одной части предмета. Главное же, я убѣжденъ, что предложеніе будетъ отвѣчать всегда на требованіе, что на каждой ступени наукъ будетъ достаточное число и учениковъ и учителей.

Но какъ же, скажутъ мнѣ, образовывающему не желать посредствомъ своего преподаванія произвести извѣстное воспитательное вліяніе? Стремленіе это самое естественное, оно лежитъ въ естественной потребности при передачѣ знанія образовывающаго образовывающемуся. Стремленіе это только придаетъ образовывающему силы заниматься своимъ дѣломъ, даетъ ту степень увлеченія, которая для него необходима. Отрицать это стремленіе невозможно, и я объ этомъ никогда не думалъ; существованіе его только сильнѣе доказываетъ для меня необходимость свободы въ дѣлѣ преподаванія. Нельзя запретить человѣку, любящему и читающему исторію, пытаться передать своимъ ученикамъ то историческое воззрѣніе, которое онъ имѣетъ, которое онъ считаетъ полезнымъ необходимымъ-для развитія человѣка, передать тотъ методъ, который учитель считаетъ лучшимъ при изученіи математики или естественныхъ наукъ,—напротивъ, это предвидѣніе воспитательной цѣли поощряетъ учителя. Но дѣло въ томъ, что воспитательный элементъ науки не можетъ передаваться насильственно. Не могу достаточно обратить вниманія читателя на это обстоятельство. Воспитательный элементъ, положимъ, въ исторіи, въ математикѣ, передается только тогда, когда учитель страстно любитъ и знаетъ свой предметъ; тогда только любовь эта сообщается ученикамъ и дѣйствуетъ на нихъ воспитательно. Въ противномъ же случаѣ, т.-е. когда гдѣ-то рѣшено, что такой-то предметъ дѣйствуетъ воспитательно, и однимъ предписано читать, а другимъ слушать, преподаваніе достигаетъ совершенно противоположныхъ цѣлей, т.-е. не только не воспитываетъ научно, но отвращаетъ отъ науки. Говорятъ, наука носитъ въ себѣ воспитательный элементъ (erziehliges Element)—это справедливо и несправедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи

наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной передачѣ ея, въ отношеніи учителя къ ученику. *Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя и науку, и ты воспитаешь ихъ; но самъ не любишь ея, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго вліянія.* И тутъ опять одно мѣрило, одно спасенье, опять та же свобода учениковъ слушать или не слушать учителя, воспринимать или не воспринимать его воспитательное вліяніе, т.-е. имъ однимъ рѣшить, знаетъ ли онъ и любитъ ли свою науку.

Итакъ, чѣмъ же будетъ школа при невмѣшательствѣ въ воспитаніе?

Всестороннею и самою разнообразною сознательною дѣятельностью одного человѣка на другого съ цѣлью передачи знаній (instruction), не принуждая учащагося ни прямо насильственно, ни дипломатически воспринимать то, что̀ намъ хочется. Школа не будетъ, можетъ быть, школа, какъ мы ее понимаемъ,—съ досками, лавками, каѳедрами учительскими или профессорскими,—она, можетъ быть, будетъ раекъ, театръ, библіотека, музей, бесѣда: сводъ наукъ, программы, можетъ быть, вездѣ сложатся совсѣмъ другія. (Я знаю только свой опытъ: Яснополянская школа съ тѣмъ подраздѣленіемъ предметовъ, которые я описывалъ въ продолженіе полугода, частью по требованіямъ учениковъ и ихъ родителей, частью по недостаточности свѣдѣній учителей, въ полгода совершенно измѣнилась и приняла другія формы.)

Но что̀ же намъ дѣлать? Неужели такъ и не будетъ уѣздныхъ училищъ, такъ и не будетъ гимназій, не будетъ каѳедры исторіи римскаго права? Что же станется съ человѣчествомъ?—слышу я. Такъ и не будетъ, коли ихъ не понадобится ученикамъ, и вы не сумѣете ихъ сдѣлать хорошими. Но вѣдь дѣти не всегда знаютъ, что̀ имъ нужно, дѣти ошибаются и т. д.,—слышу я. Я не вхожу въ такой споръ. Этотъ споръ привелъ бы насъ къ вопросу: права ли предъ судомъ человѣка природа человѣка? и прочее. Я этого не знаю и на это поприще не становлюсь; я только говорю, что если мы можемъ знать, чему учить, то не мѣшайте мнѣ учить насильно русскихъ дѣтей французскому языку, средневѣковой генеалогіи и искусству красть. Я все докажу такъ же, какъ и вы.—Такъ и не будетъ гимназій и латинскаго языка? Что же я буду дѣлать?—опять слышу я.

Не бойтесь, будетъ и латынь и риторика, будетъ еще сотню лѣтъ, и будутъ только потому, что лѣкарство куплено, надо его выпить (какъ говорилъ одинъ больной). Едва ли еще черезъ

сто лѣтъ мысль, которую я, можетъ быть, не ясно, не ловко, не убѣдительно выражаю, сдѣлается общимъ достояніемъ; едва ли черезъ сто лѣтъ отживутъ всѣ готовыя заведенія—училища, гимназіи, университеты, и вырастутъ свободно сложившіяся заведенія, имѣющія своимъ основаніемъ свободу учащагося поколѣнія.

Прогрессъ и опредѣленіе образованія.

(Отвѣтъ г-ну Маркову. «Русскій Вѣстникъ» 1862 г., № 5).

Главные пункты разногласія г. Маркова съ нашимъ взглядомъ на образованіе формулированы слѣдующимъ образомъ: «1. Мы признаемъ *право* одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другого. 2. Мы признаемъ *право* высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе. 3. Мы не согласны съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія. 4. Думаемъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. 5. Думаемъ, что современныя школы гораздо ближе отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ, чѣмъ средневѣковыя. 6. Считаемъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ. 7. Думаемъ, что полная свобода воспитанія, какъ ее понимаетъ графъ Толстой, вредна и невозможна. 8. Думаемъ, наконецъ, что устройство Яснополянской школы противорѣчитъ убѣжденіямъ редактора *Ясной Поляны*» («Русск. Вѣст.» 1862 г., № 5, стр. 186).

Прежде чѣмъ отвѣчать на каждый изъ этихъ пунктовъ, мы попытаемся отыскать основную причину разногласія нашего взгляда со взглядомъ г. Маркова, возбудившимъ общее сочувствіе какъ педагогической, такъ и непедагогической публики.

Причина эта заключается въ недосказанности нашего взгляда, которую мы постараемся пополнить, и въ неточности и ограниченности пониманія, со стороны г. Маркова и вообще публики, нашихъ положеній, которыя мы и постараемся разъяснить. Очевидно, что разногласіе происходитъ отъ различія пониманія и, вслѣдствіе того, опредѣленія самаго образованія. Г. Марковъ говоритъ: «мы несогласны съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія». Но г. Марковъ не опровергаетъ нашего опредѣленія, а дѣлаетъ свое опредѣленіе. Главный вопросъ состоитъ въ томъ: наше или г. Маркова опредѣленіе образованія справедливо? Мы сказали: «*образованіе, въ самомъ общемъ смыслѣ, обнимающее и воспитаніе, есть, по нашему убѣжденію, та дѣя-*

тельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія», и сознаемся въ томъ, что слова эти, на которыя г. Марковъ проситъ читателя обратить особое вниманіе, для большинства публики и г. Маркова требовали объясненія. Но прежде чѣмъ дать эти объясненія, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать отступленіе о томъ, почему г. Марковъ и вообще публика не захотѣли понять этого опредѣленія и не обратили на него никакого вниманія.

Со временъ Гегеля и знаменитаго афоризма, «что̀ исторично, то разумно», въ литературныхъ и изустныхъ спорахъ, въ особенности у насъ, царствуетъ одинъ весьма странный умственный фокусъ, называющійся: историческое воззрѣніе. Вы говорите, напримѣръ, что человѣкъ имѣетъ право быть свободнымъ, судиться на основаніи только тѣхъ законовъ, которые онъ самъ признаетъ справедливыми, а историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія вырабатываетъ извѣстный историческій моментъ, обусловливающій извѣстное историческое законодательство и историческое отношеніе къ нему народа. Вы говорите, что вы вѣрите въ Бога,— историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что исторія вырабатываетъ извѣстныя религіозныя воззрѣнія и отношенія къ нимъ человѣчества. Вы говорите, что Иліада есть величайшее эпическое произведеніе—историческое воззрѣніе отвѣчаетъ, что Иліада есть только выраженіе историческаго сознанія народа въ извѣстный историческій моментъ. На этомъ основаніи историческое воззрѣніе не только не споритъ съ вами о томъ, необходима ли свобода для человѣка, о томъ, есть или нѣтъ Бога, о томъ, хороша или не хороша Иліада, не только ничего не дѣлаетъ для достиженія той свободы, которой вы желаете, для убѣжденія или разубѣжденія васъ въ существованіи Бога и въ красотѣ Иліады, а только указываетъ вамъ то мѣсто, которое ваша внутренняя потребность, любовь къ правдѣ или къ красотѣ занимаютъ въ исторіи; оно только сознаетъ, но сознаетъ не путемъ непосредственнаго сознанія, а путемъ историческихъ умозаключеній. Скажите, что вы любите или вѣрите во что-нибудь,—историческое воззрѣніе говоритъ: любите и вѣрьте, и ваша любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто въ нашемъ историческомъ воззрѣніи. Пройдутъ вѣка, и мы найдемъ то мѣсто, которое вы будете занимать въ исторіи; но впередъ знайте, что то, что̀ вы любите, не безусловно прекрасно, и то, во что̀ вы вѣрите, не безусловно справедливо; но забавляйтесь, дѣти,—ваши любовь и вѣра найдутъ себѣ мѣсто и приложеніе. Къ какому хотите понятію стоитъ только приложить слово «историческое» —и понятіе это теря-

етъ свое жизненное, дѣйствительное значенiе и получаетъ только искусственное и неплодотворное значенiе въ какомъ-то искусственно составленномъ историческомъ мiросозерцанiи.

Г. Марковъ говоритъ: «общая цѣль есть результатъ всей жизни, окончательный выводъ изъ дѣйствiя разнородныхъ силъ. Его можно видѣть только при окончанiи, и въ немъ пока нѣтъ нужды. Стало быть, и педагогика въ правѣ не имѣть конечной цѣли, въ правѣ стремиться къ своимъ временнымъ и мѣстнымъ цѣлямъ, по преимуществу имѣющимъ значенiе для жизни» («Р. В.», № 5, стр. 153). Искать критерiумъ педагогики, по его мнѣнiю, безполезно. Достаточно знать, что мы находимся въ историческихъ условiяхъ,—и все хорошо.

Г. Марковъ вполнѣ усвоилъ себѣ историческое воззрѣнiе; онъ, какъ и большинство русскихъ мыслящихъ людей нашего времени, обладаетъ искусствомъ присоединять понятiе историческаго ко всему явленiю жизни, умѣетъ наговорить много ученаго и остроумнаго въ историческомъ смыслѣ, на каждый случай вполнѣ владѣетъ историческимъ каламбуромъ. Въ первой нашей статьѣ сказано было, что образованiе имѣетъ своимъ основанiемъ потребность къ равенству и законъ движенiя впередъ образованiя. Хотя высказанное и безъ доказательствъ, это положенiе объяснило причину явленiя. Можно было не согласиться и требовать доказательствъ; но только историческое воззрѣнiе можетъ не чувствовать необходимости изысканiя причинъ такого явленiя, каково образованiе. Г. Марковъ говоритъ: «желательно, чтобы читатель съ особеннымъ вниманiемъ остановился на этихъ словахъ. Мнѣ они просто кажутся безплодною натяжкою, затемняющею смыслъ всѣхъ понятныхъ вещей. Зачѣмъ тутъ потребность равенства, инстинктъ, зачѣмъ особенно этотъ фатумъ, невѣдомый законъ движенiя, не позволяющiй одного, повелѣвающiй дѣлать другое? Кто его призналъ или доказалъ? Если опровергнуть, какъ дѣлаетъ графъ Толстой, воспитательное влiянiе взрослаго поколѣнiя на молодое, то въ чемъ надобно видѣть этотъ чудный законъ? Мать любитъ ребенка, хочетъ удовлетворить его нуждамъ и сознательно, безъ всякой мистической потребности, чувствуетъ надобность припоровиться къ его зачаточному разсудку, говоритъ съ нимъ простѣйшимъ языкомъ. Она не только не стремится къ равенству со своимъ ребенкомъ, что̀ было бы въ высшей степени противоестественно, а, напротивъ, намѣренно старается передать ему весь запасъ своего знанiя. Въ этой-то естественной передачѣ умственныхъ прiобрѣтенiй отъ одного поколѣнiя другому и состоитъ движенiе образованiя, не нуждающееся ни въ какихъ новыхъ спецiальныхъ

законахъ. Каждый вѣкъ кидаетъ въ общую кучу свою горсть, и чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ выше поднимается эта куча, тѣмъ выше и мы съ ней поднимаемся. Это извѣстно до избитости, и я не вижу никакого оправданія въ стремленіяхъ потрясти такую логически и исторически очевидную истину».

Вотъ лучшій образецъ историческаго воззрѣнія. Вы ищете объясненія знаменательнѣйшему явленію жизни, вы полагаете, что нашли общій законъ, служащій основаніемъ явленія, вы полагаете, что нашли идеалъ, къ которому стремится человѣчество, и критеріумъ его дѣятельности,—вамъ отвѣчаютъ, что это есть куча, которая растетъ съ каждымъ вѣкомъ, и что это извѣстно до избитости. Хорошо ли, что она растетъ? зачѣмъ она растетъ?—на эти вопросы вамъ не отвѣчаютъ и удивляются еще, что вы хлопочете о разрѣшеніи такихъ вопросовъ.

Въ другомъ мѣстѣ перефразируя наши слова, г. Марковъ говоритъ: «каждое поколѣніе мѣшаетъ развиваться новому: чѣмъ дальше, тѣмъ больше противодѣйствій, тѣмъ хуже. Странный, подумаешь, прогрессъ: если бы, не довѣряя исторіи, мы были обязаны вѣрить яснополянской теоріи, пришлось бы, пожалуй, повѣрить, что міръ все хилѣлъ да хилѣлъ отъ тысячелѣтнихъ противодѣйствій, и что смерть его теперь не за горами, а за плечами». (Стр. 152 ibid.).

«Хорошъ прогрессъ!» Нѣтъ, очень дуренъ,—я только про это и говорилъ. Я не держусь религіи прогресса, а кромѣ вѣры, ничто не доказываетъ необходимости прогресса. «Неужели міръ все хилѣлъ да хилѣлъ?» Я только это и старался доказывать, съ тою только разницею, что хилѣетъ не все человѣчество, а та часть его, которая подлежитъ дѣятельности того образованія, которое защищаетъ г. Марковъ.

Но вотъ гдѣ является въ полномъ блескѣ историческое воззрѣніе г. Маркова.

«*Ясную Поляну* смущаетъ то обстоятельство, что въ различныя времена люди учатъ различному и различно. Схоластики одному, Лютеръ другому, Руссо по-своему, Песталоцци опять по-своему. Она видитъ въ этомъ невозможность установить критеріумъ педагогики и на этомъ основаніи отвергаетъ педагогику. А мнѣ кажется, она сама указала на этотъ необходимый критеріумъ, приводя упомянутые примѣры. Критеріумъ въ томъ, чтобъ учить, соображаясь съ потребностями времени. Онъ простъ и въ совершенномъ согласіи съ исторіей и логикой. Лютеръ оттого только и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что самъ былъ созданіемъ своего вѣка, думалъ его мыслью и дѣйствовалъ по его вкусу. Иначе его огромное вліяніе было бы

или невозможно, или сверхъестественно; не походи онъ на своихъ современниковъ, онъ бы исчезъ безплодно, какъ непонятное, никому ненужное явленіе,—пришлецъ среди народа, котораго даже языка онъ не понимаетъ. То же и съ Руссо и всякимъ другимъ. Руссо формулировалъ въ своихъ теоріяхъ накипѣвшую ненависть своего вѣка къ формализму и искусственности, его жажду простыхъ сердечныхъ отношеній. Это была неизбѣжная реакція противъ версальскаго склада жизни; и если бы только одинъ Руссо чувствовалъ ее,—не явился бы вѣкъ романтизма, не явились бы универсальныя массы перероди̂ть человѣчество, декларации правъ, Карлы Мооры и все подобное. Упрекать Лютера и Руссо за то, что они, вооружаясь противъ историческихъ узъ, навязывали людямъ свои теоріи, значитъ упрекать цѣлый вѣкъ въ незаконности его настроенія. Цѣлому вѣку теорій не навяжешь.

«Но отъ его теоріи врядъ ли зато отдѣлаешься. Мнѣ непонятно, чего бы хотѣлъ графъ Толстой отъ педагогіи. Онъ все о крайней цѣли, незыблемомъ критеріумѣ хлопочетъ. Нѣтъ этихъ, такъ, по его мнѣнію, не нужно никакихъ. Отчего же не вспомнитъ онъ о жизни отдѣльнаго человѣка, о своей собственной? Вѣдь онъ, конечно, не знаетъ крайней цѣли своего существованія, не знаетъ общаго философскаго критеріума для дѣятельности всѣхъ періодовъ своей жизни. А вѣдь живетъ же онъ и дѣйствуетъ; и оттого только живетъ и дѣйствуетъ, что въ дѣтствѣ имѣлъ одну цѣль и одинъ критеріумъ, въ молодости другіе, теперь опять новые, и такъ далѣе. Былъ онъ, вѣрно, и шалуномъ-мальчикомъ, — у тѣхъ извѣстно, какой критеріумъ, — и религіознымъ юношей, и либераломъ-поэтомъ, и практическимъ дѣятелемъ жизни; каждое такое естественное настроеніе духа заставляло его иначе глядѣть на міръ, иного ждать и инымъ руководствоваться. Въ этихъ постоянныхъ смѣнахъ взглядовъ и состоитъ богатство развитія человѣчества, его философская и житейская опытность. Въ чемъ графъ Толстой видитъ упрекъ человѣчеству и педагогіи, ихъ противорѣчіе самимъ себѣ, въ томъ я вижу необходимость, естественность и даже достоинство». (Стр. 159—160 ibid.).

Какъ много, кажется, сказано, какъ умно, какъ много свѣдѣній, какой спокойно историческій взглядъ на все! Самъ стоишь на какомъ-то воображаемомъ возвышеніи, а подъ тобою дѣйствуютъ и Руссо, и Шиллеры, и Лютеръ, и французскія революціи; съ исторической высоты одобряешь или не одобряешь ихъ историческіе поступки и раскладываешь по историческимъ рамкамъ. Мало того, и каждая личность человѣческая тоже

тамъ гдѣ-то копошится, подчиненная неизмѣннымъ историческимъ законамъ, которые мы знаемъ, но конечной цѣли ни у кого нѣтъ и быть не можетъ,—есть одно историческое воззрѣніе! Но вѣдь мы совсѣмъ не о томъ спрашиваемъ, мы пытаемся найти тотъ общій умственный законъ, которымъ руководилась дѣятельность человѣка въ образованіи и который поэтому могъ бы служить критеріумомъ правильности человѣческой дѣятельности въ образованіи. Историческое же воззрѣніе на всѣ наши попытки отвѣчаетъ только тѣмъ, что Руссо и Лютеръ были произведеніями своего времени. Мы ищемъ то вѣчное начало, которое выразилось въ нихъ; а намъ говорятъ о той формѣ, въ которой оно выразилось, и распредѣляютъ ихъ по классамъ и отрядамъ. Намъ говорятъ, *что критеріумъ только въ томъ, чтобъ учить сообразно потребностямъ времени*, и говорятъ, что это очень просто. Учить сообразно догматамъ христіанской или магометанской религіи—я понимаю, но учить сообразно потребностямъ времени—я рѣшительно не понимаю ни одного слова изъ этой фразы. Какія это потребности? Кто ихъ опредѣлитъ? Гдѣ онѣ выразятся? Очень, можетъ быть, забавно разсуждать вкривь и вкось о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя заставили Руссо выразиться именно въ той формѣ, въ какой онъ выразился, но найти тѣ историческія условія, въ которыя имѣетъ выразиться будущій Руссо, невозможно. Мнѣ понятно, почему Руссо съ озлобленіемъ писалъ противъ искусственности жизни, но рѣшительно непонятно, почему явился Руссо и почему онъ открылъ великія истины. Мнѣ дѣла нѣтъ до Руссо и его обстановки, меня занимаютъ только тѣ мысли, которыя онъ высказалъ, и повѣрять и не понять его мысль я могу только мыслью, а не разсужденіями объ его мѣстѣ въ исторіи.

Выразить и опредѣлить критеріумъ въ педагогіи было моею задачей. Историческое же воззрѣніе, не идя за мною по этому пути, отвѣчаетъ, что и Руссо и Лютеръ были на своемъ мѣстѣ (какъ будто они могли быть не на своемъ мѣстѣ), и что бываютъ различныя школы (какъ будто мы этого не знаемъ), и что каждая приноситъ зерно въ эту таинственную историческую кучу. Историческое воззрѣніе можетъ породить много занимательныхъ разговоровъ, когда дѣлать нечего; объяснить то, что всѣмъ извѣстно; но сказать слово, на которомъ бы могла строиться дѣйствительность,—оно не въ состояніи. Если оно и проговорится, то скажетъ только фразу въ родѣ того, что надо учить сообразно съ потребностями времени. Скажите же намъ—какія эти потребности въ Сызрани, въ Женевѣ, на Сыръ-Дарьѣ? Гдѣ можно найти выраженіе этихъ потребностей и *потребности вре-*

мени—какого времени? Ужъ ежели рѣчь пошла объ историческомъ, то въ настоящемъ есть только моментъ историческій. Одинъ принимаетъ требованія 25-хъ годовъ за требованія настоящаго; другой знаетъ требованія августа 1862 г., третій считаетъ настоящими требованіями — требованія средневѣковыя. Повторяю, если умышленно написана фраза *учить сообразно съ требованіями времени*, для насъ ни въ одномъ словѣ не имѣющая смысла, мы просимъ — укажите намъ эти требованія; мы отъ всей души искренно говоримъ, что мы желали бы знать эти требованія и не знаемъ ихъ.

Мы могли бы привести еще много образцовъ историческаго воззрѣнія г. Маркова ссылками на *Trivium* и *Quadrivium* Кассіодора и Ѳомы Аквинскаго, и Шекспира, и Гамлета и тому подобными интересными и пріятными разговорами. Но всѣ эти мѣста также не отвѣчаютъ на наши запросы, и потому мы ограничимся разъясненіемъ причинъ несостоятельности историческаго взгляда относительно философскихъ вопросовъ.

Причина эта заключается въ слѣдующемъ: люди съ историческимъ воззрѣніемъ предположили, что отвлеченная мысль, которую они любятъ въ ругательномъ смыслѣ называть метафизикой, безплодна, какъ скоро она противоположна историческимъ условіямъ, т.-е., говоря проще, царствующимъ убѣжденіямъ; что мысль эта даже безполезна, такъ какъ открытъ общій законъ, по которому человѣчество двигается впередъ и безъ участія мысли, противоположной царствующимъ убѣжденіямъ. Мнимый этотъ законъ человѣчества называется *прогрессъ*. Вся причина не только разногласія нашего съ г. Марковымъ, но и совершеннаго пренебреженія къ нашимъ доводамъ и неотвѣчанія на нихъ заключается въ томъ, что г. Марковъ вѣритъ въ прогрессъ, а я не имѣю этого вѣрованія.

Что̀ же такое это понятіе прогресса и вѣра въ него?

Основная мысль прогресса и выраженіе его будетъ слѣдующее: «*человѣчество* постоянно видоизмѣняется, переживаетъ прошедшее, удерживая отъ него начатые труды и воспоминанія». Въ переносномъ смыслѣ это видоизмѣненіе человѣческихъ отношеній мы называемъ движеніемъ, и видоизмѣненіе прошедшаго мы называемъ *назадъ*, будущее видоизмѣненіе называемъ *впередъ*. Вообще въ переносномъ смыслѣ говоримъ, что человѣчество движется впередъ. Хотя и выраженное неясно, въ переносномъ смыслѣ, это положеніе несомнѣнно. Но за этимъ несомнѣннымъ положеніемъ, вѣрующіе въ прогрессъ и историческое развитіе, дѣлаютъ другое недоказанное положеніе, что будто человѣчество въ прежнее время пользовалось меньшимъ

благосостояніемъ, и чѣмъ далѣе назадъ, тѣмъ менѣе, и чѣмъ болѣе впередъ, тѣмъ болѣе. Изъ этого выводятъ, что для плодотворной дѣятельности необходимо дѣйствовать только сообразно съ историческими условіями; и что по закону прогресса, всякое историческое дѣйствіе поведетъ къ увеличенію общаго благосостоянія, т.-е. будетъ хорошо, что всѣ попытки остановить или противорѣчить даже движенію исторіи—безполезны. Выводъ этотъ незаконенъ потому, что второе положеніе о постоянномъ улучшеніи человѣчества на пути прогресса ничѣмъ не доказано и несправедливо.

Во всемъ человѣчествѣ, съ незапамятныхъ временъ происходитъ процессъ прогресса, говоритъ историкъ, вѣрующій въ прогрессъ, и доказываетъ это положеніе, сравнивая, положимъ, Англію 1685 года съ Англіей нашего времени. Но если бы даже и можно было доказать, сравнивая Россію, Францію и Италію нашего времени съ древнимъ Римомъ, Греціею, Карѳагеномъ и т. д., что благосостояніе новыхъ народовъ болѣе благосостоянія древнихъ,—меня при этомъ всегда поражаетъ одно непонятное явленіе: выводятъ общій законъ для всего человѣчества изъ сравненія одной малой части человѣчества Европы въ прошедшемъ и настоящемъ. Прогрессъ есть общій законъ для человѣчества, говорятъ они, только кромѣ Азіи, Африки, Америки, Австраліи, кромѣ милліарда людей. Нами замѣченъ законъ прогресса въ герцогствѣ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскомъ, имѣющемъ 3.000 жителей. Намъ извѣстенъ Китай, имѣющій 200 милліоновъ жителей, опровергающій всю нашу теорію прогресса, и мы ни минуты не сомнѣваемся, что прогрессъ есть общій законъ всего человѣчества, и что мы, вѣрующіе въ прогрессъ, правы, а невѣрующіе въ него виноваты, и съ пушками и ружьями идемъ внушать китайцамъ идею прогресса. Здравый же смыслъ говоритъ мнѣ, что ежели большая часть человѣчества, весь такъ называемый Востокъ, не подтверждаетъ закона прогресса, а, напротивъ, опровергаетъ его, то закона этого не существуетъ для всего человѣчества, и существуетъ—только вѣрованіе въ него извѣстной части человѣчества. Я, какъ и всѣ люди, свободные отъ суевѣрія прогресса, вижу только, что человѣчество живетъ, что воспоминанія прошедшаго такъ же увеличиваются, какъ и исчезаютъ; что труды прошедшаго часто служатъ основой для новыхъ трудовъ настоящаго, часто служатъ преградой для нихъ; что благосостояніе людей то увеличивается въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ слоѣ и въ одномъ смыслѣ, то уменьшается; что какъ бы мнѣ ни желательно было, я не могу найти никакого общаго закона къ жизни человѣчества; а что

подвести исторію подъ идею прогресса, точно такъ же легко, какъ подвести ее подъ идею регресса или подъ какую хотите историческую фантазію. Скажу болѣе: я не вижу никакой необходимости отыскивать общіе законы въ исторіи, не говоря уже о невозможности этого. Общій вѣчный законъ написанъ въ душѣ каждаго человѣка. Законъ прогресса, или совершенствованія, написанъ въ душѣ каждаго человѣка и только вслѣдствіе заблужденія переносится въ исторію. Оставаясь личнымъ, этотъ законъ плодотворенъ и доступенъ каждому; перенесенный въ исторію, онъ дѣлается праздною, пустою болтовней, ведущею къ оправданію каждой безсмыслицы и фатализма. Прогрессъ вообще во всемъ человѣчествѣ есть фактъ недоказанный и не существующій для всѣхъ восточныхъ народовъ, и потому сказать, что прогрессъ есть законъ человѣчества, столь же неосновательно, какъ сказать, что всѣ люди бываютъ бѣлокурые за исключеніемъ черноволосыхъ.

Но, можетъ быть, мы все еще не такъ опредѣлили прогрессъ, какъ его понимаютъ многіе. Мы пытаемся дать ему самое общее и разумное опредѣленіе. Можетъ быть, прогрессъ есть законъ, открытый только европейскими народами, но столь разумный, что ему должно подлежать все человѣчество. Въ этомъ смыслѣ прогрессъ есть путь, по которому идетъ извѣстная часть человѣчества и который признаетъ эта часть человѣчества ведущимъ ее къ благосостоянію. Въ такомъ смыслѣ понимаетъ Бокль прогрессъ цивилизаціи европейскихъ народовъ, включая въ это общее понятіе прогресса прогрессъ соціальный, экономическій, наукъ, искусствъ, ремеслъ и въ особенности изобрѣтенія пороха, книгопечатанія и путей сообщенія. Такое опредѣленіе прогресса ясно и понятно; но невольно представляются вопросы: первый— кто рѣшилъ, что этотъ прогрессъ ведетъ къ благосостоянію? Для того, чтобы повѣрить этому, мнѣ нужно, чтобы не исключительныя лица, принадлежащія къ исключительному классу, историки, мыслители и журналисты—признали это, но чтобы вся масса народа, подлежащая дѣйствію прогресса, признала, что прогрессъ ведетъ ее къ благосостоянію. Мы же видимъ постоянно противорѣчащее этому явленіе. Второй вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: что̀ признать благосостояніемъ,—улучшеніе ли путей сообщенія, распространеніе книгопечатанія, освѣщеніе улицъ газомъ, размноженіе домовъ призрѣнія бѣдныхъ и т. п., или первобытное богатство природы—лѣса, дичь, рыбу, сильное физическое развитіе, чистоту нравовъ и т. п.? Человѣчество живетъ одновременно столь многоразличными сторонами своего бытія, что опредѣлить степень его благосостоянія въ извѣстную

эпоху и опредѣлить ее человѣку—невозможно. Одинъ человѣкъ видитъ только прогрессъ искусства, другой—прогрессъ добродѣтели, третій—прогрессъ матеріальныхъ удобствъ, четвертый—прогрессъ физической силы, пятый—прогрессъ соціальнаго устройства, шестой—прогрессъ науки, седьмой—прогрессъ любви, равенства и свободы, восьмой—прогрессъ газоваго освѣщенія и машиннаго шитья. И человѣкъ, который безстрастно будетъ относиться ко всѣмъ сторонамъ жизни человѣчества, всегда найдетъ, что прогрессъ одной стороны всегда выкупается регрессомъ другой стороны человѣческой жизни. Самые добросовѣстные политическіе дѣятели, вѣровавшіе въ прогрессъ равенства и свободы, развѣ не убѣдились и не убѣждаются каждый день, что въ древней Греціи и Римѣ было болѣе свободы и равенства, чѣмъ въ новой Англіи съ китайскою и индійскою войнами, въ новой Франціи съ двумя Бонапартами и въ самой новой Америкѣ съ ожесточенною войной за право рабства? Самые добросовѣстные, вѣрующіе въ прогрессъ искусства, развѣ не убѣдились, что нѣтъ въ наше время Фидіасовъ, Рафаэлей и Гомеровъ? Самые проворные экономическіе прогрессисты развѣ не убѣдились, что необходимо запрещать рабочему народу рожать дѣтей для того, чтобы можно было прокормить существующее населеніе? Итакъ, отвѣчая на два поставленные мною вопроса, я говорю, что, во-первыхъ, признать прогрессъ ведущимъ къ благосостоянію можно только тогда, когда весь народъ, подлежащій дѣйствію прогресса, будетъ признавать это дѣйствіе хорошимъ и полезнымъ, тогда какъ теперь въ $^9/_{10}$ населенія, въ такъ называемомъ простомъ, въ рабочемъ народѣ, мы постоянно видимъ противное, и, во-вторыхъ, тогда, когда будетъ доказано, что прогрессъ ведетъ къ совершенствованію всѣхъ сторонъ человѣческой жизни, или что взятыя вмѣстѣ послѣдствія его вліянія преобладаютъ добрыми и полезными надъ дурными и вредными. Народъ, т.-е. масса народа, $^9/_{10}$ всѣхъ людей постоянно враждебно относятся къ прогрессу и постоянно не только не признаютъ его пользы, но положительно и сознательно признаютъ его вредъ для нихъ. Выводамъ же историковъ, подобныхъ Маколею (того самаго, котораго, въ доказательство силы англійскаго воспитанія, приводитъ г. Марковъ), полагающихъ, что они взвѣсили всѣ стороны человѣческой жизни и, на основаніи этого взвѣшиванія, рѣшили, что прогрессъ принесъ больше добра, чѣмъ зла, мы не можемъ вѣрить, потому что выводы эти ни на чемъ не основаны. Выводы эти для добросовѣстнаго и безстрастнаго судьи, несмотря на противоположную цѣль писателя, очевидно доказываютъ, что прогрессъ принесъ

больше зла, чѣмъ пользы народу,—народу, т.-е. большей части людей, не говоря о государствѣ. Я прошу серьезнаго читателя прочесть всю 3-ю главу 1-й части исторіи Маколея. Выводъ сдѣланъ смѣло и рѣшительно, но на чемъ онъ основанъ—рѣшительно непонятно для здороваго человѣка, не отуманеннаго вѣрой въ прогрессъ. Значительные факты только слѣдующіе: 1) Народонаселеніе увеличилось,—увеличилось такъ, что необходима теорія Мальтуса. 2) Войска не было,—теперь оно стало огромно; съ флотомъ то же самое. 3) Число мелкихъ землевладѣльцевъ уменьшилось. 4) Города стянули къ себѣ большую часть народонаселенія. 5) Земля обнажилась отъ лѣсовъ. 6) Заработная плата стала на половину больше, цѣны же на все увеличились и удобствъ къ жизни стало меньше. 7) Подать на бѣдныхъ удесятерилась. Газетъ стало больше, освѣщеніе улицъ лучше, дѣтей и женъ меньше бьютъ, и англійскія дамы стали писать безъ орѳографическихъ ошибокъ. Я прошу читателя прочесть эту 3-ю главу съ добросовѣстнымъ вниманіемъ и вспомнить тѣ простые факты, что разъ увеличенное войско никогда уже не можетъ быть уменьшено; что разъ уничтоженные вѣковые лѣса никогда уже не могутъ быть возобновлены; что развращенное населеніе удобствами комфорта никогда уже не можетъ быть возвращено къ первобытной простотѣ и умѣренности. Я прошу читателя, не имѣющаго вѣры въ прогрессъ или отрѣшившагося на время отъ этой вѣры, прочесть все, что писано въ доказательство благости прогресса и спросить себя, но отрѣшившись совершенно отъ вѣры,—есть ли доказательства на то, что прогрессъ принесъ больше пользы, чѣмъ вреда людямъ? Непредубѣжденному человѣку нельзя доказать это; для предубѣжденнаго же человѣка можно всякій парадоксъ, какъ и парадоксъ прогресса, одѣть историческими фактами.

Что за странное и непонятное явленіе! Общаго закона движенія впередъ человѣчества нѣтъ, какъ то намъ доказываютъ неподвижные восточные народы. Доказать, что европейскіе народы постоянно движутся къ улучшенію благосостоянія—невозможно, и никто никогда еще не доказалъ этого; и, наконецъ, самое замѣчательное—$^{9}/_{10}$ того же самаго европейскаго народа, будто бы находящагося въ процессѣ прогресса, сознательно ненавидятъ прогрессъ и всѣми средствами стараются противодѣйствовать ему, а мы признаемъ прогрессъ цивилизаціи несомнѣннымъ благомъ. Какъ ни непонятно кажется это явленіе, но оно разъяснится для насъ ежели мы безъ предубѣжденія разсмотримъ его.

Только одна небольшая часть общества вѣритъ въ прогрессъ, проповѣдуетъ его и старается доказать его благость. Другая, большая часть общества, противодѣйствуетъ прогрессу и не вѣритъ въ благость его. Изъ этого я заключаю, что для малой части общества прогрессъ есть благо; для большей же части онъ есть зло. Я заключаю такъ потому, что всѣ люди сознательно или безсознательно стремятся ко благу и удаляются отъ зла. Сдѣлавши этотъ выводъ, я повѣряю его, подводя подъ него факты. Кто та малая часть, вѣрующая въ прогрессъ? Это такъ называемое образованное общество, незанятые классы, по выраженію Бокля. Кто та большая часть, не вѣрующая въ прогрессъ? Это такъ называемый народъ, занятые классы. Интересы общества и народа всегда бываютъ противоположны. Чѣмъ выгоднѣе одному, тѣмъ невыгоднѣе другому. Въ дѣлѣ прогресса мое положеніе подтверждается, и я заключаю, что прогрессъ тѣмъ выгоднѣе для общества, чѣмъ невыгоднѣе для народа. Кромѣ того, это умозаключеніе объясняетъ мнѣ совершенно то странное явленіе, что, несмотря на то, что прогрессъ не есть общій законъ человѣчества, что, несмотря на то, что прогрессъ не ведетъ къ улучшенію благосостоянія всего европейскаго человѣчества, несмотря на то, что $^{9}/_{10}$ народа противны ему, прогрессъ продолжаетъ быть восхваляемъ и все болѣе и болѣе распространяться.

Вѣрующіе въ прогрессъ искренно вѣруютъ потому, что вѣра ихъ выгодна для нихъ, и потому-то съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ проповѣдуютъ свою вѣру. Я невольно вспоминаю китайскую войну, въ которой три великія державы совершенно искренно и наивно вводили вѣру прогресса въ Китай посредствомъ пороха и ядеръ.

Но не ошибаюсь ли я? Посмотримъ, въ чемъ можетъ быть выгода общества и невыгода народа въ прогрессѣ. Здѣсь, говоря о фактахъ, я чувствую необходимость оставить въ покоѣ Европу и говорить о Россіи, которая мнѣ близко извѣстна. Кто у насъ вѣрующій, кто у насъ невѣрующій? Вѣрующіе въ прогрессъ суть: образованное дворянство, образованное купечество и чиновничество—классы незанятые, по выраженію Бокля. Невѣрующіе въ прогрессъ и враги его: мастеровые, фабричные, крестьяне, земледѣльцы и промышленники, люди, занятые прямою физической работой,—классы занятые. Вдумываясь въ это различіе находимъ, что чѣмъ больше работаетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ консерваторъ; чѣмъ менѣе работаетъ, тѣмъ болѣе онъ прогрессистъ. Нѣтъ болѣе прогрессистовъ какъ откупщики, писатели, дворяне, студенты, безъ мѣстъ чиновники и

фабричные. Нѣтъ менѣе прогрессиста — мужика-землевладѣльца.

«Человѣкъ овладѣваетъ силами природы, мысль, съ быстротою молніи, перелетаетъ съ одного края вселенной на другой. Время побѣждено». Все это прекрасно, чувствительно, но посмотримъ, для кого это выгодно? Мы говоримъ о прогрессѣ электрическихъ телеграфовъ. Очевидно, что выгода и приложеніе телеграфа только для высшаго, такъ называемаго образованнаго класса. Народъ же—$^9/_{10}$—только слышитъ гудѣніе проволокъ и только стѣсненъ строгимъ закономъ о поврежденіи телеграфовъ.

По проволокамъ пролетаетъ мысль о томъ, какъ возвысилось требованіе на такой-то предметъ торговли и какъ потому нужно возвысить цѣну на этотъ предметъ, или мысль о томъ, что я русская помѣщица, проживающая во Флоренціи, слава Богу, укрѣпилась нервами, обнимаю моего обожаемаго супруга и прошу прислать мнѣ въ наискорѣйшемъ времени 40.000 франковъ. Не дѣлая подробной статистики телеграфическихъ депешъ, можно быть твердо увѣреннымъ, что всѣ депеши принадлежатъ только тѣмъ родамъ корреспонденціи, образцы которыхъ я выставилъ здѣсь. Яснополянскій мужикъ Тульской губерніи или какой бы то ни было русскій мужикъ (не надо забывать, что эти мужики составляютъ всю массу народа, благосостояніе котораго думаетъ дѣлать прогрессъ) никогда не послалъ и не получилъ и долго еще не пошлетъ и не получитъ ни одной депеши. Всѣ депеши, которыя пролетаютъ надъ его головой, не могутъ ни на одну песчинку прибавить его благосостоянія, потому что все, что̀ ему нужно, онъ имѣетъ изъ своего поля, изъ своего лѣса, и онъ одинаково ровнодушенъ къ дешевизнѣ или дороговизнѣ сахара или хлопчатой бумаги, и къ низверженію короля Оттона, и къ рѣчи, произнесенной Пальмерстономъ и Наполеономъ III, и къ чувствамъ барыни, пишущей изъ Флоренціи. Всѣ эти мысли, съ быстротою молніи облетающія вселенную, не увеличиваютъ производительности его пашни, не ослабляютъ надзора въ помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсахъ, не прибавляютъ силы въ работахъ ему и его семейству, не даютъ ему лишняго работника. Всѣ эти великія мысли только могутъ нарушить его благосостояніе, а не упрочить или улучшить, и могутъ только въ отрицательномъ смыслѣ быть занимательными для него. Для правовѣрныхъ же прогресса телеграфическія нити принесли и приносятъ огромныя выгоды. Я не спорю о выгодахъ, я стараюсь только доказать, что не надобно думать и убѣждать другихъ, что то, что̀ выгодно для меня, есть величайшее благо и для всего

міра. Но надобно доказать это или, по крайней мѣрѣ, подождать, чтобы всѣ люди признали благомъ то, чтò для насъ выгодно. Въ такъ называемомъ же порабощеніи пространства и времени посредствомъ электричества мы этого никакъ не видимъ. Мы видимъ, напротивъ, что поборники прогресса въ этомъ отношеніи разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ старые помѣщики, увѣряющіе, что для крестьянъ, для государства и для всего человѣчества нѣтъ ничего выгоднѣе крѣпостного права и барщинной работы; разница только въ томъ, что вѣра помѣщиковъ старая—разоблаченная, а вѣра прогрессистовъ еще свѣжая и царствующая.

Книгопечатаніе—другая любимая, избитая тема прогрессистовъ. Распространеніе его, и вслѣдствіе того грамотности, всегда безусловно считается несомнѣннымъ благомъ для всего народа. Почему это такъ? Книгопечатаніе, грамотность и то, чтò мы называемъ образованіемъ, суть коренныя суевѣрія религіи прогресса, и потому въ этомъ дѣлѣ я прошу читателя въ особенности искренно отречься отъ всякой вѣры и совершенно искренно спросить себя: почему это такъ, и почему то образованіе, которое мы, меньшинство, для себя считаемъ благомъ, и вслѣдствіе того то книгопечатаніе и ту грамотность, которую бы мы желали распространить,—почему это книгопечатаніе, эта грамотность и это образованіе будутъ благомъ для большинства—для народа? Мы говорили уже прежде въ нѣкоторыхъ статьяхъ о томъ, почему то образованіе, которымъ мы владѣемъ, по сущности своей не можетъ быть благомъ для народа. Мы будемъ говорить теперь исключительно о книгопечатаніи. Для меня очевидно, что распространеніе журналовъ и книгъ, безостановочный и громадный прогрессъ книгопечатанія, былъ выгоденъ для писателей, редакторовъ, издателей, корректоровъ и наборщиковъ. Огромныя суммы народа косвенными путями перешли въ руки этихъ людей. Книгопечатаніе такъ выгодно для этихъ людей, что для увеличенія числа читателей придумываются всевозможныя средства: стихи, повѣсти, скандалы, обличенія, сплетни, полемика, подарки, преміи, общества грамотности, распространеніе книгъ и школы для увеличенія числа грамотныхъ. Ни одинъ трудъ не окупается такъ легко, какъ литературный. Никакіе проценты такъ не велики, какъ литературные. Число литературныхъ работниковъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Мелочность и ничтожество литературы увеличиваются соразмѣрно увеличенію ея органовъ. Но ежели число книгъ и журналовъ увеличивается, ежели литература такъ хорошо окупается, то, стало быть, она необходима, скажутъ мнѣ наивные люди.

Стало быть, откупа необходимы, что они хорошо окупались?— отвѣчу я. Успѣхъ литературы указывалъ бы на удовлетвореніе потребности народа только тогда, когда бы весь народъ сочувствовалъ ей; но этого нѣтъ такъ же, какъ и не было при откупахъ. Литература такъ же, какъ и откупа, есть только искусная эксплоатація, выгодная только для ея участниковъ и невыгодная для народа. Есть *Современникъ*, есть *Современное Слово*, есть *Современная Лѣтопись*, есть *Русское Слово*, *Русскій Міръ*, *Русскій Вѣстникъ*, есть *Время*, есть *Наше Время*, есть *Орелъ*, *Звѣздочка*, *Гирлянда*, есть *Грамотей*, *Народное Чтеніе*, и *Чтеніе для народа*, есть извѣстныя слова въ извѣстныхъ сочетаніяхъ и перемѣщеніяхъ, какъ заглавія журналовъ и газетъ, и всѣ эти журналы твердо вѣрятъ, что они *проводятъ* какія-то мысли и направленія. Есть сочиненія Пушкина, Гоголя, Тургенева, Державина. И всѣ эти журналы и сочиненія, несмотря на давность существованія, неизвѣстны, ненужны для народа и не приносятъ ему никакой выгоды. Я говорилъ уже объ опытахъ, дѣланныхъ мною для привитія нашей общественной литературы народу. Я убѣдился, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый, что для того, чтобы человѣку изъ русскаго народа полюбить чтеніе «Бориса Годунова» Пушкина или «Исторію» Соловьева, надобно этому человѣку перестать быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, т.-е. человѣкомъ независимымъ, удовлетворяющимъ всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ. Наша литература не прививается и не привьется народу, надѣюсь—люди, знающіе народъ и литературу, не усомнятся въ этомъ. Какое же благо получаетъ народъ отъ литературы? Библій и святцевъ до сихъ поръ народъ не имѣетъ дешевыхъ. Другія же книги, которыя западаютъ къ нему, только обличаютъ въ его глазахъ глупость и ничтожество ихъ составителей; деньги и работа его тратятся, а выгоды отъ книгопечатанія,—вотъ уже сколько времени прошло,—мы не видимъ ни малѣйшей для народа. Ни пахать, ни дѣлать квасъ, ни плесть лапти, не рубить срубы, ни пѣть пѣсни, ни даже молиться,—не учится и не научился народъ изъ книгъ. Всякій добросовѣстный судья, неодержимый вѣрою прогресса, признается, что выгодъ книгопечатанія для народа не было. Невыгоды же его ощутительны для многихъ. Г. Даль, добросовѣстный наблюдатель, обнародовалъ свои наблюденія надъ вліяніемъ грамотности на народъ. Онъ объявилъ, что грамотность развращаетъ людей изъ народа. На наблюдателя посыпались неистовые крики и ругательства всѣхъ вѣрующихъ въ прогрессъ; рѣшили, что грамотность была вредна, когда она была исключеніемъ, и что вредъ ея уничтожится, когда она сдѣлается общимъ правиломъ. Это

предположеніе, можетъ быть, остроумное, но только предположеніе. Фактъ же остается фактомъ, который подтверждаютъ мои собственныя наблюденія и который подтвердятъ всѣ люди, имѣющіе прямыя сношенія съ народомъ, какъ-то: купцы, мѣщане, становые, попы и сами крестьяне. Но скажутъ, можетъ быть, признавая мои доводы справедливыми, что прогрессъ книгопечатанія, не принося прямой выгоды народу, содѣйствуетъ его благосостоянію тѣмъ, что смягчаетъ нравы общества; разрѣшеніе крѣпостного вопроса, напримѣръ, есть только произведеніе прогресса книгопечатанія. На это я отвѣчу, что смягченіе нравовъ общества еще нужно доказать, что я лично его не вижу и не считаю нужнымъ вѣрить на слово. Я не нахожу, напримѣръ, чтобъ отношенія фабриканта къ работнику были человѣчнѣе отношеній помѣщика къ крѣпостному. Но это мое личное воззрѣніе, не могущее служить доказательствомъ. Главное же, что я имѣю сказать противъ такого аргумента, есть то, что, взявъ въ примѣръ хотя освобожденіе отъ крѣпостного права, я не вижу, чтобы книгопечатаніе содѣйствовало его прогрессивному разрѣшенію. Ежели бы правительство въ этомъ дѣлѣ не сказало своего рѣшительнаго слова, то книгопечатаніе, безъ сомнѣнія, разъяснило бы дѣло совершенно иначе. Мы видѣли, что большая часть органовъ требовала бы освобожденія безъ земли и приводила бы доводы, столь же кажущіеся разумными, остроумными, саркастическими. Прогрессъ книгопечатанія, какъ и прогрессъ электрическихъ телеграфовъ, есть монополія извѣстнаго класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые подъ словомъ «прогрессъ» разумѣютъ свою личную выгоду, вслѣдствіе того всегда противорѣчащую выгодѣ народа. Мнѣ пріятно читать журналы отъ праздности, я даже интересуюсь Оттономъ, королемъ греческимъ. Мнѣ пріятно написать или издать статейку и получить за нее деньги и извѣстность. Мнѣ пріятно получить по телеграфу извѣстіе о здоровьѣ моей сестрицы и знать вѣрно, какой цѣны я долженъ ожидать за свою пшеницу. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ нѣтъ ничего предосудительнаго въ удовольствіяхъ, которыя я при этомъ испытываю, и въ желаніяхъ, которыя я имѣю, чтобъ удобства къ такого рода удовольствіямъ увеличивались; но совершенно несправедливо будетъ думать, что мои удовольствія совпадаютъ съ увеличеніемъ благосостоянія всего человѣчества. Думать это такъ же несправедливо, какъ думать то, что думалъ откупщикъ или помѣщикъ, что, получая безъ труда большіе доходы, онъ осчастливливаетъ человѣчество тѣмъ, что поощряетъ искусство и своею роскошью даетъ многимъ работу. Прошу читателя замѣтить, что Гомеръ

Сократъ, Аристотель, нѣмецкія сказки и пѣсни и русскій эпосъ, наконецъ, не нуждались въ книгопечатаніи для того, чтобъ остаться вѣчными.

Паръ, желѣзныя дороги и столь восхваленные пароходы, паровозы и вообще машины,—мы не будемъ говорить о томъ, что̀ можетъ быть впослѣдствіи,—о результатахъ, которые выходятъ изъ этихъ изобрѣтеній по противоположнымъ одна другой теоріямъ политической экономіи, а мы будемъ разсматривать просто тѣ выгоды, которыя принесъ и приноситъ паръ массѣ народа. Я вижу близкаго и хорошо извѣстнаго мнѣ тульскаго мужика, который не нуждается въ быстрыхъ переѣздахъ изъ Тулы въ Москву, на Рейнъ, въ Парижъ и обратно. Возможность такихъ переѣздовъ не прибавляетъ для него нисколько благосостоянія. Всѣмъ потребностямъ своимъ онъ удовлетворяетъ собственнымъ трудомъ, и, начиная отъ пищи до одежды, все производится имъ самимъ: деньги для него не составляютъ богатства. Это до такой степени справедливо, что когда у него есть деньги, онъ зарываетъ ихъ въ землю и не находитъ нужнымъ дѣлать изъ нихъ никакого употребленія. Поэтому, если желѣзныя дороги дѣлаютъ для него болѣе доступными предметы мануфактуръ и торговли, онъ остается совершенно равнодушнымъ къ этой большей доступности. Ему не нужны ни трико, ни атласы, ни часы, ни французское вино, ни сардинки. Все, что̀ ему нужно и что̀ въ его глазахъ составляетъ богатство и улучшеніе благосостоянія, пріобрѣтается его трудомъ на его землѣ. Маколей говоритъ, что лучшимъ мѣриломъ благосостоянія рабочаго народа есть степень заработной платы. Неужели мы, русскіе, до такой степени не хотимъ знать и не знаемъ положенія своего народа, что повторимъ такое безсмысленное и ложное для насъ положеніе? Неужели не очевидно для каждаго русскаго, что заработная плата для русскаго простолюдина есть случайность, роскошь, на которой ничего нельзя основывать? Весь народъ, каждый русскій человѣкъ безъ исключенія, назоветъ, несомнѣнно, богатымъ степного мужика со старыми одоньями хлѣба на гумнѣ, никогда не видавшаго въ глаза заработной платы, и назоветъ, несомнѣнно, бѣднымъ подмосковнаго мужика въ ситцевой рубашкѣ, получающаго постоянно высокую заработную плату. Не только невозможно въ Россіи опредѣлять богатство степенью заработной платы, но смѣло можно сказать, что въ Россіи появленіе заработной платы есть признакъ уменьшенія богатства и благосостоянія. Это правило мы, русскіе, изучающіе свой народъ, можемъ провѣрить по всей Россіи, и потому не разсуждая о богатствѣ государствъ и богатствѣ всей Европы, можемъ

и должны сказать, что для Россіи, т.-е. для большей массы русскаго народа, высота заработной платы не только не служить мѣриломъ благосостоянія, но одно появленіе заработной платы показываетъ упадокъ народнаго богатства. Очевидно, что намъ нужно искать другихъ основаній, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ Европѣ; а между тѣмъ европейская политическая экономія хочетъ предписывать намъ свои законы. Для большей части русскаго населенія деньги не составляютъ богатства и удешевленія предметовъ мануфактурной промышленности не увеличиваетъ благосостоянія. Вслѣдствіе этого желѣзныя дороги не приносятъ большей массѣ населенія никакой выгоды (прошу замѣтить, что я говорю о выгодѣ по понятіямъ самого народа, а не о тѣхъ выгодахъ, которыя насильно хочетъ навязать прогрессъ цивилизаціи).

По понятіямъ русскаго народа, увеличеніе благосостоянія состоитъ въ увеличеніи силъ почвы, въ увеличеніи скотоводства, въ увеличеніи количества хлѣба и вслѣдствіе того въ удешевленіи его (прошу замѣтить, что ни одинъ крестьянинъ не жалуется на дешевизну хлѣба, только европейскіе политико-экономы утѣшаютъ его тѣмъ, что хлѣбъ будетъ дороже и потому ему легче будетъ покупать предметы мануфактуры,—онъ этого не желаетъ); въ увеличеніи рабочихъ силъ (никогда мужикъ не жалуется на то, что у него въ селѣ слишкомъ много народа), въ увеличеніи лѣсовъ и пастбищъ, въ отсутствіи городскихъ соблазновъ. Какія же изъ этихъ благъ приносятъ крестьянину желѣзныя дороги? Онѣ увеличиваютъ соблазны, онѣ уничтожаютъ лѣса, онѣ отнимаютъ работниковъ, онѣ поднимаютъ цѣны хлѣба. Можетъ быть, я ошибся, говоря о причинахъ, по которымъ духъ народа всегда недоброжелательно относится къ нововведенію желѣзныхъ дорогъ; можетъ быть, я упустилъ нѣкоторыя причины, но несомнѣнный фактъ всегдашняго противодѣйствія народнаго духа къ введенію желѣзныхъ дорогъ существуетъ во всей своей силѣ. Народъ примиряется съ ними только въ той мѣрѣ, въ которой, испытавъ соблазнъ желѣзныхъ дорогъ, онъ самъ дѣлается участникомъ этой эксплоатаціи. Настоящій народъ, т.-е. народъ прямо, непосредственно работающій и живущій плодотворно, народъ преимущественно земледѣлецъ, $^9/_{10}$ всего народа, безъ которыхъ бы немыслимъ былъ никакой прогрессъ, всегда враждебно относится къ нимъ. Итакъ, вѣрующіе въ прогрессъ, малая часть общества, говорятъ, что желѣзныя дороги есть увеличеніе благосостоянія народа, большая часть общества говоритъ, что это есть уменьшеніе его.

Такое противодѣйствіе прогрессу со стороны народа мы могли бы провѣрить и объяснить въ каждомъ проявленіи прогресса, но мы ограничимся приведенными примѣрами и постараемся отвѣтить на естественно представляющійся вопросъ: нужно ли вѣрить этому противодѣйствію народа? Вы говорите, скажутъ намъ, что недовольны желѣзными дорогами мужики-земледѣльцы, проводящіе жизнь на полатяхъ, въ курной избѣ или за сохою, сами ковыряющіе сабѣ лапти и ткущіе себѣ рубахи, никогда не читавшіе ни одной книги, разъ въ двѣ недѣли снимающіе съ насѣкомыми рубаху, по солнышку и по пѣтухамъ узнающіе время и не имѣющіе другихъ потребностей, какъ лошадиная работа, спанье, ѣда и пьянство. «Это не люди, а животныя,—скажутъ и подумаютъ прогрессисты,—и потому мы считаемъ себя въ правѣ не обращать вниманія на ихъ мнѣніе и дѣлать для нихъ то самое, что̀ мы нашли хорошимъ для себя». Такое мнѣніе, ежели и не высказанное, всегда лежитъ въ основаніи разсужденій прогрессистовъ; но я полагаю, что эти люди, называемые дикими, и цѣлыя поколѣнія этихъ дикихъ суть точно такіе же люди и точно такое же человѣчество, какъ Пальмерстоны, Оттоны, Бонапарты. Я полагаю, что поколѣнія работниковъ носятъ въ себѣ точно тѣ же человѣческія свойства, и въ особенности свойства искать, гдѣ лучше, какъ рыба—гдѣ глубже, какъ и поколѣнія лордовъ, бароновъ, профессоровъ, банкировъ и т. д. Въ этой мысли подтверждаетъ и мое личное, безъ сомнѣнія, малозначащее, убѣжденіе, состоящее въ томъ, что въ поколѣніяхъ работниковъ лежитъ и больше силы и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ бароновъ, банкировъ и профессоровъ, и, главное, подтверждаетъ меня въ этой мысли то простое наблюденіе, что работникъ точно такъ же саркастически и умно обсуживаетъ барина и смѣется надъ нимъ за то, что онъ не знаетъ—что̀ соха, что̀ сволока, что̀ гречиха, что̀ крупа; когда сѣять овесъ, когда гречу; какъ узнать какой слѣдъ; какъ узнать, тельна ли корова или нѣтъ; и за то, что баринъ живетъ всю жизнь ничего не дѣлая и т. п. Точно такъ же, какъ обсуживаетъ баринъ работника и подтруниваетъ надъ нимъ за то, что тотъ говоритъ табѣ и сабѣ, фитанецъ, плантъ и т. п., и за то, что онъ въ праздникъ напивается, какъ животное, и не знаетъ, какъ разсказать дорогу. То же наблюденіе поражаетъ меня, когда два человѣка, разойдясь между собою, совершенно искренно называютъ другъ друга дураками и подлецами. Еще болѣе поражаетъ меня это наблюденіе въ столкновеніяхъ восточныхъ народовъ съ европейскими. Индійцы считаютъ англичанъ варварами и злодѣями, англичане—индійцевъ; японцы—европейцевъ, европейцы—япон-

цевъ; даже самые прогрессивные народы — французы считаютъ нѣмцевъ тупоголовыми; нѣмцы считаютъ французовъ безмозглыми. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій я вывожу то умозаключеніе, что ежели прогрессисты считаютъ народъ не имѣющимъ права обсуждать своего благосостоянія, и народъ считаетъ прогрессистовъ людьми, озабоченными корыстными личными видами, то изъ этихъ противоположныхъ воззрѣній нельзя вывести справедливости ни той ни другой стороны. И потому я долженъ склониться на сторону народа, на томъ основаніи, что: 1-е, народа больше, чѣмъ общества, и что потому должно предположить, что большая доля правды на сторонѣ народа; 2-е и главное потому, что народъ безъ общества прогрессистовъ могъ бы жить и удовлетворять всѣмъ своимъ человѣческимъ потребностямъ, какъ-то: трудиться, веселиться, любить, мыслить и творить художественныя произведенія (Иліада, русскія пѣсни); прогрессисты же не могли бы существовать безъ народа.

Недавно мы прочли «Исторію цивилизаціи Англіи»—Бокля. Книга эта имѣла великій успѣхъ въ Европѣ (это очень естественно) и огромный успѣхъ въ литературномъ и ученомъ кругѣ въ Россіи—и это для меня непонятно. Бокль анализируетъ законы цивилизаціи и весьма занимательно; но весь интересъ этотъ потерянъ для меня и, кажется, для всѣхъ насъ русскихъ, не имѣющихъ никакихъ основаній предполагать ни то, что мы, русскіе, должны необходимо подлежать тому же закону движенія цивилизаціи, которому подлежатъ и европейскіе народы, ни то, что движеніе впередъ цивилизаціи есть благо. Для насъ, русскихъ, необходимо доказать прежде и то и другое. Мы лично, напримѣръ, считаемъ движеніе впередъ цивилизаціи однимъ изъ величайшихъ насильственныхъ золъ, которому подлежитъ извѣстная часть человѣчества, и самое движеніе это не считаемъ неизбѣжнымъ. Авторъ, такъ сильно возстающій противъ бездоказательныхъ положеній, самъ не доказываетъ намъ, почему весь интересъ исторіи для него заключается въ прогрессѣ цивилизаціи. Для насъ же интересъ этотъ заключается въ прогрессѣ общаго благосостоянія. Прогрессъ же благосостоянія, по нашимъ убѣжденіямъ, не только не вытекаетъ изъ прогресса цивилизаціи, но большею частью противоположенъ ей. Ежели есть люди, которые думаютъ противное, то это должно быть доказано. Доказательствъ же этихъ мы не находимъ ни въ непосредственномъ наблюденіи явленій жизни, ни на страницахъ историковъ, философовъ и публицистовъ. Мы видимъ, напротивъ, что эти люди и г. Марковъ, въ своихъ доводахъ противъ насъ, признаютъ безъ всякаго основанія вопросъ о тождествѣ общаго благосостоянія и цивили-

заціи рѣшеннымъ. Мы сдѣлали отступленіе весьма длинное и, можетъ быть, показавшееся не ведущимъ къ дѣлу только для того, чтобы сказать, что мы не вѣримъ въ прогрессъ, увеличивающій благосостояніе человѣчества, не имѣемъ никакихъ основаній вѣрить въ него и ищемъ и искали въ своей 1-й статьѣ другого мѣрила того, что̀ хорошо и что̀ дурно, кромѣ признанія всего, что̀ есть прогрессъ—хорошимъ и всего, что̀ не есть прогрессъ—дурнымъ. Разъяснивъ этотъ главный скрытый пунктъ нашего разногласія съ г. Марковымъ, мы полагаемъ, съ большинствомъ такъ называемый образованной публики, что отвѣты на пункты статьи *Русскаго Вѣстника* намъ становятся легки и просты.

1) Статья *Русскаго Вѣстника* признаетъ право одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другого на томъ основаніи, что это *естественно*, и что каждое поколѣніе кидаетъ свою горсть въ кучу прогресса. Мы не признавали и не признаемъ этого права, потому что, не считая прогрессъ несомѣнннымъ благомъ, ищемъ другихъ основаній на такое право и полагаемъ, что нашли ихъ. Если бы было доказано, что основанія наши ложны, то мы все-таки не могли бы признать достаточнымъ основаніемъ вѣру въ прогрессъ такъ же, какъ и вѣру въ Магомета или Далай-ламу.

2) Статья *Русскаго Вѣстника* признаетъ право высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе. Мы полагаемъ, что въ предыдущихъ страницахъ достаточно разъяснено, почему вмѣшательство вѣрующихъ въ прогрессъ въ воспитаніе народа несправедливо, но выгодно для высшихъ классовъ, и почему ихъ несправедливость кажется имъ правомъ, какъ казалось *правомъ* крѣпостное право.

3) Статья *Русскаго Вѣстника* думаетъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. Мы думаемъ, что эти слова не имѣютъ смысла, во-первыхъ, потому, что изъять изъ-подъ историческихъ условій нельзя ничего ни на дѣлѣ, ни даже въ мысляхъ. Во-вторыхъ, потому, что ежели открытіе законовъ, на которыхъ строилась и должна строиться школа, есть, по мнѣнію г. Маркова, изъятіе изъ-подъ историческихъ условій, то мы полагаемъ, что наша мысль, открывшая извѣстные законы, дѣйствуетъ тоже въ историческихъ условіяхъ, но что нужно опровеѓнуть или признать самую мысль путемъ мысли для того, чтобы разъяснить ее, а не отвѣчать на нее тою истиною, что мы живемъ въ историческихъ условіяхъ.

4) Статья *Русскаго Вѣстника* думаетъ, что современныя школы ближе отвѣчаютъ потребностямъ времени, чѣмъ средневѣковыя. Мы сожалѣемъ, что подали поводъ г. Маркову доказывать намъ

противное, и охотно сознаемъ, что, доказывая противное, подчинились общей привычкѣ подводить историческіе факты подъ преждепринятую мысль. Г. Марковъ сдѣлалъ то же самое, можетъ быть, удачнѣе или многословнѣе нашего. Мы не хотимъ разбирать этого, откровенно сознаваясь въ своей ошибкѣ. На этомъ поприщѣ можно наговорить такъ много, не убѣдивъ никого!

5) Статья *Русскаго Вѣстника* считаетъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ, только потому, что наше воспитаніе готовитъ людей для прогресса, въ который онъ вѣритъ. Мы же не вѣримъ въ прогрессъ и потому продолжаемъ считать воспитаніе наше вреднымъ.

6) Статья *Русскаго Вѣстника* думаетъ, что полная свобода воспитанія вредна и невозможна. Вредна потому, что намъ нужны люди для прогресса, а не просто люди, и невозможна потому, что у насъ есть готовыя программы для воспитанія людей прогресса, а нѣтъ программы для воспитанія просто людей.

7) Авторъ думаетъ, что устройство Яснополянской школы противорѣчитъ убѣжденіямъ редактора. Въ этомъ, какъ въ дѣлѣ личномъ, мы согласны, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ знаетъ, какъ сильно вліяніе историческихъ условій, и потому долженъ знать, что Яснополянская школа подлежитъ дѣйствію двухъ силъ—убѣжденію совершенно крайнему, по мнѣнію автора, и историческимъ условіямъ, т.-е. воспитанію учителей, средствамъ и т. д., и, несмотря на то, школа могла достигнуть только весьма малой степени свободы и, вслѣдствіе того, преимущества предъ другими школами. Что же бы было, если бъ убѣжденія эти не были крайни, какъ они кажутся автору? Авторъ говоритъ, что успѣхъ школы зависитъ отъ любви. Но любовь не случайна. Любовь можетъ быть только при свободѣ. Во всѣхъ школахъ, основанныхъ съ убѣжденіями Ясной Поляны, повторялось то же явленіе: учитель влюблялся въ свою школу; а я знаю, что тотъ же учитель, со всевозможною идеализаціей, не могъ бы влюбиться въ школу, гдѣ сидятъ на лавкахъ, ходятъ по звонкамъ и сѣкутъ по субботамъ.

и 8) наконецъ авторъ не согласенъ съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія. Вотъ гдѣ мы обязаны высказать недосказанное. Мнѣ кажется, что было бы гораздо справедливѣе со стороны автора, ежели бы, не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе, онъ потрудился опровергнуть наше опредѣленіе. Но онъ этого не сдѣлалъ, онъ и не взглянулъ на него, назвалъ его натяжкой и далъ свое опредѣленіе—прогрессъ—и вслѣдствіе того учить сообразно потребностямъ времени. Все, что̀ мы написали о прогрессѣ, написано только затѣмъ, чтобы вызвать людей

на возраженіе. А то съ ними не спорятъ, а говорятъ: зачѣмъ инстинктъ, потребность равенства и весь этотъ наборъ словъ, когда есть возрастающая куча?

Но мы не вѣримъ въ прогрессъ и потому не можемъ удовольствоваться кучей. Ежели бы мы и вѣрили, мы сказали бы: хорошо, цѣль есть учить сообразно потребностямъ времени, бросать въ кучу; мы бы согласились, что мать учитъ ребенка, намѣренно стараясь передать знанія, какъ говоритъ г. Марковъ. Но зачѣмъ?—спросилъ бы я и имѣлъ бы право ожидать отвѣта. Человѣкъ дышитъ. Но зачѣмъ?—спрашиваю я. И мнѣ не отвѣчаютъ, что онъ дышитъ потому, что дышитъ, а отвѣчаютъ—для того, чтобы пріобрѣсти нужный кислородъ и выбросить ненужные газы. И опять я спрашиваю: зачѣмъ кислородъ? И физіологъ видитъ смыслъ такого вопроса и отвѣчаетъ на него: затѣмъ, чтобы получить тепло. Зачѣмъ тепло?—спрашиваю я. И тутъ онъ отвѣчаетъ или пытается отвѣтить, и ищетъ, и знаетъ, что чѣмъ рѣшеніе такого вопроса общѣе, тѣмъ богаче оно будетъ выводами. Мы же спрашиваемъ: зачѣмъ одинъ учитъ другого? Кажется, нѣтъ болѣе близкаго вопроса для педагога. И мы отвѣчаемъ, можетъ быть, неправильно, бездоказательно, но вопросъ и отвѣтъ категоричны. Г. Марковъ (я не нападаю на г. Маркова,—всякій, вѣрующій въ прогрессъ, такъ же отвѣтитъ) не только не отвѣчаетъ на нашъ вопросъ, но онъ не въ состояніи видѣть его. Для него нѣтъ этого вопроса,—это пустая натяжка, на которую, для забавы, онъ проситъ читателя обратить особенное вниманіе. А въ этомъ вопросѣ и отвѣтѣ лежитъ вся сущность того, что́ я говорилъ, писалъ и думалъ о педагогикѣ. И г. Марковъ и публика, согласная съ г. Марковымъ, умные, образованные, привыкшіе разсуждать люди; отчего вдругъ такая непонятливость? *Прогрессъ.* — Сказано слово *прогрессъ*, — и безсмыслица кажется яснымъ, и ясное кажется безсмыслицею. Благость прогресса я не признаю, пока мнѣ не докажутъ ея, и потому, наблюдая явленіе образованія, мнѣ необходимо опредѣленіе образованія, и я вновь повторяю и разъясняю сказанное: *образованіе есть дѣятельность человѣка, имѣющая своимъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный* законъ движенія впередъ образованія.

Какъ мы сказали уже, для изученія законовъ образованія мы употребляемъ не метафизическій методъ, а методъ выводовъ изъ наблюденій. Мы наблюдаемъ явленія образованія въ самомъ общемъ смыслѣ, включающемъ въ себѣ и воспитаніе. Въ каждомъ явленіи образованія мы видимъ двухъ дѣятелей — образовывающаго и образовывающагося, воспитателя и воспи-

танника. Для того, чтобы изучить явленія образованія, какъ мы его понимаемъ, найти его опредѣленіе и критеріумъ, намъ необходимо изучить какъ ту, такъ и другую дѣятельность, найти причину совокупляющую эти двѣ дѣятельности въ одно явленіе, называемое образованіе или воспитаніе. Разсмотримъ сначала дѣятельность образовывающагося и причины ея. Дѣятельность образовывающагося, какъ бы, гдѣ бы и чему бы онъ ни учился (даже, если бъ онъ одинъ читалъ книги), всегда заключается только въ томъ, чтобъ усвоить себѣ образъ, форму или содержапіе мысли того человѣка или тѣхъ людей, которыхъ онъ считаетъ знающими больше себя. Какъ скоро онъ, по знанію, уравнивается со своими образователями, какъ скоро онъ не считаетъ своихъ образователей выше себя по знанію ,— такъ дѣятельность образованія, со стороны образовывающагося, невольно прекращается, и никакія условія не могутъ заставить его продолжать ее. Одинъ человѣкъ не можетъ учиться у другого, когда тотъ человѣкъ, который учится, знаетъ столько же, сколько и тотъ человѣкъ, который учитъ. Учитель ариѳметики, не знающій алгебры, невольно прекращаетъ свое ученіе ариѳметики, какъ скоро ученикъ его вполнѣ усвоилъ себѣ знаніе ариѳметики. Кажется безполезно доказывать, что какъ скоро знанія учителя и ученика уравнялись, такъ дѣятельность ученія, воспитанія въ общемъ смыслѣ образованія неминуемо прекращается между этими ученикомъ и учителемъ, и начинается новая дѣятельность, состоящая или въ томъ, что тотъ же учитель открываетъ ученику новую перспективу знаній, усвоенныхъ имъ, но неизвѣстныхъ ученику, по той или по другой отрасли наукъ, и образованіе продолжается до тѣхъ только поръ, пока ученикъ не уравняется съ учителемъ; или въ томъ, что, сравнявшись съ учителемъ въ знаніи ариѳметики, ученикъ бросаетъ учителя и беретъ книгу, въ которой учится алгебрѣ. Въ этомъ случаѣ книга или авторъ книги представляется новымъ учителемъ и дѣятельность образованія продолжается только до тѣхъ поръ, пока ученикъ не уравняется съ книгой или съ авторомъ книги. И опять дѣятельность образованія прекращается немедленно при достиженіи равенства въ знаніи. Истину эту, которая можетъ быть провѣрена во всевозможныхъ случаяхъ образованія, кажется безполезно доказывать. Изъ этихъ наблюденій и соображеній мы заключаемъ, что дѣятельность образованія, разсматриваемая только со стороны образовывающагося, имѣетъ своимъ основаніемъ стремленіе образовывающагося къ равенству въ знаніи съ образовывающимъ. Истина эта доказывается тѣмъ простымъ наблюденіемъ, что какъ

скоро равенство достигнуто, такъ немедленно и неминуемо прекращается самая дѣятельность, и еще другимъ, болѣе простымъ наблюденіемъ, что во всякомъ образованіи замѣтно это достиженіе большей или меньшей степени равенства. Хорошее или дурное образованіе всегда и вездѣ, во всемъ родѣ человѣческомъ, опредѣляется только тѣмъ, медленно или скоро достигается равенство между учащимъ и учащимся: чѣмъ медленнѣе, тѣмъ хуже; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Истина эта такъ проста и очевидна, что доказывать ее нѣтъ надобности. Но необходимо доказать, почему эта простая истина никому не приходитъ въ голову, никѣмъ не высказывается и встрѣчаетъ озлобленное противодѣйствіе, когда бываетъ высказана. Причины эти слѣдующія: кромѣ главнаго основанія всякаго образованія, вытекающаго изъ самой сущности дѣятельности образованія — стремленія къ равенству знанія, въ гражданскомъ обществѣ сложились другія причины, побуждающія къ образованію. Эти причины кажутся столь настоятельными, что педагоги имѣютъ въ виду только ихъ, упуская изъ виду главное основаніе. Разсматривая теперь только дѣятельность образовывающагося, мы найдемъ много кажущихся основаній къ образованію, кромѣ того существеннаго, которое мы высказали. Невозможность допустить эти основанія легко можетъ быть доказана. Ложныя, но ощутительныя эти основанія слѣдующія: первое и самое употребительное — ребенокъ учится для того, чтобы не быть наказаннымъ. Второе—ребенокъ учится для того, чтобы быть награжденнымъ. Третье—ребенокъ учится для того, чтобы быть лучше другихъ. Четвертое—ребенокъ или молодой человѣкъ учится для того, чтобы получить выгодное положеніе въ свѣтѣ. Эти основанія, признаваемыя всѣми, могутъ быть подведены подъ три главные разряда: 1) ученіе на основаніи послушанія, 2) ученіе на основаніи самолюбія и 3) ученіе на основаніи матеріальныхъ выгодъ и честолюбія. И въ самомъ дѣлѣ, на основаніи этихъ трехъ разрядовъ строились и строятся различныя педагогическія школы. Протестантскія— на послушаніи; католическія іезуитскія — на основаніи соревнованія и самолюбія; наши россійскія — на основаніи матеріальныхъ выгодъ, гражданскихъ преимуществъ и честолюбія.

Неосновательность этихъ побудительныхъ причинъ очевидна. Во-первыхъ, въ дѣйствительности, по общему недовольству всѣхъ существующими на такихъ основаніяхъ образовательными заведеніями. Во-вторыхъ, по той причинѣ, которую я высказывалъ десять разъ и буду высказывать до тѣхъ поръ, пока

мнѣ на нее не отвѣтятъ, что при такихъ основаніяхъ (послушаніе, самолюбіе и матеріальныя выгоды) нѣтъ общаго критеріума педагогики, — богословъ и естественникъ одновременно считаютъ свои школы непогрѣшительными и не-свои школы — положительно вредными. Въ-третьихъ, наконецъ, потому, что, принимая за основаніе дѣятельности образовывающагося послушаніе, самолюбіе и матеріальныя выгоды, становится невозможнымъ опредѣленіе образованія. Допустивъ, что равенство знанія есть цѣль дѣятельности образовывающагося, я вижу, что съ достиженіемъ цѣли прекращается самая дѣятельность; но, допустивъ цѣлью послушаніе, самолюбіе и матеріальныя выгоды, я вижу, напротивъ, что какъ бы послушенъ ни сдѣлался образовывающійся, какъ бы ни превзошелъ онъ всѣхъ другихъ своими достоинствами, какихъ бы онъ ни достигъ матеріальныхъ выгодъ и гражданскихъ правъ, — цѣль его нисколько не достигнута, и возможность дѣятельности и образованія не прекращается. Я вижу, въ дѣйствительности, что цѣль образованія, допуская такія ложныя основанія его, никогда не достигается, т.-е. не пріобрѣтается равенство знанія, а пріобрѣтается, независимо отъ образованія, привычка послушанія, раздраженное самолюбіе и матеріальныя выгоды. Постановленіе этихъ ложныхъ основаній образованію объясняетъ мнѣ всѣ ошибки педагогики и вытекающую изъ нихъ несоотвѣтственность результатовъ образованія съ присущими человѣку требованіями отъ него.

Разсмотримъ теперь дѣятельность образовывающаго. Точно такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, наблюдая это явленіе въ гражданскомъ обществѣ, мы найдемъ много разнообразныхъ причинъ этой дѣятельности. Причины эти можно подвести подъ слѣдующіе разряды, первое и главное — желаніе сдѣлать людей такими, которые бы были для насъ полезны (помѣщики, отдававшіе дворовыхъ въ ученье и въ музыканты; правительство, приготавливающее для себя офицеровъ, чиновниковъ и инженеровъ). Второе — тоже послушаніе и матеріальныя выгоды, которыя заставляютъ ученика университета за извѣстное вознагражденіе учить дѣтей по извѣстной программѣ. Третье — самолюбіе, побуждающее человѣка учить, чтобы высказать свое знаніе; и четвертое — желаніе сдѣлать другихъ людей участниками въ своихъ интересахъ, передать имъ свои убѣжденія и съ этою цѣлью передать имъ свои знанія. Мнѣ кажется, что подъ эти четыре разряда подходитъ вся дѣятельность образовывающаго, отъ дѣятельности матери, учащей говорить своего ребенка, и гувернера, за извѣстную плату обу-

чающаго французскому языку, до профессора и писателя. Прикладывая къ этимъ разрядамъ то же мѣрило, которое мы прикладывали къ основаніямъ дѣятельности образовывающагося, мы найдемъ: 1) Дѣятельность, имѣющая своею цѣлью приготовить полезныхъ для себя людей, какъ бывшіе помѣщики и правительство, не прекращается съ достиженіемъ цѣли; слѣдовательно, она не есть ея конечная цѣль. Правительство и помѣщики могли бы еще далѣе продолжить свою дѣятельность образованія. Очень часто даже достиженіе цѣли полезности не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ, такъ что мѣриломъ дѣятельности образовывающаго я не могу признать полезность. 2) Ежели признать основаніемъ дѣятельности учителя гимназіи или гувернера — послушаніе тому, кто поручилъ ему образованіе, и матеріальныя выгоды, которыя онъ пріобрѣтаетъ отъ этой дѣятельности, — я опять вижу, что съ пріобрѣтеніемъ наибольшаго количества матеріальныхъ выгодъ дѣятельность образованія не прекращается. Напротивъ того, я вижу что пріобрѣтеніе большихъ матеріальныхъ выгодъ, платимыхъ за образованіе, часто совершенно независимо отъ степени даваемаго образованія. 3) Ежели допустить, что самолюбіе и желаніе выказать свое знаніе могутъ служить цѣлью образованія, то я опять вижу, что достиженіе высшей похвалы за свои лекціи или за свою книгу не прекращаетъ дѣятельности образованія, ибо похвала образователю можетъ быть независима отъ степени пріобрѣтенія знаній образовывающимся. Я вижу, напротивъ, что похвала можетъ быть расточаема людьми, не усвояющими себѣ образованія. 4) Разсматривая, наконецъ, эту послѣднюю цѣль образованія, я вижу, что ежели дѣятельность образователя направлена на то, чтобъ уравнять съ собою знанія образовывающагося, то дѣятельность образователя тотчасъ же прекращается, какъ скоро онъ достигаетъ своей цѣли. И въ самомъ дѣлѣ, прилагая это опредѣленіе къ дѣйствительности, я вижу, что всѣ другія причины суть только внѣшнія, жизненныя явленія, затемняющія основную цѣль всякаго образователя. Прямая цѣль учителя ариѳметики заключается только въ томъ, чтобы ученикъ его усвоилъ себѣ всѣ тѣ законы математическаго мышленія, которыми владѣетъ онъ самъ. Цѣль учителя французскаго языка, цѣль учителя химіи и философіи одна и та же; и какъ скоро цѣль эта достигнута, такъ и прекращается дѣятельность. Только то ученіе вездѣ и во всѣхъ вѣкахъ считали хорошимъ, при которомъ ученикъ вполнѣ сравнивался съ учителемъ, — и чѣмъ болѣе — тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе — тѣмъ хуже. Точно то же явленіе замѣчаемъ въ литера-

турѣ, въ этомъ посредственномъ способѣ образованія. Только тѣ книги считаемъ мы хорошими, въ которыхъ авторъ или образователь передаетъ все свое знаніе читателю или образовывающемуся.

Итакъ, наблюдая явленія образованія, какъ совокупную дѣятельность образовывающаго и образовывающагося, мы видимъ, что дѣятельность эта имѣетъ своимъ основаніемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одно и то же, — стремленіе человѣка къ равенству знаній. Въ опредѣленіи, сдѣланномъ нами прежде, мы высказали это, только не присовокупивъ, что мы подъ равенствомъ разумѣли равенство знаній. Мы прибавили, однако: стремленіе къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Г. Марковъ не понялъ ни того, ни другого и очень удивился — къ чему тутъ неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія? Законъ движенія впередъ образованія значитъ только то, что такъ какъ образованіе есть стремленіе людей къ равенству знаній, то равенство это не можетъ быть достигнуто на низшей, а можетъ быть достигнуто только на высшей ступени знанія, по той простой причинѣ, что ребенокъ можетъ узнать то, что̀ я знаю, а я не могу забыть того, что̀ я знаю; — и еще потому, что мнѣ можетъ быть извѣстенъ образъ мысли прошедшихъ поколѣній, — а прошедшимъ поколѣніямъ не можетъ быть извѣстенъ мой образъ мысли. Это я называю неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Итакъ, на всѣ пункты г. Маркова я отвѣчаю только слѣдующее: во-первыхъ, доказывать нельзя тѣмъ, что все идетъ къ лучшему, — нужно прежде доказать — идетъ ли все къ лучшему или нѣтъ; во-вторыхъ, то, что образованіе есть только та дѣятельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность человѣка къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Я старался только вывести г. Маркова изъ плоскости безполезныхъ историческихъ разсужденій и объяснить то, чего онъ не понялъ.

Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ?

Въ 4-й книжкѣ *Ясной Поляны*, въ отдѣлѣ дѣтскихъ сочиненій, напечатана по ошибкѣ редакціи «Исторія о томъ, какъ мальчика напугали въ Тулѣ». Исторійка эта сочинена не мальчикомъ, но составлена учителемъ изъ видѣннаго имъ и разсказаннаго мальчикомъ сна. Нѣкоторые изъ читателей, слѣдящіе за книжками *Ясной Поляны*, выразили сомнѣніе въ томъ, что дѣйствительно ли повѣсть эта принадлежитъ ученику. Я спѣшу извиниться передъ читателями въ этой неосмотрительности и при этомъ случаѣ замѣтить, какъ невозможны поддѣлки въ этомъ родѣ. Повѣсть эта узнана не потому, что она лучше, а потому, что она хуже, несравненно хуже *всѣхъ* дѣтскихъ сочиненій. Всѣ остальныя повѣсти принадлежатъ самимъ дѣтямъ. Двѣ изъ нихъ: «Ложкой кормитъ, а стеблемъ глазъ колетъ» и «Солдаткино житье», составились слѣдующимъ образомъ.

Главное искусство учителя при изученіи языка и главное упражненіе съ этой цѣлью въ руководствѣ дѣтей къ сочиненіямъ состоитъ въ задаваніи темъ, и не столько въ задаваніи, сколько въ предоставленіи большаго выбора, въ указаніи размѣра сочиненія, въ показаніи первоначальныхъ пріемовъ. Многіе умные и талантливые ученики писали пустяки, писали: «пожаръ загорѣлся, стали таскать, а я вышелъ на улицу»,—и ничего не выходило, несмотря на то, что сюжетъ сочиненія былъ богатый и что описываемое оставило глубокое впечатлѣніе на ребенкѣ. Они не понимали главнаго: зачѣмъ писать, и что хорошаго въ томъ, чтобы написать? Не понимали искусства выраженія жизни въ словѣ и увлекательности этого искусства. Я, какъ уже писалъ въ 2-мъ №, пробовалъ много различныхъ пріемовъ задаванія сочиненій. Я задавалъ, смотря по наклонностямъ, точныя,

художественныя, трогательныя, смѣшныя, эпическія темы сочиненій, — дѣло не шло. Вотъ какъ я нечаянно попалъ въ настоящій пріемъ.

Давно уже чтеніе сборника пословицъ Снегирева составляетъ для меня одно изъ любимыхъ не занятій, но наслажденій. На каждую пословицу мнѣ представляются лица изъ народа и ихъ столкновенія въ смыслѣ пословицы. Въ числѣ неосуществимыхъ мечтаній мнѣ всегда представляется рядъ не то повѣстей, не то картинъ, написанныхъ на пословицы. Одинъ разъ, прошлой зимой, я зачитался послѣ обѣда книгой Снегирева и съ книгой же пришелъ въ школу. Былъ классъ русскаго языка.

— Ну-ка, напишите кто на пословицу, — сказалъ я.

Лучшіе ученики — Ѳедька, Семка и другіе навострили уши.

— Какъ на пословицу, что такое? скажите намъ? — посыпались вопросы.

Открылась пословица: *ложкой кормитъ, стеблемъ глазъ колетъ.*

— Вотъ, вообрази себѣ, — сказалъ я, — что мужикъ взялъ къ себѣ какого-нибудь нищаго, а потомъ, за свое добро, его попрекать сталъ, — и выйдетъ къ тому, что «ложкой кормитъ, стеблемъ глазъ колетъ».

— Да ее какъ напишешь? — сказали Ѳедька и всѣ другіе, навострившіе было уши, но вдругъ отшатнулись, убѣдившись, что это дѣло не по ихъ силамъ, и принялись за свои, прежде начатыя, работы.

— Ты самъ напиши, — сказалъ мнѣ кто-то.

Всѣ были заняты дѣломъ; я взялъ перо и чернильницу и сталъ писать.

— Ну, — сказалъ я, — кто лучше напишетъ? и я съ вами.

Я началъ повѣсть, напечатанную въ 4-й книжкѣ *Ясной Поляны*, и написалъ первую страницу. Всякій непредубѣжденный человѣкъ, имѣющій чувство художественности и народности, прочтя эту первую, писанную мною, и слѣдующія страницы повѣсти, писанныя самими учениками, отличитъ эту страницу отъ другихъ, какъ муху въ молокѣ: такъ она фальшива, искусственна и написана такимъ плохимъ языкомъ. Надо замѣтить, что въ первоначальномъ видѣ она была еще уродливѣе и много исправлена, благодаря указанію учениковъ.

Ѳедька изъ-за своей тетрадки все поглядывалъ на меня и, встрѣтившись со мной глазами, улыбаясь, подмигивалъ и говорилъ: «пиши, пиши, я те задамъ». Его, видимо, занимало,

какъ большой тоже сочиняетъ. Кончивъ свое сочиненіе хуже и скорѣе обыкновеннаго, онъ взлѣзъ на спинку моего кресла и сталъ читать изъ-за плеча. Я не могъ уже продолжать; другіе подошли къ намъ, и я прочелъ имъ вслухъ написанное: имъ не понравилось, никто не похвалилъ. Мнѣ было совѣстно и, чтобы успокоить свое литературное самолюбіе, я сталъ разсказывать имъ свой планъ послѣдующаго. По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ, я увлекался, поправлялся, и они стали подсказывать мнѣ: кто говорилъ, что старикъ этотъ будетъ колдунъ; кто говорилъ: нѣтъ, не надо, — онъ будетъ просто солдатъ; нѣтъ, лучше пускай онъ ихъ обокрадетъ; нѣтъ, это будетъ не къ пословицѣ, и тому подобное говорили они.

Всѣ были чрезвычайно заинтересованы. Для нихъ, видимо, было ново и увлекательно присутствовать при процессѣ сочинительства и участвовать въ немъ. Сужденія ихъ были, большею частью, одинаковы и вѣрны какъ въ самой постройкѣ повѣсти, такъ и въ самыхъ подробностяхъ и въ характеристикахъ лицъ. Всѣ почти принимали участіе въ сочинительствѣ; но съ самаго начала въ особенности рѣзко выдѣлились положительный Семка— рѣзкою художественностью описанія и Ѳедька — вѣрностью поэтическихъ представленій и въ особенности пылкостью и поспѣшностью воображенія. Требованія ихъ были до такой степени не случайны и опредѣленны, что не разъ я начиналъ съ ними спорить и долженъ былъ уступать. У меня крѣпко сидѣли въ головѣ требованія правильности постройки и вѣрности отношенія мысли пословицы къ повѣсти: у нихъ, напротивъ, были только требованія художественной правды. Я хотѣлъ, напримѣръ, чтобы мужикъ, взявшій въ домъ старика, самъ бы раскаялся въ своемъ добромъ дѣлѣ — они не считали это невозможнымъ и создали сварливую бабу. Я говорилъ: мужику стало сначала жалко старика, а потомъ хлѣба жалко стало. Ѳедька отвѣчалъ, что это будетъ не складно: «Онъ съ перваго начала бабы не послушался и послѣ уже не покорится». — Да какой онъ, потвоему, человѣкъ? — спросилъ я. «Онъ, какъ дядя Тимоѳей, — сказалъ Ѳедька, улыбаясь: — такъ бородка рѣденькая, въ церковь ходитъ и пчелы у него есть». — Добрый, но упрямый? — сказалъ я. «Да, — сказалъ Ѳедька: — ужъ онъ не станетъ бабы слушать». Съ того мѣста, какъ старика внесли въ избу, началась одушевленная работа. Тутъ, очевидно, они въ первый разъ почувствовали прелесть запечатлѣнія словомъ художественной подробности. Въ этомъ отношеніи въ особенности отличался Семка: подробности самыя вѣрныя сыпались одна за другою. Единственный упрекъ, который можно было ему сдѣлать, былъ

тотъ, что подробности эти обрисовывали только минуту настоящаго безъ связи къ общему чувству повѣсти. Я не успѣвалъ записывать и только просилъ ихъ подождать и не забывать сказаннаго. Семка, казалось, видѣлъ и описывалъ находящееся предъ его глазами: закоченѣлые, замерзлые лапти и грязь, которая стекла съ нихъ, когда они растаяли, и сухари, въ которые они превратились, когда баба бросила ихъ въ печку; Ѳедька, напротивъ, видѣлъ только тѣ подробности, которыя вызывали въ немъ то чувство, съ которымъ онъ смотрѣлъ на извѣстное лицо. Ѳедька видѣлъ снѣгъ, засыпавшійся старику за онучи, чувство сожалѣнія, съ которымъ мужикъ сказалъ: «Господи, какъ онъ шелъ!» (Ѳедька даже въ лицахъ представилъ, какъ это сказалъ мужикъ, размахнувши руками и покачавши головою.) Онъ видѣлъ изъ лоскутьевъ собранную шинелишку и прорванную рубашку, изъ-подъ которой виднѣлось худое, смоченное растаявшимъ снѣгомъ, тѣло старика: онъ придумалъ бабу, которая ворчливо, по приказанію мужа, сняла съ него лапти, и жалобный стонъ старика, сквозь зубы говорящаго: «тише, матушка, у меня тутъ раны». Семкѣ нужны были преимущественно объективные образы: лапти, шинелишка, старикъ, баба, почти безъ связи между собою. Ѳедькѣ нужно было вызвать чувство жалости, которымъ онъ самъ былъ проникнутъ.

Онъ забѣгалъ впередъ, говорилъ о томъ, какъ будутъ кормить старика, какъ онъ упадетъ ночью, какъ потомъ будетъ въ полѣ учить грамотѣ мальчика, такъ что я долженъ былъ просить его не торопиться и не забывать того, что онъ сказалъ. Глаза у него блестѣли почти слезами; черныя, худенькія ручонки судорожно корчились; онъ сердился на меня и безпрестанно понукалъ: «написалъ, написалъ?» все спрашивалъ онъ меня. Онъ деспотически-сердито обращался со всѣми другими, ему хотѣлось говорить только одному, — и не говорить, какъ разсказываютъ, а говорить, какъ пишутъ, т.-е. художественно запечатлѣвать словомъ образы чувства; онъ не позволялъ, напримѣръ, перестанавливать словъ, скажетъ: *у меня на ногахъ раны*, то ужъ не позволяетъ сказать: *у меня раны на ногахъ*. Размягченная и раздраженная его въ это время душа чувствомъ жалости, т.-е. любви, облекала всякій образъ въ художественную форму и отрицала все, что̀ не соотвѣтствовало идеѣ вѣчной красоты и гармоніи. Какъ только Семка увлекался высказываніемъ непропорціональныхъ подробностей о ягнятахъ въ конникѣ и т. п., Ѳедька сердился и говорилъ: «ну тебя, ужъ наладилъ!» Стоило мнѣ только намекнуть о томъ, напримѣръ, что дѣлалъ мужикъ, какъ жена убѣжала къ куму, и въ воображеніи Ѳедьки

тотчасъ возникла картина съ ягнятами, бякующими въ конникѣ, со вздохами старика и бредомъ мальчика Сережки; стоило мнѣ только намекнуть на картину искусственную и ложную, какъ онъ тотчасъ же сердито говорилъ, что этого не надо. Я предложилъ, напримѣръ, описать наружность мужика, — онъ согласился; но на предложеніе описать то, что̀ думалъ мужикъ, когда жена бѣгала къ куму, ему тотчасъ же представился оборотъ мысли: эхъ, напалась бы ты на Савоську покойника, тотъ бы те космы-то повыдергалъ! И онъ сказалъ это такимъ усталымъ и спокойно привычно-серьезнымъ и вмѣстѣ добродушнымъ тономъ, облокотивъ голову на руку, что ребята покатились со смѣху. Главное свойство во всякомъ искусствѣ — чувство мѣры — было развито въ немъ необычайно. Его коробило отъ всякой лишней черты, подсказываемой кѣмъ-нибудь изъ мальчиковъ. Онъ такъ деспотически, и съ правомъ на этотъ деспотизмъ, распоряжался постройкою повѣсти, что скоро мальчики ушли домой и остался только онъ съ Семкою, который не уступалъ ему, хотя и работалъ въ другомъ родѣ. Мы работали съ 7 до 11 часовъ; они не чувствовали ни голода ни усталости и еще разсердились на меня, когда я пересталъ писать; взялись сами писать по перемѣнкамъ, но скоро бросили; дѣло не пошло. Тутъ только Ѳедька спросилъ у меня, какъ меня звать. Мы засмѣялись, что онъ не знаетъ. «Я знаю, — сказалъ онъ, — какъ васъ звать, да дворъ-то вашъ какъ зовутъ? Вотъ у насъ Фоканычевы, Зябревы, Ермилины». Я сказалъ ему. «А печатывать будемъ?» спросилъ онъ. — Да. — «Такъ напечатывать надо: сочиненія Макарова, Морозова и Толстова». Онъ долго былъ въ волненіи и не могъ заснуть, и я не могу передать того чувства волненія, радости, страха и почти раскаянія, которыя я испытывалъ въ продолженіе этого вечера. Я чувствовалъ, что съ этого дня для него раскрылся новый міръ наслажденій и страданій — міръ искусства; мнѣ казалось, что я подсмотрѣлъ то, что̀ никто никогда не имѣетъ права видѣть — зарожденіе таинственнаго цвѣтка поэзіи. Мнѣ и страшно и радостно было, какъ искателю клада, который бы увидалъ цвѣтъ папоротника, — радостно мнѣ было потому, что вдругъ, совершенно неожиданно, открылся мнѣ тотъ философскій камень, котораго я тщетно искалъ два года — искусство учить выраженію мыслей: страшно потому, что это искусство вызывало новыя требованія, цѣлый міръ желаній, несоотвѣтственный средѣ, въ которой жили ученики, какъ мнѣ казалось въ первую минуту. Ошибиться нельзя было. Это была не случайность, но сознательное творчество. Я прошу читателей прочесть первую главу повѣсти и замѣтить то богатство

разсыпанныхъ въ ней чертъ истиннаго творческаго таланта; напримѣръ, черта, что баба со злобой жалуется куму на мужа, и, несмотря на то, эта баба, къ которой авторъ имѣетъ явное несочувствіе, плачетъ, когда кумъ напоминаетъ ей о разореніи дома. Для сочинителя, пишущаго однимъ умомъ и воспоминаніемъ, сварливая баба представляетъ только противоположность мужика: она, изъ одного желанія досадить мужу, должна бы была приглашать кума; но у Ѳедьки художественное чувство захватываетъ и бабу, — и она тоже плачетъ, боится и страдаетъ, она въ его глазахъ не виновата. Вслѣдъ за тѣмъ побочная черта, что кумъ надѣлъ бабью шубенку, я помню, до такой степени поразила меня, что я спросилъ: почему же именно бабью шубенку? Никто изъ насъ не наводилъ Ѳедьку на мысль о томъ, чтобы сказать, что кумъ надѣлъ на себя шубу. Онъ сказалъ: «такъ, похоже». Когда я спросилъ: можно ли было сказать, что онъ надѣлъ мужскую шубу? — онъ сказалъ: «нѣтъ, лучше бабью». И въ самомъ дѣлѣ, черта эта необыкновенна. Сразу не догадаешься, почему именно бабью шубенку, — а вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь, что это превосходно и что иначе быть не можетъ. Каждое художественное слово, принадлежитъ ли оно Гёте или Ѳедькѣ, тѣмъ-то и отличается отъ нехудожественнаго, что вызываетъ безчисленное множество мыслей, представленій и объясненій. Кумъ, въ бабьей шубенкѣ, невольно представляется вамъ тщедушнымъ, узкогрудымъ мужикомъ, каковъ онъ, очевидно, и долженъ быть. Бабья шубенка, валявшаяся на лавкѣ и первая попавшаяся ему подъ руку, представляетъ вамъ еще и весь зимній и вечерній быть мужика. Вамъ невольно представляются, по случаю шубенки, и позднее время, во время котораго мужикъ сидитъ при лучинѣ раздѣвшись, и бабы, которыя входили и выходили за водой и убирать скотину, и вся эта внѣшняя безурядица крестьянскаго житья, гдѣ ни одинъ человѣкъ не имѣетъ ясно опредѣленной одежды и ни одна вещь своего опредѣленнаго мѣста. Однимъ этимъ словомъ: «надѣлъ бабью шубенку», отпечатанъ весь характеръ среды, въ которой происходитъ дѣйствіе, и слово это сказано не случайно, а сознательно. Помню я еще живо, какъ возникли въ его воображеніи слова, сказанныя мужикомъ при томъ какъ онъ нашелъ бумагу и не могъ прочесть ея. — «Вотъ зналъ бы мой Сережа грамотѣ, онъ бы живо подскочилъ, вырвалъ бы изъ моихъ рукъ бумагу, все бы прочелъ и разсказалъ бы мнѣ, кто такой этотъ старикъ есть». Такъ и видится это отношеніе рабочаго человѣка къ книгѣ, которую онъ держитъ въ своихъ загорѣлыхъ рукахъ; весь этотъ добрый человѣкъ съ патріархальными, набожными наклонностями такъ и возстаетъ предъ вами.

Вы чувствуете, что авторъ глубоко полюбилъ и потому понялъ всего его для того, чтобы вложить ему вслѣдъ за этимъ отступленіе о томъ, что нынче какія времена пришли — того и гляди ни за что душу загубятъ. Мысль сна подана была мною, но сдѣлать козла съ ранами на ногахъ была Ѳедькина мысль, и онъ въ особенности обрадовался ей. А размышленіе мужика въ то время, какъ у него засвербѣла спина, а картина тишины ночи, — все это до такой степени не случайно, во всѣхъ этихъ чертахъ чувствуется такая сознательная сила художника!.. Помню я еще, что во время засыпанія мужика я предложилъ заставить думать его о будущности сына и о будущихъ отношеніяхъ сына со старикомъ, что старикъ выучитъ Сережку грамотѣ и т. д. Ѳедька поморщился, сказалъ: «да, да, хорошо», — но видно было, что предложеніе это ему не нравилось, и онъ два раза забывалъ его. Чувство мѣры быдо въ немъ такъ сильно, какъ ни у одного изъ извѣстныхъ мнѣ писателей, — то самое чувство мѣры, которое огромнымъ трудомъ и изученіемъ пріобрѣтаютъ рѣдкіе художники, во всей его первобытной силѣ жило въ его неиспорченной дѣтской душѣ.

Я оставилъ урокъ, потому что былъ слишкомъ взволнованъ.

«Что съ вами, отчего вы такъ блѣдны, вы вѣрно нездоровы?» спросилъ меня мой товарищъ. Дѣйствительно, я два-три раза въ жизни испытывалъ столь сильное впечатлѣніе, какъ въ этотъ вечеръ, и долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что я испытывалъ. Мнѣ смутно казалось, что я преступно подсмотрѣлъ въ стеклянный улей работу пчелъ, закрытую для взора смертнаго; мнѣ казалось, что я развратилъ чистую первобытную душу крестьянскаго ребенка. Я смутно чувствовалъ въ себѣ раскаяніе въ какомъ-то святотатствѣ. Мнѣ вспоминались дѣти, которыхъ праздные и развратные старики заставляютъ ломаться и представлять сладострастныя картины для разжиганія своего усталаго, истасканнаго воображенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ было радостно, какъ радостно должно быть человѣку, увидавшему то, чего никто не видалъ прежде его.

Я долго не могъ дать себѣ отчета въ томъ впечатлѣніи, которое я испыталъ, хотя и чувствовалъ, что это впечатлѣніе было изъ тѣхъ, которыя въ зрѣлыхъ лѣтахъ воспитываютъ, возводятъ на новую ступень жизни и заставляютъ отрекаться отъ стараго и вполнѣ предаваться новому. На другой день я еще не вѣрилъ тому, что испыталъ вчера. Мнѣ казалось столь страннымъ, что крестьянскій, полуграмотный мальчикъ вдругъ проявляетъ такую сознательную силу художника какой, на

всей своей необъятной высотѣ развитія, не можетъ достичь Гёте. Мнѣ казалось столь страннымъ и оскорбительнымъ, что я, авторъ «Дѣтства», заслужившій нѣкоторый успѣхъ и признаніе художественнаго таланта отъ русской образованной публики, что я въ дѣлѣ художества не только не могу указать или помочь 11-лѣтнему Семкѣ и Ѳедькѣ, а что едва-едва, — и то только въ счастливую минуту раздраженія, — въ состояніи слѣдить за ними и понимать ихъ. Мнѣ это казалось такимъ страннымъ, что я не вѣрэлъ тому, что̀ было вчера.

На другой день мы принялись за продолженіе повѣсти. Когда я спросилъ у Ѳедьки: обдумалъ ли онъ продолженіе и какъ? — онъ, не отвѣчая, замахалъ руками и сказалъ только: «ужъ знаю, знаю! Кто писать будетъ?» Мы стали продолжать, и опять со стороны ребятъ то же чувство художественной правды, мѣры и увлеченія.

Въ половинѣ урока я былъ принужденъ оставить ихъ. Они продолжали безъ меня и написали двѣ страницы такъ же хорошо, прочувствованно и вѣрно, какъ и первыя. Страницы эти были только нѣсколько бѣднѣе подробностями, и подробности эти были иногда не совсѣмъ ловко расположены, были раза два и повторенія. Все это, очевидно, происходило оттого, что механизмъ писанія затруднялъ ихъ. На третій день было то же самое. Во время этихъ уроковъ часто приставали другіе мальчики и, зная тонъ и содержаніе повѣсти, часто подсказывали и прибавляли свои вѣрныя черты. Семка отставалъ и приставалъ. Одинъ Ѳедька, отъ начала и до конца, велъ повѣсть и цензоровалъ всѣ предлагаемыя измѣненія. Не могло ужъ быть сомнѣнія и мысли, что успѣхъ этотъ есть дѣло случая: намъ, очевидно, удалось попасть на тотъ пріемъ, который былъ естественнѣе и возбудительнѣе всѣхъ прежнихъ. Но все это было слишкомъ необыкновенно, и я не вѣрилъ тому, что совершалось передъ глазами. Какъ будто надобно было еще особенному случаю уничтожить всѣ мои сомнѣнія. Я долженъ былъ уѣхать на нѣсколько дней, и повѣсть оставалась не дописанною. Рукопись, — три большіе листа, кругомъ исписанные, — оставалась въ комнатѣ учителя, которому я показывалъ ее. Еще передъ моимъ отъѣздомъ, во время моего сочинительства, прибывшій новый ученикъ показалъ нашимъ ребятамъ искусство дѣлать хлопушки изъ бумаги, и на всю школу, какъ это обыкновенно бываетъ, нашелъ періодъ хлопушекъ, замѣнившій періодъ снѣжковъ, замѣнившій, въ свою очередъ, періодъ вырѣзыванія палочекъ. Періодъ хлопушекъ продолжался во время моего отсутствія. Семка и Ѳедька, состоящіе въ числѣ пѣвчихъ, приходили въ

комнату учителя спѣваться и проводили здѣсь цѣлые вечера и иногда и ночи. Между и во время пѣнія, разумѣется, хлопушки дѣлали свое дѣло, и всевозможныя бумаги, попадавшіяся въ руки, превращались въ хлопушки. Учитель ушелъ ужинать, забывъ сказать, что бумаги на столѣ нужныя, и рукопись сочиненія Макарова, Морозова и Толстова превратилась въ хлопушки. На другой день, предъ урокомъ, хлопанье до такой степени надоѣло самимъ ученикамъ, что послѣдовало всеобщее гоненіе на хлопушки отъ нихъ же самихъ: съ крикомъ и визгомъ хлопушки всѣ были отобраны и съ торжествомъ всунуты въ топившуюся печку. Періодъ хлопушекъ кончился, но съ нимъ погибла и наша рукопись. Никогда никакая потеря не была для меня такъ тяжела, какъ потеря этихъ трехъ исписанныхъ листовъ; я былъ въ отчаяніи. Махнувъ на все рукою, я хотѣлъ начинать новую повѣсть, но не могъ забыть потери и невольно всякую минуту пилилъ упреками и учителя и дѣлателей хлопушекъ. (Не могу не замѣтить при этомъ случаѣ, что только вслѣдствіе внѣшняго безпорядка и полной свободы учениковъ, надъ которою такъ мило подтруниваютъ гг. Марковъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и Глѣбовъ въ журналѣ *Воспитаніе*, № 4, я безъ малѣйшаго труда, и угрозъ или хитростей узналъ всѣ подробности сложной исторіи превращенія рукописи въ хлопушки и сожженія ихъ.) Семка и Ѳедька видѣли, что я огорченъ, видимо не понимали чѣмъ, хотя и соболѣзновали. Ѳедька робко предложилъ мнѣ, наконецъ, что они вновь напишутъ такую же. — Одни? — сказалъ я. — Я ужъ помогать не стану. — «Мы съ Семкой ночевать останемся», сказалъ Ѳедька. И дѣйствительно, послѣ урока они пришли въ 9-мъ часу въ домъ, заперлись на ключъ въ кабинетѣ, что̀ мнѣ доставляло не мало удовольствія, посмѣялись, затихли, и до 12-го часа, подходя къ двери, я слышалъ только, какъ они тихимъ голосомъ переговаривались между собою и скрипѣли перомъ. Одинъ разъ только они заспорили о томъ, что̀ было прежде, и пришли ко мнѣ судиться: прежде ли онъ искалъ сумочку, чѣмъ баба пошла къ куму, или послѣ. Я сказалъ имъ, что это все равно. Въ 12-мъ часу я къ нимъ постучался и вошелъ. Ѳедька, въ новой бѣлой шубкѣ съ черною опушкой, сидѣлъ глубоко въ креслѣ, перекинувъ ногу на ногу и облокотившись своею волосатою головкой на руку и играя ножницами въ другой рукѣ. Большіе черные глаза его, блестя неестественнымъ, но серьезнымъ, взрослымъ блескомъ, всматривались куда-то вдаль; неправильныя губы, сложенныя такъ, какъ будто онъ собирался свистать, видимо сдерживали слово, которое онъ, отчеканенное въ воображеніи,

хотѣлъ высказать. Семка, стоя предъ большимъ письменнымъ столомъ, съ большою бѣлою заплаткой овчины на спинѣ (въ деревнѣ только что были портные), съ распущеннымъ кушакомъ, съ взлохмаченной головой, писалъ кривыя линейки, безпрестанно тыкая перомъ въ чернильницу. Я взбудоражилъ волосы Семкѣ, и толстое скуластое лицо его со спутанными волосами, когда онъ недоумѣвающими и заспанными глазами съ испуга оглянулся на меня, было такъ смѣшно, что я захохоталъ, но дѣти не разсмѣялись. Ѳедька, не измѣняя выраженія лица, тронулъ за рукавъ Семку, чтобъ онъ продолжалъ писать: «погоди, — сказалъ онъ мнѣ, — сейчасъ» (Ѳедька говоритъ мнѣ «ты» тогда, когда бываетъ увлеченъ и взволнованъ), и онъ продиктовалъ еще что-то. Я отнялъ у нихъ тетрадь, и черезъ пять минутъ, когда они, усѣвшись около шкапчика, уплетали картофель съ квасомъ и, глядя на чудныя для нихъ серебряныя ложки, заливались, сами не зная чему, звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, старушка, слушая ихъ сверху, не зная чему, тоже смѣялась. «Ты что завалился? — говорилъ Семка: — сиди прямо, а то набокъ наѣшься». И, снимая шубы и укладываясь подъ письменнымъ столомъ спать, они не переставали заливаться дѣтскимъ, мужицкимъ, здоровымъ, прелестнымъ хохотомъ. Я прочелъ то, чтò они написали. Это былъ новый варіантъ того же. Нѣкоторыя вещи были пропущены, нѣкоторыя новыя художественныя красоты прибавлены. И опять то же чувство красоты, правды и мѣры. Впослѣдствіи найденъ былъ одинъ листъ изъ потерянной рукописи. Въ напечатанной повѣсти я, вспоминая и по найденному листу, соединилъ оба варіанта. Писаніе этой повѣсти происходило раннею весной предъ окончаніемъ нашего учебнаго года. Я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не могъ успѣть дѣлать новыхъ опытовъ. На пословицы написана была двумя самыми посредственными по способностямъ и самыми испорченными (потому что дворовые) мальчиками только одна повѣсть: «Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ», напечатанная въ 3-мъ нумерѣ. Тѣ же явленія повторились и съ этими мальчиками и съ этою повѣстью, только съ различіемъ степени таланта и степени увлеченія и содѣйствія съ моей сотроны.

Лѣтомъ у насъ не учатся, не учились и не будутъ учиться. Причинѣ, почему ученіе лѣтомъ невозможно въ нашей школѣ, мы посвятимъ отдѣльную статью.

Одну часть лѣта Ѳедька и другіе мальчики жили со мною. Накупавшись, наигравшись, они вздумали позаняться. Я предложилъ имъ писать сочиненіе и разсказалъ нѣсколько темъ. Я разсказалъ весьма занимательную исторію воровства денегъ, исторію одного убійства, исторію чудеснаго обращенія молокана

въ православіе и еще въ формѣ автобіографіи предложилъ написать исторію мальчика, у котораго бѣднаго и распутнаго отца отдали въ солдаты и къ которому отецъ возвращается изъ солдатства исправленнымъ и хорошимъ человѣкомъ. Я сказалъ: «я бы написалъ такъ. Помню я, когда я былъ маленькимъ, что у меня были мать, отецъ и еще какіе-нибудь родные, и какіе они были. Потомъ написалъ бы, какъ, помню, отецъ мой гулялъ, мать все плакала, и онъ ее билъ; потомъ, какъ отдали его въ солдаты, какъ она выла, какъ мы еще хуже жить стали, какъ отецъ пришелъ назадъ, и я будто бы его не узналъ, а онъ спрашиваетъ: жива ли тамъ Матрена,—это про свою жену,—и какъ потомъ обрадовались и хорошо стали жить». Вотъ все, что я сказалъ сначала. Ѳедькѣ чрезвычайно понравилась эта тема. Онъ сейчасъ же схватилъ перо, бумагу и сталъ писать. Во время писанія я навелъ его только на мысль о сестрѣ и на мысль о смерти матери. Остальное все онъ писалъ самъ и даже не показывалъ мнѣ, кромѣ первой главы, до тѣхъ поръ, пока все было кончено. Когда онъ показалъ мнѣ 1-ю главу и я началъ ее читать, я чувствовалъ, что онъ находится въ сильномъ волненіи и, сдерживая дыханіе, смотритъ то на рукопись, слѣдя за моимъ чтеніемъ, то на мое лицо, желая угадать на немъ выраженіе одобренія или неодобренія. Когда я ему сказалъ, что это очень хорошо, онъ весь вспыхнулъ, но ничего не сказалъ мнѣ и раздраженно тихимъ шагомъ дошелъ съ тетрадью до столика, уложилъ ее и медленно вышелъ на дворъ. На дворѣ онъ былъ бѣшено рѣзвъ съ ребятами въ этотъ день и, когда глаза наши встрѣчались, смотрѣлъ на меня такими благодарными, ласковыми глазами. Черезъ день уже онъ забылъ о томъ, что̀ написалъ. Я только придумалъ заглавіе, раздѣлилъ на главы и кое-гдѣ поправилъ ошибки, сдѣланныя имъ только по неосмотрительности. Эта повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ печатается въ книжкѣ подъ заглавіемъ «Солдаткино житье».

Я не говорю о первой главѣ, хотя и въ ней есть свои неподражаемыя красоты, и хотя безпечный Гордей въ ней представляется чрезвычайно вѣрно и живо, — Гордей, который какъ будто стыдится признаться въ своемъ раскаяніи и считаетъ приличнымъ только попросить сходку о сынѣ, — несмотря на это, глава эта несравненно слабѣе всѣхъ послѣдующихъ. И виноватъ въ этомъ одинъ я, который не могъ удержаться при писаніи этой главы, не могъ удержаться, чтобы не подсказывать ему и не разсказывать, какъ бы написалъ я. Если есть нѣкоторая пошлость пріема при вступленіи въ описаніи лицъ и жилища, то виноватъ въ этомъ единственно я. Если бъ я его оставилъ од-

ного, то, я увѣренъ, онъ описалъ бы то же самое во время дѣйствія, незамѣтно, художественнѣе, безъ принятой у насъ и ставшей невозможною манерою описаній, логично расположенныхъ: сначала описанія дѣйствующихъ лицъ, даже ихъ біографіи, потомъ описаніе мѣстности и среды, и потомъ уже начинается дѣйствіе. И, странное дѣло, всѣ эти описанія, иногда на десяткахъ страницъ, меньше знакомятъ автора съ лицами, чѣмъ небрежно брошенная художественная черта во время уже начатаго дѣйствія между вовсе неописанными лицами. Такъ, въ этой первой главѣ одно слово Гордея: «мнѣ того и нужно», когда онъ, махнувъ рукой, примиряется съ своею долей быть солдатомъ и только проситъ сходку не оставить его сына, — это слово болѣе знакомитъ читателя съ лицомъ, чѣмъ нѣсколько разъ повторенное и навязанное мною описаніе его одежды, фигуры и привычки ходить въ кабакъ. Точно то же впечатлѣніе производитъ слово старухи, всегда бранящей сына, когда она во время горя говоритъ съ завистью невѣсткѣ: «будетъ тебѣ, Матрена! Что же дѣлать, — видно, такъ Богу угодно! Вѣдь ты еще молода, можетъ, Богъ тебѣ приведетъ и увидать. Мои какія лѣта... я все больна... того и гляди, умру».

Во 2-й главѣ еще замѣтно мое вліяніе пошлости и испорченности, но опять глубоко художественныя черты въ описаніи картинъ и смерти мальчика выкупаютъ все дѣло. Я подсказалъ, что у мальчика были тоненькія ножки, я подсказалъ сентиментальную подробность о дядѣ Нефедѣ, который дѣлаетъ гробокъ; но жалобы матери, выраженныя однимъ словомъ: «Господи, когда эта кабала умретъ!» — представляютъ читателю всю сущность положенія; и вслѣдъ за тѣмъ эта ночь, во время которой старшій братишка разбуженъ слезами матери, и отвѣтъ ея на вопросъ бабушки: что съ нею? — простымъ словомъ: «у меня сынъ померъ», и эта бабушка, встающая и зажигающая огонь и обмывающая маленькое тѣло, — все это его собственное, все это такъ сжато, такъ просто и такъ сильно — ни одного слова нельзя выкинуть, ни одного измѣнить или прибавить. Всего пять строкъ и въ этихъ-то пяти строкахъ нарисована для читателя вся картина этой грустной ночи, и картина отражавшаяся въ воображеніи 6 — 7-лѣтняго мальчика. «Въ полночь мать что-то заплакала. Встала бабушка и говоритъ: что ты? Христосъ съ тобою! Мать говоритъ: у меня сынъ померъ. Бабушка зажгла огонь, обмыла мальчика, надѣла рубашку, *подпоясала* и положила подъ святые. Когда разсвѣло...» Вамъ видится и самый мальчикъ, разбуженный знакомымъ плачемъ матери, спросонокъ изъ-подъ кафтана, гдѣ-нибудь на полатяхъ, испуганными бле-

стящими глазами слѣдящій за тѣмъ, что дѣлается въ избѣ; вамъ видится и эта изнуренная страдалица-солдатка, за день передъ этимъ говорившая: «скоро ли эта кабала умретъ», раскаивающаяся и убитая мыслью о смерти этой кабалы до такой степени, что она только говоритъ: «у меня сынъ померъ», не знаетъ, что ей дѣлать, и зоветъ на помощь старуху. Вамъ видится и эта усталая отъ страданія жизни старуха, сгорбленная, худая и съ костлявыми членами, которая привычными рабочими руками неторопливо, спокойно берется за дѣло: зажигаетъ лучину, приноситъ воды и обмываетъ мальчика, кладетъ все въ свое мѣсто и обмытаго, подпоясаннаго мальчика подъ святые. И видятся вамъ эти святые, вся эта ночь безъ сна до разсвѣта, какъ будто вы сами ее пережили, какъ пережилъ ее мальчикъ, глядѣвшій изъ-подъ кафтана; со всѣми подробностями возникаетъ эта ночь и остается въ вашемъ воображеніи.

Въ 3-й главѣ уже меньше моего вліянія. Вся личность няньки принадлежитъ ему. Еще въ первой главѣ онъ одною чертою охарактеризовалъ отношенія няньки къ семейству: «она работала въ свою долю на наряды, — замужъ собиралась». И одна эта черта рисуетъ уже всю дѣвку, не могущую принимать и дѣйствительно не принимающую участія въ радостяхъ и горестяхъ семейства. У нея свой законный интересъ, своя единственная цѣль, поставленная ей Провидѣніемъ, — будущее замужество, своя будущая семья. Нашъ братъ сочинитель, въ особенности такой, который желаетъ поучать народъ, представляя ему примѣры нравственности, достойные подражанія, непремѣнно бы отнесся къ нянькѣ съ вопросомъ объ ея участіи въ общей нуждѣ и горѣ семейства. Онъ сдѣлалъ бы ее или постыднымъ примѣромъ равнодушія, или образцомъ любви и самопожертвованія, и была бы мысль, а не было бы живого лица, няньки. Только человѣкъ, глубоко изучившій и узнавшій жизнь, могъ бы понять, что для няньки вопросъ о горѣ семейства и солдатствѣ отца есть законно-второстепенный вопросъ — у нея есть замужество. И это самое въ простотѣ своей души видитъ художникъ, хотя и ребенокъ. Если бы мы описали няньку самою трогательною, самоотверженною дѣвицей, мы бы ее вовсе не могли себѣ представить и не любили бы, какъ теперь ее любимъ. Теперь же мнѣ такъ мила и жива эта толстощекая, румяная дѣвочка, бѣгающая вечеркомъ на хороводы въ купленныхъ на заработанныя деньги котахъ и кумачномъ платкѣ, любящая свою семью, хотя и тяготящаяся тою бѣдностью и мрачностью, которая составляетъ такую противоположность ея душевному настроенію. Я чувствую, что она добрая дѣвочка уже потому, что мать ни-

когда на нее не жаловалась и не имѣла отъ нея горя. Я, напротивъ, чувствую, что она одна съ своими заботами о нарядахъ, отрывками напѣваемыхъ пѣсенъ и разсказами о деревенскихъ сплетняхъ, принесенными съ лѣтней работы или съ зимней улицы, въ грустное время одиночества солдатки служила представительницей веселья, молодости и надежды. Не даромъ онъ говоритъ, что только и было радости, какъ няньку замужъ отдавали; не даромъ съ такой любовью и подробностью описываетъ веселье свадьбы; не даромъ послѣ свадьбы заставляетъ мать сказать: «теперь мы разорились до конца». Видно, что, отдавъ няньку, они потеряли ту радость и веселье, которыя она вносила въ ихъ домъ. Все это описаніе свадьбы необыкновенно хорошо. Тутъ есть подробности, предъ которыми невольно приходишь въ недоумѣніе, и, вспоминая, что это писалъ 11-лѣтній мальчикъ, спрашиваешь себя: неужели это не нечаянно? Такъ и видишь изъ-за этого сжатаго и сильнаго описанія 11-лѣтняго мальчика, не выше стола, съ умными и внимательными глазками, на котораго никто не обращаетъ вниманія, но который все помнитъ и замѣчаетъ. Когда ему захотѣлось хлѣбца напримѣръ, онъ не сказалъ, что попросилъ у матери, а сказалъ, что нагнулъ мать. И это сказано не нечаянно, а сказано потому, что помнится ему отношеніе въ то время роста его къ матери и помнятся его робкія при другихъ и близкія одинъ на одинъ отношенія къ матери. Другое изъ множества наблюденій, которыя онъ могъ сдѣлать во время обряда свадьбы, онъ запомнилъ и записалъ именно то, которое для него и для каждаго изъ насъ рисуетъ весь характеръ этихъ обрядовъ. Когда сказали, что горько, нянька взяла Кондрашку *за уши*, и стали цѣловаться. Потомъ смерть бабушки, воспоминаніе ея о сынѣ предъ смертью и особенный характеръ горести матери, — все это такъ твердо и сжато, и все это его собственное.

О возвращеніи отца я болѣе всего ему говорилъ, когда задавалъ тему повѣсти. Мнѣ нравилась эта сцена, и я сентиментально-пошло разсказалъ ее, но именно сцена эта ему тоже очень понравилась, и онъ просилъ меня: «ничего не говорите, я самъ знаю, знаю», говорилъ онъ мнѣ и началъ писать, и съ этого же мѣста дописалъ всю повѣсть въ одинъ присѣстъ. Мнѣ очень интересно будетъ знать мнѣніе другихъ цѣнителей, но я считаю долгомъ откровенно высказать свое мнѣніе. Ничего подобнаго этимъ страницамъ я не встрѣчалъ въ русской литературѣ. Во всей этой встрѣчи нѣтъ ни одного намека на то, что это было трогательно, — разсказано только, какъ было дѣло, но разсказано изъ всего, что было, именно только то, что̀ необходимо для того, чтобы читатель понялъ положеніе всѣхъ лицъ. Сол-

дать въ своемъ домѣ сказалъ только три слова. Сначала онъ еще крѣпился и сказалъ: *«здравствуйте!»* Когда онъ началъ забывать взятую на себя роль, онъ сказалъ: *«что, иль у васъ семьи-то только?»* И все было высказано словами: *«гдѣ жъ моя матушка?»* Какія все простыя и естественныя слова, и никто изъ лицъ не забытъ! Мальчикъ былъ радъ и поплакалъ даже; но онъ ребенокъ, и потому онъ тутъ же, несмотря на то, что отецъ плакалъ, все разсматривалъ у него сумочку и въ карманахъ. Не забыта и нянька. Такъ и видишь эту румяную бабенку, которая въ котахъ при народѣ застѣнчиво вошла въ избу и, ничего не сказавши, поцѣловала отца. Такъ и видишь растерявшагося и счастливаго солдата, который подъ рядъ цѣлуется со всѣми, самъ не зная съ кѣмъ, и который, узнавъ, что молодая бабенка— его дочь, вновь подзываетъ ее къ себѣ и цѣлуетъ уже не просто какъ всякую молодую бабенку, а цѣлуетъ какъ дочь, которую онъ оставилъ когда-то, какъ будто не жалѣя.

Отецъ исправился. Сколько бы мы наговорили фальшивыхъ и неловкихъ фразъ по этому случаю! А Ѳедька просто разсказалъ, какъ нянька принесла вино, а онъ не сталъ пить. И вы видите и бабу, которая, доставъ изъ сумочки послѣднія 23 к., запыхавшись, въ сѣняхъ шопотомъ посылала молодую бабенку за виномъ и пересыпала ей въ горсть мѣдныя деньги. Вы видите эту молодую бабенку, которая, подобравъ на руку занавѣску, съ полуштофомъ въ рукѣ, постукивая котами и размахивая за спиною локтями, бѣжала къ кабаку. Вы видите, какъ она, зардѣвшись, вошла въ избу, достала изъ-подъ занавѣски полуштофъ, какъ мать самодовольно и весело поставила его на столъ, и какъ солдаткѣ и обидно и весело стало, что мужъ ея не сталъ пить. И видите — ежели онъ не сталъ пить въ такую минуту, то онъ уже точно исправился. Вы чувствуете, какъ совсѣмъ другіе люди стали всѣ члены семейства. «Отецъ мой помолился Богу и сѣлъ за столъ. Я сѣлъ возлѣ него рядомъ; нянька сѣла на конникѣ, а мать стояла у стола и глядѣла на отца и говоритъ: вишь ты, помолодѣлъ, — у тебя бороды нѣтъ. Всѣ засмѣялись».

И только когда всѣ ушли, начались настоящіе семейные разговоры. Тутъ только открывается, что солдатъ разбогатѣлъ и разбогатѣлъ самымъ простымъ и естественнымъ образомъ, точно такъ же, какъ богатѣютъ почти всѣ люди на свѣтѣ, т.-е. чужія, казенныя, общія деньги, вслѣдствіе счастливой случайности, остались у него. Нѣкоторые изъ читателей повѣсти замѣчали въ ней, что подробность эта безнравственна, и что понятіе казны, какъ дойной коровы, надо искоренять, а не ут-

верждать въ народѣ. Для меня же черта эта, не говоря уже объ ея художественной правдѣ, въ особенности дорога. Вѣдь казенныя деньги всегда остаются, — отчего же не остаться имъ и у бездомнаго солдата Гордея! Во взглядѣ на честность народа и высшаго класса часто встрѣчается совершенная противоположность. Требованія народа въ особенности серьезны и строги въ отношеніи честности въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ отношеніи къ семьѣ, къ деревнѣ, къ міру. Въ отношеніи къ постороннимъ — съ публикой, съ государствомъ, въ особенности съ иностранцемъ, съ казною, для нихъ смутно представляется приложимость общихъ правилъ честности. Мужикъ, который никогда не солжетъ своему брату, перенесетъ всевозможныя лишенія для своей семьи, который лишней и незаслуженной копейки не возьметъ у своего односельца или сосѣда,— тотъ же мужикъ обдеретъ, какъ липку, иностранца или горожанина, на каждомъ словѣ солжетъ дворянину или чиновнику; будь онъ солдатомъ, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти заколетъ плѣннаго француза и, попадись ему казенныя деньги, сочтетъ преступленіемъ въ отношеніи своей семьи не воспользоваться ими. Въ высшемъ классѣ бываетъ, напротивъ, совершенно противное. Нашъ братъ скорѣе обманетъ жену, брата, купца, съ которымъ десятки лѣтъ имѣетъ дѣло, своихъ дворовыхъ, крестьянъ, сосѣда, и тотъ же самый человѣкъ за границей снѣдаемъ постояннымъ страхомъ, какъ бы нечаянно не обмануть кого, и все проситъ указать ему, кому еще нужно отдать деньги. Тотъ же нашъ братъ обдеретъ на шампанское и перчатки свою роту и полкъ и будетъ разсыпаться въ любезностяхъ предъ плѣннымъ французомъ. Тотъ же самый человѣкъ въ отношеніи казны считаетъ величайшимъ преступленіемъ воспользоваться, когда онъ безъ денегъ (считаетъ только), но большею частью при случаѣ не устоитъ въ борьбѣ и сдѣлаетъ то, что̀ самъ считаетъ подлостью. Я не говорю, что̀ лучше, я говорю только, какъ, мнѣ кажется, оно есть. Замѣчу только, что честность не есть убѣжденіе, что выраженіе «честныя убѣжденія» есть безсмыслица. Честность есть нравственная привычка; чтобы пріобрѣсть ее, нельзя идти инымъ путемъ, какъ начинать съ ближайшихъ отношеній. Выраженіе «честныя убѣжденія», по-моему, совершенно безсмысленно: есть честныя привычки, а нѣтъ честныхъ убѣжденій.

Слова «честныя убѣжденія» только фраза; вслѣдствіе того-то эти мнимыя честныя убѣжденія, относящіяся до самыхъ отдаленныхъ жизненныхъ условій — казны, государства, Европы, человѣчества — и не основанныя на привычкахъ честности,

не воспитанныя на самыхъ ближайшихъ житейскихъ отношеніяхъ, оттого-то эти честныя убѣжденія или, вѣрнѣе, фразы честности оказываются несостоятельными въ отношеніи къ жизни.

Возвращаюсь къ повѣсти. Кажущееся въ первую минуту безнравственнымъ появленіе взятыхъ у казны денегъ, по нашему мнѣнію, напротивъ, имѣетъ самый милый, трогательный характеръ. Какъ часто литераторъ нашего круга въ простотѣ своей души, желая выставить героя своего идеаломъ честности, показываетъ намъ всю грязную и развратную внутренность своего воображенія. Здѣсь, наоборотъ, автору нужно осчастливить своего героя; для счастья ему и достаточно было бы возвращенія въ семью, но надо было уничтожить бѣдность, столько лѣтъ тяготѣвшую надъ семьею; откуда жъ ему было взять богатство? Изъ безличной казны. Если дать богатство, то надо у когонибудь взять его,—законнѣе, разумнѣе нельзя было найти его.

Въ самой сценѣ объявленія этихъ денегъ есть крошечная подробность, одно слово, которое всякій разъ, когда я читаю, какъ будто вновь поражаетъ меня. Оно освѣщаетъ всю картину, обрисовываетъ всѣ лица и ихъ отношенія, и только одно слово, и слово, неправильно употребленное, синтактически невѣрное, — это слово *заторопилась*. Учитель синтаксиса долженъ сказать, что это неправиьно. Заторопилась требуетъ дополнительнаго: «заторопилась что̀ сдѣлать?» долженъ спросить учитель. А тутъ просто сказано: «Мать взяла деньги и заторопилась, понесла ихъ хоронить», — и это прелестно. Желалъ бы я сказать такое слово и желалъ бы, чтобъ учителя, обучающіе языку, сказали или написали такое предложеніе: «Когда мы пообѣдали, нянька поцѣловала еще отца и ушла домой. Потомъ отецъ сталъ перебирать въ сумочкѣ, а мы стали съ матерью смотрѣть. Вотъ мать увидала тамъ книжку и говоритъ: ай выучился грамотѣ? Отецъ говоритъ: выучился. Потомъ отецъ вынулъ большой узелъ и подалъ матери. Мать говоритъ: что̀ это? Отецъ говоритъ: деньги. Мать обрадовалась и заторопилась, понесла ихъ хоронить. Потомъ мать пришла и говоритъ: гдѣ это ты взялъ? Отецъ говоритъ: я былъ унтеръ-офицеромъ и у меня были казенныя деньги; я раздавалъ солдатамъ, и у меня остались; я ихъ прибралъ. Мать моя такъ была рада и бѣгала, какъ бѣшеная. День уже прошелъ. Наступилъ вечеръ. Зажгли огонь. Взялъ мой отецъ книжку и зачалъ читать. Я сѣлъ около него и слушалъ, а мать свѣтила лучинку. И долго отецъ читалъ книжку. Потомъ легли спать. Я легъ на задней лавкѣ съ отцомъ, а мать у насъ легла въ ногахъ, и долго они разговаривали, почти до полуночи. Потомъ уснули».

Опять чуть замѣтная, нисколько не поражающая васъ, но оставляющая глубокое впечатлѣніе, подробность о томъ, какъ они легли спать: отецъ легъ съ сыномъ, мать легла въ ногахъ, и долго они не могли наговориться. Какъ тепло прижался, я думаю, сынъ къ груди отца и какъ чудно и отрадно было ему, засыпая и впросонкахъ все слушать эти два голоса, изъ которыхъ одинъ такъ давно онъ не слышалъ! Казалось бы, все кончено: отецъ возвратился, бѣдности нѣтъ уже. Но Өедька не удовлетворился этимъ (слишкомъ живо, видно, засѣли ему въ воображеніе, эти воображаемые люди), ему нужно еще было живо вообразить себѣ картину измѣнившагося ихъ житья, представить себѣ ясно, что теперь ужъ эта баба не одинокая, горемычная солдатка съ малыми ребятами, а что есть въ домѣ сильный мужчина, который сниметъ съ усталыхъ плечъ жены все бремя надавившаго горя и бѣдности и самостоятельно, твердо и весело поведетъ новую жизнь. И для этого онъ рисуетъ вамъ только одну сцену: какъ шарбатымъ топоромъ здоровый солдатъ нарубилъ дровъ и принесъ въ избу. Вы видите, какъ востроглазый мальчишка, привыкшій къ кряхтѣнью слабосильной матери и бабушки, съ удивленіемъ, уваженіемъ и гордостью любовался на мускулистыя засученныя руки отца, на энергическіе взмахи топора, совпадавшіе съ груднымъ вздохомъ мужского труда, и на плаху, которая, какъ лучина, щепалась подъ шарбатымъ топоромъ. Вы посмотрѣли на это и совершенно успокоиваетесь насчетъ будущаго житья солдатки. Теперь она ужъ не пропадетъ, сердечная, думаю я.

«Поутру мать встала, подошла къ отцу и говоритъ: Гордей! вставай, нужно дровъ — топить печь. Батя поднялся, обулся, надѣлъ шапку и говоритъ: топоръ есть? Мать говоритъ: есть, шарбатый, пожалуй, и не отрубитъ. Отецъ мой взялъ топоръ обѣими руками крѣпко, подошелъ къ плахѣ, поставилъ ее стоючи и ударилъ изо всѣхъ силъ и расколоъ плаху; накололъ дровъ и перетаскалъ въ избу. Мать стала топить избу, истопила, и хорошо разсвѣло».

Но художнику и этого мало. Ему хочется показать вамъ и другую сторону ихъ жизни, поэзію веселой, семейной жизни, и онъ рисуетъ вамъ слѣдующую картину:

«Когда хорошо разсвѣло, отецъ мой говоритъ: Матрена! Мать подошла и говоритъ: ну, что? Отецъ говоритъ: я думаю корову купить, пять овченокъ, двѣ лошадки да избу, — вѣдь развалилась... ну, изойдетъ цѣлковыхъ полтораста на все-то. Мать что-то задумалась, потомъ говоритъ: ну, а деньги-то мы всѣ растрясемъ. Отецъ говоритъ: мы работать станемъ. Мать говоритъ:

ну, ладно, купимъ, да вотъ что! гдѣ иструбъ-то взять? Отецъ говоритъ: у Кирюхи развѣ нѣтъ? Мать говоритъ: то-то и дѣло, что нѣтъ — Фоканычевы захватили. Отецъ подумалъ и говоритъ: ну, мы возьмемъ у Брянцева. Мать говоритъ: и у него наврядъ ли есть. Отецъ говоритъ: ну, какъ не быть — человѣкъ засѣчный. Мать говоритъ: какъ бы онъ не взялъ дорого; посмотри, какой онъ бестія. Отецъ говоритъ: я пойду, поднесу водочки и уговорюсь съ нимъ; а ты испеки яичко въ золѣ къ обѣду. Мать къ обѣду тамъ кусочекъ сварила, заняла у своихъ. Потомъ отецъ взялъ вина и ушелъ къ Брянцеву, а мы остались и долго сидѣли. Мнѣ стало скучно безъ отца. Я сталъ проситься у матери, чтобъ она отпустила меня туда, куда отецъ ушелъ. Мать говоритъ: ты заблудишься. Я сталъ плакать и хотѣлъ уйти, но меня мать побила, и я сѣлъ на печку и сталъ дюжѣй плакать. Потомъ вижу, вошелъ отецъ въ избу и говоритъ: что ты плачешь? Мать говоритъ: Ѳедюшка хотѣлъ за тобой бѣчь, а я его побила. Отецъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: о чемъ ты плачешь? Я сталъ жаловаться на мать. Отецъ подошелъ къ матери и началъ ее бить... такъ, нарочно, а самъ приговариваетъ: не бей Ѳедю, не бей Ѳедю! Мать нарочно заплакала. А я сѣлъ отцу на колѣни и былъ радъ. Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ и меня рядомъ съ собой и закричалъ: давай намъ, мать, съ Ѳедею обѣдать, — мы ѣсть хотимъ! Вотъ мать подала намъ говядины, и мы стали ѣсть. Пообѣдали, мать говоритъ: ну, что насчетъ иструба? Отецъ говоритъ: 50 руб. сер. Мать говоритъ: это еще ничего. Отецъ говоритъ: да, толковать нечего — иструбъ славный».

Кажется, какъ просто, какъ мало сказано, а вамъ представляется перспектива всей ихъ семейной жизни. Вы видите, что мальчикъ еще ребенокъ, который и поплачетъ и черезъ минуту будетъ радъ; вы видите, что мальчикъ не умѣетъ цѣнить любви матери и промѣнялъ ее на мужественнаго отца, рубившаго плаху; вы видите, что мать знаетъ, что это такъ должно быть, и не ревнуетъ; вы видите этого чудеснаго Гордея, у котораго счастье переполняетъ сердце. Вами замѣчено, что они ѣли говядину, и эта прелестная комедія, которую они всѣ играютъ, и всѣ знаютъ, что это комедія, но играютъ отъ избытка счастья. «Не бей Ѳедю, не бей Ѳедю», говоритъ отецъ, замахиваясь на нее. И привычная къ непритворнымъ слезамъ, мать нарочно заплакала, счастливо улыбаясь на отца и на сына, и этотъ мальчикъ, который взлѣзъ къ отцу на колѣни, былъ гордъ и радъ, самъ не зная чему,—гордъ и радъ, можетъ быть, тому, что они теперь счастливы.

«Потомъ отецъ сѣлъ за столъ, посадилъ меня рядомъ съ собой и закричалъ: давай намъ, мать, съ Ѳедею обѣдать,—мы ѣсть хотимъ».

Мы ѣсть хотимъ, и рядомъ посадилъ. Какая любовь и счастливая гордость любви дышитъ въ этихъ словахъ! Прелестнѣе, задушевнѣе этой послѣдней сцены нѣтъ ничего во всей прелестной повѣсти.

Но что же мы хотимъ сказать всѣмъ этимъ? Какое значеніе имѣетъ эта повѣсть въ педагогическомъ отношеніи, написанная однимъ, можетъ быть, исключительнымъ мальчикомъ. Намъ скажутъ: «вы, учитель, можетъ быть, помогали, незамѣтно для себя, составленію этихъ и другихъ повѣстей, и найти границы того, что́ принадлежитъ вамъ, и того, что́ самобытно, слишкомъ трудно». Намъ скажутъ: «положимъ, повѣсть хороша, но это одинъ только изъ родовъ литературы». Намъ скажутъ: «Ѳедька и другіе мальчики, сочиненія которыхъ вы печатали, суть счастливое исключеніе». Намъ скажутъ: «вы сами писатель, вы, незамѣтно для себя, помогали ученикамъ такими путями, которые нельзя предписывать другимъ учителямъ-неписателямъ, какъ правило». Намъ скажутъ: «изъ всего этого вывести общаго правила или теоріи невозможно. Отчасти интересное явленіе и больше ничего».

Постараюсь передать мои выводы такъ, чтобъ они отвѣчали на всѣ эти предполагаемыя мною возраженія.

Чувства правды, красоты и добра независимы отъ степени развитія. Красота, правда и добро суть понятія, выражающія только гармонію отношеній въ смыслѣ правды, красоты и добра. Ложь есть только несоотвѣтственность отношеній въ смыслѣ истины, абсолютной же правды нѣтъ. Я не лгу, говоря, что столы вертятся отъ прикосновенія пальцевъ, если я вѣрю, хотя это и не правда; но я лгу, говоря, что у меня нѣтъ денегъ, когда, по моимъ понятіямъ, у меня есть деньги. Никакой огромный носъ не уродливъ, но онъ уродливъ на маломъ лицѣ. Уродливость — только дисгармонія въ отношеніи красоты. Отдать свой обѣдъ нищему или самому съѣсть его — не имѣетъ въ себѣ ничего дурного; но отдать или съѣсть этотъ обѣдъ, когда мать моя умираетъ съ голоду, есть дисгармонія отношеній въ смыслѣ добра. Воспитывая, образовывая, развивая или какъ хотите дѣйствуя на ребенка, мы должны имѣть и имѣемъ безсознательно одну цѣль — достигнуть наибольшей гармоніи въ смыслѣ правды, красоты и добра. Если бы время не шло, если бы ребенокъ не жилъ всѣми своими сторонами, мы бы спокойно могли достигнуть этой гармоніи, добавляя тамъ, гдѣ намъ кажется недостаточнымъ, и убавляя тамъ, гдѣ намъ кажется лишнимъ. Но ребенокъ живетъ, каждая сторона его существа стремится къ развитію, перегоняя одна другую, и большею частью

самое движеніе впередъ этихъ сторонъ его существа мы принимаемъ за цѣль и содѣйствуемъ только развитію, а не гармоніи развитія. Въ этомъ заключается вѣчная ошибка всѣхъ педагогическихъ теорій. Мы видимъ, свой идеалъ впереди, когда онъ стоитъ сзади насъ. Необходимое развитіе человѣка есть не только не средство для достиженія того идеала гармоніи, который мы носимъ въ себѣ, но есть препятствіе, положенное Творцомъ къ достиженію высшаго идеала гармоніи. Въ этомъ-то необходимомъ законѣ движенія впередъ заключается смыслъ того плода дерева познанія добра и зла, котораго вкусилъ нашъ прародитель. Здоровый ребенокъ родится на свѣтъ, вполнѣ удовлетворяя тѣмъ требованіямъ безусловной гармоніи въ отношеніи правды, красоты и добра, которыя мы носимъ въ себѣ; онъ близокъ къ неодушевленнымъ существамъ — къ растенію, къ животному, къ природѣ, которая постоянно представляетъ для насъ ту правду, красоту и добро, которыхъ мы ищемъ и желаемъ. Во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ людей ребенокъ представлялся образцомъ невинности, безгрѣшности, добра, правды и красоты. Человѣкъ родится совершеннымъ — есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, какъ камень, останется твердымъ и истиннымъ. Родившись, человѣкъ представляетъ собой первообразъ гармоніи, правды, красоты и добра. Но каждый часъ жизни, каждая минута времени увеличиваютъ пространство, количество и время тѣхъ отношеній, которыя во время его рожденія находились въ совершенной гармоніи, и каждый шагъ и каждый часъ грозитъ нарушеніемъ этой гармоніи, и каждый послѣдующій шагъ и каждый послѣдующій часъ грозитъ новымъ нарушеніемъ и не даетъ надежды возстановленія нарушенной гармоніи.

Большею частью воспитатели выпускаютъ изъ виду, что дѣтскій возрастъ есть первообразъ гармоніи, и развитіе ребенка, которое независимо идетъ по неизмѣннымъ законамъ, принимаютъ за цѣль. Развитіе ошибочно принимается за цѣль потому, что съ воспитателями случается то, что̀ бываетъ съ плохими ваятелями.

Вмѣсто того, чтобы стараться остановить мѣстное преувеличенное развитіе или остановить общее развитіе, чтобы подождать новой случайности, которая уничтожитъ происшедшую неправильность, какъ плохой скульпторъ, вмѣсто того, чтобы соскоблить лишнее, налѣпливаетъ все больше и больше, такъ и воспитатели какъ будто объ одномъ только стараются, какъ бы не прекратился процессъ развитія, и если думаютъ о гармоніи, то всегда стараются достигнуть ея, приближаясь къ

неизвѣстному для насъ первообразу въ будущемъ, удаляясь отъ первообраза въ настоящемъ и прошедшемъ. Какъ бы ни неправильно было развитіе ребенка, всегда еще остаются въ немъ первобытныя черты гармоніи. Еще умѣряя, по крайней мѣрѣ, не содѣйствуя развитію, можно надѣяться получить хоть нѣкоторое приближеніе къ правильности и гармоніи. Но мы такъ увѣрены въ себѣ, такъ мечтательно преданы ложному идеалу взрослаго совершенства, такъ нетерпѣливы мы къ близкимъ намъ неправильностямъ и такъ твердо увѣрены въ своей силѣ исправить ихъ, такъ мало умѣемъ понимать и цѣнить первобытную красоту ребенка, что мы скорѣе, какъ можно скорѣе, раздуваемъ, залѣпляемъ кидающіяся намъ въ глаза неправильности, исправляемъ, воспитываемъ ребенка. То одну сторону надо сравнять съ другою, то другую надо сравнять съ первою. Ребенка развиваютъ все дальше и дальше, и все дальше и дальше удаляются отъ бывшаго и уничтоженнаго первообраза, и все невозможнѣе и невозможнѣе дѣлается достиженіе воображаемаго первообраза совершенства взрослаго человѣка. *Идеалъ нашъ сзади, а не впереди.* Воспитаніе портитъ, а не исправляетъ людей. Чѣмъ больше испорченъ ребенокъ, тѣмъ меньше нужно его воспитывать, тѣмъ больше нужно ему свободы.

Учить и воспитывать ребенка нельзя и безсмысленно по той простой причинѣ, что ребенокъ стоитъ ближе меня, ближе каждаго взрослаго къ тому идеалу гармоніи, правды, красоты и добра, до котораго я, въ своей гордости, хочу возвести его. Сознаніе этого идеала лежитъ въ немъ сильнѣе, чѣмъ во мнѣ. Ему отъ меня нуженъ только матеріалъ для того, чтобы пополняться гармонически и всесторонне. Какъ только я далъ ему полную свободу, пересталъ учить его, онъ написалъ такое поэтическое произведеніе, которому подобнаго не было въ русской литературѣ. И потому, по моему убѣжденію, намъ нельзя учить писать и сочинять, въ особенности поэтически сочинять, вообще дѣтей и въ особенности крестьянскихъ. Все, что̀ мы можемъ сдѣлать, это научить ихъ, какъ браться за сочинительство.

Если то, что̀ я дѣлалъ для достиженія этой цѣли, можно назвать пріемами, то пріемы эти были слѣдующіе:

1) Предлагать самый большой и разнообразный выборъ темъ, не выдумывая ихъ собственно для дѣтей, но предлагать темы самыя серьезныя и интересующія самого учителя.

2) Давать читать дѣтямъ дѣтскія сочиненія и только дѣтскія сочиненія предлагать за образцы, ибо дѣтскія сочиненія всегда справедливѣе, изящнѣе и правственнѣе сочиненій взрослыхъ.

3) (Особенно важно). Никогда во время разсматриванія дѣтскихъ сочиненій не дѣлать ученикамъ замѣчанія ни объ опрятности тетрадей, ни о каллиграфіи, ни объ орѳографіи, ни, главное, о постройкѣ предложеній и о логикѣ.

4) Такъ какъ въ сочинительствѣ трудность заключается не въ объемѣ или содержаніи или ху́дожественности темы, то постепенность темъ должна заключаться не въ объемѣ, не въ содержаніи, не въ языкѣ, а въ механизмѣ дѣла, состоящемъ въ томъ, чтобы, во-первыхъ, изъ большаго числа представляющихся мыслей и образовъ выбрать одну; во-вторыхъ, выбрать для нея слова и облечь ее; въ-третьихъ, запомнить ее и отыскать для нея мѣсто; въ четвертыхъ, въ томъ, чтобы, помня написанное, не повторяться, ничего не пропускать и умѣть соединять послѣдующее съ предыдущимъ; въ-пятыхъ, наконецъ, въ томъ, чтобы въ одно время, думая и записывая, одно не мѣшало другому. Съ этою цѣлью я сдѣлалъ слѣдующее: нѣкоторыя изъ этихъ сторонъ труда я первое время бралъ на себя, постепенно передавая ихъ всѣ на ихъ заботу. Сначала я выбиралъ за нихъ изъ представлявшихся мыслей и образовъ тѣ, которые казались мнѣ лучше, и запоминалъ, и указывалъ мѣсто, и справлялся съ написаннымъ, удерживая ихъ отъ повтореній, и самъ писалъ, предоставляя имъ только облекать образы и мысли въ слова; потомъ я далъ имъ самимъ выбирать, потомъ и справляться съ написаннымъ, и, наконецъ, какъ при писаньи «Солдаткина житья», они и самый процессъ писанья взяли на себя.

I.

Яснополянская школа.

За ноябрь и декабрь мѣсяцы.

Общій очеркъ характера школы. — Чтеніе механическое и постепенное. — Грамматика и писаніе.

Начинающихъ у насъ нѣтъ. Младшій классъ читаетъ, пишетъ, рѣшаетъ задачи трехъ первыхъ правилъ ариѳметики и разсказываетъ священную исторію, такъ что предметы раздѣляются по расписанію слѣдующимъ образомъ:

1) чтеніе механическое и постепенное, 2) писаніе, 3) каллиграфія, 4) грамматика, 5) священная исторія, 6) русская исторія, 7) рисованіе, 8) черченіе, 9) пѣніе, 10) математика, 11) бесѣды изъ естественныхъ наукъ, 12) законъ Божій.

Прежде чѣмъ говорить о преподаваніи, я долженъ сдѣлать краткій очеркъ того, что̀ такое Яснополянская школа, и того, въ какомъ періодѣ роста она находится.

Какъ всякое живое существо, школа не только съ каждымъ годомъ, днемъ и часомъ измѣняется, но и подвержена временнымъ кризисамъ, невзгодамъ, болѣзнямъ и дурнымъ настроеніямъ. Черезъ такой болѣзненный кризисъ прошла Яснополянская школа нынѣшнимъ лѣтомъ. Причинъ тому было много: во-первыхъ, — какъ и всегда лѣтомъ, — всѣ лучшіе ученики выбыли, только изрѣдка ужъ встрѣчали мы ихъ въ полѣ на работахъ и пастбищахъ; во-вторыхъ, новые учителя прибыли въ школу, и новыя вліянія начали отражаться въ ней; въ-третьихъ, все лѣто каждый день приносилъ новыхъ посѣтителей-учителей, пользовавшихся лѣтними вакаціями. А для правильнаго хода школы нѣтъ ничего вреднѣе посѣтителей. Такъ или иначе учитель поддѣлывается подъ посѣтителей.

Учителей четыре. Два старые ужъ два года учатъ въ школѣ, привыкли къ ученикамъ, къ своему дѣлу, къ свободѣ и внѣш-

ней безпорядочности школы. Два учителя новыхъ — оба недавно сами изъ школы — любители внѣшней аккуратности, расписанія, звонка, программъ и т. п., не вжившіеся въ жизнь школы такъ, какъ первые. То, что для первыхъ кажется разумнымъ, необходимымъ, не могущимъ быть иначе, какъ черты лица любимаго, хотя и некрасиваго, ребенка, росшаго на глазахъ, — для новыхъ учителей представляется иногда исправимымъ недостаткомъ.

Школа помѣщается въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ. Двѣ комнаты заняты школой; одна — кабинетомъ, двѣ — учителями. На крыльцѣ, подъ навѣсомъ, виситъ колокольчикъ съ привѣшенною за язычокъ веревочкой, въ сѣняхъ внизу стоятъ бары и рекъ (гимнастика), наверху въ сѣняхъ — верстакъ. Лѣстница и сѣни истоптаны снѣгомъ или грязью; тутъ же виситъ расписаніе. Порядокъ ученья слѣдующій: часовъ въ восемь учитель, живущій въ школѣ, любитель внѣшняго порядка и администраторъ школы, посылаетъ одного изъ мальчиковъ, которые почти всегда ночуютъ у него, звонить.

На деревнѣ встаютъ съ огнемъ. Ужъ давно виднѣются изъ школы огни въ окнахъ, и черезъ полчаса послѣ звонка, въ туманѣ, въ дождѣ или въ косыхъ лучахъ осенняго солнца, появляются на буграхъ (деревня отдѣлена отъ школы оврагомъ) темныя фигурки по двѣ, по три и поодиночкѣ. Табунное чувство уже давно исчезло въ ученикахъ. Ужъ нѣтъ необходимости ему дожидаться и кричать: «эй, ребята, въ училищу». Ужъ онъ знаетъ, что училище средняго рода, много кое-чего другого знаетъ и, странно, вслѣдствіе этого не нуждается въ толпѣ. Пришло ему время, онъ и идетъ. Мнѣ съ каждымъ днемъ кажется, что все самостоятельнѣе и самостоятельнѣе дѣлаются личности и рѣзче ихъ характеры. Дорогой почти никогда я не видалъ, чтобы ученики играли — нешто кто изъ самыхъ маленькихъ или изъ вновь поступившихъ, начатыхъ въ другихъ школахъ. Съ собой никто ничего не несетъ — ни книгъ не тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ.

Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучитъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье, и никогда не опаздываютъ, — нешто старшіе, которыхъ отцы другой разъ задержатъ дома какою-нибудь ра-

ботой. И тогда этотъ большой, рысью, запыхавшись, прибѣгаетъ въ школу. Пока учитель еще не пришелъ, они собираются — кто около крыльца, толкаясь со ступенекъ или катаясь на ногахъ по ледочку раскатанной дорожки, кто въ школьныхъ комнатахъ. Когда холодно — ожидая учителя, читаютъ, пишутъ или возятся. Дѣвочки не мѣшаются съ ребятами. Когда ребята затѣваютъ что-нибудь съ дѣвочками, то никогда не обращаются къ одной изъ нихъ, а всегда ко всѣмъ вмѣстѣ: «Эй, дѣвки! что не катаетесь?» или: «дѣвки-то, вишь, замерзли», или: «ну, дѣвки, выходи всѣ на меня одного!» Только одна изъ дѣвочекъ, дворовая, съ огромными и всесторонними способностями, лѣтъ десяти, начинаетъ выходить изъ табуна дѣвокъ. И съ этою только ученики начинаютъ обходиться какъ съ равною, какъ съ мальчикомъ, только съ тонкимъ оттѣнкомъ учтивости, снисходительности и сдержанности.

Положимъ, по расписанію, въ 1-мъ, младшемъ, классѣ — механическое чтеніе, во 2-мъ — постепенное чтеніе, въ 3-мъ — математика. Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пищатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или: «задавили ребята!» или: «будетъ! брось виски-то» и т. д. «Петръ Михайловичъ! — кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю, — вели имъ бросить». — «Здравствуй, Петръ Михайловичъ!» кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздаетъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкапу; изъ кучи на полу верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные бѣгутъ къ шкапу и кричатъ: «и мнѣ и мнѣ! Дай мнѣ вчерашнюю; а мнѣ *кольцовую*» и т. п. Ежели останутся еще какіе-нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: «Что вы тутъ замѣшались?.. Ничего не слышно. Будетъ!» Увлеченные покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ неулегшагося волненія. Духъ войны улетаетъ, и духъ чтенія воцаряется въ комнатѣ. Съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ какимъ онъ дралъ за виски Митьку, онъ теперь читаетъ *кольцовую* (такъ называется у насъ сочиненіе Кольцова) книгу, чуть не стиснувъ зубы, блестя глазенками и ничего не видя вокругъ себя, кромѣ своей книги. Оторвать его отъ чтенія столько же нужно усилія, сколько прежде — отъ борьбы. Садятся они, гдѣ кому вздумается: на лавкахъ, столахъ, подоконникѣ, полу и креслѣ. Дѣвки садятся всегда вмѣстѣ. Друзья, односельцы, особенно маленькіе (между ними больше товарищества) — всегда рядомъ. Какъ только одинъ изъ нихъ рѣ-

шитъ, что садится въ тотъ уголъ, всѣ товарищи, толкаясь и ныряя подъ лавками, пролѣзаютъ туда же, садятся рядомъ и, оглядываясь кругомъ, представляютъ на лицѣ такой видъ счастья и удовлетворенности, какъ будто они уже навѣрное на всю остальную жизнь будутъ счастливы, усѣвшись на этихъ мѣстахъ. Большое кресло, какъ-то попавшее въ комнату, представляетъ предметъ зависти для болѣе самостоятельныхъ личностей — для дворовой дѣвочки и другихъ. Какъ только одинъ вздумаетъ сѣсть на кресло, другой уже по его взгляду узнаетъ его намѣреніе, и они сталкиваются, мнутся. Одинъ выжимаетъ другого, и перемявшій разваливается головой гораздо ниже спинки, но читаетъ такъ же, какъ и всѣ, весь увлеченный своимъ дѣломъ. Во время класса я никогда не видалъ, чтобы шептались, щипались, смѣялись потихоньку, фыркали въ руку и жаловались другъ на друга учителю. Когда заученный у понамаря или въ уѣздномъ училищѣ ученикъ приходитъ съ такою жалобой, ему говорятъ: что же ты самъ не щипешься?

Два меньшіе класса разбиваются въ одной комнатѣ, старшій — идетъ въ другую. Учитель приходитъ и въ первый классъ, всѣ обступаютъ его у доски или на лавкахъ, ложатся или садятся на столѣ вокругъ учителя или одного читающаго. Ежели это писаніе — они усаживаются попокойнѣе, но безпрестанно встаютъ, чтобы смотрѣть тетрадки другъ у друга и показывать свои учителю. По расписанію до обѣда значится 4 урока, а выходитъ иногда три или два, и иногда совсѣмъ другіе предметы. Учитель начнетъ ариѳметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и вмѣсто одного часа классъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ: «нѣтъ, еще, еще!» и кричатъ на тѣхъ, которымъ надоѣло. «Надоѣло, такъ ступай къ маленькимъ», говорятъ они презрительно. Въ классъ закона Божія, который одинъ только бываетъ регулярно, потому что законоучитель живетъ за двѣ версты и бываетъ два раза въ недѣлю, и въ классъ рисованія — всѣ ученики собираются вмѣстѣ. Предъ этими классами оживленіе, возня, крики и внѣшній безпорядокъ бываютъ самые сильные: кто тащитъ лавки изъ одной комнаты въ другую, кто дерется, кто домой (на дворню) бѣжитъ за хлѣбомъ, кто пропекаетъ этотъ хлѣбъ въ печкѣ, кто отнимаетъ что-нибудь у другого, кто дѣлаетъ гимнастику, и опять такъ же, какъ и въ утреннихъ возняхъ, гораздо легче оставить ихъ самихъ успокоиться и сложиться въ свой естественный порядокъ, чѣмъ насильно разсадить ихъ. При теперешнемъ духѣ школы остановить ихъ физически невозможно. Чѣмъ громче кричитъ

учитель — это случалось — тѣмъ громче кричатъ они: его крикъ только возбуждаетъ ихъ. Остановишь ихъ или, если удастся, увлечешь ихъ въ другую сторону, и это маленькое море начнетъ колыхаться все рѣже и рѣже — и уляжется. Даже большею частью и говорить ничего не нужно. Классъ рисованья, любимый классъ для всѣхъ, бываетъ въ полдень, когда уже проголодались, насидѣлись часа три, а тутъ еще нужно переносить лавки и столы изъ одной комнаты въ другую, и возня поднимается страшная; но, несмотря на то, какъ только учитель готовъ, ученики готовы, и тому, кто задерживаетъ начало класса, достанется отъ нихъ же самихъ.

Я долженъ оговориться. Представляя описаніе Яснополянской школы, я не думаю представлять образецъ того, что̀ нужно и хорошо для школы, но думаю представить только дѣйствительное описаніе школы. Я полагаю, что такія описанія могутъ принести пользу. Если мнѣ удастся въ слѣдующихъ №№ представить ясно исторію развитія школы, то читателю будетъ понятно, почему характеръ школы сложился именно такой, почему я считаю такой порядокъ хорошимъ и почему измѣнить его, ежели бы даже я захотѣлъ, мнѣ было бы совершенно невозможно. Школа развилась свободно изъ началъ, вносимыхъ въ нее учителемъ и учениками. Несмотря на все преимущество вліянія учителя, ученикъ всегда имѣлъ право не ходить въ школу и даже, ходя въ школу, не слушать учителя. Учитель имѣлъ право не пускать къ себѣ ученика и имѣлъ возможность дѣйствовать всею силою своего вліянія на большинство учениковъ, на общество, всегда составляющееся изъ школьниковъ. Чѣмъ дальше идутъ ученики, тѣмъ больше развѣтвляется преподаваніе и тѣмъ необходимѣе становится порядокъ. Вслѣдствіе того, при нормальномъ, ненасильственномъ развитіи школы, чѣмъ болѣе образовываются ученики, тѣмъ они становятся способнѣе къ порядку, тѣмъ сильнѣе чувствуется ими самими потребность порядка и тѣмъ сильнѣе на нихъ въ этомъ отношеніи вліяніе учителя. Въ Яснополянской школѣ это правило подтверждалось постоянно, со дня ея основанія. Вначалѣ нельзя было подраздѣлить ни на классы, ни на предметы, ни на рекреацію и уроки: все само собой сливалось въ одно, и всѣ попытки распредѣленій оставались тщетны. Теперь же въ первомъ классѣ есть ученики, которые сами требуютъ слѣдованія расписанію, недовольны, когда ихъ отрываешь отъ урока, и которые сами безпрестанно выгоняютъ вонъ маленькихъ, забѣгающихъ къ нимъ.

По моему мнѣнію, внѣшній безпорядокъ этотъ полезенъ и незамѣнимъ, какъ онъ ни кажется страннымъ и неудобнымъ

для учителя. О выгодахъ этого устройства мнѣ часто придется говорить, о мнимыхъ же неудобствахъ скажу слѣдующее. Во-первыхъ, безпорядокъ этотъ, или свободный порядокъ, страшенъ намъ только потому, что мы привыкли къ совсѣмъ другому, въ которомъ сами воспитаны. Во-вторыхъ, въ этомъ, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, насиліе употребляется только вслѣдствіе поспѣшности и недостатка уваженія къ человѣческой природѣ. Намъ кажется, безпорядокъ растетъ, дѣлается все больше и больше, и нѣтъ ему предѣловъ, — кажется, что нѣтъ другого средства прекратить его, какъ употребить силу, — а стоило только немного подождать, и безпорядокъ (или оживленіе) самъ естественно улегся бы и улегся бы въ порядокъ, гораздо лучшій и прочнѣйшій, чѣмъ тотъ, который мы выдумаемъ. Школьники — люди хотя и маленькіе, но люди, имѣющіе тѣ же потребности, какія и мы, и тѣми же путями мыслящіе; они всѣ хотятъ учиться, затѣмъ только и ходятъ въ школу, и потому имъ весьма легко будетъ дойти до заключенія, что нужно подчиняться извѣстнымъ условіямъ для того, чтобъ учиться. Мало того, что они люди, они — общество людей, соединенное одною мыслью. «А гдѣ трое соберутся во имя Мое, и Я между ними». Подчиняясь законамъ только естественнымъ, вытекающимъ изъ ихъ природы, они не возмущаются и не ропщутъ; подчиняясь вашему преждевременному вмѣшательству, они не вѣрятъ въ законность вашихъ звонковъ, расписаній и правилъ. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть, какъ ребята подерутся— учитель бросается разнимать ихъ, и разведенные враги косятся другъ на друга и даже при грозномъ учителѣ не удержатся, чтобы еще больнѣе, чѣмъ прежде, напослѣдкахъ не толкнуть одинъ другого. Сколько разъ я каждый день вижу, какъ какой-нибудь Кирюшка, стиснувъ зубы, налетитъ на Тараску, зацѣпитъ его за виски, валитъ на землю и, кажется, хочетъ живъ не остаться— изуродовать врага, а не пройдетъ минуты, Тараска ужъ смѣется изъ-подъ Кирюшки; одинъ, разъ за разомъ, все легче отплачиваетъ другому; и не пройдетъ пяти минутъ, какъ оба дѣлаются друзьями и идутъ садиться рядомъ. Недавно, между классами, въ углу сцѣпились два мальчика; одинъ — замѣчательный математикъ, лѣтъ девяти, второго класса, другой — стриженый дворовый, умный, но мстительный, крошечный, черноглазый мальчикъ, прозванный Кыской. Кыска сцапалъ за длинные виски математика и прижалъ ему голову къ стѣнѣ; математикъ тщетно цѣплялъ за стриженую щетинку Кыски. Черные глазенки Кыски торжествовали. Математикъ едва удерживался отъ слезъ и говорилъ: «ну, ну, что, что?», но ему, видно, плохо приходилось.

и онъ только храбрился. Это продолжалось довольно долго, и я былъ въ нерѣшительности, что́ дѣлать. «Дерутся, дерутся!» закричали ребята и столпились около угла. Маленькіе смѣялись, но большіе, хотя и не стали разнимать, какъ-то серьезно переглянулись, и эти взгляды и молчаніе не ушли отъ Кыски. Онъ понялъ, что дѣлаетъ что-то нехорошее, и началъ преступно улыбаться и отпускать понемногу виски математика. Математикъ вывернулся, толкнулъ Кыску такъ, что тотъ ударился головой о стѣну, и, удовлетворенный, отошелъ. Кыска заплакалъ, пустился за своимъ врагомъ, изъ всей силы ударилъ его по шубѣ, но не больно. Математикъ хотѣлъ было отплатить, но въ ту же минуту раздалось нѣсколько неодобрительныхъ голосовъ. «Вишь, съ маленькимъ связался! — закричали зрители. — Удирай, Кыска!» Дѣло тѣмъ и кончилось, какъ будто его и не было, исключая, я предполагаю, смутнаго сознанія того и другого, что драться непріятно, потому что обоимъ больно. Здѣсь мнѣ удалось какъ будто подмѣтить чувство справедливости, руководившее толпой; но сколько разъ рѣшаются такія дѣла такъ, что не поймешь, на основаніи какого закона, но рѣшаются, удовлетворяя обѣ стороны. Какъ произвольны и не справедливы въ сравненіи съ этимъ всѣ воспитательные пріемы въ такихъ случаяхъ! «Вы оба виноваты, станьте на колѣни!» говоритъ воспитатель, и воспитатель не правъ, потому что виноватъ одинъ, и этотъ одинъ торжествуетъ, стоя на колѣнкахъ, и пережевывая свою, не всю вылившуюся злобу, и вдвойнѣ наказанъ невинный. Или: «ты виноватъ въ томъ, что ты то-то и то-то сдѣлалъ, и будешь наказанъ», скажетъ воспитатель, и наказанный еще больше ненавидитъ своего врага за то, что на его сторонѣ деспотическая власть, законности которой онъ не признаетъ. Или: «прости его, такъ Богъ велитъ, и будь лучше его», скажетъ воспитатель. Вы ему говорите: будь лучше его, а онъ хочетъ быть только сильнѣй и другого *лучше* не понимаетъ и не можетъ понимать. Или: «вы оба виноваты: попросите другъ у друга прощенія и поцѣлуйтесь, дѣтки». Это ужъ хуже всего — и по неправдѣ выдуманности этого поцѣлуя и потому, что утихавшее дурное чувство тутъ вновь загорается. А оставьте ихъ однихъ, ежели вы не отецъ, не мать, которымъ просто жаль свое дѣтище и которые потому всегда правы, оттаскавъ за вихры того, кто прибилъ ихъ сына; оставьте ихъ и посмотрите, какъ это все разъясняется и укладывается такъ же просто и естественно и вмѣстѣ такъ же сложно и разнообразно, какъ всѣ безсознательныя жизненныя отношенія. Но, можетъ быть, учителя, не испытавшіе такого безпорядка, или свободнаго порядка, подумаютъ,

что безъ учительскаго вмѣшательства безпорядокъ этотъ можетъ имѣть физически-вредныя послѣдствія: перебьются, переломаются и т. п. Въ Яснополянской школѣ съ прошлой весны было два только случая ушибовъ съ знаками: одного мальчика столкнули съ крыльца, и онъ разсѣкъ себѣ ногу до кости (рана зажила въ двѣ недѣли), другому обожгли щеку зажженною резинкой, и онъ недѣли двѣ носилъ болячку. Не больше какъ разъ въ недѣлю случится, что поплачетъ кто-нибудь, и то не отъ боли, а отъ досады или стыда. Побоевъ, синяковъ, шишекъ, кромѣ этихъ двухъ случаевъ, мы не можемъ вспомнить за все лѣто, при 30 и 40 ученикахъ, предоставленныхъ вполнѣ своей волѣ.

Я убѣжденъ, что школа не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, подлежащее только семейству, что школа не должна и не имѣетъ права награждать и наказывать, что лучшая полиція и администрація школы состоитъ въ предоставленіи полной свободы ученикамъ учиться и вѣдаться между собой, какъ имъ хочется. Я убѣжденъ въ этомъ, но, несмотря на то, старыя привычки воспитательныхъ школъ такъ сильны въ насъ, что мы въ Яснополянской школѣ нерѣдко отступаемъ отъ этого правила. Прошлымъ полугодіемъ, именно въ ноябрѣ, было два случая наказаній.

Во время класса рисованія недавно прибывшій учитель замѣтилъ мальчика, который кричалъ, не слушая учителя, и неистово билъ своихъ сосѣдей безъ всякой причины. Не найдя возможности успокоить его словами, учитель вывелъ его съ мѣста и взялъ у него доску — это было наказаніе. Мальчикъ обливался все время урока слезами. Это былъ тотъ самый мальчикъ, котораго я вначалѣ Яснополянской школы не принялъ, сочтя его за безнадежнаго идіота. Главныя черты мальчика: тупость и кротость. Товарищи никогда не принимаютъ его въ игры, смѣются, издѣваются надъ нимъ и сами съ удивленіемъ разсказываютъ: «какой чудной Петька! побьешь — его маленькіе и тѣ бьютъ, — а онъ встряхнется и пойдетъ прочь». «Совсѣмъ у него сердца нѣтъ», сказалъ мнѣ про него одинъ мальчикъ. Ежели такого мальчика довели до того состоянія ярости, за которое его наказалъ учитель, то виноватъ былъ, вѣрно, не наказанный. — Другой случай. Лѣтомъ, во время перестройки дома, изъ физическаго кабинета пропала лейденская банка, нѣсколько разъ пропадали карандаши и пропали книжки уже въ то время, когда ни плотниковъ, ни маляровъ не работало въ домѣ. Мы спросили мальчиковъ: лучшіе ученики, первые школьники по времени, старые друзья наши, покраснѣли и заробѣли такъ

что всякій слѣдователь подумалъ бы, что замѣшательство это есть вѣрное доказательство ихъ вины. Но я зналъ ихъ и могъ ручаться за нихъ, какъ за себя. Я понялъ, что одна мысль подозрѣнія глубоко и больно оскорбила ихъ: мальчикъ, котораго я назову Өедоромъ, даровитая и нѣжная натура, весь блѣдный, дрожалъ и плакалъ. Они обѣщались сказать, ежели узнаютъ, но искать отказались. Черезъ нѣсколько дней открылся воръ— дворовый мальчикъ изъ дальней деревни. Онъ увлекъ за собой крестьянскаго мальчика, пріѣхавшаго съ нимъ изъ той же деревни, и они вмѣстѣ прятали краденыя вещи въ сундучокъ. Открытіе это произвело странное чувство въ товарищахъ: какъ будто облегченіе и даже радость и вмѣстѣ съ тѣмъ презрѣніе и сожалѣніе къ вору. Мы предложили имъ самимъ назначить наказаніе: одни требовали высѣчь вора, но непремѣнно самимъ; другіе говорили: ярлыкъ пришить съ надписью воръ. Это наказаніе, къ стыду нашему, было употребляемо нами прежде, и именно тотъ самый мальчикъ, который годъ тому назадъ самъ носилъ ярлыкъ съ надписью *лгунъ*, настоятельнѣе всѣхъ требовалъ теперь ярлыка на вора. Мы согласились на ярлыкъ, и когда дѣвочка нашивала ярлыкъ, всѣ ученики съ злою радостью смотрѣли и подтрунивали надъ наказанными. Они требовали еще усиленія наказанія: «провести ихъ по деревнѣ, оставить ихъ до праздника съ ярлыками», говорили они. Наказанные плакали. Крестьянскій мальчикъ, увлеченный товарищемъ, даровитый разсказчикъ и шутникъ, толстенькій бѣлый карапузикъ, плакалъ просто распущенно, во всю ребячью мочь; другой, главный преступникъ, горбоносый, съ сухими чертами умнаго лица, былъ блѣденъ, губы у него тряслись, глаза дико и злобно смотрѣли на радующихся товарищей и изрѣдка, неестественно у него въ плачъ искривлялось лицо. Фуражка съ разорваннымъ козырькомъ была надѣта на самый затылокъ, волосы растрепаны, платье испачкано мѣломъ. Все это меня и всѣхъ поразило теперь такъ, какъ будто мы въ первый разъ это видѣли. Недоброжелательное вниманіе всѣхъ было устремлено на него. И онъ это больно чувствовалъ. Когда онъ, не оглядываясь, опустивъ голову, какою-то особенною преступною походкой, какъ мнѣ показалось, пошелъ домой, и ребята, толпой бѣжа за нимъ, дразнили его какъ-то ненатурально и странно жестоко, какъ будто противъ ихъ воли злой духъ руководилъ ими, что-то мнѣ говорило, что это нехорошо. Но дѣло осталось какъ было, и воръ проходилъ съ ярлыкомъ цѣлыя сутки. Съ этого времени онъ сталъ, какъ мнѣ показалось, хуже учиться, и уже его не видно бывало въ играхъ и разговорахъ съ товарищами внѣ класса.

Разъ я пришелъ въ классъ, всѣ школьники съ какимъ-то ужасомъ объявили мнѣ, что мальчикъ этотъ опять укралъ. Изъ комнаты учителя онъ утащилъ 20 к. мѣдныхъ денегъ, и его застали, когда онъ ихъ пряталъ подъ лѣстницей. Мы опять навѣсили ему ярлыкъ, — опять началась та же уродливая сцена. Я сталъ увѣщавать его, какъ увѣщаваютъ всѣ воспитатели; бывшій при этомъ уже взрослый мальчикъ, говорунъ, сталъ увѣщавать его тоже, повторяя слова, вѣроятно, слышанныя имъ отъ отца-дворника. «Разъ укралъ, другой укралъ, — говорилъ онъ складно и степенно, — привычку возьметъ, до добра не доведетъ». Мнѣ начинало становиться досадно. Я чувствовалъ почти злобу на вора. Я взглянулъ въ лицо наказаннаго, еще болѣе блѣдное, страдающее и жестокое, вспомнилъ почему-то колодниковъ, и мнѣ такъ вдругъ стало совѣстно и гадко, что я сдернулъ съ него глупый ярлыкъ; велѣлъ ему идти, куда онъ хочетъ, и убѣдился вдругъ, не умомъ, а всѣмъ существомъ убѣдился, что я не имѣю права мучить этого несчастнаго ребенка и что я не могу сдѣлать изъ него то, чтó бы мнѣ и дворникову сыну хотѣлось изъ него сдѣлать. Я убѣдился, что есть тайны души, закрытыя отъ насъ, на которыя можетъ дѣйствовать жизнь, а не нравоученія и наказанія. И что за дичь? Мальчикъ укралъ книгу, — цѣлымъ, длиннымъ, многосложнымъ путемъ чувствъ, мыслей, ошибочныхъ умозаключеній приведенъ былъ къ тому, что взялъ чужую книжку и зачѣмъ-то заперъ ее въ свой сундукъ, — а я налѣпляю ему бумажку со словами «воръ», которыя значатъ совсѣмъ другое! Зачѣмъ? «Наказать его стыдомъ», скажутъ мнѣ. Наказать его стыдомъ? Зачѣмъ? Чтò такое стыдъ? И развѣ извѣстно, что стыдъ уничтожаетъ наклонность къ воровству? Можетъ быть, онъ поощряетъ ее. То, чтò выражалось на его лицѣ, можетъ быть, было не стыдъ? Даже навѣрно я знаю, что это былъ не стыдъ, а что-то совсѣмъ другое, что, можетъ быть, спало бы всегда въ его душѣ и что не нужно было вызывать. Пускай тамъ, въ мірѣ, который называютъ дѣйствительнымъ, въ мірѣ Пальмерстоновъ, Кайэнъ, въ мірѣ, гдѣ разумно не то, чтò разумно, а то, чтò дѣйствительно, — пускай тамъ люди, сами наказанные, выдумаютъ себѣ права и обязанности наказывать. Нашъ міръ дѣтей — людей простыхъ, независимыхъ — долженъ оставаться чистъ отъ самообманыванія и преступной вѣры въ законность наказанія, вѣры и самообманыванія въ то, что чувство мести становится справедливымъ, какъ скоро его назовемъ наказаніемъ...

Продолжаемъ описаніе дневного порядка ученія. Часа въ два проголодавшіеся ребята бѣгутъ домой. Несмотря на голодъ,

они, однако, еще остаются нѣсколько минутъ, чтобы узнать, кому какія отмѣтки. Отмѣтки въ настоящее время, не дающія никому преимущества, страшно занимаютъ ихъ! «Мнѣ 5 съ крестомъ, а Ольгушкѣ нолю какую здоровую закатили! А мнѣ 4!» кричатъ они. Отмѣтки служатъ для нихъ самихъ оцѣнкой ихъ труда, и недовольство отмѣтками бываетъ только тогда, когда оцѣнка сдѣлана невѣрно. Бѣда, ежели онъ старался, и учитель, просмотрѣвъ, поставитъ ему меньше того, чего онъ стоитъ! Онъ не дастъ покою учителю и плачетъ горькими слезами, ежели не добьется измѣненія. Дурныя отмѣтки, но заслуженныя, остаются безъ протеста. Отмѣтки, впрочемъ, остаются только отъ стараго нашего порядка и сами собой начинаютъ падать.

Въ первый послѣ обѣда урокъ, послѣ роспуска, собираются точно такъ же, какъ утромъ, и такъ же дожидаются учителя. Большею частью это бываетъ урокъ священный или русской исторіи, на который собираются всѣ классы. Урокъ этотъ начинается обыкновенно еще сумерками. Учитель становится или садится посрединѣ комнаты, а толпа размѣщается вокругъ него амфитеатромъ — кто на лавкахъ, кто на столахъ, кто на подоконникахъ.

Всѣ вечерніе уроки, а особенно этотъ первый, имѣютъ совершенно особенный отъ утреннихъ характеръ спокойствія, мечтательности и поэтичности. Придите въ школу сумерками — огня въ окнахъ не видно, почти тихо, только вновь натасканный снѣгъ на ступени лѣстницы, слабый гулъ и шевеленье за дверью, да какой-нибудь мальчуганъ, ухватившись за перила, черезъ двѣ ступени шагающій наверхъ по лѣстницѣ, доказываютъ, что ученики въ школѣ. Войдите въ комнату. Ужъ почти темно за замерзшими окнами; старшіе, лучшіе ученики прижаты другими къ самому учителю и, задравъ головки, смотрятъ ему прямо въ ротъ. Дворовая самостоятельная дѣвочка съ озабоченнымъ лицомъ сидитъ всегда на высокомъ столѣ, — такъ и кажется, каждое слово глотаетъ; поплоше ребята, мелкота, сидятъ подальше, они слушаютъ внимательно, даже сердито, они держатъ себя такъ же, какъ и большіе, но, несмотря на все вниманіе, мы знаемъ, что они ничего не разскажутъ, хотя и многое запомнятъ. Кто навалился на плечи другому, кто вовсе стоитъ на столѣ. Рѣдко кто, втиснувшись въ самую средину толпы, за чьей-нибудь спиной занимается выписываніемъ ногтемъ какихъ-нибудь фигуръ на этой спинѣ. Рѣдко кто оглянется на васъ. Когда идетъ новый разсказъ — всѣ замерли, слушаютъ. Когда повтореніе — тутъ и тамъ раздаются самолюбивые голоса, не могущіе выдержать, чтобы не подсказать учителю. Впрочемъ, и старую исторію,

которую любятъ, они просятъ учителя повторить всю своими словами и не позволяютъ перебивать учителя. «Ну ты, не терпится? молчи!» крикнутъ на выскочку. Имъ больно, что перебиваютъ характеръ и художественность разсказа учителя. Послѣднее время это была исторія жизни Христа. Они всякій разъ требовали разсказать ее всю. Ежели не всю имъ разсказывали, то они сами дополняли любимый конецъ — исторію отреченія Петра и страданія Спасителя. Кажется, все мертво, не шелохнется,—не заснули ли? Подойдешь въ полутьмѣ, взглянешь въ лицо какому-нибудь маленькому — онъ сидитъ, впившись глазами въ учителя, сморщивши лобъ отъ вниманія, и десятый разъ отталкиваетъ съ плеча навалившуюся на него руку товарища. Вы щекотите его за шею — онъ даже не улыбнется, согнетъ головку, какъ будто отгоняясь отъ мухи, и опять весь отдается таинственному и поэтическому разказу: какъ сама разорвалась церковная завѣса и темно сдѣлалось на землѣ, — ему и жутко и хорошо. Но вотъ учитель кончилъ разсказывать, и всѣ поднимаются съ мѣста и, толпясь къ учителю, перекрикивая одинъ другого, стараются пересказать все, что̀ удержано ими. Крикъ поднимается страшный, и учитель насилу можетъ слѣдить за всѣми. Тѣ, которымъ запретили говорить, въ увѣренности, что они знаютъ, не успокоиваются этимъ: они приступаютъ къ другому учителю, ежели его нѣтъ — къ товарищу, къ постороннему, къ истопнику даже, ходятъ изъ угла въ уголъ подвое, потрое, прося каждаго ихъ послушать. Рѣдко кто разсказываетъ одинъ. Они сами отбираются группами, равными по силамъ, и разсказываютъ, поощряя, поджидая и поправляя одинъ другого. «Ну, давай съ тобой», говоритъ одинъ другому, но тотъ, къ кому обращаются, знаетъ, что онъ ему не по силамъ, и отсылаетъ его къ другому. Какъ только повысказались, успокоились, приносятъ свѣчи, и уже другое настроеніе находитъ на мальчиковъ.

По вечерамъ вообще и въ слѣдующихъ классахъ меньше возни, криковъ, больше покорности, довѣрія учителю. Особенное отвращеніе замѣтно отъ математики и анализа и охота къ пѣнію, чтенію и особенно къ разсказамъ. «Что все математику, да писать— разсказывать лучше... о землѣ, или хоть исторію, а мы послушаемъ», говорятъ они. Часовъ въ 8 уже глаза соловѣютъ; начинаютъ позѣвывать, свѣчки темнѣе горятъ — рѣже снимаютъ, старшіе удерживаются, младшіе — худшіе засыпаютъ, облокотившись на столъ подъ пріятные звуки говора учителя. Иногда, когда классы бываютъ интересны и ихъ было много (иногда бываетъ до семи большихъ часовъ въ день), и ребята устали, или передъ праздникомъ, когда дома печки приготовлены париться,

12*

вдругъ, не говоря ни слова, на второмъ или третьемъ послѣобѣденномъ классѣ два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и спѣша разбираютъ шапки. «Что вы?» — Домой. — «А учиться? вѣдь пѣніе!» — А ребята говорятъ: домой! — отвѣчаетъ онъ, ускользая съ своей шапкой. «Да кто говоритъ?» — Ребята пошли! — «Какъ же, какъ? — спрашиваетъ озадаченный учитель, приготовившій свой урокъ. — Останься!» Но въ комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь? — сердито нападаетъ онъ на удержаннаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку:— Ребята ужъ во-онъ гдѣ, у кузни ужъ небось». — Пошли? — «Пошли». И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Ивановичъ!» И кто такіе эти ребята, которые рѣшили идти домой, какъ они рѣшили — Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ вздумали ребята домой. «Ребята идутъ!» — и застучали ножонки по ступенькамъ, кто ко̀томъ свалился со ступеней, и, подпрыгивая и бултыхаясь въ снѣгъ, обѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣжали домой ребята. Такіе случаи повторяются разъ и два въ недѣлю. Оно обидно и непріятно для учителя — кто не согласится съ этимъ, но кто не согласится тоже, что вслѣдствіе одного такого случая насколько большее значеніе получаютъ тѣ пять, шесть, а иногда семь уроковъ въ день для каждаго класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повтореніи такихъ случаевъ можно быть увѣреннымъ, что преподаваніе, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсѣмъ дурно и невредно. Ежели бы вопросъ былъ поставленъ такъ: что лучше— чтобы въ продолженіе года не было ни одного такого случая или чтобы случаи эти повторялись больше, чѣмъ наполовину уроковъ, — мы бы выбрали послѣднее. Я, по крайней мѣрѣ, въ Яснополянской школѣ былъ радъ этимъ, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ повторявшимся, случаямъ. Несмотря на частыя повторенія ребятамъ, что они могутъ уходить всегда, когда имъ хочется, вліяніе учителя такъ сильно, что я боялся послѣднее время, какъ бы дисциплина классовъ, расписаній и отмѣтокъ, незамѣтно для нихъ, не стѣснила ихъ свободы такъ, чтобъ они совсѣмъ не покорились хитрости нашей разставленной сѣти порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжаютъ ходить охотно, несмотря на предоставленную имъ свободу, я никакъ не думаю, чтобъ это доказывало особенныя качества Яснополянской школы, — я думаю, что въ большей части школъ то же самое бы повторилось и что желаніе

учиться въ дѣтяхъ такъ сильно, что для удовлетворенія этого желанія они подчинятся многимъ труднымъ условіямъ и простятъ много недостатковъ. Возможность такихъ убѣганій полезна и необходима только какъ средство застрахованія учителя отъ самыхъ сильныхъ и грубыхъ ошибокъ и злоупотребленій.

По вечерамъ бываетъ пѣніе, постепенное чтеніе, бесѣды, физическіе эксперименты и писаніе сочиненій. Любимые изъ этихъ предметовъ — чтеніе и опыты. Въ чтеніи старшіе укладываются на большомъ столѣ звѣздой — головами вмѣстѣ, ногами врозь — одинъ читаетъ и всѣ другъ другу разсказываютъ. Младшіе по два усаживаются за книжки и, если книжечка эта понятна, читаютъ, какъ мы читаемъ — пристраиваются къ свѣту и облокачиваются попокойнѣе и, видимо, получаютъ удовольствіе. Нѣкоторые, стараясь соединить два удовольствія, садятся противъ топящейся печки — грѣются и читаютъ. Въ классы опытовъ пускаются не всѣ — только старшіе и лучшіе, разсудительнѣйшіе изъ 2-го класса. Этотъ классъ по характеру, который онъ принялъ у насъ, самый вечерній, самый фантастическій, совершенно подходящій къ настроенію, вызванному чтеніемъ сказокъ. Тутъ сказочное происходитъ въ дѣйствительности — все олицетворяется ими: можжевеловый шарикъ, отталкиваемый сургучомъ, отклоняющаяся магнитная иголка, опилки, бѣгающія по листу бумаги, подъ которымъ водятъ магнитомъ, представляются имъ живыми существами. Самые умные, понимающіе объясненіе этихъ явленій, мальчики увлекаются и начинаютъ ухать на иголку, на шарикъ, на опилки: «вишь ты! Куды? куды? Держи! ухъ! закатывай!» и т. п.

Обыкновенно классы кончаются часовъ въ 8 — 9, ежели только столярство не задержитъ старшихъ мальчиковъ дольше, и вся ватага съ крикомъ бѣжитъ вмѣстѣ до дворни и оттуда группами, перекрикивающимися другъ съ другомъ, начинаютъ расходиться по разнымъ концамъ деревни. Иногда они затѣваютъ скатиться на большихъ саняхъ, выдвинутыхъ за ворота, подъ гору къ деревнѣ, — подвязываютъ оглобли, валятся на средину и въ снѣжной пыли съ визгомъ скрываются изъ глазъ, кое-гдѣ на дорогѣ оставляя черныя пятна вывалившихся ребятъ. Внѣ училища, несмотря на всю свободу его, на воздухѣ, между учениками и учителемъ устанавливаются новыя отношенія — большей свободы большей простоты и большаго довѣрія, — тѣ самыя отношенія, которыя представляются намъ идеаломъ того, къ чему должна стремиться школа.

Недавно мы въ первомъ классѣ читали *Вія* Гоголя; послѣднія сцены подѣйствовали сильно и раздражили ихъ воображе-

ніе, — нѣкоторые въ лицахъ представляли вѣдьму и все вспоминали послѣднюю ночь.

На дворѣ было не холодно — зимняя безмѣсячная ночь съ тучами на небѣ. На перекресткѣ мы остановились; старшіе, трехлѣтніе школьники, остановились около меня, приглашая проводить ихъ еще; маленькіе поглядѣли — и закатились подъ гору. Младшіе начали учиться при новомъ учителѣ и между мною и ими уже нѣтъ того довѣрія, какъ между мной и страшими. «Ну, такъ пойдемъ въ Заказъ» (небольшой лѣсъ, шагахъ въ 200 отъ жилья), сказалъ одинъ изъ нихъ. Больше всѣхъ просилъ Ѳедька, мальчикъ лѣтъ 10, нѣжная, воспріимчивая, поэтическая и лихая натура. Опасность для него составляетъ, кажется, самое главное условіе удовольствія. Лѣтомъ всегда бывало страшно смотрѣть, какъ онъ съ другими двумя ребятами выплывалъ на самую средину пруда, саженъ въ 50 ширины, и изрѣдка пропадалъ въ жаркихъ отраженіяхъ лѣтняго солнца; плавалъ по глубинѣ, перевертываясь на спину, пуская струйки воды и окликая тонкимъ голоскомъ товарищей на берегу, чтобы видѣли, какой онъ молодецъ. Теперь онъ зналъ, что въ лѣсу есть волки, поэтому ему хотѣлось въ Заказъ. Всѣ подхватили, и мы вчетверомъ пошли въ лѣсъ. Другой — я назову его Семка — здоровенный и физически и морально, малый лѣтъ 12, прозванный Вавило, шелъ впереди и все кричалъ и аукался съ кѣмъ-то заливистымъ голосомъ. Пронька — болѣзненный, кроткій и чрезвычайно даровитый мальчикъ, сынъ бѣдной семьи, — болѣзненный, кажется, больше всего отъ недостатка пищи, — шелъ рядомъ со мной. Ѳедька шелъ между мной и Семкой и все заговаривалъ особенно мягкимъ голосомъ, то разсказывая, какъ онъ лѣтомъ стерегъ здѣсь лошадей, то говоря, что ничего не страшно, а то спрашивая: «что ежели какой-нибудь выскочитъ?» и непремѣнно требуя, чтобъ я что-нибудь сказалъ на это. Мы не вошли въ средину лѣса — это было бы уже слишкомъ страшно, но и около лѣса стало темнѣе: дорожка чуть виднѣлась, огни деревни скрылись изъ виду. Семка остановился и сталъ прислушиваться. «Стой, ребята! Что такое?» вдругъ сказалъ онъ. Мы замолкли, но ничего не было слышно; все-таки страху еще прибавилось. «Ну, что же мы станемъ дѣлать, какъ онъ выскочитъ да за нами?» спросилъ Ѳедька. Мы разговорились о кавказскихъ разбойникахъ. Они вспомнили кавказскую исторію, которую я имъ разсказывалъ давно, и я сталъ опять разсказывать объ абрекахъ, о казакахъ, о Хаджи-Муратѣ. Семка шелъ впереди, широко ступая своими большими сапогами и мѣрно раскачивая здоровою спиной. Пронька попытался было идти рядомъ со мной, но Ѳедька сбилъ

его съ дорожки, и Пронька, должно быть, по своей бѣдности всегда всѣмъ покоряющійся, только въ самыхъ интересныхъ мѣстахъ забѣгалъ сбоку, хотя и по колѣно утопая въ снѣгу.

Всякій замѣчалъ, кто немного знаетъ крестьянскихъ дѣтей, что они не привыкли и терпѣть не могутъ всякихъ ласкъ— нѣжныхъ словъ, поцѣлуевъ, трогяній рукой и т. п. Мнѣ случалось видѣть, какъ дама въ крестьянской школѣ, желая обласкать мальчика, скажетъ: «ну, ужъ я тебя поцѣлую, милашка!» и поцѣлуетъ, и какъ этотъ поцѣлованный мальчикъ стыдится, обижается и недоумѣваетъ, за что̀ именно это съ нимъ сдѣлали; мальчикъ лѣтъ пяти становится уже выше этихъ ласканій— онъ ужъ малый. Потому-то меня особенно поразило, когда Ѳедька, шедшій рядомъ со мной, въ самомъ страшномъ мѣстѣ разсказа, вдругъ дотронулся до меня слегка рукавомъ, потомъ всею рукой ухватилъ меня за два пальца и уже не выпускалъ ихъ. Только что я замолкалъ, Ѳедька уже требовалъ, чтобъ я говорилъ еще, и такимъ умоляющимъ и взволнованнымъ голосомъ, что нельзя было не исполнить его желанія. «Ну, ты, суйся подъ ноги!» сказалъ онъ разъ сердито Пронькѣ, забѣжавшему впередъ; онъ былъ увлеченъ до жестокости, — ему было такъ жутко и хорошо, держась за мой палецъ, и никто не долженъ былъ смѣть нарушать его удовольствіе. «Ну, еще, еще! Вотъ хорошо-то!» Мы прошли лѣсъ и стали съ другого конца подходить къ деревнѣ. «Пойдемъ еще, — заговорили всѣ, когда уже стали видны огни,— еще пройдемся». Мы молча шли, кое-гдѣ проваливаясь по рыхлой, плохо наѣзженной, дорожкѣ; бѣлая темнота какъ будто качалась предъ глазами; тучи были низкія, какъ будто на насъ что-то наваливало ихъ; конца не было этому *бѣлому*, въ которомъ только мы одни хрустѣли по снѣгу; вѣтеръ шумѣлъ по голымъ макушкамъ осинъ, а намъ было тихо за лѣсомъ. Я кончилъ разсказъ тѣмъ, что окруженный абрекъ запѣлъ пѣсни и потомъ самъ бросился на кинжалъ. Всѣ молчали. «Зачѣмъ же онъ пѣсню запѣлъ, когда его окружили?» спросилъ Семка. «Вѣдь тебѣ сказывали — умирать собрался!» отвѣчалъ огорченно Ѳедька. «Я думаю, что молитву онъ запѣлъ!» прибавилъ Пронька. Всѣ согласились. Ѳедька остановился вдругъ: «А какъ, вы говорили, вашу тетку зарѣзали?» спросилъ онъ, — ему мало еще было страховъ. «Разскажи! разскажи!» Я имъ разсказалъ еще разъ эту страшную исторію убійства графини Толстой, и они молча стояли вокругъ меня, глядя мнѣ въ лицо. «Попался молодецъ», сказалъ Семка. «То-то страшно ему было ночью ходить, какъ она зарѣзанная лежала, — сказалъ Ѳедька, — я бы убѣжалъ!» и онъ все дальше забиралъ себѣ въ руку мои два пальца. Мы

остановились въ рощѣ, за гумнами, подъ самымъ краемъ деревни. Семка поднялъ хворостину изъ снѣгу и билъ ею по морозному стволу липы. Иней сыпался съ сучьевъ на шапку, и звукъ одиноко раздавался по лѣсу. «Левъ Николаевичъ, — сказалъ Ѳедька (я думалъ — онъ опять о графинѣ), — для чего учиться пѣнію? Я часто думаю, право, зачѣмъ пѣть?»

Какъ онъ перескочилъ отъ ужаса убійства на этотъ вопросъ — Богъ его знаетъ, но по всему: по звуку голоса, по серьезности, съ которой онъ добивался отвѣта, по молчанію интереса другихъ двухъ, чувствовалась самая живая и законная связь этого вопроса съ предыдущимъ разговоромъ. Была ли эта связь въ томъ, что онъ отвѣчалъ на мое объясненіе возможности преступленія необразованіемъ (я говорилъ имъ это), или въ томъ, что онъ повѣрялъ себя, переносясь въ душу убійцы и вспоминая свое любимое дѣло (у него чудесный голосъ и огромный талантъ къ музыкѣ), или связь состояла въ томъ, что онъ чувствовалъ, что теперь время искренней бесѣды, и поднялись въ его душѣ всѣ вопросы, требующіе разрѣшенія, — только вопросъ его не удивилъ никого изъ насъ. «А зачѣмъ рисованье, зачѣмъ хорошо писать?» сказалъ я, рѣшительно не зная, какъ объяснить ему, для чего искусство. «Зачѣмъ рисованье?» повторилъ онъ задумчиво. Онъ именно спрашивалъ: зачѣмъ искусство? Я не смѣлъ и не умѣлъ объяснить. «Зачѣмъ рисованье? — сказалъ Семка. — Нарисуешь все, всякую вещь по ней сдѣлаешь!» — «Нѣтъ, это черченіе, — сказалъ Ѳедька. — А зачѣмъ фигуры рисовать?» Здоровая натура Семки не затруднилась: «зачѣмъ палка? зачѣмъ липа?» сказалъ онъ, все постукивая по липѣ. «Ну да, зачѣмъ липа?» сказалъ я. «Стропила сдѣлать», отвѣчалъ Семка. «А еще лѣтомъ зачѣмъ, — покуда она не срублена?» — «Да ни зачѣмъ». — «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — упорно допрашивалъ Ѳедька, — зачѣмъ растетъ липа?» И мы стали говорить о томъ, что не все есть польза, а есть красота, и что искусство есть красота, и мы поняли другъ друга, и Ѳедька совсѣмъ понялъ, зачѣмъ липа растетъ и зачѣмъ пѣть. Пронька согласился съ нами, но онъ понималъ болѣе красоту нравственную — добро. Семка понималъ своимъ большимъ умомъ, но не признавалъ красоты безъ пользы. Онъ сомнѣвался, какъ это часто бываетъ съ людьми большого ума, чувствующими, что искуство есть сила, но не чувствующими въ своей душѣ потребности этой силы; онъ такъ же, какъ они, хотѣлъ умомъ придти къ искусству и пытался зажечь въ себѣ этотъ огонь. «Будемъ пѣть завтра *Иже*, я помню свой голосъ». У него вѣрный слухъ, но нѣтъ вкуса, изящества въ пѣніи. Ѳедька же совершенно понималъ, что липа

хороша въ листьяхъ, и лѣтомъ хорошо смотрѣть на нее, и больше ничего не надо. Пронька понималъ, что жалко ее срубить, потому что она тоже живая: «вѣдь это все равно, что кровь, когда изъ березы сокъ пьемъ». Семка, хотя и говорилъ, но, видимо, думалъ, что мало въ ней проку, когда она трухлявая. Мнѣ странно повторить, чтò мы говорили тогда, но, я помню, мы переговорили, какъ мнѣ кажется, все, чтò сказать можно о пользѣ, о красотѣ пластической и нравственной.

Мы пошли къ деревнѣ. Өедька все не пускалъ моей руки,— теперь, мнѣ казалось, уже изъ благодарности. Мы всѣ были такъ близки въ эту ночь, какъ давно уже не были. Пронька пошелъ рядомъ съ нами по широкой дорогѣ деревни. «Вишь, огонь еще у Мазановыхъ! — сказалъ онъ. — Я нынче въ классъ шелъ, Гаврюха изъ кабака ѣхалъ, — прибавилъ онъ, — пья-я-я-ный, распьяный; лошадь вся въ мылѣ, а онъ-то ее ожариваетъ... Я всегда жалѣю. Право! За что ее бить?» — «А надысь батя, — сказалъ Семка, — пустилъ свою лошадь изъ Тулы, она его въ сугробъ и завезла, а онъ спитъ пьяный». — «А Гаврюха такъ по глазамъ свою и хлещетъ... и такъ мнѣ жалко стало!— еще разъ сказалъ Пронька. — За что онъ ее билъ? Слѣзъ да и хлещетъ». Семка вдругъ остановился. «Наши уже спятъ, — сказалъ онъ, вглядываясь въ окна своей кривой черной избы.— Не пойдете еще?» — «Нѣтъ». — «Пра-а-а-щайте, Левъ Николаевичъ!» крикнулъ онъ вдругъ и, какъ будто съ усиліемъ оторвавшись отъ насъ, рысью побѣжалъ къ дому, поднялъ щеколду и скрылся. «Такъ ты и будешь разводить насъ — сперва одного, а потомъ другого?» сказалъ Өедька. Мы пошли дальше. У Проньки былъ огонь; мы заглянули въ окно: мать, высокая, красивая, но изнуренная женщина съ черными бровями и глазами, сидѣла за столомъ и чистила картошку; на срединѣ висѣла люлька; математикъ 2-го класса, другой братъ Проньки, стоялъ у стола и ѣлъ картошку съ солью. Изба была черная, крошечная, грязная. «Пропасти на тебя нѣтъ! — закричала мать на Проньку.— Гдѣ былъ?» Пронька кротко и болѣзненно улыбнулся, глядя на окошко. Мать догадалась, что онъ не одинъ, и сейчасъ перемѣнила выраженіе на нехорошее, притворное выраженіе. Остался одинъ Өедька. «У насъ портные сидятъ, оттого свѣтъ», сказалъ онъ своимъ смягченнымъ голосомъ нынѣшняго вечера. «Прощай, Левъ Николаевичъ», прибавилъ онъ тихо и нѣжно и началъ стучать кольцомъ въ запертую дверь. «Отоприте!» прозвучалъ его тонкій голосокъ среди зимней тишины деревни. Ему долго не отворяли. Я заглянулъ въ окно: изба была большая; съ печи и лавки виднѣлись ноги; отецъ съ портными игралъ въ карты,—

нѣсколько мѣдныхъ денегъ лежало на столѣ. Баба, мачеха, сидѣла у свѣтца и жадно глядѣла на деньги. Портной, прожженный ерыга, молодой мужикъ, держалъ на столѣ карты, согнутыя лубкомъ, и съ торжествомъ глядѣлъ на партнера. Отецъ Ѳедьки, съ разстегнутымъ воротникомъ, весь сморщившись отъ умственнаго напряженія и досады, переминалъ карты и въ нерѣшительности сверху замахивался на нихъ своею рабочею рукой. «Отоприте!» Баба встала и пошла отпирать. «Прощайте! — еще разъ повторилъ Ѳедька. — Всегда такъ давайте ходить».

Я вижу людей честныхъ, добрыхъ, либеральныхъ, членовъ благотворительныхъ обществъ, которые готовы дать и даютъ одну сотую своего состоянія бѣднымъ, которые учредили и учреждаютъ школы и которые, прочтя это, скажутъ: не хорошо! — и покачаютъ головой. «Зачѣмъ усиленно развивать ихъ? Зачѣмъ давать имъ чувства и понятія, которыя враждебно поставятъ ихъ въ своей средѣ? Зачѣмъ выводить ихъ изъ своего быта?» скажутъ они. Я не говорю уже о тѣхъ, выдающихъ себя головою, которые скажутъ: «хорошо будетъ устройство государства, когда всѣ захотятъ быть мыслителями и художниками, а работать никто не станетъ!» Эти прямо говорятъ, что они не любятъ работать, и потому нужно, чтобы были люди, не то что неспособные для другой дѣятельности, а рабы, которые бы работали за другихъ. Хорошо ли, дурно ли, должно ли выводить ихъ изъ ихъ среды и т. д. — кто это знаетъ? И кто можетъ вывести ихъ изъ своей среды? Точно это какое-нибудь механическое дѣло. Хорошо ли, или дурно подбавлять сахаръ въ муку или перецъ въ пиво? Ѳедька не тяготится своимъ оборваннымъ кафтанишкомъ, но нравственные вопросы и сомнѣнія мучатъ Ѳедьку, а вы хотите дать ему три рубля, катихизисъ и исторійку о томъ, какъ работа и смиреніе, которыхъ вы сами терпѣть не можете, однѣ полезны для человѣка. Три рубля ему не нужны, онъ ихъ найдетъ и возьметъ, когда они ему понадобятся, а работать научится безъ васъ— такъ же, какъ дышать; ему нужно то, до чего довела васъ жизнь ваша и вашихъ десяти незабитыхъ работой поколѣній. Вы имѣли досугъ искать, думать, страдать — дайте же ему то, что̀ вы выстрадали: ему этого одного и нужно; а вы, какъ египетскій жрецъ, закрываетесь отъ него таинственною мантіей, зарываете въ землю талантъ, данный вамъ исторіей. Не бойтесь: человѣку ничто человѣческое не вредно. Вы сомнѣваетесь? Отдайтесь чувству, и оно не обманетъ васъ. Повѣрьте его природѣ, и вы убѣдитесь, что онъ возьметъ только то, что̀ заповѣдала вамъ передать ему исторія, что страданіями выработалось въ васъ.

Школа — безплатная, и первые по времени ученики — изъ деревни *Ясной Поляны*. Многіе изъ этихъ учениковъ вышли изъ школы, потому что родители ихъ сочли ученье нехорошимъ; многіе, выучившись читать и писать, бросили ходить — нанялись на станцію (главный промыселъ нашей деревни). Изъ сосѣднихъ небогатыхъ деревень привозили сначала, но по неудобству ходить или отдавать на харчи (у насъ берутъ самое дешевое 2 руб. сер. въ мѣсяцъ) скоро взяли назадъ. Изъ дальнихъ деревень побогаче мужики польстились безплатностью и распространившеюся молвой въ народѣ, что въ Яснополянской школѣ учатъ хорошо, отдали было дѣтей, но въ нынѣшнюю зиму при открытіи школъ по селамъ, взяли ихъ назадъ и помѣстили въ платныхъ сельскихъ школахъ. Остались въ Яснополянской школѣ дѣти яснополянскихъ мужиковъ, которыя ходятъ по зимамъ, лѣтомъ же, съ апрѣля по половину октября, работаютъ въ полѣ, и дѣти дворниковъ, приказчиковъ, солдатъ, дворовыхъ, цѣловальниковъ, дьячковъ и богатыхъ мужиковъ, которыя привезены верстъ за тридцать и пятьдесятъ.

Числомъ всѣхъ учениковъ до 40, но рѣдко бываетъ больше 30 вмѣстѣ. Дѣвочекъ 10-й, 6-й процентъ, — отъ 3 до 5 у насъ. Мальчики отъ 7-го до 13-го года — самый обыкновенный, нормальный возрастъ. Кромѣ того, всякій годъ бываетъ человѣка 3—4 взрослыхъ, которые походятъ мѣсяцъ, иногда всю зиму— и совсѣмъ бросятъ. Для взрослыхъ, поодиночкѣ ходящихъ въ школу, порядокъ школы весьма неудобенъ. Они, по своимъ годамъ и по чувству достоинства, не могутъ принять участія въ оживленіи школы, не могутъ отрѣшиться отъ презрѣнія къ ребятамъ и остаются совсѣмъ одиноки. Оживленіе школы имъ только мѣшаетъ. Они приходятъ большею частью доучиваться, уже кое-что зная, и съ убѣжденіемъ, что ученье есть только то самое заучиванье книжки, про которое они слыхали или которое даже испытали прежде. Для того, чтобы придти въ школу, ему нужно было преодолѣть свой страхъ и дичливость, выдержать семейшую грозу и насмѣшки товарищей: «Вишь, меринъ какой учиться ходитъ!» И, кромѣ того, онъ постоянно чувствуетъ, что каждый потерянный день въ школѣ есть потерянный день для работы, составляющей его единственный капиталъ, и потому все время въ школѣ онъ находится въ раздраженномъ состояніи поспѣшности и усердія, которыя больше всего вредятъ ученью. За то время, которое я пишу, было три такихъ взрослыхъ, изъ которыхъ одинъ и теперь учится. Взрослые въ школѣ — точно на пожарѣ: только что онъ кончаетъ писать, въ тотъ же моментъ, какъ кладетъ одною рукой перо,

онъ другую захватываетъ книжку и стоя начинаетъ читать; только что у него взяли книгу — онъ берется за грифельную доску; когда и эту отнимутъ у него — онъ совсѣмъ потерянъ. Былъ одинъ работникъ, который учился и топилъ въ школѣ нынѣшнею осенью. Онъ въ двѣ недѣли выучился читать и писать, но это было не ученье, а какая-то болѣзнь въ родѣ запоя. Проходя съ дровами черезъ классъ, онъ останавливался и, съ дровами въ рукахъ, перегибаясь черезъ голову мальчика, складывалъ с-к-а — ска и шелъ къ своему мѣсту. Когда онъ этого не успѣвалъ сдѣлать, то съ завистью, съ злобой почти, смотрѣлъ на ребятъ; когда же онъ былъ свободенъ, то съ нимъ нельзя было ничего сдѣлать: онъ впивался въ свою книгу, твердя б-а — ба, р-и — ри и т. д., и, находясь въ этомъ состояніи, онъ лишался способности понимать что-либо другое. Когда взрослымъ случалось пѣть или рисовать, или слушать разсказъ исторіи, или смотрѣть опыты, видно было, что они покорялись жестокой необходимости и, какъ голодные, оторванные отъ своего корма, ждали только минуты опять впиться въ книгу съ азами. Оставаясь вѣренъ своему правилу, я не заставлялъ какъ мальчика учить азбучку, когда ему этого не хотѣлось, такъ и взрослаго учиться механикѣ или черченію, когда ему хотѣлось азбучку. Каждый бралъ то, чтò ему было нужно.

Вообще взрослые, *заученные* прежде, еще не нашли себѣ мѣста въ Яснополянской школѣ, и ихъ ученье идетъ дурно: что-то есть неестественное и болѣзненное въ отношеніи ихъ къ школѣ. Воскресныя школы, которыя я видѣлъ, представляютъ то же самое явленіе относительно взрослыхъ, и потому всѣ свѣдѣнія объ успѣшномъ и свободномъ образованіи взрослыхъ для насъ были бы драгоцѣннѣйшими пріобрѣтеніями.

Взглядъ народа на школу много измѣнился съ начала ея существованія. О прежнемъ взглядѣ намъ придется говорить въ исторіи Яснополянской школы; теперь же въ народѣ говорятъ, что въ Яснополянской школѣ всему учатъ и всѣмъ наукамъ, и такіе дошлые есть учителя, что *бяда:* громъ и молнію, сказываютъ, приставляютъ! Одначе ребята хорошо понимаютъ— читать и писать стали. Одни — богатые дворники — отдаютъ дѣтей изъ тщеславія въ полную науку произвесть, чтобъ и дѣленію занялся (дѣленіе есть высшее понятіе о школьной премудрости); другіе отцы полагаютъ, что наука очень выгодна; большинство же отдаетъ дѣтей безсознательно, подчиняясь духу времени. Изъ этихъ мальчиковъ, составляющихъ большинство, самое радостное для насъ явленіе представляютъ мальчики, отданные *такъ*, но до такой степени полюбившіе ученье,

что отцы теперь покоряются уже желанію дѣтей и сами безсознательно чувствуютъ, что что-то хорошее дѣлается съ ихъ дѣтьми, и не рѣшаются брать ихъ изъ школы. Одинъ отецъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ цѣлую свѣчу разъ сжегъ, держа ее надъ книгой сына, и очень хвалилъ и сына и книгу. Это было Евангеліе. «Мой батя тоже, — разсказывалъ другой школьникъ, — сказку другой разъ послушаетъ — посмѣется да и пойдетъ, а божественное — такъ и до полуночи сидитъ слушаетъ, самъ свѣтитъ мнѣ». Я былъ съ новымъ учителемъ въ гостяхъ у одного ученика и, чтобы похвастаться предъ учителемъ, заставилъ ученика рѣшить алгебраическую задачу. Мать возилась у печи, и мы забыли ее, слушая, какъ сынъ ея озабоченно и бойко, перестраивая уравненіе, говорилъ: 2ab — c=d, раздѣленному на 3, и т. п., она все время закрывалась рукой, насилу удерживаясь, и, наконецъ, померла со смѣху и не могла объяснить намъ, чему она смѣялась. Другой отецъ, солдатъ, пріѣхавъ за сыномъ, засталъ его въ классѣ рисованія и, увидавъ искусство сына, началъ говорить ему «вы» и не рѣшился въ классѣ передать ему котелки, привезенныя въ гостинецъ. Общее мнѣніе, мнѣ кажется, такое: учатъ всему (такъ же, какъ господскихъ дѣтей), многому и понапрасну, но и грамоту выучиваютъ скоро, поэтому дѣтей отдавать можно. Ходятъ и недоброжелательные слухи, но имѣютъ уже теперь мало вѣсу. Два славные мальчика недавно выбыли изъ школы на томъ основаніи, что въ школѣ будто бы не учатъ писать. Другой солдатъ хотѣлъ отдать своего сына, но, проэкзаменовавъ лучшаго изъ нашихъ учениковъ и найдя, что онъ съ запинками читалъ псалтырь, рѣшилъ, что ученье *плохая*, только слава, что *хороша*. Кое-кто изъ яснополянскихъ крестьянъ еще побаивается, какъ бы не сбылись слухи, ходившіе прежде; имъ кажется, что учатъ для какого-то употребленія и что того и гляди подкатятъ подъ учениковъ телѣжки да и повезутъ въ Москву. Недовольство на то, что не бьютъ и нѣтъ чинности въ школѣ, почти совсѣмъ уничтожилось, и мнѣ часто случалось наблюдать недоумѣніе родителя, пріѣхавшаго въ школу за сыномъ, когда при немъ начиналась бѣготня, возня и борьба. Онъ убѣжденъ, что баловство вредно, и вѣритъ, что учатъ хорошо, а какъ это соединяется — онъ не можетъ понять. Гимнастика еще иногда порождаетъ толки, и убѣжденіе, что отъ нея животы откудова-то срываются, не проходитъ. Какъ только разговѣются или осенью, когда поспѣютъ овощи, гимнастика оказываетъ наибольшій вредъ, и бабушки, накидывая горшки, объясняютъ, что всему причиной баловство и ломанье. Для нѣкоторыхъ, хотя и малаго числа, родителей даже духъ равенства въ школѣ служитъ

предметомъ неудовольствій. Въ ноябрѣ были двѣ дѣвочки, дочки богатаго дворника, въ салопчикахъ и чепчикахъ, сначала державшіяся особнякомъ, но потомъ свыкшіяся и забывшія чай и чищенье зубовъ табакомъ и начавшія славно учиться. Пріѣхавшій родитель, въ крымскомъ тулупѣ нараспашку, войдя въ школу, засталъ ихъ разъ въ толпѣ грязныхъ лапотниковъ-ребятъ, которые, облокотившись рукой на чепчики дѣвочекъ, слушали учителя; родитель обидѣлся и взялъ своихъ дѣвочекъ изъ школы, хотя и не признался въ причинѣ своего неудовольствія. Есть еще, наконецъ, ученики, которые выбываютъ изъ школы, потому что родители, отдавшіе ихъ въ школу для того, чтобы подольститься къ кому-нибудь, берутъ дѣтей назадъ, когда надобность подольститься миновалась.

Итакъ, предметовъ 12, классовъ 3, учениковъ всѣхъ 40, учителей 4, уроковъ въ продолженіе дня отъ 5 до 7. Учителя составляютъ дневники своихъ занятій, которые сообщаютъ другъ другу по воскресеньямъ и сообразно тому составляютъ себѣ планы преподаванія на будущую недѣлю. Планы эти каждую недѣлю не исполняются, а измѣняются сообразно требованіямъ учениковъ.

Чтеніе механическое. Чтеніе составляетъ часть преподаванія языка. Задача преподаванія языка состоитъ, по нашему мнѣнію, въ руководствѣ учениковъ къ пониманію содержанія книгъ, написанныхъ литературнымъ языкомъ. Знаніе литературнаго языка необходимо, потому что только на этомъ языкѣ есть хорошія книги.

Прежде, съ самаго основанія школы, не было подраздѣленія чтенія на механическое и постепенное, — ученики читали только то, что̀ могли понимать: собственныя сочиненія, слова и фразы, писанныя мѣломъ на стѣнахъ, потомъ сказки Худякова и Аѳанасьева. Я полагалъ, что для того, чтобы дѣти выучились читать, имъ надо было полюбить чтеніе, а для того, чтобы полюбить чтеніе, нужно было, чтобы читанное было понятно и занимательно. Казалось, какъ раціонально и ясно! — а эта мысль была ложна. Во-первыхъ, для того, чтобы перейти отъ чтенія по стѣнамъ къ чтенію по книгамъ, нужно было отдѣльное занятіе механическимъ чтеніемъ съ каждымъ ученикомъ по какой бы то ни было книгѣ. При небольшомъ числѣ учениковъ и отсутствіи подраздѣленій предметовъ это было возможно, и мнѣ удалось, безъ большого труда, перевести первыхъ учениковъ съ чтенія по стѣнамъ на чтеніе по книгѣ, но съ новыми учениками это стало невозможно. Младшіе не въ силахъ были читать и понимать сказки: единовременный трудъ складыванія словъ и по-

нимания смысла былъ слишкомъ великъ для нихъ. Другое неудобство состояло въ томъ, что постепенное чтеніе обрывалось этими сказками, и какую мы ни брали книгу — Народное, Солдатское чтеніе, Пушкина, Гоголя, Карамзина — оказывалось, что старшіе ученики при чтеніи Пушкина такъ же, какъ младшіе при чтеніи сказокъ, не могли вмѣстѣ соединять труда читать и понимать читанное, хотя кое-что и понимали при нашемъ чтеніи.

Мы думали сначала, что затрудненіе только въ недостаточности механизма чтенія учениковъ, и придумали механическое чтеніе для процесса чтенія — учитель читалъ съ учениками по перемѣнкамъ; но дѣло не подвигалось, и при чтеніи Робинзона являлась такая же несостоятельность. Лѣтомъ, во время переходнаго состоянія школъ, мы думали побѣдить эту трудность самымъ простымъ и употребительнымъ способомъ. Отчего не сознаться, мы поддались ложному стыду передъ посѣтителями. (Ученики наши читали много хуже учениковъ, учившихся столько же времени у дьячка.) Новый учитель предложилъ ввести чтеніе вслухъ по однѣмъ и тѣмъ же книжкамъ, и мы согласились. Задавшись разъ ложною мыслью, что ученикамъ необходимо нужно бѣгло читать въ нынѣшнемъ же году, мы написали въ расписаніи — чтеніе механическое и постепенное, и заставили ихъ читать по два часа въ день, по однѣмъ и тѣмъ же книжкамъ, и намъ было очень удобно. Но одно отступленіе отъ правила свободы учениковъ повело за собой ложь и одну ошибку за другою. Куплены были книжечки — сказочки Пушкина и Ершова; мальчиковъ сажали на лавки и одинъ долженъ былъ читать громко, а другіе — слѣдить за его чтеніемъ: для того, чтобы повѣрять, дѣйствительно ли всѣ слѣдятъ, учитель попеременно спрашиваетъ то того, то другого. Первое время намъ казалось это очень хорошо. Приходишь въ школу — чинно сидятъ на лавочкахъ, одинъ читаетъ, всѣ слѣдятъ. Читающій произноситъ: «смилуйся, государыня рыбка», другіе или учитель поправляютъ: «*смилуйся*», — всѣ слѣдятъ. «Ивановъ, читай!» Ивановъ поищетъ немного и читаетъ. Всѣ заняты, учителю слышно, каждое слово выговариваютъ вѣрно и читаютъ довольно бѣгло. Кажется, хорошо, а вникните хорошенько, — тотъ, который читаетъ, читаетъ уже то же самое въ тридцатый или сороковой разъ. (Листъ печатный хватитъ не больше, какъ на недѣлю; покупать же всякій разъ новыя книги страшно дорого, да и книгъ понятныхъ для крестьянскихъ дѣтей только есть двѣ: сказки Худякова и Аѳанасьева. Кромѣ того, книга, разъ зачитанная однимъ классомъ и запомненная наизусть нѣкоторыми, уже знакома и не только всѣмъ школьникамъ, но надоѣла и домашнимъ). Читающій

робѣетъ, слушая свой одиноко раздающійся голосъ въ тишинѣ комнаты, всѣ силы его устремлены на соблюденіе знаковъ и удареній, и онъ усвоиваетъ себѣ привычку читать, не стараясь понять смысла, ибо обремененъ другими требованіями. Слушающіе дѣлаютъ то же самое и, надѣясь всегда попасть на настоящее мѣсто, когда ихъ спросятъ, равномѣрно водятъ пальцами по строкамъ, скучаютъ и увлекаются посторонними развлеченіями. Смыслъ прочитаннаго, какъ постороннее дѣло, противъ ихъ воли иногда укладывается, иногда не укладывается въ ихъ головѣ. Главный же вредъ состоитъ въ этой вѣчной школьной борьбѣ хитрости и уловокъ между учениками и учителемъ, которая развивается при такомъ порядкѣ и которой до этого не было въ нашей школѣ; единственная же выгода этого пріема чтенія, состоящая въ правильномъ выговорѣ словъ, не имѣла для нашихъ учениковъ никакого значенія. Ученики наши начали читать по стѣнамъ писанныя и произнесенныя ими самими фразы, и всѣ знали, что пишется *кого*, а говорится *каво;* выучить же остановкамъ и перемѣнамъ голоса по знакамъ препинанія я полагаю безполезнымъ, ибо всякій пятилѣтній ребенокъ вѣрно употребляетъ знаки препинанія голосомъ, когда понимаетъ, что̀ говоритъ. Стало быть, легче его выучить понимать, что̀ онъ говоритъ съ книги (чего рано или поздно онъ долженъ достигнуть), чѣмъ выучить его по знакамъ препинанія пѣть, какъ по нотамъ. А кажется, какъ удобно для учителя!

Учитель всегда невольно стремится къ тому, чтобы выбрать самый для себя удобный способъ преподаванія. Чѣмъ способъ преподаванія удобнѣе для учителя, тѣмъ онъ неудобнѣе для учениковъ. Только тотъ образъ преподаванія вѣренъ, которымъ довольны ученики.

Эти три закона въ преподаваніи самымъ осязательнымъ образомъ отразились въ Яснополянской школѣ на механическомъ чтеніи.

Благодаря живучести духа школы, особенно когда вернулись въ нее старые ученики съ сельскихъ работъ, чтеніе это упало само собой — стали скучать, шалить, отлынивать отъ урока. Главное же — чтеніе съ разсказами, повѣрявшее успѣхи механическаго, доказало, что успѣховъ этихъ нѣтъ, что за пять недѣль ни на шагъ не подвинулись въ чтеніи, многіе же отстали. Лучшій математикъ перваго класса, Р., дѣлающій въ головѣ извлеченіе квадратныхъ корней, до такой степени разучился читать за это время, что пришлось съ нимъ читать, занимаясь складами. Мы бросили чтеніе по книжкамъ и ломали себѣ голову, придумывая способъ механическаго чтенія. Та же простая

мысль, что не пришло еще время хорошаго механическаго чтенія и что нѣтъ никакой необходимости въ немъ въ настоящее время, что ученики сами найдутъ наилучшій способъ, когда явится потребность, — только недавно пришла намъ въ голову. Во время этого исканія само собой сложилось слѣдующее. Во время классовъ чтенія, ужъ только по имени раздѣляющагося на постепенное и механическое, самые плохіе чтецы берутъ подвое книжки (иногда сказки, иногда Евангеліе, иногда сборникъ пѣсенъ, номеръ Народнаго чтенія) и читаютъ вдвоемъ только для процесса чтенія, а когда эта книжка — понятная сказка, — съ пониманіемъ, и требуютъ, чтобы учитель прослушалъ ихъ, хотя классъ и называется механическимъ чтеніемъ. Иногда, большею частью самые плохіе, по нѣскольку разъ берутъ ту же книгу, открываютъ на той же страницѣ, читаютъ одну и ту же сказку и запоминаютъ ее наизусть не только безъ приказанія, но даже несмотря на запрещеніе учителя; иногда эти плохіе приходятъ къ учителю или къ старшему и просятъ прочесть съ ними вмѣстѣ. Читающіе получше, изъ второго класса, меньше любятъ читать въ компаніи, рѣже читаютъ для процесса чтенія и ежели запоминаютъ наизусть, то стихи, а не сказку въ прозѣ. У старшихъ повторяется то же явленіе съ одною, поразившей меня въ прошломъ мѣсяцѣ, особенностью. Въ ихъ классѣ постепеннаго чтенія дается имъ одна какая-нибудь книга, которую они читаютъ поперемѣнкамъ и потомъ всѣ вмѣстѣ разсказываютъ ея содержаніе. Къ нимъ съ этой осени присоединился, чрезвычайно талантливая натура, ученикъ Ч., учившійся два года у понамаря и потому обогнавшій ихъ всѣхъ въ чтеніи, онъ читаетъ такъ же, какъ мы, и потому при постепенномъ чтеніи ученики понимаютъ, хотя и немного, только тогда, когда Ч. читаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждому изъ нихъ хочется читать самому. Но какъ только начинаетъ читать плохой чтецъ, всѣ выражаютъ свое неудовольствіе, особенно когда исторія интересна, смѣются, сердятся, плохой чтецъ стыдится, и возникаютъ безконечные споры. Въ прошломъ мѣсяцѣ одинъ изъ нихъ объявилъ, что во что бы то ни стало добьется того, чтобы черезъ недѣлю читать такъ же, какъ Ч.; другіе обѣщались тоже, и вдругъ механическое чтеніе сдѣлалось любимымъ занятіемъ. По часу, по полтора они стали сидѣть, не отрываясь отъ книжки, которой не понимали, стали брать на домъ книжки и, дѣйствительно, сдѣлали въ три недѣли такіе успѣхи, которыхъ нельзя было ожидать.

Съ ними случилось совершенно противное тому, что бываетъ обыкновенно съ грамотеями. Обыкновенно бываетъ, что чело-

вѣкъ выучится читать, а читать и понимать нечего; тутъ же вышло, что ученики убѣдились въ томъ, что есть что̀ читать и понимать и что для этого недостаетъ у нихъ умѣнья, и они сами стали добиваться бѣглаго чтенія. Теперь у насъ оставлено совершенно механическое чтеніе, а ведется дѣло такъ, какъ описано выше,— предоставляется каждому ученику употреблять всѣ тѣ пріемы, которые ему удобны, и замѣчательно, что каждый употребляетъ всѣ мнѣ извѣстные пріемы: и 1) чтеніе съ учителемъ, и 2) чтеніе для процесса чтенія, и 3) чтеніе съ заучиваніемъ наизусть, и 4) чтеніе сообща, и 5) чтеніе съ пониманіемъ читаннаго.

Первый, употребляемый матерями всего свѣта, вообще не школьный, а семейный пріемъ состоитъ въ томъ, что ученикъ приходитъ и проситъ почитать съ нимъ; учитель читаетъ, руководя каждымъ его складомъ и словомъ, — самый первый, раціональный и незамѣнимый способъ, котораго самъ требуетъ прежде всего ученикъ и на который невольно нападаетъ учитель. Несмотря на всѣ средства, будто бы механизирующія преподаваніе и мнимо облегчающія дѣло учителя съ большимъ числомъ учениковъ, этотъ способъ останется лучшимъ и единственнымъ для обученія читать и читать бѣгло. *Второй* пріемъ обученія чтенію, тоже весьма любимый, чрезъ который прошелъ всякій, выучившійся бѣгло читать, состоитъ въ томъ, что ученику дается книга, и онъ предоставляется вполнѣ самому себѣ складывать и понимать, какъ ему угодно. Ученикъ, выучившійся складывать настолько, что не чувствуетъ потребности просить дяденьку почитать съ нимъ, а надѣется на себя, всегда получаетъ, столь осмѣянную въ Гоголевскомъ Петрушкѣ, страсть къ процессу чтенія и вслѣдствіе этой страсти идетъ дальше. Какимъ образомъ укладывается въ его головѣ такого рода чтеніе — Богъ его знаетъ, но онъ такимъ путемъ привыкаетъ въ очертанію буквъ, къ процессу складовъ, къ произношенію словъ и даже къ уразумѣнію, и я не разъ опытомъ убѣждался, какъ отодвигала насъ назадъ настойчивость на томъ, чтобъ ученикъ непремѣнно понималъ читанное. Есть много самоучекъ, выучившихся читать хорошо такимъ способомъ, хотя каждому должны быть очевидны недостатки его. *Третій* способъ обученія чтенію состоитъ въ заучиваніи наизусть молитвъ, стиховъ, вообще всякой печатной страницы и въ произнесеніи заученнаго, слѣдя за книгой. *Четвертый* способъ состоитъ именно въ томъ, что оказалось такъ вредно въ Яснополянской школѣ, — въ чтеніи по однѣмъ книгамъ. Онъ возникъ самъ собою въ нашей школѣ. Сначала книгъ недоставало, и садилось по два ученика за одну книжку; потомъ имъ самимъ это полюбилось, и когда скажутъ: «читать!» — то-

варищи, совершенно равные по силамъ, отбираются по два, иногда по три, садятся за одну книжку и одинъ читаетъ, а другіе слѣдятъ за нимъ и поправляютъ. И вы все разстроите, ежели будете ихъ разсаживать, — они сами знаютъ, кто съ кѣмъ ровня, и Тараска требуетъ непремѣнно Дуньку. «Ну, иди сюда читать, а ты къ своимъ иди». Нѣкоторые же вовсе не любятъ такого совмѣстнаго чтенія, потому что оно имъ не нужно. Выгода такого общаго чтенія состоитъ въ большей точности выговора, въ большемъ просторѣ для пониманія тому, который не читаетъ, а слѣдитъ, но вся польза, приносимая такимъ способомъ, дѣлается вредомъ, какъ только этотъ способъ или всякій другой распространяется на всю школу. Наконецъ еще любимый нами, *пятый* способъ — есть чтеніе постепенное, т.-е. чтеніе книгъ съ интересомъ и пониманіемъ все болѣе и болѣе сложными. Всѣ эти пріемы сами собою, какъ сказано выше, вошли въ употребленіе въ школѣ, и дѣло въ одинъ мѣсяцъ значительно подвинулось.

Дѣло учителя только предлагать выборъ всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ способовъ, которые могутъ облегчить ученика въ дѣлѣ ученія. Оно, правда, при извѣстной методѣ — хоть чтенія по одинакимъ книжкамъ — преподаваніе дѣлается легко, удобно для учителя, имѣетъ видъ постепенности и правильности; при нашемъ же порядкѣ представляется не только труднымъ, но многимъ покажется невозможнымъ. Какъ, скажутъ, угадать, что̀ именно нужно каждому ученику, и рѣшить, законно ли требованіе каждаго? Какъ, скажутъ, не растеряться въ этой разнородной толпѣ, не подведенной подъ общее правило? На это отвѣчу: трудность представляется только потому, что мы не можемъ отрѣшиться отъ стараго взгляда на школу, какъ на дисциплинированную роту солдатъ, которою нынче командуетъ одинъ, завтра — другой поручикъ. Для учителя, вжившагося въ свободу школы, каждый ученикъ представляется особымъ характеромъ, заявляющимъ особыя потребности, удовлетворить которыя можетъ только свобода выбора. Не будь свободы и внѣшняго безпорядка, который кажется столь страннымъ и невозможнымъ для нѣкоторыхъ, мы не только бы никогда не напали на эти пять способовъ чтенія, но мы бы никогда не сумѣли употреблять и соразмѣрять ихъ сообразно требованіямъ учениковъ и потому никогда бы не достигли тѣхъ блестящихъ результатовъ, которыхъ мы достигли въ чтеніи въ послѣднее время. Сколько разъ намъ случалось видѣть недоумѣніе посѣтителей нашей школы, хотѣвшихъ въ два часа времени изучить методу преподаванія, которой у насъ нѣтъ, и еще въ продолженіе этихъ

двухъ часовъ разсказывавшихъ намъ свою методу! Сколько разъ случалось слышать совѣты такихъ посѣтителей ввести тотъ самый пріемъ, который, неузнаваемый ими, на ихъ же глазахъ употреблялся въ школѣ, но только не въ видѣ распространеннаго на всѣхъ деспотическаго правила.

Чтеніе постепенное. Хотя, какъ мы сказали, чтеніе механическое и постепенное въ дѣйствительности слились въ одно, для насъ же эти два предмета все еще подраздѣляются по ихъ цѣли; намъ кажется, что цѣль перваго есть искусство изъ извѣстныхъ знаковъ бѣгло составлять слова, цѣль второго — знаніе литературнаго языка. Для узнанія литературнаго языка намъ, естественно, представилось средство, кажущееся самымъ простымъ, но въ дѣйствительности самое трудное. Намъ казалось, что послѣ чтенія учениками самими написанныхъ фразъ на доскахъ надобно было имъ дать сказки Худякова и Аѳанасьева, потомъ что-нибудь потруднѣе, посложнѣе по языку, потомъ еще потруднѣе и т. д. до языка Карамзина, Пушкина и Свода Законовъ, но это предположеніе, какъ и большая часть нашихъ и вообще всѣхъ предположеній, не осуществилось. Съ своего, Записаннаго ими самими на доскахъ, языка мнѣ удалось перевести ихъ на языкъ сказокъ, а чтобы перевести съ языка сказокъ на высшую ступень, этого переходнаго «чего-нибудь» — не было въ литературѣ. Мы попробовали «Робинзона» — дѣло не пошло: нѣкоторые ученики плакали съ досады, что не могутъ понимать и разсказывать; я сталъ имъ разсказывать своими словами — они начали вѣрить въ возможность понять эту премудрость, стали добираться до смысла и въ мѣсяцъ прочли «Робинзона», но со скукой и, подъ конецъ, почти съ отвращеніемъ. Трудъ этотъ былъ слишкомъ великъ для нихъ. Они брали больше памятью и, разсказывая тотчасъ же по прочтеніи одного вечера, запоминали отрывки, всего же содержанія никто не усвоилъ. Запомнили только, къ несчастью, нѣкоторыя непонятныя для нихъ слова и стали ихъ употреблять вкривь и вкось, какъ это дѣлаютъ полуграмотные люди. Я видѣлъ, что что-то не хорошо; но какъ помочь этому горю — не зналъ. Для повѣрки себя и очистки совѣсти я началъ давать читать, хотя и зналъ напередъ, что не понравится, разныя народныя поддѣлки, какъ «дяди Наумы» и «тетушки Натальи», и предположеніе мое оправдывалось. Эти книги были для учениковъ скучнѣе всего, если бы требовалось, чтобъ они разсказали содержаніе. Послѣ «Робинзона» я попробовалъ Пушкина, именно «Гробовщика»; но безъ помощи они могли его разсказать еще ме[illegible] бинзона», и «Гробовщикъ» показался имъ е[illegible]

щенія къ читателю, несерьезное отношеніе автора къ лицамъ, шуточныя характеристики, недосказанность — все это до такой степени несообразно съ ихъ требованіями, что я окончательно отказался отъ Пушкина, повѣсти котораго мнѣ прежде, по предположеніямъ, казались самыми правильно построенными, простыми и потому понятными для народа. Я попробовалъ еще Гоголя: «Ночь передъ Рождествомъ». При моемъ чтеніи она сначала понравилась, особенно взрослымъ, но какъ только я оставилъ ихъ однихъ, они ничего не могли понять и скучали. Даже и при моемъ чтеніи не требовали продолженія. Богатство красокъ, фантастичность и капризность постройки противны ихъ требованіямъ. Я пробовалъ еще читать «Иліаду» Гнѣдича, и чтеніе это породило только какое-то странное недоумѣніе; они предполагали, что это написано по-французски, и ничего не понимали, покуда я не пересказалъ имъ содержаніе своими словами, но и тогда самая фабула поэмы не укладывалась въ ихъ головахъ. Скептикъ Семка, здоровая логическая натура, былъ пораженъ картиной Феба, съ звучащими за спиной стрѣлами, слетѣвшаго съ Олимпа, но, видимо, не зналъ, куда уложить этотъ образъ. «Какъ же онъ слетѣлъ съ горы и не разбился?» все спрашивалъ онъ у меня. Да вѣдь онъ по-ихнему богъ», отвѣчалъ я ему. «Какъ же Богъ! вѣдь ихъ много? стало быть, не заправскій богъ. Легко ли — съ такой горы слетѣлъ; потому ему надобно расшибиться», доказывалъ онъ мнѣ, разводя руками. Я пробовалъ «Грибуля» Жоржъ-Занда, Народное и Солдатское чтеніе — и все напрасно. Мы пробуемъ все, что̀ присылаютъ намъ, но пробуемъ теперь почти безнадежно. Сидишь въ школѣ и распечатываешь принесенную съ почты мнимо народную книгу. «Дяденька, мнѣ дай почитать, мнѣ, — кричатъ нѣсколько голосовъ, протягивая руки, — да чтобы попонятнѣе было». Открываешь книгу и читаешь: «Жизнь великаго святителя Алексія представляетъ намъ примѣръ пламенной вѣры, благочестія, неутомимой дѣятельности и горячей любви къ отечеству своему, которому этотъ святый мужъ оказалъ важныя услуги»; или: «Давно уже замѣчено частое явленіе въ Россіи даровитыхъ самоучекъ, но не всѣми оно одинаково объясняется»; или: «Триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Чехія сдѣлалась зависимою отъ нѣмецкой имперіи»; или: «Село Карачарово, разметнувшись [illegible] тупу горъ, лежитъ въ одной изъ самыхъ [illegible] ныхъ [illegible] губерній»; или: «Ш[illegible] але[illegible] [illegible]а»; или популяр- [illegible] ауки на одномъ [illegible] ласками и обх-

жденіемъ автора съ мужичкомъ. Дашь кому-нибудь изъ ребятъ такую книжку, глаза начинаютъ потухать, начинаютъ позѣвывать. «Нѣтъ, непонятно, Л. Н.», скажетъ онъ и возвращаетъ книгу. И для кого и кѣмъ пишутся эти народныя книги? — остается для насъ тайною. Изъ всѣхъ прочитанныхъ нами такого рода книгъ, за исключеніемъ дѣдушки-разсказчика Золотова, имѣвшаго большой успѣхъ въ школѣ и дома, ничего не осталось.

Одни — просто плохія сочиненія, написанныя плохимъ литературнымъ языкомъ и не находящія читателей въ обыкновенной публикѣ, а потому посвященныя народу; другія — еще болѣе плохія сочиненія, написанныя какимъ-то не русскимъ, а вновь изобрѣтеннымъ, будто народнымъ языкомъ, въ родѣ языка басенъ Крылова; третьи — передѣлки съ иностранныхъ, назначенныхъ для народа, но не народныхъ книгъ. Единственныя же книги, понятныя для народа и по его вкусу, суть книги, писанныя не для народа, а изъ народа, а именно: сказки, пословицы, сборники пѣсенъ, легендъ, стиховъ, загадокъ, въ послѣднее время сборникъ Водовозова и т. п. Нельзя повѣрить, не испытавъ этого, съ какою постоянною новою охотой читаются всѣ безъ исключенія подобнаго рода книги — даже сказанія русскаго народа, былины и пѣсенки, пословицы Снегирева, лѣтописи и всѣ безъ исключенія памятники древней литературы. Я замѣтилъ, что дѣти имѣютъ болѣе охоты, чѣмъ взрослые, къ чтенію такого рода книгъ; они перечитываютъ ихъ по нѣскольку разъ, заучиваютъ наизусть, съ наслажденіемъ уносятъ на домъ, и въ играхъ и въ разговорахъ даютъ другъ другу прозвища изъ древнихъ былинъ и пѣсенъ. Взрослые — оттого ли, что они не такъ естественны или уже входятъ во вкусъ щегольства книжнымъ языкомъ, или оттого, что безсознательно чувствуютъ потребность знанія литературнаго языка — менѣе пристрастны къ такого рода книгамъ, а предпочитаютъ тѣ, въ которыхъ наполовину слова, образы и мысли для нихъ непонятны. Но какъ ни любимы учениками подобнаго рода книги, — цѣль, которую мы, можетъ быть, ошибочно поставили себѣ, ими не достигается: между этими книгами и литературнымъ языкомъ остается та же пучина. Выйти изъ этого ложнаго круга мы не видимъ до сихъ поръ никакого средства, хотя дѣлали и постоянно дѣлаемъ новыя попытки и новыя предположенія, стараемся отыскать свою ошибку и просимъ всѣхъ тѣхъ, кому это дѣло близко къ сердцу, сообщить намъ свои предположенія, опыты и рѣшенія вопроса. Неразрѣшимый для насъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: для образованія народа необходима возможность и охота читать хорошія книги, — хорошія книги писаны языкомъ, ко-

тораго народъ не понимаетъ. Для того, чтобы выучиться понимать — нужно много читать; для того, чтобы охотно читать— нужно понимать... Въ чемъ тутъ ошибка, и какъ выйти изъ этого положенія?

Можетъ быть, есть переходная литература, которой мы не признаемъ только по недостатку знанія; можетъ быть, изученіе книгъ, ходящихъ въ народѣ, и взглядъ народа на эти книги откроютъ намъ тѣ пути, которыми люди изъ народа достигаютъ пониманія литературнаго языка.

Такому изученію мы посвящаемъ особый отдѣлъ въ журналѣ и просимъ всѣхъ, понимающихъ важность этого дѣла, присылать намъ свои статьи по этому предмету.

Можетъ быть, причиной тому наша оторванность отъ народа, насильственное образованіе высшаго класса, и дѣлу можетъ помочь только время, которое породитъ не хрестоматію, а цѣлую переходную литературу, составившуюся изъ всѣхъ появляющихся теперь книгъ, и которая сама собою органически уляжется въ курсъ постепеннаго чтенія. Можетъ быть, и то, что народъ не понимаетъ и не хочетъ понимать нашего литературнаго языка, потому что нечего ему понимать, потому что вся наша литература для него не годится, и онъ вырабатываетъ самъ для себя свою литературу. Наконецъ послѣднее предположеніе, которое кажется намъ болѣе всѣхъ вѣроятнымъ, состоитъ въ томъ, что кажущійся недостатокъ лежитъ не въ сущности дѣла, а въ нашей заданности тою мыслью, что цѣль преподаванія языка есть возведеніе учениковъ на степень знанія литературнаго языка и главное — въ поспѣшности къ достиженію этой цѣли. Очень можетъ быть, что постепенное чтеніе, о которомъ мы мечтаемъ, явится само собою, и что знаніе литературнаго языка придетъ въ свое время каждому ученику само собою, какъ это мы безпрестанно видимъ у людей, читающихъ подъ рядъ безъ пониманія — псалтирь, романы, судейскія бумаги и этимъ путемъ какъ-то доходящихъ до знанія книжнаго языка. При этомъ предположеніи намъ непонятно только то, почему появляющіяся книги всѣ такъ дурны и не по вкусу народа, и что должны дѣлать школы, дожидаясь этого времени? — ибо только одного предположенія мы не можемъ допустить, чтобы, — рѣшивъ въ своемъ умѣ, что знаніе литературнаго языка полезно, — можно бы было насильственными объясненіями, заучиваніями и повтореніями выучить народъ противъ его воли литературному языку, какъ выучиваютъ французскому. Мы должны признаться, что неоднократно пробовали это въ послѣдніе два мѣсяца и всегда встрѣчали въ ученикахъ непреодолимое отвращеніе, доказывающее

ложность принятаго нами пути. При этихъ опытахъ я убѣдился только въ томъ, что объясненія смысла слова и рѣчи совершенно невозможны даже для талантливаго учителя, не говоря уже о столь любимыхъ бездарными учителями объясненіяхъ, что сонмище есть нѣкій малый синедріонъ, и т. п. Объясняя какое бы то ни было слово, хоть, напримѣръ, слово «впечатлѣніе», вы или вставляете на мѣсто объясняемаго другое, столько же непонятное слово или цѣлый рядъ словъ, связь которыхъ столь же непонятна, какъ и самое слово.

Почти всегда непонятно не самое слово, а вовсе нѣтъ у ученика того понятія, которое выражаетъ слово. Слово почти всегда готово, когда готово понятіе. Притомъ отношеніе слова къ мысли и образованіе новыхъ понятій есть такой сложный, таинственный и нѣжный процессъ души, что всякое вмѣшательство является грубою, нескладною силой, задерживающей процессъ развитія. Легко сказать — понимать, но развѣ непонятно каждому, сколько различныхъ вещей можно понимать въ одно время, читая одну и ту же книгу. Ученикъ, не понимая двухъ-трехъ словъ въ фразѣ, можетъ понимать тонкій оттѣнокъ мысли или отношеніе ея къ предыдущему. Вы, учитель, налегаете на одну сторону пониманія, а ученику вовсе не нужно того, что̀ вы хотите объяснить ему. Иногда онъ понялъ, только не умѣетъ доказать вамъ того, что понялъ васъ, самъ же въ то же время смутно догадывается и воспринимаетъ совершенно другое и весьма для него полезное и важное. Вы пристаете къ нему, чтобъ онъ объяснился; но вѣдь онъ словами долженъ объяснить то впечатлѣніе, которое произвели на него слова, и онъ молчитъ или же начинаетъ говорить вздоръ, лжетъ, обманываетъ, пытается отыскать то, что̀ вамъ нужно, поддѣлаться подъ ваши желанія или выдумываетъ несуществующую трудность и бьется надъ ней; общее же впечатлѣніе, произведенное книгой, поэтическое чутье, помогавшее ему угадывать смыслъ, забито и спряталось. Мы читали «Вія» Гоголя, повторяя своими словами каждый періодъ. Все шло хорошо до 3-й страницы, — тамъ есть слѣдующій періодъ: «Весь этотъ ученый народъ, какъ семинарія, такъ и бурса, которыя питали какую-то наслѣдственную непріязнь между собою, былъ чрезвычайно бѣденъ на средства къ прокормленію и притомъ необыкновенно прожорливъ, такъ что сосчитать, сколько каждый изъ нихъ уписывалъ за ужиномъ галушекъ, было бы совершенно невозможное дѣло, и потому доброхотныя пожертвованія зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны».

Учитель. Ну, что вы прочли? (Почти всѣ эти ученики очень развитыя дѣти.)

Лучшій ученикъ. Въ бурсѣ народъ обжора все былъ, бѣдный и за ужиномъ уписывалъ галушки.

Учитель. Еще что?

Ученикъ (плутъ и памятливый — говоритъ, что въ голову пришло). Невозможное дѣло, доброхотные жертвователи.

Учитель съ досадой. Надо подумать. Не то. Что же невозможное дѣло?

Молчаніе.

Учитель. Прочтите еще разъ.

Прочли. Одинъ, памятливый, прибавилъ еще нѣсколько запомненныхъ словъ. *Семинарія*, *прокормленіе зажиточныхъ владѣльцевъ не могли быть достаточны*. Никто ничего не понялъ. Стали говорить совершенный вздоръ. Учитель присталъ къ нимъ.

Учитель. Что же невозможное дѣло?

Ему хотѣлось, чтобъ они сказали, что невозможно сосчитать.

Одинъ ученикъ. Бурса невозможное дѣло.

Другой ученикъ. Очень бѣденъ невозможно.

Снова перечли. Какъ иголки, искали того слова, которое нужно было учителю, попадали на всѣ, кромѣ слова *«сосчитать»*, и пришли въ окончательное унынiе. Я — этотъ самый учитель — не отсталъ и добился того, что они разложили весь періодъ, но поняли уже гораздо хуже, чѣмъ тогда, когда повторилъ первый ученикъ. Впрочемъ, и понимать-то было нечего. Небрежно связанный, растянутый періодъ, ничего не дающій читателю, сущность котораго была понята сразу: народъ бѣдный и прожорливый уписывалъ галушки, больше ничего и не хотѣлъ сказать авторъ. Я бился только изъ-за формы, которая была дурна, и, добиваясь ея, испортилъ весь классъ на цѣлое послѣ-обѣда, погубилъ и перемялъ пропасть только что распускавшихся цвѣтковъ разносторонняго пониманія. Въ другой разъ я также грѣшно и безобразно бился надъ истолкованіемъ слова *орудіе*, и также тщетно. Въ тотъ же день въ классѣ рисованія ученикъ Ч. протестовалъ противъ учителя, требовавшаго, чтобы написано было на тетрадкахъ *рисованіе Ромашки*. Онъ говорилъ, что рисовали мы сами на тетрадкахъ, а фигуру выдумывалъ только Ромашка, и потому надо писать не рисованіе, а сочиненіе Ромашки. Какимъ образомъ различіе этихъ понятій пришло ему въ голову, точно такъ же, какимъ образомъ являются, хотя и рѣдко, причастія и вводныя предложенія въ ихъ сочиненіяхъ, остается для меня таинствомъ, въ которое лучше не пытаться проникать.

Нужно давать ученику случаи пріобрѣтать новыя понятія и слова изъ общаго смысла рѣчи. Разъ онъ услышитъ или прочтетъ непонятное слово въ понятной фразѣ, другой разъ въ другой фразѣ ему смутно начнетъ представляться новое понятіе, и онъ почувствуетъ, наконецъ, случайно необходимость употребить это слово, — употребитъ разъ, и слово и понятіе дѣлаются его собственностью. И тысячи другихъ путей. Но давать сознательно ученику новыя понятія и формы слова, по моему убѣжденію, такъ же невозможно и напрасно, какъ учить ребенка ходить по законамъ равновѣсія.

Вся такая попытка не подвигаетъ, а удаляетъ ученика отъ предположенной цѣли, какъ грубая рука человѣка, которая, желая помочь распуститься цвѣтку, перемяла бы все кругомъ и стала бы развертывать цвѣтокъ за лепестки.

Писаніе, грамматика и каллиграфія. Писаніе велось слѣдующимъ образомъ: ученики выучивались одновременно узнавать и чертить буквы, складывать и писать слова, понимать прочитанное и писать. Они становились около стѣны, расчеркивая мѣломъ отдѣлы, и одинъ изъ нихъ диктовалъ то, что ему приходило въ голову, другіе писали. Ежели ихъ было много, то они раздѣлялись на нѣсколько группъ. Потомъ по очереди диктовали другіе, и всѣ перечитывали другъ у друга. Писали печатными буквами и сначала поправляли ошибки невѣрностей складовъ и отдѣленія словъ, потомъ ошибки о — а, потомъ ѣ — е и т. д. Классъ этотъ образовался самъ собою. Каждый, выучившійся писать буквы, ученикъ бываетъ одержимъ страстью писать, и первое время двери, наружныя стѣны школы и избъ, гдѣ живутъ ученики, бываютъ исписаны буквами и словами. Написать же цѣлую фразу (въ родѣ того, что нынче Маѳутка подралась съ Ольгушкой) доставляетъ ему еще большее удовольствіе. Чтобъ организовать этотъ классъ, учителю стоило только научить дѣтей, какъ вести дѣло вмѣстѣ, такъ же, какъ взрослый научаетъ ребятъ какой-нибудь дѣтской игрѣ. И въ самомъ дѣлѣ — классъ этотъ безъ измѣненій велся два года и каждый разъ такъ же весело и живо, какъ хорошая игра. Тутъ и чтеніе, и выговоръ, и писаніе, и грамматика. При этомъ письмѣ достигается само собою труднѣйшее дѣло для начала изученія языка — вѣра въ непоколебимость формы слова не одного печатнаго, но и устнаго, *своего* слова. Я думаю, что каждый учитель, преподававшій языкъ не по одной грамматикѣ Востокова, встрѣчался съ этою первою трудностью. Вы хотите обратить вниманіе ученика на какое-нибудь слово, — *меня*, положимъ. Вы ловите его фразу. «Микишка столкнулъ *меня* съ крыльца», ска-

залъ онъ. «Кого столкнулъ?» говорите вы, прося его повторить фразу и надѣясь найти *меня*. «*Насъ*», отвѣчаетъ онъ. «Нѣтъ, какъ ты сказалъ?» спрашиваете вы. «Мы упали съ крыльца отъ Микишки», или: «какъ онъ толкнетъ насъ, Праскутка полетѣла, и я за ней», отвѣчаетъ онъ. И ищите тутъ вашъ винительный падежъ единственнаго числа и его окончаніе. А онъ не можетъ понять, чтобы было что-нибудь различное въ сказанныхъ имъ словахъ. Ежели же вы возьмете книжку или станете повторять его фразу, то онъ будетъ разбирать съ вами не живое слово, а что-то совсѣмъ другое. Когда же онъ диктуетъ — каждое слово его ловится налету другими учениками и пишется. «Какъ ты сказалъ? Какъ?» и уже ему не дадутъ измѣнить ни одной буквы. При этомъ безпрестанно бываютъ споры изъ-за того, что одинъ написалъ такъ, а другой иначе, и весьма скоро диктующій начинаетъ задумываться, какъ сказать, и начинаетъ понимать, что есть въ рѣчи двѣ вещи: форма и содержаніе. Онъ скажетъ какую-нибудь фразу, думая только о содержаніи, — быстро, какъ одно слово, вылетитъ изъ него эта фраза. Его начинаютъ допрашивать — какъ? что? и онъ, самъ себѣ повторяя ее по нѣскольку разъ, уясняетъ форму и составныя части рѣчи и закрѣпляетъ ихъ словомъ. Такъ пишутъ въ 3-мъ, т.-е. низшемъ, классѣ, — кто умѣетъ писать скорописными, кто печатными. Мы не только не настаиваемъ на писаніи скорописными, но ежели бы позволяли себѣ что-нибудь запрещать ученикамъ, мы бы не позволяли имъ писать скорописными, которыя портятъ руку и нечетки. Скорописныя буквы входятъ въ ихъ писанье сами собой: одинъ выучится у старшаго писать одну-двѣ буквы, — другіе перенимаютъ и часто пишутъ слова такимъ образомъ: *дяде*нь*ка*, и не пройдетъ недѣли, какъ всѣ пишутъ скорописными. Съ каллиграфіей случилось нынѣшнимъ лѣтомъ совершенно то же, что съ механическимъ чтеніемъ. Ученики писали очень дурно, и новый учитель ввелъ писанье съ прописей (тоже весьма степенное и покойное для учителя упражненіе). Ученики стали скучать, мы принуждены были бросить каллиграфію и не могли придумать средства для исправленія почерка. Старшій классъ самъ нашелъ это средство. Окончивъ писать священную исторію, старшіе ученики стали просить домой свои тетради. Тетрадки были испачканы, растерзаны, уродливо написаны. Аккуратный математикъ Р. попросилъ бумажки и сталъ переписывать свою исторію. Всѣмъ это понравилось. «И мнѣ бумажки, и мнѣ тетрадку!» и пошла мода каллиграфіи, продолжающаяся до сихъ поръ въ высшемъ классѣ. Они берутъ тетрадь, кладутъ передъ собой азбуку прописей,

списываютъ каждую букву, хвастаются другъ передъ другомъ, и сдѣлали въ двѣ недѣли большіе успѣхи. Почти каждаго изъ насъ заставляли маленькаго ѣсть за столомъ непремѣнно съ хлѣбомъ, и почему-то тогда не хотѣлось, а теперь хочется ѣсть съ хлѣбомъ. Почти каждаго изъ насъ заставляли держать перо вытянутыми пальцами, и мы всѣ держали перо, скрючивши пальцы, потому что они были коротки, а теперь вытягиваемъ пальцы. Спрашивается: за что насъ такъ мучили, тогда какъ это пришло само собою, когда понадобилось? Не придетъ ли эта охота и потребность знанія во всемъ точно такъ же?

Во 2-мъ классѣ пишутъ сочиненія съ устнаго разсказа изъ священной исторіи на аспидныхъ доскахъ, потомъ переписываютъ на бумагу. Въ 3-мъ, меньшемъ, классѣ пишутъ, что вздумаютъ. Кромѣ того, меньшіе по вечерамъ пишутъ поодиночкѣ фразы, составленныя всѣми вмѣстѣ. Одинъ пишетъ, а другіе перешептываются между собой, замѣчая его ошибки, и ждутъ только окончанія, чтобы уличить его въ ѣ или въ отставленномъ не на мѣстѣ предлогѣ, а иногда, чтобъ и самимъ соврать. Правильно писать и поправлять ошибки у другихъ составляетъ для нихъ большое удовольствіе. Старшіе схватываютъ каждое попавшееся письмо, упражняются въ поправленіи ошибокъ, стараются изъ всѣхъ силъ писать хорошо, но грамматику и анализъ языка терпѣть не могутъ и, несмотря на наше бывшее пристрастіе къ анализу, допускаютъ его въ очень малыхъ размѣрахъ, засыпаютъ или уклоняются отъ классовъ.

Мы дѣлали различныя попытки преподаванія грамматики и должны сознаться, что ни одна изъ нихъ не достигла цѣли— сдѣлать это преподаваніе занимательнымъ. Во второмъ и первомъ классахъ было начато лѣтомъ новымъ учителемъ объясненіе частей предложенія, и дѣти — и то сначала нѣкоторыя — интересовались имъ, какъ шарадами и загадками. Часто, по окончаніи урока, они нападали на мысль загадокъ и забавлялись загадываніемъ другъ другу то того—гдѣ будетъ сказуемое? то того—чтò сидитъ на ложкѣ, свѣсивши ножки? Приложеній же къ вѣрному письму никакихъ не было, а ежели и были, то болѣе ошибочныя, чѣмъ вѣрныя. Точно такъ же, какъ это бываетъ съ буквой *о* вмѣсто *а*, — скажешь, что выговаривается *а*, а пишется *о*, онъ и пишетъ робота, молина; скажешь, что два сказуемыхъ раздѣляются запятыми, онъ пишетъ *хочу*, *сказатъ* и т. п. Требовать отъ него, чтобъ онъ далъ себѣ всякій разъ отчетъ, чтò въ каждомъ предложеніи дополнительное, чтò сказуемое—невозможно. Ежели же онъ и дастъ себѣ отчетъ, то при отыскиваніи утратитъ все чутье, необходимое ему для того, чтобы правильно

написать остальное, не говоря уже о томъ, что при синтактическомъ разборѣ учитель безпрестанно бываетъ принужденъ хитрить передъ учениками и обманывать ихъ, что̀ они чувствуютъ очень хорошо. Намъ попалось, напримѣръ, предложеніе: на землѣ не было горъ. Одинъ сказалъ, что подлежащее — земля, другой, что подлежащее — горы, а мы сказали, что это безличное предложеніе, и хорошо видѣли, что ученики замолчали только изъ приличія, но поняли очень хорошо, что нашъ отвѣтъ былъ гораздо глупѣе ихъ отвѣтовъ, въ чемъ и мы внутренно согласились. Убѣдившись въ неудобствѣ анализа синтактическаго, попробовали мы также этимологическій разборъ — части рѣчи, склоненія и спряженія, и также загадывали другъ другу загадки о дательномъ, неокончательномъ и нарѣчіи, и результатомъ вышла та же скука, то же злоупотребленіе пріобрѣтеннаго нами вліянія и та же неприложимость. Въ старшемъ классѣ всегда ставятъ *ѣ* въ дательномъ и предложномъ падежахъ, но когда они поправляютъ ту же ошибку у младшихъ, они никогда не могутъ отвѣтить — почему? и должны быть наведены на загадки падежей, чтобы вспомнить правило: въ дательномъ *ѣ*. Самые младшіе, еще ничего не слыхавшіе о частяхъ рѣчи, очень часто кричатъ: *себѣ ѣ*, сами не зная почему и, видимо, наслаждаясь тѣмъ, что угадали. Пробовалъ я въ послѣднее время во второмъ классѣ упражненіе своего изобрѣтенія, которымъ я увлекся, какъ и всѣ изобрѣтатели, и которое мнѣ казалось необыкновенно удобнымъ и раціональнымъ до тѣхъ поръ, пока я не убѣдился въ несостоятельности его изъ практики. Не называя частей рѣчи предложенія, я заставлялъ ихъ писать что-нибудь, иногда задавая предметъ, т.-е. подлежащее, и вопросами заставлялъ ихъ расширять предложеніе, вставляя опредѣленія, новыя сказуемыя, подлежащія, обстоятельства и дополненія. «Волки бѣгаютъ». Когда? гдѣ? какъ? какіе волки бѣгаютъ? кто еще бѣгаютъ? бѣгаютъ и еще что дѣлаютъ? Мнѣ казалось, что, привыкая къ отвѣтамъ на вопросы, требующіе той или другой части, они усвоятъ себѣ различіе частей предложенія и рѣчи. Они и усвоивали себѣ ихъ, но скучали и внутренно спрашивали себя — зачѣмъ? что̀ и я долженъ былъ спросить у себя и не нашелъ отвѣта. Никакъ не отдаетъ безъ борьбы человѣкъ и ребенокъ свое живое слово на механическое разложеніе и уродованіе. Есть какое-то чувство самосохраненія въ этомъ живомъ словѣ. Ежели должно ему развиваться, то оно стремится развиваться самостоятельно и сообразно только со всѣми жизненными условіями. Только что вы хотите поймать это слово, завинтить его въ верстакъ, обтесать и дать ему нужныя, по вашему мнѣнію, украшенія, какъ это слово

съ живою мыслью и содержаніемъ сжалось, спряталось, и у васъ въ рукахъ остается одна шелуха, надъ которою вы можете дѣлать свои ухищренія, не вредя и не принося пользы тому слову, которое вы хотѣли образовывать.

До сихъ поръ во второмъ классѣ продолжается синтактическій и грамматическій анализъ, упражненіе въ расширеніи предложеній, но идутъ вяло и, полагаю, скоро падутъ сами собою. Кромѣ того, какъ упражненіе въ языкѣ, хотя и вовсе неграмматическое, мы употребляемъ слѣдующее:

1) Изъ заданныхъ словъ мы предлагаемъ составлять періоды; напримѣръ, мы пишемъ: *Николай*, *дрова*, *учиться*, а они пишутъ— одинъ: «ежели бы Николай не рубилъ дрова, то пришелъ бы учиться», а другой: «Николай хорошо дрова рубитъ, надо у него поучиться» и т. д.

2) Сочиняемъ стихи на заданный размѣръ, и это упражненіе болѣе всѣхъ другихъ занимаетъ старшихъ учениковъ. Стихи выходятъ въ родѣ слѣдующихъ:

У окна сидитъ старикъ
Въ прорванномъ тулупѣ,
А на улицѣ мужикъ
Красны яйца лупитъ.

3) Упражненіе, имѣющее большой успѣхъ въ низшемъ классѣ: задается какое-нибудь слово — сначала существительное, потомъ прилагательное, нарѣчіе, предлогъ. Одинъ выходитъ за дверь а изъ оставшихся каждый долженъ составить фразу, въ которой бы находилось заданное слово. Выходившій долженъ угадывать.

Всѣ эти упражненія — писаніе фразъ по даннымъ словамъ, стихосложеніе и угадываніе словъ — имѣютъ одну общую цѣль: убѣдить ученика въ томъ, что слово есть слово, имѣющее свои непоколебимые законы, измѣненія, окончанія и соотношенія между этими окончаніями, — убѣжденіе, которое долго не приходитъ имъ въ голову и которое необходимо прежде грамматики. Всѣ эти упражненія нравятся; всѣ упражненія въ грамматикѣ порождаютъ скуку. Страннѣе, знаменательнѣе всего то, что грамматика скучна, несмотря на то, что нѣтъ ничего легче ея. Какъ только вы не станете учить ее по книгѣ, начиная съ опредѣленій, шестилѣтній ребенокъ чрезъ полчаса начинаетъ склонять, спрягать, узнавать роды, числа, времена, подлежащія и сказуемыя, и вы чувствуете, что онъ знаетъ все это точно такъ же хорошо, какъ и вы сами. (Въ нашей мѣстности нѣтъ средняго рода: ружье, сѣно, масло, окно — все *она*, большая и дурная, и тутъ грамматика ничего не помогаетъ. Старшіе ученики третій годъ знаютъ

всѣ правила склоненія и окончаній родовъ, а все-таки пишутъ: «въ этой сѣнѣ много щавельнику» — и отвыкаютъ только настолько, насколько ихъ поправляешь и насколько помогаетъ чтеніе.) Чему же я ихъ учу, спрашиваешь себя, когда они все это знаютъ такъ же, какъ я? Спрошу ли я у нихъ: какъ будетъ «большой» множественнаго числа, родительнаго падежа, женскаго рода? спрошу ли, гдѣ сказуемое, гдѣ дополненіе? спрошу ли, отъ какого слова происходитъ «распахнулся?» — ему трудна только номенклатура, а прилагательное, въ какомъ хотите падежѣ и числѣ, онъ употребитъ всегда безъ ошибки. Стало-быть, онъ знаетъ склоненіе. Рѣчи онъ никогда не скажетъ безъ сказуемаго и дополненія не смѣшаетъ съ нимъ. «Распахнуться» — онъ чувствуетъ, что родственное съ словомъ «пахъ», и сознаетъ законы образованія словъ лучше васъ, потому что никто такъ часто не выдумываетъ новыхъ словъ, какъ дѣти. Къ чему же эта номенклатура и требованіе философскихъ опредѣленій, которыя свыше его силъ? Единственное объясненіе необходимости грамматики, кромѣ требованія на экзаменахъ, можетъ быть найдено въ приложеніи ея къ правильному изложенію мыслей. Въ своемъ личномъ опытѣ я не нашелъ этого приложенія, не нахожу его въ примѣрахъ жизни людей, не знающихъ грамматики и пишущихъ правильно, и кандидатовъ филологіи, пишущихъ неправильно, и не нахожу почти ни одного намека на то, чтобы знанія грамматики яснополянскихъ школьниковъ прилагались ими къ какому-нибудь употребленію. Мнѣ кажется, что грамматика идетъ сама собою, какъ умственное небезполезное гимнастическое упражненіе, а языкъ—умѣнье писать, читать и понимать—идетъ самъ собой. Геометрія и вообще математика представляются сначала тоже только умственною гимнастикой, но разница въ томъ, что каждое положеніе геометріи, каждое математическое опредѣленіе ведетъ за собой дальнѣйшіе и безконечные выводы и приложенія; въ грамматикѣ же, ежели бы даже согласиться съ тѣми, которые видятъ въ ней приложеніе логики къ языку, есть весьма тѣсная граница этихъ выводовъ и приложеній. Какъ только ученикъ тѣмъ или другимъ путемъ овладѣлъ языкомъ, всѣ приложенія изъ грамматики обрываются, отпадаютъ, какъ что-то мертвое и отжитое.

Мы лично все еще не можемъ вполнѣ отрѣшиться отъ преданія, что грамматика, въ смыслѣ законовъ языка, необходима для правильнаго изложенія мыслей: намъ даже кажется, что есть потребность грамматики въ учащихся, что въ нихъ безсознательно лежатъ законы грамматики; но мы убѣждены, что грамматика, которую мы знаемъ, совсѣмъ не та, какая нужна

учащимся, и что въ этомъ обычаѣ преподаванія грамматики есть какое-то большое историческое недоразумѣніе. Ребенокъ узнаетъ, что надо писать *ѣ* въ словѣ «себѣ» не потому, что оно въ дательномъ падежѣ, сколько бы разъ вы это ему ни говорили, и не потому только, что онъ слѣпо подражаетъ тому, что видѣлъ написаннымъ нѣсколько разъ, — онъ обобщаетъ эти примѣры, но только не въ формѣ дательнаго падежа, а какъ-то иначе. У насъ есть ученикъ изъ другого училища, прекрасно знающій грамматику и никогда не умѣющій отличить 3-е лицо отъ неопредѣленнаго наклоненія въ возвратномъ залогѣ, и другой ученикъ, Ѳедька, не имѣющій понятія о неокончательномъ и никогда не ошибающійся и объясняющій себѣ и другимъ дѣло посредствомъ прибавленія слова «будетъ», т.-е. довольно. *Я не хочу учиться*, онъ сомнѣвается и говоритъ: «ты не хочешь учиться? Ну, такъ будетъ учиться. Значитъ *еръ*». А ежели такая рѣчь: «Семка дурно учится» — онъ говоритъ: «дурно учится? Такъ будетъ учится». И это не выходитъ по его мнѣнію, и онъ не ставитъ еръ. Мы въ Яснополянской школѣ, точно такъ же, какъ и въ обученіи грамотѣ, признаемъ въ обученіи языка всѣ извѣстные способы не безполезными и употребляемъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они охотно принимаются учениками и по мѣрѣ нашихъ знаній; вмѣстѣ съ тѣмъ мы не признаемъ ни одного изъ этихъ пріемовъ исключительнымъ и постоянно пытаемся отыскивать новые пріемы. Мы столь же мало согласны со способомъ г-на Перевлевскаго, который не выдержалъ двухднезнаго опыта въ Яснополянской школѣ, сколько и съ весьма распространеннымъ мнѣніемъ, что единственный способъ для изученія языка есть писаніе, несмотря на то, что писаніе составляетъ въ Яснополянской школѣ главный способъ изученія языка. Мы ищемъ и надѣемся найти.

Писаніе сочиненій. Въ первомъ и второмъ классахъ выборъ сочиненій предоставляется самимъ ученикамъ. Любимый предметъ сочиненій для перваго и второго классовъ есть исторія Ветхаго завѣта, которую они пишутъ два мѣсяца послѣ того, какъ ее имъ разсказалъ учитель. Первый классъ началъ недавно писать Новый завѣтъ, но далеко не такъ успѣшно, какъ Ветхій, даже орѳографическихъ ошибокъ они дѣлали больше, — они хуже понимали. Въ первомъ классѣ мы попробовали сочиненія на заданныя темы. Первыя темы, которыя самымъ естественнымъ путемъ пришли намъ въ голову, были описанія простыхъ предметовъ, какъ-то: хлѣба, избы, дерева и т. д.; но, къ крайнему удивленію нашему, требованія эти доводили учениковъ почти до слезъ, и, несмотря на помощь учителя, подраздѣлявшаго

описаніе хлѣба на описаніе о его произрастаніи, о его производствѣ, объ употребленіи, они рѣшительно отказывались писать на темы такого рода, и ежели писали, то дѣлали непонятныя, безобразнѣйшія ошибки въ орѳографіи, въ языкѣ и смыслѣ. Мы попробовали задать описаніе какихъ-нибудь событій, и всѣ обрадовались, какъ будто имъ сдѣлали подарокъ. Столь любимое въ школахъ описаніе такъ называемыхъ простыхъ предметовъ: свиньи, горшка, стола, оказалось безъ сравненія труднѣе, чѣмъ цѣлые, изъ воспоминаній взятые, разсказы. Одна и та же ошибка повторилась при этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ предметахъ преподаванія: учителю кажется легкимъ самое простое и общее, а для ученика только сложное и живое кажется легкимъ. Всѣ учебники естественныхъ наукъ начинаются съ общихъ законовъ, учебники языка — съ опредѣленій, исторіи— съ раздѣленій на періоды, даже геометрія — съ опредѣленія понятія пространства и математической точки. Почти всякій учитель, руководясь тѣмъ же путемъ мышленія, первымъ сочиненіемъ задаетъ опредѣленіе стола или лавки и не хочетъ убѣдиться, что для того, чтобъ опредѣлить столъ или лавку, нужно стоять на высокой степени философско-діалектическаго развитія, и что тотъ же ученикъ, который плачетъ надъ сочиненіемъ о лавкѣ, прекрасно опишетъ чувство любви или злобы, встрѣчи Іосифа съ братьями или драки съ товарищемъ. Предметами сочиненій выбирались сами собою описанія событій, отношенія къ лицамъ и передача слышанныхъ разсказовъ.

Писать сочиненія составляетъ ихъ любимое занятіе. Какъ только внѣ школы старшимъ ученикамъ попадается бумага и карандашъ, они пишутъ не *Милос.*, *Милостивый*, а пишутъ изъ головы сказку своего сочиненія. Въ первое время меня смущала нескладность, непропорціональность постройки сочиненій; я внушалъ то, что̀ мнѣ казалось нужно, но они понимали меня навыворотъ, и дѣло шло худо: они все какъ будто не признавали другой потребности, какъ той, чтобы не было ошибокъ. Теперь же пришло само собой время, и часто слышится неудовольствія, когда сочиненіе растянуто или встрѣчаются частыя повторенія, скачки отъ одного предмета къ другому. Въ чемъ состоятъ ихъ требованія — трудно опредѣлить, но требованія эти законны. «Нескладно!» кричатъ нѣкоторые, слушая сочиненіе товарища; нѣкоторые не хотятъ читать своего послѣ того, какъ прочтенное сочиненіе товарища хорошо; нѣкоторые вырываютъ тетрадку изъ рукъ учителя, недовольные, что не такъ выходитъ, какъ они хотѣли, и читаютъ сами. Личные характеры начинаютъ выражаться такъ рѣзко, что мы дѣлали опытъ заста-

влять ихъ угадывать, чье мы читали сочиненіе, и въ первомъ классѣ угадываютъ безъ ошибки.

По недостатку мѣста, мы откладываемъ описаніе преподаванія языка и другихъ предметовъ и выписки изъ дневниковъ учителей; здѣсь же приводимъ образцы сочиненій двухъ учениковъ 1-го класса безъ измѣненій орѳографіи и знаковъ препинанія, разставленныхъ ими самими.

Сочиненіе Б. (самаго плохого ученика, но оригинальнаго и бойкаго мальчика) о Тулѣ и объ ученьи. Сочиненіе объ ученьи имѣло большой успѣхъ между ребятами. Б. 11 лѣтъ, онъ учится 3-ю зиму въ Яснополянской школѣ, но учился прежде.

«О Тулѣ».

«На другое Воскресенье я опять поѣхалъ въ Тулу. Когда пріѣхали, то Владиміръ Александровичъ намъ говоритъ съ Васькой Ждановымъ ступайте въ Воскресную школу. Мы пошли, шли, шли, насилушка нашли, приходимъ и видимъ, что всѣ учителя сѣдятъ. И тамъ я видѣлъ учителя тотъ который училъ насъ батаники. Тутъ я говорю здравствуйте господа! они говорятъ здрастуй. Потомъ я взошелъ въ классъ, сталъ возлѣ стола и такъ мнѣ стало скучно, я взялъ и пошелъ по Тулѣ. Ходилъ, ходилъ и вижу что одна баба торгуетъ калачами. Я сталъ доставать изъ кармана деньги, когда вынулъ и сталъ покупать калачи, купилъ и пошелъ. А еще я видѣлъ на башнѣ ходитъ человѣкъ и смотритъ не горитъ ли гдѣ. Я объ Тулѣ кончилъ».

«Сочиненье о томъ какъ я учился».

«Когда мнѣ было восемь лѣтъ, то меня отдали на Грумы къ скотницы. Тамъ я учился хорошо. А потомъ пришла скука на меня, я сталъ плакать. А бабка возьметъ палку и ну меня бить. А я еще больше кричу. И черезъ нѣсколько дней я поѣхалъ домой и все разсказалъ. И меня оттуда взяли и отдали къ дунькиной матери. Я тамъ учился хорошо и меня тамъ никогда не били, и я тамъ выучилъ всю азбуку. Потомъ меня отдали къ Фоки Демидовичу. Онъ меня очень больно билъ. Однажды я отъ него убижалъ, а онъ меня вилѣлъ поимать. Когда меня поимали и повели къ нему. Онъ меня взялъ, разложилъ на скамейкѣ и взялъ въ руки пукъ розокъ и началъ меня бить. А я кричу на всю глотку, и когда онъ меня высикъ и заставилъ читать. А самъ слушаетъ и говоритъ: ахъ? ты сукинъ сынъ ишь какъ скверно читаетъ! ишь какой свинья».

Вотъ два образца сочиненій Ѳедьки: одно — на заданную тему о хлѣбѣ, какъ онъ растетъ; другое, выбранное имъ самимъ, о поѣздкѣ въ Тулу. (Ѳедька учится 3-ю зиму. Ему 10 лѣтъ.)

«О хлѣбѣ».

«Хлѣбъ растетъ изъ земли. Съ начала онъ зеленый бываетъ хлѣбъ. А когда она подраститъ, то изъ ней выростутъ колосья и ихъ жнутъ бабы. Еще бываетъ хлѣбъ какъ трава, то скотина его ѣстъ очень хорошо».

Этимъ все кончилось. Онъ чувствовалъ, что нехорошо, и былъ огорченъ. О Тулѣ же написалъ слѣдующее, безъ поправокъ:

«О Тулѣ». «Когда я еще былъ малъ мнѣ было годовъ пять; то я слышалъ народъ ходилъ въ какую-то Тулу и я самъ не зналъ, что за такая Тула. Вотъ я спросилъ батю. Бать! въ какую это Тулу вы ѣздиете, ай она хороша? Батя говоритъ: хороша. Вотъ я говорю, Бать! возьми меня съ собой, я посмотрю Тулу. Батя говоритъ ну что жъ, пусть придетъ воскресенье я тебя возьму. Я обрадовался сталъ по лавкѣ бѣгать и прыгать. Послѣ этихъ дней пришло воскресенье. Я только всталъ по утру а батя уже запрягаетъ лошадей на дворѣ, я скорѣе сталъ обуваться и одѣваться. Только я одѣлся и вышелъ на дворъ, а батя ужъ запрегъ лошадей. Я сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Ѣхали, ѣхали, проѣхали четырнадцать верстъ. Я увидалъ высокую церковь и закричалъ: батюшка! вонъ какая церковь высокая. Батюшка говоритъ: есть церковь ниже да красивей, я сталъ его просить, батюшка пойдемъ туда, я помолюсь Богу. Батюшка пошелъ. Когда мы пришли, то вдругъ ударили въ колоколъ, я испугался и спросилъ батюшку, что это такое, или играютъ въ бубны. Батюшка говоритъ: нѣтъ это начинаетъ обѣдня. Потомъ мы пошли въ церковь молиться Богу. Когда мы помолились, то мы пошли на торгъ. Вотъ я иду, иду а самъ спотыкаюсь, все смотрю по сторонамъ. Вотъ мы пришли на базаръ, я увидалъ продаютъ калачи и хотѣлъ взять безъ денегъ. А мнѣ батюшка говоритъ, не бери, а то шапку снимутъ. Я говорю за что снимутъ, а батюшка говоритъ, не бери безъ денегъ, я говорю ну дай мнѣ гривну, я куплю себѣ калачика. Батя мнѣ далъ, я купилъ три калача и съѣлъ и говорю: батюшка, какіе калачи хорошіе. Когда мы закупили все, мы пошли къ лошадямъ и напоили ихъ, дали имъ сѣна, когда они поѣли, мы запрягли лошадей и поѣхали домой, я взошелъ въ избу и раздѣлся и началъ разсказывать всѣмъ, какъ я былъ въ Тулѣ, и какъ мы съ батюшкой были въ церкви, молились Богу. Потомъ я заснулъ и вижу во снѣ будто батюшка ѣдитъ опять въ Тулу. Тотчасъ я проснулся, и вижу всѣ спятъ, я взялъ и заснулъ».

II.

Яснополянская школа.

За ноябрь и декабрь мѣсяцы.

Священная исторія, русская исторія, географія.

Священная исторія. Съ самаго основанія школы и даже въ настоящее время занятія по предмету священной и русской исторіи идутъ такимъ образомъ: дѣти собираются около учителя, и учитель, руководствуясь только Библіей, а для русской исторіи — «Норманскимъ періодомъ» Погодина и сборникомъ Водовозова, разсказываетъ, потомъ спрашиваетъ, и всѣ начинаютъ говорить вдругъ. Когда слишкомъ много голосовъ вмѣстѣ, учитель останавливаетъ, заставляя говорить одного; какъ только одинъ заминается, онъ снова вызываетъ другихъ. Когда учитель замѣчаетъ, что нѣкоторые ничего не поняли, онъ заставляетъ повторить одного изъ лучшихъ для непонявшихъ. Это не было выдумано, а сдѣлалось само собою и повторяется при 5 и при 30 ученикахъ всегда одинаково успѣшно, ежели учитель слѣдитъ за всѣми, не позволяетъ кричать, повторяя уже сказанныя слова, не позволяетъ разгораться крику до неистовства, а регулируетъ этотъ потокъ веселой оживленности и соревнованія настолько, насколько ему нужно.

Лѣтомъ, во время частыхъ посѣщеній и перемѣны учителей, порядокъ этотъ измѣнился, и преподаваніе исторіи пошло гораздо хуже. Общій крикъ былъ непонятенъ для новаго учителя; ему казалось, что разсказывающіе въ крикѣ не разскажутъ одни; ему казалось, что кричатъ только для крика, главное же — было жарко и тѣсно въ толпѣ лѣзущихъ ему на спину и къ самому рту учениковъ. (Чтобы лучше понимать, дѣтямъ необходимо быть близко къ тому человѣку, который говоритъ, видѣть всякую перемѣну выраженія его лица, всякое его движеніе. Я не разъ замѣчалъ, что лучше всего помнятся всегда тѣ мѣста, гдѣ

разсказывающему удалось сдѣлать вѣрный жесть или вѣрную интонацію.)

Новый учитель ввелъ сидѣніе на лавкахъ и отвѣчаніе поодиночкѣ. Вызываемый молчалъ, мучился стыдомъ, а учитель, глядя въ сторону, съ *милымъ* видомъ покорности своей судьбѣ или кроткой улыбкой говорилъ: «ну... а потомъ; хорошо, очень хорошо» и т. д. — столь извѣстный всѣмъ намъ учительскій пріемъ.

Мало того, я опытомъ убѣдился въ томъ, что нѣтъ ничего вреднѣе для развитія ребенка такого рода одиночнаго спрашиванія и вытекающаго изъ него начальническаго отношенія учителя къ ученику, и для меня нѣтъ ничего возмутительнѣе такого зрѣлища. Большой человѣкъ мучитъ маленькаго, не имѣя на то никакого права. Учитель знаетъ, что ученикъ мучится краснѣя и потѣя, стоя передъ нимъ; ему самому скучно и тяжело, но у него есть правило, по которому нужно пріучать ученика говорить одного.

А для чего пріучать говорить одного? — этого никто не знаетъ. Нешто для того, чтобы заставить прочесть басенку при его или ея превосходительствѣ. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что безъ этого нельзя опредѣлить степени его знанія. А я отвѣчу, что дѣйствительно нельзя постороннему лицу опредѣлить въ часъ времени знанія ученика, учитель же безъ отвѣчанія ученика и экзамена всегда чувствуетъ мѣру этихъ знаній. Мнѣ кажется, что пріемъ этотъ одиночнаго спрашиванія есть остатокъ стараго суевѣрія. Въ старину учитель, заставлявшій все учить наизусть, не могъ иначе опредѣлить знанія своего ученика, какъ приказавъ ему повторить все отъ слова до слова. Потомъ нашли, что повтореніе наизусть словъ не есть знаніе, и стали заставлять учениковъ повторять своими словами; но пріемъ вызыванія поодиночкѣ и требованія отвѣчать тогда, когда захочется учителю, не измѣнили. Было совершенно упущено изъ вида то, что можно потребовать отъ знающаго наизусть повторенія извѣстныхъ словъ псалтири, басни во всякое время и при всякихъ условіяхъ, но что для того, чтобы быть въ состояніи уловить содержаніе рѣчи и передать ее своеобразно, ученикъ долженъ находиться въ извѣстномъ удобномъ для того настроеніи.

Не только въ низшихъ школахъ и гимназіяхъ, но и въ университетахъ я не понимаю экзаменовъ по вопросамъ иначе, какъ при заучиваніи наизусть, слово въ слово или предложеніе въ предложеніе. Въ мое время (я вышелъ изъ университета въ 45 году) я предъ экзаменами выучивалъ наизусть не слово въ слово, но предложеніе въ предложеніе и получалъ по 5 только у тѣхъ профессоровъ, тетрадки которыхъ выучилъ наизусть.

Посѣтители, такъ много вредившіе преподаванію въ Яснополянской школѣ, принесли, съ одной стороны, мнѣ большую пользу. Они окончательно убѣдили меня, что отвѣчаніе уроковъ и экзамены есть остатокъ суевѣрія средневѣковой школы и при настоящемъ порядкѣ вещей рѣшительно невозможный и только вредный. Часто, увлекаясь ребяческимъ самолюбіемъ, я хотѣлъ уважаемому мною посѣтителю въ часъ времени показать знанія учениковъ, и выходило или то, что посѣтитель убѣждался въ томъ, что ученики знаютъ то, чего они не знали (я удивлялъ его какимъ-нибудь фокусомъ), или то, что посѣтитель полагалъ, что они не знаютъ того, что̀ они очень хорошо знали. И такая путаница недоразумѣній происходила въ это время между мной и посѣтителемъ — умнымъ, талантливымъ и спеціалистомъ дѣла и при совершенной свободѣ отношеній. Что же должно происходить при ревизіи директоровъ и т. п., не говоря уже о томъ разстройствѣ въ ходѣ ученья и сбивчивости понятій, производимой такими экзаменами въ ученикахъ?

Въ настоящее время я убѣдился въ слѣдующемъ: резюмировать всѣ знанія ученика для учителя, какъ и для посторонняго, невозможно, точно такъ же, какъ невозможно резюмировать мои, ваши знанія изъ какой бы то ни было науки. Ежели бы сорокалѣтняго образованнаго человѣка повели на экзаменъ географіи, было бы точно такъ же глупо и странно, какъ и когда ведутъ на такой экзаменъ 10-лѣтняго человѣка. Какъ тотъ, такъ и другой должны отвѣчать не иначе, какъ наизусть, а въ часъ времени дѣйствительныхъ ихъ знаній узнать нельзя. Чтобъ узнать знанія того и другого, надобно пожить съ ними мѣсяцы.

Тамъ, гдѣ введены экзамены (подъ экзаменомъ я разумѣю всякое требованіе отвѣчанія на вопросъ), является только новый безполезный предметъ, требующій особеннаго труда, особенныхъ способностей, и предметъ этотъ называется *приготовленіемъ къ экзаменамъ или урокамъ*. Ученикъ гимназіи учится исторіи, математикѣ и еще главное — *искусству отвѣчанія на экзаменахъ*. Я не считаю этого искусства полезнымъ предметомъ преподаванія. Я, учитель, оцѣняю степень знанія своихъ учениковъ такъ же вѣрно, какъ оцѣняю степень своихъ собственныхъ знаній, хотя бы ни ученикъ, ни я не докладывали мнѣ уроковъ, а ежели посторонній хочетъ оцѣнять эту степень знанія, то пускай онъ поживетъ съ нами, изучитъ результаты и приложенія къ жизни нашихъ знаній. Другого средства нѣтъ, и всѣ попытки экзаменовъ суть только обманъ, ложь и препятствіе преподаванію. Въ дѣлѣ преподаванія одинъ самостоятельный судья — учитель, а контролировать его могутъ только сами ученики.

При преподаванiи исторiи ученики отвѣчали всѣ вмѣстѣ не для того, чтобъ повѣрять ихъ знанiя, но потому, что въ нихъ есть потребность словомъ закрѣплять полученныя впечатлѣнiя. Лѣтомъ ни новый учитель, ни я этого не поняли; мы видѣли въ этомъ только повѣрку ихъ знанiй и потому нашли удобнѣе повѣрять поодиночкѣ. Я не обдумалъ тогда еще, отчего было скучно и нехорошо, но вѣра моя въ правило свободы учениковъ спасла меня. Большинство стало скучать, человѣка три самыхъ смѣлыхъ постоянно одни отвѣчали, человѣка три самыхъ робкихъ постоянно молчали, плакали и получали нули. Въ продолженiе лѣта я неглижировалъ классами священной исторiи, и учитель, любитель порядка, имѣлъ полный просторъ разсаживать по лавкамъ, мучить поодиночкѣ и негодовать на *закоснѣлость* дѣтей. Я нѣсколько разъ совѣтовалъ въ классѣ исторiи спустить дѣтей съ лавокъ, но мой совѣтъ принимался учителемъ за милую и простительную оригинальность (какъ, я впередъ знаю, совѣтъ этотъ будетъ принятъ и большинствомъ читателей), и до тѣхъ поръ, пока не поступилъ старый учитель, порядокъ прежнiй все держался, и только въ дневникѣ учителя являлись отмѣтки въ родѣ слѣдующихъ: «отъ Савина не могу добиться ни одного слова; Гришинъ ничего не разсказалъ; упорство Петьки меня удивляетъ: не сказалъ ни одного слова; Савинъ еще хуже, чѣмъ прежде» и т. п.

Савинъ — это румяный, пухлый, съ масляными глазами и длинными рѣсницами, сынъ дворника или купца, въ дубленомъ тулупчикѣ, въ сапожкахъ по ногамъ, а не отцовскихъ, въ александрiйской рубашкѣ и порткахъ. Симпатическая и красивая личность этого мальчика поразила меня въ особенности тѣмъ, что въ классѣ ариѳметики онъ былъ первый по силѣ соображенiя и веселому оживленiю. Читаетъ и пишетъ онъ тоже не дурно. Но какъ только спросятъ его, онъ подожметъ на бокъ свою хорошенькую кудрявую головку, слезы выступаютъ на большiя рѣсницы, и онъ какъ будто спрятаться хочетъ отъ всѣхъ и, видно, страдаетъ невыносимо. Заставишь его выучить, онъ разскажетъ, но самъ складывать рѣчь онъ не можетъ или не смѣетъ. Нагнанный ли страхъ прежнимъ учителемъ (онъ уже учился прежде у лица духовнаго званiя), недовѣрiе ли къ самому себѣ, самолюбiе ли, неловкость ли положенiя между мальчиками ниже его, по его мнѣнiю, аристократизмъ или досада, что въ этомъ одномъ онъ сзади другихъ, что онъ уже разъ показалъ себя въ дурномъ свѣтѣ учителю, оскорблена ли эта маленькая душа какимъ-нибудь неловкимъ словомъ, вырвавшимся у учителя, или все это вмѣстѣ — Богъ его знаетъ, но эта стыдливость, ежели

сама по себѣ и нехорошая черта, то навѣрно нераздѣльно связана со всѣмъ лучшимъ въ дѣтской душѣ его. Выбить это все палкой физической или моральной можно, но опасно, чтобы не выбить вмѣстѣ и драгоцѣнныхъ качествъ, безъ которыхъ плохо придется учителю вести его дальше.

Новый учитель послушалъ моего совѣта, спустилъ учениковъ съ лавокъ, позволилъ лѣзть, куда они хотятъ, даже себѣ на спину, и въ тотъ же урокъ всѣ стали разсказывать несравненно лучше, и въ дневникѣ учителя значилось, что даже «закоснѣлый Савинъ сказалъ нѣсколько словъ».

Есть въ школѣ что-то неопредѣленное, почти неподчиняющееся руководству учителя, что-то совершенно неизвѣстное въ наукѣ педагогики и вмѣстѣ съ тѣмъ составляющее сущность успѣшности ученія, — это духъ школы. Этотъ духъ подчиненъ извѣстнымъ законамъ и отрицательному вліянію учителя, т.-е. что учитель долженъ избѣгать нѣкоторыхъ вещей для того, чтобы не уничтожить этотъ духъ... Духъ школы, напримѣръ, находится всегда въ обратномъ отношеніи къ принужденію и порядку школы, въ обратномъ отношеніи къ вмѣшательству учителя въ образъ мышленія учениковъ, въ прямомъ отношеніи къ числу учениковъ, въ обратномъ отношеніи къ продолжительности урока и т. п. Этотъ духъ школы есть что-то быстро сообщающееся отъ одного ученика другому, сообщающееся даже учителю, выражающееся, очевидно, въ звукахъ голоса, въ глазахъ, въ движеніяхъ, въ напряженности соревнованія, — что-то весьма осязательное, необходимое и драгоцѣннѣйшее и потому долженствующее быть цѣлью всякаго учителя. Какъ слюна во рту необходима для пищеваренія, но непріятна и излишня безъ пищи, такъ и этотъ духъ напряженнаго оживленія, скучный и непріятный внѣ класса, есть необходимое условіе принятія умственной пищи. Настроеніе это выдумывать и искусственно приготавливать нельзя, да и не нужно, ибо оно всегда само собой является.

Въ началѣ школы я дѣлалъ ошибки. Какъ скоро мальчикъ начиналъ плохо и неохотно понимать, находило на него столь обыкновенное школьное состояніе *тупика*, я говорилъ: «попрыгай, попрыгай». Мальчикъ начиналъ прыгать, другіе и онъ самъ смѣялись, и послѣ прыганья ученикъ былъ другой, но, повторивъ нѣсколько разъ это прыганье, оказалось, что какъ скажешь «попрыгай», на ученика находитъ еще бо́льшая тоска, онъ начинаетъ плакать. Онъ видитъ, что душевное состояніе его не то, какое должно бы было быть и нужно, а управлять своей душой онъ не можетъ и никому онъ не хочетъ позволить. Ребенокъ и человѣкъ воспринимаетъ только въ раздраженномъ

состояніи, поэтому смотрѣть на веселый духъ школы, какъ на врага, какъ на помѣху, есть грубѣйшая ошибка, которую мы слишкомъ часто дѣлаемъ.

Но когда оживленіе это въ большомъ классѣ такъ сильно, что мѣшаетъ учителю руководить классомъ, какъ же тогда, кажется, не прикрикнуть на дѣтей и не подавить этого духа? Ежели же оживленіе это имѣетъ предметомъ урокъ, то лучше и желать нечего. Если же оживленіе это перешло на другой предметъ, то виноватъ былъ учитель, не руководившій этимъ оживленіемъ. Задача учителя, которую почти каждый исполняетъ безсознательно, состоитъ въ томъ, чтобы постоянно давать пищу этому оживленію и постепенно отпускать поводья ему. Вы спрашиваете одного,—другому хочется разсказать: онъ знаетъ, онъ, перегнувшись къ вамъ, смотритъ на васъ во всѣ глаза, насилу можетъ удержать свои слова, жадно слѣдитъ за разсказчикомъ и не пропуститъ ему ни одной ошибки; спросимъ его, и онъ разскажетъ страстно, и то, что онъ разскажетъ, навсегда врѣжется въ его памяти. Но продержите его въ такомъ напряженіи, не позволяя ему разсказывать полчаса, онъ станетъ заниматься щипаньемъ сосѣда.

Другой примѣръ: выйдите изъ класса уѣзднаго училища или нѣмецкой школы, гдѣ было тихо, приказавъ продолжать занятія, и черезъ полчаса послушайте у двери: классъ оживленъ, но предметъ оживленія другой, такъ называемыя шалости. Въ нашихъ классахъ мы часто дѣлали этотъ опытъ. Выйдя въ срединѣ класса, когда уже много накричались, вы подойдете къ двери и услышите, что мальчики продолжаютъ разсказывать, поправляя, повѣряя другъ друга, и часто вмѣсто того, чтобы безъ васъ начать шалить, безъ васъ вовсе затихаютъ.

Какъ при порядкѣ разсаживанія по скамьямъ и одиночнаго спрашиванья, такъ и при этомъ порядкѣ есть свои пріемы — не трудные, но которые надо знать и безъ которыхъ первый опытъ можетъ быть неудаченъ. Надо слѣдить за тѣмъ, чтобы не было крикуновъ, повторяющихъ послѣднія сказанныя слова только для шума. Надобно, чтобъ эта прелесть шума не была главною ихъ цѣлью и задачей. Надобно повѣрять нѣкоторыхъ, могутъ ли они одни все разсказать и усвоили ли себѣ смыслъ. Ежели учениковъ слишкомъ много, то раздѣлять на нѣсколько отдѣленій и заставлять разсказывать по отдѣленіямъ другъ другу.

Не надобно бояться того, что вновь пришедшій ученикъ иногда мѣсяцъ не откроетъ рта. Надобно только слѣдить за нимъ, занятъ ли онъ разсказомъ или чѣмъ другимъ. Обыкновенно вновь пришедшій ученикъ сначала схватываетъ только веще-

ственную сторону дѣла и весь погружается въ наблюденіе надъ тѣмъ, какъ сидятъ, лежатъ, какъ шевелятся губы у учителя, какъ вдругъ всѣ закричатъ, и если онъ тихій, то онъ аккуратно садится такъ, какъ другіе, и если смѣлый, то такъ же, какъ другіе, начинаетъ кричать, ничего не запомнивъ и только повторяя слова сосѣда. Его останавливаютъ учитель и товарищи, и онъ понимаетъ, что требуется что-то другое. Пройдетъ нѣсколько времени, онъ самъ кое-что начинаетъ разсказывать. Какъ въ немъ распустится цвѣтокъ пониманія и когда — узнать трудно.

Недавно мнѣ удалось подмѣтить такое расцвѣтаніе пониманія у одной забитой дѣвочки, съ мѣсяцъ молчавшей. Разсказывалъ г-нъ У., а я былъ постороннимъ зрителемъ и наблюдалъ. Когда всѣ принялись разсказывать, я замѣтилъ, что Марѳутка слѣзла съ лавки съ тѣмъ жестомъ, съ которымъ разсказчики перемѣняютъ положеніе слушающаго на положеніе разсказывающаго, и подошла поближе. Когда всѣ закричали, я оглянулся на нее, она чуть замѣтно шевелила губами, и глаза ея были полны мысли и оживленія. Встрѣтившись со мной взглядомъ, она потупилась. Черезъ минуту я снова оглянулся, она опять шептала что-то про себя. Я попросилъ ее разсказать, она совсѣмъ растерялась. Черезъ два дня она прекрасно разсказывала цѣлую исторію.

Въ нашей школѣ лучшая повѣрка того, что ученики запоминаютъ при такихъ разсказахъ, — разсказы, записанные ими самими, изъ головы и съ поправкою только орѳографическихъ ошибокъ.

Выписка изъ тетради 10-лѣтняго М.: «Богъ велѣлъ Аврааму принесть своего сына Исаака на жертву. Авраамъ взялъ двухъ своихъ слугъ. Исаакъ несъ дрова и огонь, Авраамъ несъ ножъ. Когда они пришли къ горѣ Оръ, тамъ Авраамъ поставилъ слугъ, а самъ пошелъ съ Исаакомъ на гору. Исаакъ говоритъ: «батюшка! у насъ все есть, гдѣ же жертва?» Авраамъ говоритъ: «мнѣ Богъ тебя велѣлъ принесть». Вотъ Авраамъ разжегъ костеръ и положилъ своего сына. Исаакъ говоритъ: «батюшка, свяжи меня, а то я встрепыхнусь и тебя убью». Авраамъ взялъ его и связалъ. Только размахнулся, а ангелъ слетѣлъ съ небесъ и удержалъ его руку и говоритъ: «Авраамъ, не воскладывай на своего сына-отрока руку. Богъ видитъ твою вѣру». Потомъ ангелъ говоритъ ему: «ступай въ кустъ, тамъ запутался баранъ, принеси его вмѣсто сына»,—и Авраамъ принесъ Богу жертву. Потомъ Аврааму пришло время женить своего сына. У нихъ былъ работникъ Еліезеръ. Авраамъ призвалъ работника и говоритъ: «поклянись мнѣ, что ты не возьмешь въ нашемъ городѣ невѣсту, а туда пой-

дешь, куда я тебя пошлю». Авраамъ послалъ его въ землю Месопотамію къ Нахору. Еліезеръ взялъ верблюдовъ и поѣхалъ. Когда пріѣхалъ къ колодцу, то сталъ говорить: «Господи! дай мнѣ такую невѣсту, какая прежде придетъ, напоитъ меня и верблюдовъ моихъ напоитъ, та моего господина Исаака невѣста». Только Еліезеръ успѣлъ эти слова проговорить, идетъ дѣвица. Еліезеръ сталъ просить у нея пить. Она дала ему пить и говоритъ: «небось, твои верблюды хотятъ пить». Еліезеръ говоритъ: «пожалуй, напой». Она напоила и верблюдовъ, тогда Еліезеръ далъ ей ожерелье и говоритъ: «нельзя ли мнѣ у васъ переночевать?» Она говоритъ: «можно». Когда они пришли въ домъ, ея родные ужинаютъ, и стали сажать Еліезера ужинать. Еліезеръ говоритъ: «я до сихъ поръ не буду ѣсть, пока слово скажу». Еліезеръ имъ сказалъ. Они говорятъ: «мы согласны,—какъ она?» Спросили у ней, — она согласна. Потомъ отецъ съ матерью благословили Ревекку, Еліезеръ сѣлъ съ ней и поѣхали, а Исаакъ ходилъ по полю. Ревекка увидала Исаака и закрылась полотенцемъ. Исаакъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ домъ, они и перевѣнчались».

Изъ тетради мальчика И. Ф. объ Іаковѣ: «Ревекка была девятнадцать лѣтъ неплодна, послѣ родила двухъ близнецовъ— Исава и Іакова. Исавъ занимался звѣроловствомъ, а Іаковъ помогалъ матери. Одинъ разъ Исавъ пошелъ звѣрей бить и ничего не убилъ и пришелъ сердитый; а Іаковъ хлебаетъ чечевичную похлебку. Исавъ пришелъ и говоритъ: «дай мнѣ этой похлебки». Іаковъ говоритъ: «отдай мнѣ свое первенство». Исавъ говоритъ: «возьми». — «Поклянись!» Исавъ поклялся. Потомъ Іаковъ далъ Исаву похлебки. Когда Исаакъ ослѣпъ, то говоритъ: «Исавъ! поди убей мнѣ какую-нибудь дичинку». Исавъ пошелъ. Ревекка услыхала это, говоритъ Іакову: «поди убей двухъ козлятъ». Іаковъ пошелъ и убилъ двухъ козлятъ и принесъ матери. Она изжарила и обернула Іакова кожею, а пищу Іаковъ понесъ своему отцу и говоритъ: «я тебѣ любимое кушанье принесъ». Исаакъ говоритъ: «подойди ко мнѣ поближе». Іаковъ подошелъ. Исаакъ сталъ щупать за тѣло и говоритъ: «голосъ Іакова, а тѣло Исава». Потомъ благословилъ Іакова. Іаковъ только выходитъ изъ дверей, а Исавъ въ дверь и говоритъ: «на, батюшка, тебѣ любимое кушанье». Исаакъ говоритъ: «у меня былъ Исавъ».— «Нѣтъ, батюшка, это тебя Іаковъ обманулъ», и пошелъ самъ изъ дверей, заплакалъ и говоритъ: «дай батюшка умретъ, я тебѣ тогда отплачу». Ревекка говоритъ Іакову: «поди попроси у отца благословенія и ступай къ дядѣ Лавану». Исаакъ благословилъ Іакова, и онъ пошелъ къ дядѣ Лавану. Тутъ Іакова пристигла

ночь. Онъ сталъ въ полѣ ночевать, нашелъ камень, положилъ подъ голову и заснулъ. Вдругъ видитъ во снѣ, будто отъ земли до неба стоитъ лѣстница, по ней внизъ и вверхъ ходятъ ангелы, а сверху Самъ Господь стоитъ и говоритъ: «Іаковъ, землю, на которой ты лежишь, я тебѣ отдаю и твоему потомству». Іаковъ всталъ и говоритъ: «какъ тутъ страшно: знать, тутъ Божій домъ, я оттуда возвращусь и построю церковь здѣсь»; потомъ затеплилъ лампаду и пошелъ дальше; видитъ — пастухи стерегутъ скотъ. Іаковъ сталъ у нихъ спрашивать, гдѣ тутъ дядя Лаванъ живетъ. Пастухи говорятъ: «вонъ его дочь гонитъ овецъ поить». Іаковъ подошелъ къ ней, — она не отвалитъ камня отъ колодца. Іаковъ отвалилъ камень и напоилъ овецъ и говоритъ: «ты чья дочь?» Она отвѣчаетъ: «Лавана». — «Я тебѣ двоюродный братъ». Они поцѣловались и пошли домой. Дядя Лаванъ принялъ его и говоритъ: «Іаковъ, живи у меня, я тебѣ буду плату давать». Іаковъ говоритъ: «я не буду жить за плату, а отдай за меня младшую дочь Рахиль». Лаванъ говоритъ: «проживи у меня семь лѣтъ, тогда я отдамъ за тебя дочь Рахиль». Іаковъ прожилъ семь лѣтъ, и дядя Лаванъ отдалъ Іакову вмѣсто Рахили Лію. Іаковъ и говоритъ: «дядя Лаванъ, на что ты меня обманулъ?» Лаванъ говоритъ: «проживи у меня еще семь лѣтъ, тогда я отдамъ за тебя младшую дочь Рахиль, а то у насъ нѣтъ права отдавать младшую дочь прежде». Іаковъ прожилъ у дяди еще семь лѣтъ, тогда ужъ Лаванъ отдалъ ему Рахиль».

Изъ тетради 8-лѣтняго мальчика Т. Ф. объ Іосифѣ: «У Іакова было двѣнадцать сыновей. Онъ больше всѣхъ любилъ Іосифа и сшилъ ему разноцвѣтное платье. Тутъ Іосифъ видѣлъ два сна и разсказываетъ братьямъ своимъ: «будто мы жали въ полѣ рожь и нажали двѣнадцать сноповъ. Мой снопъ прямо стоитъ и одиннадцать сноповъ моему снопу поклоняются». А братья говорятъ: «неужели мы тебѣ будемъ поклоняться?» А другой сонъ видѣлъ: «будто на небѣ одиннадцать звѣздъ, солнце и мѣсяцъ моей звѣздѣ поклоняются». А мать съ отцомъ говорятъ: «неужели мы тебѣ будемъ поклоняться?» Братья пошли вдаль скотину стеречь; потомъ отецъ посылаетъ Іосифа братьямъ пищу несть; братья увидѣли его да и говорятъ: «вонъ нашъ сновидецъ идетъ; давай его въ бездонный колодезь посадимъ». Рувимъ себѣ и думаетъ: какъ они куда отлучатся, я его вытащу. А тутъ ѣдутъ купцы. Рувимъ говоритъ: «продадимъ его купцамъ египетскимъ». Іосифа и продали, а купцы продали Пентефрію-царедворцу. Пентефрій его любилъ и жена его любила. Пентефрій куда-то отлучился, а его жена и говоритъ Іосифу: «Іосифъ! давай моего мужа убьемъ и я за тебя замужъ выйду». Іосифъ говоритъ: «ежели

ты въ другой разъ скажешь, я твоему мужу скажу». Она его за платье взяла и закричала. Слуги услыхали и пришли. Потомъ Пентефрій пріѣхалъ. Жена ему разсказала, что Іосифъ будто хотѣлъ его убить, а на ней жениться. Пентефрій велѣлъ его посадить въ острогъ. Какъ Іосифъ былъ добрый человѣкъ, онъ и тамъ заслужилъ, и ему велѣно надъ острогомъ глядѣть. Однажды Іосифъ шелъ по темницѣ и видитъ, что двое сидятъ пригорюнившись. Іосифъ подошелъ къ нимъ и говоритъ: «что вы пригорюнившись?» Они и говорятъ: «мы вотъ въ одну ночь видѣли два сна, и некому намъ разгадать». Іосифъ говоритъ: «какой же?» Сталъ виночерпій разсказывать: «будто я сорвалъ три ягодки, нажалъ соку и подавалъ царю». Іосифъ говоритъ: «ты черезъ три дня будешь опять на своемъ мѣстѣ». Потомъ сталъ хлѣбодаръ разсказывать: «будто я несъ двѣнадцать въ корзинѣ хлѣбовъ и птицы разлетаются и клюютъ хлѣбъ». Іосифъ сказалъ: «ты чрезъ три дня будешь повѣшенъ и птицы разлетятся и будутъ твое тѣло клевать». Такъ и сбылось. Однажды царь Фараонъ видѣлъ въ одну ночь два сна и всѣхъ собралъ своихъ мудрецовъ и никто ему не разгадалъ. Виночерпій вспомнилъ и говоритъ: «у меня есть человѣкъ на примѣтѣ». Царь послалъ за нимъ коляску. Когда его привезли, царь сталъ разсказывать: «будто я стоялъ на берегу рѣки и вышли семь коровъ жирныхъ, а семь худыхъ; худыя бросились на жирныхъ и поѣли и не стали жирными». А другой сонъ видѣлъ: будто росли на одномъ стеблѣ семь колосьевъ полные, а семь пустыхъ; пустые бросились на полныхъ, поѣли и не стали полными». Іосифъ говоритъ: «это вотъ къ чему,— семь годовъ будутъ хлѣбородныхъ, а семь голодныхъ». Царь далъ Іосифу золотую цѣпь черезъ плечо и съ правой руки перстень и велѣлъ строить анбары».

Все сказанное относится до преподаванія, какъ священной, такъ и русской, естественной исторіи, географіи, отчасти физики, химіи, зоологіи, вообще всѣхъ предметовъ, исключая пѣнія, математики и рисованія. О преподаваніи собственно священной исторіи за это время долженъ сказать слѣдующее.

Во-первыхъ, о томъ, почему выбранъ первоначально Ветхій завѣтъ? Не говоря о томъ, что знаніе священной исторіи требовалось какъ самими учениками, такъ и ихъ родителями, изъ всѣхъ изустныхъ передачъ, которыя я пробовалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, ничто такъ не приходилось по понятіямъ и складу ума мальчиковъ, какъ Библія. То же самое повторилось во всѣхъ другихъ школахъ, которыя мнѣ случалось наблюдать вначалѣ. Я пробовалъ Новый завѣтъ, пробовалъ русскую исторію и географію; пробовалъ, столь любимыя въ наше время, *объясненія*

явленій природы, но все это забывалось и слушалось неохотно. Ветхій же завѣтъ запоминался и разсказывался страстно, съ восторгомъ и въ классѣ и дома, и запоминался такъ, что черезъ два мѣсяца послѣ разсказа дѣти изъ головы писали священную исторію въ тетрадяхъ съ весьма незначительными пропусками.

Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгой дѣтства всякаго человѣка. Замѣнить эту книгу мнѣ кажется невозможнымъ. Измѣнять, сокращать Библію, какъ это дѣлаютъ въ учебникахъ Зонтагъ и т. п., мнѣ кажется вреднымъ. Все, каждое слово въ ней справедливо, какъ откровеніе, и справедливо, какъ художество. Прочтите по Библіи о сотвореніи міра и по краткой священной исторіи, и передѣлка Библіи въ священной исторіи вамъ представится совершенно непонятною: по священной исторіи нельзя иначе, какъ заучивать наизусть, по Библіи ребенку представляется живая и величественная картина, которой онъ никогда не забудетъ. Выпуски въ священной исторіи совершенно непонятны и только нарушаютъ характеръ и красоту священнаго писанія. Зачѣмъ, напримѣръ, во всѣхъ священныхъ исторіяхъ выпущено, что когда не было ничего, Духъ Божій носился надъ бездной, что Богъ, сотворивъ, оглядываетъ Свое творенье и видитъ, что оно хорошо, и что тогда становится утро и вечеръ дня такого-то? Зачѣмъ выпущено то, что Богъ вдунулъ въ ноздри душу безсмертную, что, вынувъ у Адама ребро, заложилъ мѣсто мясомъ и т. п.? Надобно читать Библію неиспорченнымъ дѣтямъ, чтобы понять, до какой степени все это необходимо и истинно. Можетъ быть, испорченнымъ барышнямъ нельзя давать Библіи въ руки, но, читая ее крестьянскимъ дѣтямъ, я не измѣнялъ и не выпускалъ ни одного слова. И никто не хихикалъ за спиной другъ друга, и всѣ слушали ее съ замираніемъ сердца и естественнымъ благоговѣніемъ. Исторія Лота и его дочерей, исторія сына Іуды возбуждаетъ ужасъ, а не смѣхъ...

Какъ все понятно и ясно, особенно для ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ строго и серьезно!.. Я не могу себѣ представить, какое возможно было бы образованіе, если бы не было этой книги? А кажется, когда только въ дѣтствѣ узналъ эти разсказы, отчасти забылъ ихъ впослѣдствіи,—къ чему они намъ? И развѣ не то же самое было бы, если бы и вовсе не знать ихъ?

Такъ оно кажется до тѣхъ поръ, пока, начиная учить, не провѣряешь надъ другими дѣтьми всѣхъ элементовъ своего собственнаго развитія. Кажется, можно выучить дѣтей писать, читать, считать, можно дать имъ понятіе объ исторіи, геогра-

фіи и явленіяхъ природы безъ Библіи и прежде Библіи, а однако нигдѣ это не дѣлается — вездѣ прежде всего ребенокъ узнаетъ Библію, разсказы, выдержки изъ нея. Первое отношеніе учащагося къ учащему основывается на этой книгѣ. Такое всеобщее явленіе не случайно. Совершенно свободное мое отношеніе къ ученикамъ, при началѣ Яснополянской школы, помогло мнѣ разъяснить это явленіе.

Ребенокъ или человѣкъ, вступающій въ школу (я не дѣлаю никакого различія между 10 и 30 или 70-лѣтнимъ человѣкомъ), вноситъ за собой свой извѣстный, вынесенный имъ изъ жизни и любимый имъ взглядъ на вещи. Для того, чтобы человѣкъ какого бы то ни было возраста сталъ учиться, надобно, чтобъ онъ полюбилъ ученье. Для того, чтобы онъ полюбилъ ученье, нужно, чтобъ онъ созналъ ложность, недостаточность своего взгляда на вещи и чутьемъ бы предчувствовалъ то новое міросозерцаніе, которое ему откроетъ ученье. Ни одинъ человѣкъ и ребенокъ не былъ бы въ силахъ учиться, если бы будущность его ученья представлялась ему только искусствомъ писать, читать или считать; ни одинъ учитель не могъ бы учить, если бы онъ не имѣлъ въ своей власти міросозерцанія выше того, которое имѣютъ ученики. Для того, чтобъ ученикъ могъ отдаться весь учителю, нужно открыть ему одну сторону того покрова, который скрывалъ отъ него всю прелесть того міра мысли, знанія и поэзіи, въ который должно ввести его ученье. Только находясь подъ постояннымъ обаяніемъ этого, впереди его блестящаго свѣта, ученикъ въ состояніи такъ работать надъ собой, какъ мы того отъ него требуемъ.

Какія же средства мы имѣемъ для того, чтобы поднять предъ учениками этотъ край завѣсы?.. Какъ я говорилъ, я думалъ, какъ и многіе думаютъ, что, находясь самъ въ томъ мірѣ, въ который мнѣ надо вести учениковъ, мнѣ легко будетъ это сдѣлать, и я училъ грамотѣ, я объяснялъ явленія природы, я разсказывалъ, какъ въ азбучкахъ, что плоды ученья сладки, но ученики не вѣрили мнѣ и все чуждались. Я попробовалъ читать имъ Библію и вполнѣ завладѣлъ ими. Край завѣсы былъ поднятъ, и они отдались мнѣ совершенно. Они полюбили и книгу, и ученье, и меня. Мнѣ оставалось только руководить ими дальше. Послѣ Ветхаго завѣта я разсказалъ имъ Новый завѣтъ, и они все больше и больше любили ученье и меня. Потомъ я разсказывалъ имъ всеобщую, русскую, естественную исторію, послѣ Библіи; они все слушали, всему вѣрили, все дальше и дальше просились, и дальше и дальше раскрывались предъ ними перспективы мысли, знанія и поэзіи. Можетъ быть, это была

случайность. Можетъ быть, начавъ другимъ способомъ, въ другой школѣ достигнуты были тѣ же результаты. Можетъ быть,— но случайность эта повторялась слишкомъ неизмѣнно во всѣхъ школахъ и во всѣхъ семьяхъ, и объясненіе этого явленія слишкомъ для меня ясно, чтобъ я согласился признать его случайностью. Для того, чтобъ открыть ученику новый міръ и безъ знанія заставить его полюбить знанія, нѣтъ книги, кромѣ Библіи. Я говорю даже для тѣхъ, которые не смотрятъ на Библію, какъ на откровеніе. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не знаю произведенія, которое бы соединяло въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какія соединяетъ въ себѣ Библія. Всѣ вопросы изъ явленій природы объяснены этой книгой, всѣ первоначальныя отношенія людей между собой, семьи, государства, религіи, въ первый разъ сознаются по этой книгѣ. Обобщенія мыслей, мудрость, въ дѣтски простой формѣ, въ первый разъ захватываетъ своимъ обаяніемъ умъ ученика. Лиризмъ псалмовъ Давида дѣйствуетъ не только на умы взрослыхъ учениковъ, но, сверхъ того, каждый изъ этой книги въ первый разъ узнаетъ всю прелесть эпоса въ неподражаемой простотѣ и силѣ. Кто не плакалъ надъ исторіей Іосифа и встрѣчей его съ братьями, кто съ замираніемъ сердца не разсказывалъ исторію связаннаго и остриженнаго Самсона, который, отмщая врагамъ, самъ гибнетъ, казня враговъ, подъ развалинами разрушеннаго дворца, и еще сотни другихъ впечатлѣній, которыми мы воспитаны, какъ молокомъ матери?.. Пускай тѣ, которые отрицаютъ воспитательное значеніе Библіи, которые говорятъ, что Библія отжила, — пускай они выдумаютъ такую книгу, такіе разсказы, объясняющіе явленія природы или изъ общей исторіи, или изъ воображенія, которые бы воспринимались такъ же, какъ библейскіе, и тогда мы согласимся, что Библія отжила.

Педагогія служитъ повѣркою многихъ и многихъ жизненныхъ явленій, общественныхъ и отвлеченныхъ вопросовъ.

Матеріализмъ тогда только будетъ имѣть право объявить себя побѣдителемъ, когда будетъ написана Библія матеріализма и дѣтство будетъ воспитываться по этой Библіи. Попытка Овэна не можетъ служить доказательствомъ такой возможности, какъ произрастаніе лимоннаго дерева въ московской теплицѣ не есть доказательство того, что деревья могутъ расти безъ открытаго неба и солнца.

Я повторяю свое, выведенное, можетъ быть, изъ односторонняго опыта, убѣжденіе. Безъ Библіи немыслимо въ нашемъ обществѣ, такъ же, какъ не могло быть мыслимо безъ Гомера

въ греческомъ обществѣ, развитіе ребенка и человѣка. Библія есть единственная книга для первоначальнаго и дѣтскаго чтенія. Библія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, должна служить образцомъ всѣхъ дѣтскихъ руководствъ и книгъ для чтенія. Простонародный переводъ Библіи былъ бы лучшая народная книга. Появленіе такого перевода въ наше время составило бы эпоху въ исторіи русскаго народа.

Теперь о способѣ преподаванія священной исторіи. Всѣ краткія священныя исторіи на русскомъ языкѣ я считаю двоякимъ преступленіемъ — и противъ святыни и противъ поэзіи. Всѣ эти передѣлки, имѣя въ виду облегчать ученіе священной исторіи, затрудняютъ его. Библія читается, какъ удовольствіе, дома, облокотившись головой на руку; исторійки учатся съ указкой наизусть. Мало того, что исторійки эти скучны, непонятны, онѣ портятъ способность понимать поэзію Библіи. Не разъ замѣчалъ я, какъ дурной непонятный языкъ нарушалъ воспринятіе внутренняго смысла Библіи. Непонятныя слова, какъ «отрокъ, пучина, попралъ» и т. п., запоминаются наравнѣ съ событіями, останавливаютъ вниманіе учениковъ по своей новизнѣ и служатъ для нихъ какъ бы вѣхами, по которымъ они руководствуются въ разсказѣ.

Очень часто ученикъ говоритъ только для того, чтобъ употребить понравившееся ему словцо, и нѣтъ уже той простоты воспринимать одно содержаніе. Не разъ замѣчалъ я тоже, какъ ученики изъ другихъ школъ всегда гораздо меньше, иногда вовсе не чувствовали прелести библейскихъ разсказовъ, уничтоженной въ нихъ требованіемъ заучиванья и связанными съ нимъ грубыми пріемами учителя. Ученики эти портили даже младшихъ учениковъ и братій, въ манерѣ разсказа которыхъ усвоивались извѣстные пошлые пріемы краткихъ священныхъ исторій. Такіе пошлые разсказы посредствомъ этихъ вредныхъ книжонокъ перешли и въ народъ, и часто ученики изъ дома приносятъ съ собой своеобразныя легенды о сотвореніи міра, Адама и о Іосифѣ прекрасномъ. Такіе ученики уже не испытываютъ того, что̀ испытываютъ свѣжіе ученики, слушая Библію и съ замираніемъ сердца ловя каждое слово и думая, что вотъ-вотъ имъ, наконецъ, откроется вся премудрость міра.

Я преподавалъ и преподаю священную исторію только по Библіи и всякое другое преподаваніе считаю вреднымъ.

Новый завѣтъ разсказывается точно такъ же по Евангелію и пишется послѣ на тетрадяхъ. Новый завѣтъ запоминается хуже и потому требуетъ болѣе частыхъ повтореній.

Вотъ образцы изъ исторіи Новаго завѣта.

Изъ тетради мальчика И. М. о Тайной Вечери:

«Разъ Іисусъ Христосъ послалъ учениковъ въ городъ Іерусалимъ и сказалъ имъ: «какой вамъ попадется человѣкъ съ водою, то вы ступайте за нимъ и спросите у него: хозяинъ, укажи намъ горницу, гдѣ бы намъ приготовить пасху. Онъ вамъ укажетъ, тамъ вы и приготовьте». Они пошли и увидали, что̀ Онъ имъ сказалъ, и приготовили. Къ вечеру Іисусъ Самъ отправился туда съ учениками. Во время вечери Іисусъ Христосъ снялъ съ Себя одежду и подпоясался полотенцемъ. Потомъ взялъ рукомойникъ и налилъ его полонъ воды и сталъ подходить къ каждому ученику и умывалъ ноги. Когда Онъ подошелъ къ Петру и хотѣлъ ему обмыть ноги, то Петръ сказалъ: «Господи! Ты мнѣ никогда не обмоешь ногъ». А Іисусъ Христосъ ему сказалъ: «ежели Я тебѣ не обмою ногъ, то ты со Мною не будешь вмѣстѣ въ Царствіи Небесномъ». Тутъ-то Петръ испугался и говоритъ: «Господи, не то что ноги мои, но и голову и все тѣло мое». А Іисусъ ему сказалъ: «Чистому только нужно обмыть ноги». Потомъ Іисусъ Христосъ одѣлся и сѣлъ за столъ, взялъ хлѣбъ, благословилъ его и разломилъ, и сталъ давать Своимъ ученикамъ, и сказалъ: «берите и ѣшьте, — это есть тѣло Мое». Они взяли и съѣли. Потомъ Іисусъ взялъ чашу съ виномъ, благословилъ ее и сталъ подносить ученикамъ и сказалъ: «берите и пейте, — это есть кровь Моя Новаго завѣта». Они взяли и выпили. Потомъ Іисусъ Христосъ сказалъ: «одинъ изъ васъ Меня предастъ». А ученики стали говорить: «Господи! не я ли?» А Іисусъ Христосъ говоритъ: «нѣтъ». Потомъ Іуда говоритъ: «Господи! не я ли?» А Іисусъ Христосъ сказалъ въ половину голоса: «ты». Послѣ того Іисусъ Христосъ сказалъ Своимъ ученикамъ: «тотъ Меня предастъ, которому Я дамъ кусокъ хлѣба». Потомъ Іисусъ Христосъ далъ хлѣба Іудѣ. Тутъ же къ нему вселился сатана, такъ что онъ смутился и ушелъ вонъ изъ компаты».

Изъ тетради мальчика Р. Б.:

«Потомъ Іисусъ Христосъ пошелъ со Своими учениками въ садъ Геѳсиманскій молиться Богу, и сказалъ ученикамъ: «вы ждите Меня и не спите». Когда Іисусъ пришелъ и увидѣлъ, что Его ученики спятъ, Онъ разбудилъ ихъ и сказалъ: «вы Меня не могли подождать одинъ часъ». Потомъ опять пошелъ молиться Богу. Онъ молился Богу и говорилъ: «Господи! нельзя ли этой чашѣ пройти мимо», и до тѣхъ поръ молился Богу, пока кровавый потъ пошелъ. Ангелъ слетѣлъ съ неба и сталъ Іисуса укрѣплять. Потомъ Іисусъ возвратился къ ученикамъ и сказалъ имъ: «что вы спите, наступаетъ часъ, въ который

Сынъ человѣческій предается въ руки враговъ Своихъ». А Іуда же сказалъ первосвященнику: «кого я поцѣлую, того вы берите». Потомъ ученики пошли за Іисусомъ и увидали толпу народа. Іуда подошелъ къ Іисусу и хотѣлъ Его поцѣловать. Іисусъ и говоритъ: «нечто ты Меня цѣлованьемъ предаешь?» А народу говоритъ: «кого вы ищете?» Они сказали Ему: «Іисуса Назарянина». Іисусъ сказалъ: «Я самый». Отъ этого слова всѣ попадали».

Исторія и географія.

Окончивъ Ветхій завѣтъ, я естественно напалъ на мысль о преподаваніи исторіи и географіи и потому, что это преподаваніе до сихъ поръ ведется вездѣ въ дѣтскихъ школахъ и самъ я училъ ихъ, и потому, что исторія евреевъ Ветхаго завѣта естественно, казалось мнѣ, наводила дѣтей на вопросы: гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ происходили извѣстныя имъ событія,—что̀ такое Египетъ? фараонъ? ассирійскій царь? и т. п.

Я началъ исторію, какъ всегда начинаютъ, съ древней. Но ни Момзенъ, ни Дункеръ, ни всѣ мои усилія не помогли мнѣ сдѣлать ее интересною. Имъ не было никакого дѣла до Сезостриса, египетскихъ пирамидъ и финикіянъ... Я надѣялся, что подобные вопросы, какъ, напримѣръ, кто были народы, имѣвшіе дѣло съ евреями, и гдѣ жили и странствовали евреи, должны были бы интересовать ихъ, но ученики вовсе не нуждались въ этихъ свѣдѣніяхъ. Какіе-то цари Фараоны, Египты, Палестины, когда-то и гдѣ-то бывшіе, вовсе не удовлетворяютъ ихъ. Евреи — ихъ герои, остальные — постороннія ненужныя лица. Сдѣлать же для дѣтей героями египтянъ и финикіянъ мнѣ не удалось за отсутствіемъ матеріаловъ. Какъ бы подробно мы ни знали о томъ, какъ строились пирамиды, въ какомъ положеніи и отношеніи между собой были касты, къ чему намъ это? — намъ, т.-е. дѣтямъ. Въ тѣхъ исторіяхъ нѣтъ Авраама, Исаака, Іакова, Іосифа, Самсона. Кое-что запоминалось и нравилось изъ древней исторіи, Семирамида и т. п., но запоминалось случайно, не потому, что объясняло что-нибудь, но потому, что было художественно-сказочно. Но такія мѣста были рѣдки, остальное было скучно, безцѣльно, и я принужденъ былъ бросить преподаваніе всеобщей исторіи.

Съ географіей случилась такая же неудача, какъ съ исторіей. Я разсказываю иногда, что придется, изъ греческой, англійской, швейцарской исторіи, безъ всякой связи, а только какъ поучительную и художественную сказку.

Послѣ всеобщей исторіи я долженъ былъ испытать всѣми и вездѣ принятую отечественную для насъ русскую исторію,

и я началъ ту печальную извѣстную намъ русскую исторію, нехудожественную, непоучительную, появившуюся въ стольких различныхъ передѣлкахъ отъ Ишимовой и до Водовозова. Я начиналъ ее два раза: первый разъ до прочтенія всей Библіи и второй разъ послѣ Библіи. До Библіи ученики рѣшительно отказались запомнить существованіе Игорей и Олеговъ. То же самое повторяется и теперь съ младшими учениками. Тѣ, которые на Библіи не выучились еще вникать въ разсказываемое и передавать его, тѣ слушаютъ по 5 разъ и ничего не запоминаютъ изъ Рюриковъ и Ярославовъ. Старшіе ученики теперь запоминаютъ русскую исторію и записываютъ, но безъ сравненія хуже Библіи и требуютъ частыхъ повтореній... Разсказываемъ мы имъ по Водовозову и «Норманскому періоду» Погодина. Одинъ изъ учителей какъ-то увлекся и, не послушавшись моего совѣта, не пропустилъ удѣльнаго періода и въѣхалъ во всю безсмыслицу и безурядицу Мстиславовъ, Брячиславовъ и Болеславовъ. Я вошелъ въ классъ въ то время, какъ ученики должны были разсказывать. Трудно описать, что изъ этого вышло. Долго всѣ молчали. Вызванные учителемъ, наконецъ, заговорили, кто посмѣлѣе и попамятливѣе. Всѣ умственныя силы были напряжены на то, чтобы запомнить *чудныя* имена, а кто что дѣлалъ—было для нихъ дѣло второстепенное.

«Вотъ онъ, какъ его, Барикавъ, что ль? — началъ одинъ,— пошелъ на... какъ бишь его?» — «Муславъ, Л. Н.?» подсказываетъ дѣвочка. «Мстиславъ», отвѣчалъ я. «*И разбилъ его на голову*», съ гордостью говоритъ одинъ. «Ты постой! рѣка тутъ была». — «А сынъ его войску собралъ и *на голову* расшибъ... какъ бишь его?» — «Да что ее никакъ не поймешь», говоритъ дѣвочка, которая памятлива, какъ слѣпой. «И то чудная какая-то», говоритъ Семка. «Ну ее, Миславъ, Числавъ! на что ее, чортъ ее разберетъ!» — «Да ты не мѣшай, коли не знаешь!»— «Ну, ты знаешь, ловокъ больно!» — «Да ты что пихаешься-то?» Самые памятливые попытались еще и сказали бы, пожалуй, вѣрно, ежели подсказать имъ кое-что. Но до того все это было уродливо и до того жалко было смотрѣть на этихъ дѣтей (всѣ они какъ куры, которымъ кидали прежде зерна и вдругъ кинули песку, вдругъ растерялись, раскудахтались, напрасно засуетились и готовы перещипать другъ друга), что мы рѣшили съ учителемъ больше не дѣлать такихъ ошибокъ. Пропустивъ удѣльный періодъ, мы продолжаемъ русскую исторію, и вотъ что изъ нея выходитъ въ тетрадяхъ старшихъ учениковъ.

Изъ тетради ученика В. Р.: «Наши предки назывались славянами. У нихъ не было ни царей ни князей. Они раздѣлялись

на роды, другъ на друга нападали и ходили воевать. Однажды напали на славянъ норманы и побѣдили, обложили данью. Потомъ они говорятъ: «Что мы такъ живемъ! давайте выберемте себѣ князя, чтобъ онъ надъ нами владѣлъ». Тутъ они выбрали Рюрика съ двумя братьями, Синеусомъ и Труворомъ. Рюрикъ поселился въ Ладогѣ, Синеусъ въ Изборскѣ у кривичей, Труворъ на Бѣлоозерѣ. Потомъ тѣ братья померли. Рюрикъ поступилъ на ихъ мѣсто.

«Потомъ пошли двое въ Грецію, Аскольдъ и Диръ, и зашли въ Кіевъ и говорятъ: «Кто тутъ владѣетъ?» Кіевляне говорятъ: «Тутъ были трое: Кій, Щекъ да Хоривъ. Теперь они померли». Аскольдъ да Диръ говорятъ: «Давайте мы будемъ вами владѣть». Народъ согласился и сталъ имъ платить дань.

«Потомъ Рюрикъ приказалъ строить города и крѣпости и разсылалъ бояръ, чтобъ они собирали дань и приносили къ нему. Потомъ Рюрикъ вздумалъ идти войною на Константинополь съ двумя стами лодокъ. Когда онъ подъѣхалъ къ этому городу, то въ это время императора не было. Греки послали за нимъ. Народъ все молился Богу. Потомъ архіерей вынесъ ризу Божіей Матери и обмочилъ въ воду, и поднялась страшная буря, и лодки Рюриковы всѣ разметало. И такъ даже очень не много спаслось. Потомъ Рюрикъ пошелъ домой и тамъ умеръ. Остался у него одинъ сынъ Игорь. Когда онъ былъ малъ, то на его мѣсто поступилъ Олегъ. Ему хотѣлось завоевать Кіевъ; онъ взялъ съ собою Игоря и поѣхалъ прямо по Днѣпру. На пути онъ завоевалъ города Любичъ и Смоленскъ. Когда они подъѣхали къ Кіеву, то Олегъ послалъ своихъ пословъ къ Аскольду и Диру сказать, что пріѣхали купцы повидаться съ ними, а самъ половину войска спряталъ въ лодки, а половину оставилъ позади. Когда Аскольдъ и Диръ вышли съ небольшою дружиною, то Олегово войско выскочило изъ-подъ лодокъ и бросилось на нихъ. Тутъ Олегъ поднялъ Игоря и сказалъ: «Вы не князья и не княжескаго роду, а вотъ кто князь». Тутъ Олегъ велѣлъ ихъ убить и завоевалъ Кіевъ. Олегъ остался тутъ жить, сдѣлалъ этотъ городъ столицею и назвалъ матерью всѣхъ русскихъ городовъ. Тутъ онъ велѣлъ строить города и крѣпости и разослалъ бояръ, чтобъ они собирали дань и приносили къ нему. Послѣ онъ ходилъ воевать съ сосѣдними племенами, — онъ ихъ много завоевалъ. Ему не хотѣлось воевать съ мирными, а хотѣлось съ храбрыми. Вотъ онъ собрался идти на Грецію и поѣхалъ прямо по Днѣпру. Когда онъ Днѣпръ проѣхалъ, то поѣхалъ по Черному морю. Когда подъѣхалъ къ Греціи, то его войско выскочило на берегъ и стало все жечь и грабить. Олегъ

говоритъ грекамъ: «Платите намъ дань — на всякую лодку по гривнѣ». Они обрадовались и стали платить имъ дань. Тутъ Олегъ набралъ триста пудовъ и отправился домой».

Изъ тетради ученика В. М.: «Когда Олегъ умеръ, то на его мѣсто поступилъ Рюриковъ сынъ Игорь. Игорю захотѣлось жениться. Однажды онъ пошелъ погулять съ своею дружиною— ему нужно было переплыть черезъ Днѣпръ. Вдругъ онъ увидалъ: плыветъ дѣвица на лодкѣ. Когда она подплыла къ берегу, Игорь говоритъ: «Посади меня». Она посадила. Потомъ Игорь женился на ней. Игорю хотѣлось отличиться. Вотъ онъ собралъ войско и пошелъ на войну, прямо по Днѣпру — не направо, а налѣво, изъ Днѣпра въ Черное море, изъ Чернаго въ Каспійское море. Игорь послалъ пословъ къ кагану, чтобы онъ пропустилъ его черезъ свое поле; когда онъ возвратится съ войны, то отдастъ ему половину добычи своей. Каганъ пропустилъ. Когда уже близко подходили къ городу, то Игорь велѣлъ выступить народу на берегъ, все жечь и рубить и брать въ плѣнъ. Когда они все дорѣшили, то стали отдыхать. Когда отдохнули, то пошли съ великою радостью домой. Они подходили къ каганову городу, Игорь послалъ кагану по обѣщанію. Народъ услыхалъ, что идетъ Игорь съ войны, сталъ просить кагана, чтобъ онъ имъ велѣлъ отомстить Игорю за то, что Игорь пролилъ кровь родныхъ ихъ. Каганъ не велѣлъ, а народъ не слушался и стали воевать — произошла дюжая битва. Русскихъ одолѣли и отняли у нихъ все, что̀ они завоевали».

Интереса живого все нѣтъ, какъ можетъ видѣть читатель изъ приводимыхъ выдержекъ. Лучше идетъ русская исторія, чѣмъ общая, только потому, что они навыкли воспринимать и записывать разсказанное, и еще потому, что вопросъ о томъ, *къ чему это*, меньше имѣетъ мѣста. Русскій народъ — ихъ герой, точно такъ же, какъ былъ еврейскій. Тотъ — потому, что онъ Богомъ любимый народъ, и потому, что исторія его художественна. Этотъ — хотя и не имѣетъ на то никакого художественнаго права, зато за него говоритъ національное чувство. Но сухо, холодно и скучно идетъ это преподаваніе. Къ несчастью, сама исторія весьма рѣдко даетъ поводъ торжествовать народному чувству.

Вчера я вышелъ изъ своего класса въ классъ исторіи, чтобъ узнать причину оживленія, слышнаго мнѣ изъ другой комнаты. Это была Куликовская битва. Всѣ были въ волненіи. «Вотъ такъ исторія! Ловко!» — «Послушай, Л. Н., какъ онъ татаровей распужилъ!» — «Дай я разскажу». — «Нѣтъ, я! — закричали голоса. — Какъ кровь рѣкой лилась!» Почти всѣ въ

состоянiи были разсказать и всѣ были въ восторгѣ. Но если удовлетворять одному нацiональному чувству, что̀ же останется изъ всей исторiи? 612, 812 годы—и все. Отвѣчая на нацiональное чувство, не пройдешь всей исторiи. Я понимаю, что можно пользоваться историческимъ преданiемъ для развитiя и удовлетворенiя всегда присущаго дѣтямъ художественнаго интереса, но это будетъ не исторiя. Для преподаванiя исторiи необходимо предварительное развитiе въ дѣтяхъ историческаго интереса. Какъ это сдѣлать?

Часто мнѣ случалось слышать, что преподаванiе исторiи нужно начинать не съ начала, но съ конца, т.-е. не съ древней, а съ новѣйшей исторiи. Мысль эта, въ сущности, совершенно справедлива. Какъ разсказывать ребенку и заинтересовать его началомъ государства Россiйскаго, когда онъ не знаетъ, что̀ такое государство Россiйское и вообще государство? Тотъ, кто имѣлъ дѣло съ дѣтьми, долженъ знать, что каждый русскiй ребенокъ твердо убѣжденъ, что весь мiръ есть такая же Россiя, какъ и та, въ которой онъ живетъ; точно такъ же французскiй и нѣмецкiй ребенокъ. Отчего у всѣхъ дѣтей и даже у взрослыхъ, дѣтски-наивныхъ людей, всегда является удивленiе, что нѣмецкiя дѣти говорятъ по-нѣмецки?.. Историческiй интересъ большею частью является послѣ интереса художественнаго. Намъ интересно знать исторiю основанiя Рима, потому что мы знаемъ, что̀ такое была Римская имперiя въ цвѣтущiя времена, какъ интересно дѣтство человѣка, котораго мы признали великимъ. Противоположность этого могущества съ ничтожной толпой бѣглыхъ составляетъ для насъ сущность интереса. Мы слѣдимъ за развитiемъ Рима, имѣя въ воображенiи картину того, до чего оно дошло. Намъ интересно основанiе Московскаго царства, потому что знаемъ, что такое Русская имперiя. По моимъ наблюденiямъ и опыту, первый зародышъ историческаго интереса появляется вслѣдствiе познанiя современной исторiи, иногда участiя въ ней, вслѣдствiе политическаго интереса, политическихъ мнѣнiй, споровъ, чтенiя газетъ, и потому мысль начинать исторiю съ настоящей, естественно, должна представиться всякому думающему учителю.

Я еще лѣтомъ дѣлалъ эти опыты, записалъ ихъ и здѣсь привожу одинъ изъ нихъ.

Первый урокъ исторiи.

Я имѣлъ намѣренiе въ первомъ урокѣ объяснить, чѣмъ Россiя отличается отъ другихъ земель, ея границы, характеристику государственнаго устройства, сказать, кто царствуетъ теперь, какъ и когда императоръ взошелъ на престолъ.

Учитель. Гдѣ мы живемъ, въ какой землѣ?

Одинъ ученикъ. Въ Ясной Полянѣ.

Другой ученикъ. Въ полѣ.

Учитель. Нѣтъ, въ какой землѣ и Ясная Поляна и Тульская губернія?

Ученикъ. Тульская губернія на 17 верстъ отъ насъ; гдѣ же она? — Губернія — губернія и есть.

Учитель. Нѣтъ. Это городъ губернскій, а губернія другое. Ну, какая же земля?

Ученикъ (слушавшій прежде географію). Земля круглая, какъ шаръ.

Посредствомъ вопросовъ о томъ, въ какой землѣ прежде жилъ знакомый имъ нѣмецъ, и о томъ, что ежели ѣхать все въ одну сторону, куда пріѣдешь, ученики были наведены на отвѣтъ, что они живутъ въ Россіи. Нѣкоторые сказали, однако, на вопросъ: что, ежели ѣхать все впередъ, въ одну сторону, то куда пріѣдешь? — никуда не пріѣдешь. Другіе сказали, что пріѣдешь на конецъ свѣта.

Учитель (повторяя отвѣтъ ученика). Ты сказалъ, что пріѣдешь въ другія земли; когда же кончится Россія и начнутся другія земли?

Ученикъ. Когда нѣмцы пойдутъ.

Учитель. Что жъ, ежели ты встрѣтишь въ Тулѣ Густава Ивановича и Карла Ѳедоровича, ты скажешь, что пошли нѣмцы и, стало быть, другая земля?

Ученикъ. Нѣтъ, когда сплошные нѣмцы пойдутъ.

Учитель. Нѣтъ, и въ Россіи есть такія земли, гдѣ сплошные нѣмцы. Вотъ Иванъ Ѳомичъ оттуда, а земли эти все-таки Россія. Отчего же такъ?

(Молчаніе).

Учитель. Оттого, что они одного закона съ русскими слушаются.

Ученикъ. Какъ же одного закона? Нѣмцы въ нашу церковь не ходятъ и скоромное ѣдятъ.

Учитель. Не того закона, а одного царя слушаются.

Ученикъ (скептикъ Семка). Чудно! Отчего жъ они другого закона, а нашего царя слушаются?

Учитель чувствуетъ необходимость объяснить, что̀ такое законъ, и спрашиваетъ, что̀ такое значитъ: закона слушаться, быть подъ однимъ закономъ?

Ученица (самостоятельная дворовая дѣвочка, торопливо и робко). Законъ принять — значитъ *жениться*.

Ученики вопросительно смотрятъ на учителя: такъ ли?

Учитель начинаетъ объяснять, что законъ въ томъ, что ежели кто украдетъ или убьетъ, такъ его сажають въ острогъ и наказываютъ.

Скептикъ Семка. А развѣ у нѣмцевъ этого нѣтъ?

Учитель. Законъ въ томъ еще состоитъ, что у насъ есть дворяне, мужики, купцы, духовенство (слово «духовенство» порождаетъ недоумѣніе).

Скептикъ Семка. А тамъ нѣту?

Учитель. Въ иныхъ земляхъ есть, въ иныхъ нѣтъ. У насъ русскій царь, а въ нѣмецкихъ земляхъ другой—нѣмецкій царь.

Отвѣтъ этотъ удовлетворяетъ всѣхъ учениковъ и даже скептика Семку.

Учитель, видя необходимость перейти къ объясненію сословій, спрашиваетъ, какія они знаютъ сословія. Ученики начинаютъ пересчитывать: дворяне, мужики, попы, солдаты. «Еще?» спрашиваетъ учитель. «Дворовые, козюки [1]), самоварщики». Учитель спрашиваетъ о различіи этихъ сословій.

Ученики. Крестьяне пашутъ, дворовые господамъ служатъ, купцы торгуютъ, солдаты служатъ, самоварщики самовары дѣлаютъ, попы обѣдни служатъ, дворяне ничего не дѣлаютъ.

Учитель объясняетъ дѣйствительное различіе сословій, но тщетно старается объяснить необходимость солдатъ, когда ни съ кѣмъ не воюютъ — только въ виду обезпеченія государства отъ нападеній, — и занятія дворянъ на службѣ. Учитель пытается уже объяснить отличіе Россіи отъ другихъ государствъ географически; онъ говоритъ, что вся земля раздѣлена на различныя государства. Русскіе, французы, нѣмцы раздѣлили всю землю и сказали себѣ: по сихъ поръ мое, по сихъ поръ твое, такъ что Россія, какъ и другіе народы, имѣетъ свои границы.

Учитель. Понимаете, что такое границы? Скажи кто-нибудь примѣръ границы.

Ученикъ (умный мальчикъ). А вонъ за Туркинымъ верхомъ граница (граница есть каменный столбъ, который стоитъ на дорогѣ между Тулой и Ясной Поляной, означающій начало Тульскаго уѣзда).

Всѣ ученики согласны съ этимъ опредѣленіемъ.

Учитель видитъ необходимость показать границы на знакомой мѣстности. Онъ рисуетъ планъ двухъ комнатъ и показываетъ границу, раздѣляющую ихъ, приноситъ планъ деревни, и ученики сами узнаютъ нѣкоторыя границы. Учитель объясняетъ,

---

[1]) «Козюками» называются у насъ мѣщане.

т.-е. ему кажется, что онъ объясняетъ, что какъ земля Ясной Поляны имѣетъ свои границы, такъ и Россія. Онъ льститъ себя надеждой, что всѣ его поняли, но когда спрашиваетъ, какъ узнать, сколько отъ нашего мѣста до границы Россіи, то ученики, нисколько не затрудняясь, отвѣчаютъ, что это очень легко, надо только смѣрить аршиномъ отсюда до границы.

Учитель. Въ какую же сторону?

Ученикъ. Прямо отсюда гнать на границу и записать, сколько выйдетъ.

Снова переходимъ къ чертежамъ, планамъ и картамъ. Является необходимость отсутствующаго понятія масштаба. Учитель предлагаетъ нарисовать планъ деревни, расположенной улицей. Начинаемъ рисовать на черной доскѣ, но вся деревня не выходитъ, потому что масштабъ взятъ великъ. Стираемъ и вновь начинаемъ рисовать въ маломъ масштабѣ, на грифельной доскѣ. Масштабъ, планъ границы понемногу уясняются. Учитель повторяетъ все сказанное, спрашиваетъ, что̀ такое Россія и гдѣ ея конецъ.

Ученикъ. Земля, въ которой мы живемъ и въ которой живутъ нѣмцы и татары.

Другой ученикъ. Земля, что подъ русскимъ царемъ.

Учитель. Гдѣ же ей конецъ?

Дѣвочка. Тамъ, гдѣ нехристи-нѣмцы пойдутъ.

Учитель. Нѣмцы не нехристи. Нѣмцы тоже вѣруютъ въ Христа. (Объясненіе религій и вѣроисповѣданій.)

Ученикъ (съ рвеніемъ, видимо радуясь тому, что вспомнилъ). Въ Россіи законы есть: кто убьетъ, того въ острогъ посадятъ, и еще всякій народъ есть, *духовенцы*, солдаты, дворяне.

Семка. Кто солдатъ кормитъ?

Учитель. Царь. На то деньги со всѣхъ собираютъ, потому что они за всѣхъ служатъ.

Учитель объясняетъ еще, что̀ такое казна, и съ грѣхомъ пополамъ заставляетъ ихъ повторить то, что̀ сказано о границахъ.

Урокъ продолжается часа два; учитель увѣренъ, что дѣти удержали многое изъ сказаннаго, и въ такомъ же родѣ продолжаетъ слѣдующіе уроки, но только впослѣдствіи убѣждается, что пріемы эти были невѣрны и что все, что̀ онъ дѣлалъ, былъ совершенный вздоръ.

Я невольно впалъ во всегдашнюю ошибку сократическаго метода, дошедшаго въ нѣмецкомъ Anschauungsunterricht до послѣдней степени уродливости. Я не давалъ въ этихъ урокахъ никакихъ новыхъ понятій ученикамъ, воображая, что я это дѣлалъ; и только своимъ моральнымъ вліяніемъ заставлялъ

дѣтей отвѣчать такъ, какъ мнѣ хотѣлось. *Расея*, *русской* остались все тѣми же безсознательными признаками своего, нашего, чего-то расплывающагося, неопредѣленнаго. *Законъ* остался тѣмъ же непонятнымъ словомъ. Мѣсяцевъ шесть тому назадъ я дѣлалъ эти опыты и первое время былъ чрезвычайно доволенъ и гордъ ими. Тѣ, кому я ихъ читалъ, говорили, что это чрезвычайно хорошо и интересно; но послѣ трехъ недѣль, во время которыхъ я не могъ заниматься самъ въ школѣ, я попробовалъ продолжать начатое и убѣдился, что все прежнее было пустяки и самообманываніе. Ни одинъ ученикъ не умѣлъ мнѣ сказать, что̀ такое граница, что̀ такое Россія, что̀ такое законъ и какія границы Крапивенскаго уѣзда; все, что̀ они выучили, они забыли, но вмѣстѣ съ тѣмъ все это знали по-своему. Я убѣдился въ своей ошибкѣ; не рѣшено для меня только то, состояла ли ошибка въ дурномъ пріемѣ преподаванія или въ самой мысли его; можетъ быть, и нѣтъ никакой возможности, до извѣстнаго періода общаго развитія и безъ помощи газетъ и путешествій, пробудить въ ребенкѣ историческій и географическій интересъ; можетъ быть, будетъ найденъ (я постоянно пытаюсь и ищу) тотъ пріемъ, посредствомъ котораго это можно будетъ сдѣлать. Я знаю только одно, что пріемъ этотъ никакъ не будетъ состоять въ такъ называемой исторіи и географіи, т.-е. въ ученіи по книгамъ, которое убиваетъ, а не возбуждаетъ эти интересы.

Дѣлалъ я еще другіе опыты преподаванія исторіи съ настоящаго времени, и опыты чрезвычайно удачные. Я разсказывалъ исторію крымской кампаніи, разсказывалъ царствованіе императора Николая и исторію 12-го года. Все это почти въ сказочномъ тонѣ, большею частью исторически невѣрно и группируя событія вокругъ одного лица. Самый большой успѣхъ имѣлъ, какъ и надо было ожидать, разсказъ о войнѣ съ Наполеономъ.

Этотъ классъ остался памятнымъ часомъ въ нашей жизни. Я никогда не забуду его. Давно уже было обѣщано дѣтямъ, что я буду имъ разсказывать съ конца, а другой учитель сначала, — что такъ мы и сойдемся. Мои вечерніе ученики разбрелись, я пришелъ въ классъ русской исторіи, гдѣ разсказывалось о Святославѣ. Имъ было скучно. На высокой лавкѣ, какъ всегда, рядомъ сидѣли три крестьянскія дѣвочки, обвязанныя платками. Одна заснула. Мишка толкнулъ меня: «глянька, кукушки наши сидятъ, одна заснула». И точно кукушка. «Разскажи лучше съ конца», сказалъ кто-то, и всѣ привстали.

Я сѣлъ и началъ разсказывать. Какъ всегда, минуты двѣ продолжались возня, стоны, толкотня. Кто лѣзъ подъ столъ,

кто на столъ, кто подъ лавки, кто на плечи и на колѣни другому; и все затихло. Я началъ съ Александра I, разсказалъ о французской революціи, объ успѣхахъ Наполеона, о завладѣніи имъ властью и о войнѣ, окончившейся тильзитскимъ миромъ. Какъ только дошло дѣло до насъ, со всѣхъ сторонъ послышались звуки и слова живого участія. «Что жъ, онъ и насъ завоюетъ?» — «Небось, Александръ ему задастъ», сказалъ кто-то, знавшій про Александра, но я долженъ былъ ихъ разочаровать — не пришло еще время — и ихъ очень обидѣло то, что хотѣли за него отдать царскую сестру, и что съ нимъ, какъ съ равнымъ, Александръ говорилъ на мосту. «Погоди же ты!» проговорилъ Петька съ угрожающимъ жестомъ. «Ну, ну, разсказывай!» Когда не покорился ему Александръ, т.-е. объявилъ войну, всѣ выразили одобреніе. Когда Наполеонъ съ двѣнадцатью языками пошелъ на насъ, взбунтовалъ нѣмцевъ, Польшу, всѣ замерли отъ волненія.

Нѣмецъ, мой товарищъ, стоялъ въ комнатѣ. «А, и вы на насъ», сказалъ ему Петька (лучшій разсказчикъ). «Ну, молчи!» закричали другіе. Отступленіе нашихъ войскъ мучило слушателей такъ, что со всѣхъ сторонъ спрашивали объясненій — зачѣмъ? И ругали Кутузова и Барклая. «Плохъ твой Кутузовъ».— «Ты погоди», говорилъ другой. «Да что жъ онъ сдался?» спрашивалъ третій. Когда пришла Бородинская битва, и когда въ концѣ ея я долженъ былъ сказать, что мы все-таки не побѣдили, мнѣ жалко было ихъ; видно было, что я страшный ударъ наношу всѣмъ. «Хоть не наша, да и не ихняя взяла!» Какъ пришелъ Наполеонъ въ Москву и ждалъ ключей и поклоновъ, все загрохотало отъ сознанія непокоримости. Пожаръ Москвы, разумѣется, одобренъ. Наконецъ наступило торжество — отступленіе. «Какъ онъ вышелъ изъ Москвы, тутъ Кутузовъ погналъ его и пошелъ бить», сказалъ я. «Окарячилъ его!» поправилъ меня Ѳедька, который, весь красный, сидѣлъ противъ меня и отъ волненія корчилъ свои тоненькіе черные пальцы. Это его привычка. Какъ только онъ сказалъ это, такъ вся комната застонала отъ гордаго восторга. Какого-то маленькаго придушили сзади, и никто не замѣчалъ. «Такъ-то лучше! Вотъ-те и ключи», и т. п. Потомъ я продолжалъ, какъ мы погнали француза. Больно было ученикамъ слышать, что кто-то опоздалъ на Березинѣ, и мы упустили его; Петька даже крякнулъ: «Я бъ его разстрѣлялъ, зачѣмъ онъ опоздалъ». Потомъ немножко мы пожалѣли даже мерзлыхъ французовъ. Потомъ, какъ перешли мы границу, и нѣмцы, что противъ насъ были, повернули за насъ, кто-то вспомнилъ нѣмца, стоявшаго въ комнатѣ. «А,

вы такъ-то? то на насъ, а какъ сила не беретъ, такъ съ нами?» и вдругъ всѣ поднялись и начали ухать на нѣмца, такъ что гулъ на улицѣ былъ слышенъ. Когда они успокоились, я продолжалъ, какъ мы проводили Наполеона до Парижа, посадили настоящаго короля, торжествовали, пировали, только воспоминанье крымской войны испортило намъ все дѣло. «Погоди же ты, — проговорилъ Петька, потрясая кулаками, — дай я выросту, я же имъ задамъ». Попался бы намъ теперь Шевардинскій редутъ или Малаховъ курганъ, мы бы его отбили.

Ужъ было поздно, когда я кончилъ. Обыкновенно дѣти спятъ въ это время. Никто не спалъ, даже у кукушекъ глазенки горѣли. Только что я всталъ, изъ-подъ моего кресла, къ величайшему удивленію, вылѣзъ Тараска и оживленно и вмѣстѣ серьезно посмотрѣлъ на меня. «Какъ ты сюда залѣзъ?»— «Онъ съ самаго начала», сказалъ кто-то. Нечего было и спрашивать, понялъ ли онъ: видно было по лицу. «Что ты разскажешь?» спросилъ я. «Я-то? — онъ подумалъ, — всю разскажу». — «Я дома разскажу». — «И я тоже». — «И я». — «Больше не будетъ?» — «Нѣтъ». И всѣ полетѣли подъ лѣстницу, кто обѣщаясь задать французу, кто укоряя нѣмца, кто повторяя, какъ Кутузовъ его окарячилъ.

— Sie haben ganz Russisch erzählt (вы совершенно по-русски разсказывали),—сказалъ мнѣ вечеромъ нѣмецъ, на котораго ухали. — Вы бы послушали, какъ у насъ разсказываютъ эту исторію. Вы ничего не сказали о нѣмецкихъ битвахъ за свободу. Sie haben nichts gesagt von den deutschen Freiheits-kämpfen.

Я совершенно согласился съ нимъ, что мой разсказъ не была исторія, а сказка, возбуждающая народное чувство.

Стало быть, *какъ преподаваніе исторіи*, и эта попытка была неудачна еще болѣе, чѣмъ первыя.

По преподаванію географіи я дѣлалъ то же самое. Прежде всего я началъ съ физической географіи. Помню первый урокъ. Я началъ его и тотчасъ же сбился. Оказалось то, чего я совершенно не предполагалъ, именно, я не зналъ того, что я желалъ, чтобъ узнали 10-лѣтнія крестьянскія дѣти. Я умѣлъ объяснить день и ночь, но въ объясненіи зимы и лѣта сбился. Устыдившись своего невѣжества, я повторилъ и потомъ спрашивалъ многихъ изъ моихъ знакомыхъ, образованныхъ людей, и никто, кромѣ недавно вышедшихъ изъ школы или учителей, не умѣлъ мнѣ безъ глобуса разсказать хорошенько. Я прошу всѣхъ читающихъ провѣрить это замѣчаніе. Я утверждаю, что изъ 100 людей одинъ знаетъ это, хотя учатся этому всѣ дѣти. Протвердивши хорошенько, я снова принялся за объясненіе и съ помощью

свѣчки и глобуса объяснилъ, какъ мнѣ показалось, отлично. Меня слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ. Особенно интересно имъ было знать то, во что̀ не вѣрятъ ихъ отцы, и по возможности похвастаться своею мудростью.

Въ концѣ моего объясненія о зимѣ и лѣтѣ скептикъ Семка, самый понятливый изъ всѣхъ, остановилъ меня вопросомъ: какъ же земля ходитъ, а изба наша все на томъ же мѣстѣ стоитъ; и она бы должна была съ мѣста сойти? Я увидалъ, что я отъ самаго умнаго на 1.000 верстъ ушелъ впередъ въ своемъ объясненіи: что же должны были понять самые непонятливые?..

Я воротился назадъ, толковалъ, рисовалъ, приводилъ всѣ доказательства круглоты земли: путешествія вокругъ свѣта, показыванье мачты корабля прежде палубы и др., и, утѣшая себя мыслью, что теперь-то поняли, я заставилъ ихъ написать урокъ. Всѣ написали: «Земля какъ шаръ — *первая доказательства... другая доказательства»*, *третью доказательству* забыли и спрашивали у меня. Видно было, что главное дѣло для нихъ помнить *доказательства.* Не разъ и не десять разъ, а сотни разъ возвращался я къ этимъ объясненіямъ и всегда безуспѣшно. На экзаменѣ всѣ ученики отвѣтили бы и теперь отвѣтятъ удовлетворительно; но я чувствую, что они не понимаютъ, и вспоминая, что и самъ я хорошенько не понималъ дѣла до 30 лѣтъ, я извинялъ имъ это непониманіе. Какъ я въ дѣтствѣ, такъ и они теперь вѣрили на слово, что земля кругла и т. д., и ничего не понимали. Мнѣ еще легче было понять, мнѣ нянька въ первомъ дѣтствѣ внушала, что на концѣ свѣта небо съ землею сходятся, и тамъ бабы на краю земли въ морѣ бѣлье моютъ, а на небо вальки кладутъ. Наши ученики давно утвердились и теперь постоянно остаются въ понятіяхъ, совершенно противныхъ тѣмъ, которыя мнѣ хочется передать имъ. Надо долго еще разрушать тѣ объясненія, которыя они имѣютъ, и то воззрѣніе на міръ, которое ничѣмъ еще не нарушалось, прежде чѣмъ они поймутъ. Законы физики, механики — первые основательно разрушатъ эти старыя воззрѣнія. А они, какъ и я, какъ и всѣ, прежде физики начали физическую географію.

Въ преподаваніи географіи, какъ и во всѣхъ другихъ предметахъ, самая обыкновенная и грубая и вредная ошибка — поспѣшность. Точно мы такъ обрадовались, что знаемъ, что будто земля кругла и ходитъ вокругъ солнца, что спѣшимъ какъ можно скорѣе передать это ученику. А не то дорого знать, что земля круглая, а дорого знать, какъ дошли до этого. Очень часто дѣтямъ разсказываютъ, что солнце отъ земли на столько-то билліоновъ верстъ, а это ребенку вовсе не удиви-

тельно и не интересно. Ему интересно знать, какъ дошли до этого. Кто хочетъ говорить объ этомъ, лучше пусть разскажетъ о параллаксахъ. Это очень возможно. Я затѣмъ остановился долго на круглотѣ земли, что то, что̀ сказано о ней, относится ко всей географіи. Изъ тысячи образованныхъ людей, кромѣ учителя и учениковъ, одинъ знаетъ хорошенько, отчего зима и лѣто, и знаетъ, гдѣ Гваделупа; изъ тысячи дѣтей ни одинъ въ дѣтствѣ не понимаетъ объясненій круглоты земли и ни одинъ не вѣритъ въ дѣйствительное существованіе Гваделупы, а всѣхъ продолжаютъ обучать съ самаго дѣтства какъ тому, такъ и другому.

Послѣ физической географіи я началъ части свѣта съ характеристиками, и ничего изъ этого не осталось, какъ то, что когда спросишь, наперерывъ кричатъ: Азія, Африка, Австралія, а спросишь вдругъ: въ какой части свѣта Францiя? (когда за минуту передъ тѣмъ сказалъ, что въ Европѣ Англія, Францiя), и закричитъ кто-нибудь, что Францiя въ Африкѣ. Вопросъ: зачѣмъ? такъ и видится въ каждомъ потухшемъ взглядѣ, въ каждомъ звукѣ голоса, когда начнешь географію, и нѣтъ отвѣта на этотъ печальный вопросъ: зачѣмъ?

Какъ въ исторіи обыкновенная мысль начинать съ конца, такъ въ географіи явилась и стала обыкновенной мысль начинать со школьной комнаты, съ своей деревни. Я видѣлъ эти опыты въ Германіи, и самъ, обезнадеженный неудачею обыкновенной географіи, принялся за описаніе комнаты, дома, деревни. Какъ рисованіе плановъ, такія упражненія не лишены пользы, но знать, какая земля за нашею деревней, не интересно, потому что всѣ они знаютъ, что тамъ Телятинки. А знать, что̀ за Телятинками, не интересно, потому что тамъ такая же, вѣрно, деревня, какъ Телятинки, а Телятинки съ своими полями совсѣмъ не интересны. Пробовалъ я имъ ставить географическія вѣхи, какъ Москва, Кіевъ, но все это укладывалось въ ихъ головахъ такъ безсвязно, что они учили наизусть. Пробовалъ я рисовать карты, и это занимало ихъ и, дѣйствительно, помогало памяти; но опять являлся вопросъ: зачѣмъ помогать памяти? Пробовалъ я еще разсказывать о полярныхъ и экваторіальныхъ странахъ — они слушали съ удовольствіемъ и разсказывали, но запоминали въ этихъ разсказахъ все, кромѣ того, что̀ было въ нихъ географическаго. Главное то, что рисованіе плановъ деревни было рисованіе плановъ, а не географія; рисованіе картъ было рисованіе картъ, а не географія; разсказы о звѣряхъ, лѣсахъ, льдахъ и городахъ были сказки, а не географія. Географія была только ученіе наизусть. Изъ всѣхъ новыхъ книжекъ, Грубе, Біеонадскій, ни одна не

была интересна. Одна забытая всѣми книжечка, похожая на географію, читалась лучше другихъ и, по моему мнѣнію, есть лучшій образецъ того, что̀ должно дѣлать для того, чтобы приготовить дѣтей къ изученію географіи, возбудить въ нихъ географическій интересъ. Книжка эта *Парлей*, русскій переводъ 1837 года. Книжка эта читается, но больше служитъ путеводною нитью для учителя, который по ней разсказываетъ, что знаетъ о каждой землѣ и городѣ. Дѣти разсказываютъ, но удерживаютъ рѣдко какое-нибудь названіе и мѣсто на картѣ, относящееся къ описываемому событію, остаются большею частью одни событія. Классъ этотъ, впрочемъ, относится къ разряду бесѣдъ, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ послѣднее время однако, несмотря на все искусство, съ которымъ замаскировано въ этой книжкѣ заучиванье ненужныхъ именъ, несмотря на всю осторожность, съ которою мы обращались съ нею, дѣти пронюхали, что ихъ только заманиваютъ исторійками, и получили рѣшительное отвращеніе отъ этого класса.

Я пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, что относительно исторіи не только нѣтъ необходимости знать скучную русскую исторію, но Киръ, Александръ Македонскій, Кесарь и Лютеръ также не нужны для развитія какого бы то ни было ребенка. Всѣ эти лица и событія интересны для учащихся не по мѣрѣ ихъ значенія въ исторіи, а по мѣрѣ художественности склада ихъ дѣятельности, по мѣрѣ художественности обработки ея историкомъ и большею частью не историкомъ, а народнымъ преданіемъ.

Исторія Ромула и Рема интересна не потому, что эти братья основали могущественнѣйшее государство въ мірѣ, а потому, что забавно, чудно и красиво, какъ ихъ кормила волчица, и т. п. Исторія Гракховъ интересна, потому что художественна, такъ же, какъ исторія Григорія VII и униженнаго императора, и есть возможность заинтересовать ею; но исторія переселенія народовъ будетъ скучна и безцѣльна, потому что содержаніе ея не художественно, точно такъ же, какъ и исторія изобрѣтенія книгопечатанія, какъ бы ни старались мы внушить ученику, что это есть періодъ въ исторіи и что Гутенбергъ — великій человѣкъ. Разскажите хорошо, какъ выдуманы зажигательныя спички, и ученикъ никогда не согласится, чтобъ изобрѣтатель зажигательныхъ спичекъ былъ менѣе великій человѣкъ, чѣмъ Гутенбергъ: коротко говоря, для ребенка, вообще для учащагося и неначинавшаго жить, интереса историческаго, т.-е. не говоря уже объ обще-человѣческомъ, не существуетъ. Есть только интересъ художественный. Говорятъ,

съ разработкою матеріаловъ возможно будетъ художественное изложеніе всѣхъ періодовъ исторіи, я этого не вижу. Маколея и Тьера точно такъ же мало можно дать въ руки, какъ Тацита или Ксенофонта. Для того, чтобы сдѣлать исторію популярною, нужна не внѣшность художественная, а нужно олицетворять историческія явленія, какъ это дѣлаетъ иногда преданіе, иногда сама жизнь, иногда великіе мыслители и художники. Дѣтямъ нравится исторія только тогда, когда содержаніе ея художественно. Интереса историческаго для нихъ нѣтъ и быть не можетъ, слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть дѣтской исторіи. Исторія служитъ только иногда матеріаломъ художественнаго развитія, а пока не развитъ историческій интересъ, не можетъ быть исторіи. Берте, Кайдановъ все-таки остаются единственными руководствами. Старый анекдотъ, *исторія мидянъ темна и баснословна.* Больше ничего нельзя сдѣлать изъ исторіи для дѣтей, непонимающихъ историческаго интереса. Противоположныя попытки сдѣлать исторію и географію художественными и интересными, біографическіе очерки Грубе, Біернадскій не удовлетворяютъ ни художественному, ни историческому требованію, не удовлетворяютъ ни послѣдовательности, ни историческому интересу и вмѣстѣ съ тѣмъ разрастаются своими подробностями до невозможныхъ размѣровъ.

То же самое и въ географіи. Когда Митрофанушку убѣждали учиться географіи, то его матушка сказала: зачѣмъ учить всѣ земли? — кучеръ довезетъ, куда будетъ нужно. Сильнѣе никогда ничего не было сказано противъ географіи, и всѣ ученые міра не въ состояніи ничего отвѣтить противъ такого несокрушимаго довода. Я говорю совершенно серьезно. Для чего мнѣ было знать положеніе рѣки и города Барцелоны, когда, проживя 33 года, мнѣ ни разу не понадобилось это знаніе? Къ развитію же моихъ духовныхъ силъ самое живописное описаніе Барцелоны и ея жителей, сколько я могу предполагать, не могло содѣйствовать. Для чего Семкѣ и Ѳедькѣ знать Маріинскій каналъ и водяное сообщеніе, если они, какъ надо предполагать, никогда туда не попадутъ; если же придется Семкѣ поѣхать туда, то все равно, училъ онъ это или не училъ, онъ узнаетъ, и хорошо узнаетъ, это водяное сообщеніе на практикѣ. Для развитія же его душевныхъ силъ какимъ образомъ будетъ содѣйствовать знаніе того, что пенька идетъ внизъ, а деготь вверхъ по Волгѣ, что есть пристань Дубовка и что такой-то подземный пластъ идетъ до такого-то мѣста, а самоѣды ѣздятъ на оленяхъ и т. п., я не могу себѣ этого представить. У меня есть цѣлый міръ знаній математическихъ, естественныхъ, языка

и поэзіи, передать которыя у меня недостаетъ времени, есть безчисленное количество вопросовъ изъ явленій окружающей меня жизни, на которые ученикъ требуетъ отвѣта и на которые мнѣ нужно прежде отвѣтить, чѣмъ рисовать ему картины полярныхъ льдовъ, тропическихъ странъ, горъ Австраліи и рѣкъ Америки. Въ исторіи и географіи опытъ говоритъ одно и то же и вездѣ подтверждаетъ наши мысли. Вездѣ преподаваніе географіи и исторіи идетъ дурно; въ виду экзаменовъ учатся наизусть горы, города и рѣки, цари и короли; единственно возможными учебниками остаются Арсеньевъ и Ободовскій, Кайдановъ, Смарагдовъ и Берте, и вездѣ жалуются на преподаваніе этихъ предметовъ, ищутъ чего-то новаго и не находятъ. Забавно то, что всѣми признана несообразность требованія географіи съ духомъ учениковъ всего міра, и вслѣдствіе того выдумываютъ тысячи остроумныхъ средствъ (какъ метода Сидова), какъ бы заставить дѣтей запомнить слова; самая же простая мысль, что совсѣмъ не нужно этой географіи, не нужно знать этихъ словъ, никакъ никому не приходитъ въ голову. Всѣ попытки соединить географію съ геологіей, зоологіей, ботаникой, этнографіей и еще не знаю съ чѣмъ, исторію съ біографіями остаются пустыми мечтами, порождающими дурныя книжонки въ родѣ Грубе, негодящіяся ни для дѣтей, ни для юношей, ни для учителей, ни для публики вообще. Въ самомъ дѣлѣ, если бы составители такихъ мнимо-новыхъ руководствъ географіи и исторіи подумали бы о томъ, чего они хотятъ, и попробовали сами приложить книжки эти къ преподаванію, они бы убѣдились въ невозможности предпринимаемаго. Во-первыхъ, географія въ соединеніи съ естественными науками и этнографіей составила бы громаднѣйшую науку, для изученія которой недостаточно было бы жизни человѣческой, и науку еще менѣе дѣтскую и болѣе сухую, чѣмъ одна географія. Во-вторыхъ, для составленія такого руководства едва ли черезъ тысячи лѣтъ найдутся достаточные матеріалы. Уча географіи въ Крапивенскомъ уѣздѣ, я принужденъ буду дать ученикамъ подробныя свѣдѣнія о флорѣ, фаунѣ, геологическомъ строеніи земли на сѣверномъ полюсѣ и подробности о жителяхъ и торговлѣ Баварскаго королевства, потому что буду имѣть матеріалы для этихъ свѣдѣній, и почти ничего не буду въ состояніи сказать о Бѣлевскомъ и Ефремовскомъ уѣздахъ, потому что не буду имѣть для того никакихъ матеріаловъ. А дѣти и здравый смыслъ требуютъ отъ меня извѣстной гармоничности и правильности въ преподаваніи. Остается одно — учить наизусть по географіи Ободовскаго или вовсе не учить. Точно такъ же, какъ для исторіи долженъ

быть возбужденъ историческій интересъ, для изученія географіи долженъ быть возбужденъ географическій интересъ. Географическій же интересъ, по моимъ наблюденіямъ и опыту, возбуждается или знаніями естественныхъ наукъ, или путешествіями, преимущественно изъ 100 случаевъ 99 — путешествіями. Какъ чтеніе газетъ и преимущественно біографій, сочувствіе политической жизни своего отечества для исторіи, такъ путешествія для географіи большею частью служатъ первымъ шагомъ къ изученію науки. Какъ то, такъ и другое стало чрезвычайно доступно каждому и легко въ наше время, и потому тѣмъ менѣе мы должны бояться отреченія отъ стараго суевѣрія преподаванія исторіи и географіи. Сама жизнь такъ поучительна въ наше время въ этомъ отношеніи, что если бы дѣйствительно географическія и историческія знанія были такъ необходимы для общаго развитія, какъ намъ кажется, то жизнь всегда пополнитъ этотъ недостатокъ.

И право, если отрѣшиться отъ стараго суевѣрія, совсѣмъ не страшно подумать, что выростутъ люди, совсѣмъ не уча въ дѣтствѣ того, что былъ Ярославъ, былъ Оттонъ и что есть Эстремадура и т. п. Вѣдь перестали учить астрологію, перестали учить риторику, піитику, перестаютъ учить по-латыни, и родъ человѣческій не глупѣетъ. Рождаются новыя науки, въ наше время начинаютъ популяризоваться естественныя науки; надо отпадать, отживать старымъ наукамъ,—не наукамъ, а гранямъ наукъ, которыя съ нарожденіемъ новыхъ наукъ становятся несостоятельными.

Возбудить интересъ, знать про то, какъ живетъ, жило, слагалось и развивалось человѣчество въ различныхъ государствахъ, интересъ къ познанію тѣхъ законовъ, которыми вѣчно двигается человѣчество, возбудить, съ другой стороны, интересъ къ уразумѣнію законовъ явленій природы на всемъ земномъ шарѣ и распредѣленія по немъ рода человѣческаго,— это другое дѣло. *Можетъ быть*, возбужденіе такого интереса и полезно, но къ достиженію этой цѣли не поведутъ ни Сегюры, ни Тьеры, ни Ободовскіе, ни Грубе. Я знаю для этого два элемента — художественное чувство поэзіи и патріотизмъ. Для того, чтобы развить и то и другое, еще нѣтъ учебниковъ, а пока ихъ нѣтъ, намъ надо искать или тратить даромъ время и силы и уродовать молодое поколѣніе, заставляя его учить исторію и географію только потому, что насъ учили исторіи и географіи. *До университета я не только не вижу никакой необходимости, я вижу большой вредъ въ преподаваніи исторіи и географіи.*

Дальше я не знаю.

III.

Яснополянская школа.

За ноябрь и декабрь мѣсяцы.

Рисованіе и пѣніе.

Въ отчетѣ за ноябрь и декабрь мѣсяцы Яснополянской школы предстоятъ мнѣ теперь два предмета, имѣющіе отъ всѣхъ другихъ совершенно отличный характеръ, — это рисованіе и пѣніе — искусства.

Не будь у меня взгляда, состоящаго въ томъ, что я не знаю, чему и почему нужно учить тому или другому, я долженъ былъ бы спросить у самого себя: полезно ли будетъ для крестьянскихъ дѣтей, поставленныхъ въ необходимость проживать всю жизнь въ заботахъ о насущномъ хлѣбѣ, полезно ли будетъ для нихъ и къ чему имъ искусства? $^{99}/_{100}$ на этотъ вопросъ отвѣтятъ и отвѣчаютъ отрицательно. И нельзя отвѣтить иначе. Какъ скоро поставленъ такой вопросъ, здравый смыслъ требуетъ такого отвѣта: ему не быть художникомъ, ему надо пахать. Если у него будутъ художническія потребности, онъ не въ силахъ будетъ нести ту упорную, безустальную работу, которую ему надобно нести, которой ежели бы онъ не несъ, немыслимо бы было существованіе государства. Говоря *онъ*, я разумѣю дитя народа. Дѣйствительно, это безсмыслица, но я радуюсь этой безсмыслицѣ, не останавливаюсь предъ нею, а стараюсь найти причины ея. Есть другая болѣе сильная безсмыслица. Это самое дитя народа, каждое дитя народа имѣетъ точно такія же права — что я говорю — еще бо̀льшія права на наслажденія искусствомъ, чѣмъ мы, дѣти счастливаго сословія, не поставленныя въ необходимость того безустальнаго труда, окруженные всѣми удобствами жизни.

Лишить его права наслажденія искусствомъ, лишить меня, учителя, права ввести его въ ту область лучшихъ наслажденій, въ которую всѣми силами души просится все его существо —

еще бо̀льшая безсмыслица. Какъ примирить эти двѣ безсмыслицы? Это не лиризмъ, въ чемъ упрекали меня по случаю описанія прогулки въ 1 №, — это только логика. Всякое примиреніе невозможно и есть только самообманываніе. Скажутъ и говорятъ: если ужъ нужно рисованіе въ народной школѣ, то можно допустить только рисованіе съ натуры, техническое, приложимое къ жизни; рисованіе сохи, машины, постройки; рисованіе только какъ вспомогательное искусство для черченія. Такой обыкновенный взглядъ на рисованіе раздѣляетъ и учитель Яснополянской школы, отчетъ котораго мы представляемъ. Но именно опытъ такого преподаванія рисованія убѣдилъ насъ въ ложности и несправедливости этой технической программы. Большинство учениковъ, послѣ четырехъ мѣсяцевъ осторожнаго исключительно техническаго рисованія, въ которомъ исключено было всякое срисовываніе людей, животныхъ, пейзажей, кончило тѣмъ, что значительно охладѣло къ рисованію техническихъ предметовъ и до такой степени развило въ себѣ чувство и потребность къ рисованію, какъ искусству, что завело свои потаенныя тетради, въ которыхъ рисуетъ людей, лошадей, со всѣми четырьмя ногами, выходящими изъ одного мѣста. То же самое въ музыкѣ.

Обыкновенная программа народныхъ школъ не допускаетъ пѣнія далѣе хорового — церковнаго, и точно такъ же или это есть самое скучное, мучительное для дѣтей заучиваніе производить извѣстные звуки, т.-е. что дѣти дѣлаются и разсматриваются какъ горла, замѣняющія трубочки органа, или развивается чувство изящнаго, находящее удовлетвореніе въ балалайкѣ, гармоникѣ и часто безобразной пѣснѣ, которыхъ не признаетъ педагогъ и въ которыхъ не считаетъ уже нужнымъ руководить учениковъ. Одно изъ двухъ: или искусства вообще вредны и не нужны, что̀ совсѣмъ не такъ странно, какъ кажется съ перваго взгляда, или каждый безъ различія сословій и занятій имѣетъ на него право и право вполнѣ отдаться ему на томъ основаніи, что искусство не терпитъ посредственности.

Безсмыслица не въ томъ, безсмыслица въ самомъ постановленіи такого вопроса, какъ вопросъ: имѣютъ ли дѣти народа право на искусства? Спросить это точно то же, что спросить: имѣютъ ли право дѣти народа ѣсть говядину, т.-е. имѣютъ ли право удовлетворять свою человѣческую потребность? Вопросъ не въ томъ, а въ томъ, хороша ли та говядина, которую мы предлагаемъ и которую мы запрещаемъ народу. Точно такъ же, какъ, предлагая народу извѣстныя знанія, въ нашей власти находящіяся, и замѣчая дурное вліяніе, производимое ими на

него, я заключаю не то, что народъ дуренъ, оттого, что не принимаетъ этихъ знаній, не то, что народъ не доросъ до того, чтобы воспринять и пользоваться этими знаніями такъ же, какъ и мы, но то, что знанія эти не хороши, ненормальны и что намъ надо съ помощью народа выработать новыя, соотвѣтственныя всѣмъ намъ, и обществу и народу, знанія. Я заключаю только, что знанія и эти искусства живутъ среди насъ и кажутся не вредными намъ, но не могутъ жить среди народа и кажутся вредными для него только потому, что эти знанія и искусства не тѣ, которыя нужны вообще, а что мы живемъ среди ихъ потому только, что мы испорчены, потому только, что безвредно сидящіе пять часовъ въ зараженномъ воздухѣ фабрики или трактира не страдаютъ отъ того самаго воздуха, который убиваетъ вновь пришедшаго свѣжаго человѣка.

Скажутъ: кто сказалъ, что знанія и искусства нашего образованнаго сословія ложны? Почему изъ того, что народъ не воспринимаетъ ихъ, вы заключаете объ ихъ ложности? Всѣ вопросы разрѣшаются весьма просто: *потому что насъ тысячи, а ихъ милліоны.*

Продолжаю сравненіе съ извѣстнымъ физіологическимъ фактомъ. Человѣкъ со свѣжаго воздуха приходитъ въ накуренную, надышанную низкую комнату; всѣ жизненныя отправленія его еще полны, организмъ его посредствомъ дыханія питался большимъ количествомъ кислорода, который онъ бралъ изъ чистаго воздуха. Съ тою же привычкой организма онъ начинаетъ дышать въ зараженной комнатѣ; вредные газы сообщаются крови въ большомъ количествѣ, организмъ ослабѣваетъ (часто дѣлается обморокъ, иногда смерть); между тѣмъ какъ сотни людей продолжаютъ дышать и жить въ томъ же зараженномъ воздухѣ только потому, что всѣ отправленія ихъ сдѣлались незначительнѣе, они, другими словами, слабѣе, меньше живутъ.

Ежели мнѣ скажутъ: живутъ какъ тѣ, такъ и другіе люди, и кто рѣшитъ, чья жизнь нормальнѣе и лучше; какъ съ человѣкомъ, выходящимъ изъ зараженной атмосферы на чистый воздухъ, дѣлается часто обморокъ, такъ и наоборотъ. Отвѣтъ легокъ: не физіологъ, а простой человѣкъ, съ здравымъ смысломъ, скажетъ только: гдѣ больше живетъ людей—на чистомъ воздухѣ или въ зараженныхъ тюрьмахъ? — и послѣдуетъ большинству; а физіологъ сдѣлаетъ наблюденія надъ количествомъ отправленій того и другого и скажетъ, что отправленія сильнѣе и питаніе полнѣе у того, который живетъ на чистомъ воздухѣ.

То же самое отношеніе существуетъ между искусствами такъ называемаго образованнаго общества и между требова-

ніями искусства народа: я говорю и о живописи, и о ваяніи, и о музыкѣ, и о поэзіи. Картина Иванова возбудитъ въ народѣ только удивленіе предъ техническимъ мастерствомъ, но не возбудитъ никакого ни поэтическаго, ни религіознаго чувства, тогда какъ это самое поэтическое чувство возбуждено лубочною картинкой Іоанна Новгородскаго и чорта въ кувшинѣ [1]). Венера Милосская возбудитъ только законное отвращеніе предъ наготой, предъ безстыдствомъ женщины. Квартетъ Бетховена послѣдней эпохи представится непріятнымъ шумомъ, интереснымъ развѣ только потому, что одинъ играетъ на большой, а другой—на маленькой скрипкѣ. Лучшее произведеніе нашей поэзіи, лирическое стихотвореніе Пушкина, представится наборомъ словъ, а смыслъ его — презрѣнными пустяками. Введите дитя народа въ этотъ міръ, — вы это можете сдѣлать и постоянно дѣлаете посредствомъ іерархіи учебныхъ заведеній, академій и художественныхъ классовъ, — онъ прочувствуетъ и прочувствуетъ искренно и картину Иванова, и Венеру Милосскую, и квартетъ Бетховена, и лирическое стихотвореніе Пушкина. Но, войдя въ этотъ міръ, онъ будетъ дышать ужъ не всѣми легкими, уже его болѣзненно и враждебно будетъ охватывать свѣжій воздухъ, когда ему случится вновь выйти на него. Какъ въ дѣлѣ дыханія здравый смыслъ и физіологія отвѣтятъ одно и то же, такъ въ дѣлѣ искусствъ тотъ же здравый смыслъ и педагогія (не та педагогія, которая пишетъ программы, но та, которая пытается изучить общіе пути образованія и законы) отвѣтятъ, что живетъ лучше и полнѣе тотъ, кто не живетъ въ сферѣ искусствъ нашего образованнаго класса, что требованія отъ искусства и удовлетвореніе, которое даетъ оно, полнѣе и законнѣе въ народѣ, чѣмъ у насъ. Здравый смыслъ скажетъ это только потому, что онъ видитъ могущественное не однимъ количествомъ и счастливое большинство, живущее внѣ этой среды; педагогъ сдѣлаетъ наблюденіе надъ душевными отправленіями людей, находящихся въ нашей средѣ и внѣ ея, сдѣлаетъ наблюденіе при введеніи людей въ зараженную комнату, т.-е. при передачѣ молодымъ поколѣніямъ нашихъ искусствъ, и на основаніи тѣхъ обмороковъ, того отвращенія, которое проявляютъ свѣжія натуры при введеніи ихъ въ искусственную атмосферу, на основаніи ограниченности духовныхъ отправленій заключитъ, что требованія народа отъ искусства закон-

[1]) Мы просимъ читателя обратить вниманіе на эту уродливую картинку, замѣчательную по силѣ религіозно-поэтическаго чувства, относящуюся къ современной русской живописи такъ, какъ относится живопись Fra Beato Angelico къ живописи послѣдователей Микель-Анджеловской школы.

нѣе требованій испорченнаго меньшинства, такъ называемаго образованнаго класса.

Я дѣлалъ эти наблюденія относительно двухъ отраслей нашихъ искусствъ, болѣе мнѣ знакомыхъ и нѣкогда мною страстно любимыхъ — музыки и поэзіи. И страшно сказать: я пришелъ къ убѣжденію, что все, что̀ мы сдѣлали по этимъ двумъ отраслямъ, все сдѣлано по ложному исключительному пути, не имѣющему значенія, не имѣющему будущности и ничтожному въ сравненіи съ тѣми требованіями и даже произведеніями тѣхъ же искусствъ, образчики которыхъ мы находимъ въ народѣ. Я убѣдился, что лирическое стихотвореніе, какъ, напримѣръ, «Я помню чудное мгновенье», произведенія музыки, какъ послѣдняя симфонія Бетховена, не такъ безусловно и всемірно хороши, какъ пѣсня о «Ванькѣ - ключникѣ» и напѣвъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», что Пушкинъ и Бетховенъ нравятся намъ не потому, что въ нихъ есть абсолютная красота, но потому, что мы такъ же испорчены, какъ Пушкинъ и Бетховенъ, потому что Пушкинъ и Бетховенъ одинаково льстятъ нашей уродливой раздражительности и нашей слабости. Какъ обыкновенно слышать до пошлости избитый парадоксъ, что для пониманія прекраснаго нужна извѣстная подготовка! — Кто это сказалъ, почему, чѣмъ это доказано? Это только изворотъ, лазейка изъ безвыходнаго положенія, въ которое привела насъ ложность направленія, исключительная принадлежность одному классу нашего искусства. Почему красота солнца, красота человѣческаго лица, красота звуковъ народной пѣсни, красота поступка любви и самоотверженія доступны всякому и не требуютъ подготовки?

Я знаю, что для большинства все сказанное покажется болтовней, правомъ языка безъ костей, но педагогія — свободная педагогія — путемъ опыта разъясняетъ многіе вопросы и безчисленнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же явленій переводитъ вопросы изъ области мечтаній и разсужденій въ область положеній, доказанныхъ фактами. Я годами бился тщетно надъ передачею ученикамъ поэтическихъ красотъ Пушкина и всей нашей литературы, то же самое дѣлаетъ безчисленное количество учителей — и не въ одной Россіи, и ежели учителя эти наблюдаютъ надъ результатами своихъ усилій и ежели захотятъ они быть откровенными, всѣ признаются, что главнымъ слѣдствіемъ развитія поэтическаго чувства было убіеніе его, что наибольшее отвращеніе къ такимъ толкованіямъ показывали самыя поэтическія натуры... Я бился, говорю, годами и ничего не могъ достигнуть, — стоило случайно открыть сборникъ Рыб-

никова, и поэтическое требованіе учениковъ нашло полное удовлетвореніе, и удовлетвореніе, которое, спокойно и безпристрастно сличивъ первую попавшуюся пѣсню съ лучшимъ произведеніемъ Пушкина, я не могъ не найти законнымъ. То же самое случилось со мною и въ отношеніи музыки, о которой и предстоитъ теперь говорить мнѣ.

Попытаюсь резюмировать все сказанное выше. На вопросъ: нужны ли искусства (beaux arts) для народа?—педагоги обыкновенно робѣютъ и путаются (только Платонъ смѣло и отрицательно рѣшилъ этотъ вопросъ). Говорятъ: нужно, но съ извѣстными ограниченіями; дать всѣмъ возможность быть художниками вредно для общественнаго устройства. Говорятъ, извѣстныя искусства и степень ихъ могутъ существовать только въ извѣстномъ классѣ общества; говорятъ, искусства должны имѣть своихъ исключительныхъ служителей, преданныхъ одному дѣлу; говорятъ, большія дарованія должны имѣть возможность выходить изъ среды народа и вполнѣ отдаваться служенію искусству. Это самая большая уступка, которую дѣлаетъ педагогія праву каждаго быть, чѣмъ онъ хочетъ. На достиженіе этихъ цѣлей направлены всѣ заботы педагоговъ относительно искусствъ. Я считаю все это несправедливымъ. Я полагаю, что потребность наслажденія искусствомъ и служеніе искусству лежатъ въ каждой человѣческой личности, къ какой бы породѣ и средѣ она ни принадлежала, и что эта потребность имѣетъ права и должна быть удовлетворена. Принимая это положеніе за аксіому, я говорю, что если представляются неудобства и несоотвѣтственности въ наслажденіи искусствомъ и воспроизведеніи его для каждаго, то причина этихъ неудобствъ лежитъ не въ способѣ передачи, не въ распространеніи или сосредоточеніи искусства между многими или нѣкоторыми, но въ характерѣ и направленіи искусства, въ которомъ мы должны сомнѣваться какъ для того, чтобы не навязывать ложнаго молодому поколѣнію, такъ и для того, чтобы дать возможность этому молодому поколѣнію вырабатывать новое, какъ по формѣ, такъ и по содержанію.

Представляю отчетъ учителя рисованія за ноябрь и декабрь. Способъ этого преподаванія, мнѣ кажется, можетъ почесться удобнымъ по тѣмъ пріемамъ, которыми незамѣтнымъ и веселымъ для учениковъ путемъ обойдены техническія трудности. Вопросъ же самаго искусства не затронутъ, потому что учитель, начиная преподаваніе, предрѣшилъ вопросъ о томъ, что дѣтямъ крестьянъ безполезно быть художниками.

Рисованіе. Когда я девять мѣсяцевъ назадъ приступилъ къ ученію рисованія, то у меня не было еще опредѣленнаго плана ни о томъ, какъ расположить содержаніе преподаванія, ни о томъ, какъ руководить учениками. У меня не было ни рисунковъ, ни моделей, кромѣ нѣсколькихъ иллюстрированныхъ альбомовъ, которыми я, впрочемъ, не пользовался во время моего дальнѣйшаго ученія, ограничиваясь простыми вспомогательными средствами, которыя всегда можно найти въ каждой деревенской школѣ. Деревянная крашеная доска, мѣлъ, аспидныя доски и четырехугольныя деревянныя, различной длины, палочки, употребляемыя для нагляднаго обученія математикѣ,—вотъ всѣ наши средства при преподаваніи, которыя, впрочемъ, не мѣшали намъ срисовывать все, что̀ было подъ руками. Ни одинъ изъ учениковъ прежде не учился рисовать, они принесли ко мнѣ только свою способность сужденія, которой была предоставлена полная свобода высказываться, какъ и когда они хотѣли, и по которой я хотѣлъ познакомиться съ ихъ требованіями и тогда уже составить опредѣленный планъ занятій. На первый разъ я составилъ изъ четырехъ палочекъ квадратъ и попробовалъ, въ состояніи ли мальчики безъ всякаго предварительнаго ученія срисовать этотъ квадратъ. Только немногіе мальчики нарисовали очень неправильные квадраты, обозначая четырехугольныя палочки, составлявшія квадратъ, прямыми линіями. Я этимъ совершенно удовлетворился. Для болѣе слабыхъ я начертилъ на доскѣ мѣломъ квадратъ. Потомъ мы составляли такимъ же образомъ крестъ и рисовали его.

Безсознательное, врожденное чувство заставляло дѣтей находить по большей части довольно вѣрное соотношеніе линій, хотя эти линіи они рисовали довольно плохо. И я не считалъ нужнымъ добиваться при каждой фигурѣ правильности прямыхъ линій, чтобы не мучить ихъ понапрасну, и желалъ только, чтобы срисована была фигура. Я думалъ сначала дать мальчикамъ понятіе болѣе объ отношеніи линій по ихъ величинѣ и ихъ направленію, чѣмъ заботиться объ ихъ способности сколько возможно правильно выводить эти линіи.

Дитя пойметъ прежде отношеніе между длинною и короткой линіей, разницу между прямымъ угломъ и параллельными, чѣмъ научится само сносно провести прямую линію.

Мало-по-малу въ слѣдующіе уроки мы стали срисовывать углы этихъ четырехугольныхъ палочекъ и потомъ составляли изъ нихъ самыя различныя фигуры.

Ученики оставляли совершенно безъ вниманія малую толщину этихъ палочекъ, третье протяженіе, и мы рисовали по

стоянно только переднюю сторону составленныхъ предметовъ.

Трудность представить ясно при нашихъ недостаточныхъ матеріалахъ положеніе и соотношеніе фигуръ заставляла меня рисовать иногда фигуры на доскѣ. Часто соединялъ я рисованье съ натуры съ рисованьемъ съ образцовъ, давая какой-нибудь предметъ; если мальчики не могли срисовать данный предметъ, я рисовалъ его самъ на доскѣ.

Рисованье фигуръ съ доски происходило слѣдующимъ образомъ: я рисовалъ сначала горизонтальную или отвѣсную линію, раздѣлялъ ее точками на извѣстныя части, ученики срисовывали эту линію. Потомъ проводилъ другую или нѣсколько другихъ, перпендикулярныхъ или наклонныхъ линій въ извѣстномъ къ первой отношеніи и раздѣленныхъ одинаковыми единицами. Потомъ соединяли точки раздѣленія этихъ линій прямыми линіями или дугами и составляли какую-нибудь симметрическую фигуру, которая, по мѣрѣ того какъ возникала, срисовывалась мальчиками. Мнѣ казалось, что это выгодно, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что мальчикъ наглядно изучаетъ весь процессъ образованія фигуры, и, во-вторыхъ, съ другой стороны, развивается въ немъ понятіе соотношенія линій черезъ это рисованіе на доскѣ гораздо болѣе, чѣмъ черезъ копированіе рисунковъ и оригиналовъ. При такомъ порядкѣ уничтожается возможность прямо срисовывать, но сама фигура, какъ предметъ изъ природы, должна быть срисована въ уменьшенномъ масштабѣ.

Почти всегда безполезно вывѣшивать большую совершенно нарисованную картину или фигуру, потому что начинающій рѣшительно станетъ втупикъ предъ нею, такъ же, какъ и предъ предметомъ изъ природы. Но самое возникновеніе фигуры предъ его глазами имѣетъ большое значеніе. Ученикъ въ этомъ случаѣ видитъ остовъ рисунка, скелетъ его, на которомъ потомъ образуется самое тѣло. Ученики были постоянно вызываемы критиковать линіи и отношенія ихъ, которыя я рисовалъ. Я часто рисовалъ нарочно неправильно, чтобъ узнать, насколько образовалось ихъ сужденіе о соотношеніи и правильности линій. Далѣе спрашивалъ я мальчиковъ, когда рисовалъ какую-нибудь фигуру, гдѣ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ еще прибавить линію, и даже заставлялъ того или другого самихъ выдумывать, какъ составить фигуру.

Этимъ я возбуждалъ въ мальчикахъ не только болѣе живое участіе, но свободное участіе къ составленію и развитію фигуры; и это уничтожало въ дѣтяхъ вопросъ *зачѣмъ?* который

ребенокъ при срисовываніи оригинала всегда естественно самъ себѣ задаетъ.

Легкое или трудное пониманіе и большій или меньшій интересъ имѣли главное вліяніе на ходъ и способъ преподаванія, и я часто бросалъ совершенно приготовленное для урока только потому, что оно было мальчикамъ скучно или чуждо.

До сихъ поръ я давалъ срисовывать симметрическія фигуры, потому что ихъ образованіе самое легкое и очевидное. Потомъ я, въ видѣ опыта, просилъ лучшихъ учениковъ самихъ сочинять и рисовать фигуры на доскѣ. Хотя почти всѣ и рисовали только въ одномъ данномъ родѣ, но тѣмъ не менѣе было интересно наблюдать возникающее соревнованіе, сужденіе другихъ и своеобразную постройку фигуръ. Многіе изъ этихъ рисунковъ были особенно соотвѣтственны характерамъ учениковъ.

Въ каждомъ ребенкѣ есть стремленіе къ самостоятельности, которую вредно уничтожать въ какомъ бы то ни было преподаваніи и которое особливо обнаруживается недовольствомъ при срисованіи съ образцовъ. Черезъ вышесказанные пріемы эта самостоятельность не только не убивалась, но еще больше развивалась и укрѣплялась.

Если ученикъ въ школѣ не научится самъ ничего творить, то и въ жизни онъ всегда будетъ только подражать, копировать, такъ какъ мало такихъ, которые бы, научившись копировать, умѣли сдѣлать самостоятельное приложеніе этихъ свѣдѣній.

Постоянно придерживаясь въ рисованіи натуральныхъ формъ и часто мѣняя разные предметы, какъ, напримѣръ, листья характеристичной формы, цвѣты, посуду и вещи, употребительныя въ жизни, инструменты, я старался не допустить въ наше рисованіе рутину и манерность.

Съ величайшею осторожностью приступилъ я къ объясненію тѣней, къ оттѣниванію, потому что начинающій легко уничтожаетъ оттѣнивающими линіями рѣзкость и правильность фигуры и привыкаетъ къ безпорядочному и неопредѣленному маранью.

Этимъ способомъ я добился того, что болѣе 30 учениковъ въ нѣсколько мѣсяцевъ узнали довольно основательно соотношеніе линій въ различныхъ фигурахъ и предметахъ и умѣли эти фигуры передавать ровными и рѣзкими линіями. Механическое искусство линейнаго рисованія мало-по-малу развилось какъ бы само собою. Труднѣе всего было мнѣ пріучать учениковъ къ чистотѣ обращенія съ тетрадями и чистотѣ самого рисунка. Удобство стирать нарисованное на аспидныхъ доскахъ

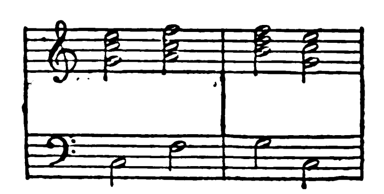
много затруднило мнѣ дѣло въ этомъ отношеніи. Давъ лучшимъ, болѣе талантливымъ, ученикамъ тетради, я достигъ большей чистоты въ самомъ рисованіи; ибо большая трудность стиранья принуждаетъ ихъ къ большей опрятности въ обращеніи съ тѣмъ, на чемъ рисуется. Въ короткое время лучшіе ученики достигли до столь вѣрнаго и чистаго управленія карандашомъ, что могли рисовать чисто и правильно не только прямолинейныя фигуры, но и самыя причудливыя составныя изъ кривыхъ линій.

Я заставлялъ нѣкоторыхъ учениковъ контролировать фигуры другихъ, когда они оканчивали свои, — и эта учительская дѣятельность замѣчательно поощряла учениковъ: ибо черезъ это они могли тотчасъ прилагать выученное.

Въ послѣднее время я занимался съ старшими рисованіемъ предметовъ въ самыхъ различныхъ положеніяхъ въ перспективѣ, не придерживаясь исключительно столь извѣстной методы Dupuis.

Пѣніе. Мы шли прошлымъ лѣтомъ съ купанья. Всѣмъ намъ было очень весело. Крестьянскій мальчикъ, тотъ самый, который былъ соблазненъ на воровство книжекъ дворовымъ мальчикомъ, толстоскулый, коренастый мальчикъ, весь облитый веснушками, съ кривыми, внутрь загнутыми, ножонками, со всѣми пріемами взрослаго, степеннаго мужика, но умная, сильная и даровитая натура, пробѣжалъ впередъ и сѣлъ въ телѣгу, ѣхавшую передъ нами. Онъ взялъ вожжи, сбилъ шляпу на бокъ, сплюнулъ на сторону и запѣлъ какую-то протяжную мужицкую пѣсню, — да какъ запѣлъ! — съ чувствомъ, съ роздыхомъ, съ подкрикиваньемъ. Ребята засмѣялись: «Семка-то, Семка-то, какъ играетъ ловко!» Семка былъ совершенно серьезенъ. «Ну, ты, не перебивай пѣсни», особеннымъ, нарочно хриплымъ голосомъ сказалъ онъ въ промежуткѣ и совершенно серьезно и степенно продолжалъ пѣть. Два самыхъ музыкальныхъ мальчика подсѣли въ телѣгу, начали подлаживать и подладили. Одинъ ладилъ то въ октаву, то въ сиксту, другой въ терцію, и вышло отлично. Потомъ пристали другіе мальчики, стали пѣть «какъ подъ яблоней такой», стали кричать, и вышло шумно, но нехорошо. Съ этого же вечера началось пѣніе: теперь, послѣ 8 мѣсяцевъ, мы поемъ «Ангелъ вопіяше» и двѣ херувимскія — 4 и 7 №№, всю обыкновенную обѣдню и маленькія хоровыя пѣсни. Лучшіе ученики (только два) записываютъ мелодіи пѣсенъ, которыя они знаютъ, и почти читаютъ ноты. Но до сихъ поръ еще все, чтò они поютъ, далеко не такъ хорошо, какъ хороша была ихъ пѣсня, когда мы шли съ купанья. Я

говорю все это не съ какою-нибудь заднею мыслью, не для того, чтобы доказать что-нибудь, но я говорю, что̀ есть. Теперь же разскажу, какъ шло преподаванie, которымъ сравнительно я доволенъ.

Въ первый урокъ я раздѣлилъ всѣхъ на три голоса, и мы спѣли слѣдующie аккорды:

Намъ удалось это очень скоро. И каждый пѣлъ, что онъ хотѣлъ, пробовалъ дишкантъ и переходилъ въ тенора, а изъ тенора — въ альтъ, такъ что лучшie узнали весь аккордъ—до-ми-соль, нѣкоторые и всѣ три. Выговаривали они слова французскихъ названiй нотъ. Одинъ пѣлъ ми-фа-фа-ми, другой до-до-ре-до и т. д. «Ишь ты какъ складно, Л. Н., — говорили они, — даже въ ухѣ задрюжжитъ. Ну, еще, еще...» Мы пѣли эти аккорды и въ школѣ, и на дворѣ, и въ саду, и по дорогѣ домой, до поздней ночи, и не могли оторваться и нарадоваться на свой успѣхъ.

На другой день мы попробовали гамму и талантливѣйшie прошли ее всю, худшie едва могли пройти до терцiи. Я писалъ ноты на линейкѣ въ альтовомъ ключѣ, самомъ симметрическомъ, и называлъ ихъ по-французски. Слѣдующie и слѣдующie, уроковъ шесть, шли такъ же весело; мы спѣли еще новые аккорды минорные и переходы въ мажорные — «Господи помилуй», «Слава Отцу и Сыну!»—и пѣсенку въ три голоса съ фортепьянами. Одна половина урока была занята этимъ, другая пѣньемъ гаммы и упражненiй, которыя выдумывали сами ученики: «до-ми-ре-фа-ми-соль», или «до-ре-ре-ми-ми-фа» или «до-ми-ре-до-ре-фа-ми-ре» и т. д.

Весьма скоро я замѣтилъ, что ноты на линейкахъ не наглядны и нашелъ нужнымъ замѣнить ихъ цифрами. Кромѣ того, для объясненiя интерваловъ и измѣняемости тоники цифры представляютъ болѣе удобствъ. Черезъ шесть уроковъ нѣкоторые уже брали по заказу, какie я спрашивалъ, интервалы, добираясь до нихъ по воображаемой гаммѣ. Особенно нравилось упражненie квартами — до-фа-ре-соль и т. д. внизъ и вверхъ. Фа (унтеръ-доминанта) особенно поражало всѣхъ своею силой.

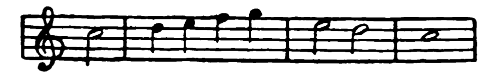
«Экой здоровенный этотъ фа, — говорилъ Семка, — такъ и рѣзнетъ».

Немузыкальныя натуры всѣ отстали, съ музыкальными классы наши затягивались по три и четыре часа. О тактѣ я пробовалъ дать понятіе по принятой методѣ, но дѣло оказалось до того труднымъ, что я принужденъ былъ отдѣлить тактъ отъ мелодіи и, написавъ звуки безъ такта, разбирать ихъ и потомъ, написавъ тактъ, т.-е. размѣры безъ звуковъ, стучаньемъ разбирать одинъ тактъ и потомъ уже соединять оба процесса вмѣстѣ.

Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, отдавая себѣ отчетъ въ томъ, чтò я дѣлалъ, я пришелъ къ убѣжденію, что мой способъ преподаванія есть почти способъ Chevet, котораго методу я видѣлъ на дѣлѣ въ Парижѣ и которая мною сразу не была принята только потому, что это была метода. Всѣмъ занимающимся преподаваніемъ пѣнія нельзя достаточно рекомендовать это сочиненіе, на оберточномъ листѣ котораго написано большими буквами Repoussé à l'unanimité и теперь расходящемся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всей Европѣ. Я видѣлъ въ Парижѣ поразительные примѣры успѣшности этой методы при преподаваніи самого Chevet: аудиторія въ 500—600 человѣкъ мужчинъ и женщинъ иногда въ 40—50 лѣтъ, поющихъ въ одинъ голосъ à livre ouvert все, что имъ откроетъ учитель. Въ методѣ Chevet есть много правилъ, упражненій, предписанныхъ пріемовъ, которые не имѣютъ никакого значенія и которые каждый умный учитель выдумаетъ сотни и тысячи на полѣ сраженія, т.-е. во время класса; тамъ есть весьма комическая, можетъ быть, и удобная манера читать тактъ, безъ звуковъ, напримѣръ, четыре четверти, ученикъ говоритъ та-фа-те-фе, въ $^3/_4$ ученикъ говоритъ та-те-ти, $^8/_8$—та-фа-те-фе-те, ре-ли-ри. Все это интересно, какъ одинъ изъ способовъ, посредствомъ котораго можно учить музыкѣ, — интересно, какъ исторія извѣстной музыкальной школы, но правила эти не абсолютны и не могутъ составить методу. Въ этомъ-то всегда состоитъ источникъ ошибокъ методъ. Но у Chevet есть замѣчательныя по своей простотѣ мысли, изъ которыхъ три составляютъ сущность его методы: первая, хотя и старая, еще выраженная Ж. Ж. Руссо въ своемъ Dictionnaire de musique мысль выраженія музыкальныхъ знаковъ цифрами. Что бы ни говорили противники этого способа писанія, каждый учитель пѣнія можетъ сдѣлать этотъ опытъ и всегда убѣдиться въ огромномъ преимуществѣ цифръ предъ линейками какъ при чтеніи, такъ и при писаніи. Я училъ по линейкамъ уроковъ десять и

одинъ разъ только показалъ по цифрамъ, сказавъ, что это одно и то же, и ученики всегда просятъ писать цифрами и всегда сами пишутъ цифрами. Вторая замѣчательная мысль, исключительно принадлежащая Chevet, состоитъ въ томъ, чтобъ учить звукамъ отдѣльно отъ такта и наоборотъ. Приложивъ хоть разъ эту методу для обученія, всякій увидитъ, что то, что̀ представлялось неодолимою трудностью, вдругъ становится такъ легко, что только удивляешься какъ прежде никому не пришла такая простая мысль. Сколькихъ бы мученій избавились несчастныя дѣти, выучивающія въ архіерейскихъ пѣвчихъ и другихъ хорахъ «Да исправится» и т. п., ежели бы регенты попробовали эту простую вещь — заставить учащагося, ничего не поя, простукать палочкой или пальцемъ по той фразѣ нотъ, которую онъ долженъ пѣть: четыре раза по цѣлой, разъ на четверть, разъ на двѣ осьмыхъ и т. д., потомъ спѣть безъ такта ту же фразу, потомъ опять спѣть одинъ тактъ и потомъ опять вмѣстѣ.

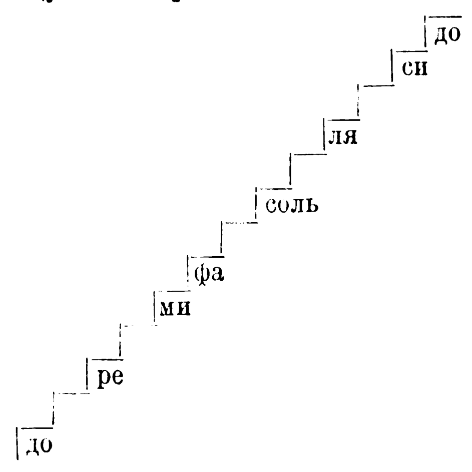
Напримѣръ, написано:



ученикъ сперва поетъ (безъ такта) до-ре-ми-фа-соль-ми-ре-до; потомъ ученикъ не поетъ, а, ударяя по нотѣ перваго такта, говоритъ: |разъ-два-три-четыре, потомъ по каждой нотѣ второго тона говоритъ: разъ-два-три-четыре; потомъ по первой нотѣ третьяго такта ударяетъ два раза и говоритъ: разъ-два, по второй нотѣ третьяго тона и говоритъ: три-четыре и т. д., а потомъ поетъ то же съ тактомъ и ударяетъ, а другіе ученики вслухъ считаютъ. Это мой способъ, который точно такъ же, какъ и способъ Chevet, нельзя предписывать, который можетъ быть удобенъ, но удобнѣе котораго могутъ быть найдены еще многіе. Но дѣло только въ томъ, чтобъ отдѣлить изученіе такта отъ звуковъ, а пріемовъ можетъ быть безчисленное множество. Наконецъ третья и великая мысль Chevet состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать музыку и преподаваніе ея популярными. Способъ его преподаванія вполнѣ достигаетъ этой цѣли. И это не только желаніе Chevet и не только мое предположеніе, но это фактъ. Я видѣлъ въ Парижѣ сотни работниковъ съ мозолистыми руками, сидящихъ на скамьяхъ, подъ которыми положенъ инструментъ, съ которымъ работникъ шелъ изъ мастерской, поющихъ по нотамъ, понимающихъ и интересующихся законами музыки. Глядя на этихъ рабочихъ, мнѣ легко было представить себѣ на ихъ мѣстѣ русскихъ мужиковъ, только говори Chevet по-

русски: они такъ же и пѣли бы, такъ же и понимали бы все, что̀ онъ говорилъ объ общихъ правилахъ и законахъ музыки. Мы еще надѣемся поговорить подробнѣе о Chevet и преимущественно о значенiи популяризованной музыки, особенно пѣнiя для возбужденiя падающаго искусства.

Перехожу къ описанiю хода преподаванiя въ этой школѣ. Послѣ 6 уроковъ козлища отобрались отъ овецъ, остались однѣ музыкальныя натуры — охотники, и мы перешли къ минорнымъ гаммамъ и къ объясненiю интерваловъ. Трудность состояла только въ томъ, чтобы найти и отличить малую секунду отъ большой. *Фа* уже былъ прозванъ здоровеннымъ, *до* оказался такимъ же крикуномъ, и потому мнѣ не нужно было учить,— они сами чувствовали ту ноту, въ которую разрѣшалась малая секунда, поэтому чувствовали и самую секунду. Мы нашли легко сами, что мажорная гамма состоитъ изъ послѣдовательности 2 большихъ, 1 малой, 3 большихъ и 1 малой секунды; потомъ мы спѣли «Слава Отцу» въ минорномъ тонѣ и добрались по чутью до гаммы, которая оказалась минорною, потомъ въ гаммѣ этой нашли 1 большую, 1 малую, 2 большихъ, 1 малую, 1 очень большую и 1 малую. Потомъ я показалъ, что можно спѣть и написать гамму съ какой угодно ноты, что ежели не выходитъ большая или маленькая секунда, когда нужно, можно поставить дiезъ и бемоль. Для удобства я написалъ имъ хроматическую лѣстницу такого рода.



По этой лѣстницѣ я заставлялъ писать всѣ возможныя мажорныя и минорныя гаммы, начиная съ какой хотѣли ноты.

Эти упражненія занимали ихъ чрезвычайно и успѣхи были до того поразительны, что двое часто между классами забавлялись писаніемъ мелодіи пѣсенъ, которыя они знали. Эти ученики часто мурлычатъ мотивы какихъ-то пѣсенъ, которыхъ они назвать не умѣютъ, и мурлычатъ тонко и нѣжно и, главное, лучше вторятъ и ужъ не любятъ, когда много вмѣстѣ нескладно кричатъ пѣсню.

Всѣхъ уроковъ едва ли было 12 во всю зиму. Преподаваніе наше испортило тщеславіе. Родители, мы — учителя и сами ученики захотѣли удивить всю деревню — пѣть въ церкви, мы стали готовить обѣдню и херувимскія Бортнянскаго. Казалось, это было бы веселѣе дѣтямъ, но вышло наоборотъ. Несмотря на то, что желаніе ѣхать на клиросъ поддерживало ихъ, и что они любили музыку, и что мы, учителя, налегали на этотъ предметъ и дѣлали его принудительнѣе другихъ, мнѣ часто жалко было смотрѣть на нихъ, какъ какой-нибудь крошка Кирюшка въ оборванныхъ онученкахъ выдѣлывалъ свою партію «Тайно образу-у-у-у-у-ю-ю-ще» и его по 10 разъ заставляли повторять, и онъ, наконецъ, выходилъ изъ себя и, стуча пальцами по нотамъ, спорилъ, что онъ поетъ такъ точно. Мы съѣздили разъ въ церковь и имѣли успѣхъ; восторгъ былъ огромный, но пѣніе пострадало: стали скучать на урокахъ, отлынивать и къ Пасхѣ только съ большими усиліями вновь былъ собранъ хоръ. Наши пѣвчіе стали похожи на архіерейскихъ, которые поютъ часто хорошо, но у которыхъ вслѣдствіе этого искусства большею частью убита всякая охота къ пѣнію и которые рѣшительно не знаютъ нотъ, воображая, что знаютъ. Я часто видалъ, какъ выходящіе изъ такой школы сами берутся учить, не имѣя понятія о нотахъ, и оказываются совершенно несостоятельными, какъ только начинаютъ пѣть то, чего имъ еще не кричали въ ухо.

Изъ того небольшого опыта, который я имѣлъ въ преподаваніи музыки народу, я убѣдился въ слѣдующемъ:

1) что способъ писанія звуковъ цифрами есть самый удобный способъ;

2) что преподаваніе такта отдѣльно отъ звуковъ есть самый удобный способъ;

3) что для того, чтобы преподаваніе музыки оставило слѣды и воспринималось охотно, необходимо учить съ перваго начала искусству, а не умѣнью пѣть или играть. Барышень можно учить играть экзерсисы Бургмюллера, но народныхъ дѣтей лучше не учить вовсе, чѣмъ учить механически;

4) что ничто такъ не вредно въ преподаванiи музыки, какъ то, что похоже на знанiе музыки — исполненiе хоровъ на экзаменахъ, актахъ и въ церквахъ;

5) что цѣль преподаванiя музыки народу должна состоять только въ томъ, чтобы передать ему тѣ знанiя объ общихъ законахъ музыки, которыя мы имѣемъ, но отнюдь не въ передачѣ ему того ложнаго вкуса, который развитъ въ насъ.

ВТОРОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Общія замѣчанія для учителя.

«Для того, чтобы ученикъ учился хорошо, нужно, чтобы онъ учился охотно; для того, чтобы онъ учился охотно, нужно:

1) чтобы то, чему учатъ ученика, было понятно и занимательно и

2) чтобы душевныя силы его были въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

Чтобы ученику было понятно и занимательно то, чему его учатъ, избѣгайте двухъ крайностей: не говорите ученику о томъ, чего онъ не можетъ знать и понять, и не говорите о томъ, что онъ знаетъ не хуже, и иногда и лучше учителя. Для того, чтобы не говорить того, чего ученикъ не можетъ понять, избѣгайте всякихъ опредѣленій, подраздѣленій и общихъ правилъ. Всѣ учебники состоятъ только изъ опредѣленій, подраздѣленій и правилъ, а ихъ-то именно и нельзя сообщать ученику.

Избѣгайте грамматическихъ и синтаксическихъ опредѣленій и подраздѣленій частей и формъ рѣчи и общихъ правилъ. А заставляйте ученика видоизмѣнять формы словъ, не называя этихъ формъ и — главное — больше читать, понимая то, что̀ онъ читаетъ, и больше писать изъ головы, и поправляйте его не на томъ основаніи, что то или другое противно правилу, опредѣленію или подраздѣленію, а на томъ основаніи, что не понятно, не складно и не ясно.

По естественнымъ наукамъ избѣгайте классификацій, предположеній о развитіи организмовъ, объясненій строенія ихъ, а давайте ученику какъ можно болѣе самыхъ подробныхъ свѣдѣній о жизни различныхъ животныхъ и растеній.

По исторіи и географіи избѣгайте общихъ обзоровъ земель и историческихъ событій и подраздѣленій тѣхъ и другихъ. Ученику не могутъ быть занимательны историческіе и географическіе обзоры тогда, когда онъ не вѣритъ еще хорошенько

въ существованіе чего-нибудь за видимымъ горизонтомъ, а о государствѣ, власти, войнѣ и законѣ, составляющихъ предметъ исторіи, не можетъ составить себѣ ни малѣйшаго понятія. Для того, чтобы онъ повѣрилъ въ географію и исторію, давайте ему географическія и историческія впечатлѣнія. Разсказывайте ученику съ величайшей подробностью про тѣ страны, которыя вы знаете, и про тѣ событія историческія, которыя вамъ хорошо извѣстны.

По космографіи избѣгайте сообщенія ученику объясненія (столь любимаго въ педагогіи) солнечной системы и вращенія и обращенія земли. Для ученика, ничего не знающаго о видимомъ движеніи небеснаго свода, солнца, луны, планетъ, о затменіяхъ, о наблюденіяхъ тѣхъ же явленій съ различныхъ точекъ земли, толкованіе о томъ, что земля вертится и бѣгаетъ, не есть разъясненіе вопроса и объясненіе, а есть безъ всякой необходимости доказываемая безсмыслица. Ученикъ, полагающій, что земля стоитъ на водѣ и рыбахъ, судитъ гораздо здравѣе, чѣмъ тотъ, который вѣритъ, что земля вертится, и не умѣетъ этого понять и объяснить. Сообщайте какъ можно больше свѣдѣній о видимыхъ явленіяхъ неба, о путешествіяхъ и давайте ученику только такія объясненія, которыя онъ самъ можетъ провѣрить на видимыхъ явленіяхъ.

Въ ариѳметикѣ избѣгайте сообщенія опредѣленій и общихъ правилъ, упрощающихъ счетъ. Ни на чемъ такъ не замѣтенъ вредъ сообщенія общихъ правилъ, какъ на математикѣ. Чѣмъ короче тотъ путь, посредствомъ котораго вы научите ученика дѣлать дѣйствіе, тѣмъ хуже онъ будетъ понимать и знать дѣйствіе.

Самое короткое счисленіе есть десятичное—оно и самое трудное. Самый короткій пріемъ сложенія—начинать съ меньшихъ разрядовъ и приписывать одну изъ полученныхъ цифръ къ слѣдующему разряду—есть вмѣстѣ и самый непонятный пріемъ; нѣтъ ничего легче, какъ научить ученика при вычитаніи считать за 9 всякій 0, черезъ который онъ перескочитъ занимая, или научить приведенію къ одному знаменателю посредствомъ помноженія крестъ-накрестъ, но ученикъ, выучившій эти правила, уже долго не пойметъ, почему это такъ дѣлается.

Избѣгайте всѣхъ ариѳметическихъ опредѣленій и правилъ, а заставляйте производить какъ можно больше дѣйствій и поправляйте не потому, что сдѣлано не по правилу, а потому, что сдѣланное не имѣетъ смысла.

Избѣгайте весьма любимаго (особенно въ иностранныхъ книгахъ для школъ) сообщенія необычайныхъ результатовъ, до

которыхъ дошла наука — въ родѣ того: сколько вѣситъ земля, солнце, изъ какихъ тѣлъ состоитъ солнце, какъ изъ ячеекъ строится дерево и человѣкъ и какія необыкновенныя машины выдумали люди. Не говоря уже о томъ, что, сообщая такія свѣдѣнія, учитель внушаетъ ученику мысль, что наука можетъ открыть человѣку много тайнъ, — въ чемъ умному ученику слишкомъ скоро придется разочароваться,—не говоря объ этомъ, голые результаты вредно дѣйствуютъ на ученика и пріучаютъ его вѣрить на слово.

Избѣгайте непонятныхъ русскихъ словъ, не соотвѣтствующихъ понятію или имѣющихъ два значенія, и особенно иностранныхъ. Старайтесь замѣнять ихъ словами, хотя и длиннѣйшими, хотя даже и не столь точными, но такими, которыя въ умѣ ученика возбуждали бы соотвѣтствующія понятія.

Вообще избѣгайте такихъ оборотовъ: это такъ-то называется, это такъ-то, а старайтесь называть каждую вещь, какъ ей слѣдуетъ называться.

Вообще давайте ученику какъ можно больше свѣдѣній и вызывайте его на наибольшее число наблюденій по всѣмъ отраслямъ знанія, но какъ можно меньше сообщайте ему общихъ выводовъ, опредѣленій, подраздѣленій и всякой терминологіи.

Сообщайте опредѣленіе, подраздѣленіе, правило, названіе только тогда, когда ученикъ имѣетъ столько свѣдѣній, что самъ въ состояніи провѣрить общій выводъ, — когда общій выводъ не затрудняетъ, а облегчаетъ его.

Другая причина, по которой урокъ бываетъ непріятенъ и незанимателенъ, заключается въ томъ, что учитель объясняетъ слишкомъ длинно и сложно то, что̀ давно уже понялъ ученикъ. Ученику такъ просто, что ему сказали, что онъ ищетъ особеннаго, другого значенія и понимаетъ ошибочно или ужъ вовсе не понимаетъ.

Такого рода толкованія обыкновенны, въ особенности когда предметы уроковъ взяты изъ жизни. Напримѣръ, когда учитель начнетъ толковать ученику, что̀ такое столъ, или какое животное лошадь, или чѣмъ отличается книга отъ руки, или: одно перо и одно перо — сколько будетъ перьевъ?

Вообще толкуйте ученику то, чего онъ не знаетъ, и то, что̀ вамъ самимъ было бы занимательно узнать, если бы вы не знали. При соблюденіи всѣхъ этихъ правилъ часто случится, что ученикъ все-таки не будетъ понимать. На это будутъ двѣ причины. Или ученикъ уже думалъ о томъ предметѣ, о которомъ вы толкуете, и объяснилъ его себѣ по-своему. Тогда старайтесь вызвать ученика на объясненіе его взгляда и, если онъ не вѣренъ,

опровергните его, а если вѣренъ, то покажите ему, что вы и онъ видите предметъ одинаково, но съ различныхъ сторонъ.

Или же ученикъ не понимаетъ оттого, что ему еще не пришло время. Это особенно замѣтно въ ариѳметикѣ. То, надъ чѣмъ вы тщетно бились по цѣлымъ часамъ, становится вдругъ ясно въ минуту черезъ нѣсколько времени. Никогда не торопитесь, переждите, возвращайтесь къ тѣмъ же толкованіямъ:

Для того, чтобы душевныя силы ученика были въ наивыгоднѣйшихъ условіяхъ, нужно:

1) чтобы не было новыхъ, непривычныхъ предметовъ и лицъ тамъ, гдѣ онъ учится;

2) чтобы ученикъ не стыдился учителя или товарищей;

3) (очень важное) чтобы ученикъ не боялся наказанія за дурное ученіе, т.-е. за непониманіе. Умъ человѣка можетъ дѣйствовать только тогда, когда онъ не подавляется внѣшними вліяніями;

4) чтобы умъ не утомлялся. Опредѣлить число часовъ или минутъ, послѣ котораго умъ ученика утомляется, — невозможно ни для какого возраста. Но для внимательнаго учителя всегда есть вѣрные признаки утомленія; какъ скоро умъ утомленъ, заставьте ученика дѣлать физическое движеніе. Лучше ошибиться и отпустить ученика, когда онъ еще не утомленъ, чѣмъ ошибиться въ обратномъ смыслѣ и задержать ученика, когда онъ утомленъ. Тупикъ, столбнякъ, упрямство происходятъ только отъ этого;

5) чтобы урокъ былъ соразмѣренъ силамъ ученика, не слишкомъ легокъ, не слишкомъ труденъ.

Если урокъ будетъ слишкомъ труденъ, ученикъ потеряетъ надежду исполнить заданное, займется другимъ и не будетъ дѣлать никакихъ усилій; если урокъ слишкомъ легокъ, будетъ то же самое. Нужно стараться, чтобы все вниманіе ученика могло быть поглощено заданнымъ урокомъ. Для этого давайте ученику такую работу, чтобы каждый урокъ чувствовался ему шагомъ впередъ въ ученіи.

Чѣмъ легче учителю учить, тѣмъ труднѣе ученикамъ учиться. Чѣмъ труднѣе учителю, тѣмъ легче ученику. Чѣмъ больше будетъ учитель самъ учиться, обдумывать каждый урокъ и соразмѣрять съ силами ученика, чѣмъ больше будетъ слѣдить за ходомъ мысли ученика, чѣмъ больше вызывать на отвѣты и вопросы, тѣмъ легче будетъ учиться ученикъ.

Чѣмъ больше будетъ ученикъ предоставленъ самому себѣ и занятіямъ, не требующимъ вниманія учителя: переписы-

ванію, диктованію, чтенію вслухъ безъ пониманія, заучиванію стиховъ, тѣмъ труднѣе будетъ ученику.

Но если учитель положитъ и всѣ силы на свое дѣло, то все-таки онъ не только со многими учениками, но и съ однимъ ученикомъ будетъ постоянно чувствовать, что онъ далеко не исполняетъ того, что̀ нужно.

Для того, чтобы, несмотря на это всегдашнее недовольство собою, имѣть сознаніе приносимой пользы, нужно имѣть одно качество. Это же качество восполняетъ и всякое искусство учительское и всякое приготовленіе, ибо съ этимъ качествомъ учитель легко пріобрѣтетъ недостающее знаніе.

Если учитель во время трехчасового урока не чувствовалъ ни минуты скуки, онъ имѣетъ это качество.

Качество это есть любовь. Если учитель имѣетъ только любовь къ дѣлу, онъ будетъ хорошій учитель. Если учитель имѣетъ только любовь къ ученику, какъ отецъ, мать, онъ будетъ лучше того учителя, который прочелъ всѣ книги, но не имѣетъ любви ни къ дѣлу, ни къ ученикамъ.

Если учитель соединяетъ въ себѣ любовь къ дѣлу и къ ученикамъ, онъ — совершенный учитель»[1]).

---

[1]) «Азбука» гр. Л. Н. Толстого. Спб., 1872 г. Кн. I, стр. 180.

Объ изданіи народнаго журнала.

Выдержка изъ письма къ г-жѣ П...

Я потому только мало сочувствую народному журналу, что я слишкомъ ему сочувствую: я убѣжденъ, что тѣ, которые за него возьмутся, будутъ à cent lieues отъ того, что̀ нужно для народа. Мои требованія — льщу себя надеждой — одинаковыя съ требованіями народа — это, чтобъ журналъ былъ *понятенъ*. А этого-то и не будетъ! Понятность, доступность есть не столько необходимое условіе для того, чтобы народъ читалъ охотно, но это есть, по моему убѣжденію, узда для того, чтобы не было въ журналѣ глупаго, неумѣстнаго и бездарнаго.

Если бы я былъ издателемъ народнаго журнала, я бы сказалъ своимъ сотрудникамъ: пишите, что хотите: проповѣдуйте коммунизмъ, хлыстовскую вѣру, протестантизмъ, — что хотите, но только такъ, чтобы каждое слово было понятно тому ломовому извозчику, который будетъ везти экземпляры изъ типографіи, и я увѣренъ, что, кромѣ честнаго, здраваго и хорошаго, ничего не будетъ въ журналѣ. Я не шучу и не желаю говорить парадоксы, а твердо знаю это изъ опыта.

Совершенно простымъ и понятнымъ языкомъ ничего дурного нельзя будетъ написать. Все безнравственное представится столь безобразнымъ, что сейчасъ будетъ отброшено; все сектаторское — протестантское ли, хлыстовское ли — явится столь ложнымъ, если будетъ высказано безъ непонятныхъ фразъ; все сколько-нибудь поучительное, популярно-научное, но не серьезное и большею частью ложное, чѣмъ всегда переполняются народные журналы, тоже безъ фразъ, а выраженное понятнымъ языкомъ, покажется столь глупо и бѣдно, что тоже откинется. Если народный журналъ серьезно хочетъ быть народнымъ журналомъ, то ему надо только стараться быть понятнымъ, и достигнуть этого не трудно съ одной стороны: стоитъ только пропускать всѣ статьи черезъ цензуру дворниковъ,

извозчиковъ, черныхъ кухарокъ. Если ни на одномъ словѣ чтецъ не остановится, не понявъ, то статья прекрасная. Если же, прочтя статью, никто изъ нихъ не сможетъ разсказать про то, что̀ прочелъ, — статья никуда не годится.

«Я истинно сочувствую народному журналу и надѣюсь, что вы отчасти согласитесь со мною, и потому говорю все это. Но знаю тоже, что 0,999 сочтутъ мои слова или просто глупостью, или желаніемъ оригинальничать; тогда какъ я, напротивъ, въ изданіи дамами журнала для народа — дамами, и думающими и говорящими не по-русски и безъ желанія справиться съ тѣмъ, понимаетъ ли ихъ народъ — вижу самую странную и забавную шутку.

«Я сказалъ: понятности достигнуть очень легко съ одной стороны — стоитъ только въ рукописяхъ читать и давать читать народу; но, съ другой стороны, издавать журналъ *понятный* очень трудно. Трудно потому, что окажется очень мало матеріала. Будетъ безпрестанно оказываться то, что статья, признанная «charmante» въ кругу редакціи, какъ скоро прочтется въ кухнѣ, будетъ признана никуда негодной или что изъ 10 листовъ *словъ* окажется *дѣла* 10 строкъ».

О народномъ образованіи.

Статья 2-ая.

«Милостивый государь Іосифъ Николаевичъ!» [1])

Постараюсь исполнить ваше желаніе, т.-е. написать то, или приблизительно то, что̀ было высказано мною въ послѣднемъ засѣданіи комитета. Исполняю это съ особеннымъ удовольствіемъ еще и потому, что въ прежнемъ протоколѣ засѣданія, въ которомъ напечатаны мои слова (я только-что прочелъ его), я нашелъ много не имѣющихъ яснаго смысла фразъ, которыхъ я, помнится, не говорилъ. Если то, что̀ было говорено мною въ послѣднемъ засѣданіи, должно быть напечатано, то настоящее письмо или можетъ быть напечатано вмѣсто стенографическаго отчета, или можетъ служить ему повѣркою.

Опытъ испытанія преимущества того или другого метода посредствомъ учрежденія двухъ школъ и экзамена былъ столь неудаченъ, что послѣ испытанія оказались возможными самыя противоположныя сужденія. Были сдѣланы ошибки въ самомъ устройствѣ школъ. Первая ошибка состояла въ томъ, что взяты въ школы дѣти слишкомъ малыя, ниже того возраста и зрѣлости, при которомъ дѣти бываютъ способны къ ученію. Очевидно, что на дѣтяхъ, неспособныхъ еще учиться, нельзя дѣлать опыта, какимъ образомъ легче и труднѣе учиться. Трехлѣтній ребенокъ одинаково не выучится ничему ни по какому способу, пяти-шестилѣтній почти ничему не выучится; только на дѣтяхъ десяти-одиннадцати лѣтъ можно видѣть, по какому способу они выучатся скорѣе. Большинство же учениковъ обѣихъ школъ были дѣти шести, семи и восьми лѣтъ, не достигшія еще возраста школьной зрѣлости, и потому только на старшихъ ученикахъ могло выказаться преимущество того или другого способа. Въ обѣихъ школахъ было только потрое такихъ, и потому, сравнивая успѣхи той и другой школы, я буду говорить преимущественно о трехъ старшихъ ученикахъ.

---

[1]) Статья эта была напечатана въ «Отеч. Зап.» въ сентябрѣ 1874 г. въ видѣ письма къ предсѣдателю моск. комит. грамотности І. Н. Шатилову.

Вторая ошибка состояла въ томъ, что допущены были въ школу посѣтители. Въ напечатанномъ въ моей «Азбукѣ» краткомъ руководствѣ для учителя сказано, что одно изъ главныхъ условій для успѣха ученія состоитъ въ томъ, чтобы тамъ, гдѣ учатся, не было предметовъ и лицъ, развлекающихъ вниманіе учениковъ. Казалось бы, что условіе это должно быть одинаково невыгодно какъ для той, такъ и для другой школы, но оно было невыгодно только для моей школы, потому что главное основаніе обученія по моему способу состоитъ въ отсутствіи принужденія и въ свободномъ интересѣ ученика къ тому, что̀ ему предлагаетъ учитель; тогда какъ обученіе въ звуковой школѣ основано на принужденіи и весьма строгой дисциплинѣ. Понятно, что учителю легче заинтересовать ученика тамъ, гдѣ нѣтъ ничего развлекающаго вниманіе учениковъ, а тамъ, гдѣ постоянно входятъ и выходятъ новыя лица, привлечь вниманіе ученика будетъ очень трудно, и что, напротивъ, въ принудительной школѣ вліяніе развлеченія будетъ менѣе ощутительно.

Третья ошибка состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ отступилъ при обученіи въ своей школѣ отъ пріемовъ, которые я считаю вредными, но которые считаются необходимымъ условіемъ обученія при звуковомъ методѣ. Отступленіе это, безъ сомнѣнія, было очень выгодно для обучавшихся дѣтей, и если бы сторонники звукового метода признали, что это отступленіе не случайно, то одна изъ главныхъ сторонъ моего разногласія съ ними не существовала бы. Отступленіе г. Протопопова отъ своего метода состояло, во-первыхъ, въ томъ, что онъ не исполнялъ требованія такъ называемаго нагляднаго обученія, которое, по мнѣнію педагоговъ, должно быть нераздѣльно связано съ обученіемъ грамотѣ и предшествовать ему. Бунаковъ и всѣ столпы новой педагогики совѣтуютъ большую часть времени употреблять на наглядное обученіе.

На извѣстныхъ педагогическихъ курсахъ прошлаго года, какъ я слышалъ, всѣ ученые педагоги, учителя учителей, показывали на ученикахъ, что надо три четверти времени проводить въ описаніи комнаты, стола и т. д. Это не было дѣлаемо г. Протопоповымъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ предписывается педагогами. Правда, я видѣлъ одинъ разъ, что, прочтя слово дроздъ, г. Протопоповъ хотѣлъ показать ученикамъ въ лицахъ дрозда, но въ картинахъ дрозда не оказалось, и г. Протопоповъ, попросивъ ихъ повѣрить на слово, что дроздъ птица (что̀ они очень хорошо знали), поспѣшилъ перейти къ занятію чтеніемъ. Я повторяю, что отступленіе это очень выгодно

для учениковъ и для дѣла, но надо признать его. И тогда, повторяю, я почти не спорю.

Другое отступленіе, сдѣланное г. Протопоповымъ отъ своего метода, состояло въ томъ, что, противно общему правилу педагоговъ, что книги надо читать только въ школѣ съ объясненіемъ каждаго слова, г. Протопоповъ давалъ своимъ ученикамъ книги читать и на домъ. Я считаю главною цѣлью школы доводить учениковъ до того, чтобы они, интересуясь книгой, брали ее читать на домъ и понимали бы ее, какъ они хотятъ, и потому г. Морозовъ давалъ ученикамъ книги на домъ; но сколько мнѣ извѣстно по руководствамъ педагоговъ звукового метода, такъ какъ при немъ дѣти считаются дикарями, которыхъ надо мѣсяца два учить правой и лѣвой сторонѣ и тому, что вверхъ, что внизъ, то книгъ имъ давать не надо, и всякое слово должно быть объяснено. Опять, если мы и въ этомъ согласны, убавляется еще одна важная часть спора.

Третье отступленіе состоитъ въ томъ, что г. Протопоповъ давалъ читать своимъ ученикамъ не исключительно руководства педагоговъ звуковой школы, которыя я считаю дурными. Для самаго важнаго отдѣла чтенія, того, которое производилось учениками дома для личнаго интереса, онъ употреблялъ именно мои книги — «Азбуку» и «Ясную Поляну». Эти двѣ книги были имъ постоянно даваемы ученикамъ на домъ. Опять повторяю, что и на это я совершенно согласенъ, но надо признать это.

Четвертая и самая главная ошибка въ устройствѣ школы было ихъ сосѣдство изъ двери въ дверь и то, что дѣти вмѣстѣ ходили въ школу и уходили изъ нея. Многіе ученики даже жили вмѣстѣ на однѣхъ квартирахъ. Невыгодное вліяніе сосѣдства и сближенія учениковъ состояло въ томъ, что ученики г. Протопопова научились отъ учениковъ г. Морозова моему способу складыванія и, по моему убѣжденію, благодаря этому знанію выучились читать у г. Протопопова. Всѣ мальчики школы г. Протопопова умѣютъ складывать на-слухъ и умѣли это дѣлать съ первыхъ же дней, научившись этому отъ учениковъ Морозова. На экзаменѣ мы видѣли, какъ они называли буквы — бе, ре и т. д. Способъ складыванія на-слухъ такъ легокъ, что въ моихъ прежнихъ школахъ меньшой братъ ученика всегда приходилъ въ школу уже съ знаніемъ складовъ, которому онъ научился на-слухъ отъ брата. Въ нынѣшнемъ году въ Яснополянской школѣ хозяйскій мальчикъ 6-ти лѣтъ, считавшійся слишкомъ молодымъ для ученія, лежалъ на полатяхъ во время ученія и послѣ нѣсколькихъ уроковъ слѣзъ и сталъ хвастаться, что онъ все знаетъ, — и дѣйствительно зналъ. Такъ и ученики

г. Протопопова, перебѣгая черезъ школу, возвращаясь вмѣстѣ домой, научились складывать, и въ классѣ г. Протопопова складывали собственно по моему способу, и, только удовлетворяя требованіямъ г. Протопопова, называли бе— бъ, въ сущности же читали по буквослагательному способу. Долженъ сказать, что г. Протопоповъ съ чрезвычайной добросовѣстностью требовалъ отъ учениковъ, чтобы они забывали бе и называли бъ, и ученики старались дѣлать то, что велитъ учитель. Я самъ видѣлъ въ классѣ г. Протопопова, какъ мальчикъ, давно прочтя слово «груша» и зная, что оно состоитъ изъ ге-ре-у-ше-а, бился и не могъ выговорить гъ, ръ, чего требовалъ учитель. Итакъ, вслѣдствіе сосѣдства школъ, по моему мнѣнію, ученики г. Протопопова выучились не благодаря звуковому методу, но скорѣе несмотря на него. Этотъ взаимный невольный обманъ, состоящій въ томъ, что ученики выучиваются, въ сущности, по буквослагательному болѣе естественному и легкому способу, а въ угоду учителю притворяются, что они учатся по звуковому, былъ замѣчаемъ мною не разъ во многихъ школахъ, въ которыхъ предписывается звуковой способъ. Всѣ опытные люди, наблюдавшіе самый ходъ дѣла обученія грамотѣ въ народныхъ школахъ, какъ-то: инспектора, члены училищныхъ совѣтовъ, подтверждаютъ, что въ большинствѣ школъ, гдѣ введенъ звуковой способъ, онъ ведется только номинально, въ сущности же дѣти обучаются по буквослагательному, называя согласныя бы, вы, гы и т. д. Только этому взаимному обману можно приписать и то, что въ обществахъ городскихъ, гдѣ грамотность распространена, звуковой способъ даетъ лучшіе результаты, чѣмъ въ деревняхъ.

Въ городахъ, гдѣ знаютъ дѣти буквы и склады, переучиваясь по звуковому, они учатся, собственно, по буквослагательному, но пріучаются откидывать ненужное при складахъ уки, ѣди или е.

Въ послѣднемъ засѣданіи комитета, на которомъ я былъ, у меня спрашивали, что̀ я разумѣю подъ словами, что мой способъ народенъ? Вотъ это самое. Я разумѣю то, что учитель съ добросовѣстнымъ усиліемъ старается выучить дѣтей русской грамотѣ по нѣмецкому способу и противъ своей воли учитъ ихъ по народному способу, и что ученики выучиваются ему безсознательно.

Таковы были ошибки въ учрежденіи школъ для испытанія. Но, несмотря на самыя противорѣчивыя сужденія, выраженныя членами экзаменаціонной комиссіи о результатахъ испытанія, мнѣ кажется, что результатъ испытанія совершенно

ясенъ, если разсматривать только тѣхъ учениковъ, которые могли учиться, т.-е. 3 старшихъ въ той и другой школѣ. Опредѣляя по знанію, я вижу, что старшіе ученики г. Протопопова умѣютъ читать и писать по-русски и больше ничего. Ученики школы Морозова умѣютъ также читать по-русски (по-моему лучше), но, кромѣ того, знаютъ нумерацію, сложеніе, вычитаніе и отчасти умноженіе и дѣленіе, и еще читаютъ по-славянски. Слѣдовательно, знаютъ гораздо больше. Опредѣляя же по времени, я вижу, что ученики г. Морозова знали то, что̀ знаютъ теперь ученики г. Протопопова (я говорю про трехъ), чрезъ двѣ недѣли послѣ начатія ученія, и справедливость этого могутъ подтвердить всѣ посѣщавшіе школу и видѣвшіе, что 3 старшіе ученика Морозова уже послѣ двухъ недѣль читали такъ же, какъ теперь читаютъ ученики г. Протопопова. Остальное время было употреблено г. Морозовымъ на славянскій языкъ, ариѳметику и на тѣ медленные шаги въ улучшеніи чтенія и письма, которые не могли быть замѣтны на экзаменѣ.

Итакъ, ученики г. Морозова знаютъ гораздо болѣе того, что̀ знаютъ ученики г. Протопопова, и менѣе чѣмъ въ половину того времени, которое было употреблено г. Протопоповымъ, знали то, что̀ знаютъ ученики г. Протопопова. Вотъ, по моему мнѣнію, ясный и очевидный результатъ испытанія, доказывающій, что способъ, по которому училъ г. Морозовъ, несмотря на тѣ ошибки, которыя я указалъ, — что способъ этотъ вдвое легче и быстрѣе, чѣмъ звуковой способъ.

Если же разсматривать и меньшихъ учениковъ, то и относительно ихъ общій результатъ испытанія будетъ тотъ, что всѣ безъ исключенія ученики г. Морозова умѣютъ читать по складамъ, писать и знаютъ цифры и нумерацію, ученики же г. Протопопова знаютъ читать и писать, и больше ничего. И то изъ меньшихъ учениковъ г. Протопопова надо исключить двоихъ, которые не знаютъ даже и читать.

Но мы слышали въ прошломъ засѣданіи и услышимъ отъ всякаго педагога звукового метода и прочтемъ во всякомъ руководствѣ педагоговъ этой школы, что обученіе грамотѣ ничего не значитъ, что главное дѣло — *развитіе*».

Я думаю, каждому изъ насъ не разъ приходилось сталкиваться съ безобразными, безсмысленными явленіями и находить за этими явленіями какое-нибудь выставляемое такое важное начало, осѣняющее эти явленія, что въ молодыхъ, и даже

зрѣлыхъ лѣтахъ, мы начинали сомнѣваться: правда ли, что эти явленія безобразны? не мы ли ошибаемся? И, не будучи въ силахъ убѣдиться ни въ томъ, что безобразныя явленія хороши, ни въ томъ, что покровительство важнаго начала незаконно, или что это начало есть только слово, мы оставались въ отношеніи этого явленія въ раздвоенномъ, нерѣшительномъ состояніи. Въ такомъ положеніи я былъ, и, думаю, находятся многіе изъ насъ, въ отношеніи осѣняющаго педагогію начала *развитія*, въ соединеніи его съ грамотой. Но народное образованіе слишкомъ близко моему сердцу, я имъ слишкомъ много занимался, чтобы долго оставаться въ нерѣшительности. Безобразныя явленія мнимаго *развитія* я не могъ назвать хорошими, и въ томъ, что развитіе ученика дурно, я тоже не могъ убѣдиться, и потому я сталъ доискиваться, что̀ такое это *развитіе*. Считаю не лишнимъ сообщить тѣ выводы, къ которымъ я былъ приведенъ изученіемъ этого дѣла. Для опредѣленія того, что̀ подразумѣвается подъ этимъ словомъ *развитіе*, возьму руководства г. Бунакова и г. Евтушевскаго, какъ сочиненія новыя, соединяющія въ себѣ всѣ выводы нѣмецкой педагогіи, назначенныя для руководства учителей въ народныхъ школахъ и избранныя сторонниками звукового способа, какъ руководства въ ихъ школѣ. Разсуждая о томъ, на чемъ долженъ быть основанъ выборъ того или другого способа обученія грамотѣ, г. Бунаковъ говоритъ: «Нѣтъ, сужденіе о методѣ обученія на такихъ близорукихъ и шаткихъ основаніяхъ (т.-е. на опытѣ) будетъ слишкомъ сомнительно. Только *теоретическая подкладка*, основанная на изученіи человѣческой природы, можетъ сдѣлать сужденія въ этой сферѣ прочными, независящими отъ разныхъ случайностей и въ значительной степени гарантированными отъ грубыхъ ошибокъ. Поэтому, для окончательнаго выбора лучшаго способа обученія грамотѣ, слѣдуетъ остановиться прежде всего на теоретической почвѣ, на основаніи предыдущихъ разсужденій, общія условія которой даютъ тому или другому способу дѣйствительное право называться удовлетворительнымъ съ педагогической точки зрѣнія. Вотъ эти условія: 1) Онъ долженъ быть способомъ, развивающимъ умственныя силы ребенка, чтобы умѣнье грамотѣ достигалось вмѣстѣ съ развитіемъ и укрѣпленіемъ мышленія. 2) Онъ долженъ вносить въ обученіе личный интересъ ребенка, подвигая дѣло этимъ интересомъ, а не притупляющимъ насиліемъ. 3) Онъ долженъ представлять собою процессъ самообученія, возбуждая, поддерживая и направляя самодѣятельность ребенка. 4) Онъ долженъ основываться на впечатлѣніяхъ слуха, какъ того чувства, которое служитъ для воспріятія языка.

5) Онъ долженъ соединять анализъ съ синтезомъ, начиная разложеніемъ сложнаго цѣлаго на простыя части и переходя къ сложенію простыхъ началъ въ сложное цѣлое» [1]). Итакъ, вотъ на чемъ должна быть основана метода обученія. Замѣчу, не для противорѣчія, но для простоты и ясности, что два послѣднія положенія совершенно излишни. Ибо безъ соединенія анализа съ синтезомъ не можетъ быть не только никакого ученія, но никакой дѣятельности мысли. И всякое ученіе, кромѣ ученія глухонѣмыхъ, основывается на слухѣ. Эти два условія поставлены только для красоты и путаницы слога, обыкновенной въ педагогическихъ разсужденіяхъ, и потому не имѣютъ значенія; но три первыя съ перваго взгляда представляются совершенно справедливыми, какъ программа. И всякій, конечно, пожелаетъ узнать, чѣмъ обезпечивается то, что способъ этотъ будетъ *развивать*, что онъ будетъ *вносить личный интересъ ученика* и *будетъ представлять процессъ самообученія*. Но на вопросы, почему способъ этотъ соединяетъ всѣ эти качества, не только въ книгахъ гг. Бунакова и Евтушевскаго, но и во всѣхъ педагогическихъ сочиненіяхъ основателей этой школы педагогіи вы не найдете никакого отвѣта, кромѣ туманныхъ разсужденій, въ томъ родѣ, что всякое ученіе должно основываться на соединеніи анализа съ синтезомъ, и непремѣнно на слухѣ и т. п.; или же найдете, какъ у г. Евтушевскаго, разсужденія о томъ, какъ въ человѣкѣ образуются впечатлѣнія, ощущенія, представленія и понятія, найдете правило, *что нужно исходить отъ предмета и доводить ученика до мысли, а не исходить отъ мысли, не имѣющей въ сознаніи его точки прикрѣпленія* и т. п. За такими разсужденіями слѣдуетъ всегда тотъ выводъ, что поэтому предлагаемый г. педагогомъ пріемъ даетъ то исключительно настоящее развитіе, которое и требовалось. Г. Бунаковъ, послѣ выписаннаго опредѣленія, чѣмъ долженъ быть хорошій способъ, излагаетъ, какъ надо учить дѣтей, и, изложивъ всѣ эти пріемы, по моему убѣжденію и опыту, ведущіе къ совершенно противоположнымъ развитію цѣлямъ, прямо и рѣшительно говоритъ: «Съ точки зрѣнія выставленныхъ выше основныхъ положеній для оцѣнки удовлетворительности способовъ обученія грамотѣ, способъ, только что изложенный нами въ общихъ чертахъ, представляетъ слѣдующія выпуклыя качества и особенности: 1) Какъ способъ звуковой, онъ сохраняетъ всецѣло характеристическія особенности

[1]) «Семья и Школа», 1872. Т. II. Родной языкъ, какъ предметъ обученія и проч. Н. Бунакова, стр. 35.

всякаго звукового способа: исходитъ изъ впечатлѣній слуха, съ перваго раза устанавливая правильное отношеніе къ языку, и потомъ уже присоединяетъ къ нимъ впечатлѣніе зрѣнія, такимъ образомъ явно различая звукъ, матеріалъ и букву, его изображеніе. 2) Какъ способъ, соединяющій чтеніе съ письмомъ, онъ начинаетъ съ разложенія и переходитъ къ сложенію, соединяя анализъ съ синтезомъ. 3) Какъ способъ, переходящій къ изученію словъ и звуковъ отъ изученія предметовъ, онъ идетъ естественнымъ путемъ, способствуетъ правильному образованію представленій и понятій и дѣйствуетъ развивающимъ образомъ на всѣ стороны дѣтской природы: побуждаетъ дѣтей къ наблюдательности, къ группировкѣ наблюденій, къ словесной передачѣ ихъ, развиваетъ *внѣшнія чувства*, *умъ*, *воображеніе*, *память*, *даръ слова*, *сосредоточенность*, *самодѣятельность*, *привычку работать въ обществѣ*, *уваженіе къ порядку*. 4) Какъ способъ, дающій посильную работу всѣмъ душевнымъ силамъ ребенка, онъ вноситъ въ обученіе личный интересъ, возбуждая въ дѣтяхъ охоту и любовь къ ученію и обращая его въ процессъ самообученія» [1]). Точно то же самое дѣлаетъ и г. Евтушевскій; но почему все это такъ, остается непонятнымъ для того, кто ищетъ дѣйствительныхъ резоновъ и не запугивается словами: психологія, дидактика, методика, эвристика и т. п. Совѣтую всѣмъ тѣмъ, которые не имѣютъ склонности къ философіи и потому не имѣютъ охоты провѣрить сами всѣ эти выводы педагоговъ, совѣтую не смущаться этими словами и вѣрить, что все, чтò неясно, не можетъ быть основаніемъ чего-нибудь, тѣмъ болѣе такого важнаго и простого дѣла, какъ народное образованіе. Всѣ педагоги этой школы, въ особенности нѣмцы, основатели ея, исходятъ изъ той ложной мысли, что тѣ самые философскіе вопросы, которые оставались вопросами для всѣхъ философовъ отъ Платона до Канта, разрѣшены ими окончательно. Разрѣшены такъ окончательно, что процессъ пріобрѣтенія человѣкомъ впечатлѣній, ощущеній, представленій, понятій, умозаключеній разобранъ ими до мельчайшихъ подробностей, что составныя части того, чтò мы называемъ душой или сущностью человѣка, анализированы ими, подраздѣлены на части и такъ основательно, чтò уже на этомъ твердомъ знаніи безошибочно можетъ строиться наука педагогіи. Фантазія эта такъ странна, что не считаю нужнымъ опровергать ее, тѣмъ болѣе, что я уже это дѣлалъ въ своихъ прежнихъ педагогическихъ статьяхъ. Скажу только, что тѣ философскія разсу-

[1]) Тамъ же, стр. 41.

жденія, которыя педагоги этой школы кладутъ въ основу своей теоріи, не только не абсолютно вѣрны, не только не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительной философіей, но даже и не имѣютъ никакого яснаго, опредѣленнаго выраженія, съ которымъ большинство педагоговъ было бы единомысленно.

Но, можетъ быть, самая теорія педагоговъ новой школы, хотя и неудачно ссылается на философію, имѣетъ сама въ себѣ достоинства? И потому разсмотримъ, въ чемъ она состоитъ. Г. Бунаковъ говоритъ: «Надо сообщить этимъ маленькимъ *дикарямъ* (т.-е. ученикамъ) главные порядки школьнаго обученія и провести въ ихъ сознаніе такія начальныя понятія, съ которыми придется сталкиваться на первыхъ же порахъ, на первыхъ урокахъ рисованія, чтенія, письма и всякаго элементарнаго обученія, какъ-то: правая и лѣвая сторона, вправо — влѣво, вверхъ — внизъ, рядомъ — подлѣ — около, впередъ— назадъ, вблизи—вдали, предъ — за, надъ — подъ, скоро — медленно, тихо — громко, и т. д. Какъ ни просты эти понятія, но мнѣ изъ практики извѣстно, что даже городскія дѣти, изъ зажиточныхъ семействъ, нерѣдко приходятъ въ элементарную школу, не различая правой и лѣвой стороны. Полагаю, что нѣтъ надобности распространяться, какъ необходимо выясненіе такихъ понятій для сельскихъ дѣтей, и всякій, имѣвшій дѣло съ сельской школой, знаетъ это не хуже меня» [1]).

И г. Евтушевскій говоритъ: «Не вдаваясь въ широкую область спорнаго вопроса о врожденныхъ способностяхъ человѣка, мы видимъ только, что ребенокъ не можетъ имѣть врожденныхъ представленій и понятій о предметахъ реальныхъ — ихъ нужно образовать и отъ искусства образованія ихъ, со стороны воспитателя и учителя, зависитъ какъ ихъ правильность, такъ и прочность. Въ уходѣ за развитіемъ души ребенка нужно быть гораздо осторожнѣе, нежели въ уходѣ за его тѣломъ. Если пища для тѣла и различныя тѣлесныя упражненія подбираются какъ по количеству, такъ и по качеству, сообразно съ возрастаніемъ человѣка, тѣмъ болѣе нужно быть осторожнымъ въ выборѣ пищи и упражненій для ума. Разъ положенное дурно основаніе будетъ шатко поддерживать все на немъ укрѣпляющееся» [2]).

Г. Бунаковъ совѣтуетъ сообщать понятія такъ: «Учитель можетъ начать разговоръ по своему личному усмотрѣнію: иной спроситъ каждаго ученика объ имени, другой о томъ, что дѣлается на дворѣ, третій о томъ, кто откуда пришелъ, гдѣ жи-

---

1) Бунаковъ, стр. 18.
2) Евтушевскій, «Методика ариѳметики», стр. 8.

18*

ветъ, что дѣлаетъ дома — потомъ уже переходитъ къ главному предмету: гдѣ же ты теперь сидишь? Зачѣмъ ты сюда пришелъ? Что мы будемъ дѣлать въ этой комнатѣ? Да, мы будемъ въ этой комнатѣ учиться, — назовемъ же ее учебной комнатой. Посмотрите всѣ, что̀ у васъ подъ ногами внизу. Посмотрите, но не говорите. Скажетъ тотъ, кому я велю. Скажи, что̀ ты видишь внизу, подъ ногами? Повторите все, что̀ мы узнали и сказали объ этой комнатѣ: въ какой комнатѣ мы сидимъ? Какія части комнаты? Что̀ есть на стѣнахъ? Что̀ стоитъ на полу?»

«Учитель съ перваго раза устанавливаетъ необходимый для успѣшности дѣла порядокъ: чтобы каждый отвѣчалъ лишь тогда, когда его спрашиваютъ, чтобы всѣ прочіе слушали и могли повторить какъ слова учителя, такъ и слова товарищей, — чтобы желаніе отвѣчать, когда учитель обращается съ вопросомъ ко всѣмъ, заявляли поднятіемъ лѣвой руки, чтобы выговаривали слова не скороговоркой и не растягивая, громко, отчетливо и правильно; при чемъ учитель даетъ имъ живой примѣръ своимъ громкимъ, правильнымъ, отчетливымъ говоромъ, на дѣлѣ показывая различіе между тихо и громко, отчетливо и правильно, медленно и скоро. Учитель наблюдаетъ, чтобы въ работѣ принимали участіе всѣ дѣти, заставляя отвѣчать и повторять чужіе отвѣты то одного, то другого, то весь классъ хоромъ, а преимущественно поднимая вялыхъ, разсѣянныхъ, шаловливыхъ: первыхъ своими учащенными вопросами онъ долженъ оживлять, вторыхъ — заставлять сосредоточиваться на предметѣ общей работы, третьихъ — сдерживать. На первое время требуется, чтобы дѣти отвѣчали полными отвѣтами, т.-е. повторяющими вопросъ: мы сидимъ въ классной комнатѣ (а не кратко: въ комнатѣ); вверху, надъ головой я вижу потолокъ; на лѣвой стѣнѣ я вижу три окна и т. под.» [1]).

Г. Евтушевскій совѣтуетъ такъ начинать тѣ уроки для изученія чиселъ отъ 1 до 10, которыхъ должно быть 120 и которые должны продолжаться цѣлый годъ.

«*Одинъ*. Показывая ученикамъ кубикъ, учитель спрашиваетъ: сколько у меня кубиковъ? а взявши въ другую руку нѣсколько кубиковъ, спрашиваетъ: а здѣсь сколько? — Много, нѣсколько».

«Назовите здѣсь въ классѣ такой предметъ одинъ, которыхъ есть нѣсколько. Скамья, окно, стѣна, тетрадь, карандашъ, грифель, ученикъ и проч. Назовите такой предметъ, который въ классѣ только одинъ. Классная доска, печь, дверь, потолокъ, полъ, образъ, учитель и проч. Если этотъ кубикъ я спрячу

---

1) Бунаковъ, стр. 18 и 19.

въ карманъ, то сколько кубиковъ будетъ у меня въ рукѣ? Ни одного. А сколько я долженъ снова положить кубиковъ въ руку, чтобы ихъ было тамъ столько же, какъ и прежде? Одинъ. Какъ понимать, когда говорятъ: «Однажды Петя упалъ»? Сколько разъ Петя упалъ? Падалъ ли онъ еще когда-нибудь? Отчего же сказано однажды? Потому, что говорится только объ одномъ этомъ случаѣ, а о другомъ не говорится. Возьмите ваши доски (или тетради). Проведите одну черту такой величины (учитель чертитъ на классной доскѣ линію въ вершокъ или въ два вершка, или показываетъ на линейкѣ такую длину). Сотрите ее. Сколько черточекъ осталось? Ни одной. Начертите нѣсколько такихъ черточекъ. Придумывать какія-либо еще другія упражненія для знакомства дѣтей съ числомъ одинъ было бы неестественно. Достаточно возбудить въ нихъ то представленіе о единицѣ, которое они, безъ сомнѣнія, имѣли и до начала обученія въ школѣ» [1]).

Далѣе у г. Бунакова идутъ упражненія о доскѣ и т. д., и у г. Евтушевскаго о числѣ 4 съ разложеніемъ. Прежде, чѣмъ разсматривать самую теорію передачи понятій, невольно представляется вопросъ: не ошибается ли вся эта теорія въ самой своей задачѣ? Справедливо ли опредѣлено то состояніе педагогическаго матеріала, съ которымъ предстоитъ имѣть дѣло? Первое, что бросается въ глаза при этомъ, это — то странное отношеніе къ какимъ-то воображаемымъ дѣтямъ, къ такимъ, которыхъ я, по крайней мѣрѣ, не видалъ въ Россійской имперіи. Бесѣды эти и тѣ свѣдѣнія, которыя онѣ сообщаютъ, относятся до дѣтей ниже двухъ лѣтъ, — ибо двухлѣтнія дѣти знаютъ уже все то, что въ нихъ сообщается; по требованіямъ же отвѣтовъ относятся до попугаевъ. Всякій ученикъ 6-ти, 7-ми, 8-ми, 9-ти лѣтъ ничего не пойметъ изъ этихъ вопросовъ именно потому, что онъ все это знаетъ и не можетъ понять, о чемъ говорятъ. Такія требованія бесѣдъ показываютъ или совершенное незнаніе, или нежеланіе знать той степени развитія, на которой находятся ученики. Можетъ быть, дѣти гогентотовъ, негровъ, можетъ быть, иныя нѣмецкія дѣти могутъ не знать того, что имъ сообщаютъ въ такихъ бесѣдахъ, но русскія дѣти, кромѣ блаженныхъ, всѣ, приходя въ школу, знаютъ не только что̀ внизъ, что̀ вверхъ, что̀ лавка, что̀ столъ, что̀ два, что̀ одинъ и т. п., но, по моему опыту, крестьянскія дѣти, посылаемыя родителями въ школу, всѣ умѣютъ хорошо и правильно выражать мысли, умѣютъ понимать чужую мысль (если она выражена

[1]) Евтушевскій, стр. 11.

по-русски, и знаютъ считать до 20-ти и болѣе; играя въ бабки, считаютъ парами, шестерами и знаютъ, сколько бабокъ и сколько паръ въ шестерѣ. Очень часто приходившіе ко мнѣ въ школу ученики приносили съ собой задачу гусей и разъясняли ее. Но даже если и допустить, что дѣти не имѣютъ такихъ понятій, которыя хотятъ имъ посредствомъ бесѣдъ сообщить педагоги, я не нахожу, чтобы избираемыя ими средства были правильны.

Г. Бунаковъ, напримѣръ, написалъ книгу для чтенія. Книга эта вмѣстѣ съ бесѣдами должна содѣйствовать обученію дѣтей языку. Пересматривая эту книгу, я нашелъ, что вся она тамъ, гдѣ не выписки изъ другихъ книгъ, есть рядъ сплошныхъ ошибокъ противъ языка. Тутъ есть слова: *«косари»* вмѣсто косцовъ, тогда какъ косарь есть или орудіе, или продавецъ косъ; *лиска*, не унизительное Елизавета, а уменьшительное лиса. Тутъ есть неизвѣстныя слова *пекари*, *истопка*. Тутъ есть выраженія, *что рѣчка катится по полю*, *что люди веселятся всячески*, *какъ умѣютъ*, *что пекарь и сапожникъ* и т. д. суть *люди труда*, что *глотка часть рта* и т. под.

Относительно языка, тоже совершенное незнаніе его я нахожу и у г. Евтушевскаго въ его задачахъ. «Продавецъ за яблоко *спрашиваетъ* (вмѣсто проситъ за яблоко) три копейки, а дѣвочка *имѣетъ»* и т. д. Или «у крестьянина 3 лошади; онъ запрегъ ихъ *въ возы*, въ каждый возъ по одной, и поѣхалъ въ поле за сѣномъ. На сколькихъ возахъ привезъ онъ сѣно съ поля?» Во-первыхъ, въ живой рѣчи употребляется форма *воза*, а не *возы*, а во-вторыхъ, мальчикъ будетъ непремѣнно искать загадку въ томъ, какъ это крестьянинъ ухитрился на *возахъ* привезти сѣно. А между тѣмъ г. Евтушевскій посредствомъ задачъ хочетъ образовать понятія. Прежде всего надо бы позаботиться о томъ, чтобы орудіе передачи понятій, т.-е. языкъ былъ бы правиленъ.

Сказанное касается формы, въ которой передается развитіе. Посмотримъ на самое содержаніе. Г. Бунаковъ предписываетъ дѣлать вопросы: «гдѣ можно видѣть кошекъ? гдѣ сороку? гдѣ песокъ? гдѣ осу и суслика? чѣмъ покрыты сусликъ и сорока, и кошка, и какія части ихъ тѣла?» (Сусликъ — любимое животное новой педагогики, вѣроятно, потому, что этого слова не знаетъ ни одинъ крестьянскій мальчикъ въ срединѣ Россіи.)

«Само собою разумѣется, что дѣтямъ учитель не всегда ставитъ прямо эти вопросы, составляющіе задуманную имъ программу урока; чаще къ рѣшенію вопроса программы приходится привести маленькихъ и малоразвитыхъ учениковъ

рядомъ наводящихъ вопросовъ, обращая ихъ вниманіе на ту сторону предмета, которая вѣрнѣе въ данную минуту, или побуждая ихъ припомнить что-либо изъ прежнихъ наблюденій. Такъ, учитель можетъ не прямо предложить вопросъ: гдѣ можно видѣть осу? а, обращаясь къ тому или другому ученику, спрашивать: видалъ ли онъ осу? гдѣ ее видалъ? и потомъ уже, сводя показанія нѣсколькихъ, составить отвѣтъ на первый вопросъ своей программы. Отвѣчая на вопросы учителя, дѣти нерѣдко будутъ присоединять разныя замѣчанія, не идущія прямо къ дѣлу: рѣчь идетъ, напримѣръ, о томъ, какія части сороки, — иной прибавитъ совсѣмъ не кстати, что сорока скачетъ, другой что она смѣшно стрекочетъ, третій — что она вещи крадетъ,— пусть прибавляютъ и высказываютъ все, что пробудилось въ ихъ памяти и воображеніи, — дѣло учителя сосредоточить ихъ вниманіе согласно съ программой, а эти замѣтки и прибавленія дѣтей онъ принимаетъ къ свѣдѣнію для разработки прочихъ частей программы. Разсматривая новый предметъ, дѣти возвращаются при каждомъ удобномъ случаѣ къ предметамъ уже разсмотрѣннымъ. Такъ, когда они замѣтили, что сорока покрыта перьями, учитель спрашиваетъ: а сусликъ тоже покрытъ перьями? Чѣмъ онъ покрытъ? а курица чѣмъ покрыта? а лошадь? а ящерица? Когда они замѣтили, что у сороки двѣ ноги, учитель спрашиваетъ: а у собаки сколько ногъ? а у лисицы? а у курицы? а у осы? Какихъ еще животныхъ знаете съ двумя ногами? съ четырьмя? съ шестью?» [1]).

Невольно представляется вопросъ: знаютъ или не знаютъ дѣти все то, что имъ такъ хорошо разсказывается въ этой бесѣдѣ? Если ученики все это знаютъ, то, къ слову, на улицѣ или дома, тамъ, гдѣ не нужно поднимать лѣвой руки, вѣрно умѣютъ все сказать болѣе красивымъ и русскимъ языкомъ, чѣмъ имъ велятъ это тутъ сдѣлать; никакъ не скажутъ, что лошадь *покрыта* шерстью; если такъ, то для чего имъ приказано повторять эти отвѣты такъ, какъ ихъ сдѣлалъ учитель? Если же они не знаютъ этого (чего, кромѣ любимаго суслика, нельзя допустить), то является вопросъ: чѣмъ будетъ учитель руководствоваться въ такъ важно называемой программѣ вопросовъ: наукой ли зоологіи или логикой? или наукой краснорѣчія? Ежели же никакою изъ наукъ, а только желаніемъ разговаривать о видимомъ въ предметахъ, то видимаго въ предметахъ такъ много и такъ оно разнообразно, что необходима путеводная нить,

---

[1]) Бунаковъ, стр. 22.

о чемъ говорить, а при наглядномъ обученіи нѣтъ и не можетъ быть этой нити.

Всѣ знанія человѣческія только затѣмъ и подраздѣлены, чтобъ можно было ихъ удобнѣе собирать, приводить въ связь и передавать, и эти подраздѣленія называются науками. Говорить же о предметахъ внѣ научныхъ разграниченій можно, что хотите и всякій вздоръ, какъ мы это и видимъ. Во всякомъ случаѣ, результатъ бесѣды будетъ тотъ, что дѣтямъ или велятъ выучить слова учителя о сусликѣ, или свои слова передѣлать, помѣстить въ извѣстномъ порядкѣ (и порядкѣ навсегда правильномъ), запомнить и повторить. Отъ этого въ руководствахъ этого рода вообще всѣ упражненія *развитія*, съ одной стороны, страдаютъ совершенной произвольностью, съ другой стороны — излишествомъ. Напримѣръ, кажется, единственная исторійка въ урокахъ г. Бунакова, не выписанная изъ другихъ книгъ, слѣдующая:

«Мужикъ жаловался охотнику на свое горе: лисица утащила у него двухъ куръ и одну утку; она ничуть не боится дворняжки Щеголя, который сидитъ на цѣпи и всю ночь лаетъ-заливается; ставилъ онъ западню съ кускомъ жаренаго мяса,— утромъ, по свѣжимъ слѣдамъ на снѣгу, видно, что рыжая плутовка разгуливала около дома, а въ западню не попадается. Охотникъ выслушалъ разсказъ мужика и сказалъ: ладно! Теперь мы посмотримъ, кто кого перехитритъ! Весь день охотникъ проходилъ съ ружьемъ и собакою, все по слѣдамъ лисы, чтобы вызнать, откуда она пробирается ко двору. Днемъ плутовка спитъ себѣ въ норѣ, ничего не знаетъ, — тутъ-то и надо пристроиться: на пути ея охотникъ выкопалъ яму, покрылъ ее сверху досками, землей и снѣгомъ; въ нѣсколькихъ шагахъ выложилъ кусокъ мяса палой лошади. Вечеромъ онъ съ заряженнымъ ружьемъ засѣлъ въ свою засаду, приладился такъ, чтобы все видѣть и стрѣлять было удобно, — засѣлъ и ждетъ. Стемнѣло. Мѣсяцъ выплылъ. Осторожно, оглядываясь и прислушиваясь, вылѣзаетъ лисичка изъ норы, подняла носъ и нюхаетъ. Она тотчасъ же почуяла запахъ лошадинаго мяса, бѣжитъ мелкой рысцой къ тому мѣсту и вдругъ стала, насторожившии уши: видитъ хитрая, что появилась какая-то насыпь, которой не было еще вчера. Эта насыпь, видимо, смущаетъ ее и заставляетъ призадуматься; она дѣлаетъ большой обходъ, нюхаетъ, прислушивается, садится и долго смотритъ на мясо издали, такъ что стрѣлять по ней нашему охотнику никакъ нельзя, — далеко. Думала, думала лисица — и вдругъ во всю прыть перебѣжала между мясомъ и насыпью. Нашъ охотникъ остерегся,

не выстрѣлилъ. Онъ сообразилъ, что плутовка пытаетъ, не сидитъ ли кто за этой насыпью: выстрѣли онъ по бѣгущей лисицѣ, вѣроятно, промахнулся бы, и не видать бы ему плутовки, какъ своихъ ушей. Теперь же лисица успокоилась, насыпь не страшитъ ее больше: бодро шагомъ подходитъ она къ мясу и ѣстъ его съ полнымъ удовольствіемъ. А охотникъ осторожно прицѣливается, не торопясь, чтобы промаха не было. Бацъ!.. Лисица подпрыгнула отъ боли и упала мертвая» [1]).

Тутъ все произвольно: произвольно то, что лисица у мужика зимой могла утащить утку, что мужики ставятъ западни на лисицъ, что лисица спитъ днемъ въ норѣ, тогда какъ лисица спитъ только по ночамъ; произвольна для чего-то выкопанная зимою яма, покрытая досками, изъ которой не дѣлается никакого употребленія; произвольно, что лисица ѣстъ лошадиное мясо, чего она никогда не дѣлаетъ; произвольна мнимая хитрость лисы, пробѣгающей мимо охотника; произвольна насыпь и охотникъ, не стрѣляющій, чтобъ не промахнуться, т.-е. все отъ начала до конца вздоръ, въ которомъ каждый крестьянскій мальчикъ могъ бы уличить составителя исторійки, если бы ему позволялось говорить безъ поднятія руки...

Потомъ цѣлый рядъ мнимыхъ упражненій въ урокахъ П. Бунакова составленъ изъ того, что спрашивается: кто печетъ? кто рубитъ? кто стрѣляетъ? и ученикъ долженъ говорить: пекарь, дровосѣкъ и стрѣлокъ, — тогда какъ онъ можетъ отвѣчать также справедливо, что печетъ баба, рубитъ топоръ, а стрѣляетъ учитель, если у него есть ружье. (Уроки Бунакова, книжка III, стр. 10.) Произвольно также, что *глотка есть часть рта* и т. п.

Остальныя всѣ упражненія, какъ, напримѣръ, что утки летаютъ, а собаки? или: липа и береза деревья, а лошадь? — совершенно излишнія. Кромѣ того, нужно замѣтить, что если этого рода бесѣды съ учениками дѣйствительно ведутся, какъ бесѣды (чего никогда не бываетъ), т.-е. если ученикамъ позволяютъ говорить и спрашивать, то учитель, избирая предметы простые (они самые трудные), на каждомъ шагу становится втупикъ: отчасти отъ незнанія, отчасти отъ того, что ein Narr kann mehr fragen, als zehn Weise antworten.

Въ преподаваніи ариѳметики, основанномъ на томъ же педагогическомъ началѣ, происходитъ совершенно то же самое. Точно такъ же, или сообщается ученикамъ то, что они знаютъ, или совершенно произвольно сообщаются имъ ни на чемъ не основанныя комбинаціи извѣстнаго рода. Выписанный

[1]) Бунаковъ. Уроки чтенія, 3-я кн.

урокъ и всѣ уроки до 10-го суть только сообщеніе того, что̀ всѣ и всякія дѣти знаютъ. Если они часто не отвѣтятъ на такого рода вопросы, это происходитъ только отъ того, что вопросъ иногда самъ по себѣ (какъ *возы*) дурно выраженъ или дурно выраженъ относительно дѣтей. Затрудненіе, которое находятъ дѣти въ отвѣтѣ на такого рода вопросы, происходитъ отъ того самаго, отчего рѣдкій ребенокъ сразу отвѣтитъ на вопросъ: у Ноя было 3 сына: Симъ, Хамъ и Іафетъ; кто ихъ былъ отецъ? Затрудненіе не математическое, а синтаксическое, зависящее отъ того, что въ изложеніи задачи и въ вопросѣ не одно и то же подлежащее; когда же къ синтаксическому затрудненію примѣшивается еще неумѣніе составителя задачъ выражаться порусски, то ученику становится очень трудно; но трудность уже вовсе не математическая. Пусть кто-нибудь сразу пойметъ слѣдующую задачу г. Евтушевскаго: «У одного мальчика было 4 орѣха, у другого 5. *Второй* отдалъ *первому* всѣ свои орѣхи, а *этотъ* отдалъ *третьему* 3 орѣха, а остальные роздалъ поровну тремъ *другимъ* товарищамъ. Сколько орѣховъ получилъ каждый изъ *послѣднихъ?*» Скажите эту задачу такъ: у мальчика было 4 орѣха. Ему дали еще 5. Онъ отдалъ 3 орѣха, а остальные хочетъ раздать тремъ товарищамъ. По скольку онъ можетъ дать каждому? — пятилѣтній мальчикъ рѣшитъ ее. Потому что задачи нѣтъ никакой, а затрудненіе можетъ встрѣтиться только или въ дурной постановкѣ вопроса, или въ недостаткѣ памяти. И это-то синтаксическое затрудненіе, преодолѣваемое дѣтьми посредствомъ долгихъ и трудныхъ упражненій, служитъ поводомъ учителю думать, что, уча дѣтей тому, что̀ они знаютъ, онъ ихъ учитъ чему-нибудь. Совершенно также произвольно въ ариѳметикѣ сообщаются дѣтямъ комбинаціи и разложеніе чиселъ по извѣстному пріему и порядку, имѣющему свое основаніе только въ фантазіи учителя. Г. Евтушевскій пишетъ:

«*Четыре*. 1) Образованіе числа. На верхней планкѣ доски учитель ставитъ три кубика вмѣстѣ III. Сколько здѣсь кубиковъ? Потомъ приставляетъ четвертый кубикъ. А теперь сколько? IIII. Какъ же составляются четыре кубика изъ трехъ и одного? Нужно къ тремъ кубикамъ прибавить, приставить одинъ кубикъ.

«2) Разложеніе на слагаемыя. Какъ можно составить четыре кубика? или: какъ четыре кубика можно разложить? Четыре кубика можно разложить на два и два: II. II. Четыре кубика можно составить изъ одного, одного, одного и еще одного, или взять четыре раза по одному кубику: I. I. I. I.

Четыре кубика можно разложить на три и одинъ: III. I. Можно составить изъ одного, одного и двухъ: I. I. и II. Можно ли еще какъ-нибудь иначе разложить четыре кубика? — ученики убѣждаются, что никакого другого, отличнаго отъ этихъ, разложенія быть не можетъ. Если ученики станутъ еще разлагать четыре кубика такимъ образомъ: одинъ, два и одинъ, или: два, одинъ и одинъ, или: одинъ и три, то учителю легко показать имъ, что эти разложенія составляютъ повтореніе уже имѣющихся разложеній, только въ другомъ порядкѣ.

«Всякій разъ по указаніи новаго пріема разложенія, предложеннаго учениками, учитель на одной изъ планокъ доски выставляетъ кубики въ томъ видѣ, какъ они изображены здѣсь. Такимъ образомъ въ нашемъ случаѣ на верхней планкѣ будутъ стоять четыре кубика вмѣстѣ, на второй два и два, на третьей четыре кубика раздѣльно, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, на четвертой три и одинъ и на пятой одинъ, одинъ и два.

«3) Разложеніе въ порядкѣ. Весьма можетъ случиться, что дѣти сразу укажутъ разложеніе числа на слагаемыя въ порядкѣ, но и тогда третье упражненіе нельзя считать лишнимъ. Для установленія порядка въ разложеніи предлагаются классу такіе вопросы: вотъ вы составили четыре кубика изъ двоекъ, изъ отдѣльныхъ кубиковъ и изъ троекъ, въ какомъ порядкѣ лучше поставить намъ кубики на доскѣ? Съ чего начать разложеніе четырехъ кубиковъ? Съ разложенія на отдѣльные кубики. Какъ составить четыре кубика изъ отдѣльныхъ кубиковъ? Надо взять четыре раза по одному. Какъ составить четыре кубика изъ двоекъ, изъ паръ? Нужно взять двѣ двойки: два раза по два кубика; двѣ пары кубиковъ. Какъ потомъ разлагать четыре кубика? Можно составить изъ троекъ; для этого взять три и одинъ, или одинъ и три. Выясняется ученикамъ, что послѣднее разложеніе, т.-е. 1—1—2, не подходитъ подъ принятый порядокъ и есть видоизмѣненіе одного изъ первыхъ трехъ» [1].

Почему этого послѣдняго разложенія не допускаетъ г. Евтушевскій? Почему долженъ быть тотъ порядокъ, который указанъ г. Евтушевскимъ — все это дѣло одного произвола и фантазіи. Въ сущности, для всякаго мыслящаго человѣка понятно, что есть только одно основаніе всякаго сложенія и разложенія и всей математики. Вотъ основаніе: 1+1=2, 2+1=3, 3+1=4, и т. д.,— то самое, чему выучиваются дѣти всегда дома и что въ просторѣчіи называется: умѣть считать до 10, до 20 и т. д.

---

[1] «Методика ариѳметики В. Евтушевскаго». Изд. 1873 г., стр. 128.

Этотъ процессъ извѣстенъ всякому ученику, и, какое бы разложеніе ни дѣлалъ г. Евтушевскій, всякое объясняется однимъ этимъ. Мальчикъ, умѣющій считать до 4-хъ, уже разсматриваетъ 4 какъ одно цѣлое, и также 3, и также 2, и также 1. Слѣдовательно, ему извѣстно, что 4 произошло изъ послѣдовательнаго приложенія по одной. Также извѣстно, что 4 произошло изъ приложенія два раза по 1 къ 2, такъ какъ ему извѣстно, что два раза одинъ есть два. Чему же тутъ учатся дѣти? Или тому, что̀ они знаютъ, или тому процессу счета, который по фантазіи учителя долженъ быть ими заученъ. На-дняхъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ урока математики по методу Грубе. У ученика было спрошено: «сколько будетъ 8 и 7?» — онъ заторопился и сказалъ 16. Сосѣдъ его также поторопился и, не поднявъ лѣвой руки, сказалъ: 8 и 8 будетъ 16, а безъ одного 15. Учитель строго остановилъ сказавшаго это и заставилъ перваго спрошеннаго прикладывать сначала къ 8 по одному, пока онъ не дойдетъ до 15, хотя мальчикъ этотъ давно уже зналъ, что онъ ошибся. Въ школѣ этой проходилось число 15, а 16 *должно было быть неизвѣстно*...

Я боюсь, что многіе, читая всѣ эти мои длинныя опроверженія пріемовъ нагляднаго обученія и счета по Грубе, скажутъ: да про что же тутъ говорить? Развѣ не очевидно, что все это безсмыслица, которую не стоитъ критиковать? Къ чему подбирать ошибки и промахи какихъ-то Бунакова и Евтушевскаго и критиковать то, что ниже всякой критики? Я самъ такъ думалъ, пока не былъ наведенъ на наблюденіе того, что дѣлается въ педагогическомъ мірѣ, и не убѣдился, что гг. Бунаковъ и Евтушевскій не *какіе-нибудь*, а авторитеты въ нашей педагогіи и что то, что они предписываютъ, уже исполняется въ нашихъ школахъ. По захолустьямъ уже можно найти учителей, въ особенности учительницъ, которые, разложивъ предъ собою руководства Евтушевскаго и Бунакова, прямо по нимъ спрашиваютъ, сколько будетъ одно перо и одно перо, и чѣмъ покрыта курица. Да, все это было бы смѣшно, если бы это былъ только вымыселъ теоретика, а не указаніе для практическаго дѣла, и указаніе, которому уже слѣдуютъ нѣкоторые, и если бы это дѣло не касалось одного изъ самыхъ важныхъ людскихъ дѣлъ въ жизни — воспитанія дѣтей. Мнѣ было смѣшно, когда я читалъ это, какъ теоретическія фантазіи; но когда я узналъ и увидалъ, что это дѣлаютъ надъ дѣтьми, мнѣ стало и жалко и стыдно. Въ теоретическомъ отношеніи, не говоря о томъ, что они ошибочно опредѣляютъ цѣль ученія, педагоги этой школы дѣлаютъ ту существенную ошибку, что они отступаютъ отъ условій всякаго

преподаванія, будетъ ли преподаваніе на высшей или на низшей ступени науки, въ университетѣ или въ народной школѣ. Существенныя условія всякаго преподаванія состоятъ въ томъ, что изъ безчисленнаго количества разнородныхъ явленій избираются однородныя явленія, и законы этихъ явленій сообщаются учащимся. Такъ, при обученіи языку (грамотѣ) сообщаются ученикамъ законы слова, въ математикѣ, законы чиселъ. Обученіе языку состоитъ въ сообщеніи законовъ разложенія и обратнаго сложенія реченій, словъ, слоговъ, звуковъ — и законы эти составляютъ предметъ обученія. Обученіе математикѣ состоитъ въ сообщеніи законовъ сложенія и разложенія чиселъ (но прошу замѣтить, не въ процессѣ сложенія и разложенія чиселъ, а въ сообщеніи *законовъ* этого сложенія и разложенія). Такъ, первый законъ состоитъ въ томъ, что можно разсматривать собраніе единицъ, какъ единицу другого разряда,—то самое, что дѣлаетъ всякій ребенокъ, говоря: 2 и 1=3. Онъ разсматриваетъ 2, какъ нѣкоторую единицу. На этомъ законѣ основываются слѣдующіе законы нумераціи, потомъ сложенія и всей математики. Но произвольные разговоры объ *осъ*, *лискъ* и т. под., или задачи, въ предѣлахъ 10, разложенія на всѣ манеры — не могутъ составлять предмета обученія, такъ какъ они, во-первыхъ, выступаютъ изъ предѣловъ предмета и, во-вторыхъ, не трактуютъ о законахъ его.

Такимъ мнѣ представляется дѣло съ теоретической стороны; но теоретическая критика часто можетъ ошибаться, и поэтому постараюсь свѣрить мои выводы съ практическими данными. Г. П. далъ намъ образецъ практическихъ результатовъ, какъ нагляднаго обученія, такъ и математики по методу Грубе. Одному изъ старшихъ мальчиковъ было сказано: положи руку подъ книгу, чтобы показать, что онъ обученъ понятіямъ *на* и *подъ*, и умный мальчикъ, который зналъ, что̀ *на* и *подъ* (я увѣренъ), еще будучи трехъ лѣтъ, положилъ руку на книгу, когда ему сказали положи *подъ книгу*. Такіе примѣры я постоянно видѣлъ, и они яснѣе всего показываютъ, какъ ненужно, чуждо, совѣстно, мнѣ хочется, сказать, это наглядное обученіе русскихъ дѣтей. Русскій ребенокъ не можетъ и не хочетъ вѣрить (онъ имѣетъ слишкомъ большое уваженіе къ учителю и себѣ), чтобы его серьезно спрашивали, потолокъ внизу или наверху, или сколько у него ногъ. Въ ариѳметикѣ мы тоже видѣли, что ученики, не знавшіе даже писать цифръ и упражнявшіеся во все время ученія только въ умственномъ счисленіи до 10, въ продолженіе получаса не переставали врать, на самые разные манеры, на вопросы, которые имъ задавалъ учитель въ пре-

дѣлѣ чиселъ до 10. Стало быть, обученіе умственному счисленію ни къ чему не повело, и трудность синтаксическая, состоящая въ распутываніи вопроса, дурно поставленнаго, осталась для нихъ такою же, какою и была. Итакъ, практическіе результаты бывшаго экзамена не подтвердили полезности развитія. Но я хочу быть вполнѣ точнымъ и добросовѣстнымъ. Можетъ быть, процессъ развитія, сначала ограничивающійся не столько изученіемъ, сколько анализомъ того, что уже знаютъ ученики, потомъ приноситъ результаты? Можетъ быть, сначала учитель, посредствомъ анализа овладѣвая умомъ учениковъ, впослѣдствіи уже твердо и легко ведетъ ихъ дальше, и изъ тѣсной области описаній стола и счета 2 и 1 ведетъ ихъ въ дѣйствительную область знанія, въ которой ученики не ограничиваются ученіемъ того, что̀ знаютъ, но узнаютъ уже и новое, и узнаютъ это новое новымъ, болѣе легкимъ, разумнымъ способомъ? Это предположеніе подтверждается и тѣмъ, что всѣ нѣмецкіе педагоги и послѣдователи ихъ, въ томъ числѣ и г. Бунаковъ, прямо говорятъ, что наглядное обученіе должно служить какъ бы вступленіемъ къ *родиновѣдѣнію* и *естествовѣдѣнію*. Но мы тщетно бы стали искать въ руководствѣ г. Бунакова, какимъ образомъ преподавать это *родиновѣдѣніе*, если подразумѣвать подъ этимъ словомъ какія-нибудь дѣйствительныя знанія, а не описанія избы и сѣней — того, что знаютъ дѣти. Г. Бунаковъ на 200-й страницѣ, объяснивъ, какъ надо учить тому, гдѣ потолокъ и гдѣ печка, здѣсь очень кратко говоритъ: «теперь слѣдовало бы перейти къ третьей ступени нагляднаго обученія, содержаніе которой было опредѣлено мною такъ: «Изученіе края, уѣзда, губерніи, всего отечества, съ его естественными произведеніями и населеніемъ, въ общихъ чертахъ, какъ очеркъ отечествовѣдѣнія и начало естествознанія, съ преобладаніемъ чтенія, которое, опираясь на непосредственныя наблюденія двухъ первыхъ ступеней, расширяетъ умственный кругозоръ учащихся, сферу ихъ представленій и понятій». Ужъ изъ этого опредѣленія видно, что здѣсь наглядность является дополненіемъ къ объяснительному чтенію и разсказу учителя, слѣдовательно, и рѣчь о занятіяхъ третьяго года болѣе относится къ разсмотрѣнію второго занятія, входящаго въ составъ учебнаго предмета, который называется роднымъ языкомъ, — объяснительнаго чтенія».

Обращаемся къ третьему году, къ объяснительному чтенію, но тамъ не находимъ ровно ничего, указывающаго на то, какъ передавать новыя свѣдѣнія, исключая того, что хорошо читать такія-то и такія-то книги и при чтеніи дѣлать такіе-то вопросы. Вопросы весьма странные (для меня, по крайней мѣрѣ), какъ,

напримѣръ, сравненіе статьи о водѣ Ушинскаго и статьи о водѣ Аксакова, и требованіе отъ учениковъ, чтобы они объяснили, что Аксаковъ разсматриваетъ воду, какъ явленіе природы, а Ушинскій, какъ вещество, и т. д. Стало быть, встрѣчаемъ то же самое навязыванье ученикамъ взглядовъ, подраздѣленій (большею частью невѣрныхъ) учителя, а ни одного слова, ни одного намека на то, какимъ же способомъ передаются какія-нибудь новыя знанія.

Неизвѣстно, что̀ будетъ преподаваться: естественная исторія, географія ли? Ничего нѣтъ, кромѣ чтенія съ вопросами, въ родѣ тѣхъ, которые я привелъ. По другой сторонѣ обученія слову,— грамматикѣ и правописанію, — точно такъ же тщетно бы мы стали искать какого-нибудь новаго пріема обученія, основаннаго на предшествовавшемъ развитіи. Все та же старая грамматика Перевлевскаго, начинающаяся съ философскихъ опредѣленій и потомъ съ синтаксическаго разбора, служитъ основаніемъ всѣхъ новыхъ грамматическихъ руководствъ и руководства г. Бунакова.

Въ математикѣ тоже тщетно бы стали мы искать, на той ея ступени, гдѣ начинается дѣйствительное обученіе математикѣ, чего-нибудь новаго, облегченнаго, основаннаго на всемъ предшествовавшемъ развитіи 2-хъ годовъ уроковъ до 20-ти. Тамъ, гдѣ дѣйствительно въ ариѳметикѣ встрѣчаются трудности гдѣ ученику надо объяснить предметъ съ разныхъ сторонъ, какъ-то: при нумераціи, при сложеніи, при вычитаніи, при дѣленіи, при дѣленіи и умноженіи дробей, — не находишь и тѣни чего-нибудь облегченнаго, какого-нибудь новаго объясненія, а есть только выписки изъ старыхъ ариѳметикъ.

Характеръ этого преподаванія остается вездѣ одинъ и тотъ же. Все вниманіе обращается на то, чтобы учить тому, что̀ ученикъ знаетъ. А такъ какъ ученикъ знаетъ то, чему его учатъ, и легко по желанію учителя передаетъ въ томъ и въ другомъ порядкѣ то, что отъ него требуется, то учителю кажется, что̀ онъ чему-то учитъ, и успѣхи учениковъ большіе, и учитель, не обращая никакого вниманія на то, что̀ составляетъ самую трудность ученія, т.-е. учить новому, преспокойно толчется на одномъ мѣстѣ. Отъ этого происходитъ, что наша педагогическая литература завалена руководствами для нагляднаго обученія, для предметныхъ уроковъ, руководствами, какъ вести дѣтскіе сады (одно изъ самыхъ безобразныхъ порожденій новой педагогіи), картинами, книгами для чтенія, въ которыхъ повторяются все тѣ же и тѣ же статьи о лисицѣ, о тетеревѣ, тѣ же стихи, для чего-то написанные прозой въ разныхъ пере-

мѣщеніяхъ и съ разными объясненіями, но у насъ нѣтъ ни одной новой статьи для дѣтскаго чтенія, ни одной грамматики русской, ни славянской, ни славянскаго лексикона, ни ариѳметики, ни географіи, ни исторіи для народныхъ школъ. Всѣ силы поглощены на руководства къ обученію дѣтей тому, чему не нужно и нельзя учить дѣтей въ школѣ, чему всѣ дѣти учатся изъ жизни. И понятно, что книги этого рода могутъ являться безъ конца. Ибо грамматика, ариѳметика можетъ быть одна, но упражненій и разсужденій въ родѣ тѣхъ, которыя я приводилъ изъ Бунакова, и порядокъ разложенія чиселъ изъ Евтушевскаго, можетъ быть безчисленное количество. Педагогика находится въ томъ же положеніи, въ какомъ бы находилась наука о томъ, какъ должно ходить человѣку; и люди стали бы искать правилъ, какъ учить дѣтей, предписывая имъ сокращать тотъ мускулъ, вытянуть другой и т. д., и т. д. Такое положеніе новой педагогіи прямо вытекаетъ изъ двухъ ея основныхъ положеній: 1) что цѣль школы есть развитіе, а не наука, и 2) что развитіе и средства достиженія его могутъ быть опредѣлены теоретически. Изъ этого послѣдовательно вытекло то жалкое и часто смѣшное положеніе, въ которомъ находится школьное дѣло. Силы тратятся напрасно; народъ, въ настоящую минуту жаждущій образованія, какъ изсохшая трава жаждетъ воды, готовый принять его, просящій его, — вмѣсто хлѣба получаетъ камень и находится въ недоумѣніи: онъ ли ошибался, ожидая образованія, какъ блага, или что-нибудь не такъ въ томъ, что ему предлагаютъ? Что дѣло стоитъ такъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для всякаго человѣка, который узнаетъ нынѣшнюю теорію школьнаго дѣла и знаетъ дѣйствительное состояніе его среди народа. Но невольно представляется вопросъ: какимъ образомъ люди честные, образованные, искренно любящіе свое дѣло и желающіе добра, каковыми я считаю огромное большинство моихъ оппонентовъ, могли стать въ такое странное положеніе и такъ глубоко заблудиться?

Вопросъ этотъ занималъ меня, и я постараюсь сообщить тѣ отвѣты, которые я нашелъ на него. На это было много причинъ. Самая естественная причина, приведшая педагогику на тотъ ложный путь, на которомъ она находится, есть критика стараго, критика только для критики, безъ постановки новыхъ началъ вмѣсто тѣхъ, которыя критиковались. Всѣмъ извѣстно, что критика есть легкое дѣло, и что она бываетъ совершенно безплодна и часто вредна, если рядомъ съ осужденіемъ чего бы то ни было не указываютъ тѣ начала, на основаніи которыхъ осуждается. Если говорится, что это дурно потому, что мнѣ

не нравится, или потому, что всѣ говорятъ, что это дурно, или даже потому, что это дѣйствительно дурно; но если я не знаю, какъ должно быть хорошо, то эта критика будетъ всегда безполезна и вредна. Воззрѣнія педагоговъ новой школы основаны прежде всего на критикѣ прежнихъ пріемовъ. Даже теперь, когда, казалось бы, уже лежачаго не бьютъ, въ каждомъ руководствѣ, въ каждой бесѣдѣ мы читаемъ и слышимъ, *что вредно читать безъ пониманія*, *что нельзя заучивать опредѣленія числа и дѣйствій надъ числами*, *что безсмысленное заучиваніе вредно*, *что знать дѣйствія съ тысячами*, *не умѣя считать* 2+3, *вредно*, и т. п. Главная исходная точка есть критика старыхъ пріемовъ и придумываніе новыхъ, сколь возможно болѣе противоположныхъ старымъ, но отнюдь не постановка новыхъ основаній педагогики, изъ которыхъ могли бы вытекать новые пріемы.

Критиковать употреблявшійся способъ обученія грамотѣ посредствомъ заучиванія цѣлыхъ страницъ псалтыря и обученія ариѳметикѣ посредствомъ ученія наизусть того, что̀ есть число и т. п., очень легко. Замѣчу, во-первыхъ, что теперь и не нужно нападать на эти пріемы, что едва ли есть еще такіе учителя, которые отстаивали бы ихъ, и во-вторыхъ, что если, критикуя такія явленія, хотѣли дать почувствовать, что я защитникъ стариннаго способа обученія, то это происходило только отъ того, что мои возражатели, по молодости лѣтъ, вѣроятно, и не знали, что чуть не 20 лѣтъ тому назадъ я, сколько имѣлъ умѣнья и силы, боролся съ этими старыми пріемами педагогики и содѣйствовалъ ихъ уничтоженію.

Итакъ, было найдено, что старые пріемы обученія никуда не годятся, и, не поставивъ никакихъ новыхъ основъ, стали искать новыхъ пріемовъ. Я потому говорю: не поставивъ новыхъ основъ, что единственныя прочныя основы педагогіи есть только двѣ:

1) опредѣленіе критерія того, *чему* нужно учить, и 2) критерія того, *какъ* нужно учить, т.-е. опредѣленіе того, что избранные предметы суть наинужнѣйшіе, и того, что избранный способъ есть наилучшій.

Никто даже не обратилъ вниманія на эти основы, а каждая школа въ оправданіе свое поддѣлала себѣ извѣстныя квазифилософскія, оправдывающія ее разсужденія. Но именно эта *теоретическая подкладка*, какъ нечаянно совершенно выразился г. Бунаковъ, не можетъ считаться основой. Ибо точно такая же теоретическая подкладка была и у стараго способа обученія.

Дѣйствительный же насущный вопросъ педагогіи, который 15 лѣтъ тому назадъ я тщетно пытался поставить во всей его значительности, вопросъ: *почемъ знать, чему и какъ учить*? остался даже не затронутымъ. Вслѣдствіе этого произошло то, что какъ скоро стало очевидно, что старый способъ не годится, не стали отыскивать, почему и какъ узнать, какой будетъ лучше способъ, а тотчасъ же стали искать другой, самый противоположный старому. Поступили такъ же, какъ бы поступилъ человѣкъ, у котораго къ зимѣ въ домѣ оказалось бы холодно, и онъ, не заботясь о томъ, почему холодно и какъ пособить горю, пошелъ бы отыскивать другой домъ, который былъ бы какъ можно менѣе похожъ на прежній. Я былъ тогда за границей и помню вездѣ встрѣчавшихся мнѣ тогда скитавшихся по Европѣ пословъ, разыскивавшихъ новую вѣру, т.-е. чиновниковъ министерства, изучавшихъ нѣмецкую педагогію.

Мы избрали пріемы обученія ближайшихъ сосѣдей нашихъ нѣмцевъ, во-первыхъ, потому, что мы всегда особенно склонны подражать нѣмцамъ, во-вторыхъ, потому, что это былъ способъ самый сложный и хитрый, а ужъ если брать чужое, то, разумѣется, самое послѣднее — модное и хитрое; а въ-третьихъ, въ особенности потому, что эти пріемы были болѣе всего противоположны нашимъ старымъ пріемамъ. Итакъ, новые пріемы взяты у нѣмцевъ, и не одни, а съ теоретической подкладкой, т.-е. съ квази-философскимъ оправданіемъ этихъ пріемовъ. И теоретическая подкладка эта оказала и оказываетъ большія услуги. Какъ скоро родители или просто здравомыслящіе люди, занимающіеся дѣломъ образованія, выражаютъ сомнѣніе въ томъ, что въ самомъ ли дѣлѣ хороши эти пріемы, имъ говорятъ: а знаменитый Песталоцци, а Дистервегъ, а Денцшъ, а Вурстъ, а методика, эвристика, дидактика, концентризмъ? — и смѣльчаки махаютъ рукой и говорятъ: «Ну, Богъ съ ними. Они лучше знаютъ». Въ этихъ нѣмецкихъ пріемахъ была еще и та большая выгода для учителей (причина, по которой за эти пріемы особенно горячо держатся), что при нихъ учителю не нужно много старанія, не нужно дальше и дальше учиться, не нужно работать надъ собою и пріемами обученія. Большую часть времени по этой методѣ учитель учитъ тому, что дѣти знаютъ, да, кромѣ того, учитъ по руководству, и ему легко. И безсознательно, по врожденной человѣческой слабости, учитель дорожитъ этой легкостью. Весьма пріятно, съ твердымъ убѣжденіемъ, что я учу и дѣлаю дѣло важное и самое современное, разсказывать дѣтямъ изъ книжки про суслика или про то, что у лошади 4 ноги, или переставлять кубики по 2 и по 3 и

спрашивать, сколько будетъ 2 и 2; но если бы потребовалось вмѣсто суслика разсказать или прочесть что-нибудь точно занимательное, дать основанія грамматики, географіи, священной исторіи и 4 правилъ, то учитель сейчасъ бы былъ приведенъ къ тому, чтобы поработать надъ собой, перечитать многое, освѣжить свои знанія.

Итакъ, окритикованъ старый пріемъ, взятъ у нѣмцевъ другой. Способъ этотъ такъ чуждъ нашему русскому непедантическому складу ума, уродства его такъ ярко бросаются въ глаза, что, казалось бы, способъ этотъ никакъ не можетъ привиться въ Россіи, а между прочимъ, онъ прилагается, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, но прилагается, и даже даетъ въ нѣкоторомъ отношеніи результаты иногда лучше, чѣмъ старый церковный способъ. Это происходитъ отъ того, что, такъ какъ способъ взятъ у насъ (и въ Германіи первоначально вытекъ) изъ критики стараго пріема, то въ этомъ способѣ дѣйствительно откинуты всѣ недостатки стараго, хотя именно въ крайнемъ противоположеніи старому, доведенномъ съ особеннымъ, свойственнымъ нѣмцамъ педантизмомъ, до послѣдней крайности, проявились новые недостатки, едва ли не бо́льшіе, чѣмъ прежніе. Прежде учили грамотѣ у насъ, присоединяя къ согласному звуку ненужныя длинныя прибавки (буки-уки, вѣди-ѣди), у нѣмцевъ es em, be, ce и т. д., т.-е. присоединяя гласную къ согласному звуку то сзади, то спереди, и въ этомъ лежало затрудненіе. Теперь впали въ другую противоположность и хотятъ называть согласный звукъ безъ присоединенія гласной, что, очевидно, невозможно. Въ грамматикѣ Ушинскаго (Ушинскій—родоначальникъ у насъ звуковой методы) и во всѣхъ звуковыхъ руководствахъ, при изложеніи грамматики, согласные звуки опредѣляются такъ: «*тотъ звукъ, который нельзя выговорить отдѣльно*» [1]). И этому-то самому звуку учатъ прежде всего ученика. Когда я дѣлалъ замѣчаніе, что нельзя выговорить отдѣльно *бъ*, а выходитъ всегда почти *бы*, мнѣ говорили, что это происходитъ отъ того, что не всѣ это умѣютъ, что надо большое искусство, чтобы выговаривать согласный звукъ. И я самъ видѣлъ, какъ учитель, когда ученикъ, по моимъ понятіямъ, выговорилъ совершенно удовлетворительно *бъ*, поправлялъ его разъ 10 до тѣхъ поръ, пока онъ оторвалъ сколько можно. И съ этихъ-то *бъ*, *съ*, съ тѣхъ звуковъ, которыхъ нельзя выговорить, какъ ихъ опредѣляетъ Ушинскій, или для выговора которыхъ нужна особен-

---

[1]) «Родное Слово», годъ третій.

ная виртуозность, съ этихъ звуковъ начинаютъ ученье грамотѣ по педантическимъ нѣмецкимъ руководствамъ.

Прежде учили наизусть безъ смысла склады (это было дурно); въ крайнюю противоположность этому, новая манера предписываетъ совсѣмъ не отдѣлять складовъ, что̀ рѣшительно невозможно въ длинномъ словѣ и что̀ въ дѣйствительности никогда не исполняется. Всякій учитель по звуковому способу чувствуетъ необходимость дать ученику отдохнуть на одной части слова и выговорить ее отдѣльно. Прежде читали непонятный, по слишкомъ высокому и глубокому смыслу, для дѣтей, псалтырь (что̀ было дурно); въ противоположность этому заставляютъ читать неимѣющія уже никакого содержанія фразы и заставляютъ объяснять всякое понятное слово или заучивать непонятное. Въ старой школѣ учитель ничего не говорилъ съ учениками; теперь предписано учителю говорить съ учениками, что попало, или то, что они знаютъ, или то, чего не нужно знать. Въ математикѣ прежде заучивали опредѣленіе дѣйствій, теперь и самихъ дѣйствій уже не дѣлаютъ, такъ какъ только на третій годъ, по Евтушевскому, приступаютъ къ нумераціи и предполагаютъ, что нужно учить дѣтей въ продолженіе цѣлаго года считать до 10. Прежде заставляли учениковъ дѣлать дѣйствія съ отвлеченными большими числами, не обращая вниманія на другую сторону математики, распутываніе задачи (составленія уравненія). Теперь учатъ распутыванію задачъ, составленію уравненій на малыхъ числахъ прежде, чѣмъ ученики знаютъ еще нумерацію и обращеніе съ дѣйствіями. Тогда какъ всякому учителю опытъ показываетъ, что трудность составленія уравненій или распутыванія задачъ преодолѣвается только общимъ, не школьнымъ, а жизненнымъ развитіемъ. Было замѣчено,—совершенно справедливо,—что нѣтъ лучшаго пособія для ученика, когда онъ затрудняется постановкой задачи съ большими числами, какъ то, чтобы дать ему точно такую же задачу на малыхъ числахъ. Ученикъ, изъ жизни научившійся рѣшать ощупью задачи съ малыми числами сознаетъ процессъ рѣшенія, и этотъ процессъ переноситъ на задачу съ большими числами. Замѣтивъ это, новые педагоги стараются обучать только распутыванію задачъ на малыхъ числахъ, т.-е. тому самому, что̀ не можетъ быть предметомъ обученія, а есть дѣло жизни. Въ преподаваніи грамматики новая школа осталась также послѣдовательна своей исходной точкѣ,—критикѣ стараго и усвоенію самаго противоположнаго пріема. Прежде заучивали наизусть опредѣленіе частей рѣчи и отъ этимологіи переходили къ синтаксису, теперь начинаютъ не только съ синтаксисовъ, но и съ логики, которую пытаются пе-

редать дѣтямъ. По грамматикѣ г-на Бунакова, которая есть сокращеніе грамматики Перевлевскаго, даже съ выборами тѣхъ же примѣровъ, изученіе грамматики начинается съ разбора синтаксическаго, столь труднаго и скажу даже шаткаго въ русскомъ языкѣ, не подчиняющемся вполнѣ классическимъ формамъ синтаксиса. Такъ что, въ общемъ, новая школа отстранила нѣкоторые недостатки, изъ которыхъ главные — лишній прибавокъ къ согласной и заучиваніе наизусть определеній, и въ этомъ имѣетъ преимущество передъ старымъ способомъ и даетъ въ чтеніи и письмѣ иногда лучшіе результаты; но зато внесла новые недостатки, состоящіе въ томъ, что содержаніе чтенія есть самое безсмысленное, и въ томъ, что ариѳметика, какъ ученіе, уже совершенно не преподается.

Въ практикѣ (ссылаюсь въ этомъ на всѣхъ инспекторовъ училищъ, на всѣхъ членовъ училищныхъ совѣтовъ, посѣщавшихъ училища, на всѣхъ учителей), въ практикѣ, въ массѣ школъ, гдѣ предписывается эта нѣмецкая метода, совершается за рѣдкими исключеніями вотъ что. Дѣти учатся не по звуковому, а по буквослагательному способу, называютъ вмѣсто *бъ* согласную *бы*, *вы* и раздѣляютъ слова на склады. Наглядное обученіе совсѣмъ опускается, ариѳметика вовсе не идетъ, и читать дѣтямъ совершенно нечего. Учителя, безсознательно для самихъ себя, отступаютъ отъ требованій теоретическихъ и поддѣлываются подъ требованія народа. Эти практическіе результаты, вездѣ повторяющіеся, казалось, могли доказать невѣрность самого метода; но въ средѣ педагоговъ, тѣхъ, которые пишутъ руководства и предписываютъ правила, существуетъ такое полное незнаніе и нежеланіе знать народъ и его требованія, что отношеніе дѣйствительности къ этимъ пріемамъ нисколько не нарушаетъ хода ихъ дѣла. Трудно представить себѣ то воззрѣніе на народъ, которое существуетъ въ этомъ мірѣ педагоговъ, и изъ котораго вытекъ ихъ методъ и всѣ дальнѣйшіе пріемы обученія. Г. Бунаковъ, съ необыкновенною наивностью, въ доказательство того, какъ необходимо наглядное обученіе и *развитіе* для дѣтей въ русской школѣ, приводитъ слова Песталоцци: «Пусть кто-нибудь, жившій среди простого народа,—говоритъ онъ,—опровергнетъ мои слова, что ничего нѣтъ труднѣе, какъ передать какое-либо понятіе этимъ существамъ. Да этому никто и не противорѣчитъ. Швейцарскіе священники подтверждаютъ, что, когда народъ приходитъ къ нимъ для обученія, онъ не понимаетъ, что ему говорятъ, а священники не понимаютъ, что имъ говоритъ народъ. Городскіе жители, переселяющіеся въ деревню, изумляются неспособности туземцевъ говорить; проходятъ

годы, пока деревенская прислуга научается объясняться съ хозяевами». Это-то отношеніе простолюдина въ Швейцаріи къ образованному сословію полагается основаніемъ такого же отношенія у насъ.

Полагаю излишнимъ распространяться о томъ, что всякому извѣстно, что во всей Германіи народъ говоритъ особеннымъ языкомъ, называемымъ платдейчъ, и что въ нѣмецкой Швейцаріи этотъ платдейчъ особенно далекъ отъ нѣмецкаго языка, а что въ Россіи, напротивъ, *мы* часто говоримъ дурнымъ языкомъ, а народъ всегда хорошимъ и что въ Россіи будетъ гораздо вѣрнѣе, если слова Песталоцци сказать отъ лица мужиковъ, говорящихъ объ учителяхъ. Мужикъ и крестьянскій мальчикъ скажутъ совершенно справедливо, что весьма трудно понимать, что говорятъ эти существа, подразумѣвая учителей. Незнаніе народа такъ полно въ этомъ мірѣ педагоговъ, что они смѣло говорятъ, будто въ крестьянскую школу приходятъ дикари, и потому смѣло учатъ ихъ тому, что *внизъ*, что *вверхъ*, что классная доска стоитъ на подставкѣ и подъ нею лоточекъ. Они не знаютъ того, что если бы ученики спрашивали учителя, то очень много бы оказалось вещей, которыхъ не знаетъ учитель; что если, напримѣръ, стереть краску съ доски, то всякій почти мальчикъ скажетъ, изъ какого дерева эта доска: еловая, липовая или осиновая, чего не скажетъ учитель; что про кошку и курицу мальчикъ разскажетъ всегда лучше учителя, потому что онъ наблюдалъ ихъ больше учителя; что вмѣсто задачи о возахъ мальчикъ знаетъ задачи: о воронахъ, о скотинѣ, о гусяхъ. (О воронахъ: летѣло стадо воронъ и стояли дубы. Если сядетъ по двѣ вороны, воронъ не достанетъ, сядетъ по одной—дуба не достанетъ. Сколько воронъ, сколько дубовъ? О скотинѣ: на 100 рублей купить 100 скотинъ; телятъ по полтинѣ, коровъ по 3 рубля, быковъ по 10 рублей. Сколько быковъ, коровъ и телятъ?) Педагоги нѣмецкой школы и не подозрѣваютъ той смѣтливости, того настоящаго жизненнаго развитія, того отвращенія отъ всякой фальши, той готовой насмѣшки надъ всѣмъ фальшивымъ, которыя такъ присущи русскому крестьянскому мальчику,—и только потому такъ смѣло (какъ я самъ видѣлъ), подъ огнемъ 40 паръ умныхъ дѣтскихъ глазъ, на посмѣшище имъ выдѣлываютъ свои штуки. Только отъ этого настоящій учитель, знающій народъ, какъ бы строго ему ни предписывали учить крестьянскихъ дѣтей тому, что низъ, что верхъ, и что 2 и 3 будетъ 5,—ни одинъ настоящій учитель, знающій тѣхъ учениковъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, не будетъ въ состояніи этого дѣлать.

Итакъ, главныя причины, по которымъ мы впали въ такое странное заблужденіе, суть: 1) незнаніе народа, 2) невольно подкупающая легкость ученія тому, что знаютъ ученики, 3) склонность наша къ заимствованію отъ нѣмцевъ и 4) критика стараго безъ постановки новыхъ основъ. Эта послѣдняя причина привела педагоговъ новой школы къ тому, что, несмотря на крайнее различіе по внѣшности новаго способа отъ стараго, онъ совершенно тожественъ ему по своимъ основаніямъ, и потому по пріемамъ обученія и по результатамъ. При томъ и при другомъ способѣ существенная основа состоитъ въ томъ, что обучающій твердо и несомнѣнно знаетъ, чему и какъ нужно обучать, и это свое знаніе не почерпаетъ изъ требованій народа и изъ опыта, но разъ навсегда теоретически рѣшилъ, что именно *тому* и *такъ* нужно учить, и такъ учитъ. Педагогъ старинной школы, которую я для краткости назову *церковной*, знаетъ твердо и несомнѣнно, что надо учить по часовнику и псалтырю, заучивая наизусть, и не допускаетъ никакихъ измѣненій въ своихъ пріемахъ; точно такъ же учитель новой нѣмецкой школы знаетъ твердо и несомнѣнно, что надо учить по Бунакову и Евтушевскому, начинать со словъ *усъ* и *оса*, спрашивать о томъ, что наверху, что внизу, и разсказывать о любимомъ сусликѣ, и не допускаетъ никакихъ измѣненій въ своихъ пріемахъ. Оба основываются на твердомъ убѣжденіи, что они знаютъ наилучшіе пріемы. Изъ одинаковости основъ вытекаетъ и дальнѣйшее сходство. Учитель церковной грамоты, если вы ему скажете, что по его способу продолжительно и съ трудомъ учатся дѣти читать и писать, отвѣтитъ вамъ, что дѣло не въ чтеніи и письмѣ, а въ *Божественномъ ученіи*, подъ которымъ подразумѣвается изученіе церковныхъ книгъ. То же самое скажетъ вамъ и учитель русской грамоты по нѣмецкому способу. Онъ скажетъ (всѣ говорятъ и пишутъ это), что дѣло не въ быстротѣ пріобрѣтенія искусства чтенія, писанія и счета, а въ *развитіи*. Оба кладутъ цѣль обученія въ чемъ-то независимомъ отъ чтенія, письма и счета, т.-е. науки, а въ чемъ-то другомъ—несомнѣнно нужномъ.

Сходство это продолжается до мельчайшихъ подробностей. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ способѣ всякое ученіе до школы, всякое пріобрѣтенное знаніе внѣ школы не принимается во вниманіе—всѣ поступающіе ученики считаются одинаково незнающими, и всѣхъ заставляютъ учиться сначала. Если въ церковную школу поступаетъ мальчикъ, знающій буквы или склады: а, бе, его переучиваютъ сначала по буки-азъ-ба. То же самое и въ нѣмецкой школѣ.

Точно такъ же, какъ въ той, и въ другой школѣ случается, что нѣкоторымъ дѣтямъ *не задается* грамота.

Точно такъ же, какъ въ томъ, такъ въ другомъ способѣ механическая сторона обученія преобладаетъ надъ умственной. Какъ въ церковныхъ, такъ и въ этихъ школахъ ученики отличаются хорошимъ почеркомъ и выговоромъ при чтеніи совершенно точнымъ, т.-е. не такъ, какъ говорится, а такъ, какъ пишется. Точно такъ же, какъ при томъ, такъ и при другомъ способѣ въ школѣ царствуетъ постоянный внѣшній порядокъ и дѣти находятся подъ постояннымъ страхомъ и могутъ быть руководимы только при величайшей строгости. Г. Королевъ упомянулъ вскользь о томъ, что при звуковомъ обученіи не пренебрегаются колотушки. Я видѣлъ это въ школахъ нѣмецкой манеры и полагаю, что безъ колотушекъ даже невозможно обойтись въ новой нѣмецкой школѣ, такъ какъ она точно такъ же, какъ и церковная школа, учитъ, не спрашиваясь о томъ, что интересно знать ученику, а учитъ тому, что, по убѣжденію учителя, кажется нужнымъ, и потому школа эта можетъ основываться только на принужденіи. А принужденіе достигается съ дѣтьми обыкновенно побоями. Церковная школа и новая нѣмецкая, исходя изъ одинаковыхъ основъ и приходя къ одинаковымъ результатамъ, совершенно схожи. Но если бы выбирать изъ двухъ, я бы выбралъ все-таки церковную. Недостатки одинаковы, но на сторонѣ церковной школы 1000-лѣтняя привычка и авторитетъ церкви, имѣющій такую силу въ народѣ.

Окончивъ разборъ и критику нѣмецкой школы, я считаю нужнымъ,—въ виду высказаннаго мною, что критика тогда только плодотворна, когда она, осуждая, указываетъ на то, чѣмъ бы должно было быть то, что дурно,—я считаю нужнымъ сказать о тѣхъ основахъ обученія, которыя я считаю законными, на которыхъ основываю свой методъ обученія.

Для того, чтобы высказать, въ чемъ я полагаю эти несомнѣнныя основы всякой педагогической дѣятельности, я долженъ повторяться, т.-е. повторять то, что высказано было мною 15 лѣтъ тому назадъ, въ издававшемся мною педагогическомъ журналѣ «Ясная Поляна». Повтореніе это не будетъ скучно для педагоговъ новой школы, такъ какъ писанное мною тогда не то, что забыто, но никогда и не было принято во вниманіе педагогами,—а между тѣмъ я продолжаю думать, что только то, что высказано было мною тогда, могло поставить педагогику, какъ теорію, на твердую почву. 15 лѣтъ тому назадъ, когда я взялся за дѣло народнаго образованія безъ всякихъ предвзятыхъ теорій и взглядовъ на дѣло, съ однимъ только желаніемъ прямо,

непосредственно содѣйствовать этому дѣлу, будучи учителемъ въ своей школѣ, я тотчасъ же столкнулся съ двумя вопросами: 1) *чему нужно учить* и 2) *какъ нужно учить*.

Въ то время, какъ и теперь, существовало величайшее разнорѣчіе въ отвѣтахъ на эти вопросы.

Я знаю, что нѣкоторымъ педагогамъ, заключеннымъ въ своемъ узкомъ теоретическомъ кружкѣ, кажется, что только и свѣта, что изъ окошекъ, и что разнорѣчія никакого уже нѣтъ.

Я прошу тѣхъ, которые такъ думаютъ, замѣтить, что имъ только такъ кажется, точно такъ же, какъ это кажется въ кружкахъ, имъ противоположныхъ. Во всей же массѣ людей, заинтересованныхъ образованіемъ, существуетъ, какъ и прежде существовало, величайшее разнорѣчіе. Въ то время, какъ и теперь, одни—отвѣчая на вопросъ: *чему надо учить?*—говорили, что, кромѣ грамоты, самыя полезныя для первоначальной школы знанія суть знанія естественныя; другіе, какъ и теперь, говорили, что это не нужно и даже вредно, такъ же, какъ и теперь, одни предлагали исторію, географію, другіе отрицали ихъ необходимость; одни предлагали славянскій языкъ и грамматику, законъ Божій, другіе находили и это излишнимъ и приписывали главную важность развитію. По вопросу, *какъ учить*, было и есть еще большее разногласіе. Предлагались и предлагаются самые противоположные одинъ другому пріемы обученія грамотѣ и ариѳметикѣ.

Въ книжныхъ лавкахъ рядомъ продавались самоучители по буки-азъ-ба, уроки Бунакова, карточки Золотова, азбуки г-жи Дараганъ, и всѣ имѣли своихъ сторонниковъ. Встрѣтившись съ этими вопросами и не найдя на нихъ никакого отвѣта въ русской литературѣ, я обратился къ европейской. Прочтя то, что было писано объ этомъ предметѣ, познакомившись лично съ такъ называемыми лучшими представителями педагогической науки въ Европѣ, я нигдѣ не только не нашелъ какого-нибудь отвѣта на занимавшій меня вопросъ, но убѣдился, что вопроса этого для педагогіи, какъ науки, даже и не существуетъ, что каждый педагогъ извѣстной школы твердо вѣритъ, что тѣ пріемы, которые онъ употребляетъ, суть наилучшіе, потому что они основаны на абсолютной истинѣ, и что относиться къ нимъ критически было бы безполезно. Между прочимъ, потому ли, что, какъ я сказалъ, я взялся за дѣло народнаго образованія безъ всякихъ предвзятыхъ теорій или потому, что я взялся за это дѣло, не издалека предписывая законы, какъ надо учить, а самъ сталъ школьнымъ учителемъ въ глухой деревенской народной школѣ,—я не могъ отказаться отъ мысли, что необходимо

долженъ существовать критеріумъ, по которому рѣшается вопросъ: *чему и какъ лучше учить?* Учить ли наизусть псалтырь или классификацію организмовъ? учить ли по звуковой, переведенной съ нѣмецкаго, азбукѣ, или по часовнику? Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ мнѣ помогли: нѣкоторый педагогическій тактъ, которымъ я одаренъ, и въ особенности то близкое и страстное отношеніе, въ которое я сталъ къ дѣлу. Вступивъ сразу въ самыя близкія непосредственныя отношенія съ тѣми 40 маленькими мужичками, которые составляли мою школу (я ихъ называю маленькими мужичками потому, что я нашелъ въ нихъ тѣ самыя черты смѣтливости, огромнаго запаса свѣдѣній изъ практической жизни, шутливости, простоты, отвращенія отъ всего фальшиваго, которыми вообще отличается русскій мужикъ), увидавъ эту воспріимчивость, открытость къ пріобрѣтенію тѣхъ знаній, въ которыхъ они нуждались, я тотчасъ же почувствовалъ, что старинный церковный способъ обученія уже отжилъ свой вѣкъ и не годится для нихъ. И я сталъ испытывать другіе прилагаемые пріемы обученія; но такъ какъ принужденіе при обученіи, и по убѣжденію моему и по характеру, мнѣ противно, я не принуждалъ и, какъ скоро замѣчалъ, что что-нибудь неохотно принимается, я не насиловалъ и отыскивалъ другое. Изъ этихъ опытовъ оказалось для меня и тѣхъ учителей, которые вмѣстѣ со мною въ Ясной Полянѣ и другихъ школахъ, на тѣхъ же основаніяхъ свободы, занимались преподаваніемъ, что почти все то, что пишется въ педагогическомъ мірѣ для школъ, отдѣляется неизмѣримой пучиной отъ дѣйствительности, и что изъ предлагаемыхъ методовъ многіе пріемы, какъ, напримѣръ: наглядное обученіе, естественныя науки, звуковые пріемы и другіе, вызываютъ отвращеніе и насмѣшку и не принимаются учениками. Мы стали отыскивать то содержаніе и тѣ пріемы, которые охотно воспринимались учениками, и напали на то, что̀ составляетъ мой методъ обученія. Но этотъ методъ становился на ряду со всѣми другими методами, и вопросъ о томъ, почему онъ лучше другихъ, оставался точно такъ же нерѣшеннымъ. Слѣдовательно, вопросъ о томъ, въ чемъ состоитъ критеріумъ того, чему и какъ должно учить, получалъ для меня еще большее значеніе; только рѣшивъ его, я могъ быть увѣренъ, что то, чему и какъ я училъ, не было ни вредно, ни безполезно. Вопросъ этотъ, какъ тогда, такъ и теперь, представляется мнѣ краеугольнымъ камнемъ всей педагогіи, разрѣшенію этого вопроса я поставилъ изданіе педагогическаго журнала «Ясная Поляна». Въ нѣсколькихъ статьяхъ (я не отрекаюсь теперь отъ высказаннаго тогда) я старался поставить этотъ вопросъ во всей его значительности и,

сколько умѣлъ, старался разрѣшить его. Въ то время я не нашелъ въ педагогической литературѣ не только сочувствія, не нашелъ даже и противорѣчій, но совершеннѣйшее равнодушіе къ поставленному мною вопросу. Были нападки на нѣкоторыя подробности, мелочи, но самый вопросъ, очевидно, никого не интересовалъ. Я тогда былъ молодъ, и это равнодушіе огорчало меня. Я не понималъ, что я съ своимъ вопросомъ: почемъ вы знаете, чему и какъ учить?—былъ подобенъ тому человѣку, который бы, положимъ, хоть въ собраніи турецкихъ пашей, обсуждающихъ вопросъ о томъ, какъ бы побольше съ народа собрать податей, предложилъ бы имъ слѣдующее: гг., чтобы знать, съ кого сколько податей, надо разобрать вопросъ: на чемъ основано наше право взиманія? Очевидно, всѣ паши продолжали бы свое обсужденіе о мѣрахъ взысканія и только молчаніемъ отозвались бы на неумѣстный вопросъ. Но обойти вопросъ нельзя. 15 лѣтъ тому назадъ на него не обратили вниманія, и педагоги каждой школы, увѣренные, что всѣ остальные врутъ, а они правы, преспокойно предписывали свои законы, основывая свои положенія на философіи весьма сомнительнаго свойства, которую они подкладывали подъ свои теорійки.

А, между прочимъ, вопросъ этотъ совсѣмъ не такъ труденъ, если мы только совершенно отрѣшимся отъ предвзятыхъ теорій. Я пытался разъяснить и разрѣшить этотъ вопросъ, и, не повторяя тѣхъ доводовъ, которые желающій можетъ прочесть въ статьѣ, я выскажу результаты, къ которымъ я былъ приведенъ. «Единственный критеріумъ педагогіи есть свобода, единственный методъ есть опытъ». И я послѣ 15 лѣтъ ни на волосъ не измѣнилъ своего мнѣнія; но считаю нужнымъ съ большею опредѣленностью изложить то, что я разумѣю подъ этими словами относительно не только вообще образованія, но и частнаго вопроса народнаго образованія въ первоначальной школѣ. Лѣтъ 100 тому назадъ ни въ Европѣ, ни у насъ вопросъ о томъ, чему и какъ учить, не могъ имѣть мѣста. Образованіе было неразрывно связано съ религіей. Учиться грамотѣ значило учиться священному писанію. Въ магометанскихъ населеніяхъ до сихъ поръ существуетъ во всей силѣ эта связь между грамотой и религіей. Учиться—значитъ учить Коранъ и потому арабскій языкъ. Но какъ скоро критеріумомъ того, чему нужно учить, перестала быть религія, и школа стала независима отъ нея, вопросъ этотъ долженъ былъ явиться. Но онъ не явился потому, что школа не вдругъ, а незамѣтными шагами освобождалась отъ зависимости отъ религіи. Теперь всѣми признано, что религія не можетъ служить ни содержаніемъ, ни указаніемъ метода образованія, но что образованіе имѣетъ

своимъ основаніемъ другія требованія. Въ чемъ же состоятъ эти требованія,—на чемъ они основаны? Для того, чтобы эти основанія были несомнѣнны, необходимо: или чтобы они философски несомнѣнно были доказаны, или чтобы, по крайней мѣрѣ, всѣ образованные люди были въ нихъ согласны. Такъ ли это? Въ томъ, что въ философіи не найдены тѣ основы, на которыхъ можетъ строиться опредѣленіе того, чему нужно учить, не можетъ быть никакого сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что самое дѣло не есть отвлеченное, а практическое, зависящее отъ безчисленныхъ жизненныхъ условій. Еще менѣе можно найти эти основы въ общемъ согласіи всѣхъ людей, занимающихся этимъ дѣломъ,—въ согласіи, которое бы мы могли принять за практическое основаніе. Какъ выраженіе здраваго смысла всѣхъ. Не только въ дѣлѣ народнаго, но и въ дѣлѣ высшаго образованія мы видимъ полнѣйшее разногласіе между лучшими представителями образованія, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о классицизмѣ и реализмѣ. И, несмотря на отсутствіе основъ, мы видимъ, однако, что образованіе идетъ своимъ путемъ и въ общей массѣ руководствуется только однимъ принципомъ, именно свободой. Рядомъ существуютъ классическая и реальная школа, изъ которыхъ каждая готова считать себя единственною настоящею школою, и обѣ удовлетворяютъ потребности, такъ какъ родители отдаютъ своихъ дѣтей и въ ту и въ другую.

Въ народной школѣ точно такъ же право это опредѣлять то, чему надо учиться, съ какой бы стороны мы ни разсматривали этотъ вопросъ, принадлежитъ народу, т.-е. или самимъ ученикамъ, или родителямъ, посылающимъ дѣтей въ школу, и потому отвѣтъ на вопросъ, чему учить дѣтей въ народной школѣ, мы можемъ получить только отъ народа. Но мы скажемъ, можетъ быть, что намъ, высокообразованнымъ людямъ, не слѣдуетъ покоряться требованіямъ грубаго народа, намъ надо учить народъ, чего ему желать. Такъ думаютъ многіе, но на это могу сказать только одно: дайте твердое, несомнѣнное основаніе, почему то или другое избрано вами, покажите мнѣ такое общество, въ которомъ бы не было двухъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній на образованіе между высокообразованными, гдѣ бы не повторялось постоянно, что если попало образованіе въ руки духовенства—народъ образовываютъ въ одномъ духѣ, если образованіе въ рукахъ прогрессистовъ—народъ образовываютъ въ другомъ духѣ; покажите мнѣ такое общество, въ которомъ бы этого не было,—и я соглашусь съ вами. До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, нѣтъ другого критеріума, какъ свобода учащагося, при чемъ на мѣсто учащихся дѣтей въ дѣлѣ народной школы

становятся ихъ родители, т.-е. требованія народа. Требованія эти не только опредѣленны, совершенно ясны, вездѣ во всей Россіи одинаковы, но они такъ разумны и такъ широки, что включаютъ въ себя всѣ самыя разнородныя требованія людей, спорящихъ о томъ, чему нужно учить народъ. Требованія эти слѣдующія: знаніе русской и славянской грамоты и счетъ. Народъ вездѣ одинаково и несомнѣнно и исключительно опредѣляетъ для своего образованія эту программу и всегда и вездѣ ею удовлетворяется,—всякія же естественныя исторіи, географіи и исторіи (кромѣ священной), всякое наглядное обученіе народъ вездѣ и всегда считаетъ безполезными пустяками. Программа замѣчательна не однимъ единомысліемъ и твердой опредѣленностью, но, по моему мнѣнію, широтою своихъ требованій и вѣрностью взгляда. Народъ допускаетъ двѣ области знанія, самыя точныя и неподверженныя колебаніямъ отъ различныхъ взглядовъ,—языки и математику, а все остальное считаетъ пустяками. Я думаю, что народъ совершенно правъ. Во-первыхъ, потому, что въ этихъ знаніяхъ не можетъ быть полузнанія, фальши, которыхъ онъ терпѣть не можетъ; во-вторыхъ, потому, что область обоихъ этихъ знаній огромна. Русская и славянская грамота и счетъ, т.-е. знаніе одного мертваго и своего живого языка съ ихъ этимологическими и синтаксическими формами и литературой, и ариѳметика, т.-е. основаніе всей математики, составляютъ программу знаній, которыми, къ несчастью, обладаютъ очень рѣдкіе люди изъ образованнаго сословія. Въ-третьихъ, народъ правъ потому, что по этой его программѣ онъ будетъ обучаться въ первоначальной школѣ только тому, что откроетъ ему всѣ дальнѣйшіе пути знанія; ибо, очевидно, что основательное знаніе двухъ языковъ и ихъ формъ, и сверхъ того знаніе ариѳметики—открываетъ вполнѣ пути къ самостоятельному пріобрѣтенію всѣхъ другихъ знаній. Народъ, какъ будто чувствуя тотъ ложный пріемъ, съ которымъ къ нему относятся, когда ему предлагаютъ неправильные, несвязные отрывки разныхъ знаній, отталкиваетъ отъ себя эту ложь и говоритъ: «мнѣ одно нужно знать, церковный и свой языкъ, и законы чиселъ, а тѣ знанія, если понадобятся мнѣ, я самъ возьму». Итакъ, если допустить критеріумомъ того, чему учить, свободу, то программа народныхъ училищъ до тѣхъ поръ, пока народъ не заявилъ новыхъ требованій, ясно и твердо опредѣляется. Славянскій, русскій языкъ и ариѳметика до высшей возможной степени, и *ничего*, кромѣ этого. Это есть опредѣленіе предѣловъ программы народной школы, при которомъ однакоже никакъ нельзя сказать, чтобы требовалось веденіе этихъ трехъ предметовъ равномѣрно.

При такой программѣ, конечно, желательно бы было достиженіе и равномѣрныхъ успѣховъ по всѣмъ тремъ предметамъ; но нельзя сказать, чтобы преобладаніе одного предмета надъ другимъ было бы вредно. Задача состоитъ только въ томъ, чтобы не выходить изъ предѣловъ программы. Можетъ случиться, что, по требованіямъ родителей и въ особенности по знаніямъ учителя, выдастся особенно одинъ предметъ: у церковнослужителя—славянскій языкъ, у учителя изъ уѣзднаго училища—или русскій языкъ, или ариѳметика; во всѣхъ этихъ случаяхъ требованія народа будутъ удовлетворены, и преподаваніе не отступитъ отъ своего основного критеріума.

Вторая сторона вопроса,—какъ учить, т.-е. какъ узнать, какой методъ наилучшій, точно такъ же осталась и остается нерѣшенною.

Какъ въ первой сторонѣ вопроса: чему учить?—предположеніе, что на основаніи разсужденій можно основывать программу ученія, приводитъ къ противорѣчащимъ одна другой школамъ,—точно то же можно видѣть и въ вопросѣ: какъ учить? Возьмемъ самую первую ступень обученія грамотѣ. Одинъ утверждаетъ, что легче по карточкамъ; другой по *бъ, въ;* третій по Корфу; четвертый по бе, ве, ге и т. под. Говорятъ, что келейницы-дѣвушки выучиваютъ читать по буки-азъ-ба въ шесть недѣль. И каждый учитель, убѣжденный въ превосходствѣ своего способа, доказываетъ это превосходство или тѣмъ, что онъ скорѣе другихъ выучиваетъ, или разсужденіями въ родѣ тѣхъ, которыя приводятъ г. Бунаковъ и нѣмецкіе педагоги. Въ настоящее время, когда есть сотни примѣровъ, надо же точно знать, чѣмъ руководствоваться при выборѣ. Ни теорія, ни разсужденія, ни даже самые результаты ученія не могутъ вполнѣ показать этого.

Образованіе и ученіе разсматриваются обыкновенно отвлеченно, т.-е. разсматривается вопросъ о томъ, какъ наилучшимъ и наилегчайшимъ способомъ произвести надъ извѣстнымъ субъектомъ (одинъ ли это ребенокъ, или масса дѣтей) извѣстное дѣйствіе обученія. Взглядъ этотъ совершенно ложенъ. Всякое образованіе и ученіе не можетъ быть разсматриваемо иначе, какъ извѣстное отношеніе двухъ лицъ или двухъ совокупностей лицъ, имѣющихъ цѣлью образованіе или обученіе. Это опредѣленіе, болѣе общее, чѣмъ другія опредѣленія, въ особенности относится къ народному образованію, въ которомъ дѣло идетъ объ образованіи огромнаго количества лицъ и при которомъ не можетъ быть рѣчи объ идеальномъ образованіи. Вообще, при народномъ образованіи нельзя ставить вопросъ такъ: какъ дать наилучшее образованіе?—все равно, какъ нельзя при вопросѣ о питаніи

народа ставить вопросъ: какъ испечь самый питательный и лучшій хлѣбъ? А надо ставить вопросъ: какъ при данныхъ людяхъ, желающихъ учиться и желающихъ учить, устроить наилучшее отношеніе,— или: какъ изъ данной рѣшетной муки сдѣлать наилучшій хлѣбъ? Слѣдовательно, вопросъ: какъ учить? какой наилучшій методъ?—есть вопросъ о томъ, какое отношеніе между учащимъ и учащимся будетъ наилучшее?

Никто, вѣроятно, не станетъ спорить, что наилучшее отношеніе между учителемъ и учениками есть отношеніе естественности; что противоположное естественному отношенію есть отношеніе принудительности. Если это такъ, то мѣрило всѣхъ методовъ состоитъ въ бо́льшей или меньшей естественности отношеній, и потому въ меньшемъ или большемъ принужденіи при ученіи. Чѣмъ съ меньшимъ принужденіемъ учатся дѣти, тѣмъ методъ лучше; чѣмъ съ бо́льшимъ—тѣмъ хуже. Я очень радъ, что мнѣ не приходится доказывать этой очевидной истины. Всѣ согласны, что такъ же, какъ при гигіенѣ, не можетъ быть полезно употребленіе какихъ-нибудь кушаній, лѣкарствъ, упражненій, возбуждающихъ отвращеніе или боль, такъ и при ученіи не можетъ быть необходимости принуждать дѣтей заучивать что-нибудь имъ скучное и противное, и что если необходимость заставляетъ принуждать дѣтей, то это доказываетъ только несовершенство метода. Всякій, учившій дѣтей, вѣроятно, замѣчалъ, что чѣмъ хуже самъ учитель знаетъ предметъ, которому онъ учитъ, чѣмъ меньше онъ его любитъ, тѣмъ ему нужнѣе строгость и принужденіе; напротивъ, чѣмъ больше учитель знаетъ и любитъ предметъ, тѣмъ естественнѣе и свободнѣе его преподаваніе. Въ той мысли, что для успѣшнаго обученія нужно не принужденіе, а возбужденіе интереса ученика, согласны всѣ педагоги противной мнѣ школы. Разница между нами только та, что это положеніе о томъ, что ученіе должно возбуждать интересъ ребенка, у нихъ затеряно въ числѣ другихъ, противорѣчащихъ этому, положеній о *развитіи*, въ которомъ они увѣрены и къ которому принуждаютъ; тогда какъ я возбужденіе интереса въ ученикѣ, наивозможнѣйшее облегченіе и потому непринужденность и естественность ученія считаю основнымъ и единственнымъ мѣриломъ хорошаго и дурного ученія.

Всякое движеніе впередъ педагогики, если мы внимательно разсмотримъ исторію этого дѣла, состоитъ только въ большемъ и большемъ приближеніи къ естественности отношеній между учителемъ и учениками, въ меньшей принудительности и въ большей облегченности ученія.

Мнѣ дѣлали въ старину и теперь, знаю, сдѣлаютъ возраженіе, состоящее въ томъ, какъ найти эту границу свободы, которая должна быть допускаема въ школѣ? На это отвѣчу, что граница этой свободы сама собою опредѣляется учителемъ, его знаніемъ, его способностью руководить школой; что свобода эта не можетъ быть предписываема; мѣра этой свободы есть только результатъ большаго или меньшаго знанія и таланта учителя. Свобода эта не есть правило, но она служитъ повѣркой при сравненіи школъ между собою, и повѣркой при сравненіи новыхъ пріемовъ, вводимыхъ въ школьное обученіе. Та школа, въ которой меньше принужденія, лучше той, въ которой больше принужденія. Тотъ пріемъ, который при своемъ введеніи въ школу не требуетъ усиленія дисциплины, хорошъ; тотъ же, который требуетъ большей строгости, навѣрное дуренъ. Возьмите, напримѣръ, болѣе или менѣе свободную школу, такую, каковы мои школы, и попробуйте начать въ ней бесѣды о столѣ и потолкѣ или переставлять кубики,—посмотрите, какая каша сдѣлается въ школѣ и какъ почувствуется необходимость строгостью привести учениковъ въ порядокъ; попробуйте разсказывать имъ занимательно исторію или задавать задачи, или заставьте одного писать на доскѣ, а другихъ поправлять за нимъ ошибки, и спустите всѣхъ съ лавокъ,—увидите, что всѣ будутъ заняты, шалостей не будетъ, и не нужно будетъ усиливать строгость, и смѣло можно сказать, что пріемъ хорошъ.

Въ своихъ педагогическихъ статьяхъ я изложилъ теоретическія причины, по которымъ я нахожу, что только свобода выбора со стороны учащихся того, чему и какъ учить, можетъ быть основой всякаго обученія; на практикѣ же, сначала въ довольно большихъ, потомъ въ довольно тѣсныхъ размѣрахъ, я постоянно прилагалъ эти правила къ ведомымъ мною школамъ, и результаты всегда были очень хороши, какъ для учителей, для учениковъ, такъ и для выработки новыхъ пріемовъ,—что я смѣло говорю, такъ какъ сотни посѣтителей перебывали въ Ясно-полянской школѣ и видѣли и знали ее.

Для учителей послѣдствія такого отношенія къ ученикамъ были тѣ, что учителя не считали наилучшею ту методу, которую знали, а старались узнать другія методы, старались сближаться съ другими учителями, чтобы узнавать ихъ пріемы, испытывали новые пріемы и, главное, постоянно учились сами. Учитель никогда не позволялъ себѣ думать, что въ неуспѣхѣ виноваты ученики — ихъ лѣность, шаловливость, тупоуміе, глухота, косноязычіе,—а твердо зналъ, что въ неуспѣхѣ виноватъ только онъ, и на каждый недостатокъ ученика или учениковъ учитель старался отыскать средство. Для учениковъ послѣдствія были тѣ,

что они охотно учились, всегда просили учителей о зимнихъ вечернихъ классахъ и были совершенно свободны въ классѣ,— что, по моему убѣжденію и опыту, есть главное условіе успѣшнаго хода ученія. Между учителями и учениками всегда устанавливались дружескія, естественныя отношенія, при которыхъ только и возможно учителю узнать вполнѣ своихъ учениковъ. Если бы опредѣлять, по внѣшнему первому впечатлѣнію школы, различіе между церковной, нѣмецкой и моей, то главное различіе будетъ такое: въ церковной школѣ слышно особенное, неестественно-однообразное кричаніе всѣхъ учениковъ и изрѣдка строгіе крики учителя; въ нѣмецкой—слышенъ одинъ голосъ учителя и изрѣдка робкіе голоса учениковъ; въ моей— слышны громкіе голоса учителей и учениковъ почти вмѣстѣ.

Для пріемовъ обученія послѣдствія были тѣ, что ни одинъ пріемъ обученія не принимался и не откидывался потому, что онъ нравился или не нравился, а только потому, усвоивался или не усвоивался онъ учениками безъ принужденія. Но, кромѣ тѣхъ хорошихъ результатовъ, которые всегда безошибочно получались отъ приложенія моего способа мною самимъ и всѣми (болѣе 20) учителями, которые учили по моему способу (безошибочно, я говорю въ томъ смыслѣ, что ни разу у насъ не было ни одного ученика, которому бы не далась грамота),—кромѣ этихъ результатовъ, приложеніе тѣхъ началъ, о которыхъ я говорилъ, дѣлало то, что за всѣ эти 15 лѣтъ всѣ различныя видоизмѣненія, которымъ подчинялся мой пріемъ обученія, не только не отдалили его отъ требованій народа, но только болѣе и болѣе сближали съ нимъ. Народъ, по крайней мѣрѣ у насъ, знаетъ самый способъ и судитъ о немъ и предпочитаетъ его церковному, чего я не могу сказать о звуковомъ. Въ школахъ, введенныхъ по моему методу, учитель не можетъ оставаться неподвижнымъ въ знаніяхъ, какимъ онъ бываетъ и долженъ быть въ звуковой школѣ. Учитель по новой нѣмецкой манерѣ, если онъ хочетъ идти впередъ и совершенствоваться, долженъ слѣдить за педагогической литературой, т.-е. читать всѣ новыя выдумки о разговорахъ про суслика и о перестановкѣ кубиковъ. Не думаю, чтобы это подвинуло его въ личномъ образованіи. Напротивъ того, въ моей школѣ, такъ какъ предметы преподаванія, языкъ и математика, требуютъ положительнаго знанія, всякій учитель, подвигая учениковъ впередъ, чувствуетъ потребность самому учиться, что постоянно и повторялось со всѣми бывшими у меня учителями.

Кромѣ того, и самые пріемы обученія, такъ какъ они не разъ навсегда закрѣплены, а стремятся къ достиженію наилегчай-

шихъ и наипростѣйшихъ пріемовъ, видоизмѣняются и улуч шаются по указаніямъ, которыя учитель отыскиваетъ въ отношеніяхъ учащихся къ его преподаванію.

Совсѣмъ противоположное этому я вижу въ томъ, что, къ несчастью, творится въ школахъ нѣмецкой маперы, которыя искусственно вводятся у насъ въ послѣднее время. Непризнаніе того, что, прежде чѣмъ рѣшить, чему и какъ учить, надо рѣшить вопросъ: почему мы можемъ это узнать?—привело педагоговъ въ совершеннѣйшій разладъ съ дѣйствительностью, и та пучина, которая чувствовалась 15 лѣтъ тому назадъ между теоріей и практикой, теперь дошла до послѣднихъ предѣловъ. Теперь, когда народъ со всѣхъ сторонъ проситъ образованія, а педагогика еще дальше ушла въ личныя фантазіи, раздвоеніе это дошло до поражающаго безобразія.

Этотъ разладъ между требованіями педагогики и дѣйствительности обнаруживается особенно рѣзко въ послѣднее время не только въ самомъ дѣлѣ обученія, но и въ другой очень важной сторонѣ школьнаго дѣла, именно въ дѣлѣ администраціи школъ. Для того, чтобы показать, въ какомъ положеніи находилось, находится и могло бы находиться это дѣло, я буду говорить о Крапивенскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ которомъ живу, который знаю и который, по своему положенію, составляетъ типъ большинства уѣздовъ средней Россіи.

Въ 1862 году, въ участкѣ въ 10.000 душъ, когда я былъ посредникомъ, было открыто 14 школъ; кромѣ того, существовало школъ 10 въ томъ же участкѣ у причетниковъ и въ дворахъ между дворниками. Въ другихъ трехъ участкахъ уѣзда, сколько мнѣ извѣстно, существовало школъ 15 большихъ и 30 мелкихъ у причетниковъ и дворниковъ. Не говоря ни о количествѣ учащихся, которыхъ было, я полагаю въ общемъ не менѣе того, которое числится теперь, ни о самомъ ученіи, которое было частью плохо, частью хорошо, но и въ общемъ не хуже теперешняго,—я скажу о томъ, какъ и на чемъ тогда было основано это дѣло. Школы всѣ тогда, за самымъ малымъ исключеніемъ, были основаны на свободномъ договорѣ учителя или съ родителями учениковъ, платившими помѣсячно за ученіе, или на уговорѣ учителя со всѣмъ обществомъ крестьянъ, платившихъ огульно за всѣхъ. Такое отношеніе между родителями или обществами и учителями встрѣчается и теперь еще въ нѣкоторыхъ, очень рѣдкихъ мѣстахъ нашего уѣзда и вообще губерніи. Всякій согласится, что, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о качествѣ ученія, такое отношеніе учителя къ родителямъ и крестьянамъ есть самое справедливое, натуральное и желательное. Но, со введе-

ніемъ положенія 1864 года, это отношеніе уничтожилось и все болѣе и болѣе уничтожается. И всякій, знающій это дѣло въ дѣйствительности, замѣтитъ, что съ уничтоженіемъ этого отношенія народъ все менѣе и менѣе принимаетъ участія въ дѣлѣ своего образованія,—что и весьма естественно. Въ нѣкоторыхъ земствахъ даже сборъ крестьянъ на школы обращенъ въ земскій сборъ, и жалованье, назначеніе учителей, размѣщеніе школъ, все это дѣлается совершенно независимо отъ тѣхъ, для кого это дѣлается (въ теоріи крестьяне, безъ сомнѣнія, суть члены земства, но въ практикѣ этимъ посредственнымъ путемъ они не имѣютъ уже никакого вліянія на свои школы). Чтобы это было справедливо, вѣроятно, никто не станетъ утверждать, но скажутъ: безграмотные крестьяне не могутъ судить, что̀ хорошо, что̀ дурно, и мы должны устроить для нихъ, какъ мы знаемъ. Но почемъ мы знаемъ? Твердо ли мы знаемъ, всѣ ли мы одного мнѣнія, какъ устроить? И не выходитъ ли иногда очень дурно,—такъ какъ мы устраивали иногда гораздо хуже, чѣмъ какъ они сами устраивали? Такъ что, по отношенію въ административной сторонѣ школьнаго дѣла, мнѣ приходится опять поставить, на томъ же основаніи свободы, 3-й вопросъ: почему мы знаемъ, какъ лучше устраивать школы, распредѣлять ихъ? На этотъ вопросъ нѣмецкая педагогія даетъ совершенно послѣдовательный для своей системы отвѣтъ. Она знаетъ, какая наилучшая школа, она составила себѣ ясный, опредѣленный идеалъ до малѣйшихъ подробностей, до зданія, лавокъ, часовъ ученія и т. д. и даетъ отвѣтъ: школа должна быть такая-то, по этому образцу,—она одна хорошая и всѣ другія вредны. Я знаю, что хотя желаніе Генриха IV дать супъ съ курицей каждому французу было неосуществимо, нельзя было сказать, что желаніе это ложно. Но совсѣмъ въ другое положеніе становится дѣло, когда этотъ супъ еще очень сомнительнаго свойства и не есть супъ съ курицей, но непитательная болтушка. А между тѣмъ, такъ называемая наука педагогики въ этомъ дѣлѣ неразрывно связана съ властью; и въ Германіи, и у насъ предписываются такія-то идеальныя, одноклассныя, двухклассныя и т. д. училища; и педагогическая и административная власть знать не хочетъ того, какъ народъ желалъ бы самъ устроить свое образованіе. Посмотримъ же, какъ въ дѣйствительности отразился на школьномъ дѣлѣ такой взглядъ на народное образованіе.

Начиная съ 1862 года въ народѣ у насъ все больше и больше стала укрѣпляться мысль о томъ, что нужна грамота (образованіе): съ разныхъ сторонъ, у церковно-служителей, у наемныхъ учителей, при обществахъ учреждались школы. Дурныя

или хорошія школы,—но онѣ были самородныя и вырастали прямо изъ потребности народа; со введеніемъ положенія 1864 года настроеніе это еще усилилось, и въ 1870 году въ Крапивенскомъ уѣздѣ по отчетамъ было до 60 школъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ завѣдываніе школьнаго дѣла стали влипать болѣе и болѣе чиновники министерства и члены земства, въ Крапивенскомъ уѣздѣ закрыто 40 школъ и запрещено открывать новыя школы низшаго разбора. Я знаю, что тѣ, которые закрыли школы, утверждаютъ, что школы эти существовали только номинально и были очень дурны; но я не могу вѣрить этому потому, что изъ 3-хъ деревень: Тросны, Ламинцова и Ясной Поляны, мнѣ извѣстны хорошо обученные грамотѣ ученики, а школы эти закрыты. Я знаю тоже, что многимъ покажется непонятнымъ, что такое значитъ: воспрещеніе открывать школы? Это значитъ то, что, на основаніи циркуляра министерства просвѣщенія о томъ, чтобы не допускать учителей ненадежныхъ (что, вѣроятно, относилось къ нигилистамъ), училищный совѣтъ наложилъ запрещеніе на мелкія школы у дьячковъ, солдатъ и т. п., которыя крестьяне сами открывали и которыя, вѣроятно, не подходятъ подъ мысль циркуляра. Но существуютъ зато 20 школъ съ учителями, которые предполагаются хорошими, потому что получаютъ по 200 рублей сер. жалованья; и земствомъ разосланы книги Ушинскаго, и школы эти называются одноклассными, въ нихъ учатъ по программѣ и учатъ круглый годъ, т.-е. лѣтомъ, за исключеніемъ іюля и августа.

Отрѣшившись отъ вопроса о самомъ качествѣ прежнихъ школъ, посмотримъ на административную ихъ сторону и сравнимъ съ этой стороны, что̀ было, съ тѣмъ, что̀ дѣлается теперь. Въ административной внѣшней сторонѣ школьнаго дѣла есть 5 главныхъ предметовъ, такъ тѣсно связанныхъ съ самимъ школьнымъ дѣломъ, что отъ хорошаго или дурного ихъ устройства зависитъ въ большой степени успѣхъ и распространеніе народнаго образованія. Эти 5 предметовъ слѣдующіе: 1) школьное помѣщеніе; 2) распредѣленіе времени ученія; 3) распредѣленіе школъ по мѣстностямъ; 4) выборъ учителя; 5) главное,—матеріальныя средства—вознагражденіе учителей.

По вопросу о помѣщеніи—народъ, когда онъ самъ для себя устраиваетъ школу, рѣдко затрудняется, и если общество богато и есть какое-нибудь общественное строеніе: хлѣбный магазинъ, опустѣвшій кабакъ,—общество отдѣлываетъ его; если нѣтъ, оно покупаетъ, иногда даже у помѣщика, иногда и само строитъ. Если общество не богато и не велико, то оно нанимаетъ помѣщеніе у мужика или даже устанавливаетъ чередъ, такъ что учитель

переходитъ изъ избы въ избу. Если общество, какъ оно большею частью дѣлаетъ, избираетъ учителемъ кого-нибудь изъ своей среды: двороваго, солдата, церковно-служителя, то школа помѣщается въ домѣ этихъ лицъ, и общество беретъ на себя только отопленіе. Во всякомъ случаѣ мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы вопросъ о помѣщеніи школы когда-нибудь затруднялъ общество, и чтобы не толко половина всей суммы, назначенной на ученье, тратилась, какъ это дѣлается училищными совѣтами, на постройки, но даже, чтобы тратилась $^1/_{16}$ или $^1/_{10}$ часть всей суммы. Такъ или иначе устраивались крестьянскія общества, но вопросъ о помѣщеніи никогда не считался затруднительнымъ. Только подъ вліяніемъ высшаго начальства встрѣчаются примѣры того, что общества строятъ каменные дома подъ желѣзо для школъ. Крестьяне полагаютъ, что школа не въ строеніи, а въ учителѣ, и что школа не должна быть постояннымъ учрежденіемъ, а, какъ скоро выучатся родители, то слѣдующее поколѣніе и безъ школы будетъ грамотное. Земско-министерское же вѣдомство вездѣ предполагаетъ,—такъ какъ для него вся задача состоитъ въ томъ, чтобы ревизовать и классифицировать,—что главное основаніе школы есть зданіе, что школа есть устройство перманентное, и потому, сколько мнѣ извѣстно, тратитъ теперь около половины денегъ на постройки и пустыя школы записываетъ въ списки школъ 3-го разряда. Въ Крапивенскомъ земствѣ изъ 2.000 руб. на постройки тратится 700 руб. Земско-министерское вѣдомство не можетъ признать того, чтобы учитель (тотъ учитель—образованный педагогъ, который предполагается для народа) могъ унизиться до того, чтобы, какъ портной, ходить изъ избы въ избу или учить въ курной избѣ. Но народъ ничего не предполагаетъ, а знаетъ только то, что на свои денежки онъ можетъ нанимать, кого хочетъ, и если хозяева-наниматели живутъ въ курныхъ избахъ, то и наемнику-учителю не пристало этимъ брезгать.

По второму вопросу, о раздѣленіи школьнаго времени, народъ всегда и вездѣ неизмѣнно заявляетъ одно требованіе: это то, чтобы ученіе шло *только зимою*.

Вездѣ одинаково родители съ весны перестаютъ посылать своихъ дѣтей, и дѣти, остающіяся въ школѣ, около $^1/_4$ или $^1/_5$ части—мелкота или дѣти богатыхъ родителей,—ходятъ неохотно. Когда народъ самъ нанимаетъ учителя, онъ всегда нанимаетъ его помѣсячно на зимніе мѣсяцы. Земско-министерское вѣдомство предполагаетъ, что, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ заведено 2 мѣсяца вакаціи, то такъ же должно быть и въ одноклассномъ сельскомъ училищѣ. Съ точки зрѣнія земско-мини-

стерской это совершенно резонно: дѣти не забудутъ ученья, учитель обезпеченъ на весь годъ, и ревизорамъ удобно лѣтомъ ѣздить по школамъ; но народъ этого ничего не знаетъ, а здравый смыслъ его говоритъ ему, что зимой дѣти спятъ 10 часовъ, поэтому головы ихъ свѣжи, что зимою забавъ и работъ для дѣтей нѣтъ, и если зимой учить подольше, захватывая вечера, на что нужно въ зиму въ $1^1/_2$ руб. лампу и на столько же керосина, то ученія будетъ довольно. Не говоря уже о томъ, что лѣтомъ всякій мальчикъ мужику нуженъ, и что лѣтомъ идетъ ему жизненное ученіе, которое важнѣе школьнаго. Народъ говоритъ, что за годъ платить намъ учителю не за что, лучше мы прибавимъ ему за зимніе мѣсяцы—ему будетъ лестнѣе. И мы скорѣе найдемъ учителя за 25 рублей въ мѣсяцъ на семь мѣсяцевъ, чѣмъ за 12 руб. въ мѣсяцъ на весь годъ. А на лѣто учитель наймется въ другое мѣсто.

По третьему вопросу, о распредѣленіи школъ по мѣстностямъ, распоряженія народа въ особенности отличаются отъ распоряженія училищнаго совѣта. Во-первыхъ, распредѣленіе школъ, т.-е. больше или меньше ихъ распространено въ извѣстной мѣстности, всегда (когда народъ самъ распоряжается) зависитъ отъ всего характера населенія. Гдѣ народъ больше занимается промысломъ, ходитъ на заработки, гдѣ ближе къ городамъ, гдѣ ему нужнѣе грамота—тамъ и больше школъ; гдѣ мѣстность болѣе глухая, земледѣльческая—тамъ ихъ меньше. Во-вторыхъ, когда народъ самъ распоряжается, онъ распредѣляетъ школы такъ, чтобы каждый родитель имѣлъ возможность пользоваться школою за свои деньги, т.-е. посылать въ нее своихъ дѣтей. Крестьяне маленькихъ неотдаленныхъ деревень въ 40—30 душъ, какихъ наберется большая половина всего населенія, предпочитаютъ имѣть дешевенькаго учителя у себя въ деревнѣ, чѣмъ дорогого въ центрѣ волости, куда ихъ дѣти не могутъ ходить и ѣздить. Отъ этого распредѣленія школъ самыя школы, устраиваемыя крестьянами, правда, отдаляются отъ требуемаго образца школы, но зато получаютъ самыя разнообразныя формы, подделывающіяся повсюду къ мѣстнымъ условіямъ. Тутъ церковнослужитель учитъ изъ сосѣдней деревни 8 мальчиковъ въ своей квартирѣ, по 50 коп. въ мѣсяцъ. Тутъ маленькая деревня наняла солдата за 8 рублей въ зиму, и онъ ходитъ по дворамъ. Здѣсь богатый дворникъ нанялъ къ своимъ дѣтямъ учителя за 5 руб. и харчи, и сосѣдніе крестьяне пристроились къ нимъ, приплачивая учителю по 2 руб. за мальчика. Тамъ большая деревня или тѣсно сидящая волость собрала по 15 коп. съ души и съ 1.200 душъ наняла учителя за 180 рублей въ зиму. Тамъ священникъ учитъ, получая вознагражденіе, иногда деньги, иногда

помощь работой, иногда то и другое. Главное различіе въ этомъ отношеніи взгляда крестьянъ отъ взгляда земства состоитъ въ томъ, что крестьяне, по мѣстнымъ условіямъ, болѣе или менѣе имъ выгоднымъ, устраиваютъ лучшаго или худшаго качества школы, но такъ, что нѣтъ ни одной мѣстности, которая бы такъ или иначе не могла устроить у себя ученіе, тогда какъ, при земскомъ устройствѣ, большая половина населенія остается внѣ всякой возможности въ какомъ бы то ни было *дальнемъ будущемъ* воспользоваться образованіемъ. Въ отношеніи мелкихъ деревень, составляющихъ вездѣ половину населенія, земско-министерское вѣдомство дѣйствуетъ весьма рѣшительно. Оно говоритъ: мы учреждаемъ школу тамъ, гдѣ есть помѣщеніе и гдѣ крестьяне съ волости собрали столько денегъ, чтобы держать учителя въ 200 руб.; мы добавляемъ отъ земства, сколько недостаетъ. И школа вносится въ списки, а деревни, которыя отдалены отъ школы, могутъ возить своихъ дѣтей, если хотятъ. Разумѣется, крестьяне не возятъ, потому что далеко, а платятъ. Такъ въ Ясенецкой волости всѣ платятъ за 3 школы, но пользуются школами 3 деревни въ 450 душъ, а всѣхъ душъ 3.000,—такъ что пользуется школами одна седьмая населенія, а платятъ всѣ. Въ Чермошенской волости 900 душъ, и есть школа, но въ школѣ учатся только до 30 учениковъ, такъ какъ всѣ деревни волости разбросаны. На 900 душъ должно быть около 400 учащихся. А между прочимъ, и въ Ясенецкой, и въ Чермошенской волости дѣло распредѣленія школъ уже считается удовлетворительно поконченнымъ.

По отношенію къ выбору учителя, народъ тоже руководствуется совершенно другими взглядами, чѣмъ земство. Народъ, избирая учителя, по-своему смотритъ и цѣнитъ его достоинства, какъ учителя. Если учитель побывалъ въ околоткѣ, и народъ знаетъ, какіе бываютъ результаты его ученія,—онъ цѣнитъ его по этимъ результатамъ, какъ хорошаго или дурного учителя; но помимо учительскихъ качествъ, народъ смотритъ на то, чтобы учитель былъ человѣкъ близкій къ мужику, умѣющій понимать его жизнь и говорить русскимъ языкомъ, и потому всегда предпочтетъ сельскаго городскому учителю. Но при этомъ народъ не имѣетъ никакихъ пристрастій или антипатій къ какому бы то ни было классу: дворянинъ, чиновникъ, мѣщанинъ, солдатъ, дьячокъ, священникъ—все равно, только бы былъ человѣкъ простой и русскій. Поэтому крестьяне и не имѣютъ никакого повода исключать церковнослужителей изъ учителей, какъ это дѣлаютъ земства. Земства выбираютъ учителей изъ чуждыхъ людей, выписываютъ изъ городовъ, народъ же пріискиваетъ ихъ въ

своей средѣ. Главное же различіе въ этомъ отношеніи между взглядомъ обществъ и земства состоитъ въ томъ, что у земства есть одинъ типъ—учитель, слушавшій педагогическіе курсы, кончившій курсъ семинаріи или училища, въ 200 р. У народа, который не исключаетъ и этого учителя и цѣнитъ его, если онъ хорошъ, есть градаціи всѣхъ возможныхъ учителей. Кромѣ того, у большей части училищныхъ совѣтовъ есть опредѣленные любимые типы учителей, большею частью типы, чуждые народу и чуждые народа, и есть нелюбимые типы. Такъ, очевидно, любимый типъ многихъ уѣздовъ Тульской губерніи есть учительницы; нелюбимый же типъ есть церковнослужители, и во всемъ Тульскомъ уѣздѣ и Крапивенскомъ нѣтъ ни одной школы съ учителемъ изъ духовныхъ лицъ, что въ административномъ отношеніи очень замѣчательно. Въ Крапивенскомъ уѣздѣ 50 приходовъ. Церковнослужители суть самые дешевые учители, такъ какъ имѣютъ осѣдлость и большею частью могутъ учить въ своемъ домѣ съ помощью жены, дочерей,—и они-то, какъ нарочно, всѣ обойдены, какъ будто они самые вредные люди.

По отношенію къ вознагражденію учителей отличіе взгляда народа отъ взгляда земства уже почти все высказано въ предыдущемъ. Оно состоитъ: 1) въ томъ, что народъ беретъ себѣ учителя по средствамъ и признаетъ и знаетъ по опыту, что учители есть на всѣ цѣны—отъ двухъ пудовъ муки въ мѣсяцъ до 30 руб. въ мѣсяцъ; 2) что учителя надо вознаграждать только за зимніе мѣсяцы—тѣ, въ которые можетъ быть ученье; 3) что народъ, какъ въ устройствѣ помѣщенія, такъ и при вознагражденіи учителя, всегда умѣетъ найти дешевый путь вознагражденія: они даютъ муку, сѣно, подводы, яйца и различныя мелочи, незамѣтныя для міра, но улучшающія положенія учителя; 4) главное то, что учителю платятъ и прибавляютъ—или родители учениковъ помѣсячно, или все общество, пользующееся выгодами школы, а не незаинтересованная прямо въ этомъ дѣлѣ администрація.

Земско-министерское вѣдомство въ этомъ отношеніи и не можетъ поступать иначе, какъ оно поступаетъ. Норма жалованья для образцоваго учителя дана, слѣдовательно, нужно собрать какъ бы то ни было эти средства. Напримѣръ, предполагается обществомъ учредить школу,—волость даетъ извѣстное количество копеекъ съ души. Земство соображаетъ, сколько прибавить? Нѣтъ требованій другихъ школъ,—оно даетъ больше, иногда вдвое того, что дало общество; иногда, если всѣ деньги распредѣлены, даетъ меньше или вовсе отказываетъ. Такъ, въ Крапивенскомъ уѣздѣ есть общество, дающее 90 рублей, и зем-

ство къ нимъ приплачиваетъ 300 на школу съ помощникомъ; и есть другое общество, дающее 250 руб., и земство приплачиваетъ 50 руб.; и третье общество, которое предлагаетъ 56 руб., и земство отказываетъ ему въ прибавкѣ и въ открытіи школы, такъ какъ этихъ денегъ недостаточно для нормальной школы, а деньги уже распредѣлены. Итакъ, главныя различія въ административномъ отношеніи взгляда народа и земства слѣдующія: 1) земство обращаетъ большое вниманіе на помѣщеніе и тратитъ на него большія деньги,—народъ обходитъ эти затрудненія домашними экономическими средствами и смотритъ на школы грамотности, какъ на преходящія временныя учрежденія; 2) земско-министерское вѣдомство требуетъ ученья круглый годъ, за исключеніемъ іюля и августа, и нигдѣ не вводитъ вечернихъ классовъ,—народъ требуетъ ученья только зимою и любитъ вечерніе классы; 3) земско-министерское вѣдомство имѣетъ опредѣленный типъ учителей, ниже котораго оно не признаетъ школы, и имѣетъ отвращеніе къ церковникамъ и вообще мѣстнымъ грамотеямъ,—народъ никакой нормы не признаетъ и избираетъ учителей преимущественно изъ жителей мѣстныхъ; 4) земско-министерское вѣдомство распредѣляетъ школы случайно, т.-е. руководствуясь тѣмъ только, чтобы могло составиться нормальное училище, и не заботится о той большей половинѣ населенія, которая при этомъ распредѣленіи остается внѣ школьнаго образованія,—народъ не признаетъ не только опредѣленной внѣшней формы школы, а самыми разнообразными путями пріобрѣтаетъ себѣ на всякія средства учителей, устраиваетъ школы худшія и дешевыя на маленькія средства, хорошія и дорогія на большія средства, и при этомъ преимущественно обращаетъ вниманіе на то, чтобы всѣ мѣстности пользовались на свои деньги ученьемъ; 5) земско-министерское вѣдомство опредѣляетъ одну мѣру вознагражденія, довольно высокую, и произвольно увеличиваетъ прибавку отъ земства,—народъ требуетъ наивозможнѣйшей экономіи и распредѣляетъ вознагражденіе такъ, чтобы оно платилось прямо тѣми, чьи дѣти учатся.

Кажется, излишне распространяться о томъ, въ какой мѣрѣ ясно выражается въ этихъ требованіяхъ здравый смыслъ народа въ противоположность тому искусственному устройству, въ которое, при самомъ его нарожденіи, уже пытаются заковать дѣло народнаго образованія, но, кромѣ этого, чувство справедливости невольно возмущается противъ такого порядка вещей. Посмотрите, что, собственно, дѣлается. Народъ почувствовалъ потребность образованія и началъ дѣйствовать къ достиженію своей цѣли. Кромѣ всѣхъ налоговъ, которые онъ платитъ

онъ наложилъ самъ на себя налогъ для образованія, т.-е. сталъ нанимать учителей. Что же мы сдѣлали? «А ты платишь еще,— сказали мы.—Постой же, ты глупъ, грубъ. Давай деньги, мы тебѣ устроимъ эго лучше».

Народъ отдалъ деньги (какъ я говорилъ, во многихъ земствахъ сборъ на училища прямо обратили въ налогъ). Взяли деньги и устроили ему образованіе.

Я не повторяю о томъ, что устроено образованіе искусственное, но какъ устроили самое дѣло? Въ Крапивенскомъ уѣздѣ 40.000 душъ, считая и дѣвочекъ, по послѣдней ревизіи. На 40.000 душъ, по таблицѣ Буняковскаго, «распредѣленія 10.000 православнаго населенія по возрастамъ, за 1862 г.», мужского пола отъ 6 до 14 лѣтъ должно быть 1.834, женскаго пола—1.989; итого 3.823 на 10.000. По моимъ же наблюденіямъ—болѣе этого, вѣроятно, отъ прибыли населенія, такъ что среднее число учащагося населенія смѣло можно положить въ 4.000. Въ школѣ, среднимъ числомъ, бываетъ въ большихъ центрахъ 60 учащихся, въ малыхъ же центрахъ отъ 10 до 25. Для того, чтобы всѣ учились, нужны школы въ большей половинѣ населенія въ малыхъ центрахъ, по 10, 15 и 20 учениковъ; такъ что норма училища, по моему мнѣнію, болѣе 30 человѣкъ. Сколько же нужно училищъ на 16.000? 16.000 дѣлимъ на 30=530 училищъ. Положимъ, что, хотя при открытіи школъ, поступятъ всѣ ученики отъ 7 до 15-лѣтняго возраста, но что не всѣ они будутъ ходить въ продолженіе всѣхъ 8 лѣтъ; скинемъ со счетовъ 1/4 часть, т.-е. 130 училищъ, и, слѣдовательно, 4.200 учащихся. Положимъ, школъ 400. Устроено только 20 училищъ. Земство даетъ 2.000 руб., прибавило 1.000, стало 3.000. Съ крестьянъ собирается съ нѣкоторыхъ по 15 к. съ души, около 4.000. На постройки училищъ идетъ 700 р., на педагогическіе курсы въ одинъ годъ издержано 1.200 р. Но положимъ, что земство будетъ дѣйствовать совершенно просто и разумно, не тратя на курсы и другіе пустяки; положимъ, что со всѣхъ крестьянъ будетъ собирать по 15 к. новаго училищнаго налога,—какая же будущность этого дѣла? Съ крестьянъ 6.000, съ земства 3.000, итого 9.000. Положимъ, что прибавится еще 10 школъ; 9.000 только въ обрѣзъ достанетъ на поддержаніе этихъ школъ, и то только въ томъ случаѣ, если училищный совѣтъ будетъ дѣйствовать въ высшей степени разумно и экономно. Слѣдовательно, при земской администраціи 30 школъ па 40.000 душъ есть высшій предѣлъ того, до чего можетъ достигнуть распространеніе школьнаго дѣла въ уѣздѣ. И этого предѣла можетъ достигнуть школьное дѣло только въ томъ случаѣ, если всѣ крестьяне наложатъ на себя налогъ въ 15 к. съ души,

что весьма сомнительно, если распоряженіе этими деньгами будетъ въ рукахъ не крестьянъ, а земства. Я не говорю о возможной со стороны земства прибавкѣ къ 3.000, потому что эта прибавка въ 3.000 рублей частью лежитъ на тѣхъ же крестьянахъ, съ другой стороны ничѣмъ не обезпечена и составляетъ совершенно случайное средство. Итакъ, чтобы привести дѣло народнаго образованія въ то положеніе, въ которомъ оно должно быть, т.-е. чтобы на 40.000 душъ было 400 училищъ, и чтобы школы не были игрушкой, а отвѣчали на дѣйствительную потребность народа, нѣтъ другого выхода, какъ наложить на крестьянъ не 15 коп., а 3 руб. съ души, съ тѣмъ, чтобы составилась та необходимая сумма въ 300 р. на училище. Да и тогда я не вижу причины, почему устроилось бы столько школъ, сколько нужно. Развѣ мы не видимъ что теперь, когда самое простое ариѳметическое вычисленіе показываетъ, что одно средство для преуспѣянія школъ есть упрощеніе пріемовъ, простота, дешевизна устройства школы,—педагоги, какъ будто на пари, выдумываютъ, какъ бы потруднѣе, посложнѣе, подороже (и, не могу не прибавить, похуже) придумать обученіе? У гг. Бунакова и Евтушевскаго я насчиталъ на 300 р. учебныхъ пособій, по ихъ понятію, совершенно необходимыхъ для устройства первоначальной школы. А въ педагогическихъ кружкахъ только и рѣчи, чтобы готовить въ семинаріяхъ учителей такихъ усовершенствованныхъ, что его и за 400 р. не наймешь въ деревню. На томъ пути усовершенствованій, на какомъ стоитъ педагогія, для меня совершенно очевидно, что если бы собрали съ уѣзда 120.000 р., педагоги нашли бы имъ мѣсто и въ 20 училищахъ съ подвинчивающимися столами, семинаріями для учителей и т. п. Развѣ мы не видѣли, что въ Крапивенскомъ уѣздѣ закрыли 40 школъ, и тѣ, которые закрыли, вполнѣ увѣрены, что они подвинули этимъ школьное дѣло, такъ какъ у нихъ теперь 20 школъ *хорошихъ*? И замѣчательнѣе всего, что тѣ, кто заявляетъ эти требованія, нимало не заботятся ни о томъ, нужно ли это тому народу, для котораго они все это готовятъ, ни еще менѣе, кто за это будетъ платить? Но земства такъ затуманены всѣми этими требованіями, что не видятъ простого расчета и простой справедливости. Точно человѣкъ попросилъ бы меня купить для него въ городѣ 2 пуда муки на мѣсяцъ, а я бы на этотъ рубль купилъ ему коробку вонючихъ конфектъ, и еще упрекалъ бы его въ невѣжествѣ за то, что онъ недоволенъ.

Слѣдуя своему правилу, что критика должна указывать на то, какимъ должно быть то, что нехорошо, постараюсь указать на то, какъ должно бы быть устроено школьное дѣло для того,

чтобы оно не было игрушкой и имѣло будущность. Отвѣтъ тотъ же, какъ и на первые два вопроса,—свобода. Нужно предоставить народу свободу устраивать свои школы какъ онъ хочетъ, и вмѣшиваться въ самое дѣло устройства школъ какъ можно меньше. Только при такомъ взглядѣ на дѣло уничтожатся тотчасъ главныя препятствія къ распространенію школъ, которыя казались непреодолимыми. Главныя препятствія—*недостаточность средствъ и невозможность увеличить ихъ*. На первое народъ отвѣчаетъ тѣмъ, что онъ употребляетъ всевозможныя мѣры, чтобы школы обходились дешево; на второе народъ отвѣчаетъ, что средства всегда найдутся, былъ бы онъ самъ хозяинъ, а только на заведеніе того, чего ему не нужно, прибавлять средствъ онъ не согласенъ. Существенное различіе взгляда народа и взгляда земско-министерскаго вѣдомства состоитъ въ слѣдующемъ: 1) по мнѣнію народа, нѣтъ никакой одной опредѣленной нормы и формы школы, внѣ и ниже которой школа уже не признаваема, какъ это предполагаетъ земско-министерское вѣдомство; школа можетъ быть всякая: и самая лучшая дорогая, и самая плохонькая дешевая: но и въ самой плохонькой можно научиться грамотѣ и пользоваться ею, и какъ на богатый приходъ назначаютъ получше попа и церковь строятъ побогаче, такъ и на богатое село можно получше устроить школу, а на бѣдное похуже; но какъ молиться можно одинаково и въ богатомъ и въ бѣдномъ приходѣ, такъ точно и учиться; 2) народъ считаетъ для своего образованія первымъ необходимымъ условіемъ равномѣрное, по всѣмъ одинаковое разлитіе образованія, хотя въ самой низшей степени, а потомъ уже предполагаетъ дальнѣйшее, опять же равномѣрное поднятіе образованія. Земско-министерское же вѣдомство какъ будто считаетъ нужнымъ дать нѣкоторымъ счастливцамъ избраннымъ, $^1/_{20}$ всѣхъ, образованіе, какъ образчикъ того, какъ оно хорошо; 3) различіе то, что земско-министерское вѣдомство, или не умѣя, или нарочно не желая считать, подняло все школьное дѣло на такую высокую, дорогую, совсѣмъ чуждую народу ступень, что при той высокой цѣнѣ, въ которую обходится образованіе, не предвидится никакого выхода изъ этого положенія и число учащихся никогда не можетъ увеличиться; народъ же, умѣя считать, и заинтересованный въ этомъ счетѣ, вѣроятно, уже давно сдѣлалъ тотъ расчетъ, про который я говорилъ, и ясно какъ день видитъ, что эти дорогія школы, обходящіяся рублей по 400 на каждую, хотя, можетъ-быть, и хороши, но не тѣ, какія ему нужны, и всѣми средствами старается уменьшить расходы своихъ школъ.

Какъ же поступить, что же дѣлать земствамъ теперь для того, чтобы дѣло это не было игрушкой и забавой, а имѣло будущность? Сообразоваться съ требованіями народа и сколь возможно болѣе удешевлять, освобождать формы школы и предоставлять обществамъ наибольшую власть въ устройствѣ школъ.

Для этого нужно, чтобы земства отказались совершенно отъ распредѣленія сборовъ на училища и распредѣленія училищъ по мѣстностямъ, а предоставили бы это распредѣленіе самимъ крестьянамъ. Опредѣленіе платы учителю, наемъ, покупка или постройка дома, выборъ мѣста и самого учителя—все это должно быть вполнѣ предоставлено крестьянамъ. Земство, т.-е. училищный совѣтъ долженъ только просить общества—сообщить ему о томъ, гдѣ и на какихъ основаніяхъ устроены училища, и не съ тѣмъ, чтобы, узнавши, запрещать эти школы, какъ это дѣлается теперь, но съ тѣмъ, чтобы, узнавши про условія существованія училища, прибавлять (если условія эти согласны съ требованіями совѣта) отъ земства въ пособіе основавшемуся училищу извѣстную, разъ опредѣленную, долю того, сколько училище стоитъ обществу: половину, треть, четверть, смотря по количеству училищъ и средствамъ и желанію земства. Такъ, напримѣръ, одна деревня въ 20 душъ нанимаетъ прохожаго на зиму за два рубля въ мѣсяцъ учить ребятъ. Училищный совѣтъ, т.-е. довѣренное отъ него лицо, о которомъ скажу послѣ, получивъ о томъ свѣдѣніе, выписываетъ прохожаго къ себѣ, разспрашиваетъ его, что̀ онъ знаетъ, какъ учитъ, и если только прохожій хоть немного грамотенъ и ничего зловреднаго не представляетъ, назначаетъ ему въ прибавку ту долю, которая опредѣлена земствомъ, половину или треть или четверть. Точно такъ же училищный совѣтъ поступаетъ и въ отношеніи священноцерковнослужителя, нанятаго обществомъ за 5 рублей въ мѣсяцъ, или учителя, нанятаго за 15 рублей въ мѣсяцъ. Само собою разумѣется, что такъ поступаетъ училищный совѣтъ въ отношеніи тѣхъ учителей, которыхъ общества нанимаютъ сами; но если общества обращаются къ училищному совѣту, то онъ рекомендуетъ имъ учителей на тѣхъ же условіяхъ. Но при этомъ земство не должно забывать, что учителя не должны быть, какъ теперь, только въ 200 рублей; училищный совѣтъ долженъ быть адресной конторой для учителя всякаго рода и всякихъ цѣнъ, отъ одного рубля до 30 рублей въ мѣсяцъ. На постройки училищный совѣтъ ничего не тратитъ и ничего не прибавляетъ, такъ какъ это одинъ изъ самыхъ непроизводительныхъ расходовъ. Но земство не должно брезгать, какъ это дѣлается теперь, дешевыми учителями въ 2, 3, 4, 5 рублей въ мѣсяцъ и помѣщеніями въ кур-

ныхъ избахъ или переходными помѣщеніями по дворамъ. Земство должно помнить, что первообразъ училища, тотъ идеалъ, къ которому должно стремиться, не есть каменный домъ, желѣзомъ крытый, съ досками и партами, какія мы видимъ въ образцовыхъ училищахъ, а та самая изба, въ которой мужикъ живетъ, съ тѣми лавками и столами, на которыхъ онъ обѣдаетъ,— и не учитель въ сюртукѣ и учительница въ шиньонѣ, а учитель въ кафтанѣ и рубахѣ, или паневѣ и платкѣ на головѣ, и не съ сотней учениковъ, а съ 5, 6 до 10. Земство не должно имѣть пристрастій или антипатій къ извѣстнымъ типамъ учителей, какъ это дѣлается теперь. Теперь, напримѣръ, въ тульскомъ земствѣ есть пристрастіе къ типу учительницъ изъ гимназій и духовныхъ училищъ, и большая часть училищъ въ Тульскомъ уѣздѣ завѣдуется ими. Въ Крапивенскомъ уѣздѣ есть странная антипатія къ учителямъ изъ духовенства, такъ что на уѣздъ, въ которомъ до 50 приходовъ, нѣтъ ни одного учителя изъ церковнослужителей. Земство при предложеніи учителей должно руководствоваться двумя главными соображеніями: во-первыхъ, чтобы учитель былъ какъ можно дешевле; во-вторыхъ, чтобы онъ, по своему воспитанію, какъ можно ближе стоялъ къ народу. Только благодаря противоположному взгляду на дѣло, можно объяснить себѣ то, напримѣръ, непонятное явленіе, что въ Крапивенскомъ уѣздѣ (почти то же во всей губерніи и въ большинствѣ губерній) есть 50 приходовъ и 20 школъ, и на всѣ 20 школъ нѣтъ ни одного учителя священно-и церковнослужителя, тогда какъ нѣтъ прихода, въ которомъ бы не нашлись священникъ или дьяконъ, дьячокъ, ихъ дочери, жены, которые не взяли бы на себя охотно учительское занятіе за вчетверо меньшую плату, чѣмъ могутъ взять учитель или учительница, изъ города пріѣзжающіе въ деревню. Но мнѣ скажутъ: каковы же будутъ эти школы съ богомольцами, богомолками, пьяными солдатами, выгнанными писарями и дьячками? И какой возможенъ контроль надъ такими безформенными школами? На это отвѣчу, во-первыхъ, что учители, эти богомолки, солдаты и дьячки, совсѣмъ не такъ совершенно дурны, какъ это вообще думаютъ. Въ моей школьной практикѣ я имѣлъ дѣло часто съ учениками этихъ школъ и нѣкоторые изъ нихъ знали читать бѣгло и писать красиво и очень скоро бросали дурныя привычки, вынесенныя изъ этихъ школъ. Мы всѣ знаемъ грамотныхъ мужиковъ, выученныхъ въ такихъ школахъ, и нельзя сказать, чтобы грамота эта была безполезна или вредна. Во-вторыхъ, отвѣчу, что учители этого разбора бываютъ особенно дурны потому, что они совершенно заброшены въ глуши и учатъ безъ всякой помощи и наставленій, и что теперь нѣтъ ни

одного человѣка изъ старыхъ учителей, который бы не сказалъ вамъ съ сожалѣніемъ, что онъ не знаетъ новыхъ пріемовъ и учился самъ на мѣдныя деньги, и что весьма многіе изъ нихъ, въ особенности церковнослужители изъ молодыхъ, весьма охотно готовы учиться новымъ пріемамъ. Эти учители не должны прямо быть отвергаемы, какъ абсолютно-негодные. Между ними есть и худшіе и лучшіе (и я видѣлъ изъ нихъ очень способныхъ). Ихъ нужно сравнивать, выбирать лучшихъ, поощрять, сводить ихъ съ другими, лучшими учителями и учить ихъ,—что очень возможно и въ чемъ именно должно состоять дѣло училищнаго совѣта.

Но какъ же контролировать ихъ, слѣдить за ними, учить ихъ, если ихъ расплодятся сотни по уѣзду? По моему мнѣнію, дѣло земства и училищнаго совѣта должно состоять только въ томъ, чтобы слѣдить за педагогической стороной дѣла, и это весьма возможно, если будутъ приняты слѣдующія мѣры: въ каждомъ земствѣ, если оно взяло на себя обязанность распространенія или содѣйствія народному образованію, должно быть одно лицо,—будетъ ли то безплатный членъ училищнаго совѣта, или человѣкъ на жалованьи не менѣе 1.000 рублей, нанятый земствомъ,—одно лицо, завѣдывающее педагогической стороной дѣла въ уѣздѣ. Лицо это должно имѣть общее свѣжее образованіе въ предѣлахъ гимназическаго курса, т.-е. основательно знать русскій и отчасти славянскій языкъ, основательно знать ариѳметику и алгебру, и быть учителемъ, т.-е. знать практику педагогическаго дѣла. Лицо это должно быть свѣжеобразованное, потому что я замѣчалъ, что очень часто свѣдѣнія человѣка, давно кончившаго курсъ даже въ университетѣ, не освѣжавшаго свое образованіе, бываютъ недостаточны не только для руководства учителей, но даже и для экзамена въ сельской школѣ. Лицо это непремѣнно должно быть учителемъ въ той же самой мѣстности,—для того, чтобы въ требованіяхъ своихъ и наставленіяхъ оно постоянно имѣло въ виду тотъ педагогическій матеріалъ, съ которымъ имѣютъ дѣло другіе учителя, и поддерживало въ себѣ то живое отношеніе къ дѣйствительности, которое есть главное средство противъ заблужденій и ошибокъ. Если какое земство не имѣетъ такого человѣка и не хочетъ нанять такого, то, по моимъ понятіямъ, такому земству дѣлать рѣшительно нечего относительно народнаго образованія,—кромѣ какъ давать деньги, потому что всякое вмѣшательство въ административную часть дѣла (что дѣлается теперь) только вредно.

Этотъ членъ земства или нанятый земствомъ образованный человѣкъ долженъ имѣть лучшую въ уѣздѣ образцовую школу съ помощникомъ. Кромѣ веденія этой школы и примѣненія въ

ней всѣхъ новыхъ пріемовъ ученія, главный учитель этотъ долженъ слѣдить за остальными школами. Школа эта не должна быть образцовою въ томъ смыслѣ, чтобы онъ вводилъ въ ней всякіе кубики и картины и всякую глупость, которую выдумаютъ нѣмцы, но въ томъ смыслѣ, что въ этой школѣ онъ надъ тѣми же самыми крестьянскими дѣтьми, изъ которыхъ состоятъ другія школы, дѣлаетъ опыты наипростѣйшихъ пріемовъ, такихъ, которые бы могли быть усвоены большей частью учителей—дьячковъ, солдатъ, составляющихъ большинство въ школахъ. Такъ какъ при томъ устройствѣ, которое я предлагаю, несомнѣнно образуются въ большихъ центрахъ большія достаточныя школы (какъ я думаю, въ отношеніи 1 къ 20 всѣхъ другихъ школъ), и въ этихъ большихъ школахъ будутъ учителя на степени образованія кончившихъ курсъ духовныхъ семинаристовъ, то главный учитель объѣзжаетъ всѣ эти большія школы, собираетъ къ себѣ этихъ учителей по воскресеньямъ, указываетъ имъ недостатки, предлагаетъ новые пріемы, даетъ совѣты и книги для ихъ собственнаго образованія и приглашаетъ ихъ по воскресеньямъ въ свою школу. Библіотека главнаго учителя должна состоять изъ нѣсколькихъ экземпляровъ Библіи, славянской и русской грамматики, ариѳметики и алгебры. Главный учитель, насколько у него есть времени, объѣзжаетъ и мелкія школы и приглашаетъ къ себѣ ихъ учителей; но обязанность слѣдить за мелкими учителями возлагается на старшихъ учителей, которые точно такъ же объѣзжаютъ каждый въ своемъ округѣ эти школы и приглашаютъ учителей къ себѣ, въ воскресенья и въ будни. Земство или платитъ учителямъ на разъѣзды, или при своей приплатѣ къ тому, что даютъ общества, выговариваетъ отъ общества подводы для разъѣздовъ. Съѣзды учителей и посѣщеніе учителями школъ равныхъ и лучшихъ есть одно изъ главныхъ условій для успѣшнаго хода дѣла, и потому на организацію этихъ съѣздовъ земство должно обратить особенное вниманіе и не жалѣть расходовъ. Кромѣ того, въ большихъ школахъ, гдѣ будетъ болѣе 50 учениковъ, вмѣсто помощниковъ, которые теперь есть въ школахъ, должны изъ учениковъ и ученицъ выбираться болѣе способные къ учительской должности и быть помощниками по 2, по 3. Этимъ помощникамъ назначается жалованье отъ 50 коп. до 1 рубля въ мѣсяцъ, и учитель отдѣльно занимается съ ними по вечерамъ, съ тѣмъ, чтобы они не отставали отъ другихъ. Эти помощники, выбранные изъ лучшихъ, должны составлять будущихъ учителей для замѣны низшихъ въ мелкихъ школахъ. Само собою разумѣется, что организація этихъ съѣздовъ учителей мелкихъ и большихъ школъ и объѣзды

старшаго учителя, и образованіе учителей изъ помощниковъ-учениковъ — могутъ сложиться самыми разнообразными способами; но дѣло въ томъ, что наблюденіе надъ какимъ бы то ни было большимъ количествомъ школъ (хотя бы оно дошло до нормы одной школы на 100 душъ) такимъ образомъ возможно. При такомъ устройствѣ учители какъ большихъ, такъ и малыхъ школъ будутъ постоянно чувствовать, что труды ихъ оцѣниваются, что они не зарылись въ глушь деревни безъ выхода, что у нихъ есть товарищи, руководители и что, какъ въ дѣлѣ обученія, такъ и въ личномъ своемъ дальнѣйшемъ образованіи и улучшеніи своего положенія, у нихъ есть пути и выходы. При такомъ устройствѣ богомолецъ или дьячокъ, который способенъ учиться, самъ будетъ учиться; тотъ же, который неспособенъ или не хочетъ учиться, будетъ замѣненъ другимъ. Время ученія должно быть, какъ того желаютъ всѣ мужики, 7 мѣсяцевъ зимы, и потому жалованье должно опредѣляться помѣсячно. При такомъ устройствѣ, не говоря о быстротѣ и равномѣрности распространенія образованія, выгоды будутъ состоять въ томъ, что школы оснуются по тѣмъ центрамъ, гдѣ необходимость въ нихъ чувствуется народомъ, гдѣ онѣ самородно, и потому прочно, основываются. Тамъ, гдѣ характеръ народа требуетъ образованія, — тамъ оно будетъ прочно. Посмотрите: въ городахъ, между дворниками, зажиточными крестьянами, такъ или иначе, но дѣти выучатся грамотѣ и никогда не забудутъ, — а въ глухой мѣстности, какъ мы часто видимъ, помѣщикъ оснуетъ школу, дѣти выучатся прекрасно, но черезъ 10 лѣтъ все забыто, и населеніе такое же безграмотное, какъ и было прежде. Поэтому-то особенно дороги тѣ центры, большіе они или малые, гдѣ самородно зарождаются школы. Тамъ, гдѣ такая школа зародилась, какъ бы плоха она ни была, она пуститъ корни, и раньше или позже населеніе будетъ грамотно. И поэтому надо дорожить этими ростками, а не дѣлать, какъ сплошь да рядомъ, не запрещать потому, что школа не по нашему вкусу, т.-е. не убивать ростокъ и не втыкать искусственно въ другомъ мѣстѣ вѣтку, которая не пойдетъ. Только при такомъ устройствѣ, безъ учрежденія дорогихъ и искусственныхъ семинарій, выбранные — лучшіе изъ среды учениковъ и ученицъ — и образованные въ самыхъ школахъ составятъ тотъ контингентъ народныхъ дешевыхъ учителей, которые замѣнятъ солдатъ и дьячковъ и будутъ вполнѣ удовлетворять всѣмъ требованіямъ народа и образованнаго сословія. Главная выгода такого устройства та, что только такое устройство дастъ будущность развитію народнаго образованія, т.-е. выведетъ насъ изъ того тупого переулка, въ который зашли земства, благодаря дорогимъ

школамъ и отсутствію новыхъ источниковъ для увеличенія ихъ числа. Только тогда народъ самъ будетъ избирать центры для школъ, самъ выбирать учителей, опредѣлять размѣръ вознагражденія и непосредственно пользоваться выгодой школы, только тогда онъ и прибавитъ средствъ на школу, если это понадобится. Я знаю общества, которыя платили по 50 копеекъ съ души на школу въ своей деревнѣ. Но платить на школу съ волости по 15 копеекъ уже трудно заставить крестьянина, когда не всѣ пользуются школой. На весь уѣздъ, на земство крестьяне не прибавятъ ни копейки, потому что чувствуютъ, что не будутъ пользоваться выгодами за свои деньги. Только при такомъ устройствѣ очень скоро найдутся тѣ средства для хорошаго содержанія и всѣхъ школъ, по 1-й на 100 душъ, которыя, кажется, такъ невозможно найти при теперешнемъ устройствѣ. Кромѣ того, при томъ устройствѣ, которое я предлагаю, интересы крестьянскихъ обществъ и земства, какъ представителя интеллигенціи мѣстности, будутъ неразрывно связаны. Земство даетъ, положимъ, третью часть того, что даютъ крестьяне. Давая эти деньги, оно, очевидно, тѣмъ или другимъ путемъ будетъ заботиться о томъ, чтобы деньги не пошли тунью, и, слѣдовательно, слѣдить и за тѣми деньгами, $^2/_3$ которыхъ даны крестьянскимъ обществомъ. Земство, выдавая деньги, знаетъ также, что общество дѣйствительно хочетъ школы, такъ какъ оно дало деньги. Крестьянское общество видитъ, что земство даетъ свою часть, и потому вѣритъ и признаетъ право земства слѣдить за ходомъ ученья. И вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно видитъ то различіе, которое существуетъ между школой, содержащейся на болѣе дешевыя и содержащейся на болѣе дорогія средства, и избираетъ ту, какая ему нужна или возможна по его средствамъ.

Возьму опять извѣстный мнѣ Крапивенскій уѣздъ для того, чтобы показать, какое различіе отъ существующаго можетъ дать предлагаемое устройство. Что при разрѣшеніи народу открывать школы, гдѣ и какія онъ хочетъ, явится тотчасъ же вновь очень много школъ, для меня не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я убѣжденъ, что въ Крапивенскомъ уѣздѣ, въ которомъ находится 50 приходовъ, въ каждомъ приходѣ всегда будетъ школа, такъ какъ приходы всегда центры населеній, и такъ какъ изъ всѣхъ церковнослужителей всегда найдется одинъ, который способенъ учить, имѣетъ къ этому и охоту и найдетъ выгоду. Кромѣ церковнослужительскихъ, вѣроятно, откроются тѣ 40 школъ, которыя были закрыты (или вѣрнѣе—30, такъ какъ въ числѣ закрытыхъ были церковнослужительскія), и вновь откроется школъ весьма много, такъ что съ существующими 20 шко-

лами не въ долгомъ времени явится количество, не далекое отъ 400.

Повѣрятъ или не повѣрятъ мнѣ въ этомъ, я предположу, что въ Крапивенскомъ уѣздѣ, при передачѣ этого дѣла въ руки народа, вновь открылось 380 школъ, итого будетъ 400 школъ, и постараюсь опредѣлить, возможно ли существованіе этихъ 400 школъ, т.-е. почти въ 20 разъ больше того, что есть при тѣхъ же условіяхъ, которыя я предполагалъ при разсмотрѣніи существующаго порядка.

Предполагая, что всѣ крестьяне платятъ по 15 коп. съ души, и земство даетъ 3.000 р., собирается 9.000 р., которыхъ только достаетъ на 30 школъ при прежнемъ устройствѣ. При новомъ же устройствѣ:

Полагаю, что осталось изъ старыхъ нераздѣльными 10 школъ; полагаю учителю въ этихъ большихъ школахъ по 20 р. въ мѣсяцъ, на семь зимнихъ мѣсяцевъ — 1.400 р.

Полагаю, что при каждомъ приходѣ основалась школа, съ платою по 5 р. въ мѣсяцъ, на 50 школъ — 1.750 р.

Полагаю, что остальныхъ 340 — дешевыхъ, по 2 р. въ мѣсяцъ; по 15 р. на школу, на 340 — 5.100 р. Итого на 400 школъ выйдетъ жалованья 8.250 р. На училищныя пособія и разъѣзды остается 750 рублей.

Цифры жалованья учителямъ поставлены мною не произвольно; но дорогимъ учителямъ — дороже, чѣмъ они получаютъ теперь помѣсячно круглый годъ. Точно такъ же и церковнослужителямъ столько, сколько въ большинствѣ случаевъ берутъ они за обученіе. Школы же дешевыя, по 2 рубля въ мѣсяцъ, положены мною гораздо дороже, чѣмъ нанимаютъ крестьяне въ дѣйствительности, такъ что этотъ расчетъ можетъ быть смѣло принятъ. При этомъ расчетѣ составляется и то ядро старшихъ учителей изъ 10 дорогихъ и 10 или болѣе церковнослужителей. Очевидно, что только при этомъ расчетѣ школьное дѣло становится на степень серьезнаго и возможнаго дѣла и имѣетъ ясную и опредѣленную будущность.

Если высказанное мною теперь не убѣдитъ никого, значитъ я не умѣлъ выразить то, чтò хотѣлъ, и переспоривать никого не желаю. Я знаю, что нѣтъ безнадежнѣе глухихъ, какъ тѣхъ, которые не хотятъ слышать. Я знаю, какъ это бываетъ съ хозяевами. Новая молотилка куплена дорого, поставлена, пустили молотить. Молотитъ дурно, какъ ни подвинчивай доску, нечисто молотитъ, и зерно идетъ въ солому. Но хоть и убытокъ, хоть и ясный расчетъ бросить молотилку и молотить иначе, но деньги потрачены, молотилка налажена, «пускай молотитъ», —

говоритъ хозяинъ. То же будетъ и съ этимъ дѣломъ. Я знаю, еще долго будутъ процвѣтать наглядныя обученія; и кубики, и пуговки вмѣсто ариѳметики, и шипѣніе, и сиканіе для обученія буквъ, и 20 школъ нѣмецкихъ дорогихъ — вмѣсто нужныхъ 400 дешевыхъ народныхъ. Но я тоже твердо знаю, что здравый смыслъ русскаго народа не позволитъ ему принять эту навязываемую ему ложную и искусственную систему обученія.

Народъ, главное заинтересованное лицо и судья, и ухомъ не ведетъ теперь, слушая наши болѣе или менѣе остроумныя предположенія о томъ, какими манерами лучше приготовить для него духовное кушанье образованія; ему все равно, потому что онъ твердо знаетъ, что въ великомъ дѣлѣ своего умственнаго развитія онъ не сдѣлаетъ ложнаго шага и не приметъ того, что̀ дурно,—и, какъ къ стѣнѣ горохъ, будутъ попытки по-нѣмецки образовывать, направлять и учить его.

ТРЕТІЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Къ *** о религіозномъ воспитаніи и ручномъ трудѣ.

Очень радъ былъ получить ваше письмо, дорогой ***.

Я уже давно думаю о васъ и тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ вы пишете, самыхъ важныхъ на свѣтѣ предметахъ.

Я не только не измѣнилъ своего взгляда на необходимость удовлетворенія самому своимъ самымъ первымъ потребностямъ, но живѣе, чѣмъ когда-нибудь, чувствую важность этого и свой грѣхъ неисполненія этого. Много было причинъ, отвлекшихъ меня отъ этого исполненія, но не стану перечислять ихъ, потому что главная причина — только моя слабость, мой грѣхъ. И потому полученіе вашего письма было для меня духовною радостью: обличеніе и напоминаніе. Одно меня утѣшаетъ — это то, что, живя дурно, я не обманывалъ, не оправдывалъ себя и никогда не говорилъ себѣ, что я могу освободить себя отъ этого труда потому, что пишу книги; я всегда сознавалъ то, что̀ вы говорите,—что какъ мнѣ нужно прочесть хорошую книгу, такъ нужно и тому, кто будетъ за меня работать; и что точно такъ же, если я могу написать хорошую книгу, то есть сотни и тысячи людей, которые написали бы лучшія книги, если бы не были задавлены, забиты работой. Такъ что я не только не несогласенъ съ вами, но сильнѣе, чѣмъ когда-либо, чувствуя свой грѣхъ и страдая отъ него, признаю первостепенную важность отрицанія права пользованія для себя вынужденнымъ трудомъ другого человѣка.

Думая и слыша о васъ, я сознавалъ всю тяжесть вашего положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ завидовать вамъ. Не унывайте, милый другъ. «Претерпѣвый до конца спасенъ будетъ» относится именно къ вашему положенію. Думаю, что

никакая суета не можетъ помѣшать правильно мыслить (что̀ я вижу по вашему письму). Мѣшаютъ правильному мышленію только праздность и роскошь, и это я чувствую часто на себѣ.

Какъ ни кажется странно и недобро то, что я, живущій въ роскоши, позволяю себѣ совѣтовать вамъ продолжать жить въ нуждѣ, я смѣло дѣлаю это, потому что ни на минуту не могу усомниться въ томъ, что ваша жизнь есть жизнь хорошая передъ своей совѣстью, передъ Богомъ, и потому самая нужная и полезная людямъ, а что моя дѣятельность, какъ бы она ни казалась полезной нѣкоторымъ людямъ, теряетъ — хочется думать, что не все, но уже навѣрное самую большую долю своего значенія, вслѣдствіе неисполненія самаго главнаго признака искренности того, что̀ я исповѣдую.

На-дняхъ былъ у меня умный и религіозный американецъ Брайянъ [1]) и спрашивалъ у меня: почему я считаю необходимой ручную, простую работу. Я сказалъ ему почти то же, что̀ вы пишете: что, во-первыхъ, это признакъ искренности признанія равенства людей; во-вторыхъ, это сближаетъ насъ съ большинствомъ людей рабочихъ, отъ которыхъ мы отгорожены стѣной, если мы пользуемся ихъ нуждой; въ-третьихъ, это даетъ намъ высшее благо, спокойствіе совѣсти, котораго нѣтъ и не можетъ быть у искренняго человѣка, пользующагося услугами рабовъ.

Такъ вотъ мой отвѣтъ на первый пунктъ вашего письма. Теперь о второмъ, самомъ трудномъ — религіозномъ воспитаніи.

Въ воспитаніи вообще, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ, я полагаю, что главное — не навязывать ничего насильно дѣтямъ, а выжидать и отвѣчать на возникающія въ нихъ требованія; тѣмъ болѣе это нужно въ главномъ предметѣ воспитанія — въ религіозномъ.

Какъ безполезно и вредно кормить ребенка, когда ему ѣсть не хочется, или навязывать знанія по предметамъ, которые его не интересуютъ и ему не нужны, такъ тѣмъ болѣе вредно внушать дѣтямъ какія-нибудь религіозныя понятія, о которыхъ они не спрашиваютъ, и большей частью грубо формулировать ихъ и нарушать этимъ то религіозное отношеніе къ жизни, которое въ это время, можетъ-быть, безсознательно возникаетъ и устанавливается въ ребенкѣ.

Нужно, мнѣ кажется, только отвѣчать, но отвѣчать съ полной правдивостью, на предлагаемые ребенкомъ вопросы. Ка-

[1]) В. Брайянъ—извѣстный американскій общественный дѣятель, бывшій кандидатъ на постъ президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

жется очень просто отвѣчать правдиво на религіозные вопросы ребенка, но въ дѣйствительности это можетъ сдѣлать только тотъ, кто самъ себѣ уже отвѣтилъ правдиво на религіозные вопросы, о Богѣ, жизни, смерти, добрѣ и злѣ,—тѣ самые вопросы, которые дѣти всегда ставятъ очень ясно и опредѣленно.

И вотъ тутъ-то и подтверждается то, что̀ я всегда думалъ о воспитаніи, и что̀ вы говорите въ своемъ письмѣ,—то, что сущность воспитанія дѣтей состоитъ въ воспитаніи самого себя. Какъ ни странно это кажется, это воспитаніе самого себя есть самое могущественное орудіе воздѣйствія родителей на дѣтей. И тотъ первый параграфъ, который усвоили себѣ ваши будущія сосѣдки: «совершенствуйся», есть самая высокая и, какъ ни странно это кажется, самая практическая — въ смыслѣ служенія другимъ людямъ, воздѣйствія на другихъ людей — дѣятельность человѣка. Такъ же и въ воспитаніи: условія вашей суровой жизни, которыя вы, навѣрно, не цѣните по ихъ значенію, самыя выгодныя для воспитанія. Ваша жизнь *серьезная*, и дѣти видятъ и понимаютъ это.

Если же вы хотите отъ меня болѣе опредѣленнаго указанія о томъ, что̀ именно читать или давать въ руки ребенку для религіознаго воспитанія, то я думаю, что надо не ограничиваться религіозными писаніями одного вѣрованія, у насъ — христіанскаго, а наравнѣ съ христіанской учительной литературой пользоваться буддійской, браминской, конфуціанской, еврейской.

Очень, очень радъ былъ общенію съ вами. Желалъ бы, чтобы оно было сотую долю такъ полезно вамъ, какъ полезно мнѣ, и потому желалъ бы, чтобы оно чаще повторялось.

Ясная Поляна.
10 декабря 1903 г.

О значеніи книгъ.

Изъ письма къ П. В—ну.

И. М. Т—въ переслалъ мнѣ ваше письмо къ нему и я очень радовался, читая его, радовался тому, что узналъ про васъ и какъ будто услыхалъ вашъ голосъ, понялъ о чемъ вы думаете, какъ думаете и чѣмъ живете. Вижу изъ письма вашего, что вы живете въ духовномъ мірѣ и заняты духовными вопросами. А для блага человѣка это главное, потому что только въ духѣ человѣкъ свободенъ и только духомъ творится дѣло Божіе и только въ духѣ человѣкъ чувствуетъ себя въ единеніи съ Богомъ, такъ какъ «Богъ есть духъ». Мысли, высказываемыя вами въ письмѣ о преимуществахъ живого общенія надъ мертвой книгой, мнѣ очень понравились и я раздѣляю ихъ. Я пишу книги и потому знаю весь тотъ вредъ, который онѣ производятъ, знаю, какъ люди не желающіе принять истину, умѣютъ не читать или не понимать того, что имъ противъ шерсти и обличаетъ ихъ, какъ перетолковываютъ и извращаютъ, какъ они перетолковали Евангеліе. Все это я знаю, но все-таки считаю въ наше время книгу неизбѣжною. Я говорю: въ наше время, въ противоположность временамъ евангельскимъ, когда не было книгопечатанія, не было книгъ, и средство распространенія мыслей было только устное. Тогда можно было обходиться безъ книги, потому что и у враговъ истины не было книги; теперь же нельзя предоставлять однимъ врагамъ это могущественное орудіе для обмана и не пользоваться имъ для истины. Не пользоваться книгой или письмомъ для передачи своихъ мыслей или воспріятія мыслей другихъ людей—все равно, что не пользоваться силой своего голоса для передачи сразу многимъ людямъ того, что имѣешь сказать, и своимъ слухомъ для того, чтобы понять то, что громко говоритъ другой человѣкъ, а признавать возможность передачи и воспріятія мыслей только одинъ на одинъ или шопотомъ. Письмо

и печать только увеличили въ тысячи, сотни тысячъ разъ число людей, которымъ можетъ быть слышенъ выражающій свои мысли, но отношеніе между выражающимъ и воспринимающимъ остается то же; какъ въ устной бесѣдѣ слушающій можетъ вникнуть и понимать или можетъ точно такъ же пропускать мимо ушей то, что ему говорится, то же и въ печати; какъ можетъ читающій книгу, вкривь и вкось перетолковывать ее, такъ же и слушающій ушами; какъ въ книгахъ можно—какъ мы это и видимъ — много писать лишняго и пустого, такъ точно можно и говорить.

Разница есть, но разница иногда въ пользу устнаго, иногда въ пользу печатнаго общенія. Выгода устной передачи та, что слушатель чувствуетъ душу говорящаго, но тутъ же и не выгода та, что очень часто пустые говоруны, какъ, напр., адвокаты, одаренные даромъ слова, увлекаютъ людей не разумностью рѣчи, а мастерствомъ ораторскаго искусства, чего нѣтъ при книгѣ; выгода другая устной передачи та, что непонявшій можетъ переспросить, зато невыгода та, что непонимающіе, часто нарочно непонимающіе, люди могутъ спрашивать то, что не нужно, и перебивать ходъ мысли, чего тоже нѣтъ при книгѣ. Невыгоды книги тѣ, что, во-1-хъ, бумага все терпитъ и можно печатать всякій вздоръ, стоющій такихъ огромныхъ трудовъ рабочихъ, бумаги и типографщиковъ, чего нельзя дѣлать при устной передачѣ, потому что вздоръ не станутъ слушать; во-2-хъ, тѣ, что онѣ (книги) разрастаются въ огромномъ количествѣ и хорошія теряются въ морѣ глупыхъ, пустыхъ и вредныхъ книгъ. Но зато выгоды печати тоже очень велики и состоятъ, главное, въ томъ, что кругъ слушателей раздвигается въ сотни, тысячи разъ противъ слушателей устной рѣчи. И это увеличеніе круга читателей важно не потому, что ихъ становится много, а потому, что среди милліоновъ людей разнообразныхъ народовъ и положеній, которымъ доступна книга, отбираются сами собою единомышленники и благодаря книгѣ, находясь за десятки тысячъ верстъ другъ отъ друга, не зная другъ друга, соединяются въ одно и живутъ единой душой и получаютъ духовную радость и бодрость сознанія того, что они не одиноки.

Такое общеніе теперь я имѣю съ вами и съ многими и многими людьми другихъ націй, никогда не видавшихъ меня, но которые мнѣ близки больше моихъ сыновей и братьевъ по крови. Главное же соображеніе въ пользу книги то, что, при извѣстной степени развитія внѣшнихъ условій жизни, книга, печать вообще сдѣлалась средствомъ общенія людей между собой, и потому нельзя пренебрегать этимъ средствомъ. Столько вредныхъ

книгъ написано и распространено, что противодѣйствовать этому вреду можно только книгой же. Клинъ выбивать клиномъ. Христосъ сказалъ: «что я говорю вамъ на ухо, то будете говорить съ крышъ». Это самое провозглашеніе съ крышъ и есть печатное слово. Печатное слово есть тотъ же языкъ, только хватающій очень далеко, и потому къ печатному слову относится все то, что сказано объ языкѣ: имъ же благословляемъ Бога и имъ же проклинаемъ человѣковъ, сотворенныхъ по подобію Божію; и потому нельзя не быть достаточно внимательнымъ къ тому, что̀ говоришь и слушаешь, такъ же какъ и къ тому, что̀ печатаешь и читаешь. Пишу все это не потому, чтобы думать, что вы иначе думаете (изъ вашего письма вижу, что вы такъ и понимаете это), но потому, что эти мысли пришли мнѣ въ голову и захотѣлось подѣлиться ими съ вами.

Въ особенности полюбилось мнѣ въ письмѣ вашемъ то, что вы говорите о томъ — что «если бы мы сохраняли все, данное уже свыше намъ, то вполнѣ были бы счастливы. А то, что необходимо и законно, то непремѣнно должно быть въ каждомъ и получается непосредственно свыше или отъ самого себя».—Это совершенно справедливо, и я точно такъ же понимаю человѣка. Всякій человѣкъ несомнѣнно зналъ бы всю истину Божію, все то, что ему нужно знать для того, чтобы исполнять въ этой жизни то, чего хочетъ отъ него Богъ, если бы только эта открытая человѣку истина не затемнялась бы ложными толкованіями человѣческими. И потому для познанія Божеской истины человѣку нужно прежде всего откинуть всѣ ложныя толкованія и всѣ соблазны мірскіе, влекущіе его къ принятію этихъ толкованій, и тогда останется одна истина, которая доступна младенцамъ, потому что она свойственна душѣ человѣческой. Трудность же главная въ томъ, чтобы, откидывая ложь, не откинуть вмѣстѣ съ ней и часть истины, и въ томъ, чтобы, разъясняя истину, не внести новыхъ заблужденій.

О народныхъ книгахъ и учебникахъ.

Изъ письма къ М. Н—ву.

Самый важный и занимающій меня вопросъ — это преподаваніе исторіи. Мы только о томъ и думаемъ, чтобы открыть въ «Посредникѣ» отдѣлъ научный для народа, т.-е. для большой серьезной публики. О другихъ отдѣлахъ не буду говорить, но исторія — это то самое, что̀ вы говорите. Только излагайте хорошимъ, понятнымъ русскимъ языкомъ и точно такъ, какъ вы говорите. Вы убьете двухъ зайцевъ. Составьте записки для преподаванія и книжки въ «Посредникъ». Вы говорите про средніе вѣка, а мнѣ ясно, какъ римская и особенно греческая исторія могутъ составить чудесную иллюстрацію зарожденія... зла и борьбы его съ истиной. Попытайтесь. Напишите какую-нибудь одну эпоху. Не хорошо будетъ, въ слѣдующій разъ сдѣлаете лучше. Мнѣніе ваше о томъ, что добро въ народѣ независимо отъ наградъ и наказаній, не только справедливо, но удивительно, какъ могутъ люди не видѣть того, что понятіе о наградахъ и наказаніяхъ есть не что иное, какъ образная форма выраженія того, что добро не можетъ имѣть реальной, дѣйствительной награды. Правда, что дѣти и грубые сердечно люди понимаютъ это прямо и тогда не вѣрятъ; но какъ только человѣкъ позналъ добро, онъ дѣлаетъ его для добра и, не имѣя никакого разсудочнаго объясненія, для чего онъ его дѣлаетъ, охотно беретъ то, которое ему представляется.

Дѣятельность, избранная вами, та, которая должна была выйти изъ вашей вѣры и другихъ силъ, дѣйствующихъ на нее, и дѣятельность хорошая, т.-е. такая, какъ и всякая не прямо злая, въ которой можно служить Богу, т.-е. истинѣ.

Рукописей у меня нѣтъ, ни Бондарева, ни другихъ... П—ъ же — это замѣтки, набросанныя и не имѣющія никакого значе-

нія, кромѣ раздражающаго. Лучшимъ сочиненіемъ по критикѣ текстовъ священаго писанія я считаю переводъ съ комментаріями Reuss'a. По исторіи церкви *Пресансе*. Впрочемъ, не совѣтую вамъ углубляться въ эти занятія. Тотъ, кто въ Евангеліи не сумѣетъ отдѣлить сердцемъ основного, тотъ никакимъ изученіемъ критики не узнаетъ этого. А кто умѣетъ отличать, тому не нужно. Умѣетъ же отличать тотъ, кому нужно руководство Евангелія для жизни, а не для мудрствованія. Здоровье мое поправляется. Духомъ же почти всегда радуюсь, потому что со всѣхъ сторонъ вижу жнецовъ, выходящихъ на жатву. Вижу, что вы ищете этого блага, и увѣренъ, что найдете его.

1886 г.

О наукѣ.

На письмо къ Л. Е. О—му.

Я во всемъ совершенно согласенъ съ вами, но о значенiи науки, уничтожающей суевѣрія ложныхъ понятій, хочется сказать кое-что, именно, о значенiи этой .... науки. Уничтожаетъ ложныя понятія — правда, но на ея пути безъ ложныхъ понятій, безъ суевѣрій обойтись нельзя. Не будетъ свода небесъ, дьяволовъ, личнаго Бога, будетъ эѳиръ не вѣсомый, а упругій, будутъ атомы, будутъ силы, спиритизмъ и многое другое. Человѣкъ, признающій небеса твердымъ сводомъ и діаволовъ и чудеса святыхъ, и человѣкъ, признающій атомы и спиритизмъ, нисколько не рознятся по своей воспріимчивости и по своей пригодности для познанія истины и для нравственной дѣятельности. Они рознятся, только по, такъ сказать, умственному возрасту. Одинъ взрослый человѣкъ, другой лишь юноша (зачеркнуто: ребенокъ). Но какъ юноша можетъ быть прекраснымъ, такъ и мужъ. И одинаково несправедливо утверждать, что молодые лучше старыхъ, какъ и обратное. Такъ же одинаково несправедливо, что наука (большая степень знанія) дѣлаетъ людей лучше, какъ и то, что она дѣлаетъ ихъ хуже. Наука (большая степень знанія) неизбѣжна, какъ возрастъ. Ея нельзя ни защищать, ни нападать на нее. Что ни дѣлай, она сама придетъ, какъ возрастъ.

Мысли о воспитаніи.

О воспитаніи я думалъ очень много. Бываютъ вопросы, въ которыхъ приходишь къ выводамъ сомнительнымъ, и бываютъ вопросы, въ которыхъ выводы, къ которымъ пришелъ, окончательные, и чувствуешь себя не въ состояніи ни измѣнить ихъ, ни прибавить къ нимъ что-либо. Таковы выводы, къ которымъ я пришелъ о воспитаніи. Они слѣдующіе.

Воспитаніе представляется сложнымъ и труднымъ дѣломъ только до тѣхъ поръ, пока мы хотимъ, не воспитывая себя, воспитывать своихъ дѣтей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать другихъ мы можемъ только черезъ себя, то упраздняется вопросъ о воспитаніи, и остается одинъ вопросъ жизни: какъ надо самому жить? Потому что не знаю ни одного дѣйствія воспитанія дѣтей, которое не включалось бы въ воспитаніе себя. Какъ одѣвать, какъ кормить, какъ класть спать, какъ учить дѣтей? Точно такъ же, какъ себя. Если отецъ, мать одѣваются, ѣдятъ, спятъ умѣренно и работаютъ и учатся, то дѣти будутъ то же дѣлать.

Два правила я бы далъ для воспитанія: самому не только жить хорошо, но работать надъ собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать изъ своей жизни отъ дѣтей. Лучше, чтобы дѣти знали про слабыя стороны своихъ родителей, чѣмъ то, чтобы они чувствовали, что есть у ихъ родителей скрытая отъ нихъ жизнь и есть показная. Всѣ трудности воспитанія вытекаютъ изъ того, что родители, не только не исправляясь отъ своихъ недостатковъ, но даже не признавая ихъ недостатками, оправдывая ихъ въ себѣ, хотятъ не видѣть этихъ недостатковъ въ дѣтяхъ. Въ этомъ вся трудность и вся борьба съ дѣтьми. Дѣти нравственно гораздо проницательнѣе взрослыхъ, и они, часто не выказывая и даже не сознавая этого, видятъ не только недостатки родителей, но и худшій изъ всѣхъ недостатковъ — лицемѣріе родителей, и теряютъ къ нимъ уваженіе и интересъ ко всѣмъ ихъ поученіямъ.

Лицемѣріе родителей при воспитаніи дѣтей есть самое обычное явленіе, и дѣти чутки и замѣчаютъ его сейчасъ же и отвращаются и развращаются. Правда есть первое, главное условіе дѣйствительности духовнаго вліянія, и потому она есть первое условіе воспитанія. А чтобы не страшно было показать дѣтямъ всю правду своей жизни, надо сдѣлать свою жизнь хорошей или, по крайней мѣрѣ, менѣе дурной. И потому воспитаніе другихъ включается въ воспитаніе себя, и другого ничего не нужно.

***

Воспитаніе есть воздѣйствіе на сердце тѣхъ, кого мы воспитываемъ. Воздѣйствовать же на сердце можно только гипнотизаціей, которой такъ подлежатъ дѣти, — гипнотизаціей, заразительностью примѣра. Ребенокъ увидитъ, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю другихъ дѣлать то, что самъ могу сдѣлать, что я потворствую своей жадности, похотямъ, что я избѣгаю труда для другихъ и ищу только удовольствія, что я горжусь и тщеславлюсь своимъ положеніемъ, говорю про другихъ злое, говорю за глаза не то, что говорю въ глаза, притворяюсь, что вѣрю тому, во что не вѣрю, и тысячи, тысячи такихъ поступковъ или поступковъ обратныхъ: кротости, смиренія, трудолюбія, самопожертвованія, воздержанія, правдивости, — и заражается тѣмъ или другимъ во сто разъ сильнѣе, чѣмъ самыми краснорѣчивыми и разумными поученіями. И потому все или 0,999 воспитанія сводится къ примѣру, къ исправленію и совершенствованію своей жизни.

Такъ что то̀, съ чего вы начали внутри себя, когда мечтали объ идеалѣ, т.-е. о добрѣ, достиженіе котораго несомнѣнно только въ себѣ, къ тому самому вы приведены теперь при воспитаніи дѣтей извнѣ. То, чего вы хотѣли для себя, хорошенько не зная зачѣмъ, то̀ теперь вамъ уже необходимо нужно для того, чтобы не развратить дѣтей.

Отъ воспитанія обыкновенно требуютъ и слишкомъ много и слишкомъ мало. Требовать того, чтобы воспитываемые выучились тому-то и тому-то, образовались, какъ мы разумѣемъ образованіе, — это невозможно; такъ же невозможно и то, чтобы они сдѣлались нравственными, какъ мы разумѣемъ это слово. Но совершенно возможно то, чтобы не быть самому участникомъ въ развращеніи дѣтей (и въ этомъ не можетъ помѣшать ни женѣ мужъ, ни мужу жена), а всею своею жизнью, по мѣрѣ силъ своихъ, воздѣйствовать на нихъ, заражая ихъ примѣромъ добра.

Я думаю, что не только трудно, но невозможно хорошо воспитать дѣтей, если самъ дуренъ, и что воспитаніе дѣтей есть только самосовершенствованіе, которому ничто не помогаетъ столько, какъ дѣти. Какъ смѣшны требованія людей, курящихъ, пьющихъ, объѣдающихся, не работающихъ и превращающихъ ночь въ день, о томъ, чтобы докторъ сдѣлалъ ихъ здоровыми, несмотря на ихъ нездоровый образъ жизни, такъ же смѣшны требованія людей научить ихъ, какъ, продолжая вести жизнь ненравственную, можно бы было дать нравственное воспитаніе дѣтямъ. Все воспитаніе состоитъ въ большемъ и большемъ сознаніи своихъ ошибокъ и исправленіи себя отъ нихъ. А это можетъ сдѣлать всякій и во всѣхъ возможныхъ условіяхъ жизни. И это же есть и самое могущественное орудіе, данное человѣку для воздѣйствія на другихъ людей, въ томъ числѣ и на своихъ дѣтей, которыя всегда невольно ближе всего къ намъ. Fais ce que dois, advienne que pourra [1] — болѣе всего относится къ воспитанію.

* * *

Оба вопроса о воспитаніи и объ отношеніи къ людямъ сводятся въ одинъ вопросъ, именно въ послѣдній: какъ относиться къ людямъ не на словахъ только, а на дѣлѣ? Если этотъ вопросъ рѣшенъ и жизнь отца идетъ по такому или другому рѣшенію, то въ этой жизни отца и будетъ все воспитаніе дѣтей. А если рѣшеніе правильно, то отецъ и не введетъ соблазна въ жизнь дѣтей; если же нѣтъ, то будетъ обратное. Знаніе же, которое пріобрѣтутъ или не пріобрѣтутъ дѣти, — это дѣло второстепенное и ни въ какомъ случаѣ не важное. Къ чему будутъ способности у ребенка, тому онъ научится, хотя бы жилъ въ захолустьи.

* * *

Родители, живя развратною, невоздержанною въ пищѣ, праздною — въ неуваженіи къ людямъ, жизнью, всегда требуютъ отъ дѣтей воздержанія, дѣятельности, уваженія къ людямъ. Но языкъ жизни, примѣра далеко слышенъ и виденъ и ясенъ и большимъ и малымъ, и своимъ и инородцамъ.

* * *

Вѣдь дѣло въ томъ, что, выгодно ли, невыгодно ли для внѣшняго успѣха дѣла любовное (ненасильственное) обращеніе съ

---

[1]) Дѣлай, что́ должно, и пусть будетъ, что́ будетъ.

учениками, вы не можете обращаться иначе. Одно, что̀ можно сказать навѣрное, это то, что добро будитъ добро въ сердцахъ людей и навѣрное производитъ это дѣйствіе, хотя оно и не видно.

Одна такая драма, что вы уйдете отъ учениковъ, заплачете (если они узнаютъ), — одна такая драма оставитъ въ сердцахъ учениковъ бо̀льшіе, болѣе важные слѣды, чѣмъ сотни уроковъ.

* * *

Человѣкъ всякій живетъ только затѣмъ, чтобы проявить свою индивидуальность.

Воспитаніе (современное) стираетъ ее.

* * *

Ужасно смотрѣть на то, что̀ богатые люди дѣлаютъ со своими дѣтьми.

Когда онъ молодъ и глупъ и страстенъ, его втянутъ въ жизнь, которая ведется на шеѣ другихъ людей, пріучатъ къ этой жизни; а потомъ, когда онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ соблазнами, не можетъ жить иначе, какъ требуя для себя труда другихъ,— тогда откроютъ ему глаза (сами собой откроются глаза), и выбирайся, какъ знаешь: или стань мученикомъ, отказавшись отъ того, къ чему привыкъ и безъ чего не можешь жить, или будь лгуномъ.

* * *

Дѣти еще тѣмъ хороши, что у нихъ нѣтъ дѣла, а они заняты только тѣмъ, какъ бы хорошо провести день. Такъ ихъ и воспитывать надо. А мы торопимся пріучать ихъ къ дѣлу, т.-е. къ тому, чтобы вмѣсто вѣчнаго дѣла передъ Богомъ и своею совѣстью они дѣлали то дѣло, которое установлено какими-то людьми по уговору, какъ игра.

* * *

Если бы мнѣ дали выбирать: населить землю такими святыми, какихъ я только могу вообразить себѣ, но только, чтобы не было дѣтей, или такими людьми, какъ теперь, но съ постоянно прибывающими, свѣжими отъ Бога дѣтьми, — я бы выбралъ послѣднее.

* * *

Стоитъ заняться воспитаніемъ, чтобы увидать всѣ свои прорѣхи. А увидавъ, начинаешь исправлять ихъ. А исправлять самого себя и есть наилучшее средство воспитанія своихъ и чужихъ дѣтей и большихъ людей.

Сейчасъ читалъ письмо N. о томъ, что медицинская помощь не представляется ему добромъ, что продолженіе многихъ пустыхъ жизней на многія сотни лѣтъ гораздо менѣе важно, чѣмъ самое слабое *дутіе*, какъ онъ пишетъ (дуновеніе), на искру Божеской любви въ сердцѣ другого. Вотъ въ этомъ *дутіи* и лежитъ все искусство воспитанія. А чтобы раздуть въ другихъ, надо раздуть въ себѣ.

* * *

Для того, чтобы воспитывать хорошо, надо жить хорошо передъ тѣми, которыхъ воспитываешь. А потому и въ вопросѣ о половомъ общеніи надо быть, насколько можешь, чистымъ и правдивымъ: если считаешь половое общеніе грѣхомъ и живешь цѣломудренно, можно и должно проповѣдывать цѣломудріе дѣтямъ. Если стремишься къ цѣломудрію, но не достигаешь его, такъ и надо говорить дѣтямъ. Если же живешь нецѣломудренно и не можешь и не хочешь жить иначе, то невольно будешь скрывать это отъ дѣтей и не будешь имъ говорить про это. Такъ это и дѣлаютъ.

* * *

Воспитаніе есть послѣдствіе жизни. Обыкновенно предполагается, что люди извѣстнаго поколѣнія знаютъ, какими должны быть люди вообще, и потому могутъ ихъ готовить къ такому состоянію. Это совершенно несправедливо: люди, во-первыхъ, не знаютъ, какими должны быть люди, — могутъ въ лучшемъ случаѣ знать только идеалъ, къ которому имъ свойственно стремиться; во-вторыхъ, люди воспитывающіе сами никогда не готовы, не воспитаны, а сами, если они не мертвы, движутся и воспитываются.

И потому все воспитаніе сводится къ тому, чтобы самому жить хорошо, т.-е. самому двигаться, воспитываться: только этимъ люди вліяютъ на другихъ, воспитываютъ ихъ, и тѣмъ болѣе на дѣтей, съ которыми они связаны.

Быть правдивымъ и честнымъ съ дѣтьми, не скрывая отъ нихъ того, что происходитъ въ душѣ, есть единственное воспитаніе.

Педагогика же есть наука о томъ, какимъ образомъ, живя дурно, можно имѣть хорошее вліяніе на дѣтей, въ родѣ того — что̀ есть наша медицина — какъ, живя противно законамъ природы, все-таки быть здоровымъ. Науки хитрыя и пустыя, никогда не достигающія своей цѣли.

* * *

Есть три отрасли педагогическія, потому что есть три рода мышленія: 1) логическій, 2) опытный, 3) художественный. Науки, изученіе есть не что иное, какъ усвоеніе того, что думали до насъ умные люди. Умные люди думали всегда въ этихъ трехъ родахъ: или дѣлали логическіе выводы изъ положенія мысли; или наблюдали и, отдѣливъ наблюдаемое явленіе отъ всѣхъ другихъ, дѣлали выводы о причинахъ и слѣдствіяхъ явленій; или описывали то, что̀ видѣли, знали, воображали. Короче: 1) мыслили, 2) наблюдали и 3) выражали. И потому три рода наукъ: 1) математическія, 2) опытныя и 3) языки.

* * *

Дѣти говорили: «родители говорятъ, какъ ихъ дѣти мучатъ. Если бы они знали, какъ родители мучатъ дѣтей: и кокетство, и ссоры, и недоброта, и неровность любви, несправедливость и всѣ пороки — тѣхъ, которые по представленію дѣтей должны быть безупречны».

* * *

Постоянно приходится перекладывать то то̀, то другое сказаніе Евангелія вверхъ. Такъ, теперь мнѣ особенно важно и дорого указаніе о святости дѣтей и о страшномъ грѣхѣ нашемъ соблазна ихъ, когда, не замѣчая того, дѣлаемъ уступки, кривимъ душой и не каемся, а еще оправдываемся.

* * *

Очень удивительно то оправданіе такой жизни, которое часто слышишь отъ родителей. «Мнѣ ничего не нужно, — говоритъ родитель, — мнѣ жизнь эта тяжела, но любя дѣтей, я дѣлаю это для нихъ». Т.-е. я, несомнѣнно, опытомъ знаю, что наша жизнь несчастлива, и потому... я воспитываю дѣтей такъ, чтобы они были такъ же несчастливы, какъ и я. И для

22

этого я по своей любви къ нимъ привожу ихъ въ полный физическихъ и нравственныхъ заразъ городъ, отдаю ихъ въ руки чужихъ людей, имѣющихъ въ воспитаніи одну корыстную цѣль, и физически, нравственно и умственно старательно порчу своихъ дѣтей. И это-то разсужденіе должно служить оправданіемъ неразумной жизни самихъ родителей.

* * *

Жизнь наша, чтобы быть полной, непремѣнно должна имѣть двѣ стороны: исполненіе самой жизни для себя и воздѣйствіе на людей для измѣненія ихъ ложной жизни — проповѣдь.

У васъ обѣ стороны. Я говорю и думаю, и про меня думаютъ, что я имѣю вліяніе на людей проповѣдью: на всѣхъ языкахъ печатаютъ, читаютъ. А у васъ дѣти, которыя въ сердцѣ вынесутъ всю вашу душу, всѣ мысли лучшаго свойства и навѣки понесутъ ихъ въ міръ, передавая ихъ.

Моя дѣятельность трескучая и потому внѣшняя и сомнительная, а ваша — на дѣтей — тихая, невидная, подземная, но неудержимая, вѣчная, несомнѣнная и безнаградная. Только бы религіозно относиться къ нимъ, помнить, что это живой Божій станокъ, изъ котораго не вырубишь топоромъ ничего изъ того, что̀ вложишь въ нихъ. Меня Богъ лишилъ этой дѣятельности...

... Большинство людей, не только далекихъ, но, казалось бы, близкихъ по убѣжденіямъ, не оцѣнятъ вашу жизнь, даже осудятъ ее; но дѣти, выросшія тутъ, только бы они всегда ощущали любовную атмосферу, поймутъ, и въ нихъ все окупится. Только какъ можно больше свободы имъ и просвѣщенія, разумѣется, христіанскаго. Какъ все это дѣлать—не знаю, потому что не испыталъ, но вижу важность, значительность этого дѣла. Вижу, что пустить на свѣтъ живого человѣка просвѣщеннаго важнѣе сотенъ книжекъ.

О свободной школѣ.

(Изъ письма къ П. И. Б—ву).

...*Въ основу всего должно стать то, что заброшено въ нашихъ школахъ — религіозное пониманіе жизни*, и не столько въ формѣ преподаванія, сколько въ руководящее начало всей воспитательной дѣятельности. Религіозное пониманіе жизни, которое, по-моему, можетъ и должно стать основой жизни людей нашего времени, выраженное наиболѣе кратко, будетъ такое: смыслъ нашей жизни состоитъ въ исполненіи воли того безконечнаго начала, котораго мы сознаемъ себя частью; воля же эта въ единеніи всего живого и прежде всего людей: въ братствѣ ихъ, въ служеніи другъ другу. Съ другого конца это же религіозное пониманіе жизни выразится такъ: дѣло жизни есть единеніе со всѣмъ живымъ — прежде всего братство людей, служеніе другъ другу. И это такъ потому, что мы живы только въ той мѣрѣ, въ которой сознаемъ себя частью всего безконечнаго, законъ же безконечнаго есть это единеніе. Во всякомъ случаѣ жизненное проявленіе религіознаго пониманія— единеніе всего, достигаемое любовью—есть прежде всего братство людей; оно—практическій центральный законъ жизни, и оно-то и должно быть поставлено въ основу воспитанія, и потому хорошо и должно быть развиваемо въ дѣтяхъ все то, что ведетъ къ единенію, и подавляемо все, что ведетъ къ обратному. Дѣти находятся всегда— и тѣмъ больше, чѣмъ моложе— въ томъ состояніи, которое врачи называютъ первой степенью гипноза. И учатся и воспитываются дѣти только благодаря этому ихъ состоянію (эта ихъ способность къ внушенію отдаетъ ихъ въ полную власть старшихъ, и потому нельзя быть достаточно внимательнымъ къ тому, что̀ и какъ мы внушаемъ имъ). Такъ что учатся и воспитываются люди всегда только черезъ внушеніе, совершающееся двояко: сознательно и безсознательно. Все, чему мы обучаемъ дѣтей, отъ молитвъ и басенъ до танцевъ и музыки, — все это сознательное внушеніе; все то, чему независимо отъ нашего желанія подражаютъ дѣти — въ особенности въ нашей жизни, въ нашихъ поступкахъ,— есть безсознательное внушеніе. Сознательное внушеніе — это

обученіе, образованіе; безсознательное — это примѣръ, воспитаніе въ тѣсномъ смыслѣ или, какъ я назову, — это просвѣщеніе. На первое въ нашемъ обществѣ направлены всѣ усилія, второе же невольно, вслѣдствіе того, что наша жизнь дурна, находится въ пренебреженіи. Люди-воспитатели или — самое обыкновенное — скрываютъ свою жизнь и вообще жизнь взрослыхъ отъ дѣтей, ставя ихъ въ исключительныя условія (корпуса, институты, пансіоны и т. п.), или переводятъ то, что должно происходить безсознательно въ область сознательнаго: предписываютъ нравственныя жизненныя правила, при которыхъ необходимо прибавлять: fais ce que je dis, mais ne fais pas ce que je fais. Отъ этого происходитъ то, что въ нашемъ обществѣ такъ несоотвѣтственно далеко ушло образованіе и такъ не только отстало, но отсутствуетъ истинное воспитаніе или просвѣщеніе. Если гдѣ оно и есть, то только въ бѣдныхъ рабочихъ семьяхъ. А между тѣмъ, изъ двухъ сторонъ воздѣйствія на дѣтей, безсознательнаго и сознательнаго, безъ всякаго сравненія важнѣе и для отдѣльныхъ личностей и для общества людей первое, т.-е. безсознательное нравственное просвѣщеніе. Живетъ какая-нибудь семья rentier, землевладѣльца, чиновника, даже художника, писателя буржуазной жизнью, живетъ, не пьянствуетъ, не распутничаетъ, не бранясь, не обижая людей, и хочетъ дать нравственное воспитаніе дѣтямъ, но это такъ же невозможно, какъ невозможно выучить дѣтей новому языку, не говоря на этомъ языкѣ и не показывая имъ книгъ, написанныхъ на этомъ языкѣ. Дѣти будутъ слушать правила о нравственности, объ уваженіи къ людямъ, но безсознательно будутъ не только подражать, но и усвоять себѣ, какъ правило, то, что одни люди призваны чистить сапоги и платье, носить воду и нечистоты, готовить кушанье, а другіе пачкать платье, горницы, ѣсть кушанья и т. п. Если только серьезно понимать религіозную основу жизни — братство людей, то нельзя не видѣть, что люди, живущіе на деньги, отобранныя отъ другихъ, и заставляющіе этихъ другихъ за эти деньги служить себѣ, живутъ безнравственной жизнью, и никакія проповѣди ихъ не избавятъ ихъ дѣтей отъ безсознательнаго безнравственнаго внушенія, которое или останется въ нихъ на всю жизнь, извращая всѣ ихъ сужденія объ явленіяхъ жизни, или съ великими усиліями и трудомъ будетъ послѣ многихъ страданій и ошибокъ разрушено ими. Я говорю это не для васъ, потому что, сколько я знаю, вы свободны отъ этого зла, и въ этомъ отношеніи жизнь ваша можетъ произвести на дѣтей только нравственное внушеніе. То же, что вы далеко не все дѣлаете сами и пользуетесь за деньги услугами другихъ людей, не можетъ вред-

но дѣйствовать на дѣтей, если они видятъ, что ваше стремленіе не въ томъ, чтобъ сложить съ своихъ плечъ на другихъ трудъ, нужный для вашей жизни, а наоборотъ.

Итакъ, воспитаніе, безсознательное внушеніе есть самое важное. Для того же, чтобы оно было хорошее, нравственное, нужно — странно сказать — чтобы вся жизнь воспитателя была хорошая. Что̀ назвать хорошею жизнью? спросятъ. Степени хорошества есть безграничныя, но одна есть общая и главная черта хорошей жизни: это стремленіе къ совершенствованію въ любви. Вотъ это самое если есть въ воспитателяхъ и если этимъ заразятся дѣти, то воспитаніе будетъ не дурное.

Для того, чтобы воспитаніе дѣтей было успѣшно, надо, чтобы воспитывающіе люди, не переставая, воспитывали себя, помогали бы другъ другу все болѣе и болѣе осуществлять то, къ чему стремятся. Средствъ же для этого, кромѣ главнаго внутренняго — работы каждаго человѣка надъ своей душой (для меня съ помощью уединенія и молитвы), можетъ быть очень много. Надо искать ихъ, обдумывать, прилагать, обсуждать. Я думаю, что критицизмъ, который употребляется у перфекціонистовъ,— хорошее средство. Хорошо, я думаю, тоже въ извѣстные дни собираться и сообщать другъ другу средства борьбы со своими слабостями, свои или изъ книгъ рецепты совершенствованія. Хорошо, думаю, отыскивать самыхъ несчастныхъ людей, отталкивающихъ физически или нравственно, и пытаться служить имъ. Хорошо, думаю, пытаться сходиться съ врагами, ненавидящими насъ. Это я пишу наобумъ, au courant de la plume, но думаю, что это цѣлая и важнѣйшая область науки воспитанія себя для воздѣйствія на дѣтей. Только бы мы сознали важность этой стороны воспитанія и разработали бы ее.

Это намеки на одну сторону дѣла — воспитаніе. Теперь объ образованіи. Объ образованіи я думаю вотъ что: наука, ученіе есть не что иное, какъ передача того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда въ трехъ разныхъ направленіяхъ, пріемахъ мысли, думали 1) философски, религіозно о значеніи своей жизни — религія и философія, 2) опытно, дѣлая выводы изъ извѣстнымъ образомъ обставленныхъ наблюденій — естественныя науки: механика, физика, химія, физіологія, и 3) думали математически, дѣлая выводы изъ положеній своей мысли: математика и математическія науки. Всѣ эти три рода наукъ — настоящія науки. Нельзя поддѣлаться подъ знаніе ихъ, и не можетъ быть полузнанія — знаетъ или не знаетъ. Всѣ эти три рода наукъ космополитичны—всѣ онѣ не только не разъединяютъ, но соединяютъ людей. Всѣ онѣ доступны всѣмъ

людямъ и удовлетворяютъ критерію братства людей. Науки же богословскія, юридическія и спеціально историческія, русскія, французскія, суть не науки или науки вредныя и должны быть исключены. Но, кромѣ того, что существуютъ три отрасли науки, существуютъ и три способа передачи этихъ знаній (пожалуйста, не думайте, что я подгоняю къ тремъ; мнѣ хотѣлось, чтобы было четыре или десять, но вышло по три). Первый способъ передачи самый обычный — слова. Но слова на разныхъ языкахъ, и потому является еще наука — языки, опять соотвѣтствующая критерію братства людей (можетъ быть, и нужно преподаваніе эсперанто, если бы было время и ученики желали бы). Второй способъ — это пластическое искусство, рисованіе или лѣпка, наука о томъ, какъ для глаза передать то, что знать другому. И третій способъ — музыка, пѣніе, наука, какъ передать свое настроеніе, чувство. Кромѣ этихъ 6 отраслей преподаванія, долженъ быть введенъ еще 7-й—преподаваніе мастерства, и опять соотвѣтствующее критерію братства, т.-е. такого, которое всѣмъ нужно — слесарное, столярное, плотничное, швейное... Такъ что преподаваніе распадается на 7 предметовъ.

Какую часть времени употребить на каждое, кромѣ обязательнаго труда, для *своего* обслуживанія, рѣшитъ склонность каждаго ученика. Мнѣ представляется такъ: преподаватели для себя распредѣляютъ часы, но ученики вольны приходить или нѣтъ. Какъ ни странно это кажется намъ, такъ уродливо поставившимъ образованіе, полная свобода обученія, т.-е. чтобы ученикъ, ученица сами приходили учиться, когда хотятъ, есть conditio sine qua non всякаго плодотворнаго обученія, такъ же какъ conditio sine qua non питанія есть то, чтобы питающемуся хотѣлось ѣсть. Разница только въ томъ, что въ матеріальныхъ дѣлахъ вредъ отступленія отъ свободы сейчасъ же проявляется — сейчасъ же будетъ рвота или разстройство желудка; въ духовныхъ же вредныя послѣдствія проявятся не такъ скоро, можетъ быть, черезъ года. Только при полной свободѣ можно вести лучшихъ учениковъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ они могутъ дойти, а не задерживать ихъ ради слабыхъ, а эти лучшіе ученики есть самые нужные. Только при свободѣ можно избѣжать обычнаго явленія: вызываніе отвращенія къ предметамъ, которые въ свое время и свободно были бы любимы; только при свободѣ возможно узнать, къ какой спеціальности какой ученикъ имѣетъ склонность, только свобода не нарушаетъ воспитательнаго вліянія. А то я буду говорить ученику, что не надо въ жизни насилія, а надъ нимъ буду совершать самое тяжелое умственное насиліе. Знаю я, что

это трудно, но что же дѣлать, когда поймешь, что всякое отступленіе отъ свободы губительно для самаго дѣла образованія. Да и не такъ трудно, когда твердо рѣшишься, не дѣлать глупаго. Я думаю, что надо такъ. А. отъ 2 до 3 даетъ урокъ математики, т.-е. ученія тому, что̀ хочетъ знать ученикъ въ этой области. В. отъ 3 до 5—рисованію и т. д. Вы скажете, а самые маленькіе? — Самые маленькіе, если ведутся правильно, сами всегда просятся и любятъ аккуратность, т.-е. подчиняются гипнозу подражанія: вчера былъ послѣ обѣда урокъ и нынче онъ послѣ обѣда желаетъ урока...

Вообще грубо представляется мнѣ распредѣленіе времени и предметовъ такъ: всѣхъ часовъ бдѣнія 16. Половину изъ нихъ полагаю съ пермежками отдыха, игры (чѣмъ моложе, тѣмъ длиннѣе) на воспитаніе, въ тѣсномъ смыслѣ — просвѣщеніе, т.-е. на работу для себя, семьи и другихъ: чистить, носить, варить, рубить и т. п. Другую половину отдаю ученію. Предоставляю ему избирать изъ 7 предметовъ то, къ чему его тянетъ.

Все это, какъ видите, написано кое-какъ. Я буду еще, если Богъ велитъ, перерабатывать это, но посылаю вамъ все-таки какъ отвѣтъ...

Прибавлю еще о рисованіи и музыкѣ... Какъ въ рисованіи, такъ и въ музыкѣ дѣти должны быть обучаемы, пользуясь самыми всегда доступными средствами (въ рисованіи — мѣломъ, углемъ, карандашомъ; въ музыкѣ — своей глоткой умѣть передавать то, что они видятъ или слышатъ), — это начало. Если бы послѣ — что очень жалко — для исключительныхъ оказалось особенное дарованіе, тогда можно учиться писать масляными красками или играть на дорогихъ инструментахъ. Для обученія этой элементарной грамотѣ рисовальной и музыкальной, я знаю, что есть хорошія, новыя руководства.

Для обученія же языкамъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше—я думаю, вотъ какимъ вашихъ дѣтей надо учить: французскому, нѣмецкому непремѣнно, англійскому и эсперанто, если можно. И учить надо, предлагая имъ читать знакомую по-русски книгу, стараясь понимать общій смыслъ, попутно обращая вниманіе на нужнѣйшія слова, корни словъ и грамматическія формы. Притомъ учить прежде и преимущественно чужимъ языкамъ, а не своему.

...Въ письмѣ о воспитаніи забылъ написать. Я считаю важнымъ при изученіи языковъ то, чтобы изучать всегда только одинъ языкъ и на него положить всѣ силы, отдавъ ему часы другихъ занятій, и вести это такъ до тѣхъ поръ, пока ученикъ настолько овладѣетъ языкомъ, что будетъ въ состояніи читать на немъ книги.

Бесѣды съ дѣтьми по нравственнымъ вопросамъ.

Преподавать дѣтямъ нравственность я пытался вотъ какъ: собравъ выраженныя разными мыслителями нравственныя истины и изложивъ ихъ доступнымъ дѣтямъ въ возрастѣ около 10 лѣтъ языкомъ, я раздѣлилъ ихъ на отдѣлы и каждый день читалъ дѣтямъ по одной мысли изъ одного по очереди отдѣла и, прочтя, просилъ ихъ повторить своими словами прочитанное, разъясняя непонятное и отвѣчая на вопросы, вызванные чтеніемъ.

Отдѣловъ такихъ у меня составилось около 20. Я говорю—около 20 потому, что я не вполнѣ остановился на числѣ отдѣловъ и то прибавляю, то убавляю ихъ.

Главные отдѣлы слѣдующіе:

1) *Богъ.*
2) *Жизнь въ волѣ Бога.*
3) *Человѣкъ — сынъ Бога.*
4) *Разумъ.*
5) *Любовь.*
6) *Совершенствованіе.*
7) *Усиліе.*
8) *Мысли.*
9) *Слова.*
10) *Поступки — дѣла.*
11) *Соблазны внутренніе.*
12) *Соблазны внѣшніе.*
13) *Смиреніе.*
14) *Самоотреченіе.*
15) *Непротивленіе.*
16) *Жизнь въ настоящемъ.*
17) *Смерть.*
18) *Жизнь — благо.*
19) *Вѣра.*

Такихъ нравственныхъ истинъ набралось у меня болѣе 700, такъ что если расположить ихъ по днямъ, то на каждый день придется по 2.

Для образца выписываю по одной мысли изъ каждаго отдѣла.

Изъ отдѣла 1-го.

Услыхали разъ рыбы въ рѣкѣ, что люди говорятъ: рыбамъ можно жить только въ водѣ. И стали рыбы другъ у друга спрашивать: что такое вода? И ни одна рыба въ рѣкѣ не могла сказать, что такое вода. Тогда умная, старая сказала, что есть въ морѣ премудрая рыба. Она все знаетъ. Спросимъ ее: что такое вода? И вотъ поплыли рыбы въ море къ старой премудрой рыбѣ и спросили ее: какъ бы намъ узнать, что такое вода? Премудрая рыба сказала: вы не знаете, что такое вода, потому что живете въ водѣ. Узнаешь воду только тогда, когда выскочишь изъ нея и почуешь, что безъ нея жить нельзя. Только тогда поймешь, что мы водою живемъ и что безъ воды нѣтъ жизни.

То же и съ людьми, если они думаютъ, что не знаютъ Бога. Мы живемъ въ Богѣ и Богомъ, и только что уйдемъ отъ Бога, сейчасъ намъ такъ же плохо, какъ рыбѣ безъ воды.

Изъ отдѣла 2-го.

Когда на большой дорогѣ грабятъ разбойники, то путешественникъ не выѣзжаетъ одинъ: онъ выжидаетъ, не поѣдетъ ли кто-нибудь со стражей, присоединяется къ нему и тогда уже не боится разбойниковъ.

Такъ же поступаетъ въ своей жизни и разумный человѣкъ. Онъ говоритъ себѣ: «Въ жизни много всякихъ бѣдъ. Гдѣ найти защиту, какъ уберечься отъ всего этого? Какого дорожнаго товарища подождать, чтобы поѣхать въ безопасности? За кѣмъ ѣхать слѣдомъ: за тѣмъ или за другимъ? За богатымъ ли, за важнымъ ли вельможей или за самимъ царемъ? Не уберегутъ ли они меня? Вѣдь и ихъ грабятъ и убиваютъ, и они такъ же бѣдствуютъ, какъ и другіе люди. Да еще и то можетъ быть, что тотъ самый, съ кѣмъ я поѣду, нападетъ на меня и ограбитъ. Какого же мнѣ найти себѣ вѣрнаго дорожнаго товарища, такого товарища, чтобы онъ не напалъ на меня, а былъ мнѣ всегда защитой? За кѣмъ мнѣ идти слѣдомъ? — Одинъ есть такой вѣрный товарищъ. Товарищъ этотъ — Богъ. За Нимъ надо идти, чтобы не попасть въ бѣду. А что значитъ идти за Богомъ?

Это значитъ желать того, что̀ Онъ хочетъ, и не желать того, чего Онъ не хочетъ. А какъ достигнуть этого?—Понять Его законы и слѣдовать имъ».

Изъ отдѣла 3-го.

Христосъ сказалъ, что каждый человѣкъ — сынъ Бога. Это значитъ то, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ духъ Божій; по тѣлу всякій человѣкъ сынъ своихъ родителей, по духу всякій человѣкъ сынъ Бога. Чѣмъ больше человѣкъ понимаетъ въ себѣ духъ Божій, чѣмъ больше признаетъ свою сыновность Богу, тѣмъ больше онъ приближается къ Богу и къ истинному благу.

Изъ отдѣла 4-го.

Чѣмъ добрѣе бываетъ жизнь человѣка, тѣмъ больше бываетъ въ немъ разума. А чѣмъ разумнѣе человѣкъ, тѣмъ добрѣе бываетъ жизнь человѣка.

Для доброй жизни нуженъ свѣтъ разума. А для того, чтобы разумъ былъ свѣтелъ, нужна добрая жизнь. Одно помогаетъ другому. А потому, если разумъ не помогаетъ доброй жизни, это не настоящій разумъ. И если жизнь не помогаетъ разуму, то это не добрая жизнь.

Изъ отдѣла 5-го.

Постарайся полюбить того, кого ты не любилъ, кто обидѣлъ тебя. И если это удастся тебѣ сдѣлать, то тебѣ сейчасъ же станетъ очень хорошо и радостно на душѣ. Какъ свѣтъ ярче свѣтитъ послѣ темноты, такъ и на душѣ бываетъ особенно хорошо, когда вмѣсто злобы и досады почувствуешь любовь къ тому, кого не любилъ и кто обидѣлъ тебя.

Изъ отдѣла 6-го.

Мы всѣ знаемъ, что живемъ не такъ, какъ надо и какъ могли бы жить. И потому надо всегда помнить, что жизнь наша можетъ и должна быть лучше.

Помнить это надо не затѣмъ, чтобы осуждать жизнь другихъ людей и свою, не исправляя ее, а затѣмъ, чтобы стараться съ каждымъ днемъ и часомъ становиться хоть немного лучше, исправлять себя.

Въ этомъ самое главное и самое радостное дѣло въ жизни.

Изъ отдѣла 7-го.

Бываетъ непріятно, когда тебя хвалятъ за то, чего ты не сдѣлалъ, и такъ же непріятно, когда бранятъ за то, чего ты не заслужилъ. Но можно и въ напрасной похвалѣ и въ напрасной брани найти пользу. Если ты не сдѣлалъ добраго дѣла и тебя хвалятъ за него, постарайся сдѣлать то, за что тебя хвалятъ. А если тебя бранятъ за то, чего ты не сдѣлалъ, то постарайся впередъ не дѣлать того, за что тебя бранятъ.

Изъ отдѣла 8-го.

Для того, чтобы не дѣлать злыхъ дѣлъ, надо удерживаться не только отъ самыхъ дѣлъ, но и отъ злыхъ разговоровъ. Для того же, чтобы удерживаться отъ злыхъ дѣлъ и разговоровъ, надо научиться удерживаться отъ злыхъ мыслей. Когда одинъ думаешь самъ съ собой и придутъ недобрыя мысли — осуждаешь кого-нибудь, сердишься, вспомни, что не хорошо такъ думать, остановись и старайся думать о другомъ. Только тогда будешь въ силахъ воздерживаться отъ злыхъ дѣлъ, когда научишься воздерживаться отъ злыхъ мыслей. Коревь злыхъ дѣлъ въ дурныхъ мысляхъ.

Изъ отдѣла 9-го.

Какъ удилами во рту мы управляемъ конями и рулями управляемъ кораблями, такъ и языкомъ мы управляемъ всѣмъ тѣломъ. Языкомъ можно и осквернить, можно и освятить себя. И потому надо не говорить что попало, а внимательно слѣдить за своими словами.

Слово — великое дѣло. Какъ небольшой огонь можетъ сжечь цѣлыя деревни, такъ и отъ одного слова можетъ сдѣлаться большое несчастье.

Изъ отдѣла 10-го.

Китайскаго мудреца спросили: есть ли такое слово, которое дало бы счастье на всю жизнь?

Мудрецъ сказалъ: «есть слово «шу»; смыслъ этого слова такой: чего мы не хотимъ, чтобы намъ дѣлали, не надо дѣлать другимъ».

Когда же Христа спросили о главной заповѣди закона, Онъ сказалъ: «Во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами посту

пали люди, такъ поступайте и вы съ ними. Въ этомъ законъ и пророки».

Китайскій мудрецъ сказалъ, чтобы не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хочешь: не отступай отъ любви. А Христосъ сказалъ: не только не дѣлай другому того, чего себѣ не хочешь, но дѣлай другому то, чего себѣ хочешь, — поступай по любви.

Изъ отдѣла 11-го.

Пословица говоритъ: «Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». «Отъ трудовъ будешь горбатъ, а не будешь богатъ».

И пословица не мимо молвится. Большое богатство наживается не трудами, а грѣхами. Отъ этого большое богатство — тяжесть, а не радость для хорошаго человѣка. Не пропускаетъ большое богатство людей въ царство Божіе.

Изъ отдѣла 12-го.

Надо не поддаваться тому, что дѣлаютъ другіе, а жить своимъ умомъ. Не бѣда, если мы смѣемся, сами не зная чему, когда другой человѣкъ смѣется, и если, глядя на того, кто зѣваетъ, и сами зѣваемъ, но плохо то, когда мы поддаемся злому чувству того человѣка, который злится на насъ, обижаетъ насъ. Онъ злится, и мы злимся. А тутъ-то и дороже всего не поддаться злому чувству, а, напротивъ, добротой отвѣтить на злобу. Если съ злыми людьми будешь такой же, какъ они, то сдѣлаешься скоро злымъ и съ добрыми людьми.

Изъ отдѣла 13-го.

Въ Евангеліи сказано (Лука XVI, 15), что велико для людей, то мерзость передъ Богомъ. — Это надо всегда помнить, чтобы не ошибиться и не почитать великимъ и важнымъ то, что мало и ничтожно. Это надо помнить, потому что люди всегда возвеличиваютъ, украшаютъ то, про что они знаютъ, что оно безъ прикрасы будетъ не замѣчено и признано дурнымъ. Такъ устраиваютъ всякіе храмы, шествія съ музыкой и флагами, богатыми одеждами. Надо не поддаваться этому блеску и знать и помнить, что все истинное и доброе не нуждается въ украшеніяхъ и бываетъ просто и скромно.

Изъ отдѣла 14-го.

Люди живутъ общими трудами всѣхъ. И чугунъ, и косы, и сошникъ, и сукно, и бумага, и спички, и свѣчи, и керосинъ, и тысячи другихъ вещей, — все это труды людскіе. И потому, чтобы не отнимать у людей людского труда, надо, если мы пользуемся трудами людей, оплачивать за это своимъ.

Есть пословица, что если одинъ человѣкъ живетъ не работая, то гдѣ-нибудь какой-нибудь человѣкъ отъ этого умираетъ съ голоду.

Но какъ учесть, больше ли я беру, чѣмъ даю? Учесть нельзя, и потому, чтобы не быть воромъ и убійцей, лучше больше отдать, чѣмъ взять, и для этого какъ можно больше работать и какъ можно меньше брать отъ другихъ людей.

Изъ отдѣла 15-го.

«Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ. А Я говорю вамъ: не противься злому. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую» (Мѳ. V, 38 — 39). Ученіе это запрещаетъ дѣлать то, отъ чего умножается, а не прекращается зло въ мірѣ. Когда одинъ человѣкъ нападаетъ на другого, обижаетъ его, онъ этимъ зажигаетъ въ другомъ чувство ненависти, корень всякаго зла. Чтò же надо сдѣлать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сдѣлать то самое, что вызвало это чувство зла, т.-е. повторить дурное дѣло? Поступить такъ значитъ вмѣсто того, чтобы уничтожить зло, усилить его.

И потому непротивленіе злу зломъ есть единственное средство побѣдить зло. Только оно одно убиваетъ злое чувство и въ томъ, кто сдѣлалъ зло, и въ томъ, кто понесъ его.

Изъ отдѣла 16-го.

Никогда не откладывай добраго дѣла, если можешь сдѣлать его нынче. Смерть не разбираетъ того, сдѣлалъ или не сдѣлалъ человѣкъ то, что долженъ. Смерть никого и ничего не дожидается. У нея нѣтъ ни враговъ, ни друзей. Дѣла человѣка, то, что онъ успѣлъ сдѣлать, становятся его судьбой, хорошей или дурной. И потому для человѣка важнѣе всего въ мірѣ то, что онъ сейчасъ дѣлаетъ.

Изъ отдѣла 17-го.

Человѣкъ видитъ, какъ все на свѣтѣ — и растенія и животныя — зарождается, растетъ, крѣпнетъ, плодится, а потомъ слабѣетъ, портится, старѣется и умираетъ.

То же самое видитъ человѣкъ и надъ своимъ тѣломъ и, глядя на другихъ людей, когда они умираютъ, знаетъ и про свое тѣло, что оно состарится, испортится и умретъ, какъ и все, что родится и живетъ на свѣтѣ.

Но, кромѣ того, что онъ видитъ на другихъ существахъ и на людяхъ, каждый человѣкъ знаетъ въ себѣ еще то, что не портится и не старѣется, а напротивъ, что больше живетъ, то лучшѣетъ и крѣпнетъ,—знаетъ каждый человѣкъ въ себѣ свою душу.

Что будетъ съ душой, когда мы помремъ, никто не можетъ знать. Одно мы вѣрно знаемъ — это то, что портится, прѣетъ и гніетъ только то, что тѣлесно, а душа нетѣлесна, и потому съ ней не можетъ быть того, что съ тѣломъ. И потому страшна смерть только тому, кто живетъ только тѣломъ. Для того же, кто живетъ душою, нѣтъ смерти.

Изъ отдѣла 18-го.

Знай и помни, что если человѣкъ несчастенъ, то онъ самъ въ этомъ виноватъ, потому что Богъ создалъ людей не для того, чтобы они были несчастны, а для ихъ счастія. Несчастны бываютъ люди только тогда, когда они желаютъ того, что не всегда могутъ имѣть. Счастливы же тогда, когда желаютъ того, что всегда могутъ имѣть. Чего же люди не всегда могутъ имѣть? И что могутъ всегда имѣть, когда желаютъ этого?

Не всегда могутъ люди имѣть то, что не въ ихъ власти, то, что другіе могутъ отнять у нихъ. Всего этого люди не могутъ имѣть всегда. Всегда же могутъ имѣть люди только то, чего никто отъ нихъ отнять не можетъ.

Первое — это всѣ блага мірскія, богатство, почести, здоровье. Второе — это своя душа, свое желаніе во всемъ исполнять волю Бога. И Богъ далъ въ нашу власть какъ разъ то, что намъ нужнѣе всего для нашего блага, потому что никто, никакія мірскія блага не даютъ истиннаго блага, а всегда только обманываютъ. Истинное же благо даетъ только исполненіе воли Бога. Богъ не врагъ намъ, Онъ поступилъ съ нами, какъ добрый Отецъ: Онъ не далъ намъ только того, что не можетъ дать намъ блага.

Изъ отдѣла 19-го.

Во всѣхъ вѣрахъ ученіе о томъ, какъ надо жить людямъ, одно и то же. Обряды разные, а вѣра одна.

Разумный человѣкъ видитъ то, что едино во всѣхъ вѣрахъ, глупый же видитъ только то, что въ нихъ разное.

Ясная Поляна. Августъ 1907 г.

Объ образованіи.

ПИСЬМО 1-е.

(Въ отвѣтъ на письмо В. Булгакову).

Постараюсь исполнить ваше желаніе, — отвѣтить на ваши вопросы.

Очень можетъ быть, что въ моихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи, давнишнихъ и послѣднихъ, окажутся и противорѣчія и неясности. Я просмотрѣлъ ихъ и рѣшилъ, что мнѣ, да и вамъ, я думаю, будетъ легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что я теперь думаю объ этихъ предметахъ.

Это для меня будетъ тѣмъ легче, что въ послѣднее время эти самые предметы занимаютъ меня.

Во-первыхъ, скажу, что то раздѣленіе, которое я въ своихъ тогдашнихъ педагогическихъ статьяхъ дѣлалъ между воспитаніемъ и образованіемъ, искусственно. И воспитаніе и образованіе нераздѣльны. Нельзя воспитывать, не передавая знанія; всякое же знаніе дѣйствуетъ воспитательно. И потому, не касаясь этого подраздѣленія, буду говорить объ одномъ образованіи: о томъ, въ чемъ, по моему мнѣнію, заключаются недостатки существующихъ пріемовъ образованія, и какимъ оно, по моему мнѣнію, должно бы быть, и почему именно такимъ, а не инымъ.

То, что свобода есть необходимое условіе всякаго истиннаго образованія какъ для учащихся, такъ и для учащихъ, я признаю, какъ и прежде, т.-е. что и угрозы наказаній и обѣщанія наградъ (правъ и т. п.), обусловливающія пріобрѣтеніе тѣхъ или иныхъ знаній, не только не содѣйствуютъ, но болѣе всего мѣшаютъ истинному образованію.

Думаю, что ужъ одна такая полная свобода, т.-е. отсутствіе принужденія и выгодъ какъ для обучаемыхъ, такъ и для

обучающихъ, избавила бы людей отъ большой доли тѣхъ золъ, которыя производитъ теперь принятое вездѣ принудительное и корыстное образованіе. Отсутствіе у большинства людей нашего времени какого бы то ни было религіознаго отношенія къ міру, какихъ-либо твердыхъ нравственныхъ правилъ, ложный взглядъ на науку, на общественное устройство, въ особенности на религію, и всѣ вытекающія изъ этого губительныя послѣдствія, — все это порождаемо въ большей степени насильственными и корыстными пріемами образованія.

И потому, для того, чтобы образованіе было плодотворно, т.-е. содѣйствовало бы движенію человѣчества къ все большему и большему благу, нужно, чтобы образованіе было свободно. Для того же, чтобы образованіе, будучи свободно какъ для учащихъ, такъ и для учащихся, не было собраніемъ произвольно выбранныхъ, ненужныхъ, несвоевременно передаваемыхъ и даже вредныхъ знаній, нужно, чтобы у обучающихся, такъ же какъ и у обучаемыхъ, было общее и тѣмъ и другимъ основаніе, вслѣдствіе котораго избирались бы для преподаванія и изученія наиболѣе нужныя для разумной жизни людей знанія и преподавались бы въ соотвѣтственныхъ ихъ важности размѣрахъ. Такимъ основаніемъ всегда было и не можетъ быть ничто другое, какъ одинаково свободно признаваемое всѣми людьми общества, какъ обучающимися, такъ и обучающими. пониманіе смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. религіи.

Такъ это было прежде, такъ это есть и теперь тамъ, гдѣ люди соединены однимъ общимъ религіознымъ пониманіемъ жизни и вѣрятъ въ него. Такъ это было и сотни лѣтъ тому назадъ въ христіанскомъ мірѣ, когда всѣ люди, за малыми исключеніями, вѣрили въ церковную христіанскую вѣру. И у людей было твердое, общее всѣмъ основаніе для выбора предметовъ знанія и распредѣленія ихъ, и потому не было никакой нужды въ принудительномъ образованіи.

Такъ это было за сотни лѣтъ. Но въ наше время такой общей большинству людей христіанскаго міра вѣры уже нѣтъ; въ наше время только малое число, и то самыхъ не вліятельныхъ людей, еще вѣрятъ..., большинство же, и самое вліятельное,... не вѣритъ ни въ какую религію. Мало того, такъ называемые передовые люди нашего времени вполнѣ увѣрены въ томъ, что всякая религія есть нѣчто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужнымъ человѣчеству, теперь же составляющее только препятствіе для его прогресса, и старательно увѣряютъ въ этомъ другихъ.

Такъ что въ наше время и въ нашемъ мірѣ, при отсутствіи какой бы то ни было общей большинству людей религіи, т.-е. пониманія смысла и назначенія человѣческой жизни, т.-е. при отсутствіи основы образованія, невозможенъ какой бы то ни было опредѣленный выборъ знаній и распредѣленіе ихъ. Вслѣдствіе этого-то отсутствія всякой разумной основы, могущей руководить образованіемъ, и, кромѣ того, вслѣдствіе возможности..... заставлять молодыя поколѣнія обучаться тѣмъ предметамъ, которые кажутся выгодными, и находится среди христіанскихъ народовъ образованіе въ такомъ превратномъ и жалкомъ, по моему мнѣнію, положеніи.

Количество предметовъ знанія безконечно, и такъ же безконечно то совершенство, до котораго можетъ быть доведено каждое знаніе.

Сравнить область знанія можно съ выходящими изъ центра сферы безконечнаго количества могущими до безконечности быть удлиненными радіусами.

И потому совершенство въ дѣлѣ образованія достигается не тѣмъ, чтобы учащіеся усвоили очень многое изъ случайно избранной области знанія, а тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, изъ безконечнаго количества знаній прежде всего были переданы учащимся знанія о самыхъ важныхъ и нужныхъ предметахъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, чтобы знанія эти были доведены до относительно одинаковой степени, такъ чтобы передаваемыя знанія, подобно одинаковой длины и одинаково равномѣрно расположеннымъ радіусамъ, опредѣляющимъ сферу, составляли бы гармоничное цѣлое.

Такой выборъ знаній и такое распредѣленіе ихъ было возможно въ европейскомъ мірѣ, пока люди вѣрили въ ту форму христіанской религіи, которая соединяла ихъ. Теперь же....... вопросъ о томъ, какія знанія вообще полезны, какія могутъ быть вредны, какія нужны прежде, какія послѣ и до какой степени должны быть доводимы тѣ или другія, уже не имѣетъ никакого основанія для своего рѣшенія и рѣшается какъ попало и произвольно людьми..... такъ, какъ это для нихъ въ данное время наиболѣе удобно и выгодно.

Вслѣдствіе этого-то и произошло въ нашемъ обществѣ то удивительное явленіе, что, продолжая сравненіе со сферой, въ нашемъ обществѣ знанія распредѣляются не только не равномѣрно, но въ самыхъ уродливыхъ соотношеніяхъ: нѣкоторые радіусы достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ, другіе же вовсе не обозначены. Такъ, напримѣръ, люди пріобрѣтаютъ знанія о разстояніяхъ, плотности, движеніяхъ на милліарды

верстъ отъ насъ отстоящихъ звѣздъ, о жизни микроскопическихъ животныхъ, о воображаемомъ происхожденіи организмовъ, о грамматикѣ древнихъ языковъ и тому подобномъ вздорѣ, а не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ живутъ и жили ихъ братья — люди, не только отдѣленные отъ нихъ морями и тысячами миль и вѣками, но и люди, живущіе сейчасъ съ ними рядомъ: чѣмъ питаются, какъ спятъ, одѣваются, что работаютъ, какъ женятся, воспитываютъ дѣтей, какіе ихъ обычаи, привычки, вѣрованія. Люди узнаютъ въ школахъ все объ Александрѣ Македонскомъ и Людовикѣ XIV и его любовницахъ, но не знаютъ ничего о томъ, какъ живутъ, работаютъ, страдаютъ рядомъ съ ними ихъ братья и сестры въ деревнѣ или въ городѣ на заводѣ. Знаютъ о химическомъ составѣ тѣлъ, объ электричествѣ, радіи, о цѣлыхъ такъ называемыхъ «наукахъ», о правѣ и теологіи, подробно знаютъ о повѣстяхъ и романахъ, написанныхъ разными, считающимися «великими», писателями; знаютъ о совершенно ни на что ненужныхъ и скорѣе вредныхъ пустякахъ, а ничего не знаютъ о томъ, какъ понимали и понимаютъ смыслъ своей жизни и какія признавали и признаютъ правила жизни милліарды жившихъ и живущихъ людей, двѣ трети всего не христіанскаго человѣчества.

Отъ этого-то и происходитъ въ нашемъ мірѣ то удивительное явленіе, что люди, считающіеся въ нашемъ мірѣ самыми образованными, суть, въ сущности, люди самые невѣжественные, знающіе множество того, чего никому не нужно знать, и не знающіе того, что прежде всего нужно знать всякому человѣку. И мало того, что люди эти грубо-невѣжественны, они еще и безнадежно невѣжественны, такъ какъ вполнѣ увѣрены, что они очень ученые, образованные люди, т.-е. знаютъ все то, что нужно знать и даже больше того, что нужно знать человѣку.

Происходитъ это удивительное и печальное явленіе отъ того, что въ нашемъ, называемомъ христіанскомъ, мірѣ не только опущенъ, но отрицается тотъ главный предметъ преподаванія, безъ котораго не можетъ быть осмысленнаго пріобрѣтенія какихъ бы то ни было знаній. Опущена и отрицается необходимость религіознаго и нравственнаго преподаванія, т.-е. передачи молодымъ поколѣніямъ учащихся тѣхъ, съ самыхъ древнихъ временъ данныхъ мудрѣйшими людьми міра, отвѣтовъ на неизбѣжно стоящіе передъ каждымъ человѣкомъ вопросы: первый — что̀ я такое, какое отношеніе мое, моей отдѣльной жизни ко всему безконечному міру? и второй — какъ мнѣ сообразно съ этимъ моимъ отношеніемъ къ міру жить, что̀ дѣлать и чего не дѣлать?

Эти же два предмета — религіозное ученіе, общее всѣмъ людямъ, и вытекающее изъ него ученіе нравственности, тоже одинаковое для всѣхъ народовъ, — предметы, долженствующіе быть главной основой всякаго образованія, воспитанія и обученія, отсутствуютъ совершенно въ образованіи христіанскихъ народовъ. И еще хуже, чѣмъ отсутствуютъ: замѣняются въ нашемъ обществѣ собраніемъ грубыхъ суевѣрій и плохихъ софизмовъ................, предметомъ самымъ противнымъ истинному религіозному и нравственному обученію.

Въ этомъ, я полагаю, главный недостатокъ существующихъ въ нашемъ обществѣ пріемовъ образованія. И потому думаю, что для того, чтобы въ наше время образованіе было не вредно, каково оно теперь, въ основу его должны быть поставлены эти два предмета: религіозное пониманіе жизни и нравственное ученіе.

Объ этомъ самомъ предметѣ я писалъ въ составленномъ мною «Кругѣ чтенія» слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣчество, всегда у всѣхъ народовъ являлись учителя, составлявшіе науку о томъ, что̀ нужнѣе всего знать человѣку. Наука эта всегда имѣла своимъ предметомъ знаніе того, въ чемъ назначеніе и потому истинное благо каждаго человѣка и всѣхъ людей.

«Эта-то наука и служитъ руководящей нитью въ опредѣленіи значенія всѣхъ другихъ знаній.

«Предметовъ наукъ безчисленное количество; и безъ знанія того, въ чемъ состоитъ назначеніе и благо всѣхъ людей, нѣтъ возможности выбора въ этомъ безконечномъ количествѣ предметовъ, и потому безъ этого знанія всѣ остальныя знанія и искусства становятся, какъ они и сдѣлались у насъ, праздной и вредной забавой».

Единственное объясненіе той безумной жизни, противной своему сознанію, которую ведутъ люди нашего времени, заключается именно въ этомъ, въ томъ, что молодыя поколѣнія обучаются безчисленнымъ, самымъ сложнымъ, труднымъ и ненужнымъ предметамъ, не обучаются только тому, что̀ одно нужно,— тому, въ чемъ смыслъ человѣческой жизни, чѣмъ она должна быть руководима и что̀ думали объ этомъ вопросѣ и какъ рѣшили его мудрѣйшіе люди всѣхъ временъ и всего міра.

Скажутъ: «нѣтъ такого общаго большинству людей религіознаго ученія и ученія нравственности». Но, во-первыхъ, это неправда,—такія ученія всегда были и есть, не могутъ не быть, потому что безъ такихъ ученій никогда не жило, не могло бы и не можетъ жить человѣчество.

Если нѣкоторымъ людямъ нашего времени и кажется, что ихъ нѣтъ, то это происходитъ только отъ того, что эти люди принимаютъ тѣ затемненія и извращенія, которыми............ скрыты религіозныя и нравственныя истины, за самую сущность ученій. Стоитъ только людямъ серьезно отнестись къ вопросамъ жизни, и одна и та же—и религіозная и нравственная — истина во всѣхъ ученіяхъ, отъ Кришны, Будды, Конфуція до Христа, и новѣйшихъ религіозныхъ мыслителей, откроется имъ.

Это мой первый отвѣтъ на возраженіе о томъ, что будто бы нѣтъ общаго религіознаго и нравственнаго ученія, а потому и нельзя на немъ основывать образованіе. Второй же мой отвѣтъ будетъ тотъ, что если допустить, что такого ученія нѣтъ, то вытекаетъ изъ этого только то, что при отсутствіи единственной возможной разумной основы для образованія не можетъ быть и никакого разумнаго образованія, а можетъ быть только, какъ это и есть теперь, нагроможденіе самыхъ пустыхъ, случайныхъ, ненужныхъ большому большинству, часто и вредныхъ знаній, которыя мы называемъ наукой, и что поэтому лучше не надо никакого образованія, чѣмъ ложное и вредное.

Вреднымъ же будетъ такое безосновное образованіе ужъ тѣмъ, что будетъ давать возможность невѣжественнымъ людямъ, каковы теперь большинство такъ называемыхъ образованныхъ людей, не сознавать своего невѣжества, а считать себя образованными.

Нравится намъ это или не нравится, разумное образованіе возможно только при постановкѣ въ основу его ученія о религіи и нравственности.

Продолжая сравненіе съ радіусами, проводимыми изъ центра, ученіе о религіи и нравственности, по отношенію ко всѣмъ другимъ знаніямъ, подобно тѣмъ тремъ взаимно перпендикулярнымъ діаметрамъ, которые опредѣляютъ направленіе и соотношеніе всѣхъ радіусовъ сферы и ту степень длины, до которой они могутъ быть доведены для того, чтобы они составляли гармоническое цѣлое—сферу.

И потому я полагаю, что первое и главное знаніе, которое свойственно прежде всего передавать дѣтямъ и учащимся взрослымъ, это—отвѣты на вѣчные и неизбѣжные вопросы, возникающіе въ душѣ каждаго приходящаго къ сознанію человѣка. Первый: что̀ я такое и какое мое отношеніе къ безконечному міру? и второй, вытекающій изъ перваго: какъ мнѣ жить, что̀ считать всегда, при всѣхъ возможныхъ условіяхъ, хорошимъ и что̀ всегда, при всѣхъ условіяхъ, дурнымъ?

Отвѣты на эти вопросы всегда были и есть въ душѣ каждаго человѣка; разъясненія же отвѣтовъ на эти вопросы не могло не быть среди милліардовъ прежде жившихъ и милліоновъ живущихъ теперь людей. И оно дѣйствительно есть въ ученіяхъ религіи и нравственности,—не въ религіи и ученіи нравственности какого-либо одного народа извѣстнаго мѣста и времени, а въ тѣхъ основахъ религіозныхъ и нравственныхъ ученій, которыя—однѣ и тѣ же—высказаны всѣми лучшими мыслителями міра отъ Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелія, Конфуція, Христа, Іоанна апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидскаго Баба, индусскаго Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рёскина, Сковороды и др.

И потому думаю, что до тѣхъ поръ, пока эти два предмета не станутъ въ основу образованія, не можетъ быть никакого разумнаго образованія,

Что же касается дальнѣйшихъ предметовъ знанія, то думаю, что порядокъ ихъ преподаванія выяснится самъ собой при признаніи основой всякаго знанія ученія о религіи и нравственности. Весьма вѣроятно, что при такой постановкѣ дѣла первымъ послѣ религіи и нравственности предметомъ будетъ изученіе жизни людей самыхъ близкихъ: своего народа, богатыхъ, бѣдныхъ классовъ, женщинъ, дѣтей, ихъ занятій, средствъ существованія, обычаевъ, вѣрованій, міросозерцаній. Послѣ изученія жизни своего народа, думаю, что при правильной постановкѣ дѣла образованія столь же важнымъ предметомъ будетъ изученіе жизни другихъ народовъ, болѣе отдаленныхъ, ихъ религіозныхъ вѣрованій, государственнаго устройства, нравовъ, обычаевъ.

Оба эти предмета, точно такъ же, какъ религіозно-нравственное ученіе, совершенно отсутствуютъ въ нашей педагогикѣ и замѣняются географіей—изученіемъ названій мѣстъ, рѣкъ, горъ, городовъ—и исторіей, заключающейся въ описаніи жизни и дѣятельности правителей и преимущественно ихъ войнъ, завоеваній и освобожденій отъ нихъ.

Думаю, что при постановкѣ въ основу образованія религіи и нравственности изученіе жизни себѣ подобныхъ, т.-е. людей, то, что называется этнографіей, займетъ первое мѣсто и что точно такъ же, соотвѣтственно своей важности для разумной жизни, займутъ соотвѣтствующія мѣста зоологія, математика, физика, химія и другія знанія.

Думаю такъ, но не берусь ничего утверждать о распредѣленіи знаній. Утверждаю же я только одно: то, что безъ признанія основнымъ и главнымъ предметомъ образованія религіи и нравственности не можетъ быть никакого разумнаго распредѣленія

знаній, а потому и разумной и полезной для обучаемыхъ передачи ихъ.

При признаніи же основой образованія религіи и нравственности и при полной свободѣ образованія всѣ остальныя знанія распредѣляются такъ, какъ это имъ свойственно, сообразно тѣмъ условіямъ, въ которыхъ будетъ находиться то общество, въ которомъ будутъ преподаваться и восприниматься знанія.

И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятыхъ вопросами образованія, можетъ и должна состоять прежде всего въ томъ, чтобы выработать соотвѣтственное нашему времени религіозное и нравственное ученіе и, выработавъ таковое, поставить его во главѣ образованія. Въ этомъ, по моему мнѣнію, въ наше время состоитъ первое и, пока оно не будетъ сдѣлано, единственное дѣло не только образованія, но и всей науки нашего времени,—не той, которая вычисляетъ тяжесть той звѣзды, вокругъ которой вращается солнце, или изслѣдуетъ происхожденіе организмовъ за милліоны лѣтъ до нашего времени, или описываетъ жизни королей, полководцевъ, или излагаетъ софизмы— теологіи или юриспруденціи, а той одной, которая есть точно наука, потому что дѣйствительно нужна людямъ. Нужна же людямъ потому, что, наилучшимъ образомъ отвѣчая на тѣ, одни и тѣ же, вопросы, которые вездѣ и всегда ставилъ и ставитъ себѣ всякій разумный человѣкъ, вступающій въ жизнь, она содѣйствуетъ благу какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества.

Вотъ все, что имѣлъ сказать. Буду радъ, если это пригодится вамъ

Ясная Поляна, 1 мая 1909 года.

О воспитаніи.

ПИСЬМО 2-е.

Получилъ ваше письмо и былъ радъ найти въ немъ совершенно согласныя съ моими взглядами мысли о томъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ посѣщеніе церкви, такъ и чтеніе Библіи не оказываетъ желательнаго воспитательнаго вліянія, а что между тѣмъ, кромѣ самаго дѣйствительнаго воздѣйствія на дѣтей личныхъ примѣровъ родителей и окружающихъ, необходимо дѣтямъ прямое религіозное воспитаніе.

Мое религіозное пониманіе жизни, изъ котораго вытекаетъ и мое мнѣніе о томъ, какимъ должно быть религіозное воспитаніе, такое:

Бога, духовное начало жизни, мы знаемъ только потому, что знаемъ Его въ себѣ и въ другихъ людяхъ. И потому дѣйствительное богопочитаніе возможно только въ почитаніи Бога въ себѣ и въ другихъ людяхъ. Почитаніе Бога въ себѣ состоитъ въ представленіи себѣ и держаніи передъ собой образа высшаго совершенства добра и въ стремленіи къ наибольшему въ своей жизни приближенію къ этому совершенству. Почитаніе же Бога въ людяхъ состоитъ въ признаніи въ каждомъ человѣкѣ того же Бога, какого мы сознаемъ въ себѣ, и потому въ стремленіи къ соединенію съ каждымъ человѣкомъ; соединеніе же это можетъ совершаться только любовью.

Полагая въ такомъ богопочитаніи сущность всякой религіи, я думаю, что такое богопочитаніе можно и должно внушать и дѣтямъ. Я думаю, и по опыту знаю, что дѣти легко понимаютъ и охотно принимаютъ такое ученіе, особенно если въ этомъ одномъ заключается все ученіе о богопочитаніи.

Внушать дѣтямъ это богопочитаніе, я думаю, что можно такъ:

Всѣ мы знаемъ, сказалъ бы я дѣтямъ, что надо никого не обижать, не бранить, не осуждать, со всѣми быть добрымъ, всѣмъ желать добра, всѣхъ любить, и что если жить такъ, то хорошо будетъ и другимъ и самому себѣ, а мы все-таки часто и осуждаемъ,

и бранимъ, и обижаемъ, и только себѣ желаемъ добра, и любимъ только себя или тѣхъ, кто насъ любитъ, и когда мы живемъ такъ, бываетъ нехорошо и другимъ людямъ, нехорошо бываетъ и намъ.

Отчего это?

Бываетъ это оттого, что живетъ каждый изъ насъ и душою и тѣломъ. Душа ничего не хочетъ для себя одной, а всѣмъ, всему на свѣтѣ хочетъ добра, всѣхъ любитъ, а тѣло наше хочетъ всего хорошаго только себѣ одному и себя одного только и любитъ. И потому, чѣмъ больше живешь для души и чѣмъ меньше для тѣла, тѣмъ лучше жить и другимъ людямъ и самому себѣ.

Какъ же сдѣлать, чтобы жить больше для души и меньше для тѣла? Для того, чтобы жить больше для души, а меньше для тѣла, надо, первое, понимать, что душа это духъ Божій въ человѣкѣ, одинъ и тотъ же во всѣхъ людяхъ, и, второе, пріучаться къ тому, чтобы дѣлать то, чего хочетъ душа, а не то, чего хочетъ тѣло.

Для того, чтобы ясно понимать то, что наша душа это духъ Божій въ человѣкѣ, хорошо слушать, повторять или читать поученія мудрыхъ и святыхъ людей о томъ, что̀ такое Богъ и какъ Онъ живетъ въ людяхъ. Для того же, чтобы пріучаться дѣлать то, чего хочетъ душа, а не то, чего хочетъ тѣло, хорошо въ концѣ каждаго дня вспоминать все то, въ чемъ поступилъ не такъ, какъ того требовала душа, а какъ этого хотѣло тѣло; въ началѣ же слѣдующаго дня готовиться къ тому, чтобы не повторить тѣхъ же ошибокъ.

Такъ бы я сказалъ дѣтямъ о богопочитаніи въ себѣ. О богопочитаніи же въ людяхъ я сказалъ бы дѣтямъ такъ:

Помните всегда, что въ каждомъ человѣкѣ живетъ тотъ же Богъ, какой живетъ и въ васъ, и потому когда сходитесь съ человѣкомъ, кто бы онъ ни былъ, не забывайте, что выше и важнѣе того, что̀ есть въ этомъ человѣкѣ, ничего нѣтъ на свѣтѣ. И потому, какъ бы ни были худы дѣла человѣка, самого человѣка, кто бы онъ ни былъ, надо почитать какъ Бога и любить какъ самого себя, и потому дѣлать для него то, чего самъ себѣ желалъ бы, если бы былъ на его мѣстѣ.

Вотъ въ краткихъ словахъ мой отвѣтъ на вашъ вопросъ о томъ, какимъ можетъ быть религіозное воспитаніе дѣтей. Радъ буду, если эти мои мысли пригодятся вамъ.

Ясная Поляна, 25 мая 1909 г.

Въ чемъ главная задача учителя?

(Изъ бесѣды съ народными учителями).

Школьное дѣло такое, что оно можетъ быть не только не полезнымъ, но однимъ изъ самыхъ вредныхъ и дурныхъ дѣлъ, можетъ быть и самымъ пустячнымъ дѣломъ, можетъ быть и однимъ изъ самыхъ полезныхъ дѣлъ, которому могутъ посвятить свою жизнь люди.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Пустячнымъ оно будетъ, когда учитель, не поддерживая существующее направленіе и не противодѣйствуя ему, ограничится однимъ внѣшнимъ, механическимъ обученіемъ ариѳметикѣ, грамматикѣ, орѳографіи.

Полезнымъ и однимъ изъ самыхъ хорошихъ дѣлъ оно будетъ тогда, когда учитель по мѣрѣ силъ своихъ будетъ внушать дѣтямъ истинно-нравственныя, основанныя на религіозныхъ христіанскихъ началахъ, убѣжденія и привычки.

Когда я занимался въ своей школѣ, я поступалъ такъ:

Прежде всего я прочитывалъ ученикамъ изъ Евангелія Матѳея XXII гл., ст. 35—40:

«И одинъ изъ нихъ, искушая Его, спросилъ, говоря: Учитель, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?

«Іисусъ сказалъ ему: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.

«Сія есть первая и наибольшая заповѣдь.

«Вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.

«На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки».

Прочтя стихи эти, я просилъ ихъ повторить прочтенное. Лучшіе ученики повторяли сущность прочитаннаго.

— Понятно?—спрашиваю.

— Понятно.

— Стало быть, законъ Христовъ короткій и понятный. Какъ думаете: можно по немъ жить? Жить такъ, чтобы любить Бога и ближняго?

— Отчего жъ, можно,—говорятъ нѣкоторые.

— Что̀ значитъ,—спрашиваю,—любить Бога?

Большею частью молчатъ. Тогда я говорю имъ то, что сказано въ 1-мъ посланіи Іоанна о любви къ Богу. Читаю гл. IV, 20:

«Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ; ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, Котораго не видитъ?»

Такъ и сказано (читаю гл. IV, 8): «кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь».

— Стало быть, любить Бога значитъ стараться быть въ любви со всѣми.

Въ этомъ первая заповѣдь—любовь къ Богу.

Вторая заповѣдь—любить ближняго—та же, что и первая, только съ той разницей, что она показываетъ, какъ надо любить ближняго. Сказано въ посланіи апостола Іоанна, что Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ.

Любить Бога можетъ только тотъ, кто любитъ ближняго. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь.

Любить ближняго надо какъ самого себя, т.-е. не дѣлать другому, чего себѣ не хочешь, а дѣлать то, чего себѣ хочешь.

— Понятно ли?—спрашиваю.

Большею частью понимаютъ.

— Въ этихъ заповѣдяхъ, какъ сказано въ Евангеліи, весь законъ,—продолжаю я.—И кто исполняетъ ихъ, тому хорошо жить на свѣтѣ, а кто не исполняетъ, тому плохо. Будемъ же стараться исполнять ихъ. Исполнять ихъ сначала кажется очень трудно. Но всякое дѣло дѣлается съ трудомъ, и всякому дѣлу надо учиться. Для того, чтобы научиться исполнять эти заповѣди, надо, говорю, помнить четыре вещи: 1) помнить про Бога и про законъ Его помнить—и когда одинъ самъ съ собой и когда съ людьми; 2) не злиться на людей, не браниться, не ругаться, не осуждать, не думать худого о людяхъ; 3) жалѣть тѣхъ, кто несчастенъ,—не только людей, но и скотовъ и животныхъ,—и не мучить ихъ, а помогать имъ; 4) ничего не дѣлать такого, что заглушаетъ въ насъ совѣсть, т.-е. памятованіе о Богѣ и законѣ Его. Чтобы помнить, говорю, про Бога и законъ Его, хорошо по-

чаще молиться. И не только въ церкви, не только утромъ и вечеромъ, но и среди дня, особенно когда что-нибудь трудно или самъ ослабѣлъ, вспомнить о Богѣ и сказать про себя молитву: «Господи, помоги! Помоги мнѣ, чтобы не ошибиться, не сдѣлать плохого!»

И какъ только помолишься, такъ сейчасъ трудное облегчится, и если хотѣлъ сдѣлать дурное, удержишься.

Второе—то, чтобы рукамъ воли не давать и не драться и также и языку воли не давать, не ругаться, особенно дурными словами. Помнить то, что и стыдно и глупо разумному человѣку ругаться безсмысленными, дурными словами. Мало того, чтобы пріучаться не ругаться, надо пріучаться и за глаза не осуждать людей. А то мы ихъ судимъ, а они насъ судятъ, и добра отъ этого никакого, а только нелюбовь другъ къ дружкѣ.

Третье, говорю, то, чтобы жалѣть не только людей, если они отъ чего-либо мучатся, и сколько можно помогать имъ, особенно безпомощнымъ дѣтямъ, старымъ, убогимъ, но жалѣть и скотину всякую и всякое животное, а не мучить или убивать ихъ для своей забавы. Перестанешь жалѣть скотину, звѣрей,—перестанешь жалѣть и людей, а перестанешь жалѣть людей, огрубѣетъ сердце и разучится любить, а это самое дорогое на свѣтѣ.

Четвертое, говорю, то, чтобы не заглушать въ себѣ память и разумъ табакомъ, водкой. А то часто ребята балуются, чтобы быть похожими на старшихъ, да и привыкнуть, а потомъ и сами не рады. И потому хорошо смолоду заречься отъ табака, вина, отъ всего пьянаго. Зло въ томъ, что то самое, чтò дороже всего въ человѣкѣ—памятованіе о душѣ, заглушается этими зельями. Гдѣ бы вспомнилъ, подумалъ о душѣ, а накурился, напился— и все забылъ и дѣлаешь то, чего съ свѣжей головой ни за что бы не сдѣлалъ.

Когда бывали у меня постарше ребята, то я говорилъ имъ еще и о томъ, чтобы они береглись отъ всякихъ дурныхъ шутокъ съ дѣвушками, чтобы помнили, что всѣ дѣвушки имъ сестры, что только когда женишься, только тогда станетъ одна изъ сестеръ женою и на всю жизнь. Говорилъ имъ о томъ, что отъ Бога вложенъ въ душу и мальчиковъ и дѣвочекъ стыдъ передъ этими дѣлами и что стыдъ этотъ надо беречь и не позволять себѣ ничего такого, отъ чего стыдно.

Заключаю такія разсужденія обыкновенно тѣмъ, что говорю, что во всѣхъ дѣлахъ одно нужно—то, чтобы жить любовно. Сказано, говорю, что Богъ есть любовь и что Богъ живетъ въ душахъ нашихъ, такъ, значитъ, и жить надо по-божьи, по любви. Для того же, чтобы жить по-Божьи, надо отстранять отъ себя все то, что мѣшаетъ такой жизни. А мѣшаетъ этому: 1) запамя-

тованіе закона Христова—любви къ Богу и ближнему; 2) злоба, драки, ругательства, осужденіе; 3) то, что мы не жалѣемъ людей и скотовъ; 4) что одурманиваемся и заглушаемъ въ себѣ совѣсть, и 5) что нарушаемъ стыдъ между мальчиками и дѣвочками.

Такія или подобныя поученія, я думаю, не только необходимы для учениковъ, но и обязательны для тѣхъ учителей, которые строго передъ Богомъ, передъ своею совѣстью смотрятъ на свое дѣло. Мѳ. гл. XVIII, ст. 6: «А кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его во глубинѣ морской».

Да, великій грѣхъ людей, взявшихся за дѣло образованія, просвѣщенія, если они хоть сколько-нибудь, по мѣрѣ силъ своихъ, не стараются исправить то ужасное зло обмана, совершаемаго надъ дѣтьми, когда дѣти, не могущія даже представить себѣ повода, для какого могли бы старые люди обманывать ихъ, съ радостью и вѣрою принимаютъ отъ старшихъ въ свои воспріимчивыя, правдивыя сердца то, что̀ имъ выдается за истину, когда это не только не истина, а коварная ложь, которая извратитъ всю ихъ послѣдующую жизнь. Ужасенъ грѣхъ этотъ. И потому было бы большимъ грѣхомъ и преступленіемъ, если бы вы, сельскіе учителя, не постарались, насколько это въ вашихъ силахъ, заложить въ воспріимчивыя, алчущія правды сердца порученныхъ вамъ дѣтей основы вѣчныхъ, религіозныхъ истинъ и настоящей христіанской нравственности, которая такъ легко воспринимается дѣтскими душами.

Сентябрь 1909 г.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

(1869 — 1872 гг.)

I. Переводы.

а) БАСНИ ЕЗОПА.

Муравей и Голубка.

Муравей спустился къ ручью: захотѣлъ напиться. Волна захлебнула его и чуть не потопила. Голубка несла вѣтку; она увидала—Муравей тонетъ, и бросила ему вѣтку въ ручей. Муравей сѣлъ на вѣтку и спасся. Потомъ охотникъ разставилъ сѣть на Голубку и хотѣлъ захлопнуть. Муравей подползъ къ охотнику и укусилъ его за ногу; охотникъ охнулъ и уронилъ сѣть. Голубка вспорхнула и улетѣла.

Черепаха и Орелъ.

Черепаха просила Орла, чтобы научилъ ее летать. Орелъ не совѣтовалъ, потому что ей не пристало; а она пуще просила. Орелъ взялъ ее въ когти, поднялъ вверхъ и пустилъ: она упала на камни и разбилась.

Хорекъ.

Хорекъ зашелъ къ мѣднику и сталъ лизать подпилокъ. Изъ языка пошла кровь, а Хорекъ радовался, лизалъ—думалъ, что изъ желѣза кровь идетъ, и погубилъ весь языкъ.

Левъ и Мышь.

Левъ спалъ. Мышь пробѣжала ему по тѣлу. Онъ проснулся и поймалъ ее. Мышь стала отмаливаться; она сказала: «Пустишь, и я тебя помилую». Левъ засмѣялся, что Мышь обѣщаетъ ему милости, и пустилъ ее.

Потомъ охотники поймали Льва и привязали веревкой къ дереву. Мышь услыхала львиный ревъ, прибѣжала, перегрызла веревку и сказала: «помнишь, ты смѣялся—не думалъ, чтобы отъ меня пришла отплата, а теперь видишь—живетъ и отъ Мыши милость».

Лгунъ.

Мальчикъ стерегъ овецъ и, будто увидавъ волка, сталъ звать: «помогите—волкъ, волкъ». Мужики прибѣжали и видятъ: неправда. Какъ сдѣлалъ онъ такъ и два и три раза, случилось—вправду набѣжалъ волкъ. Мальчикъ сталъ кричать: «сюда, сюда, скорѣй—волкъ». Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманываетъ—не послушали его. Волкъ видитъ, бояться нечего: на просторѣ перерѣзалъ все стадо.

Оселъ и Лошадь.

У одного человѣка были Оселъ и Лошадь. Шли они по дорогѣ. Оселъ сказалъ Лошади: «мнѣ тяжело, не дотащу я всего; возьми съ меня хоть немного». Лошадь не послушалась. Оселъ упалъ отъ натуги и умеръ. Хозяинъ какъ наложилъ все съ Осла на Лошадь, да еще и шкуру ослиную, Лошадь и взвыла: «охъ, горе мнѣ бѣдной, горюшко мнѣ несчастной. Не хотѣла я немножко ему подсобить—теперь вотъ все тащу, да еще и шкуру».

Галка и Голуби.

Галка увидала, что Голубей хорошо кормятъ, выбѣлилась и влетѣла въ голубятню. Голуби подумали сперва, что она такой же голубь, и пустили ее. Но галка забыла и закричала по-галочьи. Тогда ее Голуби стали клевать и прогнали. Галка полетѣла назадъ къ своимъ, но галки испугались, что она бѣлая, и тоже прогнали.

Баба и Курица.

Одна Курица несла каждый день по яичку. Хозяйка подумала, что, если больше давать корму, она вдвое будетъ нестись. Такъ и сдѣлала. Курица зажирѣла и перестала нестись.

Левъ, Медвѣдь и Лисица.

Левъ и Медвѣдь добыли мяса и стали за него драться. Медвѣдь не хотѣлъ уступить, и Левъ не уступалъ. Они такъ долго бились, что ослабѣли оба и легли. Лисица увидала промежъ ихъ мясо, подхватила его и убѣжала.

Собака, Пѣтухъ и Лисица.

Собака и Пѣтухъ пошли въ товарищахъ странствовать. Ввечеру Пѣтухъ уснулъ на деревѣ, а Собака пристроилась у того

же дерева промежъ кореньевъ. Какъ пришло время, Пѣтухъ запѣлъ. Лисица услыхала Пѣтуха, прибѣжала и стала снизу просить, чтобы онъ сошелъ къ ней, будто ей хочется оказать почтеніе ему за то, что у него голосъ хорошъ. Пѣтухъ сказалъ: «надо прежде разбудить дворника—онъ спитъ промежъ кореньевъ. Пусть отопретъ, тогда я сойду». Лисица стала искать дворника и забрехала. Собака живо вскочила и задушила Лисицу.

Лошадь и Конюхъ.

Конюхъ кралъ у Лошади овесъ и продавалъ, а Лошадь каждый день чистилъ. Лошадь и говоритъ: «если вправду хочешь, чтобъ я была хороша, овесъ мой не продавай».

Лягушка и Левъ.

Левъ услыхалъ — Лягушка громко квакаетъ, и подумалъ, что большой звѣрь такъ громко кричитъ. Онъ подождалъ немного, видитъ—вышла Лягушка изъ болота. Левъ раздавилъ ее лапой и сказалъ: «глядѣть не на что, а я испугался».

Стрекоза и Муравьи.

Осенью у Муравьевъ подмокла пшеница; они ее сушили. Голодная Стрекоза попросила у нихъ корму. Муравьи сказали: «что жъ ты лѣтомъ не собрала корму?» Она сказала: «недосугъ было: пѣсни пѣла». Они засмѣялись и говорятъ: «если лѣтомъ играла, зимой пляши».

Курица и золотыя яйца.

У одного хозяина Курица несла золотыя яйца. Ему захотѣлось сразу побольше золота, и онъ убилъ Курицу (онъ думалъ, что внутри ея большой комъ золота), а она была такая же, какъ и всѣ курицы.

Оселъ въ львиной шкурѣ.

Оселъ надѣлъ львиную шкуру, и всѣ думали—левъ. Побѣжалъ народъ и скотина. Подулъ вѣтеръ, шкура распахнулась, и стало видно Осла. Сбѣжался народъ; исколотили Осла.

Курица и Ласточка.

Курица нашла змѣиныя яйца и стала ихъ высиживать. Ласточка увидала и говоритъ:

«То-то глупая! Ты ихъ выведешь, а какъ выростутъ они тебя первую обидятъ».

Олень и Ланчукъ.

Ланчукъ[1]) сказалъ разъ Оленю:

«Батюшка, ты и больше, и рѣзвѣе собакъ, да еще и рога у тебя огромные на защиту; отчего ты такъ боишься собакъ?» Олень засмѣялся и говоритъ:

«Правду говоришь, дитятко. Одна бѣда: какъ только услышу собачій лай, не успѣю подумать, а ужъ бѣгу».

Лисица и виноградъ.

Лисица увидала — висятъ спѣлыя кисти винограда, и стала прилаживаться, какъ бы ихъ съѣсть.

Она долго билась, но не могла достать; чтобъ досаду заглушить, она говоритъ: «зелены еще».

Раоотницы и Пѣтухъ.

Хозяйка по ночамъ будила Работницъ и, какъ запоютъ пѣтухи, сажала за дѣло. Работницамъ тяжело показалось, и онѣ вздумали убить Пѣтуха, чтобы не будилъ хозяйки. Убили, а имъ стало хуже: хозяйка боялась проспать и еще раньше стала поднимать Работницъ.

Рыбакъ и Рыбка.

Поймалъ Рыбакъ Рыбку, Рыбка и говоритъ:

«Рыбакъ, пусти меня въ воду: видишь, я мелка: тебѣ отъ меня пользы мало будетъ. А пустишь, да я выросту, тогда поймаешь—тебѣ пользы больше будетъ».

Рыбакъ и говоритъ:

«Дуракъ тотъ будетъ, кто станетъ большой пользы ждать, а малую изъ рукъ упуститъ».

---

[1]) Молодой олень

Лисица и Козелъ.

Захотѣлось Козлу напиться; онъ слѣзъ подъ кручь къ колодцу, напился и отяжелѣлъ. Сталъ онъ выбираться назадъ и не можетъ. И сталъ онъ ревѣть. Лисица увидала и говоритъ:

«То-то безтолковый! Коли бы у тебя сколько въ бородѣ волосъ, столько бы въ головѣ ума было, ты прежде, чѣмъ слѣзать, подумалъ бы, какъ назадъ выбраться».

Собака и ея тѣнь.

Собака шла по кладочкѣ черезъ рѣчку, а въ зубахъ несла мясо. Увидала она себя въ водѣ и подумала, что тамъ другая собака мясо несетъ,—она бросила свое мясо и кинулась отнимать у той собаки: того мяса вовсе не было, а свое волною унесло.

И осталась Собака ни при чемъ.

Журавль и Аистъ.

Мужикъ разставилъ на Журавлей сѣти за то, что они сбивали у него посѣвъ. Въ сѣти попались Журавли, съ Журавлями одинъ Аистъ.

Аистъ и говоритъ мужику:

«Ты меня отпусти: я—не Журавль, а Аистъ; мы самыя почетныя птицы; я у твоего отца на дому живу. И по перу видно, что я не Журавль».

Мужикъ говоритъ:

«Съ Журавлями поймалъ, съ ними и зарѣжу».

Садовникъ и Сыновья.

Хотѣлъ Садовникъ Сыновей пріучить къ садовому дѣлу. Когда онъ сталъ умирать, позвалъ ихъ и сказалъ:

«Вотъ, дѣти, когда я умру, вы въ виноградномъ саду поищите, что тамъ спрятано».

Дѣти подумали, что тамъ кладъ, и, когда отецъ умеръ, стали рыть и всю землю перекопали. Клада не нашли, а землю въ виноградникѣ такъ хорошо перекопали, что стало плода родиться много больше.

Волкъ и Журавль.

Подавился Волкъ костью и не могъ выперхнуть. Онъ позвалъ Журавля и сказалъ:

«Ну-ка, ты, Журавль, у тебя шея длинная, засунь ты мнѣ въ глотку голову и вытащи кость; я тебя награжу».

Журавль засунулъ голову, вытащилъ кость и говоритъ:

«Давай же награду».

Волкъ заскрипѣлъ зубами да и говоритъ:

«Или тебѣ мало награды, что я тебѣ голову не откусилъ, когда она у меня въ зубахъ была?»

Зайцы и Лягушки.

Сошлись разъ Зайцы и стали плакаться на свою жизнь: «И отъ людей, и отъ собакъ, и отъ орловъ, и отъ прочихъ звѣрей погибаемъ. Ужъ лучше разъ умереть, чѣмъ въ страхѣ жить и мучиться. Давайте утопимся!»

И поскакали Зайцы въ озеро топиться. Лягушки услыхали Зайцевъ и забултыхали въ воду. Одинъ Заяцъ и говоритъ:

«Стойте, ребята! Подождемъ топиться: вотъ лягушечье житье, видно, еще хуже нашего: онѣ и насъ боятся».

Отецъ и Сыновья.

Отецъ приказывалъ Сыновьямъ, чтобы жили въ согласіи; они не слушались. Вотъ онъ велѣлъ принесть вѣникъ и говоритъ:

«Сломайте!»

Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отецъ развязалъ вѣникъ и велѣлъ ломать по пруту. Они поломали.

Отецъ и говоритъ:

«Такъ-то и вы: если въ согласіи жить будете, никто васъ не одолѣетъ; а если будете ссориться да все врозь, васъ всякій легко погубитъ».

Лисица.

Попалась Лисица въ капканъ, оторвала хвостъ и ушла. И стала она придумывать, какъ бы ей свой стыдъ прикрыть. Созвала она лисицъ и стала ихъ уговаривать, чтобъ отрубили хвосты. «Хвостъ, говоритъ, совсѣмъ некстати, только напрасно лишнюю тягость за собой таскаемъ». Одна лисица и говоритъ: «охъ, не говорила бы ты этого, кабы не была куцая».

Куцая Лисица смолчала и ушла.

Дикій и ручной Оселъ.

Дикій Оселъ увидалъ ручного Осла, подошелъ къ нему и сталъ хвалить его жизнь: какъ и тѣломъ-то онъ гладокъ, и какой ему кормъ сладкій. Потомъ, какъ навьючили ручного Осла да какъ сзади сталъ погонщикъ погонять его дубиной, дикій Оселъ и говоритъ: «нѣтъ, братъ, теперь не завидую; вижу, что твое житье тебѣ сокомъ достается».

Олень.

Олень подошелъ къ рѣчкѣ напиться, увидалъ себя въ водѣ и сталъ радоваться на свои рога, что они велики и развилисты, а на ноги посмотрѣлъ и говоритъ: «только ноги мои плохи и жидки». Вдругъ выскочи левъ и бросься на Оленя. Олень пустился скакать по чистому полю. Онъ уходилъ, а какъ пришелъ лѣсъ, запутался рогами за сучья, и левъ схватилъ его. Какъ пришло погибать Оленю, онъ и говоритъ: «то-то глупый я! Про кого думалъ, что плохи и жидки, тѣ спасали, а на кого радовался, отъ тѣхъ пропалъ».

Собака и Волкъ.

Собака заснула за дворомъ. Голодный Волкъ набѣжалъ и хотѣлъ съѣсть ее. Собака и говоритъ: «Волкъ! подожди меня ѣсть,—теперь я костлява, худа. А вотъ, дай срокъ, хозяева будутъ свадьбу играть, тогда мнѣ ѣды будетъ вволю, я разжирѣю—лучше тогда меня съѣсть». Волкъ повѣрилъ и ушелъ. Вотъ приходитъ онъ въ другой разъ и видитъ—Собака лежитъ на крышѣ. Волкъ и говоритъ: «что жъ, была свадьба?» А Собака говоритъ: «вотъ что, Волкъ: коли въ другой разъ застанешь меня сонную предъ дворомъ, не дожидайся больше свадьбы».

Комаръ и Левъ.

Комаръ прилетѣлъ ко Льву и говоритъ: «ты думаешь, въ тебѣ силы больше моего? Какъ бы не такъ! Какая въ тебѣ сила? Что царапаешь ногтями и грызешь зубами?—это и бабы такъ-то съ мужиками дерутся. Я сильнѣе тебя: хочешь, выходи на войну!» И Комаръ затрубилъ и сталъ кусать Льва въ голыя щеки и въ носъ. Левъ сталъ бить себя по лицу лапами и драть когтями; изодралъ себѣ въ кровь все лицо и изъ силъ выбился.

Комаръ затрубилъ съ радости и улетѣлъ. Потомъ запутался въ паутину къ пауку, и сталъ паукъ его сосать. Комаръ и говоритъ: «сильнаго звѣря, Льва, одолѣлъ, а вотъ отъ дряннаго паука погибаю».

Лошадь и Хозяева.

У садовника была Лошадь. Работы ей было много, а корму мало. И стала она молить Бога, чтобъ ей перейти къ другому хозяину. Такъ и сдѣлалось. Садовникъ продалъ Лошадь горшечнику. Лошадь была рада, но у горшечника еще больше прежняго стало работы. И опять стала Лошадь на судьбу свою жаловаться и молиться, чтобы перейти ей къ лучшему хозяину. И то исполнилось. Горшечникъ продалъ Лошадь кожевнику. Вотъ какъ увидала Лошадь на кожевенномъ дворѣ конинныя шкуры, она и завыла: «охъ, горе мнѣ, бѣдной! лучше бы у прежнихъ хозяевъ оставаться: теперь ужъ, видно, не на работу продали меня, а на шкуру».

Старикъ и Смерть.

Старикъ разъ нарубилъ дровъ и понесъ. Нести было далеко; онъ измучился, сложилъ вязанку и говоритъ: «эхъ, хоть бы Смерть пришла!» Смерть пришла и говоритъ: «вотъ я, чего тебѣ надо?» Старикъ испугался и говоритъ: «мнѣ вязанку поднять».

Левъ и Лисица.

Левъ отъ старости не могъ уже ловить звѣрей и задумалъ хитростью жить: зашелъ онъ въ пещеру, легъ и притворился больнымъ. Стали ходить звѣри его провѣдывать, и онъ съѣдалъ тѣхъ, которые входили къ нему въ пещеру. Лисица смекнула дѣло, стала у входа въ пещеру и говоритъ: «что, Левъ, какъ можешь?»

Левъ говоритъ: «плохо; да ты отчего же не входишь?»

А Лисица говоритъ: «оттого не вхожу, что по слѣдамъ вижу,— входовъ много, а выходовъ нѣтъ».

Олень и Виноградникъ.

Олень спрятался отъ охотниковъ въ виноградникъ. Когда охотники проминовали его, Олень сталъ объѣдать виноградные листья.

Охотники примѣтили, что листья шевелятся, и думаютъ: «не звѣрь ли тутъ подъ листьями?»—выстрѣлили и ранили Оленя. Олень и говоритъ умираючи: «подѣломъ мнѣ за то, что я хотѣлъ съѣсть листья тѣ самые, какіе спасли меня».

Котъ и Мыши.

Завелось въ одномъ домѣ много Мышей. Котъ забрался въ этотъ домъ и сталъ ловить Мышей. Увидали Мыши, что дѣло плохо, и говорятъ: «давайте, Мыши, не будемъ больше сходить съ потолка, а сюда къ намъ Коту не добраться!» Какъ перестали Мыши сходить внизъ, Котъ и задумалъ, какъ бы ихъ перехитрить. Уцѣпился онъ одною лапой за потолокъ, свѣсился и притворился мертвымъ. Одна Мышь выглянула на него, да и говоритъ: «нѣтъ, братъ, хоть мѣшкомъ сдѣлайся, и то не подойду».

Волкъ и Коза.

Волкъ видитъ—Коза пасется на каменной горѣ и нельзя ему къ ней подобраться; онъ ей и говоритъ: «пошла бы ты внизъ: тутъ и мѣсто поровнѣе, и трава тебѣ для корма много слаще».

А Коза говоритъ: «не за тѣмъ ты, Волкъ, меня внизъ зовешь: ты не о моемъ, а о своемъ кормѣ хлопочешь».

Камышъ и Маслина.

Маслина и Камышъ заспорили о томъ, кто крѣпче и сильнѣе. Маслина посмѣялась надъ камышомъ зато, что онъ отъ всякаго вѣтра гнется. Камышъ молчалъ. Пришла буря. Камышъ шатался, мотался, до земли сгибался—уцѣлѣлъ. Маслина напружилась сучьями противъ вѣтра и—сломалась.

Два товарища.

Шли по лѣсу два товарища, и выскочилъ на нихъ медвѣдь. Одинъ бросился бѣжать, взлѣзъ на дерево и спрятался, а другой остался на дорогѣ. Дѣлать ему было нечего: онъ упалъ наземь и притворился мертвымъ.

Медвѣдь подошелъ къ нему и сталъ нюхать: онъ и дышать пересталъ.

Медвѣдь понюхалъ ему лицо, подумалъ, что мертвый, и отошелъ.

Когда медвѣдь ушелъ, тотъ слѣзъ съ дерева и смѣется: «ну, чтò, говоритъ, медвѣдь тебѣ на ухо говорилъ?»

«А онъ сказалъ мнѣ, что плохіе люди тѣ, которые въ опасности отъ товарищей убѣгаютъ».

Волкъ и Ягненокъ.

Волкъ увидалъ—Ягненокъ пьетъ у рѣки.

Захотѣлось Волку съѣсть Ягненка и сталъ онъ къ нему придираться: «ты, говоритъ, мнѣ воду мутишь и пить не даешь».

Ягненокъ говоритъ: «ахъ, Волкъ, какъ я могу тебѣ воду мутить? Вѣдь я ниже по водѣ стою, да и то кончиками губъ пью». А Волкъ говоритъ: «ну, такъ зачѣмъ ты прошлымъ лѣтомъ моего отца ругалъ?» Ягненокъ говоритъ: «да я, Волкъ, и не родился еще прошлымъ лѣтомъ». Волкъ разсердился и говоритъ: «тебя не переговоришь. Такъ я натощакъ, зато и съѣмъ тебя».

Левъ, Волкъ и Лисица.

Старый, больной Левъ лежалъ въ пещерѣ. Приходили всѣ звѣри провѣдывать царя, только Лисица не бывала. Вотъ Волкъ обрадовался случаю и сталъ предъ Львомъ оговаривать Лисицу.

«Она, говоритъ, тебя ни во что считаетъ: ни разу не зашла царя провѣдать».

На эти слова и прибѣги Лисица. Она услыхала, чтó Волкъ говорилъ, и думаетъ: «погоди жъ, Волкъ, я тебѣ вымещу».

Вотъ Левъ зарычалъ на Лисицу, а она говоритъ: «не вели казнить, вели слово вымолвить. Я оттого не бывала, что недосугъ было. А недосугъ было оттого, что по всему свѣту бѣгала, у лѣкарей для тебя лѣкарства спрашивала. Только теперь нашла, вотъ и прибѣжала».

Левъ и говоритъ:

«Какое лѣкарство?»

«А вотъ какое: если живого Волка обдерешь да шкуру его тепленькую надѣнешь...»

Какъ растянулъ Левъ Волка, Лисица засмѣялась и говоритъ:

«Такъ-то, братъ: господъ не на зло, а на добро наводить надо».

Левъ, Оселъ и Лисица.

Левъ, Оселъ и Лисица вышли на добычу. Наловили они много звѣрей, и Левъ велѣлъ Ослу дѣлить. Оселъ раздѣлилъ поровну на три части и говоритъ: «ну, теперь берите!» Левъ разсердился,

съѣлъ Осла и велѣлъ Лисицѣ передѣлить. Лисица все собрала въ одну кучу, а себѣ чуточку оставила. Левъ посмотрѣлъ и говоритъ: «ну, умница! Кто жъ тебя научилъ такъ хорошо дѣлить?»

Она говоритъ: «а съ Осломъ-то что было?»

Мужикъ и Водяной.

Мужикъ уронилъ топоръ въ рѣку, съ горя сѣлъ на берегъ и сталъ плакать.

Водяной услыхалъ, пожалѣлъ Мужика, вынесъ ему изъ рѣки золотой топоръ и говоритъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ говоритъ: «нѣтъ, не мой».

Водяной вынесъ другой—серебряный топоръ.

Мужикъ опять говоритъ: «не мой топоръ».

Тогда водяной вынесъ настоящій.

Мужикъ говоритъ: «вотъ это мой топоръ».

Водяной подарилъ Мужику всѣ три топора за его правду.

Дома мужикъ показалъ товарищамъ топоры и разсказалъ, чтó съ нимъ было.

Вотъ одинъ мужикъ задумалъ то же сдѣлать: пошелъ къ рѣкѣ, нарочно бросилъ свой топоръ въ воду, сѣлъ на берегъ и заплакалъ.

Водяной вынесъ золотой топоръ и спросилъ: «твой это топоръ?»

Мужикъ обрадовался и закричалъ: «мой, мой!»

Водяной не далъ ему золотого топора и его собственнаго назадъ не отдалъ—за его неправду.

Воронъ и Лисица.

Воронъ добылъ мяса кусокъ и сѣлъ на дерево. Захотѣлось Лисицѣ мясца. Она подошла и говоритъ:

«Эхъ, Воронъ, какъ посмотрю на тебя, по твоему росту да красотѣ только бы тебѣ царемъ быть! И вѣрно былъ бы царемъ, если бъ у тебя голосъ былъ».

Воронъ разинулъ ротъ и заоралъ что было мочи. Мясо упало. Лисица подхватила его и говоритъ:

«Ахъ, Воронъ, коли бы еще у тебя и умъ былъ, быть бы тебѣ царемъ».

б) БАСНИ, ПЕРЕДѢЛАННЫЯ СЪ ИНДІЙСКАГО, И ПОДРАЖАНІЯ.

Голова и Хвостъ змѣи.

Змѣиный Хвостъ заспорилъ съ Змѣиной Головой о томъ, кому ходить впереди. Голова сказала: «ты не можешь ходить передомъ—у тебя нѣтъ глазъ и ушей». Хвостъ сказалъ: «а зато во мнѣ сила: я тебя двигаю; если захочу, да обернусь вокругъ дерева, ты съ мѣста не тронешься». Голова сказала: «разойдемся!»

И Хвостъ оторвался отъ Головы и поползъ впередъ. Но только что онъ отползъ отъ Головы, попалъ въ трещину и провалился.

Тонкія нитки.

Одинъ человѣкъ заказалъ пряхѣ тонкія нитки. Пряха спряла тонкія нитки, но человѣкъ сказалъ, что нитки не хороши и что ему нужны нитки самыя тонкія. Пряха сказала: «если тебѣ эти не тонки, такъ вотъ тебѣ другія», и она показала на пустое мѣсто. Онъ сказалъ, что не видитъ. Пряха сказала: «оттого и не видишь, что онѣ очень тонки; я и сама не вижу».

Дуракъ обрадовался и заказалъ себѣ еще такихъ нитокъ, а за эти заплатилъ деньги.

Дѣлежъ наслѣдства.

У одного отца было два сына. Онъ сказалъ имъ: «умру, раздѣлите все пополамъ». Когда отецъ умеръ, сыновья не могли раздѣлиться безъ спора. Они пошли судиться къ сосѣду. Сосѣдъ спросилъ, какъ отецъ велѣлъ имъ дѣлиться. Они сказала: «онъ велѣлъ дѣлить все пополамъ». Сосѣдъ сказалъ: «такъ разорвите пополамъ всѣ платья, разбейте пополамъ всю посуду и пополамъ разрѣжьте всю скотину». Братья послушали сосѣда, и у нихъ ничего не осталось.

Обезьяна.

Одинъ человѣкъ пошелъ въ лѣсъ, срубилъ дерево и сталъ распиливать. Онъ поднялъ конецъ дерева на пень, сѣлъ верхомъ и сталъ пилить. Потомъ онъ забилъ клинъ въ распиленное мѣсто и сталъ пилить дальше, потомъ вынулъ клинъ и переложилъ еще дальше.

Обезьяна сидѣла на деревѣ и смотрѣла. Когда человѣкъ легъ спать, Обезьяна сѣла верхомъ на дерево и хотѣла то же дѣлать; но когда она вынула клинъ, дерево сжалось и прищемило ей хвостъ. Она стала рваться и кричать. Человѣкъ проснулся, прибилъ Обезьяну и привязалъ на веревку.

Обезьяна и горохъ.

Обезьяна несла двѣ полныя горсти гороху. Выскочила одна горошинка. Обезьяна хотѣла поднять и просыпала двадцать горошинокъ. Она бросилась поднимать и просыпала всѣ. Тогда она разсердилась, разметала весь горохъ и убѣжала.

Дойная Корова.

У одного человѣка была Корова; она давала каждый день горшокъ молока. Человѣкъ позвалъ гостей. Чтобы набрать больше молока, онъ десять дней не доилъ Коровы. Онъ думалъ, что на десятый день Корова дастъ ему десять кувшиновъ молока.

Но въ Коровѣ перегорѣло молоко, и она дала меньше молока, чѣмъ прежде.

Утка и Мѣсяцъ.

Утка плавала по рѣкѣ, отыскивая рыбу, и въ цѣлый день не нашла ни одной. Когда пришла ночь, она увидала мѣсяцъ въ водѣ, подумала, что это рыба, и нырнула, чтобы поймать мѣсяцъ. Другія утки увидали это и стали надъ ней смѣяться.

Съ тѣхъ поръ Утка такъ застыдилась и заробѣла, что, когда и видала рыбу подъ водой, она ужъ не ловила ея, и умерла съ голода.

Волкъ въ пыли.

Волкъ хотѣлъ поймать изъ стада овцу и зашелъ подъ вѣтеръ, чтобы на него несло пыль отъ стада.

Овчарная собака увидала его и говоритъ:

«Напрасно ты, Волкъ, въ пыли ходишь: глаза заболятъ».

А Волкъ говоритъ:

«То-то и горе, собаченька, что у меня ужъ давно глаза болятъ, а говорятъ, отъ овечьяго стада пыль хорошо глаза вылѣчиваетъ».

Мышь подъ амбаромъ.

Жила одна Мышь подъ амбаромъ. Въ полу амбара была дырочка, и хлѣбъ сыпался въ дырочку. Мыши житье было хорошее, но она захотѣла похвастать своимъ житьемъ. Прогрызла больше дыру и назвала другихъ мышей.

«Идите,—говоритъ,—ко мнѣ гулять, корму на всѣхъ достанетъ». Когда она привела мышей, она увидала, что дыры совсѣмъ не было. Мужикъ примѣтилъ большую дыру въ полу и задѣлалъ ее.

Самыя лучшія груши.

Одинъ баринъ послалъ слугу купить самыхъ вкусныхъ грушъ. Слуга пришелъ въ лавку и спросилъ грушъ. Купецъ подалъ ему; но слуга сказалъ:

«Нѣтъ, дай мнѣ самыхъ лучшихъ».

Купецъ сказалъ:

«Отвѣдай одну: ты увидишь, что онѣ вкусны».

«Какъ я узнаю,—сказалъ слуга,—что онѣ всѣ вкусны, если отвѣдаю только одну?»

Онъ откусилъ понемногу отъ каждой груши и принесъ ихъ барину. Тогда баринъ прогналъ его.

Соколъ и Пѣтухъ.

Соколъ привыкъ къ хозяину и ходилъ на руку, когда его кликали; Пѣтухъ бѣгалъ отъ хозяина и кричалъ, когда къ нему подходили. Соколъ и говоритъ Пѣтуху:

«Въ васъ, пѣтухахъ, нѣтъ благодарности: видна холопская порода. Вы только когда голодны идете къ хозяевамъ. То ли дѣло мы, дикая птица: въ насъ и силы много, и летать мы можемъ быстрѣе всѣхъ, а мы не бѣгаемъ отъ людей, а сами еще ходимъ къ нимъ на руку, когда насъ кличутъ. Мы помнимъ, что они кормятъ насъ».

Пѣтухъ и говоритъ:

«Вы не бѣгаете отъ людей отъ того, что никогда не видали жаренаго сокола, а мы то и дѣло видимъ жареныхъ пѣтуховъ».

Шакалы и Слонъ.

Шакалы поѣли всю падаль въ лѣсу и имъ нечего стало ѣсть. Вотъ старый Шакалъ и придумалъ, какъ имъ прокормиться. Пошелъ онъ къ Слону и говоритъ:

«Былъ у насъ царь, да избаловался: приказывалъ намъ дѣлать такія дѣла, какихъ нельзя исполнить; хотимъ мы другого царя выбрать,—и послалъ меня нашъ народъ просить тебя въ цари. У насъ житье хорошее,—что̀ велишь, все то будемъ дѣлать и почитать тебя во всемъ будемъ. Пойдемъ въ наше царство».

Слонъ согласился и пошелъ за Шакаломъ. Шакалъ привелъ его въ болото. Когда Слонъ завязъ, Шакалъ и говоритъ:

«Теперь приказывай: что̀ велишь, то и будемъ дѣлать».

Слонъ сказалъ:

«Я приказываю вытащить меня отсюда».

Шакалъ разсмѣялся и говоритъ:

«Хватайся хоботомъ мнѣ за хвостъ,— сейчасъ вытащу».

Слонъ говоритъ:

«Развѣ можно меня хвостомъ вытащить?»

А Шакалъ и говоритъ:

«Такъ зачѣмъ же ты приказываешь, чего нельзя сдѣлать? Мы перваго царя за то прогнали, что онъ приказывалъ то, чего нельзя дѣлать».

Когда Слонъ издохъ въ болотѣ, Шакалы пришли и съѣли его.

Цапля, Рыбы и Ракъ.

Жила Цапля у пруда и состарилась; не стало ужъ въ ней силы ловить рыбу. Стала она придумывать, какъ бы ей хитростью прожить. Она и говоритъ Рыбамъ: «А вы, Рыбы, и не знаете, что на васъ бѣда собирается; слышала я отъ людей, хотятъ они прудъ спустить и васъ всѣхъ повыловить. Знаю я, тутъ, за горой, хорошъ прудокъ есть. Я бы помогла, да стара стала: тяжело летать». Рыбы стали просить Цаплю, чтобы помогла.

Цапля и говоритъ:

«Пожалуй, постараюсь для васъ, перенесу васъ, только вдругъ не могу, а поодиночкѣ».

Вотъ Рыбы и рады; всѣ просятъ: «меня отнеси, меня отнеси!»

И принялась Цапля носить ихъ: возьметъ, вынесетъ въ поле да и съѣстъ. И переѣла она такъ много Рыбъ.

Жилъ въ пруду старый Ракъ. Какъ стала Цапля выносить Рыбу, онъ смекнулъ дѣло и говоритъ:

«Ну, теперь, Цапля и меня снеси на новоселье».

Цапля взяла Рака и понесла. Какъ вылетѣла она на поле, хотѣла сбросить Рака. Но Ракъ увидалъ рыбьи косточки на полѣ, стиснулъ клещами Цаплю за шею и удавилъ ее, а самъ приползъ назадъ къ пруду и разсказалъ Рыбамъ.

Водяной и жемчужина.

Одинъ человѣкъ ѣхалъ на лодкѣ и уронилъ драгоцѣнный жемчугъ въ море. Человѣкъ вернулся къ берегу, взялъ ведро и сталъ черпать воду и выливать на землю. Онъ черпалъ и выливалъ три дня безъ-устали.

На четвертый день вышелъ изъ моря Водяной и спросилъ: «Зачѣмъ ты черпаешь?»

Человѣкъ говоритъ:

«Я черпаю затѣмъ, что уронилъ жемчугъ».

Водяной спросилъ:

«А скоро ли ты перестанешь?»

Человѣкъ говоритъ:

«Когда высушу море, тогда перестану».

Тогда Водяной вернулся въ море, принесъ тотъ самый жемчугъ и отдалъ человѣку.

Слѣпой и молоко.

Одинъ слѣпой отроду спросилъ зрячаго:

«Какого цвѣта молоко?»

Зрячій сказалъ: «цвѣтъ молока такой, какъ бумага бѣлая».

Слѣпой спросилъ: « а что, этотъ цвѣтъ такъ же шуршитъ подъ руками, какъ бумага?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ бѣлый, какъ мука бѣлая».

Слѣпой спросилъ: «а что, онъ такой же мягкій и сыпучій, какъ мука?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, онъ просто бѣлый, какъ заяцъ-бѣлякъ».

Слѣпой спросилъ: «что же, онъ пушистый и мягкій, какъ заяцъ?»

Зрячій сказалъ: «нѣтъ, бѣлый цвѣтъ такой точно, какъ снѣгъ».

Слѣпой спросилъ: «что же, онъ холодный, какъ снѣгъ?»

И сколько примѣровъ зрячій ни говорилъ, Слѣпой не могъ понять, какой бываетъ бѣлый цвѣтъ молока.

Волкъ и лукъ.

Охотникъ съ лукомъ и стрѣлами пошелъ на охоту, убилъ козу, взвалилъ на плечи и понесъ ее. По дорогѣ увидалъ онъ кабана. Охотникъ сбросилъ козу, выстрѣлилъ въ кабана и ранилъ его. Кабанъ бросился на охотника, споролъ его досмерти, да и самъ тутъ же издохъ. Волкъ почуялъ кровь и пришелъ

къ тому мѣсту, гдѣ лежали коза, кабанъ, человѣкъ и его лукъ. Волкъ обрадовался и подумалъ: «тепрь я буду долго сытъ; только я не стану ѣсть всего вдругъ, а буду ѣсть понемногу, чтобы ничего не пропало: сперва съѣмъ, что пожестче, а потомъ закушу тѣмъ, что помягче и послаще».

Волкъ понюхалъ козу, кабана и человѣка и сказалъ: «это кушанье мягкое, я съѣмъ это послѣ, а прежде дай съѣмъ эти жилы на лукѣ». И онъ сталъ грызть жилы на лукѣ. Когда онъ перекусилъ тетиву, лукъ разскочился и ударилъ Волка по брюху. Волкъ тутъ же издохъ, а другіе волки съѣли и человѣка, и козу, и кабана, и волка.

Птицы въ сѣти.

Охотникъ поставилъ у озера сѣти и накрылъ много птицъ. Птицы были большія, подняли сѣть и улетѣли съ нею. Охотникъ побѣжалъ за птицами. Мужикъ увидалъ, что охотникъ бѣжитъ, и говоритъ: «и куда бѣжишь? Развѣ пѣшкомъ можно догнать птицу?» Охотникъ сказалъ: «кабы одна была птица, я бы не догналъ, а теперь догоню».

Такъ и сдѣлалось. Какъ пришелъ вечеръ, птицы потянули на ночлегъ,—каждая въ свою сторону: одна—къ лѣсу, другая—къ болоту, третья—въ поле, и всѣ съ сѣтью упали на землю, и охотникъ взялъ ихъ.

Царь и Соколъ.

Одинъ Царь на охотѣ пустилъ за зайцемъ любимаго Сокола и поскакалъ.

Соколъ поймалъ зайца. Царь отнялъ зайца и сталъ искать воды, гдѣ бы напиться. Въ бугрѣ Царь нашелъ воду. Только она по каплѣ капала. Вотъ Царь досталъ чашу съ сѣдла и подставилъ подъ воду. Вода текла по каплѣ, и когда чаша набралась полная, Царь поднялъ ее ко рту и хотѣлъ пить. Вдругъ Соколъ встрепенулся на рукѣ у Царя, забилъ крыльями и выплеснулъ воду. Царь опять подставилъ чашу. Онъ долго ждалъ, пока она наберется вровень съ краями, и опять, когда онъ сталъ подносить ее ко рту, Соколъ затрепыхался и разлилъ воду.

Когда въ третій разъ Царь набралъ полную чашу и сталъ подносить ее въ губамъ, Соколъ опять разлилъ ее. Царь разсердился и, со всего размаха ударивъ Сокола о камень, убилъ его. Тутъ подъѣхали царскіе слуги, и одинъ изъ нихъ побѣжалъ вверхъ къ роднику, чтобы найти побольше воды и ско-

рѣе набрать полную чашу. Только и слуга не принесъ воды: онъ вернулся съ пустою чашкой и сказалъ: «ту воду нельзя пить: въ родникѣ змѣя и она выпустила свой ядъ въ воду. Хорошо, что Соколъ разлилъ воду. Если бы ты выпилъ этой воды, ты бы умеръ».

Царь сказалъ: «дурно же я отплатилъ Соколу: онъ спасъ мнѣ жизнь, а я убилъ его».

Царь и Слоны.

Одинъ индійскій Царь велѣлъ соорать всѣхъ слѣпыхъ и, когда они пришли, велѣлъ имъ показать своихъ Слоновъ. Слѣпые пошли на конюшню и стали щупать Слоновъ. Одинъ ощупалъ ногу,. другой—хвостъ, третій—рѣпицу [1]), четвертый — брюхо, пятый—спину, шестой—уши, седьмой—клыки, восьмой — хоботъ. Потомъ Царь позвалъ слѣпыхъ къ себѣ и спросилъ: «каковы мои Слоны?» Одинъ слѣпой сказалъ: Слоны твои похожи на столбы, — этотъ слѣпой щупалъ ноги; другой слѣпой сказалъ: они похожи на вѣники, — этотъ щупалъ хвостъ; третій сказалъ: они похожи на сучья, — этотъ щупалъ рѣпицу; тотъ, что щупалъ животъ, сказалъ: Слоны похожи на кучу земли; тотъ, что щупалъ бока, сказалъ: они похожи на стѣну; тотъ, что щупалъ спину, сказалъ: они похожи на бугоръ; тотъ, что щупалъ уши, сказалъ: они похожи на платки; тотъ, что щупалъ голову, сказалъ: они похожи на ступу; тотъ, что щупалъ клыки, сказалъ: они похожи на рога; тотъ, что щупалъ хоботъ, сказалъ: они похожи на толстую веревку.

И всѣ слѣпые стали спорить и ссориться.

Отчего зло на свѣтѣ.

Пустынникъ жилъ въ лѣсу, и звѣри не боялись его. Онъ и звѣри говорили между собой и понимали другъ друга.

Одинъ разъ пустынникъ легъ подъ дерево, а воронъ, голубь, олень и змѣя собрались ночевать къ тому же мѣсту. Звѣри стали разсуждать — отчего зло бываетъ на свѣтѣ.

Воронъ сказалъ: «зло на свѣтѣ все отъ голода. Когда поѣшь вволю, сядешь себѣ на сукъ, покаркиваешь — все весело, хорошо, на все радуешься; а вотъ только поголодай день-другой, и все такъ противно станетъ, что и не смотрѣлъ бы на свѣтъ Божій. И все тебя тянетъ куда-то, перелетаешь съ мѣста на мѣсто и нѣтъ тебѣ покою. А завидишь мясо, такъ еще тош-

[1]) Рѣпица — та часть хвоста, гдѣ на немъ есть мясо.

нѣе сдѣлается — такъ и бросишься безъ разбора. Другой разъ и палками-то и камнями въ тебя кидаютъ, и волки и собаки хватаютъ, а ты все не отстаешь. И сколько такъ изъ-за голода пропадаетъ нашего брата. Все зло отъ голода».

Голубь сказалъ: «а по мнѣ не отъ голода зло, а все зло отъ любви. Кабы жили мы по одному, намъ бы горя мало. Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна. А то мы живемъ всегда парочками. И такъ полюбишь свою дружку, что нѣтъ тебѣ покоя — все о ней думаешь: сыта ли, тепла ли она? А какъ улетитъ куда-нибудь отъ тебя дружка, тутъ ужъ совсѣмъ пропадешь, — все думаешь, какъ бы ястребъ не унесъ или люди не поймали бы; и самъ полетишь ее искать, да и залетишь въ бѣду — либо подъ ястреба, либо въ силокъ. А если пропадетъ дружка, такъ самому ужъ ничто не мило. Не ѣшь, не пьешь и только ищешь да плачешь. Сколько насъ отъ этого пропадаетъ. Все зло не отъ голода, а отъ любви».

Змѣя сказала: «нѣтъ, зло не отъ голода и не отъ любви, а зло отъ злости. Кабы жили мы смирно, не злились бы, — намъ бы все хорошо было. А то какъ сдѣлается что-нибудь не по тебѣ, разозлишься, тогда ужъ ничто не мило. Только и думаешь, какъ зло свое на комъ выместить. Тутъ ужъ сама себя не помнишь, только шипишь да ползаешь, ищешь, кого бы укусить. Ужъ никого не жалѣешь, отца и мать закусаешь. Сама себя, кажется, съѣла бы. И до тѣхъ поръ злишься, пока сама себя погубишь. Все зло на свѣтѣ отъ злости».

Олень сказалъ: «нѣтъ, не отъ злости, и не отъ любви, и не отъ голода все зло на свѣтѣ, а зло отъ страха. Кабы можно было не бояться, все бы хорошо было. Ноги у насъ рѣзвыя, силы много. Отъ маленькаго звѣря рогами отобьешься, отъ большого уйдешь. Да нельзя не бояться. Только хрустни въ лѣсу вѣтка, зашурши листья, такъ весь и затрясешься отъ страха, забьется сердце, точно выскочить хочетъ, и летишь что есть духу. Другой разъ заяцъ пробѣжитъ, птица затрепещется или сухая вѣтка обломится, а ты думаешь — звѣрь, да и набѣжишь на звѣря. А то бѣжишь отъ собаки, набѣжишь на человѣка. Часто испугаешься и бѣжишь, самъ не знаешь куда, и съ размаху оборвешься подъ кручь и убьешься. И спишь-то однимъ глазомъ, все слушаешь и боишься. Нѣтъ покоя. Все зло отъ страха».

Тогда пустынникъ сказалъ:

«Не отъ голода, не отъ любви, не отъ злобы, не отъ страха всѣ наши мученья, а отъ нашего тѣла все зло на свѣтѣ. Отъ него и голодъ, и любовь, и злоба, и страхъ».

25*

Волкъ и Охотники.

Волкъ съѣлъ овцу; Охотники поймали Волка и стали его бить. Волкъ сказалъ: «напрасно вы меня бьете: я не виноватъ, что сѣръ, — меня такимъ Богъ сдѣлалъ». А Охотники сказали: «не за то бьютъ Волка, что сѣръ, а за то, что овцу съѣлъ».

Два Мужика.

Одинъ разъ два Мужика ѣхали навстрѣчу и зацѣпились санями. Одинъ кричитъ: «посторонись, — мнѣ скорѣе въ городъ надо!» А другой говоритъ: «ты посторонись, — мнѣ скорѣе домой надо». Они долго спорили. Третій мужикъ увидалъ и сказалъ: «если вамъ скоро надо, такъ осадите назадъ».

Мужикъ и Лошадь.

Поѣхалъ Мужикъ въ городъ за овсомъ для Лошади. Только что выѣхалъ изъ деревни, Лошадь стала заворачивать назадъ къ дому. Мужикъ ударилъ Лошадь кнутомъ. Она пошла и думаетъ про Мужика: «куда онъ, дуракъ, меня гонитъ; лучше бы домой». Не доѣзжая до города, Мужикъ видитъ, что Лошади тяжело по грязи: своротилъ на мостовую, а Лошадь воротитъ прочь отъ мостовой. Мужикъ ударилъ кнутомъ и дернулъ Лошадь; она пошла на мостовую и думаетъ: «зачѣмъ онъ меня повернулъ на мостовую, только копыта обломаешь. Тутъ подъ ногами жестко».

Мужикъ подъѣхалъ къ лавкѣ, купилъ овса и поѣхалъ домой. Когда пріѣхалъ домой, далъ Лошади овса. Лошадь стала ѣсть и думаетъ: «какіе люди глупые! только любятъ надъ нами умничать, а ума у нихъ меньше нашего. О чемъ онъ хлопоталъ? Куда-то ѣздилъ и гонялъ меня. Сколько мы ни ѣздили, а вернулись же домой. Лучше бы съ самаго начала оставаться намъ съ нимъ дома: онъ бы сидѣлъ на печи, а я бы ѣла овесъ».

Двѣ Лошади.

Двѣ Лошади везли два воза. Передняя Лошадь везла хорошо, а задняя останавливалась. На переднюю Лошадь стали перекладывать съ задняго воза; когда все переложили, задняя пошла налегкѣ и сказала передней:

«Мучься и потѣй. Что больше будешь стараться, то больше тебя будутъ мучить».

Когда пріѣхали на постоялый дворъ, хозяинъ и говоритъ: «Что мнѣ двухъ Лошадей кормить, а на одной возить? Лучше одной дамъ вволю корма, а ту зарѣжу; хоть шкуру возьму».

Такъ и сдѣлалъ.

Топоръ и пила.

Пошли два мужика къ лѣсъ за деревомъ. У одного былъ топоръ, а у другого—пила. Вотъ они выбрали дерево и стали спорить. Одинъ говоритъ: надо дерево срубить, а другой говоритъ: надо спилить.

Третій мужикъ и говоритъ: «я сейчасъ помирю васъ: если топоръ востеръ, то лучше рубить, а если пила еще вострѣе, то лучше пилить». Онъ взялъ топоръ и сталъ рубить дерево. Но топоръ былъ такъ тупъ, что имъ нельзя было рубить.

Онъ взялъ пилу: пила была плохая и совсѣмъ не рѣзала. Тогда онъ сказалъ: «вы подождите спорить: топоръ не рубитъ, а пила не рѣжетъ. Вы прежде отточите топоръ да поправьте пилу, а потомъ ужъ спорьте». Но тѣ мужики еще пуще разсердились другъ на друга за то, что у одного былъ неточеный топоръ, а у другого пила тупая, и они стали драться.

Собака и Поваръ.

Поваръ готовилъ обѣдъ; Собаки лежали у дверей кухни. Поваръ убилъ теленка и бросилъ кишки на дворъ. Собаки подхватили, поѣли и говорятъ: «Поваръ хорошій: хорошо стряпаетъ».

Немного погодя, Поваръ сталъ чистить горохъ, рѣпу и лукъ и выбросилъ обрѣзки. Собаки кинулись, отвернули носы и говорятъ: «испортился нашъ Поваръ: прежде хорошо готовилъ, а теперь никуда не годится».

Но Поваръ не слушался собакъ, а стряпалъ обѣдъ по-своему. Обѣдъ съѣли и похвалили хозяева, а не Собаки.

Заяцъ и Гончая Собака.

Заяцъ сказалъ разъ Гончей Собакѣ: «для чего ты лаешь, когда гоняешься за нами? Ты бы скорѣе поймала насъ, если бы бѣжала молча. А съ лаемъ ты только нагоняешь насъ на охотника: ему слышно, гдѣ мы бѣжимъ, и онъ забѣгаетъ съ ружьемъ намъ навстрѣчу, убиваетъ насъ и ничего не даетъ тебѣ».

Собака сказала: «я не для этого лаю, а лаю только потому, что когда слышу твой запахъ, то и сержусь, и радуюсь, что я вотъ сейчасъ поймаю тебя; и сама не знаю зачѣмъ, но не могу удержаться отъ лая».

Дубъ и Орѣшникъ.

Старый Дубъ уронилъ съ себя желудь подъ кустъ Орѣшника. Орѣшникъ сказалъ Дубу: «развѣ мало простора подъ твоими сучьями? Ты бы ронялъ свои желуди на чистое мѣсто. Здѣсь мнѣ самому тѣсно для моихъ отростковъ, и я самъ не бросаю наземь своихъ орѣховъ, а отдаю ихъ людямъ».

«Я живу 200 лѣтъ, — сказалъ на это Дубъ, — и дубокъ изъ этого желудя проживетъ столько же».

Тогда Орѣшникъ разсердился и сказалъ: «такъ я заглушу твой дубокъ, и онъ не проживетъ трехъ дней». Дубъ ничего не отвѣтилъ, а велѣлъ расти своему сынку изъ желудя.

Желудь намокъ, лопнулъ и уцѣпился крючкомъ ростка въ землю, а другой ростокъ пустилъ кверху.

Орѣшникъ глушилъ его и не давалъ солнца. Но дубокъ тянулся кверху и сталъ сильнѣе въ тѣни Орѣшника. Прошло сто лѣтъ. Орѣшникъ давно засохъ, а дубъ изъ желудя поднялся до неба и раскинулъ шатеръ на всѣ стороны.

Насѣдка и Цыплята.

Насѣдка вывела Цыплятъ и не знала, какъ ихъ уберечь. Она и сказала имъ: «полѣзайте опять въ скорлупу; когда вы будете въ скорлупѣ, я сяду на васъ, какъ прежде сидѣла, и уберегу васъ». Цыплята послушались, полѣзли въ скорлупу, но не могли никакъ влѣзть въ нее и только помяли себѣ крылья. Тогда одинъ Цыпленокъ сказалъ матери:

«Если намъ всегда оставаться въ скорлупѣ, ты бы лучше не выводила насъ».

Дергачъ и его Самка.

Дергачъ поздно свилъ въ лугу гнѣздо, и въ покосъ еще Самка сидѣла на яйцахъ. Рано утромъ мужики пришли къ лугу, сняли кафтаны, наточили косы и пошли другъ за другомъ подрѣзать траву и класть рядами. Дергачъ вылетѣлъ посмотрѣть, что дѣлаютъ косцы. Когда онъ увидалъ, что одинъ мужикъ махнулъ косой и разрѣзалъ пополамъ змѣю, онъ обрадовался, прилетѣлъ къ Дергачихѣ и сказалъ: «не бойся мужиковъ: они пришли рѣзать змѣй; намъ давно отъ нихъ житья нѣтъ». А Дергачиха сказала: «мужики рѣжутъ траву, а съ травой рѣжутъ все, что ни попадется: и змѣю, и дергачиное гнѣздо, и дергачиную голову. Не добро чуетъ мое сердце, а нельзя мнѣ ни унести яицъ, ни улетѣть съ гнѣзда, чтобы не остудить ихъ».

Когда косцы дошли до дергачинаго гнѣзда, одинъ мужикъ махнулъ косой и срѣзалъ Дергачихѣ голову, а яйца положилъ за пазуху и отдалъ ребятамъ играть.

Корова и Козелъ.

У старухи были Корова и Козелъ. Корова и Козелъ вмѣстѣ ходили въ стадо. Корова все ворочалась, когда ее доили. Старуха вынесла хлѣба съ солью, дала Коровѣ и приговаривала: «да стой же, матушка; на, на, еще вынесу, только стой смирно».

На другой вечеръ Козелъ впередъ Коровы вернулся съ поля, разставилъ ноги и сталъ передъ старухой. Старуха замахнулась на него полотенцемъ, но Козелъ стоялъ, не шевелился. Онъ помнилъ, что старуха обѣщала хлѣба Коровѣ, чтобы стояла смирно. Старуха видитъ, что Козелъ не пронимается, взяла палку и прибила его.

Когда Козелъ отошелъ, старуха опять стала кормить Корову хлѣбомъ и уговаривать ее.

«Нѣтъ въ людяхъ правды! — подумалъ Козелъ: — я смирнѣе ея стоялъ, а меня прибили».

Онъ отошелъ къ сторонкѣ, разбѣжался, ударилъ въ подойникъ, разлилъ молоко и зашибъ старуху.

Лисій хвостъ.

Человѣкъ поймалъ Лисицу и спросилъ ее: «кто научилъ лисицъ обманывать хвостомъ собакъ?» Лисица спросила: «какъ обманывать? Мы не обманываемъ собакъ, а просто бѣжимъ отъ нихъ что есть силы». Человѣкъ сказалъ: «нѣтъ, вы обманываете хвостомъ. Когда собаки догоняютъ васъ и хотятъ схватить, вы поворачиваете хвостомъ въ одну сторону; собака круто поворачиваетъ за хвостомъ, а вы тогда бѣжите въ противную сторону». Лисица засмѣялась и сказала: «мы дѣлаемъ это не для того, чтобы обманывать собакъ, а дѣлаемъ это только для того, чтобы поворачиваться: когда собака догоняетъ насъ и мы видимъ, что не можемъ уйти прямо, — мы поворачиваемъ въ сторону; а для того, чтобы поворотиться вдругъ въ одну сторону, намъ нужно взмахнуть хвостомъ въ другую—такъ, какъ вы это дѣлаете руками, когда хотите на бѣгу поворотиться. Это не наша выдумка; это придумалъ самъ Богъ еще тогда, когда Онъ сотворялъ насъ, для того чтобы собаки не могли переловить всѣхъ лисицъ».

II. Разсказы для дѣтей.

Волкъ.

Былъ одинъ мальчикъ. И онъ очень любилъ ѣсть цыплятъ и очень боялся волковъ.

И одинъ разъ этотъ мальчикъ легъ спать и заснулъ. И во снѣ онъ увидалъ, что идетъ одинъ по лѣсу за грибами, и вдругъ изъ куста выскочилъ волкъ и бросился на мальчика.

Мальчикъ испугался и закричалъ: «ай, ай, онъ меня съѣстъ!»

Волкъ говоритъ: «постой, я тебя не съѣмъ, а я съ тобой поговорю».

И сталъ волкъ говорить человѣчьимъ голосомъ.

И говоритъ волкъ: — Ты боишься, что я тебя съѣмъ. А самъ ты что же дѣлаешь? Ты любишь цыплятъ?

— Люблю.

— А зачѣмъ же ты ихъ ѣшь? Вѣдь они, эти цыплята, такіе же живые, какъ и ты. Каждое утро пойди посмотри, какъ ихъ ловятъ, какъ поваръ несетъ ихъ на кухню, какъ перерѣзаетъ имъ горло, какъ ихъ матка кудахчетъ о томъ, что цыплятъ у нея берутъ. Видѣлъ ты это? — говоритъ волкъ.

Мальчикъ говоритъ: — Я не видѣлъ.

— А не видѣлъ, такъ ты посмотри. А вотъ теперь я тебя съѣмъ. Ты такой же цыпленочекъ, — я тебя и съѣмъ.

И волкъ бросился на мальчика, и мальчикъ испугался и закричалъ: «ай, ай, ай!» Закричалъ и проснулся.

И съ тѣхъ поръ мальчикъ пересталъ ѣсть мясо, — не сталъ ѣсть ни говядины, ни баранины, ни куръ.

Подкидышъ.

У бѣдной женщины была дочь Маша. Маша утромъ пошла за водой и увидала, что у двери лежитъ что-то завернутое въ тряпки. Маша поставила ведра и развернула тряпки. Когда

она тронула тряпки, изъ нихъ закричало что-то: уа! уа! уа! Маша нагнулась и увидала, что это былъ маленькій красный ребеночекъ. Онъ громко кричалъ: уа! уа! Маша взяла его въ руки и понесла въ домъ, стала съ ложки поить молокомъ. Мать сказала: «что̀ ты принесла?» Маша сказала: «ребеночка, я нашла у нашей двери». Мать сказала: «мы и такъ бѣдны, гдѣ намъ кормить еще ребенка; я пойду къ начальнику и скажу, чтобы его взяли». Маша заплакала и сказала: «матушка, онъ не много будетъ ѣсть, оставь его. Посмотри, какіе у него красненькіе сморщенные ручки и пальчики». Мать посмотрѣла: ей стало жалко. Она оставила ребеночка. Маша кормила и пеленала ребеночка и пѣла ему пѣсни, когда онъ ложился спать.

Мужикъ и огурцы.

Пошелъ разъ мужикъ къ огороднику огурцы воровать. Подползъ онъ къ огурцамъ и думаетъ: «вотъ, дай унесу мѣшокъ огурцовъ, продамъ; на эти деньги курочку куплю. Нанесетъ мнѣ курица яицъ, сядетъ насѣдочкой, выведетъ много цыплятъ. Выкормлю я цыплятъ, продамъ, куплю поросеночка — свинку; напороситъ мнѣ свинка поросятъ. Продамъ поросятъ, куплю кобылку; ожеребитъ мнѣ кобылка жеребятъ. Выкормлю жеребятъ, продамъ; куплю домъ и заведу огородъ. Заведу огородъ, насажу огурцовъ, воровать не дамъ — караулъ буду крѣпкій держать. Найму караульщиковъ, посажу на огурцы, а самъ такъ-то подойду, сторонкой, да крикну: эй, вы, караульте крѣпче!» Какъ закричитъ на всю глотку. Караульщики услыхали, выскочили, избили мужика.

Пожаръ.

Въ жнитво мужики и бабы ушли на работу. Въ деревнѣ остались только старые да малые. Въ одной избѣ оставались бабушка и трое внучатъ. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее садились мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцемъ и заснула. Одна изъ внучекъ, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольевъ въ черепокъ и пошла въ сѣни. А въ сѣняхъ лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на свясла [1]). Маша принесла уголья, положила подъ снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла въ избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, и онъ только что выучился

---

1) Соломенные жгуты, чтобы вязать снопы

ходить), и сказала: «глянь, Килюска, какую я печку вздула». Снопы уже горѣли и трещали. Когда застлало сѣни дымомъ, Маша испугалась и побѣжала назадъ въ избу, Кирюшка упалъ на порогѣ, расшибъ носъ и заплакалъ; Маша втащила его въ избу, и они оба спрятались подъ лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старшій мальчикъ, Ваня (ему было восемь лѣтъ), былъ на улицѣ. Когда онъ увидалъ, что изъ сѣней валитъ дымъ, онъ вбѣжалъ въ дверь, сквозь дымъ проскочилъ въ избу и сталъ будить бабушку; но бабушка спросонокъ ошалѣла и забыла про дѣтей, выскочила и побѣжала по дворамъ за народомъ. Маша тѣмъ временемъ сидѣла подъ лавкой и молчала, только маленькій мальчикъ кричалъ, потому что больно разбилъ себѣ носъ. Ваня услыхалъ его крикъ, поглядѣлъ подъ лавку и закричалъ Машѣ: «бѣги, сгоришь!» Маша побѣжала въ сѣни, но отъ дыма и отъ огня нельзя было пройти. Она вернулась назадъ. Тогда Ваня поднялъ окно и велѣлъ ей лѣзть. Когда она пролѣзла, Ваня схватилъ брата и потащилъ его. Но мальчикъ былъ тяжелъ и не давался брату. Онъ плакалъ и толкалъ Ваню. Ваня два раза упалъ, пока дотащилъ его къ окну; дверь въ избѣ уже загорѣлась. Ваня просунулъ мальчикову голову въ окно и хотѣлъ протолкнуть его; но мальчикъ (онъ очень испугался) ухватился ручонками и не пускалъ ихъ. Тогда Ваня закричалъ Машѣ: «тащи его за голову!» а самъ толкалъ сзади. И такъ они вытащили его въ окно на улицу.

Старая лошадь.

У насъ былъ старый старикъ, Пименъ Тимоѳеичъ. Ему было 90 лѣтъ. Онъ жилъ у своего внука безъ дѣла. Спина у него была согнутая: онъ ходилъ съ палкой и тихо передвигалъ ногами. Зубовъ у него совсѣмъ не было, лицо было сморщенное. Нижняя губа его тряслась; когда онъ ходилъ и когда говорилъ, онъ шлепалъ губами, и нельзя было понять, что̀ онъ говоритъ.

Насъ было четыре брата, и всѣ мы любили ѣздить верхомъ. Но смирныхъ лошадей у насъ для ѣзды не было. Только на одной старой лошади намъ позволяли ѣздить; эту лошадь звали Воронокъ.

Одинъ разъ матушка позволила намъ ѣздить верхомъ, и мы всѣ пошли въ конюшню съ дядькой. Кучеръ осѣдлалъ намъ Воронка, и первый поѣхалъ старшій братъ. Онъ долго ѣздилъ; ѣздилъ на гумно и кругомъ сада, и когда онъ подъѣзжалъ назадъ, мы закричали: «ну, теперь проскачи!»

Старшій братъ сталъ бить Воронка ногами и хлыстомъ, и Воронокъ проскакалъ мимо насъ.

Послѣ старшаго сѣлъ другой братъ. И онъ ѣздилъ долго, и тоже хлыстомъ разогналъ Воронка и проскакалъ изъ-подъ горы. Онъ еще хотѣлъ ѣздить, но третій братъ просилъ, чтобы онъ поскорѣе пустилъ его. Третій братъ проѣхалъ и на гумно, и вокругъ сада, да еще и по деревнѣ, и шибко проскакалъ изъ-подъ горы къ конюшнѣ. Когда онъ подъѣхалъ къ намъ, Воронокъ сопѣлъ, а шея и лопатки потемнѣли у него отъ пота.

Когда пришелъ мой чередъ, я хотѣлъ удивить братьевъ и показать имъ, какъ я хорошо ѣзжу,—сталъ погонять Воронка изо всѣхъ силъ, но Воронокъ не хотѣлъ идти отъ конюшни. И сколько я ни колотилъ его, онъ не хотѣлъ скакать, а только трусилъ и заворачивалъ все назадъ. Я злился на лошадь, изо всѣхъ силъ билъ ее хлыстомъ и ногами. Я старался бить ее въ тѣ мѣста, гдѣ ей больнѣе, сломалъ хлыстъ и остаткомъ хлыста сталъ бить по головѣ. Но Воронокъ все не хотѣлъ скакать. Тогда я поворотилъ назадъ, подъѣхалъ къ дядькѣ и попросилъ хлыстика покрѣпче. Но дядька сказалъ мнѣ:

— Будетъ вамъ ѣздить, сударь, слѣзайте. Что лошадь мучить!

Я обидѣлся и сказалъ:

— Какъ же, я совсѣмъ не ѣздилъ! Посмотри, какъ я сейчасъ проскачу. Дай, пожалуйста, мнѣ хлыстъ покрѣпче. Я его разожгу.

Тогда дядька покачалъ головой и сказалъ:

— Ахъ, сударь, жалости въ васъ нѣтъ: что его разжигать? Вѣдь ему 20 лѣтъ. Лошадь измучена, насилу дышитъ, да и стара. Вѣдь она такая старая! все равно какъ Пименъ Тимоѳеичъ. Вы бы сѣли на Тимоѳеича да такъ-то черезъ силу погоняли бы его хлыстомъ — что же, вамъ не жалко бы было?

Я вспомнилъ про Пимена и послушалъ дядьки. Я слѣзъ съ лошади, и когда я посмотрѣлъ, какъ она носила потными боками, тяжело дышала ноздрями и помахивала облѣзшимъ хвостикомъ, я понялъ, что лошади трудно было. А то я думалъ, что ей было такъ же весело, какъ мнѣ. Мнѣ такъ жалко стало Воронка, что я сталъ цѣловать его въ потную шею и просить у него прощенія за то, что я его билъ.

Съ тѣхъ поръ я выросъ большой и всегда жалѣю лошадей, и всегда вспоминаю Воронка и Пимена Тимоѳеича, когда вижу, что мучатъ лошадей.

Какъ я выучился ѣздить верхомъ.

Когда я былъ маленькій, мы каждый день учились, только по воскресеньямъ и по праздникамъ ходили гулять и играли съ братьями. Одинъ разъ батюшка сказалъ: «надо старшимъ дѣтямъ учиться ѣздить верхомъ. Послать ихъ въ манежъ». Я былъ меньше всѣхъ братьевъ и спросилъ: «а мнѣ можно учиться?» Батюшка сказалъ: «ты упадешь». Я сталъ просить его, чтобъ меня тоже учили, и чуть не заплакалъ. Батюшка сказалъ: «ну, хорошо, и тебя тоже. Только смотри: не плачь, когда упадешь. Кто ни разу не упадетъ съ лошади, не выучится верхомъ ѣздить».

Когда пришла середа, насъ троихъ повезли въ манежъ. Мы вошли на большое крыльцо, а съ большого крыльца прошли на маленькое крылечко. А подъ крылечкомъ была очень большая комната. Въ комнатѣ вмѣсто пола былъ песокъ. И по этой комнатѣ ѣздили верхомъ господа и барыни и такіе же мальчики, какъ мы. Это и былъ манежъ. Въ манежѣ было не совсѣмъ свѣтло и пахло лошадьми, и слышно было, какъ хлопаютъ бичами, кричатъ на лошадей и лошади стучатъ копытами о деревянныя стѣны. Я сначала испугался и не могъ ничего разсмотрѣть. Потомъ нашъ дядька позвалъ берейтора и сказалъ: «вотъ этимъ мальчикамъ дайте лошадей, они будутъ учиться ѣздить верхомъ». Берейторъ сказалъ: «хорошо».

Потомъ онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «этотъ малъ очень». А дядька сказалъ: «онъ обѣщаетъ не плакать, когда упадетъ». Берейторъ засмѣялся и ушелъ.

Потомъ привели трехъ осѣдланныхъ лошадей, мы сняли шинели и сошли по лѣстницѣ внизъ въ манежъ. Берейторъ держалъ лошадь за корду [1]), а братья ѣздили кругомъ него. Сначала они ѣздили шагомъ, потомъ рысью. Потомъ привели маленькую лошадку. Она была рыжая, и хвостъ у нея былъ обрѣзанъ. Ее звали Червончикъ. Берейторъ засмѣялся и сказалъ мнѣ: «ну, кавалеръ, садитесь». Я и радовался, и боялся, и старался такъ сдѣлать, чтобы никто этого не замѣтилъ. Я долго старался попасть ногой въ стремя, но никакъ не могъ, потому что я былъ слишкомъ малъ. Тогда берейторъ поднялъ меня на руки и посадилъ. Онъ сказалъ: «не тяжелъ баринъ — фунта два, больше не будетъ».

Онъ сначала держалъ меня за руку, но я видѣлъ, что братьевъ не держали, и просилъ, чтобы меня пустили. Онъ сказалъ:

---

[1]) Корда—веревка, для того чтобы по кругу гонять лошадей.

«а не боитесь?» Я очень боялся, но сказалъ, что не боюсь. Боялся я больше оттого, что Червончикъ все поджималъ уши. Я думалъ, что онъ на меня сердится. Берейторъ сказалъ: «ну, смотрите жъ, не падайте!» и пустилъ меня. Сначала Червончикъ ходилъ шагомъ, и я держался прямо. Но сѣдло было скользкое, и я боялся свернуться. Берейторъ меня спросилъ: «ну что, утвердились?» Я ему сказалъ: «утвердился». «Ну, теперь рысцой!» и берейторъ защелкалъ языкомъ.

Червончикъ побѣжалъ маленькой рысью, и меня стало подкидывать. Но я все молчалъ и старался не свернуться на бокъ. Берейторъ меня похвалилъ: «ай да кавалеръ, хорошо!» Я былъ очень этому радъ.

Въ это время къ берейтору подошелъ его товарищъ и сталъ съ нимъ разговаривать, и берейторъ пересталъ смотрѣть на меня.

Только вдругъ я почувствовалъ, что я свернулся немножко на бокъ съ сѣдла. Я хотѣлъ поправиться, но никакъ не могъ. Я хотѣлъ закричать берейтору, чтобы онъ остановилъ, но думалъ, что будетъ стыдно, если я это сдѣлаю, и молчалъ. Берейторъ не смотрѣлъ на меня, Червончикъ все бѣжалъ рысью, и я еще больше сбился на бокъ. Я посмотрѣлъ на берейтора и думалъ, что онъ поможетъ мнѣ; а онъ все разговаривалъ со своимъ товарищемъ и, не глядя на меня, приговаривалъ: «молодецъ кавалеръ». Я уже совсѣмъ былъ на боку и очень испугался. Я думалъ, что я пропалъ. Но кричать мнѣ стыдно было. Червончикъ тряхнулъ меня еще разъ, я совсѣмъ соскользнулъ и упалъ на землю. Тогда Червончикъ остановился, берейторъ оглянулся и увидалъ, что на Червончикѣ меня нѣтъ. Онъ сказалъ: «вотъ-те на! свалился кавалеръ мой», и подошелъ ко мнѣ. Когда я ему сказалъ, что не ушибся, онъ засмѣялся и сказалъ: «дѣтское тѣло мягкое». А мнѣ хотѣлось плакать. Я попросилъ, чтобъ меня опять посадили, и меня посадили. И я ужъ больше не падалъ.

Такъ мы ѣздили въ манежѣ два раза въ недѣлю, и я скоро выучился ѣздить хорошо и ничего не боялся.

Лозина.

На Святой мужикъ пошелъ посмотрѣть, оттаяла ли земля.

Онъ вышелъ на огородъ и коломъ ощупалъ землю. Земля раскисла. Мужикъ пошелъ въ лѣсъ. Въ лѣсу на лозинѣ уже надулись почки. Мужикъ и подумалъ: «дай обсажу огородъ лозиной; выраститъ — защита будетъ!» Взялъ топоръ, нару-

билъ десятокъ лозиннику, затесалъ съ толстыхъ концовъ кольями и воткнулъ въ землю.

Всѣ лозинки выпустили побѣги вверху съ листьями и внизу, подъ землею, выпустили такіе же побѣги замѣсто кореньевъ; и однѣ зацѣпились за землю и принялись, а другія неловко зацѣпились за землю кореньями, — замерли и повалились.

Къ осени мужикъ порадовался на свои лозины: шесть штукъ принялось. На другую весну овцы обгрызли четыре лозины, и двѣ только остались. На третью весну и эти обгрызли овцы. Одна совсѣмъ пропала, а другая справилась, стала укореняться и разрослась деревомъ. По веснамъ пчелы гудьмя-гудѣли на лозинѣ. Въ роевщину часто на лозину сажались рои, и мужики огребали ихъ. Бабы и мужики часто завтракали и спали подъ лозиной, а ребята лазили на нее и выламывали изъ нея прутья.

Мужикъ тотъ, что посадилъ лозину, давно уже умеръ, а она все росла. Старшій сынъ два раза срубалъ съ нея сучья и топилъ ими. Лозина все росла. Обрубятъ ее кругомъ, сдѣлаютъ шишку, а она на весну выпуститъ опять сучья, хоть и тоньше, но вдвое больше прежнихъ, какъ вихоръ у жеребенка.

И старшій сынъ пересталъ хозяйничать, и деревню сселили, а лозина все росла на чистомъ полѣ. Чужіе мужики ѣздили, рубили ее — она все росла. Грозой ударило въ лозину; она справилась боковыми сучьями, и все росла и цвѣла. Одинъ мужикъ хотѣлъ срубить ее на колоду, да бросилъ: она была дюже гнила. Лозина свалилась на бокъ и держалась только однимъ бокомъ, а все росла, и все каждый годъ прилетали пчелы обирать съ ея цвѣтовъ поноску.

Собрались разъ ребята рано весной стеречь лошадей подъ лозину. Показалось имъ холодно, они стали разводить огонь, набрали жнивья, чернобылу, хворосту. Одинъ взлѣзъ на лозину, съ нея же наломалъ сучьевъ. Склали они все въ дупло лозины и зажгли. Зашипѣла лозина, закипѣлъ въ ней сокъ, пошелъ дымъ и сталъ перебѣгать огонь; все нутро ея почернѣло. Сморщились молодые побѣги, цвѣты завяли. Ребята угнали домой лошадей. Обгорѣлая лозина осталась одна въ полѣ. Прилетѣлъ черный воронъ, сѣлъ на нее и закричалъ: «что, издохла старая кочерга? Давно пора было».

Булька.

У меня была мордашка. Ее звали Булька. Она была вся черная, только кончики переднихъ лапъ были бѣлые. У всѣхъ

мордашекъ нижняя челюсть длиннѣе верхней и верхніе зубы заходятъ за нижніе; но у Бульки нижняя челюсть такъ выдавалась впередъ, что палецъ можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое, глаза большіе, черные и блестящіе; и зубы и клыки бѣлые всегда торчали наружу. Онъ былъ похожъ на арапа. Булька былъ смирный и не кусался, но онъ былъ очень силенъ и цѣпокъ. Когда онъ, бывало, уцѣпится за что-нибудь, то стиснетъ зубы и повиснетъ, какъ тряпка, и его, какъ клещука, нельзя никакъ оторвать.

Одинъ разъ его пускали на медвѣдя, и онъ вцѣпился медвѣдю въ ухо и повисъ, какъ піявка. Медвѣдь билъ его лапами, прижималъ къ себѣ, кидалъ изъ стороны въ сторону, но не могъ оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку; но Булька до тѣхъ поръ на немъ держался, пока его не отлили холодной водой.

Я взялъ его щенкомъ и самъ выкормилъ. Когда я ѣхалъ на Кавказъ, я не хотѣлъ брать его и ушелъ отъ него потихоньку, а его велѣлъ запереть. На первой станціи я хотѣлъ уже садиться на другую перекладную, какъ вдругъ увидалъ, что по дорогѣ катится что-то черное и блестящее. Это былъ Булька въ своемъ мѣдномъ ошейникѣ. Онъ летѣлъ во весь духъ къ станціи. Онъ бросился ко мнѣ, лизнулъ мою руку и растянулся въ тѣни подъ телѣгой. Языкъ его высунулся на цѣлую ладонь. Онъ то втягивалъ его назадъ, глоталъ слюни, то опять высовывалъ на цѣлую ладонь. Онъ торопился, не поспѣвалъ дышать, бока его такъ и прыгали. Онъ поворачивался съ боку на бокъ и постукивалъ хвостомъ о землю.

Я узналъ потомъ, что онъ послѣ меня пробилъ раму и выскочилъ изъ окна и прямо по моему слѣду поскакалъ по дорогѣ и проскакалъ такъ верстъ 20 въ самый жаръ.

Булька и кабанъ.

Одинъ разъ на Кавказѣ мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибѣжалъ со мной. Только что гончія погнали, Булька бросился на ихъ голосъ и скрылся въ лѣсу. Это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ: кабаны и свиньи тогда бываютъ очень жирные.

На Кавказѣ, въ лѣсахъ, гдѣ живутъ кабаны, бываетъ много вкусныхъ плодовъ: дикаго винограда, шишекъ, яблокъ, грушъ, ежевики, желудей, терновника. И когда всѣ эти плоды поспѣютъ и тронутся морозомъ, кабаны отъѣдаются и жирѣютъ.

Въ то время кабанъ такъ бываетъ жиренъ, что не долго можетъ бѣгать подъ собаками. Когда его погоняютъ часа два, онъ забивается въ чащу и останавливается. Тогда охотники бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоитъ, и стрѣляютъ. По лаю собакъ можно знать, сталъ ли кабанъ, или бѣжитъ. Если онъ бѣжитъ, то собаки лаютъ съ визгомъ, какъ будто ихъ бьютъ; а если онъ стоитъ, то онѣ лаютъ какъ на человѣка и подвываютъ.

Въ эту охоту я долго бѣгалъ по лѣсу, но ни разу мнѣ не удалось перебѣжать дорогу кабану. Наконецъ я услыхалъ протяжный лай и вой гончихъ собакъ и побѣжалъ къ тому мѣсту. Ужъ я былъ близко отъ кабана, мнѣ ужъ слышенъ былъ трескъ по чащѣ. Это ворочался кабанъ съ собаками. Но слышно было по лаю, что онѣ не брали его, а только кружились около. Вдругъ я услыхалъ, зашуршало что-то сзади, и увидалъ Бульку. Онъ, видно, потерялъ гончихъ въ лѣсу и спутался, а теперь слышалъ ихъ лай и такъ же, какъ я, что было духу катился въ ту сторону. Онъ бѣжалъ черезъ полянку по высокой травѣ, и мнѣ отъ него видна только была его черная голова и закушенный языкъ въ бѣлыхъ зубахъ. Я окликнулъ его, но онъ не оглянулся, обогналъ меня и скрылся въ чащѣ. Я побѣжалъ за нимъ, но чѣмъ дальше я шелъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще и чаще. Сучки сбивали съ меня шапку, били по лицу, иглы терновника цѣплялись за платье. Я уже былъ близокъ къ лаю, но ничего не могъ видѣть.

Вдругъ я услыхалъ, что собаки громче залаяли, что-то сильно затрещало, и кабанъ сталъ отдуваться и захрипѣлъ. Я такъ и думалъ, что теперь Булька добрался до него и возится съ нимъ. Я изъ послѣднихъ силъ побѣжалъ черезъ чащу къ тому мѣсту. Въ самой глухой чащѣ я увидалъ пеструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одномъ мѣстѣ, и въ трехъ шагахъ отъ нея возилось и чернѣло что-то.

Когда я подвинулся ближе, я разсмотрѣлъ кабана и услыхалъ, что Булька пронзительно завизжалъ. Кабанъ захрюкалъ и посунулся на гончую; гончая поджала хвостъ и отскочила. Мнѣ сталъ виденъ бокъ кабана и его голова. Я прицѣлился въ бокъ и выстрѣлилъ. Я видѣлъ, что попалъ. Кабанъ хрюкнулъ и затрещалъ прочь отъ меня по чащѣ. Собаки визжали, лаяли слѣдомъ за нимъ; я по чащѣ ломился за ними. Вдругъ почти у себя подъ ногами я увидалъ и услыхалъ что-то. Это былъ Булька. Онъ лежалъ на боку и визжалъ. Подъ нимъ была лужа крови. Я подумалъ: пропала собака; но мнѣ теперь не до него было, я ломился дальше. Скоро я увидалъ кабана. Собаки хва-

тали его сзади, а онъ поворачивался то на ту, то на другую сторону. Когда кабанъ увидалъ меня, онъ сунулся ко мнѣ. Я выстрѣлилъ другой разъ почти въ упоръ, такъ что щетина загорѣлась на кабанѣ, и кабанъ захрипѣлъ, пошатался и всею тушею тяжело хлопнулся наземь.

Когда я подошелъ, кабанъ уже былъ мертвый и только то тамъ, то тутъ его пучило и подергивало. Но собаки, ощетинившись, однѣ рвали его за брюхо и за ноги, а другія локали кровь изъ раны.

Тутъ я вспомнилъ про Бульку и пошелъ его искать. Онъ ползъ мнѣ навстрѣчу и стоналъ. Я подошелъ къ нему, присѣлъ и посмотрѣлъ его рану. У него былъ распоротъ животъ, и цѣлый комокъ кишекъ изъ живота волочился по сухимъ листьямъ. Когда товарищи подошли ко мнѣ, мы вправили Булькѣ кишки и зашили ему животъ. Пока зашивали животъ и прокалывали кожу, онъ все лизалъ мнѣ руки.

Кабана привязали къ хвосту лошади, чтобы вывезти изъ лѣсу, а Бульку положили на лошадь и такъ привезли его домой. Булька проболѣлъ недѣль шесть и выздоровѣлъ.

Фазаны.

На Кавказѣ дикихъ куръ зовутъ фазанами. Ихъ такъ много, что они тамъ дешевле домашней курицы. За фазанами охотятся *съ кобылкой*, *съ подсаду* и *изъ-подъ собаки*. Съ кобылкой вотъ какъ охотятся: возьмутъ парусины, натянутъ на рамку, въ серединѣ рамки сдѣлаютъ перекладину, а въ парусинѣ сдѣлаютъ прорѣшку. Эта рамка съ парусиной называется кобылкой. Съ этою кобылкой и съ ружьемъ на зарѣ выходятъ въ лѣсъ. Кобылку несутъ передъ собой и высматриваютъ въ прорѣшку фазановъ. Фазаны по зорямъ кормятся на полянкахъ. Иногда цѣлый выводокъ — насѣдка съ цыплятами, иногда пѣтухъ съ курицей, иногда нѣсколько пѣтуховъ вмѣстѣ.

Фазаны не видятъ человѣка, а не боятся парусины и подпускаютъ къ себѣ близко. Тогда охотникъ ставитъ кобылку, высовываетъ ружье въ прорѣху и стрѣляетъ по выбору.

Съ подсаду охотятся вотъ какъ: пустятъ дворную собачонку въ лѣсъ и ходятъ за ней. Когда собака найдетъ фазана, она бросится за нимъ. Фазанъ взлетитъ на дерево, и тогда собачонка начинаетъ на него лаять. Охотникъ подходитъ на лай и стрѣляетъ фазана на деревѣ. Охота эта была бы легка, если бы фазанъ садился на дерево на чистомъ мѣстѣ и сидѣлъ бы прямо на деревѣ, такъ что его бы видно было. Но фазаны всегда

садятся на густыя деревья, въ чащѣ, и какъ завидятъ охотника, такъ прячутся въ сучкахъ. И бываетъ трудно пролѣзть въ чащѣ къ дереву, гдѣ сидитъ фазанъ, и трудно разсмотрѣть его. Когда собака одна лаетъ на фазана, онъ не боится ея: сидитъ на сучкѣ и еще пѣтушится на нее и хлопаетъ крыльями. Но какъ только онъ увидитъ человѣка, то сейчасъ же вытягивается по сучку, такъ что только привычный охотникъ различитъ его, а непривычный будетъ стоять подлѣ и ничего не увидитъ.

Когда казаки подкрадываются къ фазанамъ, то они надвигаютъ шапку на свое лицо и не глядятъ вверхъ, потому что фазанъ боится человѣка съ ружьемъ, а больше всего боится его глазъ.

Изъ-подъ собаки охотятся вотъ какъ: берутъ легавую собаку и ходятъ за ней по лѣсу. Собака чутьемъ услышитъ, гдѣ на зарѣ ходили и кормились фазаны, и станетъ разбирать ихъ слѣды. И сколько бы ни напутали фазаны, хорошая собака всегда найдетъ послѣднiй слѣдъ, выходъ съ того мѣста, гдѣ кормились. Чѣмъ дальше будетъ идти собака по слѣду, тѣмъ сильнѣе ей будетъ пахнуть, и такъ она дойдетъ до того мѣста, гдѣ днемъ сидитъ въ травѣ или ходитъ фазанъ. Когда она подойдетъ близко, тогда ей будетъ казаться, что фазанъ ужъ тутъ прямо передъ ней, и она все будетъ идти осторожнѣе, чтобы не спугнуть его, и будетъ останавливаться, чтобы сразу прыгнуть и поймать его. Когда собака подойдетъ совсѣмъ близко, тогда фазанъ вылетаетъ и охотникъ стрѣляетъ.

Мильтонъ и Булька.

Я завелъ себѣ для фазановъ легавую собаку. Собаку эту звали Мильтонъ; она была высокая, худая, крапчатая по сѣрому, съ длинными брылами и ушами и очень сильная и умная. Съ Булькой они не грызлись. Ни одна собака никогда не огрызалась на Бульку. Онъ, бывало, только покажетъ свои зубы, и собаки поджимаютъ хвосты и отходятъ прочь. Одинъ разъ я пошелъ съ Мильтономъ за фазанами. Вдругъ Булька прибѣжалъ за мной въ лѣсъ. Я хотѣлъ прогнать его, но никакъ не могъ. А идти домой, чтобъ отвести его, было далеко. Я думалъ, что онъ не будетъ мѣшать мнѣ, и пошелъ дальше; но только что Мильтонъ почуялъ въ травѣ фазана и сталъ искать, Булька бросился впередъ и сталъ соваться во всѣ стороны. Онъ старался прежде Мильтона поднять фазана. Онъ что-то такое слышалъ въ травѣ, прыгалъ, вертѣлся; но чутье у него плохое и

онъ не могъ найти слѣда одинъ, а смотрѣлъ на Мильтона и бѣжалъ туда, куда шелъ Мильтонъ. Только что Мильтонъ тронется по слѣду, Булька забѣжитъ впередъ. Я отзывалъ Бульку, билъ, но ничего не могъ съ нимъ сдѣлать. Какъ только Мильтонъ начиналъ искать, онъ бросался впередъ и мѣшалъ ему. Я хотѣлъ уже идти домой, потому что думалъ, что охота моя испорчена, но Мильтонъ лучше меня придумалъ, какъ обмануть Бульку. Онъ вотъ что сдѣлалъ: какъ только Булька забѣжитъ ему впередъ, Мильтонъ броситъ слѣдъ, повернетъ въ другую сторону и притворится, что онъ ищетъ. Булька бросится туда, куда показалъ Мильтонъ, а Мильтонъ оглянется на меня махнетъ хвостомъ и пойдетъ опять по настоящему слѣду. Булька опять прибѣгаетъ къ Мильтону, забѣгаетъ впередъ, и опять Мильтонъ нарочно сдѣлаетъ шаговъ десять въ сторону, обманетъ Бульку и опять поведетъ меня прямо, такъ что всю охоту онъ обманывалъ Бульку и не далъ ему испортить дѣла.

Черепаха.

Одинъ разъ я пошелъ съ Мильтономъ на охоту. Подлѣ лѣса онъ началъ искать, вытянулъ хвостъ, поднялъ уши и сталъ принюхиваться. Я приготовилъ ружье и пошелъ за нимъ. Я думалъ, что онъ ищетъ куропатку, фазана или зайца. Но Мильтонъ не пошелъ въ лѣсъ, а въ поле. Я шелъ за нимъ и глядѣлъ впередъ. Вдругъ я увидалъ то, что̀ онъ искалъ. Впереди его бѣжала небольшая черепаха, величиною съ шапку. Голая, темно-сѣрая голова на длинной шеѣ была вытянута, какъ пестикъ; черепаха широко перебирала голыми лапами, а спина ея вся была покрыта корой.

Когда она увидала собаку, она спрятала ноги и голову и опустилась на траву, такъ что видна была только одна скорлупа. Мильтонъ схватилъ ее и сталъ грызть; но не могъ прокусить ее, потому что у черепахи на брюхѣ такая же скорлупа, какъ и на спинѣ, только спереди, сзади и съ боковъ есть отверстія, куда она пропускаетъ голову, ноги и хвостъ.

Я отнялъ черепаху у Мильтона и разсмотрѣлъ, какъ у нея разрисована спина и какая скорлупа и какъ она туда прячется. Когда держишь ее въ рукахъ и смотришь подъ скорлупу, то только внутри, какъ въ подвалѣ, видно что-то черное и живое. Я бросилъ черепаху на траву и пошелъ дальше, но Мильтонъ не хотѣлъ ее оставить, а несъ въ зубахъ за мной. Вдругъ Мильтонъ взвизгнулъ и пустилъ ее. Черепаха у него во рту выпустила лапу и царапнула ему ротъ. Онъ такъ разсердился на нее за

это, что сталъ лаять и опять схватилъ ее и понесъ за мной. Я опять велѣлъ бросить, но Мильтонъ не слушался меня. Тогда я отнялъ у него черепаху и бросилъ. Но онъ не оставилъ ея. Онъ сталъ торопиться лапами подлѣ нея рыть яму. И когда вырылъ яму, то лапами завалилъ въ яму черепаху и закопалъ землей.

Черепахи живутъ и на землѣ и въ водѣ, какъ ужи и лягушки. Дѣтей онѣ выводятъ яйцами и яйца кладутъ на землѣ, и не высиживаютъ ихъ, а яйца сами, какъ рыбья икра, лопаются — и выводятся черепахи. Черепахи бываютъ маленькія, не больше блюдечка, и большія, въ три аршина длины и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Большія черепахи живутъ въ моряхъ.

Одна черепаха въ весну кладетъ сотни яицъ. Скорлупа черепахи,— это ея ребра. Только у людей и у другихъ животныхъ ребра бываютъ каждое отдѣльно, а у черепахи ребра срослись въ скорлупу. Главное же то, что у всѣхъ животныхъ ребра бываютъ внутри подъ мясомъ, а у черепахи ребра сверху, а мясо подъ ними.

Булька и волкъ.

Когда я уѣзжалъ съ Кавказа, тогда еще тамъ была война, и ночью опасно было ѣздить безъ конвоя.

Я хотѣлъ выѣхать какъ можно раньше утромъ и для этого не ложился спать.

Мой пріятель пришелъ провожать меня, и мы сидѣли весь вечеръ и ночь на улицѣ станицы предъ моею хатой.

Была мѣсячная ночь съ туманомъ, и было такъ свѣтло, что читать можно, хотя мѣсяца и не видно было.

Въ серединѣ ночи мы вдругъ услыхали, что черезъ улицу на дворѣ пищитъ поросенокъ. Одинъ изъ насъ закричалъ: «это волкъ душитъ поросенка!»

Я побѣжалъ къ себѣ въ хату, схватилъ заряженное ружье и выбѣжалъ на улицу. Всѣ стояли у воротъ того двора, гдѣ пищалъ поросенокъ, и кричали мнѣ: «сюда!» Мильтонъ бросился за мной,— вѣрно, думалъ, что я на охоту иду съ ружьемъ; а Булька поднялъ свои короткія уши и метался изъ стороны въ сторону, какъ будто спрашивалъ, въ кого ему велятъ вцѣпиться.. Когда я подбѣжалъ къ плетню, я увидалъ, что съ той стороны двора прямо ко мнѣ бѣжитъ звѣрь. Это былъ волкъ. Онъ подбѣжалъ къ плетню и вскочилъ на него. Я отстранился отъ него и приготовилъ ружье. Какъ только волкъ соскочилъ съ плетня на мою сторону, я приложился почти въ упоръ и спустилъ курокъ; но ружье сдѣлало «чикъ» и не выстрѣлило. Волкъ не

остановился и побѣжалъ черезъ улицу. Мильтонъ и Булька пустились за нимъ. Мильтонъ былъ близко отъ волка, но, видно, боялся схватить его, а Булька, какъ ни торопился на своихъ короткихъ ногахъ, не могъ поспѣть. Мы бѣжали что было силы за волкомъ, но и волкъ и собаки скрылись у насъ изъ виду. Только у канавы на углу станицы мы услыхали подлаиванье, визгъ и видѣли сквозь мѣсячный туманъ, что поднялась пыль и что собаки возились съ волкомъ. Когда мы прибѣжали къ канавѣ, волка уже не было, и обѣ собаки вернулись къ намъ съ поднятыми хвостами и разсерженными лицами. Булька рычалъ и толкалъ меня головой,—онъ, видно, хотѣлъ что-то разсказать, но не умѣлъ.

Мы осмотрѣли собакъ и нашли, что у Бульки на головѣ была маленькая рана. Онъ, видно, догналъ волка предъ канавой, но не успѣлъ захватить, и волкъ огрызнулся и убѣжалъ. Рана была небольшая, такъ что ничего опаснаго не было.

Мы вернулись назадъ къ хатѣ, сидѣли и разговаривали о томъ, что̀ случилось. Я досадовалъ на то, что ружье мое осѣклось, и все думалъ о томъ, какъ бы тутъ же на мѣстѣ остался волкъ, если бъ оно выстрѣлило. Пріятель мой удивлялся, какъ волкъ могъ залѣзть на дворъ. Старый казакъ говорилъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что это былъ не волкъ, а что это была вѣдьма и что она заколдовала мое ружье. Такъ мы сидѣли и разговаривали. Вдругъ собаки бросились, и мы увидали на серединѣ улицы предъ нами опять того же волка; но въ этотъ разъ онъ отъ нашего крика такъ скоро побѣжалъ, что собаки уже не догнали его.

Старый казакъ послѣ этого уже совсѣмъ увѣрился, что это былъ не волкъ, а вѣдьма, а я подумалъ, что не бѣшеный ли это былъ волкъ, потому что я никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы волкъ, послѣ того какъ его прогнали, вернулся опять на народъ.

На всякій случай я посыпалъ Булькѣ на рану пороху и зажегъ его. Порохъ вспыхнулъ и выжегъ больное мѣсто.

Я выжегъ порохомъ рану за тѣмъ, чтобы выжечь бѣшеную слюну, если она еще не успѣла войти въ кровь. Если же попала слюна и вошла уже въ кровь, то я зналъ, что по крови она разойдется по всему тѣлу и тогда уже нельзя вылѣчить.

Что случилось съ Булькой въ Пятигорскѣ.

Изъ станицы я поѣхалъ не прямо въ Россію, а сначала въ Пятигорскъ и тамъ пробылъ два мѣсяца. Мильтона я подарилъ казаку-охотнику, а Бульку взялъ съ собой въ Пятигорскъ.

Пятигорскъ такъ называется отъ того, что онъ стоитъ на горѣ Бешъ-тау. А Бешъ по-татарски значитъ пять, тау — гора. Изъ этой горы течетъ горячая сѣрная вода. Вода эта горяча, какъ кипятокъ, и надъ мѣстомъ, гдѣ идетъ вода изъ горы, всегда стоитъ паръ, какъ надъ самоваромъ. Все мѣсто, гдѣ стоитъ городъ, очень веселое. Изъ горъ текутъ горячіе родники, подъ горой течетъ рѣчка Подкумокъ. По горѣ лѣса, кругомъ поля, а вдалекѣ всегда видны большія Кавказскія горы. На этихъ горахъ снѣгъ никогда не таетъ, и онѣ всегда бѣлыя, какъ сахаръ. Одна большая гора Эльбрусъ, какъ сахарная бѣлая голова, видна отовсюду, когда ясная погода. На горячіе ключи пріѣзжаютъ лѣчиться, и надъ ключами сдѣланы бесѣдки, навѣсы, кругомъ разбиты сады и дорожки. По утрамъ играетъ музыка, и народъ пьетъ воду или купается и гуляетъ.

Самый городъ стоитъ на горѣ, а подъ горой есть слобода. Я жилъ въ этой слободѣ въ маленькомъ домикѣ. Домикъ стоялъ на дворѣ, и передъ окнами былъ садикъ, а въ саду стояли хозяйскія пчелы — не въ колодахъ, какъ въ Россіи, а въ круглыхъ плетушкахъ. Пчелы тамъ такъ смирны, что я всегда по утрамъ съ Булькой сиживалъ въ этомъ садикѣ промежду ульевъ.

Булька ходилъ промежду ульевъ, удивлялся на пчелъ, нюхалъ, слушалъ, какъ онѣ гудятъ, но такъ осторожно ходилъ около нихъ, что не мѣшалъ имъ, и онѣ его не трогали.

Одинъ разъ утромъ я вернулся домой съ водъ и сѣлъ пить кофе въ палисадникѣ. Булька сталъ чесать себѣ за ушами и гремѣть ошейникомъ. Шумъ тревожилъ пчелъ, и я снялъ съ Бульки ошейникъ. Немного погодя, я услыхалъ изъ города съ горы странный и страшный шумъ. Собаки лаяли, выли, визжали, люди кричали, и шумъ этотъ спускался съ горы и подходилъ все ближе и ближе къ нашей слободѣ. Булька пересталъ чесаться, уложилъ свою широкую голову съ бѣлыми зубами промежъ переднихъ бѣлыхъ лапокъ, уложилъ и языкъ, какъ ему надо было, и смирно лежалъ подлѣ меня. Когда онъ услыхалъ шумъ, онъ какъ будто понялъ, что̀ это такое, насторожилъ уши, оскалилъ зубы, вскочилъ и началъ рычать. Шумъ приближался. Точно собаки со всего города выли, визжали и лаяли. Я вышелъ къ воротамъ посмотрѣть, и хозяйка моего дома подошла тоже. Я спросилъ: «что это такое?» Она сказала: «это колодники изъ острога ходятъ, собакъ бьютъ. Развелось много собакъ, и городское начальство велѣло бить всѣхъ собакъ по городу».

— Какъ, и Бульку убьютъ, если попадется?

— Нѣтъ, въ ошейникахъ не велятъ бить.

Въ то самое время, какъ я говорилъ, колодники ужъ подошли къ нашему двору.

Впереди шли солдаты, сзади четыре колодника въ цѣпяхъ. У двухъ колодниковъ въ рукахъ были длинные желѣзные крючья и у двухъ дубины. Предъ нашими воротами одинъ колодникъ крючкомъ зацѣпилъ дворную собачонку, притянулъ ее на середину улицы, а другой колодникъ сталъ бить ее дубиной. Собачонка визжала ужасно, а колодники кричали что-то и смѣялись. Колодникъ съ крючкомъ перевернулъ собачонку, и когда увидалъ, что она издохла, онъ вынулъ крючокъ и сталъ оглядываться, нѣтъ ли еще собаки.

Въ это время Булька стремглавъ, какъ онъ кидался на медвѣдя, бросился на этого колодника. Я вспомнилъ, что онъ безъ ошейника, и закричалъ: «Булька, назадъ!» и кричалъ колодникамъ, чтобъ они не били Бульку. Но колодникъ увидалъ Бульку, захохоталъ и крючкомъ ловко ударилъ въ Бульку и зацѣпилъ его за ляжку. Булька бросился прочь, но колодникъ тянулъ къ себѣ и кричалъ другому: «бей!» Другой замахнулся дубиной, и Булька былъ бы убитъ, но онъ рванулся, кожа прорвалась на ляжкѣ, и онъ, поджавъ хвостъ, съ красною раной на ногѣ, стремглавъ влетѣлъ въ калитку, въ домъ, и забился подъ мою постель.

Онъ спасся тѣмъ, что кожа его прорвалась насквозь въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ крючокъ.

Конецъ Бульки и Мильтона.

Булька и Мильтонъ кончились въ одно и то же время. Старый казакъ не умѣлъ обращаться съ Мильтономъ. Вмѣсто того, чтобы брать его съ собой только на птицу, онъ сталъ водить его за кабанами. И въ ту же осень сѣкачъ [1]) кабанъ распоролъ его. Никто не умѣлъ его зашить, и Мильтонъ издохъ. Булька тоже не долго жилъ послѣ того, какъ онъ спасся отъ колодниковъ. Скоро послѣ своего спасенія отъ колодниковъ онъ сталъ скучать и сталъ лизать все, что̀ ему попадалось; онъ лизалъ мнѣ руки, но не такъ, какъ прежде, когда ласкался. Онъ лизалъ долго и сильно налегалъ языкомъ, а потомъ начиналъ прихватывать зубами. Видно, ему нужно было кусать руку, но онъ не хотѣлъ. Я не сталъ давать ему руку. Тогда онъ сталъ лизать мой сапогъ, ножку стола и потомъ кусать сапогъ или ножку стола. Это продолжалось два дня, а на третій день онъ пропалъ, и никто не видалъ и не слыхалъ про него.

[1]) Сѣкачъ—двухгодовалый кабанъ съ острымъ, не загнутымъ клыкомъ.

Украсть его нельзя было, и уйти отъ меня онъ не могъ, а случилось это съ нимъ шесть недѣль послѣ того, какъ его укусилъ волкъ. Стало быть, волкъ точно былъ бѣшеный. Булька взбѣсился и ушелъ. Съ нимъ сдѣлалось то, что̀ называется похотничьи стечка. Говорятъ, что бѣшенство въ томъ состоитъ, что у бѣшенаго животнаго въ горлѣ дѣлаются судороги. Бѣшеныя животныя хотятъ пить и не могутъ, потому что отъ воды судороги дѣлаются сильнѣе. Тогда они отъ боли и отъ жажды выходятъ изъ себя и начинаютъ кусать. Вѣрно, у Бульки начинались эти судороги, когда онъ начиналъ лизать, а потомъ кусать мою руку и ножку стола.

Я ѣздилъ вездѣ по округѣ и спрашивалъ про Бульку, но не могъ узнать, куда онъ дѣлся и какъ издохъ. Если бъ онъ бѣгалъ и кусалъ, какъ дѣлаютъ бѣшеныя собаки, то я бы услыхалъ про него. А вѣрно, онъ забѣжалъ куда-нибудь въ глушь и одинъ умеръ тамъ. Охотники говорятъ, что когда съ умною собакой сдѣлается стечка, то она убѣгаетъ въ поля или лѣса и тамъ ищетъ травы, какой ей нужно, вываливается по росамъ и сама лѣчится. Видно, Булька не могъ вылѣчиться. Онъ не вернулся и пропалъ.

Русакъ.

Заяцъ-русакъ жилъ зимою подлѣ деревни. Когда пришла ночь, онъ поднялъ одно ухо, послушалъ, потомъ поднялъ другое, поводилъ усами, понюхалъ и сѣлъ на заднія лапы. Потомъ онъ прыгнулъ разъ-другой по глубокому снѣгу и опять сѣлъ на заднія лапы и сталъ оглядываться. Со всѣхъ сторонъ ничего не было видно, кромѣ снѣга. Снѣгъ лежалъ волнами и блестѣлъ какъ сахаръ. Надъ головой зайца стоялъ морозный паръ, и сквозь этотъ паръ виднѣлись большія яркія звѣзды.

Зайцу нужно было перейти черезъ большую дорогу, чтобы придти на знакомое гумно. На большой дорогѣ слышно было, какъ визжали полозья, фыркали лошади и скрипѣли кресла въ саняхъ.

Заяцъ опять остановился подлѣ дороги. Мужики шли подлѣ саней съ поднятыми воротниками кафтановъ. Лица ихъ были чуть видны. Бороды, усы, рѣсницы ихъ были бѣлые. Изо ртовъ и носовъ ихъ шелъ паръ. Лошади ихъ были потныя, и къ поту присталъ иней. Лошади толкались въ хомутахъ, ныряли, выныривали въ ухабахъ. Мужики догоняли, обгоняли, били кнутами лошадей. Два старика шли рядомъ, и одинъ разсказывалъ другому, какъ у него украли лошадь.

Когда обозъ проѣхалъ, заяцъ перескочилъ дорогу и полегоньку пошелъ къ гумну. Собачонка отъ обоза увидала зайца. Она залаяла и бросилась за нимъ. Заяцъ поскакалъ къ гумну по субоямъ; зайца задержали субои, а собака на десятомъ прыжкѣ завязла въ снѣгу и остановилась. Тогда заяцъ тоже остановился, посидѣлъ на заднихъ лапахъ и потихоньку пошелъ къ гумну. По дорогѣ онъ на зеленяхъ встрѣтилъ двухъ зайцевъ. Они кормились и играли. Заяцъ поигралъ съ товарищами, покопалъ съ ними морозный снѣгъ, поѣлъ озими и пошелъ дальше. На деревнѣ было все тихо, огни были потушены, только слышался на улицѣ плачъ ребенка въ избѣ да трескъ мороза въ бревнахъ избъ. Заяцъ прошелъ на гумно и тамъ нашелъ товарищей. Онъ поигралъ съ ними на расчищенномъ току, поѣлъ овса изъ начатой кладушки, взобрался по крышѣ, занесенной снѣгомъ, на овинъ и черезъ плетень пошелъ назадъ къ своему оврагу. На востокѣ свѣтилась заря, звѣздъ стало меньше, и еще гуще морозный паръ поднимался надъ землей. Въ ближней деревнѣ проснулись бабы и шли за водой, мужики несли кормъ съ гуменъ, дѣти кричали и плакали. По дорогѣ еще больше шло обозовъ, и мужики громче разговаривали.

Заяцъ перескочилъ черезъ дорогу, подошелъ къ своей старой норѣ, выбралъ мѣстечко повыше, раскопалъ снѣгъ, легъ задомъ въ новую нору, уложилъ на спинѣ уши и заснулъ съ открытыми глазами.

Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ.

Въ городѣ Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксеновъ. У него были двѣ лавки и домъ.

Изъ себя Аксеновъ былъ русый, кудрявый, красивый и первый весельчакъ и пѣсенникъ. Смолоду Аксеновъ много пилъ и когда напивался—буянилъ, но съ тѣхъ поръ какъ женился, онъ бросилъ пить, и только изрѣдка это случалось съ нимъ.

Разъ лѣтомъ Аксеновъ поѣхалъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться съ семьей, жена сказала ему:

— Иванъ Дмитріевичъ, не ѣзди ты нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла.

Аксеновъ посмѣялся и сказалъ:

— Ты все боишься, какъ бы не загулялъ я на ярмаркѣ?

Жена сказала:

— Не знаю сама, чего боюсь, а такъ дурно видѣла,—видѣла, будто ты приходишь изъ города, снялъ шапку, а я гляжу: голова у тебя вся сѣдая.

Аксеновъ засмѣялся:

— Ну, это къ прибыли. Смотри, какъ расторгуюсь, дорогихъ гостинцевъ привезу.

И онъ простился съ семьей и уѣхалъ

На половинѣ дороги съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Они напились чаю вмѣстѣ и легли спать въ двухъ комнатахъ рядомъ. Аксеновъ не любилъ долго спать; онъ проснулся среди ночи и, чтобы легче холодкомъ было ѣхать, взбудилъ ямщика и велѣлъ запрягать. Потомъ вышелъ въ черную избу, расчелся съ хозяиномъ и уѣхалъ.

Отъѣхавши верстъ сорокъ, онъ опять остановился кормить, отдохнулъ въ сѣняхъ на постояломъ дворѣ и въ обѣдъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ поставить самоваръ; досталъ гитару и сталъ играть. Вдругъ ко двору подъѣзжаетъ тройка съ колокольчикомъ, и изъ повозки выходитъ чиновникъ съ двумя солдатами, подходитъ къ Аксенову и спрашиваетъ: «кто? откуда?» Аксеновъ все разсказываетъ, какъ есть, и проситъ: «не угодно ли чайку вмѣстѣ выпить?» Только чиновникъ все пристаетъ съ разспросами: «Гдѣ ночевалъ прошлую ночь? Одинъ или съ купцомъ? Видѣлъ ли купца поутру? Зачѣмъ рано уѣхалъ со двора?» Аксеновъ удивился, зачѣмъ его обо всемъ спрашиваютъ; все разсказалъ, какъ было, да и говоритъ: «что жъ вы меня такъ выспрашиваете? Я не воръ, не разбойникъ какой-нибудь. Ѣду по своему дѣлу, и нечего меня спрашивать».

Тогда чиновникъ кликнулъ солдатамъ и сказалъ:

— Я—исправникъ и спрашиваю тебя затѣмъ, что купецъ, съ какимъ ты ночевалъ прошлую ночь, зарѣзанъ. Покажи вещи, а вы обыщите его.

Вошли въ избу, взяли чемоданъ и мѣшокъ и стали развязывать и искать. Вдругъ исправникъ вынулъ изъ мѣшка ножикъ и закричалъ.

— Это чей ножикъ?

Аксеновъ поглядѣлъ, видитъ—ножикъ въ крови изъ его мѣшка достали, и испугался.

— А отчего кровь на ножѣ?

Аксеновъ хотѣлъ отвѣчать, но не могъ выговорить слова.

— Я... я не знаю... я... ножъ... я... не мой.

Тогда исправникъ сказалъ:

— Поутру купца нашли зарѣзаннымъ на постели. Кромѣ тебя, некому было это сдѣлать. Изба была заперта изнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно. Говори, какъ ты убилъ его и сколько ты ограбилъ денегъ?

Аксеновъ божился, что не онъ это сдѣлалъ, что не видалъ купца послѣ того, какъ пилъ чай съ нимъ, что деньги у него только свои 8.000, что ножикъ не его. Но голосъ у него обрывался, лицо было блѣдно, и онъ весь трясся отъ страха, какъ виноватый.

Исправникъ позвалъ солдатъ, велѣлъ связать и вести его на телѣгу. Когда его со связанными ногами взвалили на телѣгу, Аксеновъ перекрестился и заплакалъ. У Аксенова обобрали вещи и деньги, отослали его въ ближній городъ въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксеновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксеновъ смолоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали судить. Судили его за то, что онъ убилъ рязанскаго купца и укралъ 20.000 денегъ.

Жена убивалась о мужѣ и не знала, что думать. Дѣти ея еще всѣ были малы, а одинъ былъ у груди. Она забрала всѣхъ съ собою и поѣхала въ тотъ городъ, гдѣ ея мужъ содержался въ острогѣ. Сначала ее не пускали, но потомъ она упросила начальниковъ, и ее привели къ мужу. Когда она увидала его въ острожномъ платьѣ, въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ разбойниками, она ударилась о землю и долго не могла очнуться. Потомъ она поставила дѣтей вокругъ себя, сѣла съ нимъ рядышкомъ и стала сказывать ему про домашнія дѣла и спрашивать его про все, что съ нимъ случилось. Онъ все разсказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать.

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе царю, но что прошеніе не дошло. Аксеновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду, не ты сдѣлалъ это?

Аксеновъ сказалъ: «и ты подумала на меня!» закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксеновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксеновъ сталъ вспоминать, что говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: «видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо

просить и отъ Него только ждать милости». И съ тѣхъ поръ Аксеновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу.

Аксенова присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали.

Его высѣкли кнутомъ и потомъ, когда отъ кнута раны зажили, его погнали съ другими каторжниками въ Сибирь.

Въ Сибири, на каторгѣ, Аксеновъ жилъ 26 лѣтъ. Волосы его на головѣ стали бѣлые, какъ снѣгъ, а борода отросла длинная, узкая и сѣдая. Вся веселость его пропала. Онъ сгорбился, сталъ ходить тихо, говорилъ мало, никогда не смѣялся и часто молился Богу.

Въ острогѣ Аксеновъ выучился шить сапоги и на заработанныя деньги купилъ Четьи-Минеи и читалъ ихъ, когда былъ свѣтъ въ острогѣ, а по праздникамъ ходилъ въ острожную церковь, читалъ Апостолъ и пѣлъ на клиросѣ; голосъ у него все еще былъ хорошъ. Начальство любило Аксенова за его смиренство, а товарищи острожные почитали его и называли «дѣдушкой» и «божьимъ человѣкомъ». Когда бывали просьбы по острогу, товарищи всегда Аксенова посылали просить начальство, и когда промежъ каторжныхъ были ссоры, то они всегда къ Аксенову приходили судиться.

Изъ дому никто не писалъ писемъ Аксенову, и онъ не зналъ, живы ли его жена и дѣти.

Привели разъ на каторгу новыхъ колодниковъ. Вечеромъ всѣ старые колодники собрались вокругъ новыхъ и стали ихъ разспрашивать, кто изъ какого города или деревни и кто за какія дѣла. Аксеновъ тоже подсѣлъ на нары подлѣ новыхъ и, потупившись, слушалъ, кто что разсказывалъ.

Одинъ изъ новыхъ колодниковъ былъ высокій, здоровый старикъ, лѣтъ 60-ти, съ сѣдою стриженою бородой. Онъ разсказывалъ, за что его взяли. Онъ говорилъ:

— Такъ, братцы, ни за что сюда попалъ. У ямщика лошадь отвязалъ отъ саней. Поймали, говорятъ: укралъ. А я говорю: я только доѣхать скорѣй хотѣлъ,—я лошадь пустилъ. Да и ямщикъ мнѣ пріятель. Порядокъ, я говорю. Нѣтъ, говорятъ, укралъ. А того не знаютъ, что̀ и гдѣ укралъ. Были дѣла, давно бы слѣдовало сюда попасть, да не могли уличить, а теперь не по закону сюда загнали. Да врешь,—былъ въ Сибири, да недолго гащивалъ...

— А ты откуда будешь?—спросилъ одинъ изъ колодниковъ.

— А мы изъ города Владиміра, тамошніе мѣщане. Звать Макаромъ, а величаютъ Семеновичемъ.

Аксеновъ поднялъ голову и спросилъ:

— А что, не слыхалъ ли, Семенычъ, во Владимірѣ городѣ про Аксеновыхъ купцовъ? Живы ли?

— Какъ не слыхать! Богатые купцы, даромъ что отецъ въ Сибири. Такой же, видно, какъ и мы грѣшные. А ты самъ, дѣдушка, за какія дѣла?

Аксеновъ не любилъ говорить про свое несчастье; онъ вздохнулъ и сказалъ:

— По грѣхамъ своимъ 26-й годъ нахожусь въ каторжной работѣ.

Макаръ Семеновъ сказалъ:

— А по какимъ же такимъ грѣхамъ?

Аксеновъ сказалъ: «стало быть, стоилъ того», и не хотѣлъ больше разсказывать; но другіе острожные товарищи разсказали новому, какъ Аксеновъ попалъ въ Сибирь. Они разсказали, какъ на дорогѣ кто-то убилъ купца и подсунулъ Аксенову ножикъ и какъ за это его понапрасну засудили.

Когда Макаръ Семеновъ услыхалъ это, онъ взглянулъ на Аксенова, хлопнулъ себя руками по колѣнямъ и сказалъ:

— Ну, чудо! Вотъ чудо-то! Постарѣлъ же ты, дѣдушка!

Его стали спрашивать, чему онъ удивлялся и гдѣ онъ видѣлъ Аксенова, но Макаръ Семеновъ не отвѣчалъ, онъ только сказалъ:

— Чудеса, ребята, гдѣ свидѣться пришлось!

И съ этихъ словъ пришло Аксенову въ мысли, что не знаетъ ли этотъ человѣкъ про то, кто убилъ купца. Онъ сказалъ:

— Или ты слыхалъ, Семенычъ, прежде про это дѣло, или видалъ меня прежде?

— Какъ не слыхать! Земля слухомъ полнится. Да давно ужъ дѣло было: что и слышалъ, то забылъ,—сказалъ Макаръ Семеновъ.

— Можетъ, слыхалъ, кто купца убилъ?—спросилъ Аксеновъ.

Макаръ Семеновъ засмѣялся и сказалъ:

— Да, видно, тотъ убилъ, у кого ножикъ въ мѣшкѣ нашелся. Если кто и подсунулъ тебѣ ножикъ, не пойманъ—не воръ. Да и какъ же тебѣ ножикъ въ мѣшокъ сунуть? Вѣдь онъ у тебя въ головахъ стоялъ. Ты бы услыхалъ.

Какъ только Аксеновъ услыхалъ эти слова, онъ подумалъ, что этотъ самый человѣкъ убилъ купца. Онъ всталъ и отошелъ прочь. Всю эту ночь Аксеновъ не могъ заснуть. Нашла на него скука и стало ему представляться: то представлялась ему его жена такою, какою она была, когда провожала его въ послѣдній разъ на ярмарку. Такъ и видѣлъ онъ ее, какъ живую, и видѣлъ ея лицо и глаза, и слышалъ, какъ она говорила ему и смѣялась.

Потомъ представлялись ему дѣти, такія, какія они были тогда—маленькія, одинъ въ шубкѣ, другой у груди. И себя онъ вспоминалъ, какимъ онъ былъ тогда—веселымъ, молодымъ; вспоминалъ, какъ онъ сидѣлъ на крылечкѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ его взяли, и игралъ на гитарѣ, и какъ у него на душѣ весело было тогда. И вспомнилъ лобное мѣсто, гдѣ его сѣкли, и палача, и народъ кругомъ, и цѣпи, и колодниковъ, и всю 26-лѣтнюю острожную жизнь, и свою старость вспомнилъ. И такая скука нашла на Аксенова, что хоть руки на себя наложить.

«И все отъ того злодѣя!..» думалъ Аксеновъ.

И на него нашла такая злость на Макара Семенова, что хоть самому пропасть, а хотѣлось отомстить ему. Онъ читалъ молитвы всю ночь, но не могъ успокоиться. Днемъ онъ не подходилъ къ Макару Семенову и не смотрѣлъ на него.

Такъ прошли двѣ недѣли. По ночамъ Аксеновъ не могъ спать, и на него находила такая скука, что онъ не зналъ, куда дѣваться.

Одинъ разъ ночью онъ пошелъ по острогу и увидалъ, что изъ-подъ одной нары сыплется земля. Онъ остановился посмотрѣть. Вдругъ Макаръ Семеновъ выскочилъ изъ-подъ нары и съ испуганнымъ лицомъ взглянулъ на Аксенова. Аксеновъ хотѣлъ пройти, чтобы не видѣть его; но Макаръ ухватилъ его за руку и разсказалъ, какъ онъ прокопалъ проходъ подъ стѣнами и какъ онъ землю каждый день выноситъ въ голенищахъ и высыпаетъ на улицу, когда ихъ гоняютъ на работу. Онъ сказалъ:

— Только молчи, старикъ, я и тебя выведу. А если скажешь, меня засѣкутъ; да и тебѣ не спущу—убью.

Когда Аксеновъ увидалъ своего злодѣя, онъ весь затрясся отъ злости, выдернулъ руку и сказалъ:

— Выходить мнѣ не зачѣмъ и убивать меня нечего—ты меня уже давно убилъ. А сказывать про тебя буду или нѣтъ, какъ Богъ на душу положитъ.

На другой день, когда вывели колодниковъ на работу, солдаты примѣтили, что Макаръ Семеновъ высыпалъ землю,—стали искать въ острогѣ и нашли дыру. Начальникъ пріѣхалъ въ острогъ и сталъ всѣхъ допрашивать: «кто выкопалъ дыру?» Всѣ отпирались. Тѣ, которые знали, не выдавали Макара Семенова, потому что знали, что за это дѣло его засѣкутъ до полусмерти. Тогда начальникъ обратился къ Аксенову. Онъ зналъ, что Аксеновъ былъ справедливый человѣкъ, и сказалъ:

— Старикъ, ты правдивъ, скажи мнѣ предъ Богомъ, кто это сдѣлалъ?

Макаръ Семеновъ стоялъ какъ ни въ чемъ не бывало и смотрѣлъ на начальника и не оглядывался на Аксенова. У Аксе-

нова тряслись руки и губы, и онъ долго не могъ слова выговорить. Онъ думалъ: «если скрыть его, за что же я его прощу, когда онъ меня погубилъ? Пускай поплатится за мое мученіе. А сказать на него, точно—его засѣкутъ. А что какъ я понапрасну на него думаю? Да и что жъ, мнѣ легче развѣ будетъ?»

Начальникъ еще разъ сказалъ:

— Ну, что жъ, старикъ, говори правду: кто подкопался?

Аксеновъ поглядѣлъ на Макара Семенова и сказалъ:

— Не могу сказать, ваше благородіе. Мнѣ Богъ не велитъ сказать. И не скажу. Что хотите со мной сдѣлайте—власть ваша.

Сколько ни бился съ нимъ начальникъ, Аксеновъ ничего больше не говорилъ. Такъ и не узнали, кто подкопался.

На другую ночь, когда Аксеновъ легъ на свою нару и чуть задремалъ, онъ услыхалъ, что кто-то подошелъ и сѣлъ у него въ ногахъ. Онъ посмотрѣлъ въ темнотѣ и узналъ Макара. Аксеновъ сказалъ:

— Что тебѣ еще отъ меня надо? Что ты тутъ дѣлаешь?

Макаръ Семеновъ молчалъ. Аксеновъ приподнялся и сказалъ:

— Что надо? Уйди! А то солдата кликну.

Макаръ Семеновъ нагнулся близко къ Аксенову и шопотомъ сказалъ:

— Иванъ Дмитричъ, прости меня!

Аксеновъ сказалъ:

— За что тебя прощать?

— Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли; я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко.—Аксеновъ молчалъ и не зналъ, что сказать. Макаръ Семеновъ спустился съ нары, поклонился въ землю и сказалъ:—Иванъ Дмитричъ, прости меня, прости ради Бога. Я объявлюсь, что я купца убилъ—тебя простятъ. Ты домой вернешься.

Аксеновъ сказалъ:

— Тебѣ говорить легко, а мнѣ терпѣть каково! Куда я пойду теперь?.. Жена померла, дѣти забыли; мнѣ ходить некуда...

Макаръ Семеновъ не вставалъ съ полу, бился головой о землю и говорилъ:

— Иванъ Дмитричъ, прости! Когда меня кнутомъ сѣкли, мнѣ легче было, чѣмъ теперь на тебя смотрѣть... А ты еще пожалѣлъ меня—не сказалъ. Прости меня ради Христа, прости меня, злодѣя окаяннаго!—И онъ зарыдалъ.

Когда Аксеновъ услыхалъ, что Макаръ Семеновъ плачетъ, онъ самъ заплакалъ и сказалъ:

— Богъ проститъ тебя; можетъ быть, я во сто разъ хуже тебя!—И вдругъ у него на душѣ легко стало. И онъ пересталъ скучать о домѣ и никуда не хотѣлъ изъ острога, а только думалъ о послѣднемъ часѣ.

Макаръ Семеновъ не послушался Аксенова и объявился виноватымъ. Когда вышло Аксенову разрѣшеніе вернуться, онъ уже умеръ.

Охота пуще неволи.

Мы были на охотѣ за медвѣдями. Товарищу пришлось стрѣлять по медвѣдю; онъ ранилъ его, да въ мягкое мѣсто. Осталось немного крови на снѣгу, а медвѣдь ушелъ.

Мы сошлись въ лѣсу и стали судить, какъ намъ быть: идти ли теперь отыскивать этого медвѣдя или подождать дня три, пока медвѣдь уляжется.

Стали мы спрашивать мужиковъ-медвѣжатниковъ, можно или нельзя обойти теперь этого медвѣдя? Старикъ-медвѣжатникъ говорилъ: «нельзя, надо медвѣдю дать остепениться; дней черезъ пять обойти можно, а теперь за нимъ ходить—только напугаешь, онъ и не ляжетъ».

А молодой мужикъ-медвѣжатникъ спорилъ со старикомъ и говорилъ, что обойти теперь можно: «по этому снѣгу, говоритъ, медвѣдь далеко не уйдетъ,—медвѣдь жирный. Онъ нынче же ляжетъ. А не ляжетъ, такъ я его на лыжахъ догоню».

И товарищъ мой тоже не хотѣлъ теперь обходить и совѣтовалъ подождать.

Я и говорю: «да что спорить. Вы дѣлайте, какъ хотите, а я пойду съ Демьяномъ по слѣду. Обойдемъ—хорошо, не обойдемъ—все равно: дѣлать нынче нечего, а еще не поздно».

Такъ и сдѣлали.

Товарищи пошли къ санямъ, да въ деревню, а мы съ Демьяномъ взяли съ собой хлѣба и остались въ лѣсу.

Какъ ушли всѣ отъ насъ, мы съ Демьяномъ осмотрѣли ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по слѣду.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжахъ была трудная: снѣгъ былъ глубокій и праховый. Осадка снѣга въ лѣсу не было, да еще снѣжокъ выпалъ наканунѣ, такъ что лыжи уходили въ снѣгъ на четверть, а гдѣ и больше.

Медвѣжій слѣдъ издалека былъ виденъ. Видно было, какъ шелъ медвѣдь, какъ мѣстами по брюхо проваливался и выворачивалъ снѣгъ. Мы шли сначала въ виду отъ слѣда, крупнымъ лѣсомъ: а потомъ, какъ пошелъ слѣдъ въ мелкій ельникъ, Де-

мьянъ остановился. «Надо, говоритъ, бросать слѣдъ. Должно быть, здѣсь ляжетъ. Присаживаться сталъ,—на снѣгу видно. Пойдемъ прочь отъ слѣда и кругъ дадимъ. Только тише идти надо, не кричать, не кашлять, а то спугнешь».

Пошли мы прочь отъ слѣда, влѣво. Прошли шаговъ пятьсотъ, глядимъ—слѣдъ медвѣжій опять передъ нами. Пошли мы опять по слѣду, и вывелъ насъ этотъ слѣдъ на дорогу. Остановились мы на дорогѣ и стали разсматривать, въ какую сторону пошелъ медвѣдь. Кое-гдѣ по дорогѣ видно было, какъ всю лапу съ пальцами отпечаталъ медвѣдь, а кое-гдѣ—какъ въ лаптяхъ мужикъ ступалъ по дорогѣ. Видно, что пошелъ онъ къ деревнѣ.

Пошли мы по дорогѣ. Демьянъ и говоритъ: «теперь смотрѣть нечего на дорогу: гдѣ сойдетъ съ дороги вправо или влѣво, видно будетъ въ снѣгу. Гдѣ-нибудь своротитъ, не пойдетъ же въ деревню».

Прошли мы такъ по дорогѣ съ версту; видимъ—впереди слѣдъ съ дороги. Посмотрѣли—что за чудо! слѣдъ медвѣжій, да не съ дороги въ лѣсъ, а изъ лѣсу на дорогу идетъ: пальцами къ дорогѣ. Я говорю: «это другой медвѣдь». Демьянъ посмотрѣлъ, подумалъ. «Нѣтъ, говоритъ, это онъ самый, только обманывать началъ. Онъ задомъ съ дороги сошелъ». Пошли мы по слѣду— такъ и есть. Видно, медвѣдь прошелъ съ дороги шаговъ десять задомъ, зашелъ за сосну, повернулся и пошелъ прямо. Демьянъ остановился и говоритъ: «теперь, вѣрно, обойдемъ. Больше ему и лечь негдѣ, какъ въ этомъ болотѣ. Пойдемъ въ обходъ».

Пошли мы въ обходъ по частому ельнику. Я ужъ уморился, да и труднѣе стало ѣхать. То на кустъ можжевеловый наѣдешь, зацѣпишь, то промежъ ногъ елочка подвернется, то лыжа свернется безъ привычки, то на пень, то на колоду наѣдешь подъ снѣгомъ. Сталъ ужъ я уставать. Снялъ я шубу, и потъ съ меня такъ и льетъ. А Демьянъ—какъ на лодкѣ плыветъ. Точно сами подъ нимъ лыжи ходятъ. Не зацѣпитъ нигдѣ, не свернется. И мою шубу еще себѣ за плечи перекинулъ и все меня понукиваетъ.

Дали мы кругъ версты въ три, обошли болото. Я уже отставать сталъ—лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдругъ впереди меня Демьянъ и машетъ рукой. Я подошелъ. Демьянъ пригнулся, шепчетъ и показываетъ: «видишь, сорока надъ ломомъ щекочетъ; птица издалеча его духъ слышитъ. Это онъ».

Взяли мы прочь, прошли еще съ версту и нашли опять на старый слѣдъ. Такъ что мы кругомъ обошли медвѣдя, и онъ въ

срединѣ нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снялъ и разстегнулся весь: жарко мнѣ, какъ въ банѣ, и весь, какъ мышь, мокрый. И Демьянъ раскраснѣлся, рукавомъ утирается. «Ну, говоритъ, баринъ, дѣло сдѣлали, теперь отдохнуть надо».

А ужъ заря сквозь лѣсъ краснѣться стала. Сѣли мы на лыжи отдыхать. Достали хлѣбъ изъ мѣшка и соль; поѣлъ я сначала снѣгу, а потомъ хлѣба. И такой мнѣ хлѣбъ вкусный показался, что я въ жизнь такого не ѣлъ. Посидѣли мы; ужъ и смеркаться стало. Я спросилъ Демьяна, далеко ли до деревни. Да верстъ двѣнадцать будетъ. Дойдемъ ночью; а теперь отдохнуть надо. Надѣвай-ка шубу, баринъ, а то остудишься».

Наломалъ Демьянъ вѣтвей еловыхъ, обилъ снѣгъ, настлалъ кровать, и легли мы съ нимъ рядышкомъ, руки подъ головы подложили. И самъ не помню я, какъ заснулъ. Проснулся я часа черезъ два. Треснуло что-то.

Я такъ крѣпко спалъ, что и забылъ, гдѣ я заснулъ. Оглянулся я—что за чудо, гдѣ я? Палаты какія-то бѣлыя надо мной, и столбы бѣлые, и на всемъ блестки блестятъ. Глянулъ вверхъ—разводы бѣлые, а промежъ разводовъ сводъ какой-то вороненый и огни разноцвѣтные горятъ. Оглядѣлся я, вспомнилъ, что мы въ лѣсу и что это деревья въ снѣгу и въ инеѣ мнѣ за палаты показались, а огни—это звѣзды на небѣ промежъ сучьевъ дрожатъ.

Въ ночь иней выпалъ: и на сучьяхъ иней, и на шубѣ моей иней, и Демьянъ весь подъ инеемъ, и сыплется сверху иней. Разбудилъ я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо въ лѣсу; только слышно, какъ мы лыжами по мягкому снѣгу посовываемъ, да кое-гдѣ треснетъ дерево отъ мороза, и по всему лѣсу голкъ раздастся. Одинъ разъ только живое что-то зашумѣло близехонько отъ насъ и прочь побѣжало. Я такъ и думалъ, что медвѣдь. Подошли къ тому мѣсту, откуда зашумѣло,—увидали слѣды заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дорогѣ. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дорогѣ раскатываются, громыхаютъ, снѣжокъ подъ сапогами поскрипываетъ, холодный иней на лицо какъ пушокъ липнетъ. А звѣзды вдоль по сучьямъ точно навстрѣчу бѣгутъ, засвѣтятся, потухнутъ, точно все небо ходуномъ ходитъ.

Товарищъ спалъ. Я разбудилъ его. Мы разсказали, какъ обошли медвѣдя, и велѣли хозяину къ утру собрать загонщиковъ-мужиковъ. Поужинали и легли спать.

Я бы съ усталости проспалъ до обѣда, да товарищъ разбудилъ меня. Вскочилъ я, смотрю—товарищъ ужъ одѣтъ, съ ружьемъ что-то возится.

— А гдѣ Демьянъ?—Онъ ужъ давно въ лѣсу. Ужъ и обкладъ повѣрилъ, сюда прибѣгалъ, а теперь повелъ загонщиковъ заводить. Умылся я, одѣлся, зарядилъ свои ружья; сѣли въ сани, поѣхали.

Морозъ все держалъ крѣпкій, тихо было и солнца не видать было; туманъ стоялъ наверху, и иней садился.

Проѣхали мы версты три по дорогѣ, подъѣхали къ лѣсу. Видимъ—въ низочкѣ дымокъ синѣетъ и народъ стоитъ: мужики и бабы съ дубинами.

Слѣзли мы, подошли къ народу. Мужики сидятъ, картошки жарятъ, смѣются съ бабами.

И Демьянъ съ ними. Поднялся народъ, повелъ ихъ Демьянъ разставлять кругомъ по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, тридцать человѣкъ—только по поясъ ихъ видно—зашли въ лѣсъ; потомъ пошли мы съ товарищемъ по ихъ слѣду.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; зато падать некуда—какъ промежду двухъ стѣнъ идешь.

Прошли мы такъ съ полверсты; смотримъ—ужъ Демьянъ съ другой стороны къ намъ бѣжитъ на лыжахъ, машетъ рукой, чтобы къ нему шли.

Подошли мы къ нему — показалъ намъ мѣста. Сталъ я на свое мѣсто, оглядѣлся.

Налѣво отъ меня высокій ельникъ; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернѣется мнѣ мужикъ-загонщикъ. Противъ меня частый молодой ельникъ въ ростъ человѣка. И на ельникѣ сучья повисли и слиплись отъ снѣга. Въ серединѣ ельника дорожка засыпана снѣгомъ. Дорожка эта прямо на меня идетъ. Направо отъ меня частый ельникъ, а на концѣ ельника полянка. И на этой полянкѣ, вижу я, что Демьянъ ставитъ товарища.

Осмотрѣлъ я свои два ружья, взвелъ курки и сталъ раздумывать, гдѣ бы мнѣ получше стать. Сзади меня, въ трехъ шагахъ, большая сосна. Дай стану у сосны и ружье другое къ ней прислоню. Полѣзъ я къ соснѣ, провалился выше колѣнъ, обтопталъ у сосны площадку аршина въ полтора и на ней устроился. Одно ружье взялъ въ руки, а другое со взведенными курками прислонилъ къ соснѣ. Кинжалъ я вынулъ и вложилъ, чтобы знать, что въ случаѣ нужды онъ легко вынимается.

Только я устроился, слышу—кричитъ въ лѣсу Демьянъ: «пошелъ, въ ходъ пошелъ! пошелъ!» И какъ закричалъ Демьянъ, на кругу закричали мужики разными голосами: «пошелъ! У-у-у-у!» кричали мужики. «Ай! И-ихъ!» кричали бабы тонкими голосами.

27*

Медвѣдь былъ въ кругу. Демьянъ гналъ его. Кругомъ вездѣ кричалъ народъ, только я и товарищъ стояли, молчали и не шевелились—ждали медвѣдя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня такъ и стучитъ. Держусь за ружье, подрагиваю. Вотъ-вотъ, думаю, выскочитъ, прицѣлюсь, выстрѣлю, упадетъ... Вдругъ налѣво слышу я въ снѣгу обваливается что-то, только далеко. Глянулъ я въ высокій ельникъ: шаговъ на 50 за деревьями стоитъ что-то черное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбѣжитъ ли ближе. Смотрю—шевельнулъ онъ ушами, повернулся и назадъ. Съ боку мнѣ его всего видно стало. Здоровенный звѣрище! Нацѣлился я сгоряча—хлопъ! Слышу, шлепнулась объ дерево моя пуля. Смотрю изъ-за дыма—медвѣдь мой назадъ катитъ въ обкладъ и скрылся за лѣсомъ. Ну, думаю, пропало мое дѣло, теперь ужъ не набѣжитъ на меня; либо товарищу стрѣлять, либо черезъ мужиковъ пойдетъ, а ужъ не на меня. Стою я, зарядилъ опять ружье и слушаю. Кричатъ мужики со всѣхъ сторонъ, но съ правой стороны, недалеко отъ товарища, слышу—не путемъ кричитъ какая-то баба: «Вотъ онъ! Вотъ онъ! Вотъ онъ! Сюда! Сюда! Ой-ой! Ай-ай-ай!»

Видно—на глазахъ медвѣдь. Не жду уже я къ себѣ медвѣдя и гляжу направо на товарища. Смотрю—Демьянъ съ палочкой, безъ лыжъ по тропинкѣ бѣжитъ къ товарищу, присѣлъ подлѣ него и палкой указываетъ ему на что-то, какъ будто цѣлится. Вижу—товарищъ вскинулъ ружье, цѣлится туда, куда показываетъ Демьянъ. Хлопъ!—выпалилъ. Ну, думаю, убилъ. Только смотрю, не бѣжитъ товарищъ за медвѣдемъ. Видно, промахъ или плохо попалъ. Уйдетъ, думаю, теперь медвѣдь назадъ, а ко мнѣ ужъ не выскочитъ. Что такое? Впереди себя слышу вдругъ—какъ вихрь летитъ кто-то, близехонько сыплется снѣгъ и пыхтитъ. Поглядѣлъ я передъ собой, а онъ прямехонько на меня по дорожкѣ между частымъ ельникомъ катитъ стремглавъ, и видно—со страху самъ себя не помнитъ. Шагахъ отъ меня въ пяти, весь мнѣ виденъ—грудь черная и головища огромная, съ рыжинкой. Летитъ прямехонько на меня лбомъ и сыплетъ снѣгъ во всѣ стороны. И вижу я по глазамъ медвѣдя, что онъ не видитъ меня, а съ испугу катитъ благимъ матомъ куда попало. Только ходъ ему прямо на сосну, гдѣ я стою. Вскинулъ я ружье, выстрѣлилъ, а ужъ онъ еще ближе. Вижу—не попалъ, пулю пронесло, а онъ и не слышитъ, катитъ на меня и все не видитъ. Пригнулъ я ружье, чуть не уперъ въ него, въ голову,—хлопъ! Вижу—попалъ, а не убилъ.

Приподнялъ онъ голову, прижалъ уши, осклабился и прямо ко мнѣ. Хватился я за другое ружье; но только взялся рукою,

ужъ онъ налетѣлъ на меня, сбилъ съ ногъ въ снѣгъ и перескочилъ черезъ. Ну, думаю, хорошо, что онъ бросилъ меня. Сталъ я подниматься, слышу—давитъ меня что-то, не пускаетъ. Онъ съ налету не удержался, перескочилъ черезъ меня, да повернулся передомъ назадъ и навалился на меня всею грудью. Слышу я—лежитъ на мнѣ тяжелое, слышу теплое надъ лицомъ и слышу—забираетъ онъ въ пасть все лицо мое, носъ мой ужъ у него во рту и чую я—жарко и кровью отъ него пахнетъ. Надавилъ онъ меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову къ груди изъ пасти, носъ и глаза выворачиваю. А онъ норовитъ какъ разъ въ глаза и носъ зацѣпить. Слышу—зацѣпилъ онъ зубами, верхнею челюстью, въ лобъ подъ волосами, а нижнею челюстью въ маслакъ подъ глазами, стиснулъ зубы, началъ давить. Какъ ножами рѣжутъ мнѣ голову; бьюсь я, выдергиваюсь, а онъ торопится и какъ собака грызетъ—жамкнетъ-жамкнетъ. Я вывернусь, онъ опять забираетъ. Ну, думаю, конецъ мой пришелъ. Слышу, вдругъ полегчало мнѣ. Смотрю, нѣту его, соскочилъ онъ съ меня и убѣжалъ.

Когда товарищъ и Демьянъ увидали, что медвѣдь сбилъ меня въ снѣгъ и грызетъ; они бросились ко мнѣ. Товарищъ хотѣлъ поскорѣе поспѣть, да ошибся: вмѣсто того, чтобы бѣжать по протоптанной дорожкѣ, онъ побѣжалъ цѣликомъ и упалъ. Пока онъ выкарабкивался изъ снѣга, медвѣдь все грызъ меня. А Демьянъ, какъ былъ безъ ружья, съ одною хворостинкой, пустился по дорожкѣ, самъ кричитъ: «барина заѣлъ! барина заѣлъ!» Самъ бѣжитъ и кричитъ на медвѣдя: «ахъ ты, баламутный! Что дѣлаетъ! Брось, брось!»

Послушался медвѣдь, бросилъ меня и побѣжалъ. Когда я поднялся, на снѣгу крови было, точно барана зарѣзали, и надъ глазами лохмотьями висѣло мясо, а сгоряча больно не было.

Прибѣжалъ товарищъ, собрался народъ, смотрятъ мою рану, снѣгомъ примачиваютъ. А я и забылъ про рану, спрашиваю: «гдѣ медвѣдь, куда ушелъ?» Вдругъ слышимъ: «вотъ онъ, вотъ онъ!» Видимъ—медвѣдь бѣжитъ опять къ намъ. Схватились мы за ружья, да не поспѣлъ никто выстрѣлить—ужъ онъ пробѣжалъ. Медвѣдь остервенѣлъ, хотѣлось ему еще погрызть, да увидалъ, что народу много, испугался. По слѣду мы увидали, что изъ медвѣжьей головы идетъ кровь; хотѣли идти догонять, но у меня разболѣлась голова, и поѣхали въ городъ къ доктору.

Докторъ зашилъ мнѣ раны шелкомъ, и онѣ стали заживать.

Черезъ мѣсяцъ мы поѣхали опять на этого медвѣдя; но мнѣ не удалось добить его. Медвѣдь не выходилъ изъ обклада, а все ходилъ кругомъ и ревѣлъ страшнымъ голосомъ. Демьянъ

добилъ его. У медвѣдя этого моимъ выстрѣломъ была перебита нижняя челюсть и выбитъ зубъ.

Медвѣдь этотъ былъ очень великъ и на немъ прекрасная черная шкура.

Я сдѣлалъ изъ нея чучелу, и она лежитъ у меня въ горницѣ. Раны у меня на лбу зажили, такъ что только чуть-чуть видно, гдѣ онѣ были.

Кавказскій плѣнникъ.

I.

Служилъ на Кавказѣ офицеромъ одинъ баринъ. Звали его Жилинъ.

Пришло ему разъ письмо изъ дома. Пишетъ ему старуха-мать: «стара я ужъ стала и хочется передъ смертью повидать любимаго сынка. Пріѣзжай со мной проститься, похорони, а тамъ и съ Богомъ поѣзжай опять на службу. А я тебѣ невѣсту пріискала: и умная, и хорошая, и имѣніе есть. Полюбится тебѣ, можетъ, и женишься и совсѣмъ останешься».

Жилинъ и раздумался. И въ самомъ дѣлѣ, плоха ужъ старуха стала; можетъ, и не придется увидать. Поѣхать, а если невѣста хороша—и жениться можно.

Пошелъ онъ къ полковнику, выправилъ отпускъ, простился съ товарищами, поставилъ своимъ солдатамъ четыре ведра водки на прощанье и собрался ѣхать.

На Кавказѣ тогда война была. По дорогамъ ни днемъ, ни ночью не было проѣзда. Чуть кто изъ русскихъ отъѣдетъ или отойдетъ отъ крѣпости, татары или убьютъ, или уведутъ въ горы. И было заведено, что два раза въ недѣлю изъ крѣпости въ крѣпость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идутъ солдаты, а въ серединѣ ѣдетъ народъ.

Дѣло было лѣтомъ. Собрались на зорькѣ обозы за крѣпость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дорогѣ. Жилинъ ѣхалъ верхомъ, и телѣга его съ вещами шла въ обозѣ.

Ѣхать было 25 верстъ. Обозъ шелъ тихо: то солдаты остановятся, то въ обозѣ колесо у кого соскочитъ или лошадь станетъ, и всѣ стоятъ—дожидаются.

Солнце уже и за полдни перешло, а обозъ только половину дороги прошелъ. Пыль, жара, солнце такъ и печетъ, и укрыться негдѣ. Голая степь: ни деревца, ни кустика по дорогѣ.

Выѣхалъ Жилинъ впередъ, остановился и ждетъ, пока подойдетъ къ нему обозъ. Слышитъ, сзади на рожкѣ заиграли—опять стоятъ. Жилинъ и подумалъ: «а не уѣхать ли одному, безъ сол-

дать? Лошадь подо мной добрая,—если и нападусь на татаръ, ускачу. Или не ѣздить?»

Остановился, раздумываетъ. И подъѣзжаетъ къ нему на лошади другой офицеръ, Костылинъ, съ ружьемъ, и говоритъ:

— Поѣдемъ, Жилинъ, одни. Мочи нѣтъ, ѣсть хочется, да и жара. На мнѣ рубаху хоть выжми.—А Костылинъ—мужчина грузный, толстый, весь красный, а потъ съ него такъ и льетъ. Подумалъ Жилинъ и говоритъ:

— А ружье заряжено?

— Заряжено.

— Ну, такъ поѣдемъ. Только уговоръ—не разъѣзжаться.

И поѣхали они впередъ по дорогѣ. Ѣдутъ степью, разговариваютъ да поглядываютъ по сторонамъ. Кругомъ далеко видно.

Только кончилась степь, вошла дорога промежъ двухъ горъ въ ущелье, Жилинъ и говоритъ:

— Надо выѣхать на гору поглядѣть, а то тутъ, пожалуй, выскочатъ изъ горы и не увидишь.

А Костылинъ говоритъ:

— Что смотрѣть? Поѣдемъ впередъ.—Жилинъ не послушалъ его.

— Нѣтъ, говоритъ, ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустилъ лошадь налѣво на гору. Лошадь подъ Жилинымъ была охотницкая (онъ за нее сто рублей заплатилъ въ табунѣ жеребенкомъ и самъ выѣздилъ), какъ на крыльяхъ взнесла его на кручь. Только выскакалъ,—глядь, а передъ самымъ имъ, на десятину мѣста, стоятъ татары верхами, человѣкъ тридцать. Онъ увидалъ, сталъ назадъ поворачивать; и татары его увидали, пустились къ нему, сами на скаку выхватываютъ ружья изъ чехловъ. Припустилъ Жилинъ подъ кручь во всѣ лошадиныя ноги, кричитъ Костылину:

— Вынимай ружье!—а самъ думаетъ на лошадь на свою: «матушка, вынеси, не зацѣпись ногой; споткнешься—пропалъ. Доберусь до ружья, а имъ не дамся».

А Костылинъ, замѣсто того чтобы подождать, только увидалъ татаръ—закатился что есть духу къ крѣпости. Плетью ожариваетъ лошадь то съ того бока, то съ другого. Только въ пыли видно, какъ лошадь хвостомъ вертитъ.

Жилинъ видитъ—дѣло плохо. Ружье уѣхало, съ одною шашкой ничего не сдѣлаешь. Пустилъ онъ лошадь назадъ, къ солдатамъ—думалъ уйти. Видитъ, ему наперерѣзъ катятъ шестеро. Подъ нимъ лошадь добрая, а подъ тѣми еще добрѣе, да и наперерѣзъ скачутъ. Сталъ онъ окорачивать, хотѣлъ назадъ поворотить, да ужъ разнеслась лошадь—не удержишь, прямо на

нихъ летитъ. Видитъ—близится къ нему съ красною бородой татаринъ на сѣромъ конѣ. Визжитъ, зубы оскалилъ, ружье наготовѣ.

«Ну,—думаетъ Жилинъ,—знаю васъ, чертей: если живого возьмутъ, посадятъ въ яму, будутъ плетью пороть. Не дамся же живой...»

А Жилинъ хоть не великъ ростомъ, а удалъ былъ. Выхватилъ шашку, пустилъ лошадь прямо на краснаго татарина, думаетъ: «либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь мѣста не доскакалъ Жилинъ—выстрѣлили по немъ сзади изъ ружей и попали въ лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, навалилась Жилину на ногу.

Хотѣлъ онъ подняться, а ужъ на немъ два татарина вонючіе сидятъ, крутятъ ему назадъ руки. Рванулся онъ, скинулъ съ себя татаръ,—да еще соскакали съ коней трое на него, начали бить прикладами по головѣ. Помутилось у него въ глазахъ и зашатался. Схватили его татары, сняли съ сѣделъ подпруги запасныя, закрутили ему руки за спину, завязали татарскимъ узломъ, поволокли къ сѣдлу. Шапку съ него сбили, сапоги стащили, все обшарили—деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилинъ на свою лошадь. Она, сердечная, какъ упала на бокъ, такъ и лежитъ, только бьется ногами,—до земли не достаетъ; въ головѣ дыра, и изъ дыры такъ и свищетъ кровь черная—на аршинъ кругомъ пыль смочила.

Одинъ татаринъ подошелъ къ лошади, сталъ сѣдло снимать,—она все бьется; онъ вынулъ кинжалъ, прорѣзалъ ей глотку. Засвистѣло изъ горла, трепенулась—и паръ вонъ.

Сняли татары сѣдло, сбрую. Сѣлъ татаринъ съ красною бородой на лошадь, а другіе подсадили Жилина къ нему на сѣдло, а чтобы не упалъ, притянули его ремнемъ за поясъ къ татарину и повезли въ горы.

Сидитъ Жилинъ за татариномъ, покачивается, тычется лицомъ въ вонючую татарскую спину. Только и видитъ передъ собой здоровенную татарскую спину да шею жилистую, да бритый затылокъ изъ-подъ шапки синѣется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась надъ глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки такъ закручены, что въ ключицѣ ломитъ.

Ѣхали они долго съ горы на гору, переѣхали въ бродъ рѣку, выѣхали на дорогу и поѣхали лощиной.

Хотѣлъ Жилинъ примѣчать дорогу, куда его везутъ, да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться; переѣхали еще рѣчку, стали подниматься по каменной горѣ, запахло дымомъ, забрехали собаки. Пріѣхали

въ аулъ [1]). Послѣзли съ лошадей татары, собрались ребята татарскіе, окружили Жилина, пищатъ, радуются, стали камнями пулять въ него.

Татаринъ отогналъ ребятъ, снялъ Жилина съ лошади и кликнулъ работника. Пришелъ ногаецъ, скуластый, въ одной рубахѣ. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказалъ что-то ему татаринъ. Принесъ работникъ колодку: два чурбака дубовыхъ на желѣзныя кольца насажены и въ одномъ кольцѣ пробойчикъ и замокъ.

Развязали Жилину руки, надѣли колодку и повели въ сарай, толкнули его туда и заперли дверь. Жилинъ упалъ на навозъ, полежалъ, ощупалъ въ темнотѣ, гдѣ помягче, и легъ.

II.

Почти всю эту ночь не спалъ Жилинъ. Ночи короткія были. Видитъ—въ щелкѣ свѣтиться стало. Всталъ Жилинъ, раскопалъ щелку побольше, сталъ смотрѣть.

Видна ему изъ щелки дорога—подъ гору идетъ, направо сакля татарская, два дерева подлѣ нея. Собака черная лежитъ на порогѣ, коза съ козлятами ходитъ, хвостиками подергиваютъ. Видитъ—изъ-подъ горы идетъ татарка молоденькая, въ рубахѣ цвѣтной, распояской, въ штанахъ и сапогахъ, голова кафтаномъ покрыта, а на головѣ большой кувшинъ жестяной съ водой. Идетъ, въ спинѣ подрагиваетъ, перегибается, а за руку татарченка ведетъ бритаго въ одной рубашонкѣ. Прошла татарка въ саклю съ водой, вышелъ татаринъ вчерашній съ красною бородой въ бешметѣ шелковомъ, на ремнѣ кинжалъ серебряный, въ башмакахъ на босу ногу. На головѣ шапка высокая, баранья, черная, назадъ заломлена. Вышелъ, потягивается, бородку красную самъ поглаживаетъ. Постоялъ, велѣлъ что-то работнику и пошелъ куда-то.

Проѣхали потомъ на лошадяхъ двое ребятъ къ водопою. У лошадей храпъ мокрый. Выбѣжали еще мальчишки бритые, въ однѣхъ рубашкахъ, безъ портокъ, собрались кучкой, подошли къ сараю, взяли хворостину и суютъ въ щелку. Жилинъ какъ ухнетъ на нихъ: завизжали ребята, закатились бѣжать прочь, только колѣнки голыя блестятъ.

А Жилину пить хочется, въ горлѣ пересохло; думаетъ: хоть бы пришли провѣдать. Слышитъ—отпираютъ сарай. Пришелъ красный татаринъ, а съ нимъ другой, поменьше ростомъ, черно-

[1]) Аулъ—татарская деревня.

ватенькій. Глаза черные, свѣтлые, румяный, бородка маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смѣется. Одѣтъ черноватый еще лучше: бешметъ шелковый, синій, галунчикомъ обшитъ. Кинжалъ на поясѣ большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебромъ обшиты. А на тонкихъ башмачкахъ другіе, толстые башмаки. Шапка высокая, бѣлаго барашка.

Красный татаринъ вошелъ, проговорилъ что-то, точно ругается, и сталъ; облокотился на притолоку, кинжаломъ пошевеливаетъ, какъ волкъ исподлобья косится на Жилина. А черноватый—быстрый, живой, такъ весь на пружинахъ и ходитъ—подошелъ прямо къ Жилину, сѣлъ на корточки, оскаливается, потрепалъ его по плечу, что-то началъ часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигиваетъ, языкомъ прищелкиваетъ, все приговариваетъ: «корошо урусъ, корошо урусъ!»

Ничего не понялъ Жилинъ и говоритъ: «пить, воды пить дайте».

Черный смѣется: «корошъ урусъ», все по-своему лопочетъ.

Жилинъ губами и руками показалъ, чтобы пить ему дали.

Черный понялъ, засмѣялся, выглянулъ въ дверь, кликнулъ кого-то: «Дина!»

Прибѣжала дѣвочка—тоненькая, худенькая, лѣтъ тринадцати, и лицомъ на чернаго похожа. Видно, что дочь. Тоже—глаза черные, свѣтлые и лицомъ красивая. Одѣта въ рубаху длинную, синюю, съ широкими рукавами и безъ пояса. На полахъ, на груди и на рукавахъ оторочено краснымъ. На ногахъ штаны и башмачки, а на башмачкахъ другіе съ высокими каблуками; на шеѣ монисто, все изъ русскихъ полтинниковъ. Голова непокрытая, коса черная и въ косѣ лента, а на лентѣ привѣшены бляхи и рубль серебряный.

Велѣлъ ей что-то отецъ. Убѣжала и опять пришла, принесла кувшинчикъ жестяной. Подала воду, сама сѣла на корточки, вся изогнулась, такъ что плечи ниже колѣнъ ушли. Сидитъ, глаза раскрыла, глядитъ на Жилина, какъ онъ пьетъ, какъ на звѣря какого.

Подалъ ей Жилинъ назадъ кувшинъ. Какъ она прыгнетъ прочь, какъ коза дикая. Даже отецъ засмѣялся. Послалъ ее еще куда-то. Она взяла кувшинъ, побѣжала, принесла хлѣба прѣснаго на дощечкѣ круглой и опять сѣла, изогнулась, глазъ не спускаетъ—смотритъ.

Ушли татары, заперли опять двери.

Погодя немного приходитъ къ Жилину ногаецъ и говоритъ:

— Айда, хозяинъ, айда!

Тоже не знаетъ по-русски. Только понялъ Жилинъ, что велитъ идти куда-то.

Пошелъ Жилинъ съ колодкой, хромаетъ, ступить нельзя— такъ и воротитъ ногу въ сторону. Вышелъ Жилинъ за ногайцемъ. Видитъ—деревня татарская, домовъ десять, и церковь ихняя съ башенкой. У одного дома стоятъ три лошади въ сѣдлахъ. Мальчишки держатъ въ поводу. Выскочилъ изъ этого дома черноватый татаринъ, замахалъ рукой, чтобы къ нему шелъ Жилинъ. Самъ смѣется, все говоритъ что-то по-своему, и ушелъ въ дверь. Пришелъ Жилинъ въ домъ. Горница хорошая, стѣны глиной гладко вымазаны. Въ передней стѣнѣ пуховики пестрые уложены, по бокамъ висятъ ковры дорогіе; на коврахъ ружья, пистолеты, шашки—всѣ въ серебрѣ. Въ одной стѣнѣ печка маленькая, вровень съ поломъ. Полъ земляной, чистый, какъ токъ, и весь передній уголъ устланъ войлоками; на войлокахъ ковры, а на коврахъ пуховыя подушки. И на коврахъ въ однихъ башмакахъ сидятъ татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всѣхъ пуховыя подушки подложены, а передъ ними на круглой дощечкѣ блины просяные, и масло коровье распущено въ чашкѣ, и пиво татарское—буза—въ кувшинчикѣ. Ѣдятъ руками, и руки всѣ въ маслѣ.

Вскочилъ черный, велѣлъ посадить Жилина къ сторонкѣ, не на коверъ, а на голый полъ; залѣзъ опять на коверъ, угощаетъ гостей блинами и бузой. Посадилъ работникъ Жилина на мѣсто, самъ снялъ верхніе башмаки, поставилъ у двери рядкомъ, гдѣ и другіе башмаки стояли, и сѣлъ на войлокъ поближе къ хозяевамъ; смотритъ, какъ они ѣдятъ, слюни утираетъ.

Поѣли татары блины, пришла татарка въ рубахѣ такой же, какъ и дѣвка, и въ штанахъ, голова платкомъ покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшинъ съ узкимъ носкомъ. Стали мыть руки татары, потомъ сложили руки, сѣли на колѣнки, подули во всѣ стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потомъ одинъ изъ гостей-татаръ повернулся къ Жилину, сталъ говорить по-русски.

— Тебя, говоритъ, взялъ Кази-Мугамедъ,—самъ показываетъ на краснаго татарина,—и отдалъ тебя Абдулъ-Мурату,— показываетъ на черноватаго.—Абдулъ-Муратъ теперь твой хозяинъ.

Жилинъ молчитъ. Заговорилъ Абдулъ-Муратъ и все показываетъ на Жилина, и смѣется, и приговариваетъ: «солдатъ урусъ, корошо урусъ». Переводчикъ говоритъ: «онъ тебѣ велитъ домой письмо писать, чтобы за тебя выкупъ прислали. Какъ пришлютъ деньги, онъ тебя пуститъ».

Жилинъ подумалъ и говоритъ:

— А много ли онъ хочетъ выкупа?

Поговорили татары; переводчикъ и говоритъ:

— Три тысячи монетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ Жилинъ,—я этого заплатить не могу.

Вскочилъ Абдулъ, началъ руками махать, что-то говорить Жилину—все думаетъ, что онъ пойметъ. Перевелъ переводчикъ, говоритъ: «сколько же ты дашь?» Жилинъ подумалъ и говоритъ: «500 рублей». Тутъ татары заговорили часто, всѣ вдругъ. Началъ Абдулъ кричать на краснаго, залопоталъ такъ, что слюни изо рта брызжутъ.

А красный только жмурится да языкомъ пощелкиваетъ.

Замолчали они, переводчикъ говоритъ:

— Хозяину выкупа мало 500 рублей. Онъ самъ за тебя 200 рублей заплатилъ. Ему Кази-Мугамедъ былъ долженъ. Онъ тебя за долгъ взялъ. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь — въ яму посадятъ, наказывать будутъ плетью.

«Эхъ,—думаетъ Жилинъ,—съ ними что робѣть, то хуже».

Вскочилъ на ноги и говоритъ:

— А ты ему, собакѣ, скажи, что если онъ меня пугать хочетъ, такъ ни копейки жъ не дамъ, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться васъ, собакъ!

Пересказалъ переводчикъ; опять заговорили всѣ вдругъ.

Долго лопотали, вскочилъ черный, подошелъ къ Жилину:

— Урусъ, говоритъ, джигитъ, джигитъ урусъ!

Джигитъ по-ихнему значитъ «молодецъ». И самъ смѣется; сказалъ что-то переводчику, а переводчикъ говоритъ:

— Тысячу рублей дай!

Жилинъ сталъ на своемъ: «больше 500 рублей не дамъ. А убьете—ничего не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядываютъ. Пришелъ работникъ и идетъ за нимъ человѣкъ какой-то толстый, босикомъ и ободранный, на ногѣ тоже колодка.

Такъ и ахнулъ Жилинъ—узналъ Костылина. И его поймали. Посадили ихъ рядомъ; стали они разсказывать другъ другу, а татары молчатъ, смотрятъ. Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ дѣло было; Костылинъ разсказалъ, что лошадь подъ нимъ стала и ружье осѣклось и что этотъ самый Абдулъ нагналъ его и взялъ.

Вскочилъ Абдулъ, показываетъ на Костылина, что-то говоритъ. Перевелъ переводчикъ, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде деньги дастъ, того прежде отпустятъ.

— Вотъ,—говоритъ Жилину,—ты все серчаешь, а товарищъ твой смирный: онъ написалъ письмо домой, пять тысячъ монетъ пришлютъ. Вотъ его и кормить будутъ хорошо и обижать не будутъ.

Жилинъ и говоритъ:

— Товарищъ какъ хочетъ: онъ, можетъ, богатъ, а я не богатъ. Я,—говоритъ,—какъ сказалъ, такъ и будетъ. Хотите—убивайте,—пользы вамъ не будетъ, а больше 500 рублей не напишу.

Помолчали. Вдругъ какъ вскочитъ Абдулъ, досталъ сундучокъ, вынулъ перо, бумаги лоскутъ и чернила, сунулъ Жилину, хлопнулъ по плечу, показываетъ: «пиши». Согласился на 500 рублей.

— Погоди еще,—говоритъ Жилинъ переводчику,—скажи ты ему, чтобы онъ насъ кормилъ хорошо, одѣлъ, обулъ какъ слѣдуетъ, чтобы держалъ вмѣстѣ, намъ веселѣе будетъ, и чтобы колодку снялъ.—Самъ смотритъ на хозяина и смѣется. Смѣется и хозяинъ. Выслушалъ и говоритъ:

— Одежду самую лучшую дамъ: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду какъ князей. А коли хотятъ жить вмѣстѣ, пускай живутъ въ сараѣ. А колодку нельзя снять,—уйдутъ. На ночь только снимать буду.—Подскочилъ, треплетъ по плечу:—твоя хорошъ, моя хорошъ!

Написалъ Жилинъ письмо, а на письмѣ не такъ написалъ,—чтобы не дошло. Самъ думаетъ: «я уйду».

Отвели Жилина съ Костылинымъ въ сарай, принесли имъ соломы кукурузной, воды въ кувшинѣ, хлѣба, двѣ черкески старыя и сапоги истрепанные, солдатскіе. Видно, съ убитыхъ солдатъ стащили. На ночь сняли съ нихъ колодки и заперли въ сарай.

III.

Жилъ такъ Жилинъ съ товарищемъ мѣсяцъ цѣлый. Хозяинъ все смѣется: «твоя, Иванъ, хорошъ,—моя, Абдулъ, хорошъ». А кормилъ плохо—только и давалъ что хлѣбъ прѣсный изъ просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тѣсто непеченое.

Костылинъ еще разъ писалъ домой, все ждалъ присылки денегъ и скучалъ. По цѣлымъ днямъ сидитъ въ сараѣ и считаетъ дни, когда письмо придетъ, или спитъ. А Жилинъ зналъ, что его письмо не дойдетъ, а другого не писалъ.

«Гдѣ,—думаетъ,—матери столько денегъ взять за меня заплатить. И то она тѣмъ больше жила, что я посылалъ ей. Если

ей 500 рублей собрать, надо разориться въ конецъ; Богъ дастъ— и самъ выберусь».

А самъ все высматриваетъ, выпытываетъ, какъ ему бѣжать.

Ходитъ по аулу, насвистываетъ, а то сидитъ, что-нибудь рукодѣльничаетъ—или изъ глины куколъ лѣпитъ, или плететъ плетенки изъ прутьевъ. А Жилинъ на всякое рукодѣлье мастеръ былъ.

Слѣпилъ онъ разъ куклу, съ носомъ, съ руками, съ ногами и въ татарской рубахѣ, и поставилъ куклу на крышу. Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидала куклу, позвала татарокъ. Составили кувшины, смотрятъ, смѣются. Жилинъ снялъ куклу, подаетъ имъ. Онѣ смѣются, а не смѣютъ взять. Оставилъ онъ куклу, ушелъ въ сарай и смотритъ: что будетъ?

Подбѣжала Дина, оглянулась, схватила куклу и убѣжала.

На утро смотритъ, на зорькѣ Дина вышла на порогъ съ куклой. А куклу ужъ лоскутками красными убрала и качаетъ какъ ребенка, сама по-своему прибаюкиваетъ. Вышла старуха, забранилась на нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сдѣлалъ Жилинъ другую куклу, еще лучше, отдалъ Динѣ. Принесла разъ Дина кувшинчикъ, поставила, сѣла и смотритъ на него, сама смѣется, показываетъ на кувшинъ.

«Чего она радуется?» думаетъ Жилинъ. Взялъ кувшинъ, сталъ пить. Думалъ—вода, а тамъ молоко. Выпилъ онъ молоко. «Хорошо!» говоритъ. Какъ взрадуется Дина!

— Хорошо, Иванъ, хорошо!—и вскочила, забила въ ладоши, вырвала кувшинчикъ и убѣжала.

И съ тѣхъ поръ стала она ему каждый день крадучи молока носить. А то дѣлаютъ татары изъ козьяго молока лепешки сырныя и сушатъ ихъ на крышахъ, такъ она эти лепешки ему тайкомъ принашивала. А то разъ рѣзалъ хозяинъ барана, такъ она ему кусокъ баранины принесла въ рукавѣ. Броситъ и убѣжитъ.

Была разъ гроза сильная, и дождь часъ цѣлый какъ изъ ведра лилъ. И помутились всѣ рѣчки. Гдѣ бродъ былъ, тамъ на три аршина вода пошла, камни ворочаетъ. Повсюду ручьи текутъ, гулъ стоитъ по горамъ. Вотъ какъ прошла гроза, вездѣ по деревнѣ ручьи бѣгутъ. Жилинъ выпросилъ у хозяина ножикъ, вырѣзалъ валикъ, дощечки, колесо оперилъ, а къ колесу на двухъ концахъ куколъ придѣлалъ.

Принесли ему дѣвчонки лоскутковъ; одѣлъ онъ куколъ: одна—мужикъ, другая—баба; утвердилъ ихъ, поставилъ колесо на ручей. Колесо вертится, а куклы прыгаютъ.

Собралась вся деревня: мальчишки, дѣвчонки, бабы и татары пришли, языкомъ щелкаютъ:

— Ай, урусъ! ай, Иванъ!

Были у Абдула часы русскіе, сломанные. Позвалъ онъ Жилина, показываетъ, языкомъ щелкаетъ. Жилинъ говоритъ:

— Давай, починю.

Взялъ, разобралъ ножичкомъ, разложилъ; опять сладилъ, отдалъ. Идутъ часы.

Обрадовался хозяинъ, принесъ ему бешметъ свой старый, весь въ лохмотьяхъ, подарилъ. Нечего дѣлать—взялъ: и то годится прикрыться ночью.

Съ тѣхъ поръ прошла про Жилина слава, что онъ мастеръ. Стали къ нему изъ дальнихъ деревень пріѣзжать—кто замокъ на ружье или пистолетъ починить принесетъ, кто часы. Привезъ ему хозяинъ снасть: и щипчики, и буравчики, и подпилочекъ. Заболѣлъ разъ татаринъ. Пришли къ Жилину: «поди, полѣчи». Жилинъ ничего не знаетъ, какъ лѣчить. Пошелъ, посмотрѣлъ, думаетъ: «авось поздоровѣетъ самъ». Ушелъ въ сарай, взялъ воды, песку, помѣшалъ. При татарахъ нашепталъ на воду, далъ выпить. Выздоровѣлъ на его счастіе татаринъ. Сталъ Жилинъ немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли къ нему, когда нужно, кличутъ: Иванъ, Иванъ, а которые все какъ на звѣря косятся.

Красный татаринъ не любилъ Жилина. Какъ увидитъ, нахмурится и прочь отвернется, либо обругаетъ. Былъ еще у нихъ старикъ, жилъ онъ не въ аулѣ, а приходилъ изъ-подъ горы. Видалъ его Жилинъ, только когда онъ въ мечеть проходилъ Богу молиться. Онъ былъ ростомъ маленькій, на шапкѣ у него бѣлое полотенце обмотано. Бородка и усы подстрижены, бѣлые, какъ пухъ, а лицо сморщенное и красное, какъ кирпичъ. Носъ крючкомъ, какъ у ястреба, а глаза сѣрые, злые, и зубовъ нѣтъ— только два клыка. Идетъ, бывало, въ чалмѣ своей, костылемъ подпирается, какъ волкъ озирается. Какъ увидитъ Жилина, такъ захрапитъ и отвернется.

Пошелъ разъ Жилинъ подъ гору—посмотрѣть, гдѣ живетъ старикъ. Сошелъ по дорожкѣ, видитъ—садикъ, ограда каменная; изъ-за ограды черешни, шепталы и избушка съ плоскою крышкой. Подошелъ онъ поближе, видитъ—ульи стоятъ плетеные изъ соломы, и пчелы летаютъ, гудятъ. И старикъ стоитъ на колѣночкахъ, что-то хлопочетъ у улья. Поднялся Жилинъ повыше посмотрѣть и загремѣлъ колодкой. Старикъ оглянулся— какъ визгнетъ; выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ, въ Жилина выпалилъ. Чуть успѣлъ онъ за камень притулиться.

Пришелъ старикъ къ хозяину жаловаться. Позвалъ хозяинъ Жилина, самъ смѣется и спрашиваетъ:

— Зачѣмъ ты къ старику ходилъ?

— Я, говоритъ, ему худого не сдѣлалъ. Я хотѣлъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ.—Передалъ хозяинъ.

А старикъ злится, шипитъ, что-то лопочетъ, клыки свои выставилъ, махаетъ руками на Жилина.

Жилинъ не понялъ всего, но понялъ, что старикъ велитъ хозяину убить русскихъ, а не держать ихъ въ аулѣ. Ушелъ старикъ.

Сталъ Жилинъ спрашивать хозяина: что это за старикъ. Хозяинъ и говоритъ:

— Это большой человѣкъ! Онъ первый джигитъ былъ, онъ много русскихъ побилъ, богатый былъ. У него было три жены и 8 сыновъ. Всѣ жили въ одной деревнѣ. Пришли русскіе, разорили деревню и семь сыновей убили. Одинъ сынъ остался и передался русскимъ. Старикъ поѣхалъ и самъ передался русскимъ. Пожилъ у нихъ три мѣсяца, нашелъ тамъ своего сына, самъ убилъ его и бѣжалъ. Съ тѣхъ поръ онъ бросилъ воевать, пошелъ въ Мекку—Богу молиться, отъ этого у него чалма. Кто въ Меккѣ былъ, тотъ называется хаджи и чалму надѣваетъ. Не любитъ онъ вашего брата. Онъ велитъ тебя убить; да мнѣ нельзя убить,—я за тебя деньги заплатилъ; да я тебя, Иванъ, полюбилъ; я тебя не то что убить,—я бы тебя и выпускать не сталъ, кабы слова не далъ.—Смѣется, самъ приговариваетъ по-русски: «твоя, Иванъ, хорошъ,—моя, Абдулъ, хорошъ!»

IV.

Прожилъ такъ Жилинъ мѣсяцъ. Днемъ ходитъ по аулу или рукодѣльничаетъ, а какъ ночь придетъ, затихнетъ въ аулѣ, такъ онъ у себя въ сараѣ копаетъ. Трудно было капать отъ камней, да онъ подпилкомъ камни теръ, и прокопалъ онъ подъ стѣной дыру, что впору пролѣзть. «Только бы,—думаетъ,—мнѣ мѣсто хорошенько узнать, въ какую сторону идти. Да не сказываютъ никто татары».

Вотъ онъ выбралъ время, какъ хозяинъ уѣхалъ; пошелъ послѣ обѣда за аулъ, на гору,—хотѣлъ оттуда мѣсто посмотрѣть. А когда хозяинъ уѣзжалъ, онъ приказалъ малому за Жилинымъ ходить, съ глазъ его не спускать. Бѣжитъ малый за Жилинымъ, кричитъ:

— Не ходи! Отецъ не велѣлъ. Сейчасъ народъ позову!

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Я, говоритъ, далеко не уйду—только на ту гору поднимусь: мнѣ траву нужно найти—вашъ народъ лѣчить. Пойдемъ со мной; я съ колодкой не убѣгу. А тебѣ завтра лукъ сдѣлаю и стрѣлы.

Уговорилъ малаго, пошли. Смотрѣть на гору—не далеко, а съ колодкой трудно; шелъ, шелъ насилу взобрался. Сѣлъ Жилинъ, сталъ мѣсто разглядывать. На полдни за сарай лощина, табунъ ходитъ, и аулъ другой въ низочкѣ виденъ. Отъ аула другая гора—еще круче; а за той горой—еще гора. Промежъ горъ лѣсъ синѣется, а тамъ еще горы—все выше и выше поднимаются. А выше всѣхъ—бѣлыя, какъ сахаръ, горы стоятъ подъ снѣгомъ. И одна снѣговая гора выше другихъ шапкой стоитъ. На восходъ и на закатъ—все такія же горы; кое-гдѣ аулы дымятся въ ущельяхъ. «Ну, думаетъ, это все ихняя сторона». Сталъ смотрѣть въ русскую сторону: подъ ногами рѣчка, аулъ свой, садики кругомъ. На рѣчкѣ—какъ куклы маленькія, видно—бабы сидятъ, полоскаютъ. За ауломъ пониже гора и черезъ нее еще двѣ горы, по нимъ лѣсъ; а промежъ двухъ горъ синѣется ровное мѣсто, а на ровномъ мѣстѣ далеко-далеко точно дымъ стелется. Сталъ Жилинъ вспоминать, когда онъ въ крѣпости дома жилъ, гдѣ солнце всходило и гдѣ заходило. Видитъ—тамъ точно, въ этой долинѣ, должна быть наша крѣпость. Туда, промежъ этихъ двухъ горъ, и бѣжать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снѣговыя горы изъ бѣлыхъ алыя, въ черныхъ горахъ потемнѣло; изъ лощинъ паръ поднялся, и самая та долина, гдѣ крѣпость наша должна быть, какъ въ огнѣ загорѣлась отъ заката. Сталъ Жилинъ вглядываться—маячитъ что-то въ долинѣ, точно дымъ изъ трубъ. И такъ и думается ему, что это самое—крѣпость русская.

Ужъ поздно стало. Слышно—мулла прокричалъ. Стадо гонятъ—коровы ревутъ. Малый все зоветъ: «пойдемъ», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну,—думаетъ Жилинъ,—теперь мѣсто знаю, надо бѣжать». Хотѣлъ онъ бѣжать въ ту же ночь. Ночи были темныя,—ущербъ мѣсяца. На бѣду, къ вечеру вернулись татары. Бывало, пріѣзжаютъ они—гонятъ съ собой скотину и пріѣзжаютъ веселые. А на этотъ разъ ничего не пригнали и привезли на сѣдлѣ своего убитаго татарина, брата рыжаго. Пріѣхали сердитые, собрались всѣ хоронить. Вышелъ и Жилинъ посмотрѣть. Завернули мертваго въ полотно, безъ гроба, вынесли подъ чинары за деревню, положили на траву. Пришелъ мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сѣли рядкомъ на пятки передъ мертвымъ

Спереди мулла, сзади три старика въ чалмахъ рядкомъ, а сзади ихъ еще татары. Сѣли, потупились и молчатъ. Долго молчали. Поднялъ голову мулла и говоритъ:

— Алла! (значитъ Богъ).—Сказалъ это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидятъ—не шевелятся.

Опять поднялъ голову мулла.

— Алла!—и всѣ проговорили: «Алла!» и опять замолчали. Мертвый лежитъ на травѣ—не шелохнется, и они сидятъ какъ мертвые. Не шевельнется ни одинъ. Только слышно—на чинарѣ листочки отъ вѣтерка поворачиваются. Потомъ прочелъ мулла молитву, всѣ встали, подняли мертваго на руки, понесли. Принесли къ ямѣ; яма вырыта не простая, подкопана подъ землю, какъ подвалъ. Взяли мертваго подъ мышки да подъ лытки, перегнули, спустили полегонечку, подсунули сидьмя подъ землю, заправили ему руки на животъ.

Притащилъ ногаецъ камышу зеленаго,заклали камышомъ яму, живо засыпали землей, сровняли, а въ головы къ мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сѣли опять рядкомъ передъ могилкой. Долго молчали.

— «Алла, Алла!» — Вздохнули и встали.

Роздалъ рыжій денегъ старикамъ, потомъ всталъ, взялъ плеть, ударилъ себя три раза по лбу и пошелъ домой.

На утро видитъ Жилинъ — ведетъ красный кобылу за деревню, и за нимъ трое татаръ идутъ. Вышли за деревню, снялъ рыжій бешметъ, засучилъ рукава, — ручищи здоровыя, — вынулъ кинжалъ, поточилъ на брускѣ, задрали татары кобылѣ голову кверху, подошелъ рыжій, перерѣзалъ глотку, повалилъ кобылу и началъ свѣжевать—кулачищами шкуру подпарываетъ. Пришли бабы, дѣвки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потомъ кобылу, стащили въ избу. И вся деревня собралась къ рыжему поминать покойника.

Три дня ѣли кобылу, бузу пили — покойника поминали. Всѣ татары дома были. На четвертый день, видитъ Жилинъ, въ обѣдъ куда-то собираются. Привели лошадей, убрали и поѣхали человѣкъ десять, и красный поѣхалъ; только Абдулъ дома остался. Мѣсяцъ только народился—ночи еще темныя были.

«Ну, — думаетъ Жилинъ, — нынче бѣжать надо», и говоритъ Костылину. А Костылинъ заробѣлъ.

— Да какъ же бѣжать? мы и дороги не знаемъ.

— Я знаю дорогу.

— Да и не дойдемъ въ ночь.

— А не дойдемъ — въ лѣсу переночуемъ. Я вотъ лепешекъ набралъ. Что жъ ты будешь сидѣть? Хорошо — пришлютъ

денегъ, а то вѣдь и не соберутъ. А татары теперь злые за то, что русскіе ихняго убили. Поговариваютъ — насъ убить хотятъ.

Подумалъ, подумалъ Костылинъ.

— Ну, пойдемъ!

V.

Полѣзъ Жилинъ въ дыру, раскопалъ пошире, чтобъ и Костылину пролѣзть; и сидятъ они — ждутъ, чтобы затихло въ аулѣ.

Только затихъ народъ въ аулѣ, Жилинъ полѣзъ подъ стѣну, выбрался. Шепчетъ Костылину: «полѣзай». Полѣзъ и Костылинъ, да зацѣпилъ камень ногой, загремѣлъ. А у хозяина сторожка была пестрая собака и злая-презлая; звали ее Уляшинъ. Жилинъ уже напередъ прикормилъ ее. Услыхалъ Уляшинъ — забрехалъ и кинулся, а за нимъ другія собаки. Жилинъ чуть свистнулъ, кинулъ лепешки кусокъ, — Уляшинъ узналъ, замахалъ хвостомъ и пересталъ брехать.

Хозяинъ услыхалъ, загайкалъ изъ сакли: «гайть, гайть, Уляшинъ!»

А Жилинъ за ушами почесываетъ Уляшина. Молчитъ собака, трется ему объ ноги, хвостомъ махаетъ.

Посидѣли они за угломъ. Затихло все, только слышно — овца перхаетъ въ закутѣ да низомъ вода по камешкамъ шумитъ. Темно, звѣзды высоко стоятъ на небѣ; надъ горой молодой мѣсяцъ закраснѣлся, кверху рожками заходитъ. Въ лощинахъ туманъ какъ молоко бѣлѣется.

Поднялся Жилинъ, говоритъ товарищу: «ну, братъ, айда!»

Тронулись; только отошли, слышатъ — запѣлъ мулла на крышѣ: «Алла Бесмилла! Ильрахманъ!» Значитъ — пойдетъ народъ въ мечеть. Сѣли опять, притаившись подъ стѣнкой. Долго сидѣли, дожидались, пока народъ пройдетъ. Опять затихло.

— Ну, съ Богомъ! — Перекрестились, пошли. Прошли черезъ дворъ подъ кручь къ рѣчкѣ, перешли рѣчку, пошли лощиной. Туманъ густой да низомъ стоитъ, а надъ головой звѣзды виднешеньки. Жилинъ по звѣздамъ примѣчаетъ, въ какую сторону идти. Въ туманѣ свѣжо, идти легко, только сапоги неловки — стоптались. Жилинъ снялъ свои, бросилъ, пошелъ босикомъ. Попрыгиваетъ съ камешка на камешекъ да на звѣзды поглядываетъ. Сталъ Костылинъ отставать.

— Тише, говоритъ, иди: сапоги проклятые всѣ ноги стерли.

— Да ты сними, легче будетъ.

Пошелъ Костылинъ босикомъ — еще того хуже: изрѣзалъ всѣ ноги по камнямъ и все отстаетъ. Жилинъ ему говоритъ:

— Ноги обдерешь — заживутъ, а догонятъ — убьютъ, хуже.

Костылинъ ничего не говоритъ, идетъ—покряхтываетъ. Шли они низомъ долго. Слышатъ — вправо собаки забрехали. Жилинъ остановился, осмотрѣлся, полѣзъ на гору, руками ощупалъ.

— Эхъ! говоритъ, ошиблись мы — вправо забрали. Тутъ аулъ чужой, я его съ горы видѣлъ; назадъ надо да влѣво, въ гору. Тутъ лѣсъ долженъ быть.

А Костылинъ говоритъ:

— Подожди хоть немножко, дай вздохнуть; у меня ноги въ крови всѣ.

— Э, братъ, заживутъ; ты легче прыгай. Вотъ какъ!

И побѣжалъ Жилинъ назадъ и влѣво, въ гору, въ лѣсъ.

Костылинъ все отстаетъ и охаетъ. Жилинъ шикнетъ на него, а самъ все идетъ.

Поднялись на гору. Такъ и есть лѣсъ. Вошли въ лѣсъ, по колючкамъ изодрали все платье послѣднее. Напали на дорожку въ лѣсу. Идутъ.

— Стой! — Затопало копытами по дорогѣ. Остановились, слушаютъ. Потопало какъ лошадь и остановилось. Тронулись они — опять затопало. Они остановятся — и оно остановится. Подползъ Жилинъ, смотритъ на свѣтъ по дорогѣ — стоитъ что-то: лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человѣка непохоже. Фыркнуло — слышитъ. «Что за чудо!» Свистнулъ Жилинъ потихоньку, — какъ шаркнетъ съ дороги въ лѣсъ и затрещало по лѣсу, точно буря летитъ, сучья ломаетъ.

Костылинъ такъ и упалъ со страху. А Жилинъ смѣется, говоритъ:

— Это олень. Слышишь, какъ рогами лѣсъ ломитъ. Мы его боимся, а онъ насъ боится.

Пошли дальше. Ужъ высожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идутъ, нѣтъ ли — не знаютъ. Думается такъ Жилину, что по этой самой дорогѣ его везли и что до своихъ верстъ десять еще будетъ, а примѣты вѣрной нѣтъ, да и ночью не разберешь. Вышли на полянку. Костылинъ сѣлъ и говоритъ:

— Какъ хочешь, а я не дойду: у меня ноги не идутъ.

Сталъ его Жилинъ уговаривать.

— Нѣтъ, — говоритъ, — не дойду, не могу.

Разсердился Жилинъ, плюнулъ, обругалъ его.

— Такъ я же одинъ уйду; прощай!

Костылинъ вскочилъ, пошелъ. Прошли они версты четыре. Туманъ въ лѣсу еще гуще сѣлъ; ничего не видать передъ собой, и звѣзды ужъ чуть видны.

Вдругъ слышать — впереди топаетъ лошадь. Слышно — подковами за камни цѣпляется. Легъ Жилинъ на брюхо, сталъ по землѣ слушать.

— Такъ и есть — сюда, къ намъ, конный ѣдетъ.

Сбѣжали они съ дороги, сѣли въ кусты и ждутъ. Жилинъ подползъ къ дорогѣ, смотритъ — верховой татаринъ ѣдетъ, корову гонитъ, самъ себѣ подъ носъ мурлычитъ что-то. Проѣхалъ татаринъ. Жилинъ вернулся къ Костылину.

— Ну, пронесъ Богъ; вставай, пойдемъ.

Сталъ Костылинъ вставать и упалъ.

— Не могу, ей-Богу, не могу; силъ моихъ нѣтъ.

Мужчина грузный, пухлый, запотѣлъ; да какъ обхватило его въ лѣсу туманомъ холоднымъ, да ноги ободраны, — онъ и разсолодѣлъ. Сталъ его Жилинъ силой поднимать. Какъ закричитъ Костылинъ:

— Ой, больно!

Жилинъ такъ и обмеръ.

— Что кричишь? Вѣдь татаринъ близко, услышитъ.—А самъ думаетъ: «онъ и вправду разслабъ; что мнѣ съ нимъ дѣлать? Бросить товарища не годиться».

— Ну, говоритъ, вставай, садись на закорки — снесу, коли ужъ идти не можешь.

Посадилъ на себя Костылина, подхватилъ руками подъ ляжки, вышелъ на дорогу, поволокъ.

— Только, говоритъ, не дави ты меня руками за глотку ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину; ноги тоже въ крови и уморился. Нагнется, подправитъ, подкинетъ, чтобы повыше сидѣлъ на немъ Костылинъ, тащитъ его по дорогѣ.

Видно, услыхалъ татаринъ, какъ Костылинъ закричалъ. Слышитъ Жилинъ — ѣдетъ кто-то сзади, кличетъ по-своему. Бросился Жилинъ въ кусты. Татаринъ выхватилъ ружье, выпалилъ, — не попалъ, завизжалъ по-своему и поскакалъ прочь по дорогѣ.

— Ну, — говоритъ Жилинъ, — пропали, братъ! Онъ, собака, сейчасъ соберетъ татаръ за нами въ погоню. Коли не уйдемъ версты три —пропали. — А самъ думаетъ на Костылина: «и чортъ меня дернулъ колоду эту съ собой брать. Одинъ я бы давно ушелъ».

Костылинъ говоритъ:

— Иди одинъ, за что тебѣ изъ-за меня пропадать?

— Нѣтъ, не пойду: не годится товарища бросать.

Подхватилъ опять на плечи, поперъ. Прошелъ онъ такъ съ версту. Все лѣсъ идетъ и не видать выхода. А туманъ ужъ расходиться сталъ, и какъ будто тучки заходить стали—не видать ужъ звѣздъ. Измучился Жилинъ.

Пришелъ, у дороги родничокъ, камнемъ обдѣланъ. Остановился, ссадилъ Костылина.

— Дай, говоритъ, отдохну, напьюсь. Лепешекъ поѣдимъ. Должно быть, не далеко.

Только прилегъ онъ пить, слышитъ — затопало сзади. Опять кинулись вправо, въ кусты, подъ кручь, и легли.

Слышатъ — голоса татарскіе; остановились татары на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они съ дороги свернули. Поговорили, потомъ зауськали, какъ собакъ притравляютъ. Слышатъ—трещитъ что-то по кустамъ, прямо къ нимъ собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лѣзутъ и татары — тоже чужіе; схватили ихъ, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проѣхали версты три, встрѣчаетъ ихъ Абдулъ хозяинъ съ двумя татарами. Поговорилъ что-то съ татарами, пересадили на своихъ лошадей, повезли назадъ въ аулъ.

Абдулъ ужъ не смѣется и ни слова не говоритъ съ ними.

Привезли на разсвѣтѣ въ аулъ, посадили на улицѣ. Сбѣжались ребята. Камнями, плетками бьютъ ихъ, визжатъ.

Собрались татары въ кружокъ, и старикъ изъ-подъ горы пришелъ. Стали говорить. Слышитъ Жилинъ, что судятъ про нихъ, что съ ними дѣлать. Одни говорятъ — надо ихъ дальше въ горы услать, а старикъ говоритъ: «надо убить». Абдулъ споритъ, говоритъ: «я за нихъ деньги отдалъ; я за нихъ выкупъ возьму». А старикъ говоритъ: «ничего они не заплатятъ, только бѣды надѣлаютъ. И грѣхъ русскихъ кормить. Убить— и кончено».

Разошлись. Подошелъ хозяинъ къ Жилину, сталъ ему говорить:

— Если, говоритъ, мнѣ не пришлютъ за васъ выкупъ, я черезъ двѣ недѣли васъ запорю. А если затѣешь опять бѣжать я тебя какъ собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли имъ бумаги, написали они письма. Набили на нихъ колодки, отвезли за мечеть. Тамъ яма была аршинъ пять — и спустили ихъ въ эту яму.

VI.

Житье имъ стало совсѣмъ дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свѣтъ. Кидали имъ туда тѣсто непеченое, какъ собакамъ, да въ кувшинѣ воду спускали. Вонь въ ямѣ, духота, мокрота. Костылинъ совсѣмъ разболѣлся, распухъ, и ломота во всемъ тѣлѣ стала; и все стонетъ или спитъ. И Жилинъ пріунылъ: видитъ — дѣло плохо. И не знаетъ, какъ выдраться.

Началъ онъ было подкапываться, да землю некуда кидать; увидалъ хозяинъ, пригрозилъ убить.

Сидитъ онъ разъ въ ямѣ на корточкахъ, думаетъ о вольномъ житьѣ, и скучно ему. Вдругъ прямо ему на колѣни лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядѣлъ кверху, а тамъ Дина. Поглядѣла на него, посмѣялась и убѣжала. Жилинъ и думаетъ: «не поможетъ ли Дина?»

Расчистилъ онъ въ ямѣ мѣстечко, наковырялъ глины, сталъ лѣпить куколъ. Надѣлалъ людей, лошадей, собакъ; думаетъ: «какъ придетъ Дина, брошу ей».

Только на другой день нѣтъ Дины. А слышитъ Жилинъ — затопали лошади, проѣхали какіе-то, и собрались татары у мечети, спорятъ, кричатъ и поминаютъ про русскихъ. И слышитъ голосъ старика. Хорошенько не разобралъ онъ, а догадывается, что русскіе близко подошли, и боятся татары, какъ бы въ аулъ не зашли, и не знаютъ, что съ плѣнными дѣлать.

Поговорили и ушли. Вдругъ слышитъ — зашуршало что-то наверху. Видитъ: Дина присѣла на корточки, колѣнки выше головы торчатъ, свѣсилась, монисты висятъ, болтаются надъ ямой, глазенки такъ и блестятъ, какъ звѣздочки. Вынула изъ рукава двѣ сырныя лепешки, бросила ему. Жилинъ взялъ и говоритъ:

— Что давно не бывала? А я тебѣ игрушекъ надѣлалъ. На вотъ!—Сталъ ей швырять по одной.

А она головой мотаетъ, не смотритъ.

— Не надо! — говоритъ. Помолчала, посидѣла и говоритъ: — Иванъ! тебя убить хотятъ. — Сама себѣ рукой на шею показываетъ.

— Кто убить хочетъ?

— Отецъ, ему старики велятъ. А мнѣ тебя жалко.

Жилинъ и говоритъ:

— А коли тебѣ меня жалко, такъ ты мнѣ палку длинную принеси.

Она головой мотаетъ, что «нельзя». Онъ сложилъ руки, молится ей.

— Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

— Нельзя, — говоритъ, — увидятъ, всѣ дома. — И ушла.

Вотъ сидитъ вечеромъ Жилинъ и думаетъ: «что будетъ?» — Все поглядываетъ вверхъ. Звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ. Мулла прокричалъ; затихло все. Сталъ уже Жилинъ дремать, думаетъ: «побоится дѣвка».

Вдругъ на голову ему глина посыпалась; глянулъ кверху — шестъ длинный въ тотъ край ямы тыкается. Потыкался, спускаться сталъ, ползетъ въ яму. Обрадовался Жилинъ, схватилъ рукой, спустилъ—шестъ здоровый. Онъ еще прежде этотъ шестъ на хозяйской крышѣ видѣлъ.

Поглядѣлъ вверхъ: звѣзды высоко на небѣ блестятъ, и надъ самою ямой, какъ у кошки, у Дины глаза въ темнотѣ свѣтятся. Нагнулась она лицомъ на край ямы и шепчетъ:

— Иванъ, Иванъ! — А сама руками у лица все машетъ, что «тише, молъ».

— Что? — говоритъ Жилинъ.

— Уѣхали всѣ, только двое дома.

Жилинъ и говоритъ:

— Ну, Костылинъ, пойдемъ, попытаемся послѣднiй разъ; я тебя подсажу.

Костылинъ и слышать не хочетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ, — ужъ мнѣ, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и поворотиться силъ нѣтъ?

— Ну, такъ прощай, не поминай лихомъ. — Поцѣловался съ Костылинымъ.

Ухватился за шестъ, велѣлъ Динѣ держать и полѣзъ. Раза два онъ обрывался, — колодка мѣшала. Поддержалъ его Костылинъ, — выбрался кое-какъ наверхъ. Дина его тянетъ ручонками за рубаху изо всѣхъ силъ, сама смѣется.

Взялъ Жилинъ шестъ и говоритъ:

— Снеси на мѣсто, Дина, а то хватятся, — прибьютъ тебя. — Потащила она шестъ, а Жилинъ подъ гору пошелъ. Слѣзъ подъ кручь, взялъ камень острый, сталъ замокъ съ колодки выворачивать. А замокъ крѣпкiй, никакъ не собьетъ, да и неловко. Слышитъ — бѣжитъ кто-то съ горы, легко подпрыгиваетъ. Думаетъ: «вѣрно, опять Дина». Прибѣжала Дина, взяла камень и говоритъ:

— Дай, я.

Сѣла на колѣночки, начала выворачивать. Да ручонки тонкiя, какъ прутики, ничего силы нѣтъ. Бросила камень,

заплакала. Принялся опять Жилинъ за замокъ, а Дина сѣла подлѣ него на корточкахъ, за плечо его держитъ. Оглянулся Жилинъ, видитъ — налѣво за горой зарево красное загорѣлось, мѣсяцъ встаетъ. «Ну, — думаетъ, — до мѣсяца надо лощину пройти, до лѣсу добраться». Поднялся, бросилъ камень. Хоть въ колодкѣ, да надо идти. Прощай, — говоритъ, — Динушка. Вѣкъ тебя помнить буду.

Ухватилась за него Дина, шаритъ по немъ руками, ищетъ, куда бы лепешки ему засунуть. Взялъ онъ лепешки.

— Спасибо, — говоритъ, — умница. Кто тебѣ безъ меня куколъ дѣлать будетъ? — И погладилъ ее по головѣ.

Какъ заплачетъ Дина, закрылась руками, побѣжала на гору, какъ козочка прыгаетъ. Только въ темнотѣ, слышно, монисты въ косѣ по спинѣ побрякиваютъ.

Перекрестился Жилинъ, подхватилъ рукой замокъ на колодкѣ, чтобы не бренчалъ, пошелъ по дорогѣ; ногу волочитъ, а самъ все на зарево поглядываетъ, гдѣ мѣсяцъ встаетъ. Дорогу онъ узналъ. Прямикомъ идти верстъ восемь. Только бы до лѣсу дойти прежде, чѣмъ мѣсяцъ совсѣмъ выйдетъ. Перешелъ онъ рѣчку, — побѣлѣлъ уже свѣтъ за горой. Пошелъ лощиной, идетъ, самъ поглядываетъ: не видать еще мѣсяца. Ужъ зарево посвѣтлѣло и съ одной стороны лощины все свѣтлѣе-свѣтлѣе становится. Ползетъ подъ гору тѣнь, все къ нему приближается.

Идетъ Жилинъ, все тѣни держится. Онъ спѣшитъ, а мѣсяцъ еще скорѣе выбирается; ужъ и направо засвѣтились макушки. Сталъ подходить къ лѣсу, выбрался и мѣсяцъ изъ-за горъ — бѣло, свѣтло, совсѣмъ какъ днемъ. На деревьяхъ всѣ листочки видны. Тихо, свѣтло по горамъ; какъ вымерло все. Только слышно, внизу рѣчка журчитъ.

Дошелъ до лѣсу, — никто не попался. Выбралъ Жилинъ мѣстечко въ лѣсу потемнѣе, сѣлъ отдыхать.

Отдохнулъ, лепешку съѣлъ. Нашелъ камень, принялся опять колодку сбивать. Всѣ руки избилъ, а не сбилъ. Поднялся, пошелъ по дорогѣ. Прошелъ съ версту, выбился изъ силъ — ноги ломитъ. Ступитъ шаговъ десять и остановится. «Нечего дѣлать, — думаетъ, — буду тащиться, пока сила есть. А если сѣсть, такъ и не встану. До крѣпости мнѣ не дойти, а какъ разсвѣтетъ, лягу въ лѣсу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шелъ. Только попались два татарина верхами, да Жилинъ издалека ихъ услыхалъ, схоронился за дерево.

Ужъ сталъ мѣсяцъ блѣднѣть, роса пала, близко къ свѣту, а Жилинъ до края лѣса не дошелъ. «Ну, — думаетъ, — еще тридцать шаговъ пройду, сверну въ лѣсъ и сяду». Прошелъ

30 шаговъ, видитъ — лѣсъ кончается. Вышелъ на край — совсѣмъ свѣтло; какъ на ладонкѣ передъ нимъ степь и крѣпость а налѣво, близехонько подъ горой, огни горятъ, тухнутъ, дымъ стелется, и люди у костровъ.

Вглядѣлся, видитъ: ружья блестятъ — казаки, солдаты.

Обрадовался Жилинъ, собрался съ послѣдними силами, пошелъ подъ гору. А самъ думаетъ: «избави Богъ тутъ, въ чистомъ полѣ, увидитъ конный татаринъ: хоть близко, а не уйдешь».

Только подумалъ — глядь: налѣво на бугрѣ стоятъ трое татаръ, десятины на двѣ. Увидали его, пустились къ нему. Такъ сердце у него и оборвалось. Замахалъ руками, закричалъ что было духу своимъ:

— Братцы, выручай!.. братцы!..

Услыхали наши. Выскочили казаки верховые, пустились къ нему — наперерѣзъ татарамъ.

Казакамъ далеко, а татарамъ близко. Да ужъ и Жилинъ собрался съ послѣднею силой, подхватилъ рукой колодку, бѣжитъ къ казакамъ, а самъ себя не помнитъ, крестится, кричитъ:

— Братцы! братцы! братцы!..

Казаковъ человѣкъ пятнадцать было.

Испугались татары, — не доѣзжаючи, стали останавливаться. И подбѣжалъ Жилинъ къ казакамъ.

Окружили его казаки, спрашиваютъ: кто онъ, что за человѣкъ, откуда? А Жилинъ самъ себя не помнитъ, плачетъ и приговариваетъ:

— Братцы, братцы!..

Выбѣжали солдаты, обступили Жилина — кто ему хлѣба, кто каши, кто водки; кто шинелью прикрываетъ, кто колодку разбиваетъ.

Узнали его офицеры, повезли въ крѣпость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались къ Жилину.

Разсказалъ Жилинъ, какъ съ нимъ все дѣло было, и говоритъ:

— Вотъ и домой съѣздилъ, женился! Нѣтъ, ужъ видно не судьба моя.

И остался служить на Кавказѣ. Костылина только еще черезъ мѣсяцъ выкупили за пять тысячъ. Еле живого привезли.

Ермакъ.

При царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ были богатые купцы Строгановы, и жили они въ Перми, на рѣкѣ Камѣ. Прослышали они, что по рѣкѣ Камѣ на 140 верстъ въ кругу есть хо-

рошая земля: пашня не пахана отъ вѣка, лѣса черные, отъ вѣка не рублены. Въ лѣсахъ звѣря много, и по рѣкѣ озера рыбныя, и никто на той землѣ не живетъ, только захаживаютъ татары.

Строгановы написали царю письмо: «отдай намъ эту землю, а мы сами по ней городки построимъ и народъ соберемъ, заселимъ и не будемъ давать черезъ эту землю ходу татарамъ».

Царь согласился и отдалъ имъ землю. Строгановы послали приказчиковъ собирать народъ. И сошлось къ нимъ много гулящаго народа. Кто приходилъ, тѣмъ Строгановы отводили землю, лѣсъ, давали скотину и никакихъ оброковъ не брали, только живи и, когда нужда, выходи съ народомъ биться съ татарами. Такъ и заселилась эта земля русскимъ народомъ.

Прошло лѣтъ двадцать. Строгановы купцы еще сильнѣе разбогатѣли, и мало имъ стало той земли на 140 верстъ. Захотѣли они еще больше земли. Верстъ за 100 отъ нихъ были высокія горы Уральскія и за этими горами, прослышали они, есть хорошая земля, и землѣ той конца нѣтъ. Владѣлъ этою землею сибирскій князекъ Кучумъ. Кучумъ въ прежнее время покорился царю русскому, а потомъ сталъ бунтовать и грозилъ разорить Строгановскіе городки.

Вотъ Строгановы и написали царю: «отдалъ ты намъ землю, мы ее подъ твою руку покорили; теперь воровской царекъ Кучумъ противъ тебя бунтуетъ и хочетъ и эту землю отнять и насъ разорить. Вели ты намъ занять землю за Уральскими горами; мы Кучума завоюемъ и всю его землю подъ твою руку подведемъ». Царь согласился и отписалъ: «если сила у васъ есть, отберите у Кучума землю. Только изъ Россіи много народу не сманивайте».

Вотъ Строгановы, какъ получили отъ царя письмо, послали приказчиковъ еще собирать народъ къ себѣ. И больше велѣли подговаривать казаковъ съ Волги и съ Дона. А въ то время по Волгѣ и по Дону казаковъ много ходило. Соберутся шайками въ 200, 300, 600 человѣкъ, выберутъ атамана и плаваютъ на стругахъ, перехватываютъ суда, грабятъ, а на зиму становятся городкомъ на берегу.

Пріѣхали приказчики на Волгу и стали спрашивать, какіе тутъ казаки слывутъ. Имъ и говорятъ: «казаковъ много. Житья отъ нихъ не стало. Есть Мишка Черкашенинъ, есть Сары-Азманъ... Но нѣтъ злѣе Ермака Тимоѳеича, атамана. У того человѣкъ 1000 народа, и его не только народъ и купцы боятся, а царское войско къ нему приступиться не смѣетъ».

И поѣхали приказчики къ Ермаку-атаману и стали его уговаривать идти къ Строганову. Ермакъ принялъ приказчиковъ,

отслушалъ ихъ рѣчи и обѣщалъ придти съ народомъ своимъ къ Успенью.

Къ Успенью пришли къ Строгановымъ казаки, человѣкъ 600, съ атаманомъ Ермакомъ Тимоѳеичемъ. Напустилъ ихъ сначала Строгановъ на ближнихъ татаръ. Казаки ихъ побили. Потомъ, когда нечего было дѣлать, стали казаки по округу ходить и грабить.

Призываетъ Строгановъ Ермака и говоритъ: «я васъ теперь больше держать не стану, если вы такъ шалить будете». А Ермакъ говоритъ: «я и самъ не радъ, да съ народомъ моимъ не совладаешь — набаловались. Дай намъ работу». Строгановъ и говоритъ: «идите за Уралъ воевать съ Кучумомъ, завладѣйте его землею. Васъ и царь наградитъ». И показалъ Ермаку царское письмо. Ермакъ обрадовался, собралъ казаковъ и говоритъ:

— Вы меня срамите передъ хозяиномъ,—все безъ-толку грабите. Если не бросите, онъ васъ прогонитъ, а куда пойдете? На Волгѣ царскаго войска много, насъ переловятъ и за прежнія дѣла худо будетъ. А если скучно вамъ, то вотъ вамъ работа.

И показалъ имъ царское письмо, что позволено Строганову за Ураломъ землю завоевать. Поговорили казаки и согласились идти. Пошелъ Ермакъ къ Строганову, сталъ съ нимъ думать, какъ имъ идти.

Обсудили, сколько струговъ надо, сколько хлѣба, скотины, ружей, пороху, свинцу, сколько переводчиковъ — татаръ плѣнныхъ, сколько нѣмцевъ — мастеровъ ружейныхъ.

Строгановъ думаетъ: «хоть и дорого мнѣ станетъ, а надо дать ему всего, а то здѣсь останутся — разорятъ меня». Согласился Строгановъ, собралъ всего и снарядилъ Ермака съ казаками.

1-го сентября поплыли казаки съ Ермакомъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой на 32-хъ стругахъ, на каждомъ стругѣ было двадцать человѣкъ. Плыли они четыре дня на веслахъ вверхъ по рѣкѣ и выплыли въ Серебряную рѣку. Оттуда ужъ плыть нельзя. Разспросили проводниковъ и узнали, что надо имъ тутъ перевалиться черезъ горы и верстъ 200 сухопутьемъ пройти, а потомъ пойдутъ опять рѣки. Остановились тутъ казаки, построили городъ и выгрузили всю снасть; и струги побросали, а наладили телѣги, уложили все и пошли сухопутьемъ — черезъ горы. Мѣста все были лѣсныя и народу не жило никакого. Прошли они десять дней сухопутьемъ, попали на Жаровню на рѣку. Тутъ опять постояли и стали ладить струги. Наладили и поплыли по рѣкѣ внизъ. Проплыли пять дней, и пришли мѣста

еще веселѣе: луга, лѣса, озера. И рыбы и звѣря много, и звѣрь непуганый. Проплыли еще день, выплыли въ Туру рѣку. Тутъ по Турѣ рѣкѣ сталъ попадаться народъ и городки татарскіе.

Послалъ Ермакъ казаковъ посмотрѣть одинъ городокъ, — что за городокъ и много ли въ немъ силы. Пошли двадцать казаковъ, распугали всѣхъ татаръ и забрали весь городокъ, и скотину всю забрали. Какихъ татаръ перебили, а какихъ привели живьемъ.

Сталъ Ермакъ черезъ переводчиковъ спрашивать татаръ: какіе они люди и подъ чьею рукою живутъ? Татары говорятъ, что они Сибирскаго царства и царь ихъ Кучумъ.

Ермакъ отпустилъ татаръ, а троихъ, поумнѣе, взялъ съ собой, чтобъ они ему дорогу показывали.

Поплыли дальше. Что дальше плывутъ, то рѣка все больше становится; а мѣста что дальше, то лучше.

И народа стало больше попадаться. Только народъ не сильный. И всѣ городки, какіе были по рѣкѣ, казаки повоевали.

Забрали они въ одномъ городкѣ много татаръ и одного почетнаго стараго татарина. Стали спрашивать татарина, что̀ онъ за человѣкъ. Онъ и говоритъ: «я Таузикъ, я своего царя Кучума слуга и отъ него начальникомъ въ этомъ городѣ».

Ермакъ сталъ спрашивать Таузика про его царя. Далеко ли его городъ Сибирь? Много ли у Кучума силы, много ли у него богатства? Таузикъ все разсказалъ. Говоритъ: «Кучумъ — первѣйшій царь на свѣтѣ. Городъ его Сибирь — самый большой городъ на свѣтѣ. Въ городѣ этомъ, говоритъ, людей и скотины столько, сколько звѣздъ на небѣ. А силы у Кучума-царя счету нѣтъ: его всѣ цари вмѣстѣ не завоюютъ».

А Ермакъ говоритъ: «мы, русскіе, пришли сюда твоего царя завоевать и его городъ взять, русскому царю подъ руку подвести. Силы у насъ много. Что со мной пришли — это только передніе, а сзади плывутъ въ стругахъ — счету имъ нѣтъ, и у всѣхъ ружья. А ружья наши насквозь дерево пробиваютъ, не то что ваши луки и стрѣлы. Вотъ смотри».

И Ермакъ выпалилъ въ дерево, и дерево раскололось, и со всѣхъ сторонъ стали палить казаки. Таузикъ отъ страха на колѣни упалъ. Ермакъ и говоритъ ему: «ступай же ты къ своему царю Кучуму и скажи ему, что̀ ты видѣлъ. Пускай онъ покоряется, а не покорится, такъ и его погубимъ». И отпустилъ Таузика.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ большую рѣку Тоболъ и все къ Сибири городу приближаются. Подплыли они къ

рѣчкѣ Бабасанъ, смотрятъ — на берегу городокъ стоитъ, и кругомъ городка татаръ много.

Послали они переводчика къ татарамъ — узнать, что за люди. Приходитъ назадъ переводчикъ, говоритъ: «это войско Кучумово собралось. А начальникомъ надъ войскомъ самъ зять Кучумовъ — Маметкулъ. Онъ меня призывалъ и велѣлъ вамъ сказать, чтобы вы назадъ шли, а то онъ васъ перебьетъ».

Ермакъ собралъ казаковъ, вышелъ на берегъ и началъ стрѣлять въ татаръ. Какъ услыхали татары пальбу, такъ и побѣжали. Стали ихъ казаки догонять и какихъ перебили, а какихъ забрали. Насилу самъ Маметкулъ ушелъ.

Поплыли казаки дальше. Выплыли въ широкую, быструю рѣку Иртышъ. По Иртышу рѣкѣ проплыли день, подплыли къ городку хорошему и остановились. Пошли казаки въ городокъ. Только стали подходить, начали въ нихъ татары стрѣлы пускать и поранили трехъ казаковъ. Послалъ Ермакъ переводчика сказать татарамъ, чтобы сдали городъ, а то всѣхъ перебьютъ. Переводчикъ пошелъ, вернулся и говоритъ: «тутъ живетъ Кучумовъ слуга Атикъ-Мурза-Качара. У него силы много, и онъ говоритъ, что не сдастъ городка».

Ермакъ собралъ казаковъ и говоритъ:

— Ну ребята, если не возьмемъ этого городка, татары запируютъ. И намъ ходу не дадутъ. Что скорѣе страха зададимъ, то намъ легче будетъ. Выходи всѣ. Кидайся всѣ разомъ». Такъ и здѣлали. Татаръ много тутъ было, и татары лихіе.

Какъ бросились казаки, стали татары стрѣлять изъ луковъ. Засыпали казаковъ стрѣлами. Которыхъ до смерти перебили, которыхъ переранили.

Озлились и казаки, добрались до татаръ и, какіе попались, всѣхъ перебили.

Въ городкѣ этомъ нашли казаки много добра, скотины, ковровъ, мѣховъ и меду много. Похоронили мертвыхъ, отдохнули, забрали добро съ собой и поплыли дальше. Недалеко проплыли, смотрятъ — на берегу какъ городъ стоитъ, войска конца-края не видать, и все войско окопано канавой, и канава лѣсомъ завалена. Остановились казаки, стали думать. Собралъ Ермакъ кругъ. «Ну, что, ребята, какъ быть?»

Казаки заробѣли. Одни говорятъ: надо мимо плыть; другіе говорятъ: назадъ идти.

И стали они скучать, бранить Ермака. Говорятъ: «зачѣмъ ты насъ завелъ сюда? Вотъ перебили уже изъ насъ сколько да переранили, и всѣ мы тутъ пропадемъ». Стали плакать.

Ермакъ и говоритъ своему подъатаманью Ивану Кольцо: «ну, а ты, Ваня, какъ думаешь?» А Кольцо и говоритъ: «а я что думаю? Не нынче убьютъ, такъ завтра, а не завтра, такъ даромъ на печи помремъ. По мнѣ — выйти на берегъ да и валить прямо лавой на татаръ — что Богъ дастъ».

Ермакъ и говоритъ: «ай молодецъ, Ваня! Такъ и надо. Эхъ вы, ребята! Не казаки вы, а бабы. Видно, бѣлужину ловить да бабъ татарскихъ пугать, только на то васъ и взять. Развѣ не видите сами? Назадъ идти — перебьютъ; мимо плыть — перебьютъ; здѣсь стоять — перебьютъ. Куда же намъ попятиться? Разъ потрудишься, послѣ полегчаетъ. Такъ-то, ребята, у батюшки кобыла здоровая была. Какъ подъ горку — везетъ и по ровному везетъ, а какъ придется въ гору — заноровится, назадъ воротитъ, думаетъ, легче будетъ. Такъ взялъ батюшка колъ, возилъ, возилъ ее коломъ-то. Ужъ она крутилась, билась, всю телѣгу разбила. Выпрягъ ее батюшка изъ воза и ободралъ. А везла бы возъ, никакой бы мýки не видала. Такъ-то и намъ, ребята. Одно только мѣсто осталось —прямо на татаръ ломить».

Засмѣялись казаки, говорятъ: «видно, ты, Тимоѳеичъ, умнѣе нашего; насъ, дураковъ, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать». Ермакъ и говоритъ: «ну, слушай, ребята! Вотъ какъ дѣлать. Они еще насъ всѣхъ не видали. Разобьемтесь мы на три кучки. Одни въ середину прямо на нихъ пойдутъ, а другія двѣ кучки въ обходъ зайдутъ справа и слѣва. Вотъ какъ станутъ средніе подходить, они подумаютъ, что мы всѣ тутъ, выскочатъ. А тогда съ боковъ и ударимъ. Такъ-то, ребята. А этихъ перебьемъ, ужъ бояться некого, — царями сами будемъ».

Такъ и сдѣлали. Какъ пошли средніе съ Ермакомъ, татары завизжали, выскочили; тутъ ударили — справа Иванъ Кольцо, слѣва — Мещерякъ-атаманъ. Испугались татары, побѣжали. Перебили ихъ казаки. Тутъ ужъ Ермаку никто противиться не смѣлъ. И такъ онъ вошелъ въ самый городъ Сибирь. И засѣлъ тамъ Ермакъ — все равно какъ царемъ.

Стали пріѣзжать къ Ермаку царьки съ поклонами. Стали татары пріѣзжать селиться въ Сибири; а Кучумъ съ зятемъ Маметкуломъ боялись на Ермака прямо идти, а только кругомъ ходили, придумывали, какъ бы его погубить.

Весною по водополью прибѣжали къ Ермаку татары, говорятъ: «Маметкулъ опять на тебя идетъ, собралъ войска много, стоитъ на Вагаѣ рѣкѣ».

Ермакъ собрался черезъ рѣки, болота, ручьи, лѣса, подкрался съ казаками, бросился на Маметкула и побилъ много

татаръ, и самого Маметкула забралъ живьемъ и привезъ въ Сибирь. Тутъ ужъ мало немирныхъ татаръ осталось, а какіе не покорялись, на тѣхъ Ермакъ ходилъ въ это лѣто; и по Иртышу, и по Оби рѣкамъ завоевалъ Ермакъ столько земли, что въ два мѣсяца не обойдешь.

Какъ забралъ Ермакъ всю эту землю, послалъ Ермакъ посла къ Строгановымъ и письмо: «я, говоритъ, Кучума городъ взялъ и Маметкула въ плѣнъ забралъ и весь здѣшній народъ подъ свою руку привелъ. Только казаковъ много истратилось. Присылайте народа, чтобы намъ веселѣе было. А добра въ здѣшней землѣ и конца нѣтъ».

И послалъ онъ дорогихъ мѣховъ: лисицъ, куницъ и соболей.

Прошло тому дѣлу два года. Ермакъ все держалъ Сибирь, а помощь изъ Россіи все не приходила, и стало у Ермака мало русскаго народа.

Прислалъ разъ къ Ермаку татаринъ Карача посла, говоритъ: «мы тебѣ покорились, а насъ ногайцы обижаютъ, — пришли къ намъ своихъ молодцовъ на помощь. Мы вмѣстѣ ногайцевъ покоримъ. А что мы твоихъ молодцовъ не обидимъ, такъ мы тебѣ клятву дадимъ».

Ермакъ повѣрилъ ихъ клятвѣ и отпустилъ съ Иваномъ Кольцомъ 40 человѣкъ. Какъ пришли эти сорокъ человѣкъ, татары бросились на нихъ и побили; казаковъ еще меньше стало.

Послали другой разъ бухарскіе купцы вѣсть Ермаку, что они собрались къ нему въ Сибирь-городъ товары везти, да что имъ на дорогѣ Кучумъ съ войскомъ стоитъ и не пускаетъ ихъ пройти.

Ермакъ взялъ съ собою 50 человѣкъ и пошелъ очистить дорогу бухарцамъ. Пришелъ онъ къ Иртышу рѣкѣ, не нашелъ бухарцевъ. Остановился ночевать. Ночь была темная и дождь. Только полегли спать казаки, откуда ни взялись татары, бросились на сонныхъ, начали ихъ бить. Вскочилъ Ермакъ, сталъ биться. Ранили его ножомъ въ руку. Бросился онъ бѣжать къ рѣкѣ. Татары за нимъ. Онъ въ рѣку, — только его и видѣли. И тѣла его не нашли, и никто не узналъ, какъ онъ умеръ.

На другой годъ пришло царское войско, и татары замирились.

III. Разсказы изъ физики.

Магнитъ.

I.

Въ старину былъ пастухъ, звали его Магнисъ. Пропала у Магниса овца. Онъ пошелъ въ горы искать. Пришелъ на одно мѣсто, гдѣ одни голые камни. Онъ пошелъ по этимъ камнямъ и чувствуетъ, что сапоги на немъ прилипаютъ къ этимъ камнямъ. Онъ потрогалъ рукой — камни сухіе и къ рукамъ не липнутъ. Пошелъ опять — опять сапоги прилипаютъ. Онъ сѣлъ, разулся, взялъ сапогъ въ руку и сталъ трогать имъ камни.

Тронетъ кожей и подошвой, не прилипаетъ, а какъ тронетъ гвоздями, такъ прилипнетъ.

Была у Магниса палка съ желѣзнымъ наконечникомъ.

Онъ тронулъ камень деревомъ — не прилипаетъ; тронулъ желѣзомъ — прилипло такъ, что отрывать надо.

Магнисъ разсмотрѣлъ камень, видитъ, что похожъ на желѣзо, и принесъ куски камня домой. Съ тѣхъ поръ узнали этотъ камень и прозвали его магнитомъ.

II.

Магнитъ находятъ въ землѣ съ желѣзной рудой. Тамъ, гдѣ есть магнитъ въ рудѣ, и желѣзо самое лучшее. Изъ себя магнитъ похожъ на желѣзо.

Если положить кусокъ желѣза на магнитъ, то и желѣзо станетъ притягивать другое желѣзо. А если положить стальную иголку на магнитъ да подержать подольше, то иголка сдѣлается магнитомъ и станетъ къ себѣ притягивать желѣзо. Если два магнита сводить концы съ концами, то одни концы будутъ отворачиваться другъ отъ друга, а другіе будутъ сцѣпляться.

Если одну магнитную палочку разрубить пополамъ, то опять каждая половинка будетъ съ одной стороны цѣпляться, а съ другой — отворачиваться. И еще разруби, то же будетъ; и еще руби, сколько хочешь, все то же будетъ: одинакіе концы будутъ отворачиваться, разные цѣпляться, какъ будто съ одного конца магнитъ выпираетъ, а съ другого втягиваетъ. И какъ его ни разломи, все съ одного конца онъ будетъ выпирать, а съ другого втягивать. Все равно какъ еловую шишку — гдѣ ни

разломи, все будетъ съ одного конца пупомъ, а съ другого — чашечкой. Съ того ли, съ другого ли конца — чашечка съ пупомъ сойдется, а пупъ съ пупомъ и чашечка съ чашечкой не сойдутся.

III.

Если намагнитить иголку (подержать подольше съ магнитомъ) и насадить ее серединкой на шпенекъ такъ, чтобъ она ходила вольно на шпенькѣ, то какъ хочешь верти магнитную иголку — какъ пустишь, она станетъ однимъ концомъ на полдни (югъ), другимъ—на полночь (сѣверъ).

Когда не знали магнита, по морю не плавали далеко. Какъ выйдутъ далеко въ море, что земли не видать, то только по солнцу и по звѣздамъ и знали куда плыть. А если пасмурно, не видать солнца и звѣздъ, то и не знаютъ сами, куда плыть. А корабль несетъ вѣтромъ и занесетъ на камни и разобьетъ.

Пока не знали магнита, не плавали по морямъ вдаль отъ берега; а когда узнали магнитъ, то сдѣлали иголку магнитную на шпенькѣ, чтобы она вольно ходила. По этой иголкѣ и стали узнавать, въ какую сторону плывутъ. Съ магнитной иголкой стали ѣздить дальше отъ береговъ и съ тѣхъ поръ много новыхъ морей узнали.

На корабляхъ всегда бываетъ магнитная иголка (компасъ) и есть мѣрная веревка съ узлами на концѣ корабля. И веревка придѣлана такъ, что она разматывается и по ней видно, сколько корабль проѣхалъ.

Такъ что, когда плывутъ на кораблѣ, всегда знаютъ, на какомъ теперь мѣстѣ корабль, далеко ли отъ берега и въ какую сторону.

Сырость.

I.

Отчего паукъ иногда дѣлаетъ частую паутину и сидитъ въ самой серединѣ гнѣзда, а иногда выходитъ изъ гнѣзда и выводитъ новую паутину?

Паукъ дѣлаетъ паутину по погодѣ, какая есть и какая будетъ. Глядя на паутину, можно узнать, какая будетъ погода. Если паукъ сидитъ, забившись въ серединѣ паутины, и не выходитъ, — это къ дождю. Если онъ выходитъ изъ гнѣзда и дѣлаетъ новыя паутины, то это къ погодѣ

Какъ можетъ паукъ знать впередъ, какая будетъ погода?

Чувства у паука такъ тонки, что когда въ воздухѣ начнетъ только собираться сырость, мы этой сырости не слышимъ и для насъ погода еще ясная, — для паука уже идетъ дождь.

Точно такъ же какъ и человѣкъ раздѣтый сейчасъ почувствуетъ сырость, а одѣтый не замѣтитъ ея, такъ и для паука идетъ дождь, когда для насъ онъ только собирается.

II.

Отчего зимой двери разбухаютъ и не затворяются, а лѣтомъ ссыхаются и притворяются?

Оттого что осенью и зимой дерево насытится водой, какъ губка, и его разопретъ, а лѣтомъ вода выйдетъ паромъ, и оно съежится.

Отчего слабое дерево — осина — больше разбухаетъ, а дубъ — меньше?

Оттого что въ крѣпкомъ деревѣ — дубѣ — пустого мѣста меньше и водѣ некуда набраться, а въ слабомъ деревѣ — осинѣ — пустого мѣста больше и водѣ есть куда набраться. Въ гниломъ деревѣ еще больше пустого мѣста, и оттого гнилое дерево больше всего разбухаетъ и больше садится.

Колоды для пчелъ дѣлаютъ изъ самаго слабаго и гнилого дерева: самые лучшіе ульи бываютъ изъ гнилой лозины. Отчего это? — оттого что черезъ гнилую колоду проходитъ воздухъ и для пчелъ въ такой колодѣ воздухъ легче.

Отчего доски коробятся?

Оттого что не ровно сохнутъ. Если приставить сырую доску одною стороною къ печкѣ, вода выйдетъ и дерево сожмется съ этой стороны и потянетъ за собой другую сторону; а сырой сторонѣ сжаться нельзя, потому что въ ней вода, — и вся доска погнется.

Для того, чтобы не коробились полы, ихъ рѣжутъ изъ сухихъ досокъ на куски и куски эти вывариваютъ въ кипяткѣ. Когда изъ нихъ вода вся выкипитъ, ихъ клеятъ, и они уже не коробятся (паркетъ).

Разная связь частицъ.

Отчего подушки подъ телѣги вырѣзаютъ и ступицы подъ колеса точатъ не изъ дуба, а изъ березы?

Подушки и ступицы нужны крѣпкія, а дубъ не дороже березы. Оттого что дубъ колется вдоль, а береза не расколется, а вся измочалится.

Оттого что дубъ хоть и плотнѣе связанъ, чѣмъ береза, да связанъ такъ, что расходится вдоль, а береза не расходится.

Отчего колеса и полозья гнутъ изъ дуба и вяза, а не гнутъ изъ березы и липы?

Оттого что дубъ и вязъ, когда ихъ распарятъ въ банѣ, гнутся и не ломаются, а береза и липа на всѣ стороны мочалятся.

Все оттого же, что частицы дерева въ дубѣ и березѣ иначе связаны.

Кристаллы.

Если сыпать въ воду соль и мѣшать, то соль станетъ расходиться и такъ разойдется въ водѣ, что не видать будетъ соли; но если сыпать еще и еще соли, то подъ конецъ соль ужъ перестанетъ распускаться, а сколько ты ее ни мѣшай, такъ и останется бѣлымъ порошкомъ въ водѣ. Вода насытилась солью и больше уже принять не можетъ. Но если разогрѣть воду, она приметъ еще; и соль, та, которая не распускалась въ холодной водѣ, распустится въ горячей. Но если еще насыпать соли, тогда ужъ и горячая вода не приметъ больше соли. А если больше станешь грѣть воду, то сама вода уйдетъ паромъ и соли еще больше останется. Такъ на каждую вещь, какую вода распускаетъ, у воды есть мѣра, дальше чего ей нельзя распустить. Каждой вещи вода распускаетъ больше, когда горяча, чѣмъ когда холодна, но все же какъ насытится горячая вода, такъ дальше ужъ не принимаетъ. Вещь останется сама по себѣ, а вода уйдетъ паромъ.

Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ, а потомъ подсыпать еще селитры лишней, все согрѣть и не мѣшавши дать остынуть, то селитра лишняя не ляжетъ порошкомъ на днѣ воды, а соберется вся шестигранными столбиками и сядетъ на днѣ и по бокамъ, столбикъ подлѣ столбика. Если насытить воду селитреннымъ порошкомъ и поставить въ тепломъ мѣстѣ, то вода уйдетъ паромъ, а селитра лишняя такъ же сложится столбиками шестигранными.

Если насытить воду простою солью, согрѣть и такъ же дать уйти паромъ, то лишняя соль сложится тоже не порошкомъ, а кубиками. Если насытить воду селитрой съ солью вмѣстѣ, лишняя селитра и соль не смѣшаются, а сложатся каждая по-своему: селитра — столбиками, а соль—кубиками.

Если насытить воду известкой, или другою солью, или еще чѣмъ-нибудь, то каждая вещь, когда вода выйдетъ паромъ, сложится по-своему: какая — въ трехгранные столбики, какая — въ восьмигранные, какая—кирпичиками, какая—звѣздочками, ка-

ждая по-своему. Эти-то фигуры разныя бываютъ во всѣхъ крѣпкихъ вещахъ. Иногда фигуры эти большія, въ руку; такіе находятъ камни въ землѣ. Иногда фигуры эти такъ малы, что простымъ глазомъ не разберешь ихъ, но въ каждой вещи есть свои фигуры.

Если, когда вода насыщена селитрой и въ ней начинаютъ складываться фигуры, отломить иголочкой край фигуры, то опять на то же мѣсто придутъ новые кусочки селитры и опять задѣлаютъ отломанный край точно такъ, какъ ему надо быть — шестигранными столбиками. То же самое и съ солью и со всякою другою вещью. Всѣ маленькія порошинки сами ворочаются и приставляются тою стороною, какою надо.

Когда замерзаетъ ледъ, то дѣлается то же самое.

Летитъ снѣжинка — въ ней не видать никакой фигуры; но какъ только она сядетъ на что-нибудь темное и холодное, на сукно, на мѣхъ, — въ ней можно разобрать фигуру: увидишь звѣздочку или шестиугольную дощечку. На окнахъ паръ примерзаетъ не какъ попало, а какъ онъ станетъ примерзать, такъ сейчасъ сложится въ звѣздочку.

Что̀ такое ледъ? — Это холодная, крѣпкая вода. Когда изъ жидкой воды дѣлается крѣпкая вода, она складывается въ фигуры и изъ нея выходитъ тепло. То же самое дѣлается съ селитрой: когда она изъ жидкой складывается въ крѣпкія фигуры, изъ нея выходитъ тепло. То же съ солью, то же съ плавленнымъ чугуномъ, когда онъ изъ жидкаго дѣлается крѣпкимъ. Когда какая-нибудь вещь изъ жидкой дѣлается крѣпкою, изъ нея выходитъ тепло и она складывается въ фигуры. А когда изъ крѣпкой дѣлается жидкая, то вещь забираетъ въ себя тепло, и изъ нея выходитъ холодъ, и фигуры ея распускаются.

Принеси плавленнаго желѣза и дай ему остывать; принеси тѣста горячаго и дай ему остывать; принеси извести гашеной и дай ей остывать — будетъ тепло. Принеси льду и тай его — станетъ холодно. Принеси селитры, соли и всякой вещи, какая въ водѣ расходится, и распускай ее въ водѣ — станетъ холодно. Чтобы заморозить мороженое, сыплютъ соль въ воду.

Вредный воздухъ.

Въ селѣ Никольскомъ въ праздникъ народъ пошелъ къ обѣднѣ. На барскомъ дворѣ остались скотница, староста и конюхъ. Скотница пошла къ колодцу за водой. Колодецъ былъ на самомъ дворѣ. Она вытащила бадью, да не удержала. Бадья

сорвалась, ударилась о стѣнку колодца и оторвала веревку. Скотница вернулась въ избу и говоритъ старостѣ:

— Александръ! слазяй, батюшка, въ колодецъ, — я бадью упустила.

Александръ сказалъ:

— Ты упустила, ты и доставай.

Скотница сказала, что она, пожалуй, сама полѣзетъ, только чтобъ онъ спускалъ ее.

Староста посмѣялся ей и сказалъ:

— Ну, пойдемъ. Ты теперь натощакъ, такъ я удержу; а послѣ обѣда и не удержать.

Староста привязалъ палку къ веревкѣ, и баба верхомъ сѣла на нее, взялась за веревку и стала слѣзать въ колодецъ, а староста за колесо сталъ спускать ее. Въ колодцѣ было всего шесть аршинъ глубины, и только на аршинъ стояла вода. Староста спускалъ за колесо потихоньку и все спрашивалъ: «еще, что ли?» Скотница кричала оттуда: «еще немного!»

Вдругъ староста почувствовалъ, что веревка ослабла; онъ окликнулъ скотницу, но она не отвѣчала. Староста поглядѣлъ въ колодецъ и увидалъ, что баба лежитъ въ водѣ головой и кверху ногами. Староста сталъ кричать и звать народъ; но никого не было. Пришелъ только одинъ конюхъ. Староста велѣлъ ему держать колесо, а самъ вытянулъ веревку, сѣлъ на палку и полѣзъ въ колодецъ.

Только что конюхъ спустилъ старосту до воды, со старостой сдѣлалось то же самое. Онъ бросилъ веревку и упалъ головой внизъ на бабу. Конюхъ сталъ кричать, потомъ побѣжалъ въ церковь за народомъ. Обѣдня отошла, и народъ шелъ изъ церкви. Всѣ мужики и бабы побѣжали къ колодцу. Всѣ столпились у колодца, всякій кричалъ свое, но никто не зналъ, что дѣлать. Молодой плотникъ Иванъ пробился сквозь толпу къ колодцу, схватилъ веревку, сѣлъ на палку и велѣлъ себя спускать. Иванъ только привязалъ себя къ веревкѣ кушакомъ. Двое спускали его, а другіе всѣ смотрѣли въ колодецъ, что будетъ съ Иваномъ. Какъ только онъ сталъ доходить до воды, онъ бросилъ веревку руками и упалъ бы головой, но кушакъ держалъ его. Всѣ закричали: «тащи его назадъ!» и Ивана вытащили.

Онъ, какъ мертвый, висѣлъ на кушакѣ, голова его тоже висѣла и билась о края колодца. Лицо было сине-багровое. Его вынули, сняли съ веревки и положили на землю. Думали, что онъ мертвый, но онъ вдругъ тяжело дохнулъ, сталъ перхать и ожилъ.

Тогда хотѣли лѣзть еще, но одинъ старый мужикъ сказалъ, что лазить нельзя, потому что въ колодцѣ дурной воздухъ и что этотъ дурной воздухъ убиваетъ людей. Тогда мужики побѣжали за баграми и стали вытаскивать старосту и бабу. Старостина жена и мать голосили у колодца, другіе ихъ унимали, а мужики цѣпляли въ колодцѣ баграми и старались вытащить мертвыхъ. Раза два они дотаскивали старосту до половины колодца за его платье; но онъ былъ тяжелъ, платье прорывалось, и онъ срывался. Наконецъ зацѣпили его въ два багра и вытащили. Потомъ вытащили и скотницу. Оба уже были совсѣмъ мертвые и не ожили.

Потомъ, когда стали разсматривать колодецъ, то узнали, что точно внизу колодца былъ дурной воздухъ.

Воздухъ этотъ бываетъ такой тяжелый, что въ немъ ни человѣкъ и никакое животное жить не можетъ. Спустили въ колодецъ кошку, и какъ она дошла до того мѣста, гдѣ стоялъ дурной воздухъ, она сейчасъ умерла. Мало того, что животное жить не можетъ, — свѣча тамъ не можетъ горѣть. Спустили свѣчку, и какъ она дошла до того мѣста, сейчасъ потухла.

Бываютъ мѣста подъ землей, гдѣ этотъ воздухъ собирается, и если попадешь въ такое мѣсто, то сейчасъ умираешь. Для этого въ рудникахъ дѣлаютъ лампы и, прежде чѣмъ человѣку идти въ такое мѣсто, спускаютъ туда лампу. Если лампа тухнетъ, то и человѣку нельзя идти; тогда пускаютъ туда чистаго воздуха до тѣхъ поръ, пока можетъ огонь горѣть.

Подлѣ города Неаполя есть одна такая пещера. Въ ней дурной воздухъ всегда стоитъ внизу на аршинъ отъ земли, а выше — хорошій воздухъ. Человѣкъ будетъ ходить по этой пещерѣ и ему ничего не сдѣлается; а собака какъ войдетъ, такъ и задохнется.

Откуда берется этотъ дурной воздухъ? — Онъ дѣлается изъ того самаго хорошаго воздуха, какимъ мы дышимъ. Если собрать много людей въ одно мѣсто и закрыть всѣ двери и окна, такъ, чтобы не проходилъ свѣжій воздухъ, то сдѣлается такой же воздухъ, какъ въ колодцѣ, и люди помрутъ.

Сто лѣтъ тому назадъ на войнѣ индѣйцы взяли въ плѣнъ 146 англичанъ и заперли ихъ въ подземную пещеру, куда не могъ проходить воздухъ.

Плѣнные англичане, когда побыли тамъ нѣсколько часовъ, стали задыхаться, и подъ конецъ ночи изъ нихъ 123 умерло, а остальные вышли еле живые и больные. Сначала въ пещерѣ воздухъ былъ хорошъ; но когда плѣнные выдышали весь хорошій воздухъ, а новаго не приходило, — сдѣлался дурной воз-

духъ, похожій на тотъ, что былъ въ колодцѣ, и они померли. Отчего дѣлается дурной воздухъ изъ хорошаго, когда соберется много людей? Оттого что люди когда дышатъ, то забираютъ въ себя хорошій воздухъ, а выдыхаютъ дурной.

Какъ дѣлаютъ воздушные шары.

Если взять надутый пузырь и опустить его въ воду, а потомъ пустить, то пузырь выскочитъ на верхъ воды и станетъ по ней плавать. Точно такъ же если кипятить чугунъ воды, то на днѣ, надъ огнемъ, вода дѣлается летучею, газомъ; и какъ соберется немножко водяного газа, онъ сейчасъ пузыремъ выскочитъ наверхъ. Сперва выскочитъ одинъ пузырь, потомъ другой, а какъ нагрѣется вся вода, то пузыри выскакиваютъ не переставая; тогда вода *кипитъ*.

Такъ же какъ изъ воды выскакиваютъ наверхъ пузыри, надутые летучею водой, потому что они легче воды, такъ изъ воздуха выскочитъ на самый верхъ воздуха пузырь, надутый газомъ *водородомъ* или горячимъ воздухомъ, потому что горячій воздухъ легче холоднаго воздуха, а водородъ легче всѣхъ газовъ.

Воздушные шары дѣлаютъ изъ водорода и изъ горячаго воздуха. Изъ водорода шары дѣлаютъ вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пузырь, привяжутъ его веревками къ кольямъ и напустятъ въ него водорода. Какъ только отвяжутъ веревку, пузырь полетитъ кверху и летитъ до тѣхъ поръ, пока не выскочитъ изъ воздуха того, который тяжелѣе водорода. А когда выскочитъ наверхъ въ легкій воздухъ, то начнетъ плавать по воздуху, какъ пузырь на водѣ. Изъ горячаго воздуха дѣлаютъ воздушные шары вотъ какъ: сдѣлаютъ большой пустой шаръ съ горлышкомъ внизу, какъ перевернутый кувшинъ, и въ горлышкѣ придѣлываютъ клокъ хлопка, и хлопокъ этотъ намочатъ въ спиртѣ и зажгутъ. Отъ огня разогрѣется воздухъ въ шарѣ и станетъ легче воздуха холоднаго, и шаръ потянетъ кверху, какъ пузырь изъ воды. И шаръ будетъ летѣть до тѣхъ поръ кверху, пока не придетъ воздухъ легче горячаго воздуха въ шарѣ.

Почти сто лѣтъ тому назадъ французы — братья Монгольфьеры — выдумали воздушные шары. Они сдѣлали шаръ изъ полотна съ бумагой, напустили въ него горячаго воздуха: шаръ полетѣлъ. Тогда они сдѣлали другой шаръ побольше, подвязали подъ шаръ барана, пѣтуха и утку и пустили. Шаръ поднялся и опустился благополучно. Потомъ уже поддѣлали подъ шаръ

лодочку и въ лодочку сѣлъ человѣкъ. Шаръ взлетѣлъ такъ высоко, что скрылся изъ виду; полеталъ и потомъ спустился благополучно. Потомъ придумали шары наполнять водородомъ и стали летать еще выше и скорѣе.

Для того, чтобы летать на шарѣ, подвязываютъ подъ него лодочку и въ эту лодочку садятся подвое, потрое и даже по восьми человѣкъ и берутъ съ собой питье и ѣду.

Для того, чтобы спускаться и подниматься, когда хочешь, въ шарѣ сдѣланъ клапанъ, и этотъ клапанъ тотъ, кто летитъ, можетъ за веревку потянуть и открывать и закрывать. Если шаръ слишкомъ высоко поднимется и, кто летитъ, хочетъ спустить его, то онъ откроетъ клапанъ — газъ выйдетъ, шаръ сожмется и станетъ спускаться. Кромѣ того, на шару всегда есть мѣшки съ пескомъ. Если сбросить мѣшокъ, то шару будетъ легче и онъ пойдетъ кверху. Если, кто летитъ, хочетъ спуститься и видитъ, что внизу неладно — или рѣка, или лѣсъ, то онъ высыпаетъ песокъ изъ мѣшковъ, и шаръ становится легче и опять поднимается.

Гальванизмъ.

Былъ одинъ ученый итальянецъ Гальвани. У него была электрическая машина, и онъ показывалъ своимъ ученикамъ, что̀ такое электричество. Онъ натиралъ крѣпко стекло шелкомъ съ мазью и потомъ къ стеклу подводилъ мѣдную шишечку, укрѣпленную въ стеклѣ, и изъ стекла перескакивала искра въ мѣдную шишечку. Онъ толковалъ имъ, что бываетъ такая же искра и отъ сургуча, и отъ янтаря. Показывалъ, какъ перышки и бумажки иногда притягиваются электричествомъ, иногда отталкиваются, и отъ чего это бываетъ. Онъ много дѣлалъ разныхъ опытовъ съ электричествомъ и все это показывалъ ученикамъ.

Однажды у него заболѣла жена. Онъ позвалъ доктора и спросилъ, чѣмъ ее лѣчить. Докторъ велѣлъ сдѣлать ей супъ изъ лягушекъ. Гальвани велѣлъ наловить съѣдобныхъ лягушекъ. Ему наловили, убили ихъ и положили къ нему на столъ.

Пока кухарка не приходила за лягушками, Гальвани продолжалъ показывать ученикамъ электрическую машину и пускать искры.

Вдругъ онъ увидалъ, что мертвыя лягушки на столѣ дрыгаютъ ногами. Онъ сталъ присматриваться и замѣтилъ, что всякій разъ, какъ онъ пуститъ искру изъ электрической машины, лягушки дрыгнутъ ногами. Гальвани набралъ еще лягушекъ и сталъ надъ ними дѣлать опыты. Всякій разъ выходило такъ,

что какъ пустить искру, такъ мертвыя лягушки станутъ, какъ живыя, шевелить ногами.

Гальвани и подумалъ, что живыя лягушки не оттого ли шевелятъ ногами, что въ нихъ проходитъ электричество. А Гальвани зналъ, что электричество есть и въ воздухѣ, что въ сургучѣ, янтарѣ и стеклѣ оно замѣтнѣе, но что оно есть въ воздухѣ, и что гроза и молнія бываютъ отъ воздушнаго электричества.

Вотъ онъ и сталъ пытать, не будутъ ли мертвыя лягушки двигать ногами и отъ воздушнаго электричества. Для этого онъ взялъ лягушекъ, снялъ съ нихъ шкуру, отрѣзалъ головы и переднія лапы и подвѣсилъ ихъ мѣдными крючками къ крышѣ подъ желѣзный желобъ. Онъ думалъ, что когда найдетъ гроза и въ воздухѣ будетъ много электричества, то черезъ мѣдную проволоку электричество пройдетъ въ лягушекъ и онѣ начнутъ шевелиться.

Только гроза проходила нѣсколько разъ, а лягушки не шевелились. Гальвани сталъ уже снимать ихъ, да снимаючи тронулъ лягушечьею ногой о желобъ — и нога дрыгнула. Гальвани снялъ лягушекъ и сталъ пробовать такъ: онъ привязалъ къ мѣдному крючку желѣзную проволоку и проволокой трогалъ лягушечью лапу —и лапа дрыгала.

Вотъ Гальвани и рѣшилъ, что всѣ животныя живы только оттого, что въ нихъ электричество и что электричество перескакиваетъ отъ мозга въ мясо, и отъ этого животныя движутся. Никто тогда еще не пробовалъ хорошенько этого дѣла и не зналъ, и всѣ повѣрили Гальвани. Но въ это время другой ученый, Вольта, сталъ пробовать по-своему и показалъ всѣмъ, что Гальвани ошибся. Онъ попробовалъ трогать лягушку не такъ, какъ Гальвани, — не мѣднымъ крючкомъ съ желѣзною проволокой, а либо мѣдною проволокой съ мѣднымъ крючкомъ, либо желѣзною съ желѣзнымъ крючкомъ, — и лягушки не шевелились. Лягушки шевелились только тогда, когда Вольта трогалъ ихъ желѣзною проволокой, связанною съ мѣдной.

Вольта и подумалъ, что электричество не въ мертвой лягушкѣ, а въ желѣзѣ и мѣди. Онъ сталъ пробовать, и точно: какъ только сведешь вмѣстѣ желѣзо и мѣдь, такъ и дѣлается электричество, а отъ электричества уже и дрыгаетъ ногами мертвая лягушка. Вольта и сталъ пробовать — какъ бы дѣлать электричество не такъ, какъ прежде его дѣлали. Прежде электричество дѣлали тѣмъ, что натирали стекло или сургучъ. А Вольта сталъ дѣлать его тѣмъ, что желѣзо и мѣдь сводилъ вмѣстѣ. Онъ пробовалъ сводить вмѣстѣ желѣзо и мѣдь и другіе метал-

лы и дошелъ до того, что изъ одного соединенія металловъ — серебра, платины, цинка, олова, желѣза — онъ производилъ электрическія искры.

Послѣ Вольты придумали еще усилить электричество тѣмъ, что промежъ металловъ стали наливать разныя жидкости — воду и кислоты. Отъ этихъ жидкостей электричество стало еще сильнѣе, такъ что уже не нужно, какъ прежде дѣлали, тереть, чтобы было электричество, а стоитъ только положить въ одну чашку кусковъ разнаго металла и налить жидкостей — и въ этой чашкѣ будетъ электричество и будетъ выходить искра изъ проволоки.

Когда придумано было это электричество, стали его прилагать къ дѣлу: придумали золотить и серебрить электричествомъ, придумали свѣтъ электрическій и придумали электричествомъ на дальнемъ разстояніи съ мѣста на мѣсто передавать знаки.

Для этого кладутъ куски разныхъ металловъ въ стаканчики; въ нихъ наливаютъ жидкости. Въ стаканчикахъ набирается электричество, и это электричество проводятъ по проволокѣ въ то мѣсто, куда хотятъ, а изъ того мѣста проволоку проводятъ въ землю. Электричество въ землѣ бѣжитъ опять назадъ къ стаканчикамъ и поднимается къ нимъ изъ земли по другой проволокѣ; такъ это электричество не переставая ходитъ кругомъ, какъ въ кольцѣ — по проволокѣ въ землю и назадъ по землѣ, и опять по проволокѣ, и опять по землѣ. Электричество можетъ ходить въ одну и другую сторону, какъ захочешь пустить его: оно можетъ идти сначала по проволокѣ и возвращаться по землѣ, или сначала по землѣ и возвращаться по проволокѣ. Надъ проволокой — въ томъ мѣстѣ, куда подаютъ знаки — придѣлана магнитная стрѣлка, и стрѣлка эта поворачиваетъ въ *одну* сторону, если *электричество пустить туда по проволокѣ и назадъ по землѣ*, и въ *другую*, если электричество пустить *туда по землѣ* и *назадъ по проволокѣ*. По этой стрѣлкѣ уговорены знаки, и по этимъ знакамъ на телеграфахъ пишутъ съ одного мѣста на другое.

Солнце—тепло.

Выдь зимой въ тихій, морозный день въ поле или въ лѣсъ и посмотри кругомъ себя и послушай: вездѣ кругомъ снѣгъ, рѣки замерзли, сухія травки торчатъ изъ-подъ снѣга, деревья стоятъ голыя, ничто не шевелится.

Посмотри лѣтомъ: рѣки бѣгутъ, шумятъ; въ каждой лужицѣ лягушки кричатъ, бубулькаютъ; птицы перелетываютъ,

свистятъ, поютъ; мухи, комары вьются, жужжатъ; деревья, травы растутъ, махаются.

Заморозь чугунъ съ водой, — онъ окаменѣетъ. Поставь замороженный чугунъ на огонь: станетъ ледъ трескаться, таять, пошевеливаться; станетъ вода качаться, бульки пускать; потомъ, какъ станетъ кипѣть, загудитъ, завертится. То же дѣлается и на свѣтѣ отъ тепла. Нѣтъ тепла — все мертво; есть тепло — все движется и живетъ. Мало тепла — мало движенія, больше тепла — больше движенія, много тепла — много движенія, очень много тепла — и очень много движенія.

Откуда берется тепло на свѣтѣ?—Тепло отъ солнца.

Ходитъ солнце низко зимой, стороной, не упираетъ лучами въ землю—и ничто не шевелится. Станетъ солнышко ходить выше надъ головами, станетъ свѣтить въ припоръ къ землѣ—отогрѣется все на свѣтѣ и начнетъ шевелиться.

Станетъ снѣгъ осаживаться, станетъ отдувать ледъ на рѣкахъ, польется вода съ горъ, поднимутся пары изъ воды въ облака—пойдетъ дождь. Кто все это сдѣлаетъ?—Солнце. Оттаютъ сѣмечки, выпустятъ ростки, зацѣпятся ростки за землю; изъ старыхъ кореньевъ пойдутъ побѣги, начнутъ расти деревья и травы. Кто это сдѣлалъ?—Солнце.

Встанутъ медвѣди, кроты; очнутся мухи, пчелы, выведутся комары; выведутся рыбы изъ яичекъ на теплѣ. Кто все это сдѣлалъ?—Солнце.

Разогрѣется въ одномъ мѣстѣ воздухъ—поднимется, а на его мѣсто пойдетъ воздухъ похолоднѣе—станетъ вѣтеръ. Кто это сдѣлалъ?—Солнце.

Поднимутся облака, станутъ сходиться и расходиться—ударитъ молнія. Кто сдѣлалъ этотъ огонь?—Солнце.

Вырастутъ травы, хлѣба, плоды, деревья; насытятся животныя, напитаются люди, соберутъ корму и топлива на зиму; построятъ себѣ люди дома, построятъ чугунки, города. Кто все приготовилъ?—Солнце.

Человѣкъ построилъ себѣ домъ. Изъ чего онъ его сдѣлалъ?—Изъ бревенъ. Бревна вырублены изъ деревьевъ. Деревья вырастило солнце.

Топится печка дровами. Кто вырастилъ дрова?—Солнце.

Ѣстъ человѣкъ хлѣбъ, картофель. Кто вырастилъ?—Солнце. Ѣстъ человѣкъ мясо. Кто выкормилъ животныхъ, птицъ?—Травы. А травы вырастило солнце.

Человѣкъ строитъ каменный домъ изъ кирпича и известки. Кирпичъ и известка обожжены дровами. Дрова заготовило солнце.

Все, что людямъ нужно, что идетъ прямо на пользу, все это заготовляется солнцемъ и во все идетъ много солнечнаго тепла. Потому и нуженъ всѣмъ хлѣбъ, что его растило солнце и что въ немъ много солнечнаго тепла. Хлѣбъ грѣетъ того, кто его ѣстъ.

Потому и нужны дрова и бревна, что въ нихъ много тепла. Кто закупитъ дровъ на зиму, тотъ закупитъ солнечнаго тепла, и зимой, когда захочетъ, то и зажжетъ дрова и пуститъ тепло солнечное себѣ въ горницу.

А когда есть тепло, то есть и движеніе. Какое ни на есть движеніе—все отъ тепла: либо прямо отъ солнечнаго тепла, либо отъ тепла того, которое заготовило солнце въ углѣ, въ дровахъ, въ хлѣбѣ и въ травѣ.

Лошади, быки возятъ, люди работаютъ, что ихъ *двигаетъ?*- Тепло. А откуда они взяли тепло?—Изъ корма. А кормъ заготовило солнце.

Водяныя и вѣтряныя мельницы вертятся и мелютъ. Кто ихъ двигаетъ?—Вѣтеръ и вода. А вѣтеръ кто гонитъ?—Тепло. А воду кто гонитъ?—Тепло же. Оно подняло воду парами вверхъ, и безъ этого вода не падала бы книзу. Машина работаетъ,—ее движетъ паръ. А паръ кто дѣлаетъ?—Дрова. А въ дровахъ тепло солнечное.

Изъ тепла дѣлается движеніе, а изъ движенія—тепло. И тепло и движеніе—отъ солнца.

IV. Разсказы изъ зоологіи.

Сова и Заяцъ.

Смерклось. Стали совы летать въ лѣсу по оврагу—высматривать добычу.

Выскочилъ на поляну большой русакъ, сталъ охорашиваться. Старая сова посмотрѣла на русака и сѣла на сукъ; а молодая сова говоритъ: «что жъ ты зайца не ловишь?» Старая говоритъ: «не по силамъ,—великъ русакъ: ты въ него вцѣпишься, а онъ тебя уволочетъ въ чащу». А молодая сова говоритъ: «а я одною лапой вцѣплюсь, а другой поскорѣе за дерево придержусь».

И пустилась молодая сова за зайцемъ, вцѣпилась ему лапой въ спину такъ, что всѣ когти ушли, а другую лапу приготовила

за дерево уцѣпиться. Какъ поволокъ заяцъ сову, она уцѣпилась другою лапой за дерево и думала: «не уйдетъ». Заяцъ рванулся и разорвалъ сову. Одна лапа осталась на деревѣ, другая на спинѣ у зайца. На другой годъ охотникъ убилъ этого зайца и дивился тому, что у него на спинѣ были заросшіе совиные когти.

Какъ волки учатъ своихъ дѣтей.

Я шелъ по дорогѣ и сзади себя услыхалъ крикъ. Кричалъ мальчикъ-пастухъ. Онъ бѣжалъ полемъ и на кого-то показывалъ.

Я поглядѣлъ и увидалъ—по полю бѣгутъ два волка: одинъ матерой, другой молодой. Молодой несъ на спинѣ зарѣзаннаго ягненка, а зубами держалъ его за ногу. Матерой волкъ бѣжалъ позади.

Когда я увидалъ волковъ, я вмѣстѣ съ пастухомъ побѣжалъ за ними, и мы стали кричать. На нашъ крикъ прибѣжали мужики съ собаками.

Какъ только старый волкъ увидалъ собакъ и народъ, онъ подбѣжалъ къ молодому, выхватилъ у него ягненка, перекинулъ себѣ на спину, и оба волка побѣжали скорѣе и скрылись изъ глазъ.

Тогда мальчикъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло: изъ оврага выскочилъ большой волкъ, схватилъ ягненка, зарѣзалъ его и понесъ.

Навстрѣчу выбѣжалъ волчёнокъ и бросился къ ягненку. Старый отдалъ нести ягненка молодому волку, а самъ налегкѣ побѣжалъ возлѣ.

Только когда пришла бѣда, старый оставилъ ученье и самъ взялъ ягненка.

Зайцы.

Зайцы по ночамъ кормятся корою деревьевъ; зайцы полевые—озимями и травой, гуменники—хлѣбными зернами на гумнахъ. За ночь зайцы прокладываютъ по снѣгу глубокій, видный слѣдъ. До зайцевъ охотники и люди, и собаки, и волки, и лисицы, и вороны, и орлы. Если бы заяцъ ходилъ просто и прямо, то поутру его сейчасъ бы нашли по слѣду и поймали; но Богъ далъ зайцу трусость, и трусость спасаетъ его.

Заяцъ ходитъ ночью по полямъ и лѣсамъ безъ страха и прокладываетъ прямые слѣды; но какъ только приходитъ утро, враги его просыпаются, заяцъ начинаетъ слышать то лай собакъ, то визгъ саней, то голоса мужиковъ, то трескъ волка по

лѣсу и начинаетъ отъ страха метаться изъ стороны въ сторону. Проскачетъ впередъ, испугается чего-нибудь и побѣжитъ назадъ по своему слѣду. Еще услышитъ что-нибудь и со всего размаху прыгнетъ въ сторону и проскачетъ прочь отъ прежняго слѣда. Опять стукнетъ что-нибудь,—опять заяцъ повернется назадъ и опять поскачетъ въ сторону. Когда свѣтло станетъ, онъ ляжетъ.

На утро охотники начинаютъ разбирать заячій слѣдъ, путаются по двойнымъ слѣдамъ и далекимъ прыжкамъ и удивляются хитрости зайца. А заяцъ и не думалъ хитрить. Онъ только всего боится.

Чутье.

Человѣкъ видитъ глазами, слышитъ ушами, нюхаетъ носомъ, отвѣдываетъ языкомъ и щупаетъ пальцами. У одного человѣка лучше видятъ глаза, у другого хуже. Одинъ слышитъ издали, а другой глухъ. У одного чутье сильнѣе и онъ слышитъ, чѣмъ пахнетъ, издалека, а другой и нюхаетъ гнилое яйцо, а не чуетъ. Одинъ ощупью узнаетъ всякую вещь, а другой ничего наощупь не узнаетъ, не разберетъ дерева отъ бумаги. Одинъ чуть возьметъ въ ротъ, слышитъ, что сладко, а другой проглотитъ и не разберетъ, горько или сладко.

Такъ и у звѣрей разныхъ разныя чувства сильнѣе. Но у всѣхъ звѣрей чутье сильнѣе, чѣмъ у человѣка.

Человѣкъ, когда захочетъ узнать вещь, посмотритъ ее, послушаетъ, какъ она шумитъ, иногда понюхаетъ и отвѣдаетъ; но человѣку, для того чтобъ узнать вещь, нужнѣе всего ее пощупать.

А для звѣрей, почти для всѣхъ, нужнѣе всего понюхать вещь. Лошадь, волкъ, собака, корова, медвѣдь до тѣхъ поръ не знаютъ вещи, пока ее не понюхаютъ.

Когда лошадь чего-нибудь боится, она фыркаетъ—прочищаетъ себѣ носъ, чтобы лучше чуять, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бояться, пока не обнюхаетъ.

Собака часто бѣжитъ за хозяиномъ по слѣду, а увидитъ хозяина—испугается, не узнаетъ и начнетъ лаять, до тѣхъ поръ пока не обнюхаетъ его и не узнаетъ, что то, что ей на глазъ страшно, есть самый ея хозяинъ.

Быки видятъ, какъ бьютъ быковъ, слышатъ, какъ ревутъ быки на бойнѣ, и все не понимаютъ, что такое дѣлается. Но стоитъ коровѣ или быку найти на мѣсто, гдѣ бычачья кровь, да понюхать, и онъ пойметъ, начнетъ ревѣть, бить ногами, и его не отгонишь отъ того мѣста.

У одного старика заболѣла жена; онъ пошелъ самъ доить корову. Корова фыркнула, узнала, что не хозяйка, и не давала молока. Хозяйка велѣла мужу надѣть свою шубейку и платокъ на голову,—корова дала молоко; но старикъ распахнулся, корова понюхала и опять остановила молоко.

Гончія собаки, когда гоняютъ звѣря по слѣду, то никогда не бѣгутъ по самому слѣду, а стороной, шаговъ на 20. Когда незнающій охотникъ хочетъ навесть собаку на слѣдъ звѣря и ткнетъ собаку носомъ въ самый слѣдъ, то собака всегда отскочитъ въ сторону. Для нея слѣдъ такъ сильно пахнетъ, что она ничего не разберетъ на самомъ слѣдѣ и не знаетъ, впередъ или назадъ побѣжалъ звѣрь. Она отбѣжитъ въ сторону и тогда только чуетъ, въ какую сторону сильнѣе пахнетъ, и бѣжитъ за звѣремъ. Она дѣлаетъ то же, что мы дѣлаемъ, если намъ говорятъ громко надъ самымъ ухомъ: мы отойдемъ и тогда издали только разберемъ, что говорятъ. Или когда слишкомъ близко отъ насъ то, что мы разсматриваемъ,—мы отстранимся и тогда разсмотримъ.

Собаки узнаютъ другъ друга и даютъ другъ другу знаки по запаху.

Еще тоньше чутье у насѣкомыхъ. Пчела прямо летитъ на тотъ цвѣтокъ, какой ей нуженъ; червякъ ползетъ къ своему листу; клопъ, блоха, комаръ чуютъ человѣка на сотни тысячъ клопиныхъ шаговъ.

Если малы частицы тѣ, которыя отдѣляются отъ вещества и попадаютъ въ нашъ носъ, то какъ же малы должны быть частицы тѣ, которыя попадаютъ въ чутье насѣкомыхъ.

Осязаніе и зрѣніе.

Заплети указательный палецъ съ среднимъ и заплетенными пальцами потрогивай маленькій шарикъ такъ, чтобъ онъ катался промежъ обоихъ пальцевъ, а самъ закрой глаза. Тебѣ покажется, что два шарика. Открой глаза,—увидишь, что одинъ шарикъ. Пальцы обманули, а глаза поправили.

Погляди (всего лучше сбоку) на хорошее чистое зеркало: тебѣ покажется, что это—окно или дверь и что тамъ, сзади, что-то есть. Ощупай пальцемъ,—увидишь, что это—зеркало. Глаза обманули, а пальцы поправили.

Шелковичный червь.

У меня были старыя тутовыя деревья въ саду. Еще дѣдушка мой посадилъ ихъ. Мнѣ дали осенью золотникъ сѣмянъ шелко-

вичныхъ червей и присовѣтовали выводить червей и дѣлать шелкъ. Сѣмена эти темно-сѣрыя и такія маленькія, что въ моемъ золотникѣ я сосчиталъ ихъ 5.835. Они меньше самой маленькой булавочной головки. Они совсѣмъ мертвыя; только когда раздавишь, такъ они щелкнутъ.

Сѣмечки валялись у меня на столѣ, и я было забылъ про нихъ.

Но разъ весной я пошелъ въ садъ и замѣтилъ, что почка на тутовикѣ стала распускаться, и на припорѣ солнечномъ ужъ былъ листъ. Я вспомнилъ про сѣмена червей и дома сталъ перебирать ихъ и разсыпалъ попросторнѣе. Большая часть сѣмечекъ были ужъ не темно-сѣрыя, какъ прежде, а одни были свѣтло-сѣрыя, а другія еще свѣтлѣе, съ молочнымъ отливомъ.

На другое утро я рано посмотрѣлъ яички и увидалъ, что изъ однихъ червячки уже вышли, а другія разбухли и налились. Они, видно почувствовали въ своихъ скорлупахъ, что кормъ ихъ поспѣлъ.

Червячки были черные, мохнатые и такіе маленькіе, что трудно ихъ было разсмотрѣть. Я поглядѣлъ въ увеличительное стекло на нихъ и увидалъ, что они въ яичкѣ лежатъ свернутые колечкомъ и какъ выходятъ, такъ выпрямляются. Я пошелъ въ садъ за тутовыми листьями, набралъ пригоршни три, положилъ къ себѣ на столъ и принялся готовить для червей мѣсто такъ, какъ меня учили.

Пока я готовилъ бумагу, червячки почуяли на столѣ свой кормъ и поползли къ нему. Я отодвинулъ и сталъ манить червей на листъ, и они, какъ собаки за кускомъ мяса, ползли за листомъ по сукну стола черезъ карандаши, ножницы и бумагу. Тогда я нарѣзалъ бумаги и протыкалъ ее ножичкомъ, на бумагу наложилъ листья и совсѣмъ съ листомъ наложилъ бумагу на червяковъ. Червяки пролѣзли въ дырочки, всѣ взобрались на листъ и сейчасъ же принялись за ѣду.

На другихъ червей, когда они вывелись, я также наложилъ бумагу съ листомъ, и всѣ пролѣзли въ дырочки и принялись ѣсть. На каждомъ листѣ бумаги всѣ червяки собирались вмѣстѣ и съ краевъ объѣдали листъ. Потомъ, когда съѣдали все, то ползали по бумагѣ и искали новаго корма. Тогда я накладывалъ на нихъ новые листы дырявой бумаги съ тутовымъ листомъ, и они перелѣзали на новый кормъ.

Они лежали у меня на полкѣ, и когда листа не было, они ползали по полкѣ, приползали къ самому краю, но никогда не спадали внизъ, даромъ что они слѣпые. Какъ только червякъ подойдетъ къ обрыву, онъ, прежде чѣмъ спускаться, изо рта

выпустить паутинку и на ней приклеится къ краю, спустится, повиситъ, поосмотрится и если хочетъ спуститься,—спустится, а если хочетъ вернуться назадъ, то втянется назадъ по своей паутинкѣ.

Цѣлыя сутки червяки только и дѣлали, что ѣли. И листу все имъ надо было подавать больше и больше. Когда имъ принесешь свѣжій листъ и они переберутся на него, то дѣлается шумъ, точно дождь по листьямъ: это они начинаютъ ѣсть свѣжій листъ.

Такъ старшіе черви жили пять дней. Уже они очень выросли и стали ѣсть въ десять разъ больше противъ прежняго. На пятый день, я зналъ, что имъ надо засыпать, и все ждалъ, когда это будетъ. Къ вечеру на пятый день, точно, одинъ, старшій червякъ прилипъ къ бумагѣ и пересталъ ѣсть и шевелиться.

На другія сутки я долго караулилъ его. Я зналъ, что черви нѣсколько разъ линяютъ, потому что вырастаютъ и имъ тѣсно въ прежней шкурѣ и они надѣваютъ новую.

Мы караулили попеременкамъ съ моимъ товарищемъ. Ввечеру товарищъ закричалъ: «раздѣваться началъ, идите!» Я пришелъ и увидалъ, что точно—этотъ червякъ прицѣпился старою шкурой къ бумагѣ, прорвалъ около рта дыру, высунулъ голову и тужится, извивается—какъ бы выбраться, но старая рубашка не пускаетъ его. Долго я смотрѣлъ на него, какъ онъ бился и не могъ выбраться, и захотѣлъ помочь ему. Я ковырнулъ чуть-чуть ногтемъ, но тотчасъ же увидалъ, что сдѣлалъ глупость. Подъ ногтемъ было что-то жидкое, и червякъ замеръ. Я думалъ, что это кровь, но потомъ я узналъ, что у червяка подъ кожей есть жидкій сокъ—для того чтобы по смазкѣ легче сходила его рубашка. Ногтемъ я, вѣрно, разстроилъ новую рубашку, потому что червякъ хотя и вылѣзъ, но скоро умеръ.

Другихъ уже я не трогалъ, а они всѣ такъ же выбирались изъ своихъ рубашекъ; только нѣкоторые пропадали, а всѣ почти хотя и долго мучились, но выползали-таки изъ старой рубашки.

Перелинявши, червяки сильнѣе стали ѣсть, и листу пошло еще больше. Черезъ 4 дня они опять заснули и опять стали вылѣзать изъ шкуръ. Листу пошло еще больше, и они уже были ростомъ въ осьмушку вершка. Потомъ черезъ шесть дней опять заснули и вышли опять въ новыхъ шкурахъ изъ старыхъ и стали уже очень велики и толсты, и мы едва поспѣвали готовить имъ листъ.

На 9-й день старшіе червяки совсѣмъ перестали ѣсть и поползли вверхъ по полкамъ и по столбамъ. Я собралъ ихъ и положилъ имъ свѣжаго листа, но они отворачивали головы отъ

листа и ползли прочь. Я вспомнилъ тогда, что червяки, когда готовятся завиваться въ куклы, то перестаютъ совсѣмъ ѣсть и ползутъ вверхъ.

Я оставилъ ихъ и сталъ смотрѣть, что они будутъ дѣлать.

Старшіе взлѣзли на потолокъ, разошлись врозь, поползли и стали протягивать по одной паутинкѣ въ разныя стороны. Я смотрѣлъ за однимъ. Онъ забрался въ уголъ, протянулъ нитокъ шесть на вершокъ отъ себя во всѣ стороны, повисъ на нихъ, перегнулся подковой вдвое и сталъ кружить головой и выпускать шелковую паутину, такъ что паутина обматывалась вокругъ него. Къ вечеру онъ уже былъ какъ въ туманѣ въ своей паутинѣ, чуть видно его было; а на другое утро ужъ его и совсѣмъ не видно было за паутиной, — онъ весь обмотался шелкомъ и все еще моталъ.

Черезъ три дня онъ кончилъ мотать и замеръ.

Потомъ я узналъ, сколько онъ выпускаетъ въ длину паутины въ эти три дня. Если размотать всю его паутину, то выйдетъ иногда больше версты, а рѣдко меньше. И если счесть сколько разъ надо мотнуть червяку головой въ эти три дня, чтобы пустить паутину, то выйдетъ, что онъ повернется вокругъ себя въ эти три дня 300.000 разъ. Значитъ, онъ, не переставая, дѣлаетъ каждую секунду по обороту. Зато уже послѣ этой работы, когда мы сняли нѣсколько куколокъ и разломили ихъ, то мы нашли въ куколкахъ червяковъ совсѣмъ высохшихъ, бѣлыхъ, точно восковыхъ.

Я зналъ, что изъ этихъ куколокъ съ бѣлыми восковыми—мертвецами внутри должны выйти бабочки; но глядя на нихъ, не могъ этому вѣрить. Однако все-таки я на 20-й день сталъ смотрѣть, что будетъ съ тѣми, какихъ я оставилъ.

На 20-й день, я зналъ, что должна быть перемѣна. Ничего не было видно, и я уже думалъ—что-нибудь не такъ, какъ вдругъ примѣтилъ—на одномъ коконѣ кончикъ потемнѣлъ и намокъ. Я подумалъ уже, не испортился ли, и хотѣлъ выбросить. Но потомъ подумалъ: не такъ ли начинается? и сталъ смотрѣть, что будетъ. И точно, изъ мокраго мѣста что-то тронулось. Я долго не могъ разобрать, что это такое. Но потомъ показалось что-то похожее на голову съ усиками. Усики шевелились. Потомъ я замѣтилъ, что лапка просунулась въ дырку, потомъ другая, и лапки цѣплялись и выкарабкивались изъ куколки. Все дальше и дальше выдиралось что-то, и я разобралъ—мокрую бабочку. Когда выбрались всѣ шесть лапокъ, задокъ выскочилъ, она вылѣзла и тутъ же сѣла. Когда бабочка обсохла, она стала бѣлая, расправила крылья, полетала, покружилась и сѣла на окно.

Черезъ два дня бабочка на подоконникѣ рядкомъ наклала яицъ и приклеила ихъ. Яички были желтыя. 25 бабочекъ положили яйца. И я набралъ 5.000 яичекъ.

На другой годъ я выкормилъ уже больше червей и больше вымоталъ шелку.

V. Разсказы изъ ботаники.

Яблони.

Я посадилъ двѣсти молодыхъ яблонь и три года, весною и осенью, окапывалъ ихъ и на зиму завертывалъ соломой отъ зайцевъ. На четвертый годъ, когда сошелъ снѣгъ, я пошелъ смотрѣть свои яблони. Онѣ потолстѣли въ зиму, кора на нихъ была глянцевитая и налитая; сучки всѣ были цѣлы и на всѣхъ кончикахъ и на развилинкахъ сидѣли круглыя, какъ горошинки, цвѣтовыя почки. Кое-гдѣ уже лопнули распуколки и виднѣлись алые края цвѣтовыхъ листьевъ. Я зналъ, что всѣ распуколки будутъ цвѣтами и плодами, и радовался, глядя на свои яблони. Но когда я развернулъ первую яблоню, я увидалъ, что внизу, надъ самою землей, кора яблони обгрызена кругомъ по самую древесину—какъ бѣлое кольцо. Это сдѣлали мыши; я развернулъ другую яблоню—и на другой было то же самое. Изъ двухсотъ яблонь ни одной не осталось цѣлою. Я замазалъ обгрызенныя мѣста смолой съ воскомъ: но когда яблони распустились, цвѣты ихъ сейчасъ же спали. Вышли маленькіе листики, тѣ завяли и засохли. Кора сморщилась и почернѣла. Изъ двухъ сотъ яблонь осталось только девять. На этихъ девяти яблоняхъ кора была не кругомъ объѣдена, а въ бѣломъ кольцѣ оставалась полоска коры. На этихъ полоскахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходилась кора, сдѣлались наросты, и яблони хотя и поболѣли но пошли. Остальныя всѣ пропали, только ниже обгрызенныхъ мѣстъ пошли отростки, и то все дикіе.

Кора у деревьевъ — тѣ же жилы у человѣка: черезъ жилы кровь ходитъ по человѣку, и черезъ кору сокъ ходитъ по дереву и поднимается въ сучья, листья и цвѣтъ. Можно изъ дерева выдолбить все нутро, какъ это бываетъ у старыхъ лозинъ, но только бы кора была жива—и дерево будетъ жить; но если кора пропадетъ — дерево пропало. Если человѣку подрѣзать жилы, то онъ умретъ, во-первыхъ, потому, что кровь вытечетъ, а во-вторыхъ, потому, что крови не будетъ уже хода по тѣлу.

Такъ и береза засыхаетъ, когда ребята продолбятъ лунку, чтобы пить сокъ, и весь сокъ вытечетъ.

Такъ и яблони пропали отъ того, что мыши объѣли всю кору кругомъ, и соку уже не было хода изъ кореньевъ въ сучья, листья и цвѣтъ.

Старый тополь.

Пять лѣтъ нашъ садъ былъ заброшенъ; я нанялъ работниковъ съ топорами и лопатами и самъ сталъ работать съ ними въ саду. Мы вырубали и вырѣзывали сушь и дичь, и лишніе кусты, и деревья. Больше всего разрослись и глушили другія деревья тополь и черемуха. Тополь идетъ отъ корней, и его нельзя вырыть, а въ землѣ надо вырубать корни. За прудомъ стоялъ огромный, въ два обхвата, тополь. Вокругъ него была полянка; она вся заросла отростками тополей. Я велѣлъ ихъ рубить: мнѣ хотѣлось, чтобы мѣсто было веселѣе, а главное—мнѣ хотѣлось облегчить старый тополь, потому что, я думалъ, всѣ эти молодыя деревья отъ него идутъ и изъ него тянутъ сокъ. Когда мы вырубали эти молодые топольки, мнѣ иногда жалко становилось смотрѣть, какъ разрубали подъ землей ихъ сочные коренья, какъ потомъ вчетверомъ мы тянули и не могли вырвать надрубленный тополекъ. Онъ изо всѣхъ силъ держался и не хотѣлъ умирать. Я подумалъ: видно, нужно имъ жить, если они такъ крѣпко держатся за жизнь. Но надо было рубить, и я рубилъ. Потомъ уже, когда было поздно, я узналъ, что не надо было уничтожать ихъ.

Я думалъ, что отростки вытягиваютъ сокъ изъ стараго тополя, а вышло наоборотъ: когда я рубилъ ихъ, старый тополь уже умиралъ. Когда распустились листья, я увидалъ (онъ расходился на два сука), что одинъ сукъ былъ голый; и въ то же лѣто онъ засохъ. Онъ давно уже умиралъ и зналъ это, и передалъ свою жизнь въ отростки.

Отъ этого они такъ скоро разрослись, а я хотѣлъ его облегчить—и побилъ всѣхъ его дѣтей.

Черемуха.

Одна черемуха выросла на дорожкѣ орѣшника и заглушала лещиновые кусты. Долго думалъ я—рубить или не рубить ее: мнѣ жаль было. Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ, вершка три въ отрубѣ и сажени 4 въ вышину, вся развилистая, кудрявая и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ, душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы и не сру-

билъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, ужъ онъ врубился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлюпалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяпку. «Нечего дѣлать, видно судьба», подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать: весело и рубить. Весело наискось глубоко всадить топоръ и потомъ напрямикъ подсѣчь подкошенное и дальше и дальше врубаться въ дерево.

Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой и посыпались бѣлые душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время точно вскрикнуло что-то,—хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и какъ будто заплакало, затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось. Оно разодралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

«Эхъ, штука-то важная!—сказалъ мужикъ.—Живо жалко!» А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

Какъ ходятъ деревья.

Разъ мы вычищали на полубугрѣ подлѣ пруда заросшую дорожку. Много нарубили шиповника, лозины, тополя, потомъ пришла черемуха. Росла она на самой дорогѣ и была такая старая и толстая, что ей не могло быть меньше десяти лѣтъ. А пять лѣтъ тому назадъ, я зналъ, что садъ былъ чищенъ. Я никакъ не могъ понять, какъ могла тутъ вырасти такая старая черемуха. Мы срубили ее и прошли дальше. Дальше, въ другой чащѣ, росла другая такая же черемуха, даже еще потолще. Я осмотрѣлъ ея корень и нашелъ, что она росла подъ старою липой. Липа своими сучьями заглушала ее, и черемуха протянулась аршинъ на пять прямымъ стеблемъ по землѣ, а когда выбралась на свѣтъ, подняла голову и стала цвѣсти. Я срубилъ ее въ корнѣ и подивился тому, какъ она была свѣжа и какъ гнилъ былъ корень. Когда я срубилъ ее, мы съ мужиками стали ее оттаскивать; но сколько мы ни тащили, не могли ее сдвинуть; она какъ будто прилипла. Я сказалъ: «посмотри, не зацѣпили ли гдѣ». Работникъ подлѣзъ подъ нее и закричалъ: «да у ней другой корень; вотъ на дорогѣ!» Я подошелъ къ нему и увидалъ, что это была правда.

Черемуха, чтобъ ее не глушила липа, перешла изъ-подъ липы на дорожку, за три аршина отъ прежняго корня. Тотъ корень, что я срубилъ, былъ гнилой и сухой, а новый былъ свѣжій. Она почуяла видно, что ей не жить подъ липой, вытянулась, вцѣпилась сучкомъ за землю, сдѣлала изъ сучка корень, а тотъ корень бросила. Тогда только я понялъ, какъ выросла та первая черемуха на дорогѣ. Она то же, вѣрно, сдѣлала, но успѣла уже совсѣмъ отбросить старый корень, такъ что я не нашелъ его.

VI. Попытки соединенія разныхъ варіантовъ былинъ въ одну и изложенія ихъ правильнымъ стихомъ.

Святогоръ-богатырь.

Выѣзжа́лъ ли Святогоръ гулять въ чисто̀ поле,
Никого̀-то Святогоръ онъ не наха̀живалъ,
Съ кѣмъ бы си́лой богатырскою помѣ̀ряться;
А самъ чу̀етъ въ себѣ силу онъ вели́кую,
Чуетъ—жи́вчикомъ по жилкамъ разлива̀ется,
Грузно съ си́лы Святогору, какъ отъ брѐмени.
И промо̀лвилъ Святогоръ свѣтъ похваля̀ючись:
«По моѐй ли да по силѣ богаты́рскоей
Кабъ держа̀ву мнѣ найти, всю землю по̀днялъ бы».
Со тѣхъ сло̀въ увидѣлъ Святогоръ прохо̀жаго,
Сдалека̀ въ степи идётъ прохожій съ су̀мочкой,
И поѣхалъ Святогоръ къ тому прохо̀жему.
Ѣдетъ ры́сью, всё прохожій идётъ пѐредомъ,—
Во всю пры́ть не можетъ онъ догнать прохо̀жаго.
Закрича́лъ тутъ Святогоръ да громкимъ го̀лосомъ:
«Гой, прохо̀жій человѣкъ, подожди немно̀жечко,
«Не могу̀ догнать тебя я на добро̀мъ конѣ».
Сдалека̀ прохожій Святогора слу̀шался,
Станови́лся, съ плечъ на землю бросалъ су̀мочку.
Наѣзжа̀етъ Святогоръ на эту су̀мочку,
Своей плёточкой онъ сумочку пощупывалъ,—
Какъ уро̀слая та сумочка не тро̀нется.
Святого̀ръ съ коня перстомъ ее потро̀гивалъ,—
Не своро̀хнется та су̀мка, не шевѐльнется.
Святого̀ръ съ коня хваталъ рукой, потя̀гивалъ,—
Какъ уро̀слая та сумка не подни́мется.

Слѣзъ съ коня́ тутъ Святогоръ, взялся за су́мочку,
Онъ прила́дился, взялся руками обѣими,
Во всю си́лу богатырскую принату́жился,—
Отъ нату́ги по бѣлу лицу ала кро́вь пошла,
А подня́лъ суму отъ земли только на́ волосъ,
По колѣна жъ самъ онъ въ мать сыру землю́ угрязъ.
Взговори́тъ ли Святогоръ тутъ громкимъ го́лосомъ:
«Ты скажи́ же мнѣ, прохожій, правду-и́стинну,
«А и что́, скажи ты, въ сумочкѣ накла́дено?»
Взговори́тъ ему прохожій да на тѣ слова:
«Тяга въ су́мочкѣ отъ матери сыро́й земли».
Взговори́тъ тутъ Святогоръ да ко прохо́жему:
«А ты са́мъ кто есть, какъ звать тебя́ по и́мени?»
Взговори́тъ ему прохожій ли на тѣ слова:
«Я Мику́ла есмь, мужикъ я, Селяни́новичъ,
«Я Мику́ла,—меня любитъ мать сыра́ земля».

Сухманъ.

Какъ у ласкова князь-Владиміра
Пированье шло, шелъ почестенъ пиръ
На бояръ, князей, добрыхъ молодцевъ.
На пиру-то всѣ порасхвастались:
Одинъ хвастаетъ золотой казной,
Другой хвастаетъ что добрымъ конемъ,
Сильный хвастаетъ своей силою,
Глупый хвастаетъ молодой женой,
Умный хвастаетъ старой матерью.
За столомъ сидитъ призадумавшись
Богатырь Сухманъ Одихмантьевичъ,
И ничѣмъ Сухманъ онъ не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ-князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похажива(е)тъ,
Желтыми кудрями онъ потряхива(е)тъ,
Одихмантьичу выговарива(е)тъ:
«Что, Сухмантьюшка, ты задумался?
«Что не ѣшь, не пьешь и не кушаешь,
«Бѣлой лебеди ты не рушаешь,
«И ничѣмъ въ пиру ты не хвастаешь?»
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«Если хвастать мнѣ ты приказываешь,
«Привезу жъ тебѣ я, похвастаю,
«Лебедь бѣлую, не кровавлену

«И не ранену, а живьемъ въ рукахъ».
И вставалъ Сухманъ на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свово добраго,
Выѣзжалъ Сухманъ ко синю морю,
Ко синю морю, къ тихимъ заводямъ.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ первой заводи
Не наѣзживалъ бѣлыхъ лебедей.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ другой заводи,
Не нахаживалъ гусей-лебедей.
И у третіей тихой заводи—
Нѣтъ сѣрыхъ гусей, бѣлыхъ лебедей.
Тутъ Сухмантьюшка призадумался:
«Какъ поѣду я въ славный Кіевъ-градъ,
«Чтò сказать будетъ князь-Владиміру?»
И поѣхалъ онъ къ мать Нѣпрѣ-рѣкѣ.
Глядь — течетъ Нѣпра не по - старому,
Не по - старому, не по - прежнему,
А вода съ пескомъ въ ней смутилася.
Тутъ Нѣпру-рѣку Сухманъ спрашивалъ:
«Что течешь ты такъ, мать Нѣпра-рѣка,
«Не по - старому, не по - прежнему,
«А вода съ пескомъ помутилася?»
Испровѣщится мать Нѣпра - рѣка:
«Я затѣмъ теку не по - старому,
«Не по - прежнему, по - старинному,
«Что стоятъ за мной, за Нѣпрой - рѣкой,
«Сорокъ тысячей злыхъ татаровей.
«Они мостъ мостятъ съ утра до ночи:
«Чтò намостятъ днемъ, то въ ночь вырою,
«Да изъ силъ ужъ я выбиваюся».
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«То не честь - хвала молодецкая —
«Не отвѣдать мнѣ силъ татарскіихъ».
И пустилъ коня свово добраго,
Чрезъ Нѣпру - рѣку перескакивалъ, -
Не мочилъ копытъ его добрый конь
Подъѣзжалъ Сухманъ ко сыру дубу,
Ко сыру дубу кряковистому,
Дубъ съ кореньями выворачивалъ,
А съ комля дуба бѣлый сокъ бѣжалъ;
Ту дубиночку за вершину бралъ
И пустилъ коня на татаровей.
Сталъ Сухмантьюшка поворачивать,

Той дубиночкой сталъ помахивать.
Какъ махнетъ впередъ—станетъ улица,
Отвернетъ назадъ—переулочекъ.
Всѣхъ побилъ татаръ Одихмантьевичъ,
Убѣжало лишь три татарченка,—
Подъ кусточками, подъ ракитовыми
У Нѣпры - рѣки схоронилися.
Подъѣзжалъ Сухманъ къ мать Нѣпрѣ - рѣкѣ
Изъ-подъ кустиковъ въ Одихмантьевича
Три татарченка стрѣлки пустили
Во его бока, въ тѣло бѣлое.
Свѣтъ Сухмантьюшка стрѣлки выдернулъ
Изъ своихъ боковъ, изъ кровавыхъ ранъ,
Листьемъ маковымъ позатыкивалъ
И спорολъ ножомъ трехъ татарченковъ.
Пріѣзжалъ Сухманъ къ князь-Владиміру,
Привязалъ коня на дворѣ къ столбу,
Самъ входилъ Сухманъ во столовую.
Тутъ Владиміръ - князь, красно солнышко,
Самъ по горенкѣ онъ похаживаетъ,
Одихмантьичу выговариваетъ:
«Что жъ, Сухмантьюшка, не привезъ ты мнѣ
«Лебедь бѣлую, не кровавлену?»
Взговорилъ Сухманъ таковы слова:
«Гой, Владиміръ - князь, за Нѣпрой - рѣкой
«Доходило мнѣ не до лебедей:
«Повстрѣчалась мнѣ за Нѣпрой-рѣкой
«Сила ратная въ сорокъ тысячей.
«Шли во Кіевъ - градъ злы татаровья,
«Съ утра до ночи мосты ладили,
«А Нѣпра - рѣка вырывала въ ночь
«Да изъ силъ она выбивалася.
«Я пустилъ коня на татаровей
«И побилъ ихъ всѣхъ до единаго».
Володиміръ - князь, красно солнышко,
Тѣмъ словамъ его не увѣровалъ.
Приказалъ слугамъ своимъ вѣрныимъ
Брать Сухмантія за бѣлы руки,
Въ погреба сажать во глубокіе;
А Добрынюшку посылалъ къ Нѣпрѣ
Про Сухмантьевы свѣдать заработки.
Всталъ Добрынюшка на рѣзвы ноги,
Онъ сѣдлалъ коня свово добраго,

Выѣзжалъ въ поле, къ мать Нѣпрѣ - рѣкѣ.
Увидалъ—лежитъ сила ратная
Въ сорокъ тысячей, вся побитая,
И валяется дубъ съ кореньями,
На лучиночки весь исщепанный.
Дубъ Добрынюшка поднималъ съ земли,
Привозилъ его ко Владиміру.
Такъ Добрынюшка выговаривалъ:
«Правдой хвастаетъ Одихмантьевичъ:
«За Нѣпрой-рѣкой я видалъ—лежатъ
«Сорокъ тысячей злыхъ татаровей,
«И дубиночка Одихмантьича
«На лучиночки вся исщепана».
Тутъ велѣлъ слугамъ Володиміръ-князь
Въ погреба идти во глубокіе,
Выводить скорѣй Одихмантьича,
Приводить къ себѣ на ясны очи,
Таковы слова выговаривалъ:
«За услуги тѣ за великія
«Добра молодца буду миловать,
«Буду жаловать его до люби
«Городами ли съ пригородками,
«Еще селами да съ приселками,
«Золотой казной да безсчетною».
Въ погреба идутъ во глубокіе
Къ Одихмантьичу слуги вѣрные,
Говорятъ ему таковы слова:
«Выходи, Сухманъ, ты изъ погреба:
«Володиміръ-князь тебя милуетъ,
«За твои труды за великіе
«Хочетъ солнышко тебя жаловать
«Городами ли съ пригородками,
«Еще селами да съ приселками,
«Золотой казной да безсчетною».
Выходилъ Сухманъ во чисто поле,
Говорилъ Сухманъ таковы слова:
«Гой, Владиміръ-князь, ласково солнышко,
«Не умѣлъ меня въ пору миловать,
«Не умѣлъ же ты въ пору жаловать,
«А теперь тебѣ не видать будетъ,
«Не видать меня во ясны очи».
И выдергивалъ Одихмантьевичъ
Изъ кровавыхъ ранъ листье маково,

Свѣтъ Сухмантьюшка приговаривалъ:
«Потеки рѣка отъ моей крови,
«Отъ моей крови отъ горючія,
Отъ горючія, отъ напрасныя.
«Потеки Сухманъ, ахъ Сухманъ-рѣка,
«Будь Нѣпрѣ-рѣкѣ ты родна сестра».

Вольга-богатырь.

Что не мелки, часты звѣздочки
Разсажалися подъ небесью,
Что не ясенъ, свѣтёлъ мѣсяцъ
Просвѣтилъ въ небѣ высокоемъ,
Освѣтило красно солнышко
Нашу землю Святорусскую;
На святой Руси на матушкѣ
Народился удалъ мо́лодецъ,
Свѣтъ Вольга̀—сударь Буслаевичъ.
Отъ рожденья богатырскаго
Потряслася мать сыра земля,
Море сине всколыбалося,
Рыбы въ глубь моря забилися,
Звѣри въ чащи схоронилися,
Потряслось царство Турецкое.
Выросталъ Вольга̀ семи годовъ—
Захотѣлъ онъ много мудрости,
Къ мудрецамъ задался въ выучку,
И въ наукъ пошло ученіе.
Понималъ Вольга̀ всѣ мудрости:
Обучился первой мудрости—
Оборачиваться птицею;
Обучился другой мудрости—
Оборачиваться рыбою;
Обучился третьей мудрости—
Сѣрымъ волкомъ ся обертывать.
Какъ и сталъ Вольга̀ въ пятнадцать лѣтъ,
Подбиралъ Вольга̀ дружинушку,
И собралъ онъ себѣ ровнюшекъ,
Удалыхъ ли добрыхъ мо́лодцевъ—
Тридцать братьевъ безъ единаго,
Становился самъ въ тридцатыихъ.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,

Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга̀ я во тридцатыихъ,—
«Вы большо̀го брата слушайте,
Повелено дѣло дѣлайте:
«Повяжите сѣти шелковы,
«Опускайте въ море синее».
Тутъ Вольгу̀ дружина слушалась—
Повязала сѣти шелковы,
Опускала въ море синее.
Рыбой Вольга ся обертывалъ,
Рыбой-щукою зубастою,
Во станы поплылъ глубокіе,
Распугалъ всю рыбу красную,
Загонялъ рыбу во часты̀ сѣти.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вы, дружина моя храбрая,
«Тридцать братьевъ безъ единаго,
«Самъ Вольга̀ я во тридцатыихъ,—
«Брата бо̀льшаго вы слушайте,
«Повелено дѣло дѣлайте:
«Вейте шелковы веревочки,
«Разстанавливайте по лѣсу
«На звѣриныхъ ли на тропочкахъ».
Тутъ Вольгу̀ дружина слушалась—
Вила шелковы веревочки,
Разстанавливала по лѣсу.
Звѣремъ Вольга ся обертывалъ,
Сѣрымъ волкомъ голенастыимъ,
Поскакалъ въ лѣса дремучіе,
Во глухи ломы, во чащицы,
Распугалъ онъ звѣря куннаго,
Загонялъ звѣря во петельки.
Какъ и сталъ Вольга̀ съ дружиною
На крутомъ яру у Кіева,
Взговоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Половили мы всю рыбушку
«Изъ синя моря глубокаго,
«Половили звѣря куннаго
«Изъ темныхъ лѣсовъ дремучіихъ;

«А и будетъ ли тотъ мо́лодецъ,
«Чтобъ сходилъ въ царство Турецкое
«Ко царю Салтанъ-Бекетычу,—
«Свѣдать думу его царскую».
Молодцы тутъ стали прятаться,
Что большой да за середняго,
А середній что за мѐньшаго,—
А отвѣта нѣтъ отъ мѐньшаго.
Говоритъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«Вольгѣ будетъ самому идти».
Птицей Вольга ся обертывалъ,
Высоко взвился подъ небесью;
Прилеталъ въ царство Турецкое,
На оконце сѣлъ косящато.
Сидитъ царь Салтанъ-Бекетовичъ
Со царицею Давыдьевной,
Разговоры разговарива(е)тъ;
Говоритъ Салтанъ-Бекетовичъ:
«Ты жена моя возлюбленна,
«Молода ли свѣтъ-Давыдьевна,
«Воевать хочу святую Русь,
«Хочу взять я славный Кіевъ-градъ,
«Подарить хочу по городу
«Девяти сынамъ по русскому,
«Да привезть хочу я шубоньку
«Дорогую, соболиную».
Взговоритъ ему Давыдьевна:
«Гой ты, царь Салтанъ-Бекетовичъ!
«Ты напрасно снаряжаешься
«Воевать на землю Русскую;
«Али ты того не вѣдаешь—
«На Руси все не по - старому,
«Освѣтило красно солнышко
«Славну землю Святорусскую:
«Народился удалъ мо̀лодецъ,
«Богатырь Вольга̀ Буслаевичъ;
«Онъ теперь, Вольга̀ Буслаевичъ,
«На окнѣ сидитъ и слушаетъ
«Наши рѣчи съ тобой тайныя.
«Не возьмешь ты славный Кіевъ-градъ,
«Не подаришь ты по городу
«Девяти сынамъ по русскому,
«А пропасть твоей головушкѣ

«Отъ того Вольги Буслаевича».
Тѣмъ словамъ Салтанъ не вѣровалъ,
На царицу царь прогнѣвался—
По лицу ударилъ бѣлому,
Прогонялъ онъ съ глазъ Давыдьевну.
Догадался Вольгъ Буслаевичъ,
Горностаемъ ся обертывалъ,
Въ погреба бѣжалъ глубокіе;
Онъ тетивочки шелкóвыя
На лукахъ тугихъ накусывалъ,
Съ каленыхъ-отъ стрѣлъ желѣзочки
Онъ повынималъ—закапывалъ.
Оборачивался птицею,
Прилеталъ назадъ ко Кіеву,
Собиралъ свою дружинушку,
Подходилъ къ царству Турецкому.
Царство крѣпко огорожено
Стѣной каменной, высокою;
Во стѣнѣ ворота крѣпкія,
По булату золоченыя;
А засовы—крюки мѣдные,
Подворотня—дорогъ рыбій зубъ,
Мелкимъ вырѣзомъ вырѣзана;
По мудренымъ, мелкимъ вырѣзамъ
Въ пору ли пролѣзть мурашику.
Тутъ дружина закручинилась:
«Какъ пройти намъ стѣны каменны,—
«Погубить ли добрымъ молодцамъ
«Намъ головушки напрасныя?»
Догадался Вольгъ Буслаевичъ:
Мурашомъ себя обертывалъ,
Добрыхъ мóлодцевъ мурашками,—
Пролѣзалъ съ своей дружиною
Въ подвóротню зуба рыбьяго;
За стѣной Вольгà Буслаевичъ
Оборачивалъ мурашиковъ—
Молодцàми съ сбруей ратною.
Взговоритъ ли Вольгъ Буслаевичъ:
«Вы большого брата слушайте,
«Повелено дѣло дѣлайте:
«Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
«Вырубайте старъ и малаго,
«Изведите всѣхъ до кореня;

«Оставляйте только лучшіихъ
«Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ».
Тутъ Вольгу дружина слушалась:
Въ славномъ царствѣ во Турецкіимъ
Вырубала старъ и малаго,
Изводила всѣхъ до кореня,
Не оставила на сѣмена;
Оставляла только лучшіихъ
Тридцать душекъ красныхъ дѣвушекъ.
Самъ Вольга̀ царя отыскивалъ,
Во палатахъ его каменныхъ—
Двери заперты желѣзныя,
Во дверяхъ засовы крѣпкіе.
Взговоритъ ли Вольгъ Буслаевичъ:
«Хоть нога сломать, а выставить!»
Пнулъ ногой двери желѣзныя,
Поломалъ засовы крѣпкіе:
Царя славнаго турецкаго
Бралъ Вольга̀ за ручки бѣлыя.
Говорилъ Вольга̀ Буслаевичъ:
«А не бьютъ царей, не казнятъ васъ».
Царя хлопнулъ о кирпищатъ полъ
И расшибъ Салтана вдребезги.
Тутъ дружину свою храбрую
Вольга̀ поровну одѣливалъ:
Табуновъ коней по тысячѣ,
По боченку красна золота,
Да по дѣвушкѣ на мо́лодца.

Микулушка Селяниновичъ.

Выѣзжалъ ли Вольга̀ свѣтъ съ дружиною
По селамъ, городамъ за получкою—
Съ мужиковъ выбирать дани-выходы;
Выѣзжалъ ли, сударь, во чисто поле,—
Услыхалъ во чистомъ полѣ пахаря:
Слышно—пашетъ мужикъ да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А невидно нигдѣ въ полѣ пахаря.
И поѣхалъ Вольга̀ къ тому пахарю—
Цѣлый день ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга̀ пахаря.

День, другой ѣхалъ съ утра до вечера,
А наѣхать не могъ Вольга̀ пахаря.
Слышно—пашетъ мужикъ да посвистыва(е)тъ,
Сдалека, слышно, сошка поскрипыва(е)тъ,
Сошнички по камнямъ, слышно, чѐркаютъ,—
А не видно нигдѣ въ полѣ пахаря.
Третій день Вольга̀ ѣхалъ до пабѣдья—
Наѣзжаетъ Вольга̀ въ полѣ пахаря:
Въ полѣ пашетъ мужикъ да понукива(е)тъ,
Съ края въ край онъ бороздку отвалива(е)тъ,
Камни, корни сохой выворачива(е)тъ;
Какъ заѣдетъ мужикъ-отъ въ одинъ конецъ,
Со другого конца и не виднушко.
А у пахаря сошка кленовенька,
Сошники въ той сошкѣ булатные,
Захлестнуты гужочки шелковеньки,
А кобылка во сошкѣ соловенька.
Взговоритъ ли Вольга̀ тому пахарю:
«Гой, мужикъ-пахарекъ, Божья помощь те,—
«Божья помощь пахать да крестьянствовать.
«Широку борозду отворачивать
«Да коренья, каменья вывертывать!»
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А спасибо, Вольга̀, благодарствуемъ,—
«Божья помощь, подитка, намъ надобна,
«Божья помощь—пахать да крестьянствовать.
«Самъ далеко ль ѣдешь со дружинушкой?
«Далеко ль Богъ несетъ—куда путь держишь?»
Взговоритъ ли Вольга̀ таковы слова:
«А я ѣду, мужикъ, со дружинушкой
«По селамъ, городамъ за получкою—
«Выбирать съ мужиковъ дани-выходы.
«Ай, поѣдемъ со мной во товарищахъ!»
Взялъ мужикъ, воткнулъ сошку въ бороздочку,
Онъ гужочки шелковы взялъ выстегнулъ,
Взялъ изъ сошки кобылку да вывернулъ,
На кобылку ввалился, сѣлъ о̀хлѣпью,
Со Вольго̀ю поѣхалъ въ товарищахъ.
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А не ладно, Вольга̀: я въ бороздочкѣ
«Свою сошку оставилъ не убранну:
«Какъ бы сошка съ земельки повыдернуть,
«Съ сошничковъ какъ бы землю повытряхнуть,

«А и бросить сошка за ракитовъ кустъ».
Посылалъ тутъ Вольгà десять молодцевъ:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжали ко сошкѣ тѣ мòлодцы,
Соскочили въ бороздку съ добрыхъ коней,
Разомъ брались за сошку кленовеньку,—
Отъ земли этой сошки поднять нельзя.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
А и шлетъ ли Вольгà всю дружинушку:
Велитъ сошку съ земельки повыдернуть,
Съ сошничковъ велитъ землю повытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Вотъ за сошку бралась вся дружинушка,
Разомъ брàлась за сошку кленовую,—
Только сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ съ земли сошку выдернуть,
Не могутъ съ сошничковъ землю вытряхнуть,
А и бросить сошка за ракитовъ кустъ.
Подъѣзжалъ тутъ мужикъ-деревенщина:
Онъ слѣзалъ со кобылки соловенькой,
Подходилъ къ своей сошкѣ кленовенькой,
Брался ручкой одной да попехивалъ,
Изъ земельки онъ сошку выдергивалъ,
Съ сошничковъ онъ земельку вытряхивалъ,
Онъ палицей камлыжки соскребывалъ,
А и бросилъ сошка за ракитовъ кустъ.
На добрыхъ коней сѣли, поѣхали.
Выѣзжаютъ они на дороженьку:
Мужикòва кобылка ходой идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь ужъ поскакиваетъ;
Мужикова кобылка рысцой пошла,
А Вольгинъ-отъ ужъ конь оставаться сталъ.
Передомъ мужикъ ѣдетъ, не тряхнется,—
Во всю прыть Вольгà ѣдетъ сугонкою.
Мужику тутъ Вольгà сталъ покрикивать,
Мужику колпакомъ сталъ помахивать:
«Ты мужикъ-пахарекъ, ты постòй, подожди,—
«За тобою, мужикъ, не угонишься».

На Вольгу тутъ мужикъ пріоглянулся,
Сталъ кобылку свою укорачивать,—
И поѣхали шагомъ дорожкою.
Взговоритъ ли Вольга̀ таковы слова:
«У тебя ли, мужикъ, лошадь добрая;
«Кабы лошадь твоя да конькомъ была,—
«За лошадку цѣна бы пятьсотъ рублей».
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А и глупъ ты, Вольга̀, глупо сказыва(е)шь,—
«Я кобылочку взялъ изъ-подъ матери,
«За сосунчика далъ я пятьсотъ рублей;
«А конькомъ бы была—ей и смѣты нѣтъ».
Взговоритъ ли Вольга̀ таковы слова:
«А и какъ тя, мужикъ, звать по имени,
«Величать тебя какъ по изотчеству?»
Говоритъ ли мужикъ таковы слова:
«А я ржи напашу, во скирды сложу,
«Домой выволоку, дома вымолочу,
«Да и пива сварю, мужиковъ созову;
«И почнутъ мужики тутъ покликивать:
«Гой Микула-свѣтъ, ты Микулушка,
«Свѣтъ-Микулушка, да Селяниновичъ!»

Примѣчаніе къ IV тому.

Четвертый томъ этого изданія съ педагогическими статьями Л. Н—ча составился изъ 4-го тома прежняго изданія съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ писемъ и статей, и весь матеріалъ расположенъ болѣе или менѣе въ хронологическомъ порядкѣ и раздѣленъ на три періода педагогической дѣятельности Л. Н—ча.

Первымъ періодомъ мы считаемъ занятіе его Ясно-полянской школой и издаваніе имъ журнала «Ясная Поляна, т.-е. года 1859—1862. Второй періодъ—это первая половина 70-хъ годовъ, когда Л. Н—чъ составилъ и издалъ «Азбуку», книги для чтенія и Ариѳметику, занимался снова школой и бесѣдами съ учителями, а также принималъ участіе въ работахъ Моск. Ком. Грамотности. Этотъ періодъ закончился его статьей «О народномъ образованіи», помѣщенной въ «Отечеств. Запискахъ» въ сентябрѣ 1874 г., и изданіемъ его «Новой Азбуки» въ 1875 году. Отвлеченный отъ этой дѣятельности назрѣвавшимъ въ немъ душевнымъ кризисомъ и всѣми бурными явленіями, вызванными этимъ кризисомъ въ его отношеніяхъ къ семьѣ и обществу, Л. Н—чъ съ наступившимъ успокоеніемъ въ послѣдніе годы своей жизни снова принимается за это дѣло, при чемъ главной основой воспитанія и обученія ставитъ сознательное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, что и отражается, какъ на формѣ, такъ и на содержаніи его статей и писемъ по педагогическимъ вопросамъ послѣдняго времени.

Всѣ эти статьи и составляютъ третій періодъ педагогической дѣятельности Л. Н—ча Толстого.

Нѣкоторые изъ этихъ статей-писемъ, какъ, напр., письмо къ Вал. Булгакову. «Объ образованіи», даны въ этомъ изданіи въ новой, послѣдней редакціи, согласно указанію, данному намъ самимъ адресатомъ, Вал. Ѳед. Булгаковымъ. Другія статьи провѣрены по спискамъ, наиболѣе близкимъ къ оригиналамъ.

Въ приложеніи къ этому тому мы даемъ замѣчательное въ педагогическомъ отношеніи сочиненіе Л. Н—ча, его ариѳметику. Объ этой ариѳметикѣ, еще въ періодъ составленія ея, Л. Н—чъ писалъ своему другу Н. Н. Страхову: «Я до одурѣнія занимаюсь окончаніемъ ариѳметики. Умноженіе и дѣленіе кончены и кончаю дроби. Вы будете смѣяться надо мною, что я взялся не за свое дѣло, но мнѣ кажется, что ариѳметика будетъ лучшее въ книгѣ».

Однако педагогическій міръ не оцѣнилъ ея и Л. Н—чъ, видя неуспѣхъ, больше не переиздавалъ ея. Одновременно съ Азбукой она вышла отдѣльнымъ оттискомъ, т.-е. въ отдѣльной брошюровкѣ, но вновь отдѣльно не переиздавалась.

Сочиненіе это во многихъ отношеніяхъ достойно самаго серьезнаго вниманія. Мы даемъ его въ приложеніи, а не въ самомъ текстѣ, слѣдуя принятой нами системѣ не включать въ текстъ того, что самимъ Л. Н—чемъ не было включено въ полное собраніе сочиненій, изданное подъ его собственной редакціей.

ПРИЛОЖЕНІЕ
къ IV тому.

АРИѲМЕТИКА.

Часть I. Четыре правила.

Счетъ.

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія.
Ничего и одинъ. Два безъ одного.	Одинъ.	а҃	I	0 0 0 1	1
Одинъ и одинъ. Три безъ одного.	Два.	в҃	II	0 0 0 2	2
Два и одинъ. Четыре безъ одного.	Три.	г҃	III	0 0 0 3	3
Три и одинъ. Пять безъ одного.	Четыре.	д҃	IIII или IV (Пятокъ безъ одного.)	0 0 0 4	4

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія.
Четыре и одинъ. Шесть безъ одного.	Пять.	є҃	V Пятокъ.	0 0 0 5	5
Пять и одинъ. Семь безъ одного.	Шесть.	ѕ҃	VI Пятокъ и одинъ.	0 0 0 6	6
Шесть и одинъ. Восемь безъ одного.	Семь.	з҃	VII Пятокъ и два.	0 0 0 7	7
Семь и одинъ. Девять безъ одного.	Восемь.	и҃	VIII Пятокъ и три.	0 0 0 8	8
Восемь и одинъ. Десять безъ одного.	Девять.	ѳ҃	VIIII Пятокъ и четыре. или IX Десятокъ безъ одного.	0 0 0 9	9

Названія.		Славянскія.	Римскія.		На счетахъ.		Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Девять и одинъ. Одиннадцать безъ одного.	Десять.	і҃	X	Десятокъ.	0 0 1 0 Одинъ десятокъ.	0 0 0 * Десять.	1	0
Десять и одинъ. Двѣнадцать безъ одного.	Одиннадцать.	аі҃	XI	Десятокъ и одинъ.	0 0 1 1	Одинъ десятокъ и одинъ.	1	1
Десять и два. Тринадцать безъ одного.	Двѣнадцать.	ві҃	XII	Десятокъ и два.	0 0 1 2	Одинъ десятокъ и два.	1	2
Десять и три. Четырнадцать безъ одного.	Тринадцать.	гі҃	XIII	Десятокъ и три.	0 0 1 3	Одинъ десятокъ и три.	1	3
Десять и четыре. Пятнадцать безъ одного.	Четырнадцать.	ді҃	XIIII или XIV	Десятокъ и четыре. | Десятокъ и пятокъ безъ одного.	0 0 1 4	Одинъ десятокъ и четыре	1	4

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.		Арабскія. Десятки.	Простыя.
Десять и пять. Шестнадцать безъ одного.	Пятнадцать.	єі	XV Десятокъ и пятокъ.	0 0 1 5	Одинъ десятокъ и пять.	1	5
Десять и шесть. Семнадцать безъ одного.	Шестнадцать.	ѕі	XVI Десятокъ, пятокъ и одинъ.	0 0 1 6	Одинъ десятокъ и шесть.	1	6
Десять и семь. Восемнадцать безъ одного.	Семнадцать.	зі	XVII Десятокъ, пятокъ и два.	0 0 1 7	Одинъ десятокъ и семь.	1	7
Десять и восемь. Девятнадцать безъ одного.	Восемнадцать.	иі	XVIII Десятокъ, пятокъ и три.	0 0 1 8	Одинъ десятокъ и восемь.	1	8
Десять и девять. Двадцать безъ одного.	Девятнадцать.	ѳі	XIX Десятокъ и десятокъ безъ одного,	0 0 1 9	Одинъ десятокъ и девять.	1	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Девятнадцать и одинъ. Двадцать одинъ безъ одного.	Двадцать.	К҃	XX	0 0 2 0 Два десятка. 0 0 1 * Одинъ десятокъ и десять.	2	0
Двадцать семь и одинъ. Двадцать девять безъ одного.	Двадцать восемь.	К҃И	XXVIII	0 0 2 8 Два десятка и восемь.	2	8
Двадцать восемь и одинъ. Тридцать безъ одного.	Двадцать девять.	К҃Ѳ	XXIX	0 0 2 9 Два десятка и девять.	2	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Двадцать девять и одинъ. Тридцать одинъ безъ одного.	Тридцать.	л҃	XXX	Три десятка. 0 0 3 0 Двѣ десятка и десять. 0 0 2 *	3	0
Тридцать шесть и одинъ. Тридцать восемь безъ одного.	Тридцать семь.	л҃з	XXXVII	Три десятка и семь. 0 0 3 7	3	7
Тридцать восемь и одинъ. Сорокъ безъ одного.	Тридцать девять.	л҃ѳ	XXXIX	Три десятка и девять. 0 0 3 9	3	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.		Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Тридцать девять и одинъ. Сорокъ одинъ безъ одного.	Сорокъ.	М҃	XXXX или XL Полсотни безъ десятка.	0 0 4 0 Четыре десятка.	0 0 3 * Три десятка и десять.	4	0
Сорокъ девять и одинъ. Пятьдесятъ одинъ безъ одного.	Пятьдесятъ.	Н҃	L Полсотни.	0 0 5 0 Пять десятковъ.	0 0 4 * Четыре десятка и десять.	5	0
Пятьдесятъ восемь и одинъ. Шестьдесятъ безъ одного.	Пятьдесятъ девять.	Н҃Ѳ	LIX	0 0 5 9 Пять десятковъ и девять.		5	9

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.		Арабскія. Десятки	Простыя.
Пятьдесятъ девять и одинъ. Шестьдесятъ одинъ безъ одного.	Шестьдесятъ.	ѯ҃	LX Полсотни и десятокъ	0 0 6 0 Шесть десятковъ.	0 0 5 * Пять десятковъ и десять.	6	0
Шестьдесятъ три и одинъ. Шестьдесятъ пять безъ одного.	Шестьдесятъ четыре.	ѯ҃д	LXIV	0 0 6 4 Шесть десятковъ и четыре		6	4
Шестьдесятъ девять и одинъ. Семьдесятъ одинъ безъ одного.	Семьдесятъ	о҃	LXX	0 0 7 0 Семь десятковъ	0 0 6 * Шесть десятковъ и десять.	7	0

НАЗВАНІЯ.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.		Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Семьдесять девять и одинъ. Восемьдесять одинъ безъ одного.	Восемьдесять.	п҃	LXXX	0 0 8 0 Восемь десятковъ.	0 0 7 * Семь десятковъ и десять.	8	0
Восемьдесять одинъ и одинъ. Восемьдесять три безъ одного	Восемьдесять два.	п҃в	LXXXII	0 0 8 2 Восемь десятковъ и два.		8	2
Восемьдесять девять и одинъ. Девяносто одинъ безъ одного.	Девяносто.	ч҃	LXXXX Полсотни и четыре десятка. или XC Сотня безъ десятка.	0 0 9 0 Девять десятковъ.	0 0 8 * Восемь десятковъ и десять.	9	0

Названія		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Сотни.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Девяносто четыре и одинъ. Девяносто шесть безъ одного.	Девяносто пять.	ч҃е	XCV	0 0 9 5 Девять десятковъ и пять.		9	5
Девяносто восемь и одинъ. Сто безъ одного.	Девяносто девять.	ч҃ѳ	XCIX	0 0 9 9 Девять десятковъ и девять		9	9
Девяносто девять и одинъ. Сто одинъ безъ одного.	Сто.	р҃	C Сотня.	0 1 0 0 Одна сотня. 0 0 ✱ 0 Десять десятковъ. 0 0 9 ✱ Девять десятковъ и десять.	1	0	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.	Арабскія. Сотни.	Арабскія. Десятки.	Арабскія. Простыя.
Сто девяносто восемь и одинъ. Двѣсти безъ одного.	Сто девяносто девять.	рч҃ѳ	CXCIX или CLXXXXVIIII	0 1 9 9 Сто девяносто девять.	1	9	9
Сто девяносто девять и одинъ. Двѣсти одинъ безъ одного.	Двѣсти.	с҃	CC Двѣ сотни.	0 2 0 0 Двѣ сотни. 0 1 * 0 Одна сотня и десять десятковъ. 0 1 9 * Одна сотня, девять десятковъ и десять.	2	0	0
Двѣсти девяносто восемь и одинъ. Триста безъ одного.	Двѣсти девяносто девять.	сч҃ѳ	CCXCIX	0 2 9 9 Двѣ сотни, девять десятковъ и девять.	2	9	9

Названія.		Славянскія.	Римскія.	На счетахъ.			Арабскія.		
							Сотни.	Десятки.	Простыя.
Двѣсти девяносто девять и одинъ. Триста одинъ безъ одного.	Триста.	т҃	CCC Три сотни.	0 3 0 0 Три сотни.	0 2 * 0 Двѣ сотни и десять десятковъ.	0 2 9 * Двѣ сотни, девять десятковъ и десять.	3	0	0
Четыреста девяносто восемь и одинъ. Пятьсотъ безъ одного.	Четыреста девяносто девять.	ѹч҃ѳ	CCCCXCIX или CDXCIX		0 4 9 9 Четыре сотни, девять десятковъ и девять.		4	9	9
Четыреста девяносто девять и одинъ. Пятьсотъ одинъ безъ одного.	Пятьсотъ.	ф҃	D Полтысячи.	0 5 0 0 Пять сотенъ.	0 4 * 0 Четыре сотни, и десять десятковъ.	0 4 9 * Четыре сотни, девять десятковъ и десять.	5	0	0

Названія.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія.		
					Сотни.	Десятки.	Простыя.
Шестьсотъ девяносто восемь и одинъ. Семьсотъ безъ одного.	Шестьсотъ девяносто девять.	ХЧ҃Ѳ	DCXCIX	0 6 9 9 Шесть сотенъ, девять десятковъ и девять.	6	9	9
Шестьсотъ девяносто девять и одинъ. Семьсотъ одинъ безъ одного.	Семьсотъ.	Ѱ	DCC Полтысячи и двѣ сотни.	0 7 0 0 Семь сотенъ. 0 6 * 0 Шесть сотенъ и десять десятковъ. 0 6 9 * Шесть сотенъ, девять десятковъ и десять.	7	0	0
Восемьсотъ четырнадцать и одинъ. Восемьсотъ шестнадцать безъ одного.	Восемьсотъ пятнадцать.	ѾЄІ	DCCCXV	0 8 1 5 Восемь сотенъ, одинъ десятокъ и пять.	8	1	5

Названія.		Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.	Арабскія. Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
Девятьсотъ девяносто восемь и одинъ. Тысяча безъ одного.	Девятьсотъ девяносто девять.	цч҃ѳ	DCCCCXCIX или CMXCIX	0 9 9 9 Девять сотенъ, девять десятковъ и девять.		9	9	9
Девятьсотъ девяносто девять и одинъ. Тысяча одинъ безъ одного.	Тысяча.	҂а҃	M	1 0 0 0 Одна тысяча. 0 * 0 0 Десять сотенъ. 0 9 * 0 Девять сотенъ и десять десятковъ. 0 9 9 * Девять с тенъ, девять десятковъ и десять.	1	0	0	0
Тысяча шестьсотъ восемьдесятъ семь.		҂ах҃пз	MDCLXXXVII	1 6 8 7 Тысяча, шесть сотенъ, восемь десятковъ и семь.	1	6	8	7

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.			Арабскія.			
						Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
Три тысячи, шестьдесятъ три.	҂гѯг	MMMLXIII	3 0 6 3 — Три тысячи, шесть десятковъ и три.	2 • 6 3 — Двѣ тысячи, десять сотенъ, шесть десятковъ и три.		3	0	6	3
Тысяча сто.	҂аѱ	MC	1 1 0 0 — Одна тысяча и одна сотня.	1 0 • 0 — Одна тысяча и десять десятковъ.	1 0 9 • — Одна тысяча, девять десятковъ и десять.	1	1	0	0
Двѣ тысячи три.	҂вг	MMIII	2 0 0 3 — Двѣ тысячи и три.	1 • 0 3 — Одна тысяча, десять сотенъ и три.	1 9 • 3 — Одна тысяча, девять сотенъ, десять десятковъ и три	2	0	0	3

Названія.	Славянскія.	Римскія.	НА СЧЕТАХЪ.		Арабскія.			
					Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
Три тысячи, восемьсоть пять.	҂г҃ѿе	MMMDCCCV	3 8 0 5 — Три тысячи, восемь сотень и пять.	3 7 * 5 — Три тысячи, семь сотень, десять десятковъ и пять.	3	8	0	5
Четыре тысячи, сто пять.	҂д҃ре	MMMMCV	4 1 0 5 — Четыре тысячи, одна сотня и пять.	4 0 * 5 — Четыре тысячи, десять десятковъ и пять.	4	1	0	5

ЦИФРЫ ДЛЯ ЧТЕНІЯ:

217, двѣсти семнадцать.
314, триста четырнадцать.
5011, пять тысячъ одиннадцать.
718, семьсотъ восемнадцать.
3019, три тысячи девятнадцать.
40, сорокъ; 90, девяносто.
200, двѣсти; 300, триста.
190, сто девяносто.
8040, восемь тысячъ сорокъ.
595, пятьсотъ девяносто пять.
643, шестьсотъ сорокъ три.
147, сто сорокъ семь.
298, двѣсти девяносто восемь.
196, сто девяносто шесть.
414, четыреста четырнадцать.
1241, тысяча двѣсти сорокъ одинъ.
2362, двѣ тысячи триста шестьдесятъ два.
390, триста девяносто.
240, двѣсти сорокъ.

5486 можно выговаривать: 5,486—пять тысячъ, четыреста восемьдесятъ шесть простыхъ. И можно выговаривать: 54,86—пятьдесятъ четыре сотни и восемьдесятъ шесть простыхъ. И еще можно выговаривать: 548,6—пятьсотъ сорокъ восемь десятковъ и шесть простыхъ.

3,121=31,21=312,1.   8,965=89,65=896,5.

СЧЕТЪ СЛАВЯНСКИМИ ЦИФРАМИ.

Десять и пять=пятнадцать . . . . . . і҃+є҃=єі҃.
Двадцать и семь=двадцать семь . . . к҃+з҃=кз҃.
Тридцать и девять=тридцать девять . . л҃+ѳ҃=лѳ҃.
Сто и сорокъ=сто сорокъ. . . . . . . р҃+м҃=рм҃.
Триста и семьдесятъ и еще восемь=триста семьдесятъ восемь . . . . т҃+о҃+и҃=то҃и.

Тридцать и пятьдесятъ=восемьдесятъ . . λ҃+н҃=п҃.
Сорокъ пять и семнадцать=шестьдесятъ два м҃є+з҃і=ѯ҃в.
Триста и двѣсти=пятьсотъ . . . . т҃+с҃=ф҃.
Сто девяносто девять и одинъ=двѣсти. . . рч҃ѳ+а҃=с҃.
Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два=тысяча . . . . у҃ки+ф҃ов=҂а҃.

Славянскія цифры помогаютъ въ счетѣ только тогда, когда къ десяткамъ присчитываешь простыя или къ сотнямъ десятки. Тогда только пишутся тѣ же буквы. Напр. к҃+ѳ҃=к҃ѳ. А какъ только станешь считать простыя съ простыми, или десятки съ десятками, или сотни съ сотнями,—такъ на каждое число пишутся другія буквы. Напр. м҃+н҃=ч҃.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ БЕЗЪ СОКРАЩЕНІЯ.

Десять и пять=пятнадцать. . . . . X + V = XV.
Восемь и шесть=четырнадцать. . . . VIII + VI = XIIII.
Тридцать пять и тринадцать=сорокъ восемь. . . . . XXXV + XIII = XXXXVIII.
Сто тридцать семь и двадцать два=сто пятьдесятъ девять. . . . . . CXXXVII + XXII = CLIX.
Четыреста двадцать восемь и пятьсотъ семьдесятъ два=тысяча. . . . CCCCXXVIII + DLXXII = M.

Чтобы считать римскими цифрами, надо только списывать вмѣстѣ: тысячи M съ тысячами M; полтысячи D съ полтысячами D; сотни C съ сотнями C; полсотни L съ полсотнями L; десятки X съ десятками X; пятки V съ пятками V, и единицы I съ единицами I. И потомъ счесть сколько выйдетъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ, пятковъ, единицъ.

DCCLXXXVIII + DCCCLXXVIII =
= DDCCCCCLLXXXXXVVIIIIII.

Когда написалъ—что вышло, тогда своди единицы въ пятки, пятки въ десятки, десятки въ полсотни, полсотни въ сотни, сотни въ полтысячи, полтысячи въ тысячи:

IIIII = V
VV = X.
XXXXX = L.
LL = C.
CCCCC = D.
DD = M.

Было написано: DDCCCCCLLXXXXXVVIIIIII.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXVVVI.
Все равно: DDCCCCCLLXXXXXXVI.
Все равно: DDCCCCCLLLXVI.
Все равно: DDCCCCCCLXVI.
Все равно: DDDCLXVI.
Все равно: MDCLXVI.

LVI + XXXXIIII = LXXXXVIIIII = LXXXXVV = LXXXXX = LL = C.
CLXXXIIII + XVI = CLXXXXVIIIII = CLXXXXVV = CLXXXXX = CLL = CC.
CCCXXXXIII + DCLVII = DCCCCLXXXXVIIIII = DCCCCLXXXXVV = DCCCCLXXXXX = DCCCCLL = DCCCCC = DD = M.

ПРИМѢРЫ ДЛЯ СЧЕТА РИМСКИМИ ЦИФРАМИ.

CCLIII+CCCLXXVI.
CCCCXXII+DXVIII.
DCLXXXXVIII+DLVI.
DCCLXXXII+XXV.
LXIIII+DCLXVI.
DCCCCXIII+CXII.

СЧЕТЪ РИМСКИМИ ЦИФРАМИ СЪ СОКРАЩЕНІЯМИ.

Для того, чтобы меньше писать римскими цифрами, пишутъ тоже и такъ: четыре пишутъ не четыре палочки—IIII, а пишутъ пять и передъ пятью ставятъ одинъ,—значитъ пять безъ одной; четыре—IV. И девять пишутъ не пять и четыре—VIIII, а десять безъ одной—IX. И сорокъ пишутъ не четыре десятка—XXXX, а полсотни безъ десятка—XL. И девяносто пишутъ не полсотни и четыре десятка — LXXXX, а сотню безъ десятка — XC. И четыре сотни пишутъ не четыре сотни—CCCC, а полтысячи безъ сотни—CD. И девятьсотъ пишутъ не полтысячи и четыре сотни—DCCCC, а тысячу безъ сотни—CM.

XXIX+XIV=XLIII.
CXLIII+LIV=CXCVII.
XCV+XLIV=CXXXIX.
CXCIX+CDXCIX=DCXCVIII.
CDXXIX+CCCLXXVI=DCCCV.

Чтобы считать сокращенными цифрами, надо точно такъ ж, списывать вмѣстѣ тысячи, полтысячи, сотни, полсотни, десяткие пятки, единицы и потомъ сличать, сколько выходитъ тысячъ, полтысячъ, сотенъ, полсотенъ, десятковъ.

Считать надо такъ: Если надо счесть IV+IV, то выйдетъ два пятка, десятокъ; изъ десятка надо взять два,—останется восемь, и напиши VIII. Если надо счесть IV и V, то два пятка—десять, и изъ десяти надо взять одинъ; такъ и оставь одинъ, будетъ—IX. Если надо счесть IV+VI, то въ одномъ пяткѣ надо взять I, а къ другому прибавить; значитъ—ни прибавлять, ни убавлять,—будетъ X. Если счесть IX и IV, то надо изъ XV взять два, будетъ — XIII. Если счесть IX + XI, то у одного взять, къ другому прибавить по одному, будетъ — XX.

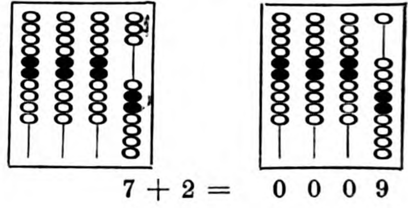
Такъ же надо считать полсотни и сотни безъ десятковъ, и тысячи и полтысячи безъ сотенъ.

CXLIII + ĿIV = CXLĿIVIII = CXĿLVII = CXCVII.
CXCIX + CDXCIV = CDCXCXCIXIV = CDCXCXCXIII =
=CDCCĿXXXXIII = CDCCLXLIII = CDCCXCIII = DCXCIII.

Считать сокращенными римскими цифрами трудно. Чтобы скорѣе считать, надо переводить сокращенныя на несокращенныя.

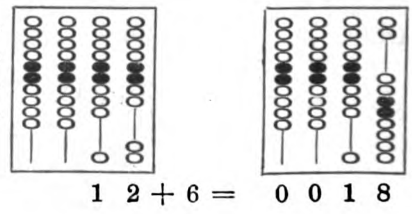
СЧЕТЪ НА СЧЕТАХЪ И АРАБСКИМИ.

7 и 2. Положи на *простыхъ* 7 костей и еще 2. Сочти, сколько выйдетъ, и запиши подъ простыми 9.



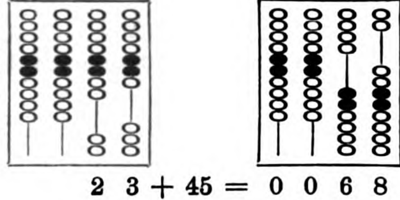
7 + 2 = 0 0 0 9

12 и 6. Положи одинъ десятокъ и двѣ простыхъ. Къ простымъ приложи 6. Сочти и запиши подъ простыми 8, подъ десятками 1.



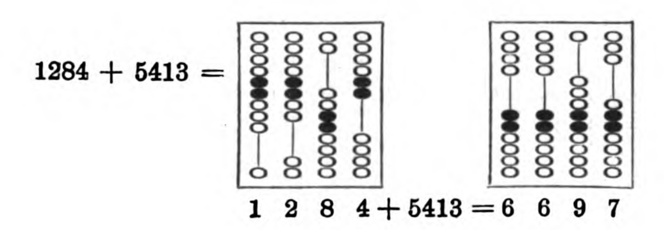
1 2 + 6 = 0 0 1 8

23 и 45. Положи 2 десятка и 3 простыхъ. Къ десяткамъ приложи 4. Сочти и запиши подъ десятками 6. Къ простымъ приложи 5; сочти и запиши подъ простыми 8.



2 3 + 45 = 0 0 6 8

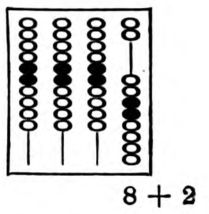
1284 + 5413 =



1 2 8 4 + 5413 = 6 6 9 7

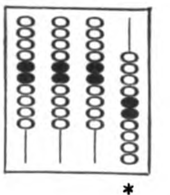
8 и 6.

Положи 8 простыхъ и прикладывай 6 по одной.



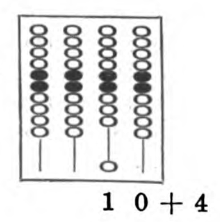
8 + 2

Двѣ приложишь, — будетъ всего десять, а 4-хъ недостанетъ.



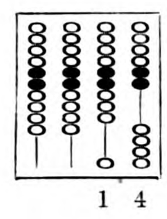
*

Скинь назадъ десять простыхъ, а на мѣсто ихъ положи одинъ десятокъ.



1 0 + 4

Положи въ простыхъ 4. Вышло 14.



14 + 7 =

1 4 + 6 = 1 * 2 0 + 1 = 2 1

23 + 37 =

2 3 + 37 = 5 * = 6 0

49 + 58 =

4 9 + 51 = 9 * = *0 + 7 = 1 0 7

2865 + 3147 = 6012

2 8 6 5 + 3145 = 5 9 * * = 5 * 0 * = 6 0 1 0 + 2 = 6 0 1 2

ТАБЛИЦА АРАБСКИХЪ ЧИСЕЛЪ ДО МИЛЛІОНА.

Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.		Милліоны.	Сотни тысячъ.	Десотки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Простыя.
9	3	4	1	0	5	2		3	2	9	6	3	8	6
7	8	0	4	8	3	7		4	5	2	7	8	9	1
3	0	7	6	3	2	9		1	3	7	4	3	5	2
	1	2	0	5	4	8					3	6	0	8
		6	9	5	3	2			7	4	2	5	9	0
			6	4	1	0						1	8	3

5624328 можно выговаривать: пять *миллгоновъ*, шестьсотъ двадцать четыре тысячи, триста двадцать восемь простыхъ.

56,24328 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть *сотенъ тысячъ*, и двадцать четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

562,4328 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ два *десятка тысячъ*, и четыре тысячи триста двадцать восемь простыхъ.

5624,328 можно еще выговаривать: пять тысячъ, шестьсотъ двадцать четыре *тысячи*, и триста двадцать восемь простыхъ.

56243,28 можно еще выговаривать: пятьдесятъ шесть тысячъ двѣсти сорокъ три *сотни*, и двадцать восемь простыхъ.

562432,8 можно еще выговаривать: пятьсотъ шестьдесятъ двѣ тысячи четыреста тридцать два *десятка*, и восемь простыхъ.

1382516 можно выговаривать: одинъ милліонъ, и триста восемьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 13,82516 можно выговаривать: тринадцать сотенъ тысячъ, и восемьдесятъ двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 138,2516 можно выговаривать: сто тридцать восемь десятковъ тысячъ, и двѣ тысячи пятьсотъ шестнадцать. Еще 1382,516 можно выговаривать: тысяча триста восемьдесятъ двѣ тысячи, и пятьсотъ шестнадцать. Еще 13825,16 можно выговаривать: тринадцать тысячъ восемьсотъ двадцать пять сотенъ, и шестнадцать простыхъ. Еще 138251,6 можно выговаривать: сто тридцать восемь тысячъ двѣсти пятьдесятъ одинъ десятокъ, и шесть простыхъ.

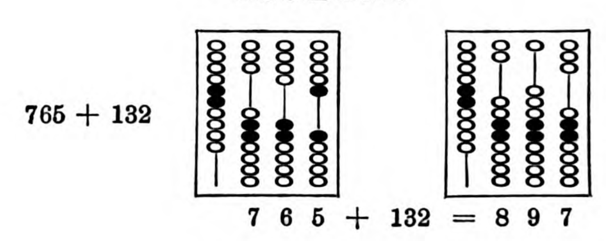
СЛОЖЕНІЕ И ВЫЧИТАНІЕ.

Если считаешь такъ: два и три будетъ пять, 2+3=5; четыре и шесть будетъ десять, 4+6=10; сто тридцать два и двѣсти тридцать семь будетъ триста шестьдесятъ девять, 132+237=369, — то дѣлаешь *сложеніе*.

Если считаешь такъ: пять безъ двухъ останется три, 5 — 2 = 3; десять безъ шести останется четыре, 10 — 6 = 4; триста шестьдесятъ девять безъ ста тридцати двухъ останется двѣсти тридцать семь, 369—132=237,—то дѣлаешь *вычитаніе*.

Сложить:

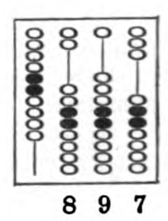
765 + 132



7 6 5 + 132 = 8 9 7

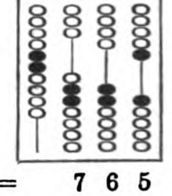
Вычесть.

897 — 132. Положи на счеты восемь сотенъ, девять десятковъ, семь простыхъ.



8 9 7

Скидывай со счетовъ 1 изъ сотенъ, 3 изъ десятковъ, 2 изъ простыхъ. Осталось:



897—132 = 7 6 5

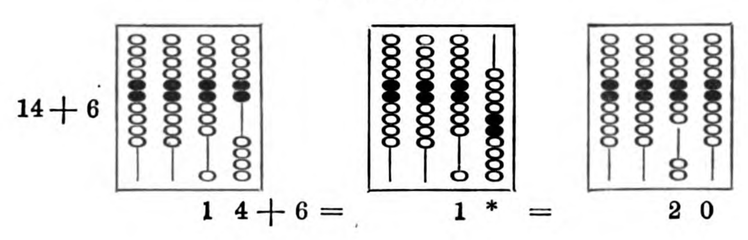
Сложить:

3331 + 2348. 45 + 21. 6084 + 1311. 56 + 43. 47821 + 2147.

Вычесть:

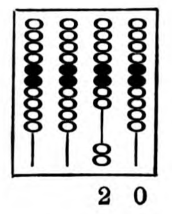
5679 — 2348. 5679 — 3331. 67 — 21. 67 — 45. 7395 — 6084.
7395 — 1311. 99 — 56. 99 — 43. 49969 — 47821. 39969 — 2147.

Сложить:

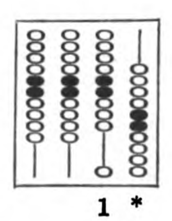


Вычесть:

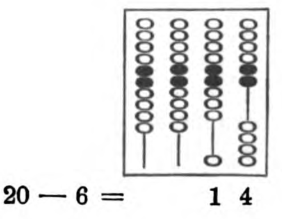
20 — 6. Положи на счеты два десятка.



Скидывай шесть простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ; положи два десятка такъ, чтобы были простыя.



Изъ простыхъ скинь шесть; вышло:



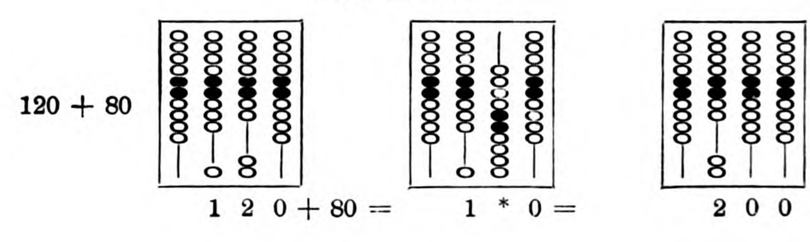
Сложить:

15 + 5. 38 + 12. 49 + 31. 89 + 1.

Вычесть:

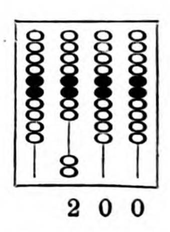
20 — 5. 20 — 15. 50 — 38. 50 — 12. 80 — 31. 81 — 49. 90 — 89. 90 — 1.

Сложить:

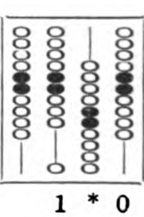


Вычесть:

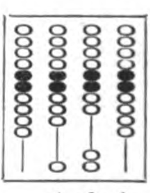
200 — 80. Положи на счеты двѣ сотни.



Скидывай восемь десятковъ изъ десятковъ. Десятковъ нѣтъ. Положи двѣ сотни такъ, чтобы были десятки.



Изъ десятковъ скинь восемь. Сочти, сколько осталось.



200 — 80 = 1 2 0

Сложить:

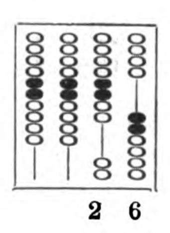
110 + 90. 220+80. 330 + 70. 440 + 60. 550 + 50.
770 + 30. 890 + 10.

Вычесть:

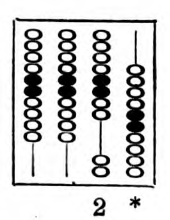
200 — 90. 200 — 110. 300 — 80. 300 — 220. 500 — 60. 500 — 440.
600 — 50. 600 — 550. 800 — 30. 800 — 770. 900 — 10. 900 — 890.

Сложить:

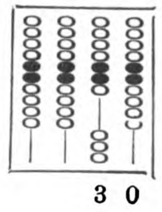
26 + 7. Положи на счетахъ два десятка и шесть простыхъ.



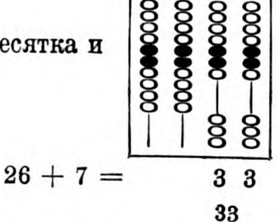
Прикладывай семь простыхъ къ простымъ. Приложишь четыре—будетъ десять простыхъ, и трехъ недостанетъ.



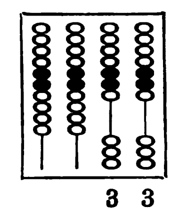
Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



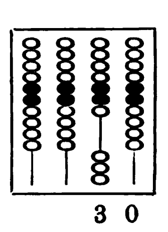
Приложи три простыхъ. Вышло три десятка и три простыхъ.



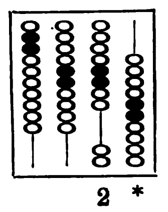
Вычесть:



33 — 7. Положи на счетахъ три десятка и три простыхъ.



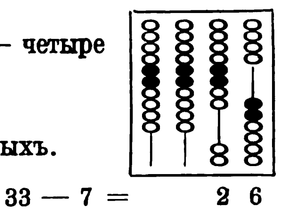
Скидывай семь простыхъ изъ простыхъ. Три скинешь, — четырехъ недостанетъ.



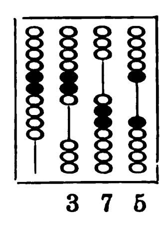
Переложи изъ трехъ десятковъ одинъ на десять простыхъ.

Теперь скинь то, что недостало, — четыре простыхъ.

Останется два десятка и шесть простыхъ.

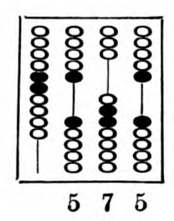


Сложить:

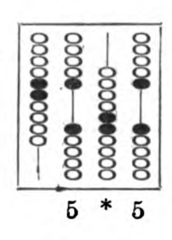


375 + 246. Положи на счеты три сотни, семь десятковъ и пять простыхъ.

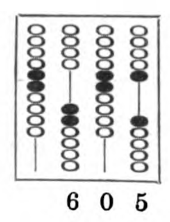
Прикладывай двѣ сотни къ тремъ сотнямъ,— будетъ пять сотенъ.



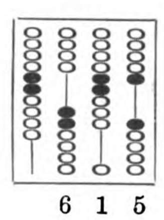
Прикладывай четыре десятка къ семи десяткамъ. Приложишь три,—будетъ десять десятковъ, а одного недостанетъ.



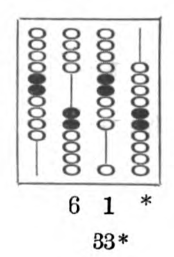
Переложи десять десятковъ на одну сотню.



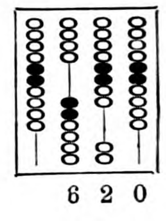
Теперь приложи то, что недостало, — одинъ десятокъ.



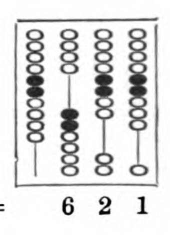
Прикладывай шесть простыхъ къ пяти простымъ. Приложишь пять простыхъ,—будетъ десять, а одной недостанетъ.



Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ.



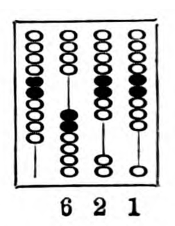
Приложи то, что недостало, — одну простую. **Вышло:**



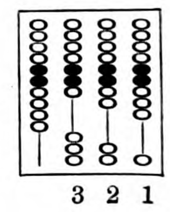
375 + 246 = 6 2 1

Вычесть:

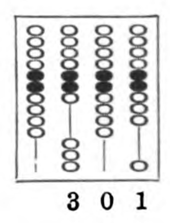
621 — 375. Положи на счеты шесть сотенъ, два десятка, одну простую.



Скидывай изъ шести сотенъ три сотни; останется:



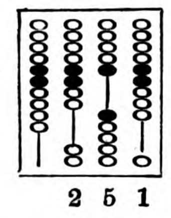
Изъ двухъ десятковъ скидывай семь; два скинешь, — пяти недостанетъ; останется:



Переложи изъ трехъ сотенъ одну такъ, чтобы были десятки.

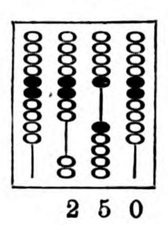
2 * 1

Скидывай то, что недостало,—пять десятковъ; останется:



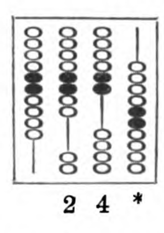
2 5 1

Скидывай пять простыхъ изъ одной простой. Скинешь одну,—четырехъ недостанетъ.



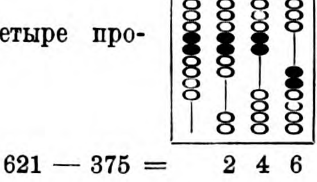
2 5 0

Переложи пять десятковъ такъ, чтобы было десять простыхъ.



2 4 *

Скидывай сколько недостало, — четыре простыхъ; останется:



621 — 375 = 2 4 6

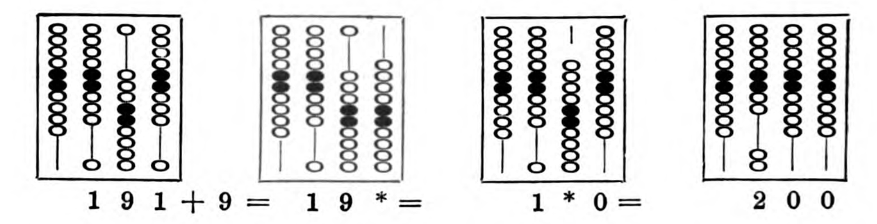
Сложить:

397 + 145. 428 + 387. 613 + 298.

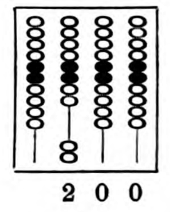
Вычесть:

542 — 397. 542 — 145. 815 — 357. 911 — 613. 911 — 298.

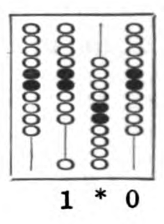
Сложить: 191 + 9.



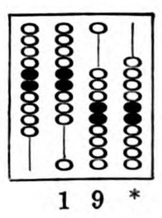
Вычесть:



200—9. Положи на счеты двѣ сотни.

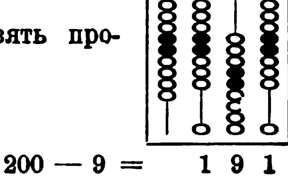


Скидывай девять простыхъ изъ простыхъ. Простыхъ нѣтъ, и десятковъ нѣтъ. Переложи сотню на десять десятковъ.



Переложи десять десятковъ, такъ чтобы были простыя

Скидывай изъ десяти простыхъ девять простыхъ; останется:



Сложить:

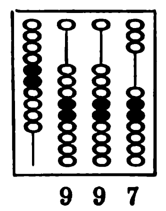
293 + 7. 496 + 4. 792 + 8. 985 + 15. 1837 + 163. 3799 + 1.

Вычесть:

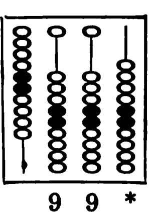
300—7. 300—293. 500—4. 500—496. 800—8. 800—792. 1000—15. 1000—985. 2000—163. 2000—1837. 4000—3799. 4000—1.

Сложить:

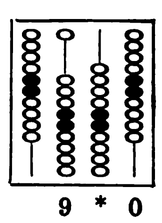
997 + 8. Положи 997.



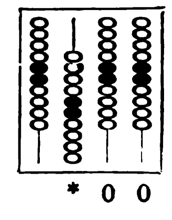
Прикладывай къ семи простымъ восемь простыхъ. Приложишь три, а пяти недостанетъ. Выйдетъ:



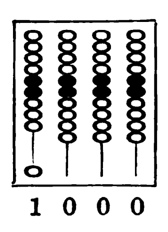
Переложи десять простыхъ на одинъ десятокъ; будетъ:



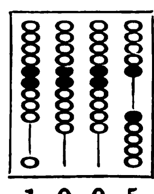
Переложи десять десятковъ на одну сотню, будетъ:



Переложи десять сотенъ на одну тысячу; будетъ:



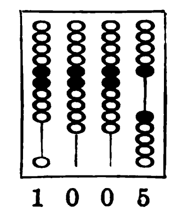
Приложи теперь, что недостало,—пять простыхъ; будетъ:



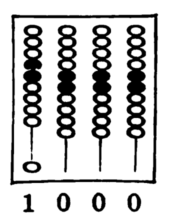
$997 + 8 = 1\ 0\ 0\ 5$

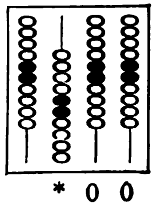
Вычесть:

1005 — 8. Положи на счеты одну тысячу и пять простыхъ.

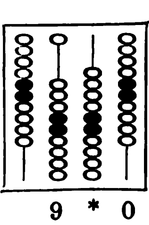


Скидывай изъ пяти простыхъ восемь. Пять скинешь, трехъ недостанетъ.

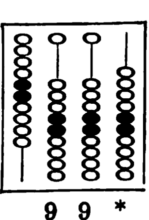




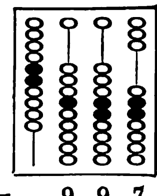
Простыхъ нѣтъ, десятковъ нѣтъ, сотенъ нѣтъ; положи тысячу на десять сотенъ.



Изъ десяти сотенъ одну положи такъ, чтобы были десятки.



Изъ десяти десятковъ положи одинъ такъ, чтобы были простыя



Изъ десяти скинь, что недостало, — три простыхъ. Осталось:

1005 — 8 = 9 9 7

Сложить:

999 + 1. 3992 + 8. 998 + 7. 6000 + 4000. 9800 + 200. 9950 + 50. 9993 + 7. 100097 + 1498. 9999 + 30005.

Вычесть:

1000 — 1. 1000 — 999. 4000 — 8. 4000 — 3992. 1005 — 998. 1005 — 7. 10000 — 4000. 10000 — 6000. 10000 — 50. 10000 — 9950. 10000 — 9993. 10000 — 7. 101595 — 100097. 101595 — 1498. 40004 — 9999. 40004 — 30005.

БЕЗЪ СЧЕТОВЪ СЧИТАТЬ СЛѢВА.

Сложить: 565 + 839.

Сочти, сколько сотенъ, и запиши... 1300, тринадцать сотенъ, а 5 и 8 сотенъ зачеркни . . . 565+839.

Сочти, сколько десятковъ, и запиши подъ 13 сотнями 1300
90 девять десятковъ,
а 6 и 3 десятка зачеркни . . . . . 565 + 839.

Сочти простыя и запиши подъ 9 десятками. 1300
90
14 простыхъ.
а 9 и 5 зачеркни. . . . . 565 + 839.

Сочти, сколько сотенъ, десятковъ и простыхъ . . . . 13*4.

Десять десятковъ—все равно, что одна сотня; вышло. . 1404.

987 + 654 =	876 + 329 =
1500	1100
130	90
11	15
1641	11*5=1205

Вычесть: 1404 — 565.

1) Скидывай сотни изъ сотенъ. Недостанетъ. Разложи одну тысячу на сотни и запиши такъ *404

Изъ 14 сотенъ скинь 5 сотенъ . . . . *404 — 500
Останется 9 сотенъ; запиши. . . . . 904.

2) Скидывай десятки отъ десятковъ . . . . . . 904 — 60
Десятковъ нѣтъ. Разложи 9 сотенъ такъ, чтобы были десятки . . . . 904 = 8*04
Скинь 6 десятковъ изъ 10; останется . . . . 844.

3) Скидывай простыя изъ простыхъ. Недостанетъ. Разложи 4 десятка такъ, чтобы были простыя. . . 844 = 83*4
Скинь 5 простыхъ; останется . . . . 839.

1404 — 839.

1404 (=$\overset{*}{4}04$)—800=604

604 (=$5\overset{*}{0}4$)— 30=574

574 (=$56\overset{*}{4}$)— 9=565

1641 — 987.

1641 (=$\overset{*}{6}41$)—900=741

741 (=$6\overset{*}{4}1$)— 80=661

661 (=$65\overset{*}{1}$)— 7=654

1205 — 876.

1205 (=$\overset{*}{2}05$)—800=405

405 (=$3\overset{*}{0}5$)— 70=335

335 (=$32\overset{*}{5}$)— 6=329

1205 — 329.

1205 (=$\overset{*}{2}05$)—300=905

905 (=$8\overset{*}{0}5$)— 20=885

885 (=$87\overset{*}{5}$)— 9=876

Сложить:

8248 + 735. 2981 + 19. 8736 + 3574.

Вычесть:

8983 — 8248. 8983 — 735. 3000 — 19. 3000 — 2981. 12310 — 8736.
12310 — 3574.

СЧИТАТЬ СПРАВА.

Сложить: 789 + 693.

Напиши оба числа одно подъ другимъ,—простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями . . . 789
693

Сочти простыя и подпиши; зачеркни 9 и 3. 789
693
12

Сочти десятки и подпиши: зачеркни 8, 9 и 1. 789
693
12
180

Сочти сотни и подпиши; зачеркни 7, 6 и 1.	789
	693
	12
	180
	1400
Прочти все, что вышло	1482

Сложить: 9873 + 3657.

9873
3657
10
130
1500
1500
13000
13530

Вычесть: 1482 — 693.

Напиши оба числа одно подъ другимъ,—простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями.	1482 693
1) Вычитай простыя изъ простыхъ. Простыхъ недостанетъ. Переложи восемь десятковъ на семь десятковъ и десять простыхъ.	* 1472 693
Вычитай 3 изъ 12,—останется 9; напиши 9, и зачеркни простыя.	* 1472 693 9
2) Вычитай десятки изъ десятковъ. Десятковъ недостанетъ. Переложи 4 сотни на 3 сотни и 10 десятковъ. 9 изъ 17 будетъ 8. Напиши 8, и зачеркни десятки.	** 1372 693 89
3) Вычитай сотни изъ сотенъ. Сотенъ недостанетъ. Разложи тысячу на 10 сотенъ. Будетъ 13 сотенъ. 6 изъ 13 будетъ 7. Напиши 7, и зачеркни сотни.	*** 372 693 789

1482 — 789.	13530 — 9873.	13530 — 3657.
** 37* 1482 789 693	*** 242* 13530 9873 3657	*** 242* 13530 3657 9873

Сложить:

736 + 2453 + 196 + 9 + 38.

Напиши всѣ числа—простыя подъ простыми, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и тысячи подъ тысячами, и складывай такъ же, какъ два числа.

```
  736
 2453
  196
    9
   38
   32 простыхъ
  230 десятковъ.
 1400 сотенъ.
 3000 тысячъ.
 ----
 3432
```

Сложить:

7893 + 3657 + 85 + 10 + 11 + 20056.

5005 + 5050. 7896 + 3659. 6701 + 8928.

Вычесть:

9009—190. 5689—657. 10101—9876. 8765—3298. 560751—98765.

ЗАДАЧИ.

I.

1) Нынче 1872 годъ. Мнѣ 43 года отроду, а дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ. Въ какомъ году родился дѣдъ?

Дѣдъ старше меня на 48 лѣтъ, а мнѣ 43 года; сколько же дѣду лѣтъ? 43 да 48 будетъ 91. Значитъ, онъ 91 годъ тому назадъ родился. Какой былъ годъ 91 годъ тому назадъ? Надо вычесть 91 изъ 1872.

Если мнѣ въ 1872 году 43 года, то, значитъ, я 43 года тому назадъ родился. Надо вычесть 43 изъ 1872; узнаешь, въ которомъ году я родился,—въ 1829. А когда я родился, дѣду ужъ было 48 лѣтъ. Стало быть, онъ родился 48 лѣтъ прежде 1829 года. Надо вычесть 48 изъ 1829.

---

2) Купецъ пріѣхалъ на ярмарку и купилъ сукна на 5687 рублей, да бархату на 6898 рублей, и хотѣлъ еще купить ситцу на 365 рублей, да недостало у него на ситецъ 58 рублей. Сколько у купца было денегъ?

У купца достало денегъ на сукно—5687 рублей, и на бархатъ—6898, (сложить)—всего 12585; да на ситецъ достало 365 безъ 58. Вычесть 58 изъ 365,—узнаешь сколько достало на ситецъ; а приложить къ 12585,—узнаешь сколько всѣхъ было денегъ.

Если бы достало купцу денегъ на все, то вышло бы всѣхъ денегъ 5687 + 6898 + 365. Сложи все вмѣстѣ и вычти сколько недостало; узнаешь сколько всѣхъ было денегъ.

ЗАДАЧИ.

II.

1) Отецъ оставилъ въ наслѣдство тремъ дѣтямъ 59075 рублей: старшему сыну 20000 р., дочери — 13289 р., а другому сыну — остальное.

На сколько сестра получила меньше противъ старшаго и противъ младшаго брата?

2) Тремъ нищимъ дали вмѣстѣ 7 копеекъ: одному 1 копейку, другому 4, а третьему остальныя.

На сколько первому дали меньше противъ другихъ?

ЗАДАЧИ.

III.

1) У двухъ мужиковъ 35 овецъ. У одного на 9 овецъ больше, чѣмъ у другого. Сколько у каждаго овецъ?

2) У одного мужика 23 овцы, а у другого на 7 овецъ больше. Сколько у нихъ овецъ вмѣстѣ?

3) У одного мужика 26 овецъ, а у другого на 5 овецъ меньше. Сколько у нихъ вмѣстѣ овецъ?

4) У двухъ мужиковъ 40 овецъ, а у одного меньше противъ другого на 6 овецъ. Сколько у каждаго?

5) У двухъ мужиковъ 50 овецъ, а у одного 15. На сколько овецъ у него меньше противъ другого?

УМНОЖЕНІЕ и ДѢЛЕНІЕ.

Если считать такъ: 5+3=8; это—*сложеніе*. Если считать такъ: 8—5=3; это—*вычитаніе*. Если считать такъ: пять троекъ—сколько будетъ? — пятнадцать (3×5=15); это—*умноженіе*. Если считать такъ: три пятка—сколько будетъ?—пятнадцать (5×3=15); это тоже — умноженіе.

Если считать такъ: въ пятнадцати сколько будетъ троекъ? — пять (15 : 3=5); это — *дѣленіе*. Если считать такъ: въ пятнадцати чего будетъ три? — три пятка; это тоже — дѣленіе.

Умноженіе.

Три раза два (три пары)—сколько будетъ?

$2 \times 3 = 6$

Два раза три (двѣ тройки)—сколько будетъ?

$3 \times 2 = 6$

Восемь разъ пять (восемь пятковъ)?

$5 \times 8 = 40$

Пять разъ восемь (пять восьмериковъ)?

$8 \times 5 = 40$

Семь разъ двѣнадцать (семь дюжинъ)?

$12 \times 7 = 84$

Двѣнадцать разъ семь (двѣнадцать семериковъ)?

$7 \times 12 = 84$

Шесть разъ пятьдесятъ (шесть полусотенъ)?

$50 \times 6 = 300$

Пятьдесятъ разъ шесть (пятьдесятъ шестериковъ)?

$6 \times 50 = 300$

Три раза сорокъ (три сорока)—сколько будетъ?

$40 \times 3 = 120$

Сорокъ разъ три (сорокъ троекъ)?

$3 \times 40 = 120$

Дѣленіе.

Въ шести сколько разъ два?
(Въ шести сколько паръ?)
Въ шести по скольку будетъ два раза?
(Въ шести чего будетъ два?)

$6 : 2 = 3$

Въ сорока сколько разъ будетъ восемь?
(Въ сорока сколько восьмериковъ?)
Въ сорока по скольку будетъ восемь разъ?
(Въ сорока чего будетъ восемь?)

$40 : 8 = 5$

Въ восьмидесяти четырехъ сколько разъ будетъ двѣнадцать?

(Въ восьмидесяти четырехъ сколько дюжинъ?)

Въ восьмидесяти четырехъ по скольку будетъ двѣнадцать разъ?

(Въ восьмидесяти четырехъ чего будетъ двѣнадцать?)

84 : 12=7

Въ трехъ стахъ сколько разъ будетъ пятьдесятъ?
(Въ трехъ стахъ сколько полусотенъ?)
Въ трехъ стахъ по скольку будетъ пятьдесятъ разъ?
(Въ трехъ стахъ чего будетъ пятьдесятъ?)

300 : 50=6

Въ ста двадцати сколько разъ будетъ сорокъ?
(Въ ста двадцати сколько будетъ сороковъ?)
Въ ста двадцати по скольку будетъ сорокъ разъ?
(Въ ста двадцати чего будетъ сорокъ?)

120 : 40=3

Умноженіе.

4×8—значить узнать: восемь четвериковъ (восемь разъ четыре) — сколько будетъ? Или узнать: четыре восьмерика (четыре раза по восьми) — сколько будетъ?

Чтобы узнать, надо 4 сложить 8 разъ, или 8 сложить 4 раза.

4 сложить 8 разъ:

1-й разъ 4 = 4.
2-й разъ 4 + 4 = 8.
3-й разъ 4 + 8 = 12.
4-й разъ 4 + 12 = 16.
5-й разъ 4 + 16 = 20.
6-й разъ 4 + 20 = 24.
7-й разъ 4 + 24 = 28.
8-й разъ 4 + 28 = 32.

8-мь разъ 4 = 32.

4 × 8 = 32.

8 сложить 4 раза:

1-й разъ 8 = 8.
2-й разъ 8 + 8 = 16.
3-й разъ 8 + 16 = 24.
4-й разъ 8 + 24 = 32.

4-ре раза 8 = 32.

8 × 4 = 32.

Помножить: 7×5, 9×5, 6×7, 5×4, 7×8, 6×5, 5×7, 3×9, 7×6 4×5, 8×7, 5×6.

Дѣленіе.

32 : 4 — значитъ узнать: въ 32-хъ сколько будетъ четвериковъ? (сколько разъ по четыре?) Или узнать: въ 32-хъ чего будетъ четыре? (четыре раза по скольку?)

Чтобы узнать, сколько будетъ четвериковъ въ 32-хъ, надо изъ 32-хъ вычитать по одному четверику, и счесть, сколько разъ вычтется.

1-й разъ 32 — 4 = 28.
2-й разъ 28 — 4 = 24.
3-й разъ 24 — 4 = 20.
4-й разъ 20 — 4 = 16.
5-й разъ 16 — 4 = 12.
6-й разъ 12 — 4 = 8.
7-й разъ 8 — 4 = 4.
8-й разъ 4 — 4 = 0.

8-мь разъ изъ 32-хъ вычесть 4 — ничего не останется. Стало быть, изъ 32-хъ 4 вычтется ровно 8 разъ.

32 : 4 = 8.

Раздѣлить 32 : 4.

Чтобы узнать въ 32-хъ по скольку будетъ 4 раза, надо раздѣлить 32 на 4 равныхъ части. Сколько будетъ въ каждой части, по стольку и будетъ 4 раза въ 32-хъ.

32
Изъ 32-хъ разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4, 4
останется: 28
Изъ 28-ми разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4, 4
останется: 24
Изъ 24-хъ разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4, 4
останется: 20
Изъ 20-ти разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4, 4
останется: 16
Изъ 16-ти разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4, 4
останется: 12
Изъ 12-ти разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4, 4
останется: 8
Изъ 8-ми разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4, 4
останется: 4
Изъ 4-хъ разложи на 4 части по 1 (1×4=4), вычти 4 4
останется: 0

32 разложится на 4 части по 8 (8×4=32), и ничего не останется.

Стало быть, въ 32-хъ будетъ 4 раза по восьми. 32 : 4=8.

Раздѣлить: 42 : 7, 20 : 4, 56 : 8, 35 : 7, 27 : 9, 42 : 6, 20 : 5 56 : 7, 30 : 5.

Умноженіе.

2×50—значитъ 2 сложить 50 разъ или 50 сложить 2 раза,— будетъ 100.

3×80—сложить 70 разъ 3 или 3 раза 80.

500×4. 138×2. 574×5. 898×6. 517×4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай.

Дѣленіе.

100 : 2—значитъ изъ 100 вычитать по 2 до тѣхъ поръ, пока ничего не останется; или узнать, чего будетъ 2 въ 100-тѣ?

(Въ 100-тѣ 2 раза будетъ по скольку?)

Будетъ двѣ полусотни.

90 : 3—вычитать по 3 или найти, чего будетъ 3 въ 90?

(Въ 90-тѣ 3 раза будетъ по скольку?)

2000 : 4. 800 : 2. 500 : 5. 276 : 2. 936 : 3. 1000 : 4.

Какъ скорѣе, такъ и дѣлай

Умноженіе.

9×8. Надо 9 сложить 8 разъ.

1-й разъ 9 = 9.
2-й разъ 9 + 9 = 18.
3-й разъ 9 + 18 = 27.
4-й разъ 9 + 27 = 36.
5-й разъ 9 + 36 = 45.
6-й разъ 9 + 45 = 54.
7-й разъ 9 + 54 = 63.
8-й разъ 9 + 63 = 72.

8-мь разъ 9 = 72. 9 × 8=72.

Вмѣсто того, чтобы складывать по одному разу 9, можно складывать по два и по четыре раза вмѣстѣ.

Вотъ такъ:

2 раза 9 = 18.
2 раза 9 = 18.

4 раза 9 = 36.

4 раза 9 = 36.
4 раза 9 = 36.

8 разъ 9 = 72.

Если сложить 8 девять разъ, то выйдетъ то же самое.

Помножить:

22×2. 10×8. 45×4. 33×8. 71×4.

Дѣленіе.

72 : 9. Надо 9 вычитать изъ 72-хъ, и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ?

(Въ 72-хъ 9 разъ будетъ по скольку?)

Вычитай 9 изъ 72-хъ.

1-й разъ 72 — 9 = 63.
2-й разъ 63 — 9 = 54.
3-й разъ 54 — 9 = 45.
4-й разъ 45 — 9 = 36.
5-й разъ 36 — 9 = 27.
6-й разъ 27 — 9 = 18.
7-й разъ 18 — 9 = 9.
8-й разъ 9 — 9 = 0.

8-мь разъ изъ 72 вычесть 9, — ничего не останется.

Раздѣлить 72 : 9.

Узнать, чего будетъ 9 въ 72-хъ (въ 72-хъ 9 разъ по скольку?).

Разложи 72 на 9 равныхъ частей.

Вмѣсто того, чтобы раскладывать по одной, раскладывай по двѣ и по четыре.

72
Изъ 72-хъ разложи на 9 частей по 2 (2×9 = 18), вычти 18, 18
останется: 54

54
Изъ 54-хъ разложи на 9 частей по 2 (2×9 = 18), вычти 18, 18
останется: 36

36
Изъ 36 разложи на 9 частей по 4 (4×9 = 36), вычти 36, 36
останется: 00

72 разложится на 9 частей по 8 (8×9 = 72), и ничего не останется.

Стало быть, въ 72-хъ будетъ 8 разъ по 9. 72 : 8=9.

Раздѣлить: 60 : 15, 44 : 11, 80 : 10, 180 : 45, 284 : 71, 3692 : 71.

Умноженіе.

17×9. Надо 17 сложить 9 разъ или 9 сложить 17 разъ. 17 сложить 9 разъ:

17 + 17 = 34 = 2×17 = 34.

2 раза 17 = 34.
2 раза 17 = 34.
4 раза 17 = 68.

4 раза 17 = 68.
4 раза 17 = 68.
8 разъ 17 = 136.

8 разъ 17 = 136.
1 разъ 17 = 17.
9 разъ 17 = 153.

Если сложить 9-ть 17 разъ, то будетъ то же самое.

26×11. 26+26=52.

2 раза 26 = 52.
2 раза 26 = 52.
4 раза 26 = 104.

4 раза 26 = 104.
4 раза 26 = 104.
8 разъ 26 = 208.

8 разъ 26 = 208.
2 раза 26 = 52.
10 разъ 26 = 260.

10 разъ 26 = 260.
1 разъ 26 = 26.
11 разъ 26 = 286. 26×11 = 286.

26 разъ 11 будетъ то же самое.

35×12.

1	разъ	35	=	35.
1	разъ	35	=	35.
2	раза	35	=	70.
2	раза	35	=	70.
4	раза	35	=	140.
4	раза	35	=	140.
8	разъ	35	=	280.
4	раза	35	=	140.
12	разъ	35	=	420.

35×12 = 420.

35 сложить 12 разъ, будетъ то же самое.

14×7.

1	разъ	14	=	14.
1	разъ	14	=	14.
2	раза	14	=	28.
2	раза	14	=	28.
4	раза	14	=	56.
2	раза	14	=	28.
1	разъ	14	=	14.
7	разъ	14	=	98.

Можно сдѣлать еще такъ:

1	разъ	14	=	14.	
1	разъ	14	=	14.	
2	раза	14	=	28.	
2	раза	14	=	28.	
4	раза	14	=	56.	
4	раза	14	=	56.	
8	разъ	14	=	112;	вычесть 1 разъ 14,
1	разъ	14	=	14.	
7	разъ	14	=	98.	14×7=98.

36×15.

1	разъ	36	=	36
1	разъ	36	=	36.
2	раза	36	=	72.
2	раза	36	=	72.
4	раза	36	=	144.
4	раза	36	=	144.
8	разъ	36	=	288.
4	раза	36	=	144.

2 раза 36 = 72.
1 разъ 36 = 36.

15 разъ 36 = 540.

Можно сдѣлать еще такъ:

1 разъ 36 = 36.
1 разъ 36 = 36.

2 раза 36 = 72.
2 раза 36 = 72.

4 раза 36 = 144.
4 раза 36 = 144.

8 разъ 36 = 288.
8 разъ 36 = 288.

16 разъ 36 = 576.

16 разъ 36 = 576; вычесть 1 разъ 36.
1 разъ 36 = 36.

15 разъ 36 = 540.
$36 \times 15 = 540$.

Помножить: 48×7, 56×9, 73×15, 183×3, 35×31.

Дѣленіе.

153 : 9. Надо 9 вычитать изъ 153-хъ и считать, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 153-хъ 9 разъ будетъ по скольку?

Разложи 153 на 9 равныхъ частей. 153

Изъ 153-хъ разложи на 9 частей по 2 ($2 \times 9 = 18$), вычти 18, 18

останется: 135

135

Изъ 135-ти разложи на 9 частей по 2 ($2 \times 9 = 18$), вычти 18, 18

останется: 117

117

Изъ 117-ти разложи на 9 частей по 4 ($4 \times 9 = 36$), вычти 36, 36

останется: 81

81

Изъ 81-го разложи на 9 частей по 8 ($8 \times 9 = 72$), вычти 72, 72

останется: 9

9

Изъ 9-ти разложи на 9 частей по 1 ($1 \times 9 = 9$), вычти 9, 9

останется: 0

---

153 разложится на 9 частей по 17 ($9 \times 17 = 153$), и ничего не останется.

Стало быть, въ 153-хъ 9 разъ будетъ по 17. 153 : 9 = 17.

286 : 26. Вычитать 26 изъ 286 и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 286-ти 26 разъ будетъ по скольку?

286
Изъ 286-ти разложи на 26 частей по 2 (2×26=52), вычти 52, 52
останется: 234
234
Изъ 234-хъ разложи на 26 частей по 2 (2×26=52), вычти 52, 52
останется: 182
182
Изъ 182-хъ разложи на 26 частей по 4 (4×26=104), вычти 104, 104
останется: 78
78
Изъ 78-ми разложи на 26 частей по 2 (2×26=52), вычти 52, 52
останется: 26
26
Изъ 26-ти разложи на 26 частей по 1 (1×26=26) вычти 26, 26
останется: 00

286-ть разложится на 26 частей по 11 (11×26=286), и ничего не останется.

Стало быть, въ 286-ти 26 разъ будетъ по 11-ти. 286 : 26=11.

420 : 35. Вычитать 25 изъ 420, и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 420-ти 35 разъ будетъ по скольку?

420
Изъ 420-ти разложи на 35 частей по 2 (2×35—70), вычти 70, 70
останется: 350
350
Изъ 350-ти разложи на 35 частей по 2 (2×35=70), вычти 70, 70
останется: 280
280
Изъ 280-ти разложи на 35 частей по 4 (4×35=140), вычти 140, 140
останется: 140
140
Изъ 140-ка разложи на 35 частей по 4 (4×35=140), вычти 140, 140
останется: 000

---

240 разложится на 35 частей по 12 (12×35=420), и ничего не останется.

Стало быть, въ 420-ти 35 разъ будетъ по 12-ти. 430 : 35=12.

98 : 14. Вычитать 14 изъ 98-ми и счесть, сколько разъ вычтется или узнать, чего будетъ 14 въ 98-ми.

	98
Изъ 98-ми разложи на 14 частей по 2 (2×14=28), вычти 28,	28
останется:	70
	70
Изъ 70-ти разложи на 14 частей по 2 (2×14=28), вычти 28,	28
останется:	42
	42
Изъ 42-хъ разложи на 14 частей по 2 (2×14=28), вычти 28,	28
останется:	14
	14
Изъ 14-ти разложи на 14 частей по 1 (1×14=14), вычти 14,	14
останется:	00

98 разложится на 14 частей по 7 (7×14=98), и ничего не останется.

Стало-быть, въ 98-ми 14 семериковъ. 98 : 14=7.

Раздѣлить: 54 : 9, 198 : 22, 2352 : 112, 5292 : 756, 5796 : 9, 38142 : 3.

Помножить:

3×48. Сорокъ восемь надо сложить три раза. Вмѣсто того, чтобы складывать 48 и 48, складывай десятки особенно и простыя особенно, такъ: три раза 4 десятка будетъ 12 десятковъ—120. Три раза 8 будетъ 24. Сложи вмѣстѣ 120+24=144.

$$\begin{array}{r} 3\times 40=120 \\ 3\times 8=\ 24 \\ \hline 3\times 48=144. \end{array}$$

Помножить: 63×5, 74×8, 36×4, 24×3, 5×49, 83×6.

Раздѣлить:

144 : 3. Надо 3 вычитать изъ 144-хъ и счесть, сколько разъ вычтется, или узнать, въ 144-хъ будетъ три раза по скольку?

Чтобы узнать, въ 144-хъ по скольку будетъ три раза, надо раздѣлить 144 на 3 части. Вмѣсто того, чтобы откладывать на каждую часть по одной и вдвое, можно откладывать сразу на часть по десятку и вдвое, пока выйдутъ всѣ десятки, а потомъ откладывать простыя, сколько останется.

144
Изъ 144-хъ разложи на 3 части по 10 (3×10=30), вычти 30, 30
останется: 114
Изъ 114-ти разложи на 3 части по 10 (3×10=30), вычти 30, 30
останется: 84
Изъ 84-хъ разложи на 3 части по 20 (3×20 = 60), вычти 60, 60
останется: 24
24
Изъ 24 разложи на 3 части по 1 (1×3=3); изъ 24 вычесть 3, 3
останется: 21
Изъ 21 разложи на 3 части по 2 (2×3=6); изъ 21 вычесть 6, 6
останется: 15
Изъ 15 разложи на 3 части по 3 (3×3=9); изъ 15 вычесть 9, 9
останется: 6
Изъ 6 разложи на 3 части по 2 (2×3=6); изъ 6 вычесть 6, 6
останется: 0

144
Изъ 144 разложи на 3 части по 40 (40 × 3 = 120); изъ 144 вычесть 120, 120
останется: 24
Изъ 24 разложи на 3 части по 8 (8×3=24); изъ 24 вычесть 24, 24
останется: 00

---

144 разложится на 3 части по 48 (3×48=144), и ничего не останется.

Въ 144, стало быть, 3 раза будетъ по 48. 144 : 3=48.

Раздѣлить:

153 : 9. 284 : 4. 378 : 7. 180 : 6. 452 : 2. 100 : 5. 285 : 5. 177 : 3.

Помножить:

37×45. Надо помножить 30 на 40 и на 5, да 7 на 40 и на 5, и все сложить.

30×40. Тридцать разъ четыре десятка будетъ 120 десятковъ. 1200
30× 5. Тридцать разъ пять будетъ. 150
7× 40. Семь разъ четыре десятка будетъ. 280
7× 5. Семь разъ пять будетъ 35
Сложить. 1665

Помножить.

49×72. 85×16. 38×95. 49×25. 51×65.

Раздѣлить 1665 : 37.

	1665
Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 10 (10 × 37 = 370).	370
Изъ 1665 вычти 370, останется:	1295
Изъ 1295 разложи на 37 ч. по 10 (10 × 37 = 370).	370
Изъ 1295 вычти 370, останется:	925
Изъ 925 разложи на 37 ч. по 20 (20 × 37 = 740).	740
Изъ 925 вычти 740, останется:	185
Изъ 185 разложи на 37 ч. по 2 (2 × 37 = 74).	74
Изъ 185 вычти 74, останется:	111
Изъ 111 разложи на 37 ч. по 2 (2 × 37 = 74).	74
Изъ 111 вычти 74, останется:	37
Изъ 37 разложи на 37 ч. по 1 (1 × 37 = 37).	37
Изъ 37 вычти 37,останется:	00

	1665
Изъ 1665 разложи на 37 ч. по 40 (40 × 37 = 1480).	1480
Изъ 1665 вычти 1480, останется:	185
Изъ 185 разложи на 37 частей по 5 (5 × 37 = 185).	185
Изъ 185 вычти 185, останется:	000

1665 разложится на 37 частей по 45 (45×37=1665), и ничего не останется.

Раздѣлить:

3528 : 72. 3528 : 49. 1360 : 16. 1360 : 85. 3315 : 51 3315 : 65.

Помножить 352×674.

Надо помножить 300 на 600, на 70 и на 4; 50 помножить на 600, на 70 и на 4; 2 помножить на 600, на 70 и на 4.

300×600. Триста разъ шесть простыхъ будетъ тысяча восемьсотъ простыхъ; триста разъ шестьсотъ будетъ тысяча восемьсотъ сотенъ 180000

300×70. Триста разъ семь простыхъ будетъ двѣ тысячи сто простыхъ; триста разъ семь десятковъ будетъ двѣ тысячи сто десятковъ. 21000

300×4. Триста разъ четыре будетъ.. 1200

50×600. Пятьдесятъ разъ шесть будетъ триста; пятьдесятъ разъ шестьсотъ будетъ триста сотенъ.. . . . 30000

50×70. Пятьдесятъ разъ семь будетъ триста пятьдесятъ; пятьдесятъ разъ семь десятковъ будетъ триста пятьдесятъ десятковъ.	3500
50×4. Пятьдесятъ разъ четыре будетъ.	200
2×600. Два раза шестьсотъ будетъ двѣнадцать сотъ.	1200
2×70. Два раза семь десятковъ будетъ четырнадцать десятковъ	140
2×4. Два раза четыре.	8
Сложить—выйдетъ.	237248

Помножить:

156×382. 595×435. 898×111. 205×178.

Раздѣлить 237248:674.

Въ 237248-ми 674 раза по скольку?

Вмѣсто того, чтобы класть по 10-ти на часть, можно раскладывать по 100, по 1000 и больше.

Въ 237248 много ли десятковъ?—23724. Можно класть десятками.

Въ 237248 много ли сотенъ?—2372. Можно класть сотнями.

Въ 237248 много ли тысячъ?—237. По тысячѣ нельзя положить: потому что, если положить по 1000 на 674 части, то всѣхъ выйдетъ 674000. А 674000 больше, чѣмъ 237248. Стало быть, надо класть сперва сотнями, потомъ десятками, а потомъ простыми.

	237248
Изъ 237248 разложи на 674 части по 100	67400
(100×674=67400); изъ 237248 вычти 67400, останется:	169848
Изъ 169848 разложи на 674 части по 100	67400
(100×674=67400); изъ 169848 вычти 67400, останется:	102448
Изъ 102448 разложи на 674 части по 100	67400
(100×674=67400); изъ 102448 вычти 67400, останется:	35048
Изъ 35048 разложи на 674 части по 10	6740
(10×674=6740); изъ 35048 вычти 6740, останется:	28308
Изъ 28308 разложи на 674 части по 10	6740
(10×674=6740); изъ 28308 вычти 6740, останется:	21568
Изъ 21568 разложи на 674 части по 20	13480
(20×674=13480); изъ 21568 вычти 13480, останется:	8088
Изъ 8088 разложи на 674 части по 10	6740
(10×674=6740); изъ 8088 вычти 6740, останется:	1348

	1348
Изъ 1348 разложи на 674 части по 1	674
(1×674=674); изъ 1348 вычти 674, останется:	674
Изъ 674 разложи на 674 части по 1	674
(1×674=674); изъ 674 вычти 674, останется:	000

	237248
Изъ 237248 разложи на 674 части по 300	202200
(300×674=202200); изъ 237248 вычти 202200, останется:	35048
	35048
Изъ 35048 разложи на 674 части по 50	33700
(50×674=33700); изъ 35048 вычти 33700, останется:	1348
	1348
Изъ 1348 разложи на 674 части по 2	1348
(2 × 674 = 1348); изъ 1348 вычти 1348, останется:	0000

237248 разложится на 674 части по 352 (352×674=237248), и ничего не останется.

Стало быть, въ 237248-ми 674 раза по 352. 237248 : 674=352.

Раздѣлить:

468750 : 5. Въ 468750-ти 5 разъ по скольку? Десятковъ будетъ 46875; сотенъ будетъ 4687; тысячъ 468; десятковъ тысячъ 46. Сотенъ тысячъ 4. Сотнями тысячъ нельзя класть; по 100000 на 5 частей вышло бы 500000, — лишнее. Стало быть, надо класть десятками тысячъ.

	468750
Изъ 468750 разложи на 5 частей по 10000	50000
(5×10000=50000); изъ 468750 вычти 50000, останется:	418750
Изъ 418750 разл. на 5 ч. по 10000 (5×10000=50000);	50000
вычти, останется:	368750
Изъ 368750 разл. на 5 ч. по 20000	100000
(5 × 20000 = 100000): вычти, останется:	268750
Изъ 268750 разл. на 5 ч. по 20000	100000
(5×20000 = 100000); вычти, останется:	168750
Изъ 168750 разл. на 5 ч. по 20000	100000
5×20000 = 100000); вычти, останется:	68750
Изъ 68750 разл. на 5 ч. по 10000	50000
(5 × 10000 = 50000); вычти, останется:	18750

	18750
Изъ 18750 разложи на 5 ч. по 1000	5000
(5×1000=5000); вычти, останется:	13750
Изъ 13750 разложи на 5 ч. по 2000	10000
(5×2000=10000); вычти· останется:	3750
Изъ 3750 разложи на 5 частей по 100	500
(5×100=500); вычти, останется:	3250
Изъ 3250 разложи на 5 частей по 200	1000
(5×200=1000); вычти, останется.	2250
Изъ 2250 разложи на 5 частей по 200	1000
(5×200=1000); вычти, останется	1250
Изъ 1250 разложи на 5 частей по 200	1000
(5×200=1000); вычти, останется:	250
Изъ 250 разложи на 5 частей по 20	100
(5×20=100); вычти, останется:	150
Изъ 150 разложи на 5 частей по 20	100
(5×20=100); вычти, останется:	50
Изъ 50 разложи на 5 частей по 10	50
(5×10= 50); вычти, останется:	00

468750 разложится на 5 частей по 93750, и ничего не останется.

Стало быть, въ 468750-ти 5 разъ по 93750. 468750 : 5=93750.

Раздѣлить:

809712 : 815. 68950 : 45. 56709 : 23. 608121 : 9. 308924 : 826.
308924 : 374. 578034564 : 3.

Умножить:

48 × 37.

Можно множить сначала десятки, а потомъ простыя:

40 на 30 и на 7 и
8 на 30 и на 7.

$$
\begin{aligned}
40 \times 30 &= 1200 \\
40 \times 7 &= 280 \\
8 \times 30 &= 240 \\
8 \times 7 &= 56 \\
\hline
&\quad 1776.
\end{aligned}
$$

А можно множить сначала простыя, а потомъ десятки:

7 на 8 и на 40, и
30 на 8 и на 40.

$$7 \times 8 = 56$$
$$7 \times 40 = 280$$
$$30 \times 8 = 240$$
$$30 \times 40 = 1200$$

1776.

Чтобы дѣлать скорѣе умноженіе, надо сначала множить простыя, а потомъ десятки, и писать такъ:

48
37

Семь разъ восемь—пять десятковъ и шесть простыхъ. Пиши подъ простыми 6, и помни, что къ десяткамъ надо приложить 5,0.

48
37
6

Семь разъ четыре десятка — двѣ сотни и восемь десятковъ, и еще пять десятковъ, — вышло: три сотни, три десятка.

48
37
336

Тридцать разъ восемь — двѣ сотни, четыре десятка и ни одной простой. Пиши подъ простыми 0, подъ десятками четыре, и помни, что къ сотнямъ надо приложить 2,00

48
37
336
40

Тридцать разъ сорокъ—одна тысяча и двѣ сотни. Приложи двѣ сотни. Пиши одна тысяча и четыре сотни.

48
37
336
1440

Сложи все вмѣстѣ:

```
    48
    37
   ---
   336
  1440
  ----
  1776
```

687 × 325 =

```
   687
   325
  ----
  3435
 13740
206100
------
223275
```

715 × 201

```
   715
   201
   ---
   715
143000
------
143715
```

702 × 204 =

```
   720
   204
  ----
  2808
140400
------
143208
```

Помножить:

735 × 48. 561 × 798. 615 × 105. 281 × 107.

Раздѣлить:

1680 : 35.

Чтобы дѣлать скорѣе дѣленіе, надо раскладывать не по одному десятку, а сразу столько десятковъ, сколько выйдетъ; потомъ вычесть десятки изъ десятковъ и раскладывать не по одной простой, а сразу столько, сколько выйдетъ, и писать такъ:

```
1680|35
    |---
    |
```

Изъ ста шестидесяти восьми десятковъ разложи на 35 частей по 4 десятка. Пиши 40 подъ чертой:

```
1680|35
    |40
```

Помножить тридцать пять на четыре десятка — выйдетъ 1400. Подпиши 1400 подъ 1680.

```
1680|35
1400|40
```

Вычти 1400 изъ 1680 и подпиши чтȯ останется:

```
1680|35
1400|40
 280
```

Изъ 280-ти разложи на 35 частей по восьми простыхъ. Пиши 8 подъ 40.

```
1680|35
1400|40
 280  8
```

Помножь 35 на 8, — выйдетъ 280. Подпиши 280 подъ 280.

```
1680|35
1400|40
 280  8
 280
```

Вычти 280 изъ 280 и подпиши чтȯ останется. Сложи 40 и 8, будетъ 48

```
1680|35
1400|40
 280  8
 280 48
 000
```

1680 : 35=48.

---

837 : 75.

Разложи по 10 на 75 частей.
Помножить 10 на 75, выйдетъ 750.
Вычти 750 изъ 837, останется 87.

```
837|75
750|10
 87
```

Разложи по 1 на 75 частей.
Помножь 1 на 75, выйдетъ 75.
Вычти 75 изъ 87, останется 12.
Сложи 10 и 1, выйдетъ 11, и осталось 12.

837 : 75=11. Осталось 12.

```
5145|49
4900|100
 245   5
 245 105
 000
```

5145 : 49 = 105.

```
817263 |839
755100 |900
 62163   70
 58730    4
  3433  974
  3356
    77
```

817263 : 839 = 974. Осталось 77.

Раздѣлить:

5101 : 25. 382 : 16. 641 : 52. 21078 : 516.

ЗАДАЧИ.

I.

1) Купецъ купилъ лѣсъ за 3700 рублей. Срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 531 сажень дровъ.

Купецъ продалъ дрова по 8 рублей за сажень. Получилъ ли купецъ барышъ или убытокъ и сколько барыша или убытка?

Сколько купецъ выручилъ за всѣ 531 сажень дровъ по 8 рублей?

531×8 = 4248.

А сколько онъ заплатилъ? — 3700.
Что̀ больше, 3700 или 4248? — 4248.
На сколько больше?
4248—3700=548. На 548 рублей

---

2) Купецъ купилъ лѣсъ за 8650 рублей. Онъ срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, и вышло 796 саженъ дровъ.

Купецъ продалъ дрова всѣ по одной цѣнѣ, получилъ на лѣсѣ барыша 106 рублей.

По чемъ купецъ продавалъ дрова за каждую сажень?

Купецъ выручилъ за дрова свои деньги 8650, да еще 106 рублей. Стало быть, всѣхъ 8756 рублей. 8756 рублей онъ получилъ за 796 саженъ. По чемъ продавалъ за сажень? 8756 : 796.

---

3) Купецъ купилъ лѣсъ, заплатилъ 10000, срѣзалъ весь лѣсъ въ дрова, продавалъ дрова по 11 рублей за сажень и получилъ барыша 1000 рублей.

Сколько было саженъ дровъ? Купецъ выручилъ всѣхъ 11000 за дрова по 11 рублей за сажень. Сколько было саженъ?
11000 : 11=1000.

---

4) Купецъ купилъ лѣсъ. Срѣзалъ весь въ дрова. Вышло 693 сажени дровъ. Продавалъ дрова по 17 рублей и получилъ убытку 86 рублей. За сколько онъ купилъ лѣсъ?

За дрова купецъ выручилъ 693×17=11781.

А заплатилъ купецъ за лѣсъ 86 рублями больше. Стало быть, онъ заплатилъ 11781+86=11867 рублей.

ЗАДАЧИ.

II.

1) На два человѣка на три дня давали 18 фунтовъ хлѣба. Прибавилось три человѣка. На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно хлѣба?

18 фунтовъ давали на двухъ на три дня. На одного человѣка на три дня много ли? 18 : 2 = 9.

Девять фунтовъ давали на одного человѣка на три дня. На день сколько? 9 : 3 = 3. Три фунта на день на человѣка.

На 5 человѣкъ на 6 дней много ли нужно? На каждаго человѣка на день 3 фунта; на 6 дней—3×6=18 фунтовъ на человѣка. На 5 человѣкъ на каждаго по 18 фунтовъ—5 × 18 = 90 девяносто фунтовъ. Изъ сорока фунтовъ выходитъ пудъ; много ли пудовъ? 90 : 40 = 2 пуда и 10 фунтовъ.

2) На 62 человѣка въ недѣлю выдавали по 43 пуда и по 16 фунтовъ хлѣба. Прибавилось еще 15 человѣкъ; сколько на всѣхъ нужно хлѣба на годъ?

На 62 человѣка въ недѣлю выходило по 43 пуда и 16 фунтовъ. (Сколько фунтовъ въ 43 пудахъ 16 фунтахъ? 43×40=1720.

Приложи 16. Выйдетъ 1736 фунтовъ). На одинъ день на 62 человѣка много ли нужно хлѣба?

(Въ недѣлѣ 7 дней) 1736 : 7 = 248.

На одного человѣка на одинъ день много ли нужно хлѣба 248 : 62=4.

Прибавилось 15 человѣкъ къ 62-мъ. Всѣхъ стало: 15+62=77.

Много ли на день нужно хлѣба 77 человѣкамъ? 77×4=308.

77 человѣкамъ на день нужно 308 фунтовъ. Много ли нужно въ годъ? (Въ году 365 дней).

308×365=112420 фунтовъ. Много ли тутъ пудовъ?

112420 : 40 = 2810 пудъ и 20 фунтовъ.

ЗАДАЧИ.

III.

1) Пять братьевъ раздѣлили послѣ отца наслѣдство поровну. Въ наслѣдствѣ было три дома. Три дома нельзя было дѣлить, ихъ взяли старшіе три брата. А меньшимъ за то выдѣлили деньги. Каждый изъ старшихъ заплатилъ по 800 рублей меньшимъ.

Меньшіе раздѣлили эти деньги между собою, и тогда у всѣхъ 5 братьевъ стало поровну. Много ли стоили дома?

Три старшіе брата дали двумъ меньшимъ три раза по восьмисотъ — 3 × 800 = 2400. Меньшіе раздѣлили 2400 на 2 части — 2400 : 2 = 1200, и у всѣхъ стало поровну, по 1200.

Стало быть, дома стоили по 2000 рублей. А всего наслѣдства было на 6000 въ домахъ.

2) Мужикъ вышелъ пѣшкомъ изъ Тулы въ Москву въ 5 часовъ утра. Въ 12 часовъ выѣхалъ баринъ изъ Тулы въ Москву. Мужикъ идетъ 5 верстъ въ каждый часъ, а баринъ ѣдетъ 11 верстъ въ каждый часъ. На какой верстѣ баринъ догонитъ мужика?

До тѣхъ поръ, пока баринъ выѣхалъ изъ Тулы, сколько мужикъ ушелъ? Когда баринъ выѣхалъ и мужикъ шелъ. Сколько баринъ въ часъ наверстывалъ на мужикѣ? На сколько онъ приближался къ мужику въ каждый часъ?

Во сколько же часовъ баринъ нагонитъ мужика?

Когда узнаешь во сколько часовъ нагонитъ, тогда сочти, сколько часовъ ѣхалъ баринъ по 11 верстъ въ часъ.

ЗАДАЧИ.

IV.

1) Одинъ мужикъ нанялъ 70 десятинъ земли, заплатилъ по 8 рублей за десятину помѣщику и посѣялъ пшеницы всѣ 70 де-

сятинъ. За сѣмена заплатилъ по 1 р. 30 к. за пудъ, сѣялъ на десятину по 9 пудовъ. За работу заплатилъ по 8 рублей за десятину. Родилось пшеницы по 13 копенъ на десятинѣ. Изъ каждой копны вымолотилъ по 6 пудовъ пшеницы. За молотьбу по 7 копеекъ съ пуда. За провозъ въ городъ заплатилъ по 11 копеекъ съ пуда.

Продалъ пшеницу по 1 р. 40 копеекъ за пудъ. Много ли мужикъ получилъ барыша или убытку?

Выдалъ мужикъ за землю. . . . . . $70 \times 8 =$	560,00
Сѣмянъ высѣялъ мужикъ по 9 пудовъ на десятину, на 70 десятинъ $70 \times 9 = 630$ пудовъ. Покупалъ за пудъ по 1 р. 30 к. За 630 пуд. по 1 р. 30 коп. $63 \times 130 =$	819.00
Итого . .	1379,00
Получилъ мужикъ 13 копенъ на десятинѣ; на 70 десятинахъ — $70 \times 13 = 910$. Изъ копны вышло по 6 пудовъ; изъ 910 копенъ—$910 \times 6 = 5460$ пудовъ. Продалъ 5460 пудовъ по 1 руб. 40 копеекъ за пудъ. Получилъ всѣхъ денегъ . . . . $5460 \times 140 =$	7644,00
За молотьбу мужикъ заплатилъ по 7 копеекъ за пудъ, за 5460 пудовъ — $5460 \times 7 = 38220$.	382,20
За провозъ въ городъ по 11 копеекъ за пудъ, за 5460 пудовъ . . . . $5460 \times 11 =$	600,60
Итого еще расхода	982,80
Прежняго расхода	1379,00
	2361,80
Всего прихода	7644,00
Всего расхода	2361.80
Барыша. .	5282,20

2) Одинъ купецъ далъ работнику 1000 рублей и велѣлъ купить на всѣ деньги сто скотинъ, и чтобы платить за телушекъ по 5 рублей, за быковъ по 100 рублей, а за коровъ по 50 рублей. Работникъ купилъ 90 телушекъ, 9 коровъ и одного быка.

ЗАДАЧИ.

V.

Одинъ человѣкъ выдумалъ игру въ шашки, сдѣлалъ хорошія шашки и шашечницу и подарилъ царю. Царю полюбилась игра, и онъ спросилъ, чѣмъ его наградить? Человѣкъ сказалъ: на одну клѣтку вели положить зернышко пшеницы, а на дру-

гую два, а на третью 4, а на четвертую вдвое и опять вдвое, и такъ всѣ клѣтки уложить пшеницей и мнѣ отдать ту пшеницу. Царь посмѣялся, что человѣкъ такъ мало проситъ; а какъ стали считать, такъ у царя пшеницы недостало. Клѣтокъ въ шашечницѣ 8 съ одной стороны и 8 съ другой; 8 рядовъ по 8=64.

на 1-ую	1	на 33	4.294.967.296
» 2	2	» 34	8.589.934.592
» 3	4	» 35	17.179.869.184
» 4	8	» 36	34.359.738.368
» 5	16	» 37	68.719.476.736
» 6	32	» 38	137.438.953.472
» 7	64	» 39	274.877.906.944
» 8	128	» 40	549.755.813.888
» 9	256	» 41	1.099.511.627.776
» 10	512	» 42	2.199.023.255.552
» 11	1.024	» 43	4.398.046.511.104
» 12	2.048	» 44	8.796.093.022.208
» 13	4.096	» 45	17.592.186.044.416
» 14	8.192	» 46	35.184.372.088.832
» 15	16.384	» 47	70.368.744.177.664
» 16	32.768	» 48	140.737.488.355.328
» 17	65.536	» 49	281.474.976.710.656
» 18	131.072	» 50	562.949.953.421.312
» 19	262.144	» 51	1.125.899.906.842.624
» 20	524.288	» 52	2.251.799.813.685.248
» 21	1.048.576	» 53	4.503.599.627.370.496
» 22	2.097.152	» 54	9.007.199.254.740.992
» 23	4.194.304	» 55	18.014.398.509.481.984
» 24	8.388.608	» 56	36.028.797.018.963.968
» 25	16.777.216	» 57	72.057.594.037.927.936
» 26	33.554.432	» 58	144.115.188.075.855.872
» 27	67.108.864	» 59	288.230.376.151.711.744
» 28	134.217.728	» 60	576.460.752.303.423.488
» 29	268.435.456	» 61	1.152.921.504.606.846.976
» 30	536.870.912	» 62	2.305.843.009.213.693.952
» 31	1.073.741.824	» 63	4.611.686.018.427.387.904
» 32	2.147.483.648	» 64	9.223.372.036.854.775.808

Если 40.000 зеренъ въ одномъ пудѣ, то на одной послѣдней клѣткѣ вышло 230.584.300.921.369 пудовъ

Дроби.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

1111.

Читать справа влѣво: одна единица, одинъ десятокъ, одна сотня, одна тысяча.

Десятокъ — это десять единицъ.

Сотня—это десять десятковъ и сто единицъ.

Тысяча—это десять сотенъ и тысяча единицъ.

1111.

Читать слѣва вправо: одна тысяча, одна сотня, одинъ десятокъ, одна единица.

Одна сотня—это десятая часть тысячи.

Десятокъ—это десятая часть сотни и сотая часть тысячи.

Единица—это десятая часть десятка, сотая часть сотни и тысячная часть тысячи.

5398.

Можно прочесть справа влѣво: 8 единицъ, 9 десятковъ, 3 сотни и 5 тысячъ.

И можно прочесть слѣва вправо: 5 единицъ, 3 десятыя части единицы, 9 сотыхъ частей единицы, и 8 тысячныхъ частей.

Если считать справа влѣво,—это счетъ цѣлыми числами, а если считать слѣва вправо, — это счетъ дробями.

73890—цѣлое число.

9 десятковъ, 8 сотенъ, 3 тысячи и 7 десятковъ тысячъ.

0,7389—дробь.

7 десятыхъ, 3 сотыхъ, 8 тысячныхъ и 9 десятитысячныхъ.

Если считаешь вмѣстѣ и справа и слѣва, дробями и цѣлыми числами, то надо замѣтить запятою, по какихъ поръ считаешь справа влѣво цѣлыми, и по какихъ поръ слѣва вправо дробями.

18,35 значитъ, что 18 считать справа влѣво цѣлыми: 8 единицъ и 1 десятокъ. А 35 считать слѣва вправо дробями: 3 десятыхъ и 5 сотыхъ.

236,004 значитъ, что три цифры слѣва надо считать справа влѣво. Будетъ 236 едниницъ. А 004—слѣва вправо. Будетъ 0 десятыхъ, 0 сотыхъ, 4 тысячныхъ.

Если написано 53980 цѣлыхъ, то можно выговорить: 80 простыхъ, 9 сотенъ, 3 тысячи и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 980 простыхъ, 3 тысячи и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 3980 простыхъ и 5 десятковъ тысячъ. И можно выговорить: 53 тысячи 980 простыхъ. Всегда такъ и выговариваютъ.

Если написано: 0,5398 дробями, то можно выговорить:

Нуль цѣлыхъ, 5 десятыхъ, 3 сотыхъ, 9 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Нуль цѣлыхъ, 53 сотыхъ, 9 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Ноль цѣлыхъ, 539 тысячныхъ и 8 десятитысячныхъ.

И можно выговорить:

Нуль цѣлыхъ, 5398 десятитысячныхъ.

Всегда такъ и выговариваютъ.

Прочесть:

0,53 0,678, 0,107 0.02 4,03507.

Въ цѣлыхъ числахъ можно прибавлять сколько хочешь нулей съ лѣвой стороны,— число не измѣнится.

Въ дробяхъ можно прибавлять сколько хочешь нулей съ правой стороны, — число не измѣнится.

1,235=1,23500

0,45=0,45000000.

Сложенie и вычитанie десятичныхъ дробей.

Дроби складываются и вычитаются точно такъ же, какъ цѣлыя.

Тысячныя складываются съ тысячными, и когда наберется 10 тысячныхъ, то дѣлается одна сотая; а наберется 10 сотыхъ, дѣлается 1 десятая; а наберется 10 десятыхъ, дѣлается одна цѣлая.

Точно такъ же вычитаются тысячныя изъ тысячныхъ, сотыя изъ сотыхъ, десятыя изъ десятыхъ. И если недостанетъ тысячныхъ, то одну сотую раскладываютъ на 10 тысячныхъ; а недостанетъ сотыхъ, то 1 десятую раскладываютъ на 10 сотыхъ; а недостанетъ десятыхъ, то одну цѣлую раскладываютъ на 10 десятыхъ.

Сложить:

2,0358 + 8,4098

$$\begin{array}{r} 2,0358 \\ +\ 8,4098 \\ \hline 10,4456 \end{array}$$

1893,004 + 0,99756

$$\begin{array}{r} 1893,00400 \\ +\ 0000,99756 \\ \hline 1894,00156 \end{array}$$

Вычесть:

3,004 — 1,895

$$\begin{array}{r} 3,004 = 2,9*4 \\ 1,895 \\ \hline 1,109 \end{array}$$

2,3 — 1,05678

$$\begin{array}{r} 2,3 = 2,30000 \\ 2,30000 = 2,2999* \\ -\ 1,05678 \\ \hline 1,24322 \end{array}$$

Сложить:

538,0879 + 36,569   0,0053 + 0,9008

0,9999 + 0,1111 + 4,147   2491 + 8,14 + 0,45

Вычесть:

3,235 — 0,4569.   4,005 — 0,873.

7 — 1,9835   10,0006 — 6,3508.

Умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей.

Десятичныя дроби помножаются и дѣлятся на *цѣлыя* числа точно такъ же, какъ и простыя числа; надо только помнить, какой разрядъ помножаешь или дѣлишь.

Помножить:

$$\begin{array}{r} \underline{3,47 \times 6 = 3} \quad \times 6 = 18 \\ 0,4 \quad \times 6 = \ \ 2,4 \\ 0,07 \times 6 = \ \ 0,42 \\ \hline 20,82. \end{array}$$

Раздѣлить 20,82 : 6.

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,0; всѣхъ 18
Изъ 02,82 на 6 частей по 0,4; всѣхъ 2,4
Изъ 00,42 на 6 частей по 0,07; всѣхъ 0,42

Изъ 20,82 на 6 частей по 3,47; всѣхъ 20,82.

Можно и просто множить и дѣлить такъ:

```
   6,25
  ×31
 ------
   6,25      30 разъ 5 сотыхъ будетъ 150 сотыхъ.
 187,50
 ------
 193,75      30 разъ 2 десятыхъ будетъ 60 десятыхъ.
```

```
 193,75| 31
 186,00|6,0     193 цѣлыхъ на 31 часть будетъ по
 ------|        6 цѣлыхъ.
   7,75|0,2     77 десятыхъ на 31 часть будетъ по
   6,20|0,05    2 десятыхъ.
   ----
   1,55         155 сотыхъ на 31 часть будетъ по
   1,55         5 сотыхъ.
   ----
   0,00
```

Всякія числа помножаютъ на десятичныя дроби такъ же, какъ на цѣлыя числа; только когда помножаешь цѣлое число, то, если помножишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ больше, и пишешь въ другой разрядъ налѣво; напримѣръ, 3×20 выходитъ не 6, а 60; а когда множишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ меньше, и пишешь въ другой разрядъ направо:

3×0,2 выходитъ не 6, а 0,6.

Когда множишь на сотни цѣлаго числа, то выходитъ въ 100 разъ больше, и пишешь въ 3-й разрядъ налѣво

3×200 выходитъ не 6, а 600.

А когда множишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ меньше, и пишешь въ 3-й разрядъ направо:

3×0,02 выходитъ не 6, а 0,06; и т. д.

Когда множишь 30 на 20 цѣлыхъ, то выходитъ не 60, а въ 10 разъ болѣе—600.

Когда множишь 0,3 на 0,2 (три десятыхъ на двѣ десятыхъ), то выходитъ не 0,6, а въ 10 разъ меньше—0,06.

Когда множишь 600 на 500, то выходитъ не 3000, а въ 100 разъ больше—300.000.

Когда множишь 0,06 на 0,05, то выходитъ не 0,30, а въ 100 разъ меньше—0,0030 (тридцать десятитысячныхъ).

Дѣлятъ на дроби точно такъ же, какъ на цѣлыя числа; только когда дѣлишь на цѣлыя, то, если дѣлишь на десятки, выходитъ въ 10 разъ меньше, если на сотни, то въ 100 разъ меньше и т. д.; а когда дѣлишь на десятыя, то выходитъ въ 10 разъ больше; когда дѣлишь на сотыя, то выходитъ въ 100 разъ больше, и т. д.

Если дѣлишь 60 на 20, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ меньше—3.

Если дѣлишь 60 на 0,2, то выходитъ не 30, а въ 10 разъ больше—300.

Если дѣлишь 600 на 200, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ меньше—3.

Если дѣлишь 600 на 0,02, то выходитъ не 300, а въ 100 разъ больше—30.000.

Когда приходится вычитать 0,35 изъ 2 единицъ, надо 2 единицы написать 2,00—двѣсти сотыхъ; точно такъ же, когда приходится дѣлить 2 единицы на 0,35, надо 2 единицы написать 2,00—двѣсти сотыхъ, и дѣлить сотыя.

Раздѣлить 1 на 0,05 значитъ раздѣлить 1,00:0,05; 100 сотыхъ раздѣлить на 5, будетъ 20 сотыхъ. Въ сто разъ больше—будетъ 20 единицъ.

Десятичныя дроби на десятичныя множатся какъ цѣлыя числа, и точно такъ же можно начинать умноженіе съ самаго большого или съ самаго мелкаго разряда. Чтобы скорѣе дѣлать умноженіе дробей, надо подписывать единицы подъ единицами, десятыя подъ десятыми, сотыя подъ сотыми, и т. д., и начинать съ самаго мелкаго разряда.

Примѣръ умноженія.

	Милліоны	Сотни тысячъ.	Десятки тысячъ.	Тысячи.	Сотни.	Десятки.	Единицы.	Десятыя.	Сотыя.	Тысячныя.	Десятитысячныя.	Стотысячныя.	Милліонныя.
Цѣлыя				6	7	8	4						
				×	3	5	6						
			4	0	7	0	4						
		3	3	9	2	0							
	2	0	3	5	2								
	2	4	1	5	1	0	4						
Дроби							6,	7	8	4			
						×	3,	5	6				
								4	0	7	0	4	
							3,	3	9	2	0		
						2	0,	3	5	2			
						2	4,	1	5	1	0	4	

6 разъ 4 тысячныхъ было бы 24 тысячныхъ: но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть, будетъ—24 стотысячныхъ.

6 разъ 8 сотыхъ было бы 48 сотыхъ; но 6 сотыхъ въ 100 разъ меньше, стало быть, будетъ 48 десятитысячныхъ, и т. д.

5 разъ 4 тысячныхъ было бы 20 тысячныхъ; но 5 десятыхъ въ 10 разъ меньше, стало быть, будетъ 20 десятитысячныхъ, и т. д.

Раздѣлить:

Цѣлыя.

32824815	6789
27156000	4000
5668815	800
5431200	30
237615	5
203670	
33945	
33945	
00000	

Дроби.

```
32,824815|6,789
27,156   |4,835
 5,668815
 5,4312
 0,237615
 0,20367
 0,033945
 0,033945
 0,000000
```

Я дѣлю 32824 тысячныя на 6789 тысячныхъ. У меня выйдутъ не тысячныя, а въ 1000 разъ больше—цѣлыя.

Я дѣлю 56688 десятитысячныхъ на тысячныя—выйдутъ въ 1000 разъ больше—десятыя.

Я дѣлю стотысячныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—сотыя.

Я дѣлю милліонныя, выйдутъ въ 1000 разъ больше—тысячныя.

Помножить:

1564,893 × 0,5 536,03 × 0,698
10,006 × 15,181 99,161 × 0,007

Раздѣлить:

0,5315 : 0,67 2,5689 : 7,079
47,578 : 0,0748

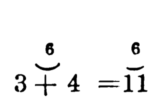
Разныя счисленія.

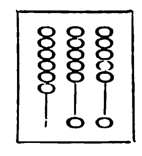
Цѣлыя числа почти всегда считаются десятками; но можно считать пятками, парами, тройками, дюжинами, полдюжинами, и какимъ хочешь счетомъ. Чтобы считать не десятками, можно счеты сдѣлать не такъ, какъ всегда ихъ дѣлаютъ.

Если хочешь считать полдюжинами, то сними съ каждаго ряда счетовъ по 4 кости и оставь 6. Тогда можно, что хочешь, считать не въ десятичномъ, а въ шестичномъ счетѣ.

Надо сложить 3 да 4 въ шестичномъ счетѣ. Какъ наберется 6, скинь всѣ и положи одинъ шестерикъ.

3+4 въ шестичномъ счетѣ выйдетъ такъ:





Надо вычесть изъ одного шестерика и одной простой—4. Скинь одну и разложи шестерикъ на 6. Скинь три, которыхъ недостало; останется 3.

$$\overbrace{11}^{6} - \overbrace{4}^{6} = \overbrace{3}^{6}$$

Точно такъ же можно считать въ какомъ хочешь счисленіи: въ семичномъ, въ 25-тичномъ, въ девятичномъ, въ 113-тичномъ.

Только надо помнить, что, въ какомъ считаешь счисленіи, то въ столько разъ каждый разрядъ влѣво больше разряда вправо. Если считаешь въ семичномъ счисленіи, то первый разрядъ будутъ единицы, 2-й разрядъ влѣво будутъ семерики, 3-й разрядъ влѣво будутъ $7 \times 7 = 49$, 4-й разрядъ будетъ $49 \times 7 = 343$; и т. д.

Если въ пятичномъ счисленіи, то разряды будутъ такіе: 1-й разрядъ—единицы; 2-й разрядъ 5; 3-й разрядъ 25; 4-й разрядъ 125 и т. д.

Въ шестичномъ счисленіи сложить:

$$\overbrace{35204}^{6} \text{ и } \overbrace{45120}^{6}$$

$$\begin{array}{r} \overbrace{35204}^{6} \\ +45120 \\ \hline 124324 \end{array}$$

Въ девятичномъ счисленіи сложить:

$$\overbrace{87056}^{9} + \overbrace{71587}^{9}$$

$$\begin{array}{r} 87056 \\ 71587 \\ \hline 168654 \end{array}$$

Въ шестичномъ вычесть:

$$\overbrace{124324}^{6} - \overbrace{45120}^{6}$$

$$\begin{array}{r} 124324 \\ 45120 \\ \hline 35204 \end{array}$$

Въ девятичномъ вычесть:

$$\overbrace{168654}^{9} - \overbrace{71587}^{9}.$$

$$\begin{array}{r} 168654 \\ 71587 \\ \hline 87056 \end{array}$$

Сложить: въ двоичномъ счисленіи:

$$\overset{2}{10110} + \overset{2}{101011}$$

въ восьмичномъ:

$$\overset{8}{75432} + \overset{8}{63154}$$

въ четверичномъ:

$$\overset{4}{321503} + \overset{4}{3102}$$

$$\overset{5}{40321} - \overset{5}{34234}.$$

Вычесть:

$$\overset{7}{60054} - \overset{7}{44365}$$

Для того, чтобы считать въ счисленіяхъ больше 10 цифрами, надо для 10, 11, 12, 13, 14, и т. д. придумать особые знаки, такъ чтобы знаки эти помѣщались не на двухъ мѣстахъ, а на одномъ мѣстѣ. На счетахъ, если сдѣлать счеты съ 17, 20 и болѣе костями, можно считать въ какомъ хочешь счисленіи, только надо помнить, что, если считаешь въ 17-тичномъ счисленіи, то каждая кость ряда влѣво считается въ 17 разъ больше каждой кости ряда вправо.

Можно считать во всякомъ счисленіи и дробями.

Если написать $\overset{6}{3,2}$, то это значитъ—первая цифра слѣва есть единицы, вторая цифра дробь въ 6 разъ меньше единицы, $\overset{6}{3,2}$, значитъ 3 единицы и 2 шестыхъ.

Дроби въ разномъ счисленіи считаются такъ же, какъ и дроби въ десятичномъ счисленіи.

Если надо сложить въ шестичномъ счисленіи $\overset{6}{0,3}$ и $\overset{6}{0,5}$, то выйдетъ $\overset{6}{1,2}$. Если надо вычесть въ семичномъ счисленіи $\overset{7}{1,2} - \overset{7}{0,4}$, то выйдетъ $\overset{7}{0,5}$.

Если надо помножить въ десятичномъ счисленіи 2 на $\overset{9}{0,3}$, то $2 \times \overset{9}{0,3}$ будетъ 6 въ 9 разъ меньше $2 \times \overset{9}{0,3} = \overset{9}{0,6}$. Если надо помно-

жить $\overbrace{0,2}^{9}$ на $\overbrace{0,3}^{9}$, то будетъ не 6 девятыхъ, а въ 9 разъ меньше, 6-ть 81-хъ, $= \overbrace{0,06}^{9}$

$$\overbrace{0,2}^{9} \times \overbrace{0,3}^{9} = \overbrace{0,06}^{9}.$$

Если надо раздѣлить 8 на $\overbrace{0,4}^{11}$, то выйдетъ не 2, а 2 въ 11 разъ болѣе, т.-е. 22. $8 : \overbrace{0,4}^{11} = 22.$

Если надо раздѣлить $\overbrace{0,8}^{11} : \overbrace{0,2}^{11}$, то выйдетъ не $\overbrace{0,4}^{11}$, а въ 11 разъ больше $= 4$ цѣлыхъ.

Цѣлыя числа всегда считаются въ десятичномъ счисленіи и рѣдко въ другомъ счисленіи, а дроби рѣдко считаются въ десятичномъ счисленіи и почти вегда въ разныхъ счисленіяхъ.

Дроби въ десятичномъ счисленіи пишутся всегда такъ: 0,35 (35 сотыхъ), 1,017 (одна цѣлая и 17 тысячныхъ), и т. д. А дроби въ разныхъ счисленіяхъ пишутъ такъ: наверху пишутъ число, а внизу то, въ какомъ оно счисленіи, и это нижнее число зовется *знаменателемъ*. А самое число, что пишется наверху, зовется *числителемъ*. Вотъ такъ $\frac{5}{11}$. 5—числитель, а 11—знаменатель, и выговаривается: пять одиннадцатыхъ.

$\frac{1}{2}$ одна вторая.

$\frac{7}{15}$ семь пятнадцатыхъ.

$\frac{221}{367}$ двѣсти двадцать одна тристашестьдесятъседьмая.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Переименованіе дробей.

Для того, чтобы считать дробями, надо умѣть передѣлывать числа изъ одного счисленія въ другое, и такъ, чтобы числа не становились ни больше ни меньше, а только цифры перемѣнялись.

$$1 = \frac{2}{2} = \frac{3}{3} = \frac{4}{4} = \frac{5}{5} = \frac{6}{6} = \frac{7}{7} = \frac{8}{8} = \cdots \frac{115}{115}.$$

$$2 = \frac{4}{2} = \frac{8}{4} = \frac{16}{8} = \cdots \frac{1000}{500}$$

$$10=\frac{20}{2}=\frac{50}{5}=\frac{60}{6}=\cdots\frac{1000}{100}$$

$$\frac{1}{2}=\frac{3}{6}=\frac{5}{10}=\frac{6}{12}=\frac{7}{14}=\frac{9}{18}=\frac{10}{20}=\cdots\frac{33}{66}$$

$$\frac{2}{3}=\frac{6}{9}=\frac{8}{12}=\cdots\frac{92}{138}.$$

$$\frac{7}{15}=\frac{21}{45}=\frac{42}{90}=\cdots\frac{630}{1350}.$$

$$\frac{100}{800}=\frac{10}{80}=\frac{5}{40}=\frac{1}{8}.$$

Числа можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое. Чтобы передѣлывать числа изъ крупнаго счисленія въ мелкое, надо въ сколько-нибудь разъ увеличить счисленіе и въ столько же разъ увеличить число.

Если хочешь изъ мелкаго счисленія переводить въ крупное, то надо въ сколько-нибудь разъ уменьшить счисленіе и въ столько же разъ уменьшить число.

Если я хочу двѣ десятыя перевести въ счисленіе въ десять разъ мельче, то вмѣсто десятыхъ будутъ въ 10 разъ мельче части—сотыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 10 разъ больше частей—20

$$0{,}2=0{,}20 \qquad \frac{2}{10}=\frac{20}{100}.$$

Если я хочу $\frac{2}{3}$ перевесть въ счисленье въ 7 разъ мельче, то вмѣсто 3-ихъ будутъ въ 7 разъ мельче части — 21-ыя, а вмѣсто 2-хъ будетъ въ 7 разъ больше частей — 14.

Если я хочу 30 сотыхъ перевести въ счисленіе въ 10 разъ крупнѣе, то вмѣсто сотыхъ будутъ десятыя—въ 10 разъ крупнѣе сотыхъ, а вмѣсто 30-ти будетъ въ десять разъ меньше частей — 3.

$$0{,}30=0{,}3=\frac{30}{100}=\frac{3}{10}.$$

Если я хочу $\frac{50}{75}$ перевести въ счисленіе въ 25 разъ крупнѣе, то вмѣсто 75-хъ будутъ третьи, а вмѣсто 50 частей будетъ въ 25 разъ меньше частей — 2.

$$\frac{50}{75}=\frac{2}{3}.$$

Чтобы переводить изъ одного счисленія въ другое, надо и числителя и знаменателя множить или дѣлить на то число, въ сколько разъ то счисленіе, въ какое хочешь перевести, крупнѣе или мельче того, въ какомъ было число.

7 перевести въ 6 разъ мельче счисленіе.

$$7=\frac{7\times 6}{1\times 6}=\frac{42}{6}.$$

$$\frac{7}{8}=\frac{7\times 6}{8\times 6}=\frac{42}{48}.$$

$\frac{5}{11}$ сдѣлать въ 13 разъ мельче; $\frac{5\times 13}{11\times 13}=\frac{65}{143}$.

$\frac{8}{12}$ сдѣлать въ 4 раза крупнѣе.

$$\frac{8:4}{12:4}=\frac{2}{3}.$$

$\frac{81}{144}$ сдѣлать въ 9 разъ крупнѣе. $\frac{81:9}{144:9}=\frac{9}{16}$.

Изъ крупнаго счисленія можно перевести всякую дробь въ какое хочешь болѣе мелкое счисленіе, потому что у всякой дроби можно помножить числителя и знаменателя на то же число; но изъ мелкаго въ крупное счисленіе нельзя перевести всякую дробь, потому что надо, чтобъ числитель и знаменатель дѣлились на одно и то же число безъ остатка, а не во всякой дроби числитель и знаменатель дѣлятся на одно и то же число безъ остатка.

Въ $\frac{3}{6}$ и числитель и знаменатель дѣлится на 3, а въ $\frac{3}{8}$ числитель дѣлится на 3, а знаменатель не дѣлится; знаменатель дѣлится на 4 и на 2, а числитель не дѣлится.

Чтобы знать, какія дроби можно передѣлывать изъ мелкаго счисленія въ крупное, надо знать, какія числа на какія дѣлятся безъ остатка.

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 2, надо только счесть, дѣлятся ли единицы на два. Если единицы дѣлятся, то какое бы число большое ни было, оно все дѣлится на два; потому что каждый десятокъ дѣлится на два, и каждая сотня, и каждая тысяча, каждый десятокъ тысячи, и всѣ другіе разряды, сколько бы ихъ ни было.

$\frac{28}{36}$ 8 и 6 дѣлятся на два, и все дѣлится на два безъ остатка.

$28:2=14$; $36:2=18$.

$\frac{3578}{4896}$ $3578:2=1789$ $4896:2=2448$.

Чтобы узнать дѣлится ли число на три, надо сложить всѣ цифры числа, и *сложенное* раздѣлить на 3. Если *сложенное* раздѣ-

лится на три, то все число раздѣлится на 3; потому что, сколько бы ни было десятковъ, сотенъ, тысячъ, каждый десятокъ раздѣлится на 3, и останется отъ него только 1

$$\begin{array}{r|l} 10 & 3 \\ \hline 9 & 3 \\ \hline 1 & \end{array}$$

и каждая сотня раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

$$\begin{array}{r|l} 100 & 3 \\ \hline 99 & 33 \\ \hline 1 & \end{array}$$

и каждая тысяча раздѣлится на 3, и останется отъ нея только 1,

$$\begin{array}{r|l} 1000 & 3 \\ \hline 999 & 333 \\ \hline 1 & \end{array}$$

И также каждый десятокъ тысячъ и каждая сотня тысячъ, и такъ дальше. Стало быть, когда сочтешь всѣ цифры, ты сочтешь тѣ самыя единицы, какія остаются отъ десятковъ, сотенъ тысячъ, и т. д. Если эти единицы дѣлятся съ послѣдними единицами, то все дѣлится.

$$\overline{24} \qquad 2 + 4 = 6; \quad 6 : 3 = 2$$
$$\overline{36} \qquad 3 + 6 = 9; \quad 9 : 3 = 3$$
$$\overline{75402} \qquad 7 + 5 + 4 + 2 = 18; \quad 18 : 3 = 6$$
$$\overline{82371} \qquad 8 + 2 + 3 + 7 + 1 = 21; \quad 21 : 3 = 7$$
$$75402 : 3 = 25134 \qquad 82371 : 3 = 27457.$$

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 4, надо счесть, дѣлятся ли десятки и единицы на 4. Если десятки и единицы дѣлятся, то сотни, тысячи и всѣ другія навѣрно раздѣлятся, потому что каждая сотня дѣлится на 4; $100 : 4 = 25$, и $1000 : 4 = 250$. И т. д.

$$\overline{2784} \qquad 84 : 4 = 21$$
$$\overline{9532} \qquad 32 : 4 = 8.$$
$$2784 : 4 = 696 \qquad 9532 : 4 = 2383.$$

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 5, надо только замѣтить дѣлятся ли единицы на 5. А если единицы дѣлятся, то все число дѣлится; потому что каждый десятокъ, и каждая сотня, и тысяча дѣлятся на 5.

$$\overline{57890 : 5} = 11578$$
$$\overline{37925 : 5} = 7585.$$

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 6, надо узнать, дѣлится ли оно на 3 и на 2. Если дѣлится на 3 и на 2, то дѣлится и на 6 потому что $6 = 2 \times 3$.

57324 $5 + 7 + 3 + 2 + 4 = 21$; $21 : 3 = 7$; и послѣдняя цифра $4 : 2 = 2$.

67932 $6 + 7 + 9 + 3 + 2 = 27$; $27 : 3 = 9$; и послѣдняя цифра $2 : 2 = 1$.

$$\frac{57324 : 6}{67932 : 6} = \frac{9554}{11322}$$

Чтобы узнать, дѣлится число на 8, надо счесть, дѣлятся ли единицы, десятки и сотни на 8. Если дѣлятся, то и все число дѣлится, потому что каждая 1000 дѣлится на 8; $1000 : 8 = 125$; и каждый десятокъ тысячъ $10000 : 8 = 1250$, и всѣ остальныя.

$$\frac{20135368}{79541272} \quad \begin{matrix} 368 : 8 = 46. \\ 272 : 8 = 34. \end{matrix}$$

$$\frac{20135368 : 8}{79541272 : 8} = \frac{2516921.}{9942659.}$$

Чтобы узнать, дѣлится ли число на 9, надо сложить всѣ цифры числа, и сложенное раздѣлить на 9. Если сложенное раздѣлится, то и все число раздѣлится, потому что каждый десятокъ, и каждая сотня, и тысяча, когда дѣлится на 9, то отъ нихъ остается 1. Если эти единицы, когда ихъ сложить съ настоящими единицами, дѣлятся на 9, то и все число раздѣлится на 9.

$\frac{543213}{810576}$ $5 + 4 + 3 + 2 + 1 + 3 = 18$; $18 : 9 = 2$.
$8 + 1 + 5 + 7 + 6 = 27$; $27 : 9 = 3$.

$$\frac{543213 : 9}{810576 : 9} = \frac{60357.}{90064.}$$

Чтобы узнать, дѣлится число на 10, надо только замѣтить, есть ли единицы. Если нѣтъ единицъ, то все число дѣлится на 10, потому что 10 дѣлится, а сотни и тысячи, сколько бъ ихъ ни было, всѣ изъ десятковъ.

$$\frac{457510 : 10}{301100 : 10} = \frac{45751.}{30110.}$$

ПРИВЕДЕНІЕ КЪ ОДНОМУ ЗНАМЕНАТЕЛЮ.

Надо умѣть переводить дроби изъ мелкаго въ крупное и изъ крупнаго въ мелкое счисленіе; но, кромѣ того, надо еще умѣть двѣ дроби или нѣсколько дробей, переводить изъ разныхъ счисленій въ одинаковое, — къ одному знаменателю.

$\frac{5}{6}$ и $\frac{3}{21}$ привести къ одному знаменателю. Сколько разъ повторить 6, и сколько разъ повторить 21, чтобъ число вышло одно и то же?

Возьми одинъ разъ большое число, и столько разъ малое число, чтобъ малое сравнялось съ большимъ.

Если малое не сравняется, а перейдетъ большое, то возьми другой разъ большое и столько разъ малое, чтобъ оно сравнялось съ большимъ. Если малое и тогда не сравняется, то возьми еще разъ большое и опять малое, и равняй такъ оба числа до тѣхъ поръ, пока они сойдутся.

1 разъ 21, и 4 раза малое 6.
Малое перейдетъ на 3.
Возьми 2-й разъ 21; тогда большое перейдетъ на 18.
Возьми малое еще 3 раза оно сравняется.

Стало быть, $2 \times 21 = 7 \times 6 = 42$. Стало быть,

$$\frac{5 \times 7}{6 \times 7} = \frac{35}{42}, \text{ а } \frac{3 \times 2}{21 \times 2} = \frac{6}{42}.$$

Сравнять $\frac{3}{7}$ и $\frac{2}{5}$.

Возьму 1 разъ 7, и 2 раза $5 = 10$. Малое перейдетъ на 3.
Возьму 2-й разъ 7, большое перейдетъ на 4.
Возьму 3-й разъ 5, малое перейдетъ на 1.
Возьму 3-й разъ 7, большое перейдетъ на 6.
Возьму 4-й и 5-й разъ 5, малое перейдетъ на 4.
Возьму 4-й разъ 7, большое перейдетъ на 3.
Возьму 6-й разъ 5, малое перейдетъ на 2.
Возьму 5-й разъ 7, большое перейдетъ на 5.
Возьму 7-й разъ 5, малое съ большимъ сравняются.

Стало быть, $5 \times 7 = 7 \times 5 = 35$.

$$\frac{3 \times 5}{7 \times 5} = \frac{15}{35}, \text{ а } \frac{2 \times 7}{5 \times 7} = \frac{14}{35}.$$

Сравнять 943 и 345.

1×943	2×345	большое	перейдетъ	на	253
1× —	3× —	малое	—	—	92
2× —	3× —	большое	—	—	851
2× —	6× —	малое	—	—	184
3× —	6× —	большое	—	—	759
3× —	9× —	малое	—	—	276

4× 943	9× 345	большое	перейдетъ	на	667
4× —	11× —	малое	—	—	23
5× —	11× —	большое	—	—	920
5× —	14× —	малое	—	—	115
6× —	14× —	большое	—	—	828
6× —	17× —	малое	—	—	207
7× —	17× —	большое	—	—	736
7× —	20× —	малое	—	—	299
8× —	20× —	большое	—	—	644
8× —	22× —	малое	—	—	46
9× —	22× —	большое	—	—	897
9× —	25× —	малое	—	—	138
10× —	25× —	большое	—	—	805
10× —	28× —	малое	—	—	230
11× —	28× —	большое	—	—	713
11× —	31× —	малое	—	—	322
12× —	31× —	большое	—	—	621
12× —	33× —	малое	—	—	69
13× —	33× —	большое	—	—	874
13× —	36× —	малое	—	—	161
14× —	36× —	большое	—	—	782
14× —	39× —	малое	—	—	253
15× —	39× —	большое	—	—	690
15× —	41× —	—	—	—	000

Для того, чтобы скорѣе приводить къ одному знаменателю, надо дѣлать такъ:

Сперва повторить малое число столько разъ, чтобы оно подошло какъ можно ближе къ большому числу, но не достало до него, а потомъ повторить малое число столько разъ, чтобы оно подошло какъ можно ближе къ большому числу и перешло бы его.

Когда узнаешь, сколько разъ надо повторить малое число, чтобы оно не достало до большого числа, и сколько разъ повторить малое число, чтобъ оно перешло большое число, тогда равняй недостатки и лишки и замѣчай, сколько разъ повторить недостатки, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ. И до тѣхъ поръ равняй лишки съ недостатками, пока лишковъ не будетъ ровно съ недостатками.

28 и 7. Сколько разъ повторить 7, чтобы оно сравнялось съ 28? 4 раза. 1 × 28 и 4 × 7 будетъ ровно.

21 и 6.

Сколько разъ повторить 6, чтобъ сравнялось съ 21? 4 × 6 = 24. 6 не сравнялось съ 21, а перешло его на 3. Сколько разъ повто-

рить 6, чтобъ недостало до 21, и сколько разъ повторить 6, чтобъ перешло 21?

1×21 и 3×6 недостанетъ 3.
1×21 и 4×6 лишнихъ 3.

Равняй лишки съ недостатками. Возьми одинъ разъ первую линейку и одинъ разъ вторую линейку и сочти, сколько разъ повторится 21 и 6.

1×21 и 3×6 недостало 3.
1×21 и 4×6 лишнія 3.

Сложи разы. 2×21 и 7×6 сравнялись.

---

306 и 221.

Сколько разъ повторить 221, чтобы сравнять съ 306?

$2 \times 221 = 442.$

221 не сравнялось съ 306, а перешло его на (442—306 =) 136.

Сколько разъ взять 221, чтобъ недостало, и сколько разъ взять, чтобъ перешло?

(1 лин.) 1×306 и 1×221 недостало 85.
(2 лин.) 1×306 и 2×221 лишнія 136.

Равняй лишки съ недостатками.

Недостатки съ лишками не сравняются.

Сколько разъ повторить первую линейку и вторую линейку, чтобъ было недостатковъ больше лишковъ?

Два раза первую и одинъ разъ вторую.

(2 раза 1-я лин.) 2×306 и 2×221 нед. $85 + 85 = 170$.
(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136.

(3-я лин.) Сложи: 3×306 и 4×221 недост. 34.

Сколько разъ повторить 1-ю и 2-ю линейку, чтобъ лишковъ было больше недостатковъ?

Одинъ разъ вторую и одинъ разъ первую.

(2-я линейка) 1×306 и 2×221 лишковъ 136.
(1-я линейка) 1×306 и 1×221 недостатк. 85.

(4 лин.) Слож.: 2×306 и 3×221 лишковъ 51.

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобъ недостатковъ было больше лишковъ? Два раза 3-ю линейку и одинъ разъ 4-ю линейку.

(2 раза 3-я лин.) 6×306 и 8×221 нед. $34 + 34 = 68$.
(4-я линейка) 2×306 и 3×221 лишк. 51.

(5-я лин.) Сложи: 8×306 и 11×221 недост. 17.

Сколько разъ повторить 3-ю и 4-ю линейку, чтобы лишковъ было больше недостатковъ? Одинъ разъ въ 4-ю, и одинъ разъ 3-ю линейку.

2×306 и 3×221 — лишковъ 51.
3×306 и 4×221 — недост. 34

(6 лин.) Сложить: 5×306 и 7×221 — лишковъ 17.

Равняй 5-ю и 6-ю линейки:

(5-я линейка) 8×306 и 11×221 недостатк. 17.
(6-я линейка) 5×306 и 7×221 лишковъ 17.

Сложить: 13×306 и 18×221 — сравнялось.

---

943 и 345.

(1 лин.) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 лин.) 1×943 и 3×345 лишковъ 92.

Чтобъ больше было недостатковъ, надо взять одинъ разъ первую линейку и два раза вторую.

(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостанетъ 253.
(2 раза 2-я лин.) 2×943 и 6×345 лиш. $92 + 92 = 184$.

(3 лин.) Слож.: 3×943 и 8×345 недостанетъ 69.

Чтобъ больше было лишковъ, надо взять 3 раза вторую линейку и одинъ разъ первую линейку.

(3 раза 2-я лин.) 3×943 и 9×345 лишк. 276.
(1-я линейка) 1×943 и 2×345 недостатк. 253.

(4-я лин.) Слож.: 4×943 и 11×345 лишковъ 23.

Сравнять лишки и недостатки. 3-ю линейку взять одинъ разъ, и 4-ю линейку взять 3 раза.

(3-я линейка) 3×943 и 8×345 недостатковъ 69.
(3 раза 4-я лин.) 12×943 и 33×345 лишк. 69.

Сложить 15×943 и 41×345 — сравнялось.

Сравнять: 15379 и 4459.

1 × 15379 и 3 × 4459 недост. 2002.

(2 раза 1-я л.) 2×15379 и 6×4459 недост. 4004
(2-я лин.) 1×15379 и 4×4459 лишк. 2457

(3 лин.) Слож : 3×15379 и 10×4459 недост. 1547

(3-я линейка) 3×15379 и 10×4459 недост. 1547
(3 раза 4-я л.) 6×15379 и 21×4459 лишк. 1365

(5-я л.) Слож.: 9×15379 и 31×4459 недост. 182

(2 раза 5-я л.) 18×15379 и 62×4459 недост. 364
(6-я лин.) 11×15379 и 38×4459 лишк. 273

Сложить: 29×15379 и 100×4459 недост. 91

1 × 15379 и 4 × 4459 лишк. 2457.

(2-я лин.) 1 × 15379 и 4 × 4459 лишк. 2457
(1.я лин.) 1 × 15379 и 3 × 4459 недост. 2002

(4 л.) Слож.: 2 × 15379 и 7 × 4459 лишк. 455

(4 раза 4-я л.) 8×15379 и 28×4459 лишк. 1820
(3-я лин.) 3×15379 и 10×4459 недост. 1547

(6-я л.) Сл. 11×15379 и 38×4459 лишк. 273

(6-я лин.) 11×15379 и 38×4459 лишк. 273
(5-я лин.) 9×15379 и 31×4459 недост. 182

Сложить 20×15379 и 69×4459 лишк. 91

29 × 15379 и 100 × 4459 недост. 91.
20 × 15379 и 69 × 4459 лишк. 91.

Сложить: 49 × 15379 и 169 × 4459 — сравнялось.

Чтобъ дѣлать скорѣе.

3045 и 870.

```
3045|870        870
2610|3         —435
 435            435
```

1 × 3045 и 3 × 870 нед. 435 1 × 3045 и 4 × 870 лишн. 435.

1 разъ и 3 раза.
1 — и 4 —
2 — 7 — сравнялось.

2172 и 235.

```
2172|235     10 × 235 = 2350
2115|9                — 2172
  57                     178
```

1 × 2172 и	9 × 235 недост.	57 × 4	1 × 2172 и	10 × 235 лишн.	178
4 — — и	36 — — —	228	3 — — и	27 — — 3 × 57 =	171
1 — — и	10 — — —	178	4 — — и	37 — — —	7
5 — — и	46 — — —	50	231 — — и	2135 — — —	— 7
28 — — и	259 — — —	49	Сл. 235 — и	2172 — — — —	00
33 — — и	305 — — —	1			

Сравнять: 117 и 90. 1183 и 182. 693 и 55. 648 и 279. 324 и 372.

Если надо привести къ одному знаменателю много дробей — уравнять много чиселъ, то надо равнять сначала два самыя большія числа, а потомъ съ ними уравнивать малыя.

Сравнять: 40, 30, 12, 9, 15, 4, 8.

40 и 30. 1×40 и 1×30 нед. 10. 1×40 и 2×30 лиш. 20.
2×40 и 2×30 нед. 20
1×40 и 2×30 лиш. 20
3×40 и 4×30 — сравняется.

120 и 12. 1×120 и 10×12.

120 и 9. 1×120 и 13×9 н. 3. 1×120 и 14×9 л. 6
2×120 и 26×9 нед. 6.
1×120 и 14×9 лиш. 6.
3×120 и 40×9 — сравняется

360 и 15. 1×360 и 24×15

360 и 4. 1×360 и 90×4

360 и 8. 1×360 и 45×8.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

Сложеніе и вычитаніе дробей.

Дроби складываются и вычитаются точно такъ же, какъ и простыя числа; только надо помнить, въ какомъ счисленіи написаны дроби. Если дроби написаны въ десятичномъ счисленіи, то 10 десятыхъ будетъ одна единица; а если въ 17-тичномъ счисленіи, то 17 семнадцатыхъ будетъ одна единица, если въ шестичномъ счисленіи, то 6 шестыхъ будетъ одна единица, если въ тысяча-двѣсти-тридцати-пятичномъ, то 1235 тысяча-двѣсти-тридцать пятыхъ будетъ одна единица и т. д.

Одна вторая (одна половина) $\left(\frac{1}{2}\right)$ да одна вторая $\left(\frac{1}{2}\right)$ будетъ двѣ вторыя $\left(\frac{2}{2}\right)$, все равно 1 цѣлая.

$$\frac{1}{2} + \frac{1}{2} = 1 \qquad 0{,}5 + 0{,}5 = 1{,}0.$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть одну вторую $\left(\frac{1}{2}\right)$ Одна цѣлая все равно, что $\frac{2}{2}$ (двѣ вторыя). Изъ $\frac{2}{2}$ вычесть $\frac{1}{2}$ будетъ $\frac{1}{2}$.

$$1-\frac{1}{2}=\frac{1}{2} \qquad 1,0-0,5=0,5.$$

Пять половинъ $\left(\frac{5}{2}\right)$ да три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$ будетъ восемь половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$ Все равно четыре цѣлыя (4).

$$\frac{5}{2}+\frac{3}{2}=4.$$

Изъ четырехъ цѣлыхъ (4) вычесть три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$. Четыре цѣлыя (4) все равно, что восемь половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$. Изъ восьми половинъ $\left(\frac{8}{2}\right)$ вычесть три половины $\left(\frac{3}{2}\right)$, останется пять половинъ $\left(\frac{5}{2}\right)$.

$$4-\frac{3}{2}=\frac{5}{2} \qquad 4,0-1,5=2,5.$$

Одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ да двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ да еще три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ будетъ шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$. Шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$ все равно, что одна цѣлая и двѣ четверти $\left(1\frac{2}{4}\right)$.

$$\frac{1}{4}+\frac{2}{4}+\frac{3}{4}=1\frac{2}{4}$$

$$0,1+0,5+0,7=1,3$$

Изъ одной цѣлой (1) и двухъ четвертей $\left(\frac{2}{4}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

Одна цѣлая (1) все равно, что четыре четверти $\left(\frac{4}{4}\right)$; да еще двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$, будетъ шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$.

Изъ шести четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$, останется три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

$$1\frac{2}{4}-\frac{3}{4}=\frac{3}{4}. \qquad 1,3-0,5=0,8.$$

Двѣ трети$\left(\frac{2}{3}\right)$ да еще двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$, да еще двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$—будетъ семь третей $\left(\frac{7}{3}\right)$. Все равно двѣ цѣлыхъ (2) и одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$.

$$\frac{2}{3}+\frac{2}{3}+\frac{1}{3}+\frac{2}{3}=2\frac{1}{3}.$$

$$0,5+0,6+0,8+0,9=2,8 \ .$$

Изъ двухъ цѣлыхъ (2) и одной трети $\left(\frac{1}{3}\right)$ вычесть двѣ трети$\left(\frac{2}{3}\right)$. Двѣ цѣлыя (2) все равно, что шесть третей $\left(\frac{6}{3}\right)$; да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$— будетъ семь третей $\left(\frac{7}{3}\right)$. Изъ семи третей $\left(\frac{7}{3}\right)$ вычесть двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, останется пять третей $\left(\frac{5}{3}\right)$. Все равно одна цѣлая и двѣ трети $\left(1\frac{2}{3}\right)$.

$$2\frac{1}{3}-\frac{2}{3}=1\frac{2}{3}.$$

$$2,7-0,8=1,9.$$

Одна седьмая $\left(\frac{1}{7}\right)$ да двѣ седьмыхъ $\left(\frac{2}{7}\right)$, да четыре седьмыхъ $\left(\frac{4}{7}\right)$ будетъ семь седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$. Все равно, что одна цѣлая (1).

$$\frac{1}{7}+\frac{2}{2}+\frac{4}{7}=1.$$

$$0,3+0,2+0,5=1,0.$$

Изъ одной цѣлой (1) вычесть три седьмыхъ $\left(\frac{3}{7}\right)$. Одна цѣлая (1) все равно, что семь седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$. Изъ семи седьмыхъ $\left(\frac{7}{7}\right)$ вычесть три седьмыхъ $\left(\frac{3}{7}\right)$, останется четыре седьмыхъ $\left(\frac{4}{7}\right)$.

$$1-\frac{3}{7}=\frac{4}{7}. \qquad 1,0-0,3=0,7.$$

Одна пятнадцатая $\left(\frac{1}{15}\right)$ да восемь пятнадцатыхъ $\left(\frac{8}{15}\right)$, да семь пятнадцатыхъ $\left(\frac{7}{15}\right)$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$. Все равно одна цѣлая и одна пятнадцатая $\left(1\frac{1}{15}\right)$

$$\frac{1}{15}+\frac{8}{15}+\frac{7}{15}=\frac{16}{15}=1\frac{1}{15}.$$

$$0,1+0,8+0,9+0,7=2,5.$$

Изъ одной цѣлой (1) и одной пятнадцатой $\left(\frac{1}{15}\right)$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $\left(\frac{4}{15}\right)$. Одна цѣлая (1) все равно, что пятнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{15}{15}\right)$; да одна пятнадцатая $\left(\frac{1}{15}\right)$ будетъ шестнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$. Изъ шестнадцати пятнадцатыхъ $\left(\frac{16}{15}\right)$ вычесть четыре пятнадцатыхъ $\left(\frac{4}{15}\right)$, останется двѣнадцать пятнадцатыхъ $\left(\frac{12}{15}\right)$.

$$1\frac{1}{15}-\frac{4}{15}=\frac{12}{15}. \qquad 2{,}5-0{,}7=1{,}8.$$

Тысяча пятьсотъ тридцать два и двѣ трети $\left(1532\frac{2}{3}\right)$ да семьсотъ три и двѣ трети $\left(703\frac{2}{3}\right)$, будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети $\left(\frac{4}{3}\right)$.

Четыре трети $\left(\frac{4}{3}\right)$ все равно, что одна цѣлая и одна треть $\left(1\frac{1}{3}\right)$. Всего будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) и одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$.

$$1532\frac{2}{3}+703\frac{2}{3}=2236\frac{1}{3}.$$
$$67{,}8+75{,}3=143{,}1.$$

Изъ двухъ тысячъ двухъ сотъ тридцати шести (2236) и одной трети $\left(\frac{1}{3}\right)$ вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$.

Двѣ тысячи двѣсти тридцать шесть (2236) все равно, что двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и три трети $\left(\frac{3}{3}\right)$; да еще одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$, будетъ двѣ тысячи двѣсти тридцать пять (2235) и четыре трети $\left(\frac{4}{3}\right)$. Вычесть семьсотъ три (703) и двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$, останется тысяча пятьсотъ тридцать два (1532) и двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$.

$$2236\frac{1}{3}-703\frac{2}{3}=1532\frac{2}{3}$$
$$143{,}1-67{,}8=75{,}3$$

Пятьдесятъ шесть сто восемнадцатыхъ $\left(\frac{56}{118}\right)$, да восемьдесятъ четыре стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$ будетъ сто сорокъ сто-восемнадцатыхъ $\left(\frac{140}{118}\right)$. Все равно, что одна цѣлая (1) и двадцать два стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$.

$$\frac{36}{118}+\frac{84}{118}=\frac{140}{118}=1\frac{22}{118}.$$

$$0,17+0,81+0,36=1,34.$$

Изъ одной цѣлой (1) и двадцати двухъ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$ вычесть восемьдесятъ четыре стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$.

Одна цѣлая (1) все равно, что сто восемнадцать стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{118}{118}\right)$, да еще двадцать двѣ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{22}{118}\right)$, будетъ сто сорокъ стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{140}{118}\right)$. Вычесть восемьдесятъ четыре стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{84}{118}\right)$, останется пятьдесятъ шесть стовосемнадцатыхъ $\left(\frac{56}{118}\right)$.

$$1\frac{22}{118}-\frac{84}{118}=\frac{56}{118} \qquad 1,34-0,36=0,98.$$

Одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$, будетъ двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ все равно, что одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$.

$$\frac{1}{4}+\frac{1}{4}=\frac{1}{2}.$$

Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ — сколько будетъ четвертей? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$ да одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$ будетъ три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

$$\frac{1}{2}+\frac{1}{4}=\frac{3}{4}.$$

Изъ одной половины $\left(\frac{1}{2}\right)$ вычесть одну четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$. Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что двѣ четверти $\left(\frac{2}{4}\right)$. Изъ

двухъ четвертей $\left(\frac{2}{4}\right)$ вычесть одну четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$, останется одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{2}-\frac{1}{4}=\frac{1}{4}.$$

Одна восьмушка $\left(\frac{1}{8}\right)$ да одна восьмушка $\left(\frac{1}{8}\right)$, будетъ двѣ восьмушки $\left(\frac{2}{8}\right)$. Двѣ восьмушки $\left(\frac{2}{8}\right)$ все равно, что одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{8}+\frac{1}{8}=\frac{1}{4}.$$

Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$, три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ и пять восьмушекъ $\left(\frac{5}{8}\right)$—сколько будетъ восьмушекъ? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что четыре восьмушки $\left(\frac{4}{8}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что шесть восьмушекъ $\left(\frac{6}{8}\right)$. Четыре восьмушки $\left(\frac{4}{8}\right)$ да шесть восьмушекъ $\left(\frac{6}{8}\right)$, да пять восьмушекъ $\left(\frac{5}{8}\right)$, будетъ пятнадцать восьмушекъ $\left(\frac{15}{8}\right)$, все равно одна цѣлая (1) и семь восьмушекъ $\left(\frac{7}{8}\right)$.

$$\frac{1}{2}+\frac{3}{4}+\frac{5}{8}=\frac{15}{8}=1\frac{7}{8}.$$

Изъ двѣнадцати восьмыхъ $\left(\frac{12}{8}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$. Двѣнадцать восьмушекъ $\left(\frac{12}{8}\right)$ все равно, что шесть четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ изъ шести четвертей $\left(\frac{6}{4}\right)$, останется три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$.

$$\frac{12}{8}-\frac{3}{4}=\frac{3}{4}.$$

Одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$ да одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$, будетъ двѣ шестыхъ $\left(\frac{2}{6}\right)$. Двѣ шестыхъ $\left(\frac{2}{6}\right)$ все равно, что одна треть $\left(\frac{1}{3}\right)$.

$$\frac{1}{6}+\frac{1}{6}=\frac{2}{6}=\frac{1}{3}.$$

Одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$ да одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$, да еще одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$, будетъ три шестыхъ $\left(\frac{3}{6}\right)$, все равно, что одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$.

$$\frac{1}{6}+\frac{1}{6}+\frac{1}{6}=\frac{3}{6}=\frac{1}{2}.$$

Двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$ да одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$—сколько будетъ? Одна половина $\left(\frac{1}{2}\right)$ все равно, что три шестыхъ $\left(\frac{3}{6}\right)$, а двѣ трети $\left(\frac{2}{3}\right)$ все равно, что четыре шестыхъ $\left(\frac{4}{6}\right)$. Три шестыхъ $\left(\frac{3}{6}\right)$ да четыре шестыхъ $\left(\frac{4}{6}\right)$, будетъ семь шестыхъ $\left(\frac{7}{6}\right)$, все равно одна цѣлая и одна шестая $\left(1\frac{1}{6}\right)$. $\frac{2}{3}+\frac{1}{2}=1\frac{1}{6}$

Одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$ да одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$, будетъ двѣ двѣнадцатыхъ $\left(\frac{2}{12}\right)$. Двѣ двѣнадцатыхъ $\left(\frac{2}{12}\right)$ все равно, что одна шестая $\left(\frac{1}{6}\right)$.

$$\frac{1}{12}+\frac{1}{12}=\frac{2}{12}=\frac{1}{6}.$$

Одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$ да одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$, да еще одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$, будетъ три двѣнадцатыхъ $\left(\frac{3}{12}\right)$. Три двѣнадцатыхъ $\left(\frac{3}{12}\right)$ все равно, что одна четверть $\left(\frac{1}{4}\right)$.

$$\frac{1}{12}+\frac{1}{12}+\frac{1}{12}=\frac{3}{12}=\frac{1}{4}.$$

Изъ пяти шестыхъ $\left(\frac{5}{6}\right)$ вычесть три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$. Пять шестыхъ $\left(\frac{5}{6}\right)$ все равно, что десять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{10}{12}\right)$; три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что девять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{9}{12}\right)$.

Изъ десяти двѣнадцатыхъ $\left(\frac{10}{12}\right)$ вычесть девять двѣнадцатыхъ $\left(\frac{9}{12}\right)$, останется одна двѣнадцатая $\left(\frac{1}{12}\right)$.

$$\frac{5}{6}-\frac{3}{4}=\frac{1}{12}.$$

Изъ трехъ четвертей $\left(\frac{3}{4}\right)$ вычесть двѣ пятыхъ $\left(\frac{2}{5}\right)$. Три четверти $\left(\frac{3}{4}\right)$ все равно, что пятнадцать двадцатыхъ $\left(\frac{15}{20}\right)$. Двѣ пятыхъ $\left(\frac{2}{5}\right)$ все равно, что восемь двадцатыхъ $\left(\frac{8}{20}\right)$.

Изъ пятнадцати двадцатыхъ $\left(\frac{15}{20}\right)$ вычесть восемь двадцатыхъ $\left(\frac{8}{20}\right)$, останется семь двадцатыхъ $\left(\frac{7}{20}\right)$.

$$\frac{3}{4} - \frac{2}{5} = \frac{7}{20}.$$

Сложить:

$$\frac{13}{17} + \frac{23}{41} \qquad \frac{18}{42} + \frac{11}{23} \qquad \frac{9}{117} + \frac{8}{90}.$$

$$\frac{3}{5} + \frac{4}{7} + \frac{5}{8} + 485 + \frac{1}{3} + 2 + 6\frac{1}{16}.$$

Вычесть:

$$1 - \frac{3}{15} \qquad 75 - \frac{8}{13} \qquad \frac{7}{8} - \frac{286}{1231} \qquad \frac{2}{3} - \frac{5}{7}.$$

$$\frac{5}{6} - \frac{17}{42} \qquad \frac{2}{13} - \frac{25}{1000}.$$

Умноженіе и дѣленіе дробей.

На дроби помножается и дѣлится всякое число точно такъ же, какъ и на цѣлыя числа, только надо помнить, въ какомъ счисленіи та дробь, на какую помножаешь или дѣлишь. Если дробь, на какую помножаешь, написана въ десятичномъ счисленіи, то, когда помножишь на 0,3, все, что выйдетъ, будетъ въ 10 разъ меньше, а когда помножишь на 0,03, все, что выйдетъ, будетъ въ 100 разъ меньше. Если дробь написана въ 17-тичномъ счисленіи, напримѣръ $\frac{3}{17}$, то, когда помножишь на 3, все, что выйдетъ, будетъ въ 17 разъ меньше. Если дробь, на какую дѣлишь, написана въ 10-тичномъ счисленіи, то, когда раздѣлишь на 0,3, все, что выйдетъ, будетъ въ 10 разъ больше, а когда раздѣлишь на 0,03, то все то, что выйдетъ, будетъ въ 100 разъ больше. Если дробь написана въ 13-тичномъ счисленіи, на-

примѣръ $\left(\frac{5}{13}\right)$, то, когда раздѣлишь на 5, все, что выйдетъ, будетъ въ 13 разъ больше.

$$8\times\frac{3}{4}.$$

Можно сдѣлать такъ: 8 взять 3 раза, будетъ 24; въ 4 раза меньше — будетъ 6.

Или такъ: 8 взять въ 4 раза меньше, будетъ 2; и 2 взять 3 раза, будетъ 6.

$8\times\frac{3}{4}=6$. Три четверти восьми будетъ 6.

Если надо взять восемь разъ три четверти, то будетъ 24 четверти. Если надо взять 8 разъ три стодвадцатыя, то будетъ 24 стодвадцатыя.

$$\frac{5}{6}\times 11=\frac{55}{6} \qquad \frac{37}{85}\times 23=\frac{851}{85}.$$

$$6:\frac{3}{4}.$$

Можно сдѣлать такъ: 6 раздѣлить на 3, будетъ 2. Взять въ 4 раза больше, будетъ 8. Или такъ: 6 въ 4 раза больше, будетъ 24; и раздѣлить на 3, будетъ 8.

$$6:\frac{3}{4}=8.$$

Если $\frac{12}{15}$ надо раздѣлить на 3, то будетъ четыре пятнадцатыхъ Если двѣнадцать тридцатьседьмыхъ раздѣлить на три, то будетъ 4 тридцатьседьмыхъ.

$$\frac{35}{47}:7=\frac{5}{47} \qquad \frac{171}{569}:9=\frac{19}{569}.$$

$$4\times\frac{2}{3}.$$

4 взять 2 раза, будетъ 8; нужно взять въ 3 раза меньше.

(Для того, чтобы раздѣлить 8 на 3, надо передѣлать 8 въ столько частей, чтобы онѣ дѣлились на 3. $8=\frac{24}{3}$).

$$\frac{24}{3}:3=\frac{8}{3};\ \frac{8}{3}=2\frac{2}{3}.$$

Или 4 въ 3 раза меньше. (Для того, чтобы 4 раздѣлить на 3, надо 4 передѣлать въ столько частей, чтобы дѣлилось на 3. $4=\frac{12}{3}$ $\frac{12}{3}:3=\frac{4}{3}$, и нужно $\frac{4}{3}$ взять 2 раза; будетъ $\frac{8}{3}=2\frac{2}{3}$.

$4\times\frac{2}{3}=\frac{8}{3}=2\frac{2}{3}$. Двѣ трети четырехъ будетъ двѣ и двѣ трети.

$$6:\frac{4}{5}.$$

6 раздѣлить на 4. (Чтобы 6 раздѣлить на 4, надо передѣлать 6 такъ, чтобы дѣлилось безъ остатка на 4. $6=\frac{24}{4}$). $\frac{24}{4}:4=\frac{6}{4}$

$\frac{6}{4}$ въ пять разъ больше будетъ $\frac{30}{4}=7\frac{2}{4}=7\frac{1}{2}$.

Или 6 въ 5 разъ больше, 30—раздѣлить на 4. (Передѣлать 30. $30=\frac{120}{4}$).

$$\frac{120}{4}:4=\frac{30}{4}=7\frac{1}{2};\ 6:\frac{4}{5}=7\frac{1}{2}.$$

Шесть есть четыре пятыхъ семи съ половиною.

$$85\times\frac{119}{173}$$

85 взять 119 разъ = 10115; въ 173 раза меньше будетъ $\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$. Или:

85 взять въ 173 раза меньше $=\frac{85}{173}$, и взять 119 разъ, будетъ $\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$.

$$85:\frac{173}{119}.$$

85 раздѣлить на $173=\frac{85}{173}$; въ 119 разъ больше, будетъ $\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$. Или:

85 въ 119 разъ больше, будетъ 10115; раздѣлить на 173 = $\frac{10115}{173}=58\frac{81}{173}$.

$$\frac{6}{7} \times \frac{2}{3}.$$

$\frac{6}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{12}{7}$; въ 3 раза меньше будетъ $\frac{4}{7}$. Или: $\frac{6}{7}$ взять въ 3 раза меньше, будетъ $\frac{2}{7}$; и взять 2 раза, будетъ $\frac{4}{7}$.

$\frac{6}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{4}{7}$. Двѣ трети шести седьмыхъ будетъ четыре седьмыхъ.

$$\frac{4}{7} : \frac{2}{3}$$

$\frac{4}{7}$ раздѣлить на $2 = \frac{2}{7}$; $\frac{2}{7}$ въ три раза больше, будетъ $\frac{6}{7}$. Или $\frac{4}{7}$ въ 3 раза больше $\frac{12}{7}$; раздѣлить на $2 = \frac{6}{7}$.

$\frac{4}{7} : \frac{2}{3} = \frac{6}{7}$. Четыре седьмыхъ есть двѣ трети шести седьмыхъ.

$$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3}.$$

$\frac{5}{7}$ взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{7}$; въ 3 раза меньше (надо $\frac{10}{7}$ передѣлать такъ, чтобы можно было безъ остатка раздѣлить на 3. $\frac{10}{7} = \frac{30}{21}\Big)$. $\frac{30}{21}$ въ три раза меньше будетъ $\frac{10}{21}$.

Или $\frac{5}{7}$ взять въ 3 раза меньше (надо $\frac{5}{7}$ передѣлать, $\frac{5}{7} = \frac{15}{21}\Big)$; $\frac{15}{21}$ въ 3 раза меньше $= \frac{5}{21}$; взять 2 раза, будетъ $\frac{10}{21}$.

$\frac{5}{7} \times \frac{2}{3} = \frac{10}{21}$. Двѣ трети пяти седьмыхъ будетъ десять двадцать первыхъ.

$$\frac{5}{7} : \frac{3}{8}.$$

$\frac{5}{7}$ раздѣлить на 3 $\left(\frac{5}{7} = \frac{15}{21}\right)$; $\frac{15}{21} : 3 = \frac{5}{21}$; $\frac{5}{21}$ взять въ 8 разъ больше $= \frac{40}{21}$. Или: $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше $= \frac{40}{7}$; раздѣлить на 3 $\left(\frac{40}{7} = \frac{120}{21}\right)$, $\frac{120}{21}$ раздѣлить на $3 = \frac{40}{21}$.

$\frac{5}{7} : \frac{3}{8} = \frac{40}{21}$. Пять седьмыхъ есть три восьмыхъ сорока двадцать первыхъ.

$$5 \times \frac{1}{7}.$$

5 взять 1 разъ будетъ 5, и въ 7 разъ меньше.

Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ: $\overbrace{0,5}^{7}$ въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$. $5 \times \frac{1}{7} = \frac{5}{7}$.

$$5 : \frac{7}{8}.$$

5 раздѣлить на 7. Вмѣсто того, чтобы дѣлить 5 на 7, можно прямо написать 5 въ 7 разъ меньше, такъ: $\overbrace{0,5}^{7}$ въ семичномъ счисленіи, или все равно $\frac{5}{7}$; и взять $\frac{5}{7}$ въ 8 разъ больше — будетъ $\frac{40}{7} = 5\frac{5}{7}$; $5 : \frac{7}{8} = 5\frac{5}{7}$.

$$\frac{18}{23} \times \frac{31}{49}.$$

$\frac{18}{23}$ взять 31 разъ $\frac{558}{23}$, и въ 49 разъ меньше. Можно не дѣлить числителя, а, чтобы сдѣлать число въ 49 разъ меньше, перевести его въ счисленіе въ 49 разъ меньше 23-го. Какое счисленіе будетъ въ 49 разъ меньше 23-го? ($23 \times 49 = 1127$) 1127-е.

$\frac{558}{23}$ въ 49 разъ меньше будетъ $\frac{558}{1127}$. Или:

$\frac{18}{23}$ взять въ 49 разъ меньше (перевести въ счисленіе въ 49 разъ меньше) будетъ $\frac{18}{1127}$. Взять 31 разъ, будетъ $\frac{558}{1127}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23}.$$

$\frac{17}{19}$ раздѣлить на 11. Перевести $\frac{17}{19}$ въ счисленіе въ 11 разъ меньше ($19 \times 11 = 209$); $\frac{17}{19} : 11 = \frac{17}{209}$. Взять въ 23 раза больше $= \frac{391}{209}$.

Или: $\frac{17}{19}$ въ 23 раза больше $\frac{391}{19}$ раздѣлить на 11 (перевести въ счисленіе въ 11 разъ меньше) $\frac{391}{209}$.

$$\frac{17}{19} : \frac{11}{23} = \frac{391}{209}.$$

Помножить:

$53 \times \frac{27}{38}$. $3 \times \frac{17}{141}$. $11 \times \frac{5}{8}$. $\frac{2}{3} \times \frac{8}{13}$. $\frac{4}{7} \times \frac{506}{1004}$. $1 \times \frac{5}{9}$.

Раздѣлить:

$1 : \frac{2}{7}$. $386 : \frac{17}{18}$. $5 : \frac{283}{423}$. $\frac{5}{11} : \frac{7}{16}$. $\frac{8}{21} : \frac{11}{13}$.

ЗАДАЧИ.

I.

1. Мужъ съ женою брали деньги изъ одного сундука, и ничего не осталось.

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена 690 рублей. Сколько было всѣхъ денегъ?

Мужъ взялъ $\frac{7}{10}$ всѣхъ денегъ, а жена то, что оставалось; стало быть жена взяла $\frac{3}{10}$ всѣхъ денегъ.

Чтобъ узнать, сколько было всѣхъ денегъ, надо узнать, 690 есть $\frac{3}{10}$ чего? т.-е. $690 : \frac{3}{10}$.

690 есть $\frac{3}{10}$-тыхъ 2300.

2. Мужъ съ женою положили 540 рублей денегъ въ сундукъ и забрали всѣ деньги. Мужъ взялъ $\frac{3}{9}$; сколько взяла жена? Сколько денегъ $\frac{3}{9}$ отъ 540? $\frac{3}{9} \times 540 = \frac{1620}{9} = 180$. Стало быть, жена взяла $540 - 180 = 360$.

3. Мужъ съ женою положили 1200 рублей въ сундукъ и брали каждый особо. Всѣ деньги вышли. Жена взяла 576 рублей;

сколько частей всѣхъ денегъ взялъ мужъ? Жена взяла 576 изъ 1200. Стало быть, осталось 1200—576=624. 624 есть какая часть 1200? надо 624 : 1200, $\frac{624}{1200}=\frac{13}{25}$.

ЗАДАЧИ.

II.

1. Одинъ человѣкъ отдалъ $\frac{1}{2}$ своихъ денегъ бѣднымъ, $\frac{1}{4}$ на церковь, а три рубля оставилъ себѣ. Сколько у него было денегъ. Сколько онъ далъ бѣднымъ? Сколько на церковь?

Роздалъ онъ $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$; всего $\frac{3}{4}$; стало быть, осталась $\frac{1}{4}$ и эта $\frac{1}{4}$ была 3 рубля. Стало-быть, 3 есть $\frac{1}{4}$ чего? $3 : \frac{1}{4}=12$ рублей. Бѣднымъ онъ далъ $12\times\frac{1}{2}=6$ рублей, а на церковь далъ $12\times\frac{1}{4}=3$ рубля.

2. Одинъ человѣкъ изъ всѣхъ своихъ денегъ истратилъ $\frac{1}{7}$ на посторойку дома, $\frac{3}{10}$ на отдѣлку дома и $\frac{1}{14}$ на покупку мебели и осталось у него 10200 рублей Сколько у него было денегъ и сколько стоила 1) постройка дома? 2) отдѣлка дома? 3) мебель?

Сколько онъ издержалъ частей своихъ денегъ?

$$\frac{1}{7}+\frac{3}{10}+\frac{1}{14}=\frac{18}{35}.$$

Стало быть, недостаетъ $\frac{17}{35}$, и $\frac{17}{35}$ всѣхъ денегъ будетъ 10200. 10200 есть $\frac{17}{35}$ чего? $10200 : \frac{17}{35}=21000$.

Всѣхъ денегъ было 21000.

Теперь, сколько пошло на постройку? $21000\times\frac{1}{7}=3000$; на отдѣлку? $21000\times\frac{3}{10}=6300$; на покупку мебели? $21000\times\frac{1}{14}=$ $=1500$.

ЗАДАЧИ.

III.

1. Надъ бочкой придѣланы двѣ трубы, изъ обѣихъ трубъ вода течетъ въ бочку. Изъ одной трубы вода наполнитъ бочку въ 24 минуты; изъ другой въ 15 минутъ.

Еще есть въ бочкѣ дыра; изъ дыры вытечетъ вся вода изъ бочки въ 2 часа (2 часа = 120 минутъ). Наполнится ли бочка и скоро ли, если пустить воду изъ обѣихъ трубъ, и вода будетъ течь въ дыру?

Что будетъ черезъ минуту послѣ того, какъ открыть обѣ трубы? Сколько будетъ воды въ бочкѣ?

Изъ одной трубы (той, которая въ 15 минутъ наполняетъ бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{15}$ бочки, а изъ другой трубы (той, которая наполнитъ въ 24 минуты бочку) будетъ въ минуту $\frac{1}{24}$ бочки. Вытечетъ же изъ бочки въ минуту $\frac{1}{120}$ бочки. Стало быть, въ минуту будетъ $\frac{1}{15}+\frac{1}{24}\ \left(\frac{8}{120}+\frac{5}{120}\right)=\frac{13}{120};\ \frac{13}{120}-\frac{1}{120}=$ $=\frac{12}{120}=\frac{1}{10}$.

Въ минуту въ бочкѣ будетъ $\frac{1}{10}$. Во сколько времени будетъ полна вся бочка?

$$1:\frac{1}{10}=10.$$

Бочка будетъ полна въ 10 минутъ.

Руководство для учителя.

Счисленіе.

Десятичное счисленіе заключаетъ въ себѣ всю ариѳметику. Тотъ, кто умѣетъ считать впередъ и назадъ до ста, тотъ въ головѣ дѣлаетъ и сложеніе, и вычитаніе, и умноженіе, и дѣленіе, и возвышеніе въ степень, и извлеченіе корней. Тотъ, кто хорошо пойметъ счисленіе, тотъ легко пойметъ всю ариѳметику; и потому надо учить счисленію осторожно, не торопясь, не позволяя ученику ничего заучивать наизусть, а объясняя каждое дѣйствіе.

Покажите ученику славянскія буквы, потомъ семь знаковъ римскаго счисленія—M, D, C, L, X, V, I, и десять знаковъ арабскаго счисленія и заставляйте его читать таблицу и класть на счетахъ до ста впередъ и назадъ.

Когда онъ запомнитъ знаки цифръ, заставляйте его читать по славянскому счисленію, писать по римскому (безъ сокращенія), класть на счетахъ и подписывать арабскими цифрами. (Подъ счеты надо подложить разграфленный листъ бумаги, такъ чтобы графа приходилась на каждый разрядъ счетовъ).

Обращайте вниманіе ученика въ римскомъ счисленіи на образованіе пятковъ, десятковъ, полсотенъ и сотенъ, въ арабскомъ—на различные способы класть на счетахъ и писать числа, кончающіяся нулемъ.

Пройдя таблицу до ста и обратно, заставьте ученика подъ диктовку писать числа по-римски, класть на счетахъ и подписывать по-арабски, и заставляйте читать числа, написанныя по разнымъ счисленіямъ.

Не требуйте отъ ученика, чтобы онъ называлъ цифры правильно, то есть 40 — сорокъ, 90 — девяносто, 113 — сто тринадцать, а пускай называетъ: 4 десятка; 9 десятковъ; одна сотня, 1 десятокъ и 3 простыхъ; и, диктуя, если онъ не понимаетъ васъ, говорите ему такъ же.

Потомъ пройдите таблицу до 1000 и точно такъ же заставьте считать и писать цифры по двумъ счисленіямъ и класть на счетахъ.

Потомъ заставьте ученика выговаривать числа правильно. Обратите вниманіе на числа 12, 13, 14, 15 16, 17, 18, 19, на 40, на 90, на 200, 300. Эти числа при выговариваніи обыкновенно путаютъ ученика.

Покажите счетъ славянскими буквами для того только, чтобы ученикъ понялъ преимущество римскаго и арабскаго счисленія.

Заставляйте ученика считать, т.-е. складывать римскими цифрами (безъ сокращенія).

Римское счисленіе, самое понятное и простое, имѣетъ еще то преимущество, что оно пріучаетъ ученика разбивать десятокъ на два пятка, что ему потомъ много облегчитъ счетъ; поэтому какъ можно больше заставляйте ученика считать поримски. Прибавьте отъ себя сотни примѣровъ. Все потраченное на это время вознаградится сторицею.

Сокращеннымъ римскимъ счисленіемъ не нужно считать, если ученикъ не очень способенъ, а нужно только показать его.

Прежде чѣмъ приступить къ арабскому счисленію на бумагѣ и на счетахъ, пройдите нѣсколько разъ упражненія въ различномъ изображеніи чиселъ съ нулями, изображая звѣздочкой десятки (напримѣръ, 1000 — одна тысяча, или 10 сотенъ, или 9 сотенъ и 10 десятковъ; 1000=*00=9*0=99*), и упражненія въ различныхъ способахъ наименованія чиселъ, напримѣръ, 5673=56 сотнямъ и 73 простымъ=567 десяткамъ и 3 простымъ. Чѣмъ лучше пойметъ это ученикъ, чѣмъ тверже онъ будетъ въ этомъ, тѣмъ несравненно легче будетъ для него все дальнѣйшее.

Считать арабскими цифрами заставляйте одновременно съ счетами.

Не торопитесь показывать сложенія однѣми арабскими цифрами.

Сложеніе и вычитаніе.

Вычитаніе и сложеніе заставляйте дѣлать на счетахъ, записывая то, что выходитъ, на разграфленной бумагѣ.

Безъ счетовъ заставляйте ученика первое время писать на разграфленной бумагѣ по разрядамъ чиселъ.

Пройдите всѣ упражненія болѣе или менѣе подробно, смотря по способности ученика, но всегда заставляйте дѣлать одновременно сложеніе и вычитаніе изъ суммы слагаемыхъ.

На сложенiи съ большихъ разрядовъ и безъ подписыванiя слагаемыхъ чиселъ одного подъ другимъ упражняйте ученика какъ можно дольше. Оно яснѣе и полезнѣе для ученика, чѣмъ сложенiе съ меньшихъ разрядовъ: естественнѣе прежде узнать сколько тысячъ, а потомъ сколько единицъ.

Пройдя сложенiе цифрами, обратите вниманiе ученика на значенiе * и на возможность съ помощiю этого знака цифрами такъ же, какъ счетами, различно изображать числа, имѣющiя нули.

Вычитанiе не механическое есть одно изъ самыхъ трудныхъ ариѳметическихъ дѣйствiй, и для того, чтобы дальнѣйшiе успѣхи были легки, не торопитесь вычитанiемъ и не жалѣйте мѣлу или карандаша, а заставляйте по нѣскольку разъ переписывать то число, изъ котораго вычитается,—какъ показано въ упражненiяхъ.

Обратите вниманiе ученика на то, что, вычитая многоразрядное число, онъ всякiй разъ разбиваетъ его на разряды и вычитаетъ отдѣльно сотни, десятки и единицы.

Вычитанiе точно такъ же естественнѣе съ большихъ разрядовъ, и потому долѣе упражняйте въ немъ ученика.

Не говорите правила о числѣ въ умѣ, приписываемомъ въ сложенiи; а главное, не говорите правила о занимапiи и о томъ, что нуль, черезъ который перескочили, становится 9-ю. Ученикъ самъ пускай выведетъ эти правила.

Объясненiе задачъ возможно тремя способами:

1) Разъясненiе самой задачи, какъ въ задачахъ № I.

2) Составленiе точно такой же задачи съ самыми малыми числами, такъ чтобы ученикъ тотчасъ же въ умѣ дѣлалъ ее,—какъ въ задачахъ № II.

3) Перестановка неизвѣстнаго въ той же задачѣ, какъ въ задачахъ № III. Полезно заставлять ученика дѣлать то же самое хотя съ самыми легкими задачами.

Составляйте сами такого рода задачи и задавайте ученику.

Умноженiе и дѣленiе.

Дѣленiе есть самое трудное изъ ариѳметическихъ дѣйствiй. Но тотъ ученикъ, который понялъ ясно дѣленiе, уже не найдетъ никакого затрудненiя въ дробяхъ; для того же, который не понялъ дѣленiя, дроби будутъ всегда непонятны.

Поэтому не торопитесь умноженiемъ, а старайтесь посредствомъ умноженiя уяснить ученику дѣйствiе, обратное умноженiю—дѣленiе.

Всякое умноженіе представляетъ два случая: 3×5 = 1) 3 раза 5, и 2) 5 разъ 3. Точно такъ же и дѣленіе всегда представляетъ два случая: $15:3$= 1) сколько разъ 3 въ 15-ти, и 2) какое число повторится 3 раза въ 15-ти. Если ученикъ привыкнетъ умножать, называя множителя тройками, пятериками, восьмериками, и т. д., то и второй случай дѣленія, — какое число повторяется извѣстное число разъ въ дѣлимомъ,—можетъ быть выраженъ для ученика коротко и понятно. Если три пятка составляютъ 15, то ему понятенъ будетъ вопросъ: чего въ 15-ти три? т.-е. пятковъ, или паръ, или четвериковъ?

Эта форма вопроса удобна потому, что она коротка и ясна для ученика (не знающаго еще дѣленія); въ особенности же потому, что только эта форма вопроса соотвѣтствуетъ дѣленію дробей. $^1/_3 : ^4/_5$. Нельзя сказать: сколько разъ $^4/_5$ въ $^1/_3$, ибо очевидно—ни разу. И нельзя сказать: раздѣлить $^4/_5$ на $^1/_3$ часть. Оба вопроса не имѣютъ смысла. Но какъ при 15 : 3 мы говоримъ: 15 есть три чего? или три какого числа?—такъ и при $^4/_5 : ^1/_3$ можно сказать: $^4/_5$ есть одна треть чего? или какого числа? Точно такъ же и при помноженіи дроби на дробь, $^3/_5 \times ^2/_3$, нельзя сказать: повторить $^3/_5$-тыхъ $^2/_3$ раза и обратно; оба вопроса не имѣютъ смысла. Но, какъ при 5×3 мы говоримъ: три пятка или пять троекъ сколько будетъ?—такъ и при $^3/_5 \times ^2/_3$ можно сказать: двѣ трети трехъ пятыхъ сколько будетъ? Въ отдѣлѣ дробей объ этомъ говорено подробнѣе, теперь же упоминаю для того, чтобы учитель не прошелъ безъ вниманія принятую мною форму вопроса.

При умноженіи всегда два случая, и всегда предоставленъ выборъ брать тотъ или другой, смотря по удобству; точно такъ же и при дѣленіи. Положимъ, задано 50×2 или 100:2; всегда выбирается второй случай какъ при умноженіи, такъ и при дѣленіи, т.-е. всегда берется два раза 50, а не 50 разъ два, и всегда отыскивается чего 2 въ 100, а не сколько разъ 2 въ 100.

Такъ точно и при дробяхъ, смотря по отношенію множителя и множимаго, и дѣлимаго и дѣлителя, избирается 1-й или 2-й случай. И ученикъ долженъ владѣть искусствомъ выбирать тотъ или другой случай и обращаться съ тѣмъ и съ другимъ.

Самое же дѣленіе, т.-е. разложеніе числа на части, есть одинъ изъ пріемовъ совершать дѣйствіе отысканія множителя, изображаемое знакомъ (:) и неточно называемое дѣленіемъ.

Обыкновенно, при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ, дѣленіемъ на части совершенно замѣняютъ дѣйствіе (:) отысканія другого множителя—когда данъ одинъ, и тѣмъ, правда, облегчаютъ пониманіе дѣленія цѣлыхъ чиселъ, но совершенно уже лишаютъ

ученика возможности понять сущность дѣйствія дѣленія при дробныхъ числахъ.

Совѣтую не торопясь упражнять ученика всегда вмѣстѣ въ умноженіи и въ обратномъ дѣленіи небольшихъ чиселъ, называя множителя пятками, дюжинами, семериками,—хоть бы даже и восемнадцатериками и двадцатиоднориками.

Предоставляйте ученику при умноженіи выбирать, какого множителя онъ хочетъ повторять. И заставляйте потомъ повторять другого множителя Упражненія эти полезны для пріученія ученика къ быстрому счету.

Предоставляйте ученику точно такъ же при дѣленіи избирать пріемъ вычитанія или разложенія на части. И заставляйте повѣрять одинъ другимъ.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія дѣйствія умноженія и дѣленія посредствомъ удвоенія множителя и дѣлителя.

Изученіе таблицы умноженія я считаю нетолько безполезнымъ,—такъ какъ при частомъ упражненіи ученикъ скоро составляетъ себѣ каждый свою таблицу,—но даже вреднымъ, потому что знаніе наизусть произведенія затемняетъ ходъ вычисленія.

При умноженіи показанъ пріемъ удвоенія лишній разъ и потомъ вычитаніе лишняго раза. Такой же обратный примѣръ можно показать и при дѣленіи.

Потомъ покажите ученику пріемъ ускоренія счета посредствомъ повторенія десятками, сотнями, тысячами и т. д.

При помноженіи и дѣленіи многоразрядныхъ чиселъ однихъ на другія не говорите ученику правила о прибавленіи нулей отъ множителя къ произведенію; но всякій разъ заставляйте его соображать, сколько выйдетъ какихъ разрядовъ при повтореніи однимъ числомъ другого. При этомъ заставляйте его называть числа какъ ему удобнѣе: десятками, сотнями, тысячами, и ставить значокъ на томъ разрядѣ, который онъ называетъ.

При такомъ пріемѣ умноженіе многоразрядныхъ чиселъ дѣлается легко.

Положимъ, дано помножить:

$$376539 \times 7815.$$

Ученикъ говоритъ: триста тысячъ разъ семь *чего-то* будетъ = два милліона сто тысячъ *чего-то*. Чего было 7? Тысячъ. Стало быть, два милліона сто тысячъ тысячъ 2.100.000.000.

При этомъ пріемѣ уничтожается одна изъ главныхъ трудностей при обученіи дѣленію, состоящая въ томъ, чтобы знать, *чѣмъ задаваться.*

837655 на 417.

Ученикъ говоритъ: на 417 частей по скольку я положу на часть? По десятку ли, по сотнѣ ли, по тысячѣ ли? Онъ говоритъ: если положу по 10 на часть, достанетъ ли десятковъ? Сколько десятковъ въ дѣлимомъ? 83765 десятковъ. Достанетъ. Достанетъ ли сотенъ? Сотенъ 8376. Достанетъ. Достанетъ ли тысячъ? Тысячъ 837. Достанетъ. Онъ беретъ тысячи на часть. А потомъ уже соображаетъ, сколько тысячъ на часть.

Потомъ покажите ученику обыкновенно принятый пріемъ умноженія и дѣленія и объясните ему выгоду, состоящую въ томъ, чтобы не переписывать два раза числа, которыя приходится складывать. Но въ умноженіи не показывайте ученику пріема пропусканія нулей въ числахъ, происходящихъ отъ умноженія чиселъ высшихъ разрядовъ, и въ дѣленіи не показывайте ученику пріема писанія частнаго безъ нулей, а всегда заставляйте выписывать всѣ нули при умноженіи, и частное заставляйте писать съ нулями и потомъ складывать.

Неясность пониманія дѣйствій умноженія и дѣленія много зависитъ отъ этихъ ускоренныхъ пріемовъ.

Таблица умноженія и ускоренные пріемы придутъ сами собой и незамѣтно.

Задачи № 1 представляютъ измѣненіе неизвѣстнаго. Совѣтую по задачнику или изъ головы выбрать попонятнѣе задачи и самому измѣнять ихъ такимъ образомъ для учениковъ, а потомъ заставлять учениковъ самихъ составлять такія же измѣненія задачъ, начиная съ болѣе легкихъ. Напримѣръ: Отецъ втрое старѣе сына, сыну 13 лѣтъ; скольку отцу?

Составь такую задачу, чтобы узнать, во сколько разъ отецъ старше сына, и т. д.

Задача № 2 составлена на такъ называемыя именованныя числа и на такъ называемое тройное правило.

Совѣтую не заставлять учить ни именованныя числа—какъ особый отдѣлъ, ни тройное правило,—а прямо задавать задачи на именованныя числа и на тройное правило. Именованныя числа трудны только тогда (и безполезны), когда ученикъ при рѣшеніи задачъ въ первый разъ узнаетъ содержаніе мѣръ или вѣса одного съ другимъ; правила только тогда, когда отъ ученика

требуется, чтобы онъ рѣшилъ задачу непремѣнно по указанному примѣру. Объясненіе этой задачи состоитъ въ томъ, что первая задача, точно такая же, составлена на первыя числа, доступныя ученику для умственнаго вычисленія.

При задачахъ № 3 сдѣлано словесное объясненіе вопроса. Совѣтую составлять такого рода задачи и объяснять ученикамъ. Прошу замѣтить, что трудность большей части задачъ въ задачникахъ состоитъ въ дурномъ языкѣ, которымъ изложены вопросы, и что для того, чтобы ясно изложить задачу, надо надъ ней подумать.

Задача о посѣвѣ (IV) поставлена для объясненія цѣлаго ряда задачъ, въ особенности житейскихъ, гдѣ всѣ числа подраздѣляются на два разряда, имѣющіе быть сличены между собой. Кромѣ того, задачи этого рода подготовляютъ къ веденію книгъ, и потому совѣтую преимущественно выбирать изъ задачниковъ и составлять изъ головы задачи такого рода.

Дроби.

Счетъ дробями состоитъ изъ трехъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ есть объясненіе того, что счетъ дробями есть не что другое, какъ продолженный меньше единицы рядъ счисленія, и что счисленія могутъ быть десятичныя и всякія другія. Въ этомъ же отдѣлѣ показаны всѣ дѣйствія съ дробями.

Второй отдѣлъ объясняетъ переведеніе изъ одного счисленія въ другое. Въ этомъ же отдѣлѣ: признаки дѣлимости чиселъ и приведеніе къ одному знаменателю.

Третій отдѣлъ есть рядъ примѣровъ сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія.

Всѣ отдѣлы объясняютъ одинъ другой, и потому необходимо, пройдя всѣ три отдѣла въ томъ порядкѣ, какъ они изложены, возвратиться назадъ и вновь пройти два первые отдѣла.

I ОТДѢЛЪ.

Десятичныя дроби.

Кто понимаетъ, какъ совершаются въ десятичномъ счисленіи переходы изъ разрядовъ въ разряды, какимъ образомъ 100×100 выходитъ 10000, и 200×100=20000, и 10000 : 100=100, тотъ уже знаетъ собственно возвышеніе въ степень и извлеченіе корней; а между прочимъ начинаютъ ариѳметику съ счисленія, и оно всѣмъ понятно.

Рѣдкій ученикъ въ состояніи будетъ объяснить, почему 30000 : 100=300. Но всякій это знаетъ, помнитъ и понимаетъ. На этомъ-то знаніи и пониманіи должно быть основано понятіе о дробяхъ.

Покажите ученику, что сложеніе и вычитаніе десятичныхъ дробей ничѣмъ не отличается отъ сложенія и вычитанія цѣлыхъ чиселъ.

Потомъ покажите ученику какъ можно болѣе примѣровъ того, что въ цѣлыхъ числахъ помноженіе на единицу большаго разряда увеличиваетъ произведеніе въ столько разъ, въ сколько разъ множитель больше единицы (или переводитъ на столько разрядовъ влѣво, насколько множитель стоитъ влѣво отъ единицы, т.-е. на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Когда это ясно ученику, покажите, что, когда помножаешь на единицу разряда, который меньше принимаемаго нами за единицу, то произведеніе уменьшается въ столько разъ, въ сколько разъ множитель меньше единицы (или произведеніе переходитъ на столько разрядовъ вправо, насколько множитель стоитъ вправо, т.-е. переходитъ на то мѣсто, на которомъ стоитъ множитель).

Потомъ покажите, что умноженіе и дѣленіе десятичныхъ дробей ничѣмъ не отличается отъ умноженія и дѣленія простыхъ чиселъ.

Разныя счисленія.

Ясное понятіе о возможности другихъ счисленій, кромѣ десятичнаго, и о томъ, что законы счисленія одни и тѣ же, какое бы ни было счисленіе,—весьма полезно.

И потому пройдите нѣсколько упражненій сложенія и вычитанія въ различныхъ счисленіяхъ цѣлыми числами.

При счисленіи 11-чномъ надо помнить, что для 10 нуженъ особый знакъ *, умѣщающійся на одномъ мѣстѣ.

Умноженіе и дѣленіе въ различныхъ счисленіяхъ для ученика слишкомъ было бы затруднительно, и потому опущено.

Какъ только счисленіе не-десятичное съ цѣлыми числами ясно, то покажите, что въ различныхъ счисленіяхъ можно считать и меньше единицы, т.-е. вправо, и пройдите упражненія въ сложеніи, вычитаніи и умноженіи дробей (по одному разряду), изображая ихъ какъ десятичныя дроби, $\overbrace{0,3}^{5}+\overbrace{0,4}^{5}$, и т. п.

II ОТДѢЛЪ.

Переименованіе дробей.

Переименованіе дробей есть умноженіе и дѣленіе дроби на единицу извѣстнаго счисленія. И потому переименованіе должно бы было слѣдовать за умноженіемъ.

Въ сущности же не только умноженіе, но и сложеніе нельзя объяснять безъ переименованія; поэтому, пройдя переименованіе дробей, какъ оно изложено, и прибавивъ отъ себя примѣры, возвратитесь послѣ умноженія и дѣленія къ переименованію и объясните его, какъ умноженіе и дѣленіе на единицу извѣстнаго счисленія.

На этотъ отдѣлъ вообще обратите большее вниманіе, такъ какъ въ сущности вся особенность счета дробями состоитъ только въ необходимости переименованія.

Приведеніе къ одному знаменателю. Лучшій примѣръ для объясненія того, какимъ образомъ дѣлается приведеніе къ одному знаменателю, дадутъ двѣ палки,—одна, напримѣръ, въ 6 вершковъ, а другая въ 8,—которыя кладутся рядомъ по одному направленію нѣсколько разъ, пока концы обѣихъ палокъ сравняются. Или двѣ бумажки, которыя перегибаются концами одна на другую, пока концы сойдутся.

Способъ приведенія къ одному знаменателю посредствомъ большаго и меньшаго приближенія включаетъ въ себѣ всѣ способы: и перемноженіе чиселъ одного на другое, и дѣленіе на множителей, — имѣя передъ всѣми преимущество ясности того, что совершается съ числами.

Способъ перемноженія другъ на друга я не указываю и не совѣтую указывать, такъ какъ это одно ихъ тѣхъ открытій, которыя долженъ сдѣлать самъ ученикъ.

Разложеніе на производителей я не указываю потому, что это способъ алгебраическій и слишкомъ сложный; но не считаю его безполезнымъ для понятливаго ученика.

Способъ же дѣленія одного числа на другое я не включилъ потому, что объясненіе этого пріема такъ трудно и противно обычнымъ пріемамъ мысли, что ученики почти никогда не понимаютъ его, а всегда только заучиваютъ на память.

III ОТДѢЛЪ.

Назначеніе этого отдѣла состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ, *всегда* имѣющій изъ жизни уже ясное понятіе о дробяхъ въ малыхъ числахъ (какъ $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$), соединилъ бы это житейское пониманіе дробей съ тѣми объясненіями, которыя даются ему при ученіи. Кромѣ того, этотъ отдѣлъ ознакомляетъ ученика съ различными особенностями, встрѣчающимися при дѣйствіяхъ съ дробями, объясняя ихъ на малыхъ величинахъ.

Отъ учителя и отъ способности того ученика, съ которымъ учитель имѣетъ дѣло, будетъ зависѣть, пропустить ли часть упражненія этого отдѣла, или прибавить къ нимъ новыя упражненія.

Выраженіе при умноженіи $5 \times {}^3/_4$ — *взять три четверти пяти*, я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при умноженіи цѣлыхъ чиселъ — *взять три пятка.*

Выраженіе при дѣленіи: 5 есть $^3/_4$ чего? я совѣтую пояснить примѣромъ выраженія при дѣленіи цѣлыхъ чиселъ: 15 есть 3 чего?

Выраженія же эти при задачахъ почти всегда прямо выражаютъ вопросъ.

У него было $^3/_4$ 24-хъ рублей. Сколько у него было денегъ? 24 помножить на $^3/_4$ — не выражаетъ вопроса, а взять $^3/_4$ 24 прямо выражаетъ вопросъ и изображается такъ.

$$24 \times \frac{3}{4}$$

У него было $^3/_4$ всѣхъ денегъ 24 рубля. Сколько всѣхъ? 24 раздѣлить на $^3/_4$ — не выражаетъ вопроса; а 24 есть $^3/_4$ чего? — прямо выражаетъ вопросъ.

Случаи умноженія и дѣленія дробей на цѣлыя числа или на дроби не требуютъ никакого особаго разъясненія.

Если нужно помножить или раздѣлить $^3/_4$ на какое-нибудь число, то знаменатель множимаго или дѣлимаго не имѣетъ никакого значенія при дѣйствіи, которое совершается надъ числомъ: знаменателя надо только помнить. Дѣйствіе же происходитъ всегда надъ числителемъ.

$^3/_4 \times 2$ будетъ 6 четвертей, $^3/_4 : 2$ будетъ $^3/_8$ — не отъ того, что что-нибудь сдѣлано съ знаменателемъ, а потому что 3 неудобно дѣлить и мы передѣлываемъ $^3/_4$ въ $^6/_8$.

Первыя три задачи составлены такъ, что неизвѣстное измѣняется. Давши другую подобную задачу, заставьте ученика

перестановлять неизвѣстное. Послѣдующія двѣ задачи составлены такъ, что 1-я задача съ малыми числами объясняетъ 2-ю.

Всякій разъ, когда ученикъ затрудняется въ рѣшеніи задачи, задайте ему точно такую же съ самыми малыми числами.

3-я задача есть образецъ постановленія вопроса.

Пройдя эти 4 части ариѳметики и не упоминая объ именованныхъ числахъ, ни объ отношеніяхъ и пропорціяхъ, ни о тройныхъ, смѣшанныхъ и другихъ правилахъ, учитель можетъ смѣло открыть всякій задачникъ, и всякую задачу ученикъ рѣшитъ, если она изложена простымъ русскимъ языкомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

3 2000 011 308 923

THE BOUND TO PLEASE
Heckman Bindery INC.
SEPT .67
N. MANCHESTER,
INDIANA